Т. Н. ПОПОВА

Жизнеописание учёного-историка на перекрестке историографических традиций

Теория
Методология
Практика

Т. Н. ПОПОВА

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ УЧЕНОГО-ИСТОРИКА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Теория
Методология
Практика

Одесса
2017

УДК 930.2(477)«18»
ББК 63.1(4УКР)5–2
П 58

Рецензенты

С.В. Кульчицкий – доктор исторических наук, профессор
(Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины)

И.И. Колесник – доктор исторических наук, профессор
(Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины)

А.В. Ясь – доктор исторических наук, профессор
(Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины)

Попова Татьяна Николаевна

П 58 Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика / Т.Н. Попова. – Одесса: Бондаренко М.А., 2017. – 456 с.

ISBN 978-617-7424-50-4

В книге Т.Н. Поповой, профессора Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, рассмотрен широкий круг проблем теории, методологии и практики биографических исследований. Проанализированы интеллектуальные стратегии, заявленные в различных сферах социогуманитаристики и представляющие интерес для обновления биоисториографии (истории жизни и творчества историков) – раздела дисциплины историографии и одной из ветвей современного биографизма. Поставлен вопрос о симбиозе традиций в области категориального аппарата и исследовательского инструментария евроатлантического и восточноевропейского научных миров. Галерея портретов представителей ученого цеха историков Новороссийского университета (1865-1920) отражает авторский подход к интерпретации их личности и творческого наследия.

УДК 930.2(477)«18»
ББК 63.1(4УКР)5–2

Книга рассчитана в первую очередь на специалистов-историографов, а также на всех, кто интересуется проблемами биографического жанра и историей Одесского (Новороссийского) университета.

ISBN 978-617-7424-50-4

© Т. Н. Попова, 2017

Содержание

Ремарки предваряющие *5*

Часть первая.
Биоисториописание в контексте интеллектуальных стратегий *9*

Теория. Концепты и традиции *11*

Методология. Типология и Био-модели *27*

Nota bene

Из истории *53*

Из современности (штрих) *59*

Из классики *60*

О статусе *66*

О «двуединстве» *71*

О междисциплинарности *79*

Сюжет первый: О сценаризации *81*

Сюжет второй: Об авторе и «герое» *91*

Экскурс. Об образах и моделях *99*

Сюжет третий: О тезаурусном подходе *110*

О категориях *114*

Объект / предмет *115*

Био-метод / био-подход *116*

Био-факт / био-источник *122*

Заключительные штрихи *132*

Часть вторая.
Из истории Одесского (Новороссийского) университета *135*

I. Биоисториографические этюды *135*

Александр Густавович Брикнер: у истоков дисциплинарности *137*

Алексей Иванович Маркевич: личность и творчество *157*

Евгений Николаевич Щепкин: жизнь как taxima *180*

Евгений Парфентьевич Трифильев: рядовой исторической науки *197*

Владимир Эдуардович Крусман: историк «второго плана» *222*

Антоний Васильевич Флоровский: европеец поневоле *254*

Приближение к Бицилли *276*

Часть первая.
Бициллиеведение: историографический контур *277*

Часть вторая.
Персональная история П.М. Бицилли: проблемы изучения *328*

Часть третья.
Фрагменты персональной истории *337*

О достоверности эго-документов *337*

К истории студенческой поры *337*

К истории репатриации *342*

П.М. Бицилли в контексте схоларности *350*

«Исход» *367*

Образ историографии в творчестве П.М. Бицилли *375*

Эстетическая составляющая историописания: наука vs искусство *391*

Вместе заключения: О перспективах 407

II. Дисциплинарное сообщество русистов:
Кафедральная корпорация (абрис) *410*

Научная дисциплина и научное сообщество *410*

Дисциплинаризация русской истории (контур) *415*

О подходах к изучению дисциплинарных сообществ *417*

Кафедральная корпорация русистов *421*

Resume *428*

Ремарки заключающие *431*

Именной указатель *433*

Summary *453*

Ремарки предваряющие

...у каждого смысла будет
свой праздник возрождения.

М.М. Бахтин

Человек всегда интересен Человеку: *Другой* как «чужой», *Другой* как «свой», *Другой* как «Я».

Несмотря на периодический «кризис жанра» и попытки маргинализировать «рассказ о Человеке», биоисториописание продолжает занимать существенную нишу в исторической науке и многочисленных сферах социогуманитаристики.

Современный *биографизм*[1] – явление многослойное, многожанровое, политеоретическое, многоликое и дискуссионное. Вырвавшись в последние десятилетия на передовые рубежи научного творчества, биография претерпела различные модификации сообразно тем трансформациям научного пространства, которые и поныне сотрясают мир науки. Среди них: формирование новой модели науки; нарушение демаркации между наукой и *не*научными сферами познавательного процесса; преобразование дисциплинарного поля; столкновение и взаимопроникновение исследовательских традиций евроатлантического и восточноевропейского научных ареалов; переключение «дисциплинарного типа» мышления на «рефлексивный», «монодисциплинарного» – на «меж/трансдисциплинарный»; акцент на «человеческое измерение» во всех сферах постижения бытия. Все эти и многие иные черты, свойственные сегодня Храму Науки, пронизывают силовыми линиями и науку историческую, и ее рефлексивную ветвь – историографию.

Не пытаясь охватить даже малую толику ипостасей современного биографизма, хотелось бы выделить его научный образ – *научное биоисториописание*, актуализировав одну из его составляющих – ***биоисториографию*** – самобытную сферу историографических и биографических исследований.

Биоисториография обретает узнаваемость как относительно автономное поле историографических исследований приблизительно с 70-80-х гг. XX века. В лексиконе советских историографов этот термин стал покрывать проблемы изучения истории жизни и творчества историков. И хотя эта линия, возникшая

[1] *Биографизм* в современной литературе чаще всего определяют как описательно-аналитический метод сбора и презентации информации о конкретной личности, как теоретико-методологическое основание современных гуманитарных исследований; в этом плане данное понятие выступает аналогом *биографического метода / подхода*. Не отрицая этих смыслов, *биографизм* в данном контексте приобретает иное звучание – *научное биоисториописание*.

на пересечении историко-научного знания и древнейшего биографического жанра, зародилась достаточно давно, только по прошествию более чем полутораста лет она приблизилась к институциональнальной определенности.

Получив собственное имя и значительно расширив свой исследовательский ареал, *биоисториография*, как и вся советская наука в период «отречений», подверглась остракизму. Новая эпоха являла собой многоцветье научной палитры. Обрушившиеся ураганом западные новации привнесли действительно интересные идеи и новую, непривычно притягательную лексику. Постаравшись освободиться от бремени традиционного наследства, историки с упоением воспринимали новые имена и слова, погружаясь в омут когнитивно-привлекательных дискурсов. Биографические тексты запестрели формулами – «интеллектуальная биография», «персональная история», «экзистенциальная биография», «контекстуальная биография», «модальная биография» и т.п.

Сегодня в Украине историческая наука переживает настоящую «революцию понятий»: новые знания создают новые идеи-концепты и одновременно происходит реактуализация известных понятий, ресемантизация старых – наполнение их новыми смыслами[1].

Биоисториография – из «старых» понятий, сохранивших свое присутствие в научном поле украинской историографии и в то же время подвергающихся постоянным попыткам вытеснения и подмены иными наименованиями. Причина, разумеется, не столько в названии – в советской практике биоисториописания этим термином преимущественно оперировали профессиональные историографы, – но в сохранении в значительной степени генетического кода прежних, отнюдь не лучших, шаблонов в профессиональном сознании сегодняшних авторов биографических работ. Реактуализация и ресемантизация *биоисториографии,* наполнение этого термина новыми смыслами (при сохранении позитивных смыслов прежних эпох) – задача, которую стоит решать в процессе «непрекращающегося диалога»[2] и полилога между всеми плодотворными идеями, которые откроют новые перспективы для этой ветви современного биографизма.

* * *

Эта книга состоит из двух частей. В первой – акцент сделан на проблемы обновления *биоисториографии*, выявление эвристических возможностей, от-

[1] См.: *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія / Інститут історії України Національної Академії наук України. Київ, 2013. С.5.

[2] См.: *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии / Г. Иггерс, Э. Ван (при участии Суприн Мукерджи); пер. с англ. О. Воробьевой. Науч. ред. Марина Кукарцева. М., 2012. С.38.

крывающихся «в точках пересечения разных исследовательских перспектив»[1], что не означает нигилистического восприятия всего ранее накопленного опыта биоисториописания. Напротив, *идея симбиоза* традиционных форм и радикально-революционных подходов из необъятного полидисциплинарного поля, из «восточных» и «западных» научных миров, рождающаяся на перекрестке всех этих переплетений, – главный ориентир для обновленческого процесса *биоисториографии*. В связи с этим формула «историографические традиции»[2], заявленная в названии книги, дополняется более широким содержанием – интеллектуальные стратегии.

Вторая часть книги посвящена представителям ученого цеха историков Новороссийского университета (1865-1920): портретам индивидуальным и корпоративному. Индивидуальные портреты представлены в форме *биоисториографических этюдов* – одной из небольших по объему биоисториографических форм, содержание которых не нацелено ни на персональную историю ученого, ни на его интеллектуальную биографию, ни на создание его биографического мира. Задача этюда – создать *образ историка*, используя определенный контекст, различные композиционные варианты био-материала, применяя конкретный биографический ключ.

Для А.Г. Брикнера – это проблемы дисциплинаризации историографии и источниковедения и его роль в этом процессе; для А.И. Маркевича – его судьба и личностные качества, спроецированные в его творчество; для Е.Н. Щепкина – его «интеллигентский максимализм» и «двуликость» жизнедеятельности как представителя университетской науки и общественного трибуна; для Е.П. Трифильева – добросовестный труд университетского преподавателя; для В.Э. Крусмана – подвижничество ученого, ведомого глобальной идеей; для А.В. Флоровского – сохранение традиций отечественной университетской науки в эмиграции; для П.М.Бицилли – сотворение собственного уникального мира вопреки судьбе.

Каждый из этюдов, исходя из его био-идеи, основан на конкретном био-подходе: проблемно-ориентированном (А.Г. Брикнер, А.И. Маркевич, Е.Н. Щепкин, А.В. Флоровский), проблемно-диахроническом (Е.П. Трифильев, В.Э. Крусман), мозаично-фрагментарном (П.М. Бицилли). В последнем случае – каждый из фрагментов – определенная грань, в той или иной степени освещающая неисчерпаемый многогранник личности ученого и его жизни. Различные варианты применения биографических элементов нацелены на кон-

[1] *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.7.

[2] Понятие *историографическая традиция* трактуют как совокупность представлений, точек зрения на различные исторические явления, процессы и проч., которые сформировались у специалистов-историков в результате их исследовательской работы. См.: *Підгаєцький В.В.* Основи теорії та методології джерелознавства з історії України XX століття. Дніпропетровськ, 2001. С.59.

кретное выражение *образности* – авторского «прочтения» индивидуальных судеб и творческого наследия.

Портрет кафедральной корпорации – дисциплинарного сообщества русистов в границах кафедры русской истории историко-филологического факультета Новороссийского университета – имеет в большей степени проблемно-постановочный характер и представлен как абрис.

* * *

Может быть, какие-то сентенции и положения, сформулированные автором, скептически настроенный Читатель сочтет слишком категоричными или излишне назидательными, – не обессудьте, эта книга – выражение искреннего желания поделиться накопленным за сорок с лишним лет университетской службы опытом.

Надеюсь, что моя книга будет полезной тем, кто захочет ее прочесть и, возможно, пойти далее по намеченной траектории исследовательского поиска.

* * *

Эта книга состоялась благодаря финансовой поддержке ***Владимира Владимировича Левчука***, выпускника исторического факультета Одесского государственного университета имени И.И.Мечникова (1981), ныне – главы Овидиопольской районной государственной администрации Одесской области, которому автор выражает свою глубокую признательность.

* * *

Особая благодарность моему мужу – ***Сергею Владимировичу Попову*** – за терпение, понимание и полезные советы.

Часть первая

Биоисториописание в контексте интеллектуальных стратегий

...идеи, основываясь прежде всего одна на другой,
приобретают смысл только в совокупности.

Иммануил Валлерстайн

Научное движение характеризуется постоянно возникающими интеллектуальными *вызовами*. За последние десятилетия социогуманитаристика пережила различные «вызовы» («повороты») – «социальный», «антропологический», «лингвистический», «культурный», «эстетический», «мемориальный», «визуальный», «материальный», «прагматический», «пространственный», «эмоциональный» и т.п.[1] Каждый из них – поиск нового ориентира в оптимизации познавательного процесса, некий эпистемологически инструментальный идеал, на котором концентрируется исследовательский интерес ученых. Все нарастающая скорость появления этих «поворотов», к которым профессиональное сообщество не успевает адаптироваться, напоминает «безумие недовоплощенности»[2] – трагическое осознание нереализуемости имманентного стремления к полноте постижения прошлого и себя в нем.

Среди этих «поворотов» – перманентно возрождающийся – *биографический*[3]. Ренессанс биографизма, наблюдаемый в наше время, обусловлен приоритетной тенденцией в развитии современной историографии, *фокус* которой

[1] Если на протяжении XX века три рубежных вектора были связаны с появлением «новой истории», то за последнюю треть XX в. «новые истории» появлялись каждые пять лет. См.: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.408. С 2000-х гг. этот процесс приобрел новое ускорение.

[2] *Беленький И.Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С.48.

[3] *Биографический поворот*, или *эскалация биографизма*. См., например: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.307; The turn to biographical methods in social science: Comparative issues and examples. The comparative issues and examples / Ed. by P. Chamberlayne, J. Bornat, T. Wengraf. London: Routledge, 2000; *Пезин А.* Жизнь Автора // Художественный журнал / Mosco Art Magazine. 2002. № 45; Биография глазами биографа (По материалам круглого стола) // Вопросы литературы. 2008. № 6; *Голубович И.В.* П.М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Curriculum Vitae. Вып.2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса, 2010; *Менжулин В.* Биография философа: изучать нельзя не изучать // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / Ред.-сост. Ю.П. Зарецкий, В.П. Лихачев, А.Ю. Зарецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2013 и др.

направлен на «человеческую индивидуальность» [1].

Биографический жанр сегодня – целый мир с причудливыми именами направлений биописания, многообразными подходами и теоретическими платформами, в которых не так просто разобраться. «Новое» и «старое», традиционное и инновационное, внутри- и меж-дисциплинарное, переплетаясь и взаимодействуя, рождают формы, эвристический потенциал которых еще предстоит освоить и осмыслить. В этот период пересмотра интерпретационных моделей, применяемых к социокультурным сферам жизни, сегодняшнее увлечение историков биографическим жанром заставляет задуматься над проблемами соотношения традиций, поиска новых теоретических концептов, методологических подходов и их плодотворного синтеза.

[1] *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.556.

Теория
Концепты и традиции

Адам только тогда стал властелином мира,
доверенного ему богом, когда каждую вещь
обозначил особым названием.

Ян Парандовский

Столкновение научных традиций евроатлантического и восточноевропейского научных полей способствовало тому, что с конце 1980-х и практически на протяжении 1990-х гг. на волне гиперкритики собственного наследия многие представители «ученого цеха» увлеченно заимствовали «западные» нововведения, подчас сугубо декларативно, не вполне постигнув их реальные когнитивные возможности, и одновременно подсознательно сохраняли исследовательские клише, впитанные на генетическом уровне.

«*Вестернизация науки*» – знаковая тенденция последних десятилетий, закономерно обусловленная многолетним дозированием опыта «западной» историографии, привела к определенному забвению отечественной практики. Между тем анализ собственного опыта историописания и вклада отечественной науки в мировой мейнстрим, определение «общего достояния» различных региональных ветвей мировой науки для преодоления синдромов «противостояния», «ассимиляции», «провинциальности», «научной фанаберии» и проч., решение проблем культурного и научного трансфера в диапазоне не только «запад-восток», но и «восток-запад», отказ, с одной стороны, от статуса «сырьевой державы» на рынке мировой историографии, с другой – от позиции «рецепциониста», собирающего «интеллектуальные продукты» из устаревших «импортных деталей»[1], предотвращение «донорства», когда идеи и подходы отечественных ученых, изложенные на национальных языках, используются в иностранной историографии без указания на источник[2], исследование истории дисциплинарных сообществ, дисциплинарной истории в целом как в границах национальной науки, так и в контексте транс-национальности и т.п. – выступают сегодня на первый план для определения стратегий развития социогуманитарной сферы науки в Украине и ее самооценки как полноправного партнера в создании «общего рынка» научного знания [3].

---

[1] См.: Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши / пер. с польск. Н. Кузнецова; отв. ред. Е. Аксер, И.М. Савельева. М., 2010. С.6, 134.

[2] См.: *Карпов С.П.* Некоторые размышления о состоянии исторической науки и образования // В едином историческом пространстве: Сб. научных статей. М., 2009. С.71.

[3] См.: *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории: Сб. переводов. М., 1977. С.116.

В этом контексте изучение историографического процесса в его глобальности, анализ взаимодействия и трансформации западных и «незападных» историографических традиций, исследование историографического целого человечества как единства многообразия приобретает особое звучание. Историографическая компаративистика выступает как методологический ориентир для осмысления различных ветвей единого процесса историописания и его дисциплинарно-организационных форм. При этом правомерен акцент на гетерогенность западного научного поля, дифференциацию западных влияний и их рецепцию в конкретных регионах столь же гетерогенного восточного научного поля[1].

Биоисториописание также подчинено единым линиям глобального процесса. Одновременно каждой культурно-исторической эпохе, «логосу» каждой национальной культуры соответствует свой «дискурс биографического сознания», своя типология биографических текстов[2]. Эта специфика находит свое выражение в самобытном развитии определенных областей знания, проблемное поле которых имеет аналогичный по содержанию абрис, но разные самоназвания и структурацию в системе «биографического письма».

«Прорыв» в эпистемологии так или иначе проявляет себя в гипертрофии вводимого в исследовательскую практику очередного *концепта*, который чаще всего связывают с конкретной – *новой* – методологией. Эта неизбежная увлеченность найденной «точкой опоры» обычно приводит к очередной форме редукционизма[3]. Вместе с тем любое нововведение в методологической сфере расширяет пространство исторической рефлексии, и поэтому критический подход к каждому новому направлению должен строиться на основе поиска его методологической продуктивности и определения границ его возможностей, за которыми начинается «чужая территория»[4] .

Категориальный аппарат современных биографических исследований представляет собой конгломерат терминов. Столкновение и взаимопроникновение научно-лексических нормативов, мода на слова способствуют тому, что в одном исследовании применяются понятия «из разных миров» без достаточного обоснования их совместимости. Конечно, это скорее «болезнь роста». Однако как развести понятия: *биографизм, персоналистика, персонология, персонологический принцип, персонологический подход, биографический жанр, биографический под-*

---

[1] См.: *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии / пер. с англ. О.Воробьевой. Науч. ред. Марина Кукарцева. М., 2012. С. 23.

[2] *Беленький И.Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П.Репиной. М., 2005. С.38.

[3] К примеру деструктуралисты («новые интеллектуальные историки»), отвергая старые формы социального детерминизма, утвердили по сути лингводетерминизм: дискурс оказался сферой подчинения и обусловленности «языком», внеположным автору.

[4] *Баткин Л.М.* Полемические заметки // Одиссей: Человек в истории / РАН. Ин-т всеобщ. истории. 1995: Представления о власти / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1995. С.208-210.

ход, биографический метод, биографоведение, биографика, историческая биография, биографистика, методы биографического письма, биографические исследования, частная биография, публичная биография, внутренняя биография, духовная биография, внешняя биография, карьерная биография, профессиональная биография, научная биография, интеллектуальная биография, история персоны, персональная история, биографическая история, индивидуальная история, биограмма, биографический нарратив, биографический мир, персональная модель и проч. и проч.? И как «соединить» их в едином категориальном поле современного биографизма? Для этого потребуется не одно исследование из сферы биографистики[1], и дело даже не трудоемкости подобной работы. Составить универсальный глоссарий [2] вряд ли возможно и вряд ли нужно, ибо возвращаться в монометодологизм – бесперспективное занятие. Но в границах конкретного (персонального) биографического исследования при создании собственной «биографической модели» от автора-биографа требуется, безусловно, «лексическая четкость» и понимание соотнесения понятий с определенными традициями, даже если в итоге автор «сломает» демаркационные линии между ними.

Создание нового синтетического категориального аппарата биографических исследований ориентирует на осознание исходных лексических форм, на корректное использование разнообразной терминологии в едином поле «жизнеописания», на оптимизацию биографорефлексии.

* * *

Ремарка-анонс. Культура «языкового поведения» историка напрямую связана с прояснением понятий, терминов и категорий, которыми он оперирует, поскольку историческое понятие, историографический концепт или теоретическая категория предстают не в качестве языковых единиц, но в качестве определенной модели организации и изучения фактов, событий и явлений[3]. Для И.И. Колесник *концептуальная история* (история понятий)

[1] Термин получил распространение в научном сообществе советских историков 1970-1980-х годов.

[2] Одна из оригинальных попыток предпринята С.М. Ляшко. См.: «Додаток 1. Словник термінів біографістики і довідкової біографістики» // *Ляшко С.М.* Українські біографічні довідкові видання XIX-XX століття: історичні та теоретико-методичні засади. Запоріжжя, 2010. С.267-277. Учитывая достаточно длительную традицию в развитии *справочной биографистики* [См., например: *Ляшко С.М.* Біографічна довідкова справа в Україні (60-ті рр. XIX – 40-ві рр. XX ст.): нариси історії. Запоріжжя, 2006; *Рикун И.Э.* Создание биобиблиографических указателей и справочников. Информационные ресурсы и методы поиска. Методическое пособие. Издание второе, исправленное и дополненное. Одесса, 2011 и др.] и не оспаривая важности справочных изданий (напротив!), сделаю акцент на то, что предложенный терминологический словарь, безусловно, полезный как нормативный образец для ориентации в сфере биографо-исследовательских коммуникаций, не должен способствовать утверждению канонических форм и догматизированных дефиниций, его роль - исходного пункта в поисках разнообразных подходов для смыслонасыщения категориального аппарата. Это касается и нормативов создания различных видов биографических работ.

[3] *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія / Інститут історії України НАН України. Київ, 2013. С.27.

выступает «в условиях доминирования лингвистического сознания» как *новая методология изучения теории и истории исторической науки*, т.е. *историографии*, которая является ядром исторической науки, ее рефлексивной составляющей, формой самосознания науки. Содержание методологии концептуальной истории – *концептуализм*, суть которого в использовании концептов в историческом и лингвистическом контекстах. Именно концептуальная история как современная лингвистическая методология формирует «языковое поведение» историка, обязанного осознавать «конвенциональный характер понятий и категорий, которыми оперирует»: в каждом конкретном случае ученый-историк должен разъяснять содержание и значение понятий, используемых в определенных контекстах в исследовательских практиках, поскольку новые знания порождают новые слова, термины и понятия[1]. Поистине энциклопедия «терминосистемы историографии» (понятийного апарата), созданная И.И. Колесник, лишена ригористичности и дидактичности, т.к. не является «самоцелью», но выступает как способ сотворения качественного интеллектуального продукта[2].

В мировой историографической практике (преимущественно – в «западной») существует достаточно давняя традиция, согласно которой новое теоретико-методологическое движение в границах определенного исследовательского/дисциплинарного поля получает собственное обозначение, свидетельствующее о стремлении радикально отделиться от «старых» подходов, имеющих также свое, закрепленное временем, самонаименование. Обычно новое название предстает в виде прежнего термина с добавлением транс-временного эпитета – «новая»: *новая историческая наука, новая социальная история, новая интеллектуальная история, новая биографическая история, новая биографика* и т.п.[3] В основе второй традиции, которую также предоставляет историографическая практика, – факт заимствования терминологии, покрывающей новый методологический ключ, из *иных* научных пространств. Наряду с этими вариантами существует и третий, который исходит из сохранения традиционного дисциплинарного/исследовательского статуса с привычным самонаименованием, при этом содержание дисциплины/исследовательского поля изменяется за счет появления новых проблемных полей, инструментально-операциональных подходов, эпистемологических и категориальных образцов и проч., что приводит к укреплению дисциплинарного/исследовательского статуса. Во всех вариантах «дисциплинарно-исследовательского обновления» появляются новые «сегменты знания», требующие своих наименований, – в результате происходит обновление научной лексики.

[1] Там же. С.25-26, 24, 535.

[2] Там же. С.32.

[3] В этой традиции часто проявляется стремление представить предыдущую «дисциплинарную стадиальность» / исследовательское поле в редуцированном образе, позволяющим рассматривать новую стадиальность как нечто оппозиционно-инновационное.

Экскурс. О концептах-моделях

В классификации биографических моделей, предложенной И.И. Колесник, самоназвания ориентируют на конкретные исследовательские подходы[1].

Биоисториография – традиционная модель, нацеленная на изучение творческой биографии историка в контексте состояния науки. Жанровое многообразие биоисториографических исследований предполагает освещение биографии ученого-историка: под углом зрения социокультурной жизни; сквозь историю различных научных учреждений, отдельных областей знания; в аспекте схоларной тематики; в ракурсе различных сторон деятельности ученого (педагог, организатор науки, археограф, публицист, общественный деятель и проч.); с позиций определенной идеологии; в контексте изучения конкретных исторических проблем; в виде «двухчленной схемы» творческой биографии: «история жизни и научной деятельности». В целом, «биоисториография», считает И.И.Колесник, модель «сциентистская» по природе, аккумулирующая позитивистские ценности, для нее характерны «шаблонность мышления» и отсутствие «рефлексии в отношении самого биографического метода»[2].

Вторую модель И.И. Колесник определяет концептом *интеллектуальная биография*, который входит в обиход украинских историков с 1990-х гг. и соответствует направлению «новой биографической истории». Содержание интеллектуальной биографии шире нежели содержание биоисториографии, поскольку включает биографию интеллектуала-ученого, философа, экономиста и т.п. Среди схем интеллектуальной биографии И.И. Колесник выделяет схемы Дж. Леви, Д. Уокера, Л.П. Репиной[3]. По Колесник, интеллектуальную биографию можно интерпретировать как биографию интеллектуала в сети социокультурных связей. Такая модель предполагает наличие ряда составляющих: ментальную биографию личности; биографию окружения; профессиональную (карьерную) биографию; биографию эпохи; литературную биографию (рецепция творчества ученого) и проч. Интеллектуальная биография предстает не как линейная – хронология событий, но как культурное пространство, в котором индивидуум перемещается

[1] «Новая биографическая история» рассматривается И.И. Колесник как *биографический метод* изучения личности в системе социокультурных коммуникаций: три модели, составляющие «НБИ», с разной мерой репрезентативности функционируют в поле современной украинской историографии. См.: *Колесник І.* Передмова. «Нова біографічна історія» як метод // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Інститут історії України НАН України. Київ, 2014/2015. Вип. 8. С.7-12.

[2] Там же. С.8.

[3] См.: *Леви Дж.* Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С.191-206; *Нейман А.М.* Биография в истории экономической мысли: опыт интеллектуальной биографии Дж.М.Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П.Репиной. М., 2005. С.332-333; *Репина Л.П.* Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2002. Вып. 8. С.5-11.

между разными социальными сферами; она отражает состояние науки и место в ней ученого. Проблему применения концепта «интеллектуальная биография» И.И. Колесник усматривает в выборе и обосновании *составляющих* модели: их набор определяется целью и инструментарием конкретного исследования.

Третья модель – из новейших – связана с перспективной стратегией современного биографического исследования – нарративной психологией, базовый принцип которой: *жизнь – это нарратив* [1]. В таком ракурсе жизнь человека представляет собой нарративную структуру – life writing, превращаясь в рассказ, предполагающий несколько нарративных процедур: 1/ выбор событий, эпизодов жизни; 2/ установление между ними связи; 3/ характеристика коммуникаций, межличностного окружения вокруг основного персонажа. Сам нарратив создает связь между человеком и его окружением, социокультурным контекстом эпохи, в границах которой человек проживает свою жизнь. Опираясь на идеи Э. Гуссерля, П. Рикера, М. Кроссли, И.И. Колесник рассматривает типы биографических нарративов. Первый блок связан с пониманием времени: 1) пассивное восприятие предполагает целостность времени в его трех модусах: прошлое-современность-будущее (Э. Гуссерль); 2) жизнь как хроника, ход событий; 3) жизнь как целостность жизненного сценария, включающего завязку, кульминацию и развязку (П. Рикер). Второй блок – конструируется в процессе нарративного диалога: человек в своем восприятии создает собственную историю жизни через т.н. реперные точки – события, окружение, места, предметы и проч., но, рассказывая свою историю, вступает в определенный нарративный диалог с читателем. Третий блок – личностный и профессиональный нарративы. Личностный нарратив – акт индивидуального представления, содержание которого в интеграции воспоминаний, оценок текущего и планов на будущее со своим сценарием, соответствующим специфике личности. Профессиональный нарратив включает нарратив автора-героя и нарратив его исследователя: в нем история жизни героя освещается иначе, нежели в самоописании героя, – биографические факты переосмысливаются и переоцениваются под углом зрения исследователя, создающего собственную версию жизнеописания своего героя. Именно через такой нарративный диалог осуществляется трансформация истории жизни личности (М. Кроссли).

* * *

Приблизительно с середины первого десятилетия нового тысячелетия первоначальное болезненное столкновение, казалось бы, диаметрально противоположных научных традиций – разного уровня и характера – стало уступать место попыткам создания их своеобразного симбиоза в границах *отечественного* научного пространства, что определило новое качество современной

[1] См.: *Колесник І.* Передмова. «Нова біографічна історія» як метод // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Інститут історії України НАН України. Київ, 2014/2015. Вип. 8. С.9-11.

историографической ситуации. Однако пересечение (столкновение) научных традиций влечет за собой вариации результативных форм: ассимиляцию, частичное поглощение, совмещение на уровне категориальных смыслов, методологических подходов и проч., складывание новой иерархии и субординации.

Представленная ниже композиция – вариант возможного объединения «новой» и «старой» терминологии в едином исследовательском пространстве с учетом соотношения научных традиций.

Современные *биографические исследования* (понятие, получившее распространение с 1980-х гг. в советской литературе) в области исторической науки включают три ветви: 1) *коллективную историю*; 2) *индивидуальную историю*; 3) *эго-историю (автобиографию)*. Все три ветви – пересекающиеся сферы единого историко-биографического поля, их дифференциация – условна, т.к. любой тип биографического анализа осуществляется в общем ареале исторической науки и ее субдисциплин с выходом в междисциплинарное пространство.

Коллективная история, или *история коллектива* (в том числе – *научного сообщества*), или *коллективная биография*, – сфера в первую очередь специальной дисциплины – *просопографии* в том виде, в каком эта дисциплина сложилась в «западной» традиции и получила свой статус в современной украинской[1] и российской науке.

Индивидуальная история (или *персональная история*) – самоназвание историко-биографических исследований, объект которых – история одной жизни от момента рождения до момента смерти во всей ее уникальности и в достижимой полноте[2].

Персональная история – сложно структурированная область научных исторических исследований; ее составляющие – относительно автономные *предметные поля* (со своей спецификой исследовательских задач и методологических ориентиров), определяющие конкретный *тип биографического анализа.*

Система *типов биографического анализа* имеет свою конфигурацию: разные типы могут объединяться в *единое тематическое поле* (например, *человек в объективной драме истории*[3]), определять конкретный ракурс анализа

---

[1] См., например: *Попик В.І.* Колективний портрет нації в Інтернеті // Українська біографістика. 2013. Вип. 10. С. 8-24; *Чухліб Т.В.* «Колективна біографія» генералітету Російської імперії українського походження // Там же. С. 61-77; *Задерейчук А.А.* Створення «колективної біографії» депутатів-мусульман як метод для дослідження діяльності кримських татар в органах земського самоврядування Таврійської губернії // Там же. С. 78-87; *Ємчук О.І.* Родина Маслових: колективна біографія вчених // Там же. С. 88-104 и др.

[2] *Соловьев Э.Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С.46; *Репина Л.П.* Личность и общество, или история в биографиях (Вместо Предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С.15.

[3] См.: *Соловьев Э.Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С.19-52.

(«внутренняя биография», «эволюция души», «экзистенциальная биография», «приватная биография», «внешняя биография», «карьерная биография», «профессиональная биография» и другие направления, предложенные, например, Дж.Леви[1] и Д.Уокером[2], а также их всевозможные вариации), а по исходным теоретическим позициям ориентироваться на «принципиально различные образцы» (Л.П. Репина) – микроисторию, психоисторию, модели рационального выбора, теории культурной и гендерной идентичности, включая т.н. «традиционную биографию» (в позитивистском, марксистском и др. вариантах) и проч.

В этом ключе восприятие «новой биографической истории» («социальной персональной истории») может идти двумя путями: как *определенной биографической традиции* («западной», но отнюдь не абсолютно «новой» для отечественного биографизма), или (без противопоставления) как одного из ведущих на сегодняшний день направлений персональной истории, *определенного типа биографического анализа* – социокультурного в своей основе[3].

Интеллектуальная биография является *видом интеллектуальной истории* (направлением исследований в области интеллектуальной истории) и одновременно областью *персональной истории*, тематически ориентированной на изучение *биографии интеллектуалов*.

Понятие *персональная история* шире понятия *интеллектуальная биография*, т.к. объектом персональной истории может выступать *любая персона* – «индивидуум любого калибра» (Д.М. Володихин)[4], независимо от масштаба личности, индивидуального вклада в историю, принадлежности к определенным социальным стратам и видам деятельности – интеллектуальной или другой. И в этом, действительно, отличие персональной истории от т.н. *традиционной*, в которой объектом биографического анализа были преимущественно «крупные исторические деятели».

Объект интеллектуальной биографии – интеллектуал (как бы не насыщали это понятие ученые), его жизнь и деятельность в различных сферах, но прежде всего – интеллектуальной. *Предмет* интеллектуальной биографии связан (как в любой научной работе) с исследовательской стратегией и теоретическими ориентирами. Поэтому интеллектуальная биография в свою очередь может быть представлена в историографической практике различными типами биографического анализа[5].

---

[1] См.: *Леви Дж.* Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С.191-206.

[2] См.: *Нейман А.М.* Биография в истории экономической мысли: опыт интеллектуальной биографии Дж. М.Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П.Репиной. М., 2005. С.330-332.

[3] *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.300.

[4] Персональная история / Под редакцией *Д.М. Володихина*. М., 1999. С. 5-6.

[5] По А.М. Эткинду, биографический анализ – один из методологических компо-

* * *

Экскурс. Как направление биографических исследований *интеллектуальная биография*[1] появилась в русле «обновленной» интеллектуальной истории: ее «возрождение» на рубеже 1980-1990-х гг. было связано с «лингвистическим поворотом», который в свою очередь во многом способствовал начавшемуся процессу переосмысления всего историографического опыта «истории идей» в том виде, в каком в «западной» традиции «история идей» сложилась как «биография идей» – с изъятием, собственно, «носителя» идей и социокультурного контекста. Одновременно под влиянием «новой социальной истории» появилась «история интеллектуалов», институциональное оформление которой во Франции началось с создания (по инициативе Ж.-Ф. Сиринелли) специальной междисциплинарной Группы (1985)[2]. В эти же годы научная деятельность П. Нора и Ф. Ариеса приводит к появлению в контексте нарратологии «ego-histoires», нового направления в историописании, цель которого - анализ взаимосвязи личностной истории ученых с их «научной лабораторией», конструкций их «жизненных нарративов» и способов конструирования ими «исторических (мета) нарративов»[3]. «Расцвет» исторической антропологии в 1980-е гг. («антропологический поворот») актуализировал интерес к «человеческому измерению» в интеллектуальной истории.

В 1980-е гг. проблема «биографического анализа» в интеллектуальной истории находилась в дискуссионной плоскости евроатлантического научного поля. Примечательно, что проблемы биографии были подняты и активно обсуждались представителями истории экономической мысли. Центральным в полемике оказался вопрос об отношении между идеями и жизнью, между тем, «как мы думаем, и тем,

---

нентов «нового историзма» наряду с интертекстуальным и дискурсивным анализом. См.: *Эткинд А.* «Новый историзм», русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 1 (47). С.7-40. Э.Ю. Соловьев определяет биографический анализ как *вид* историко-философского исследования, самостоятельную *форму* научного исследования. См.: *Соловьев Э.Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С.19.

[1] В современной украинской историографии концепт *интеллектуальная биография* приобрел довольно широкое распространение. См.: *Грицак Я.* Іван Лисяк-Рудницький (Нарис інтелектуальної біографії) // Сучасність. 1994. № 11; *Ващенко В.* Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2009. Вип.4; *Андреєв В.* Дмитро Дорошенко: «перший» чи «другий» в українській історіографії першої половини XX ст.? (Досвіт вивчення інтелектуальної біографії історика) // Український історичний журнал. 2007. № 4; *Он же.* Віктор Петров. Нариси інтелектуальної біографії вченого. Дніпропетровськ, 2012. 472 с.; *Левченко В.В.* Проблемы изучения интеллектуальной биографии Е.Н.Щепкина: к 150-летию со дня рождения и 90-летию со дня смерти // Південний Захід. Одесика. Вип. 9. 2010. С.151-162 и др.

[2] Intellectual News. 1997. № 2. P.55-59; *Репина Л.П.* Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2009. Вип. 4. С.450.

[3] См.: *Ващенко В.* Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2009. Вип.4. С.482.

как мы живем». Дискуссии отразили наличие двух оппонирующих «платформ»: представители первой отрицали познавательную ценность биографической информации, рассматривая биографию в качестве «иллюстрации»; представители второй считали, что без обращения к «личной ментальной истории» ученого нельзя понять его концепцию, выявить социокультурный и интеллектуальный контекст его творчества, генезис его идеи, специфику принятия его наследия научным сообществом[1].

В 1990-е гг. исследовательский интерес к «человеческому измерению» в интеллектуальной истории *«нашел свое продолжение и наиболее рельефное выражение в «новой биографической истории»»* [курсив мой. – Т.П.], ориентирующейся не просто на «воссоздание перипетий индивидуальной судьбы», но на анализ его «многообразных интеракций» в постоянно изменяющемся «социально-интеллектуальном пространстве»[2].

«Краеугольным камнем *биографического подхода*» [курсив мой. – Т.П.] в современной интеллектуальной истории является осознание взаимосвязи жизни и творчества, фактов «психологической и интеллектуальной биографии» личности: без «биографического измерения» интеллектуальной жизни понимание идей – основных продуктов интеллектуальной деятельности – оказывается неполным. В новейших исследованиях западных специалистов по интеллектуальной истории анализ текстов интеллектуалов осуществляется на основе выяснения биографического, культурного, научного и идеологического контекстов, их породивших, а современную *интеллектуальную биографию* характеризует «синтез биографического, текстуального и социокультурного анализа»[3].

* * *

Биографический анализ – самостоятельная *форма* научного исследования и одновременно *вид* исторического исследования: «Биография может по праву называться исторической, только будучи помещена в исторический контекст, взятый во всех его пересекающихся аспектах…»[4]. Сфокусированный на авторах исторических произведений, биографический анализ предстает как *вид историографических исследований*, как сфера дисциплины *историографии* в «восточной» традиции или *истории историографии* – в «западной»[5].

---

[1] См.: *Нейман А.М.* Биография в истории экономической мысли: опыт интеллектуальной биографии Дж.М. Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П.Репиной. М., 2005. С.330-332.

[2] См.: *Репина Л.П.* Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2009. Вип. 4. С.450-451.

[3] См.: Там же. С.453-455.

[4] *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.311.

[5] См. подробнее: *Попова Т.Н.* Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX - XXI

Известный историограф Карлос Антонио Агирре Рохас (Мексика) считает, что «расцвет и экспансия» *истории историографии* во всем пространстве исторических знаний за последние тридцать лет способствовали развитию более четкого самосознания историков, пониманию смысла историографической практики, объединению актуальных исторических проектов западной науки, созданию общей «карты» дисциплины истории в XX веке[1].

Ремарка-экскурс. В XX веке в западной научной традиции история исторических идей входила в единое исследовательское поле сначала истории идей, затем интеллектуальной истории. К середине XX века в научной практике в области истории оперировали терминами historiofraphie, Geschichtsschrei bung, historical writing в значении самой научной истории, или историописания в целом. Термины histoire de l'historiographie, storia della storiografia, history of historical writing, Geschichte der Historiographie обозначали форму исторической рефлексии – историю историографии. Важную роль в институционализации истории историографии сыграл факт создания Комиссии по историографии на XV Международном конгрессе исторических наук (Бухарест, 1980). В 1995 г. Комиссия обрела новое название: Международная комиссия по истории и теории историографии. С 1982 г. Комиссия начала издавать журнал «Storia della storiografia», ставший ведущим журналом в области истории историографии. Публикация статей осуществлялась на английском, французском, немецком и итальянском языках, способствую тем самым распространению новых понятий в широком пространстве научного мира.

В то же время и в западной литературе присутствует лексическое разнообразие. Еще в 1970-е гг. американские ученые соотносили термин «историография» с изучением истории исторических сочинений, с анализом основных интерпретаций тех или иных исторических событий, методов, используемых конкретными историками, историей собственно историописания, а в качестве основных источников историографии определяли труды историков. Термин «историография» продолжают применять в широком смысле, охватывая все аспекты философии, теории, исследования в области истории и создание исторических трудов. Фокус «новой историографии», получившей свое развитие под влиянием критической философии истории, направлен на изучение «истории историописания», а ее объектом выступает собственно «историографическая традиция» (Ф.Р. Анкерсмит). В многочисленных руководствах по

вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М., 2012. С.198-215.

[1] *Карлос Антонио Агирре Рохас.* Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М., 2008. С.115-116.

написанию историографических работ, заполнивших современный электронный ресурс, историографию определяют как историю истории – In a nutshell, historiography is the history of history.

Интенсивный процесс историографических исследований привел в конце XX в. к стабилизации данной области в качестве раздела интеллектуальной истории, которую иногда называют – Intellektual history of history. Хотя дисциплинарного оформления *истории истории* в западной науке не произошло[1], достаточно широкая исследовательская практика способствовала обретению данной областью своего статуса, что нашло отражение в энциклопедических изданиях, в частности в «Новой Британской энциклопедии» («The New Encyclopaedia Britannica», 1994. Volume 20) под самоназванием «History of Historiography».

Подъем с конца XX в. интереса к *истории истории* в американской и европейской литературе во многом обусловлен переосмыслением постмодернистского наследия, стремлением к преодолению агностицизма в отношении научного познания истории, к новому прочтению опыта предшествующей историографии.

Историография как специальная рефлексивная историческая дисциплина, изучающая историографический процесс во всей его глобально-темпорально-региональной конкретике единства многообразия, конституировалась в последнее тридцатилетие советской эпохи. Более чем полувековой путь ее дисциплинарного воплощения в восточноевропейском ареале был далек от линеарности и однозначности восприятия. Многочисленные «образы» историографии, сосуществующие сегодня, свидетельствуют не просто об институциональном кризисе дисциплины, но в первую очередь о настойчивом стремлении представителей историографической корпорации выявить оптимальные тенденции ее дисциплинарного обновления.

Идеи многоликости и «многообразности» *историографии*, исходя из полисемантичности «имени», сложной структурированности объекта и стремительного расширения предмета, заслуживают особого внимания. Л.П. Репина выделяет разные подходы к изучению истории историографии в зависимости от ее *образа.* Если рассматривать историографию как академическую дисциплину – *науку* о прошлом, то *историю исторической дисциплины – историю исторической науки* – можно описать «в трех измерениях, или тремя моделями», которые сосуществуют и постоянно взаимодействуют: 1/ «модель упорядочения и непрерывной коррекции исторической памяти»; 2/ «модель дисциплинарности»; 3/ «модель междисциплинарности». Если *историю историографии* представить как *историю исторического знания* – «неотъемлемую составляющую интеллектуальной истории», то формирование ее содержатель-

[1] См.: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 393, 32-33.

ного пространства будет подчинено задачам: 1/ выявления исторических изменений фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания познания; 2/ изучения процессов становления и развития исторического сознания и исторической культуры, стиля исторического мышления и историописания, средств и форм научного исследования. Все эти линии должны рассматриваться «в общем контексте духовной культуры, социально-политических, организационных и информационно-идеологических условий конкретной эпохи»[1].

С.И. Посохов, выдвигая идею *«многоликой» историографии*, выделяет ее *образы* – «*науковедческий», «литературоведческий», «культурологический*», которые, опосредованные собственной стратегией исследования при анализе историографических фактов и историографического процесса в целом, набором собственных принципов, методов и категорий (ограниченных конкретным «радиусом действия», не исключая возможности «обобщений»), выступают в качестве равноправных «ипостасей» историографии[2].

Данное понимание дисциплины соответствует принципам «многомерной методологии»: полифундаментальности, дополнительности и плюрализма. С позиций полифундаменталистского видения объекта речь идет о том, что каждая теория описывает именно целое (отдельную «ипостась»), а не его часть; но поскольку любая теоретическая система вырабатывает собственную модель целого, которая не в состоянии исчерпать всех сущностных характеристик объекта, постольку ни одна из альтернативных теорий не может претендовать на конечный результат – истину. С позиций принципа дополнительности эти альтернативные теории/модели следует рассматривать не в контексте конфронтационности, но как самодостаточные и взаимодополняющие – в контексте единства («сложная ипостась») – для целостного восприятия многосущностного объекта исследования; при таком типе моделирования в сами модели входят, казалось бы, взаимно несовместимые, «дополнительные образы» изучаемого явления[3]. Историографию сегодня действительно можно воспринимать как «сложно-ипостасное» явление, изучение которого требует сочетания взаимодополняющих моделей-образов[4].

---

[1] См.: *Репина Л.П.* Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2013. С.5-22.

[2] См. подробнее: *Посохов С.И.* Многоликая историография: образы историографии как научной и учебной дисциплины // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2008. С.243-245.

[3] См.: *Алтухов В.Л.* Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С.88-100. Нельзя сказать (вопреки воодушевлению начала 90-х), что полифундаменталистское мышление стало *всеобщим* – его утверждение имеет скорее «точечный» характер (по закону индивидуальной восприимчивости) и плотно окутано шлейфом декларативности.

[4] С позиций «нового типа методологического сознания», в основе которого идеи «конструктивного альтернативизма», изучение историографии в разных «ипостасях» можно осуществлять «в соответствии с познавательным контекстом». См. подробнее: *Лубский А.В.* Интеллектуальная ситуация в исторической науке после постмодернизма //

В решении проблемы дисциплинарного бытия историографии наметились две тенденции. Ведущая тенденция нацелена на перспективу дисциплинарной самостоятельности историографии, отражая стремление ученых к укреплению ее дисциплинарного статуса за счет переструктурирования предметного поля и расширения исследовательского инструментария на пути междисциплинарного синтеза. В этом плане «разрушения» дисциплины не происходит: центростремительные силы, сохраняя *свое* и привлекая на своем пути *чужое*, создают иной дисциплинарный мир, радикально обновляя старую дисциплину, глобально раздвигая ее дисциплинарные границы: академическая «дисциплина приобретает новый облик», находясь «на подъеме»,[1] – это справедливо в отношении обеих традиций *истории истории*. Этой тенденции созвучны взгляды тех западных ученых, которые определяют *историю историографии* как «область истории», «направление» или «ветвь актуальных исторических исследований», не фиксируя ее самостоятельный дисциплинарный статус; ориентиры в ее развитии в качестве *исторической саморефлексии* связываются с принципиальным обновлением ее содержательного поля и повышением ее статуса в «историографической вселенной». Вторая тенденция – линия на раздисциплинирование историографии, передачу ее функций иным областям, дифференциацию ее дисциплинарного поля и т.п. – имеет в большей мере дискуссионный или декларативный характер.

Ведущая линия в осмыслении *истории историографии/историографии* – ее восприятие не только как интегративного сегмента исторического знания, но и как стержня истории исторической культуры и исторического сознания. Однако спецификой современной ситуации является факт разновекторной стратегии *истории истории* – ученые связывают будущее дисциплины с определенным тематическим полем: компаративистски ориентированной глобальной историей[2], интеллектуальной историей в широком культурном контексте[3], историографическим бытом[4], концептуальной историей[5]. В этом «разновек-

Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX – XXI вв. М., 2012. С.12-13.

[1] См.: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. С.401, 388.

[2] См. подробнее: *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии / Г.Иггерс, Э.Ван (при участии Суприн Мукерджи); пер. с англ. О.Воробьевой. Науч. ред. Марина Кукарцева. М., 2012. С.23-38.

[3] См.: *Репина Л.П.* Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Л.П.Репиной. М., 2013. С.5-22.

[4] См. подробнее: *Алеврас Н.Н.* Предмет историографии: версии современной науки // Imagines Mundy: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 7. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. Екатеринбург, 2010. С. 171-190.

[5] См.: *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія / Інститут історії України НАН України. Київ, 2013. С.21-32.

торном движении» стоит обратить внимание на мысль о том, что предметное поле историографии следует воспринимать как органическое «многослойное целое», в качестве «ядра» которого – «профессиональная историческая культура», вписанная в контекстные «круги» разнообразных процессов жизни социума[1].

Ремарка-тезис. Формула *история исторической науки*, имеющая до сих пор широкое распространение, может сохранять свое значение в качестве содержательного стержня *дисциплины историографии*, поскольку *наука* – системное явление, включающее когнитивные и социокультурные сегменты целого. *Институциональный процесс исторического знания* (в неразрывности когнитивных и социальных аспектов институционализации) – понятие широкое, в котором *научное знание* представляет собой «институциональную единицу» – вид и уровень организации исторического знания. В темпорально-пространственном измерении существует множество форм когнитивной институционализации с разными уровнями социальной интегрированности – «институциональными единицами». *Научная дисциплина* как сложившаяся социокогнитивная система – одна из них. Изучение *научного* исторического знания, бесспорно, не будет оптимальным без исследования иных форм и уровней исторического познания (по вертикали и горизонтали), их взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодополняемости в культурном пространстве конкретных историографических ситуаций. Однако закономерное расширение предмета *дисциплины историографии* – от *истории идей* к *истории исторической культуры* – с неизбежным появлением нового теоретико-методологического инструментария не должно тем не менее нивелировать приоритетную значимость исследования *научно-рациональной формы репрезентации истории* – историю *научной культуры* познания прошлого (разумеется, с учетом современных подходов к концепту «рациональность»).

Понятие *историографический процесс* как онтологически-реальное явление – объект познания дисциплины историографии – включает в себя все многообразие сюжетов, сторон, аспектов, феноменов и т.п., связанных с существованием и «движением» (отнюдь не в одновекторном варианте) исторического знания; перманентные попытки достичь прошлого *как такового* («реальность *как таковую*»[2]) детерминируют конструирование модели историографического процесса, нацеленной на максимальный охват различных процессов и явлений (что не исключает, но предполагает наличие разнообразных модельных модификаций).

---

[1] См.: *Алеврас Н.Н.* И снова про…предмет историографии (трансформация предметного пространства и категория «историографический быт») // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред.Л.П. Репина. М., 2008. С.238-240.

[2] См.: *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С.5

* * *

С 1980-х гг. в советской науке конкретный вид историографических исследований личности и творчества историков, выступает под самоназванием – *биоисториография*[1]. Наряду с проблемной, региональной, институциональной историографией, историей историографии (как *историей истории исторической науки*) и проч. биоисториография входит в структуру предметного поля дисциплины историографии.

Resume

Биоисториографические исследования можно рассматривать как вид интеллектуальной биографии и, соответственно, – персональной истории. Одновременно *биоисториографические исследования* могут выстраиваться по типу интеллектуальной биографии, персональной истории, биографического мира и проч.

Автобиоисториография – личностная история историка о себе (интеллектуальная автобиография, эго-история и т.п.) – как направление исследований входит в предметное поле *истории историографии*, сферы интеллектуальной истории, и, следовательно, в интеллектуальную биографию и персональную историю («западная традиция), одновременно – в структуру *биоисториографии* как направления историографических исследований («восточная» традиция).

Единицей биоисториографического исследования выступает *конкретный тип биоисториографического анализа;* различия между типами – в специфике исследовательских задач, методологических ориентиров и в целом – предметной направленности, которая и определяет их своеобразие и разнообразие.

Создание *типологии биографического/биоисториографического анализа* – задача *биографистики*, что не исключает биографорефлексию в границах самой биоисториографии, дисциплины историографии и гуманитаристики в целом.

Понятие *историческая биография*, классическое для «восточной» традиции, сохраняет свое значение как *культурно-историческое явление* и традиционное направление исторических исследований.

[1] Одним из последних изданий, обобщающих опыт советской биоисториографической традиции, стал сборник «Биография как вид исторического исследования» (Тверь, 1993), инициированный *Н.В. Ефременковым*. В сборник вошли статьи М.В. Нечкиной («Историографическое изучение исторических работ»), А.Б. Полякова («Биография человека политики как феномен диалога культур»), Ю.Н. Герасимовой («Источники биографии человека науки»), А.В. Санцевича («Место биографии историка в историографических исследованиях») и других ведущих ученых. См. также: *Максименко И.В., Панасюк В.Б.* Биографистика и биоисториография // Записки історичного факультету. Одеса, 1997. Вип.4. С.135-140; *Герасимова Ю.Н*. Биоисториография в системе отечественной исторической науки: история жанра // В.А. Дунаевский: Педагог, учёный, солдат. К 80-летию со дня рождения / Сост. Е.В. Чистякова, С.А. Малышкин, А.А. Орлов. М., 2000. С. 138-162 и др.

Методология
Типология и Биомодели

… пространство применения биографического метода
существенно расширилось и изменило свою конфигурацию…

Л.П. Репина

Типология биографического письма составляет значительный диапазон вариантов[1]. В современных англоязычных изданиях выделяют четыре типа *personal history*: 1/ «персонифицированную историю» («историю персоны») – более или менее традиционную биографию исторической личности «крупного масштаба» – подчас с использованием интуитивистского метода биографической реконструкции и психоаналитических теорий; 2/ «личную историю» как исследование жизни индивида сквозь призму его приватных отношений – «частную биографию» в отличие от «публичной биографии»; 3/ историю личности как «внутреннюю биографию» (развитие внутреннего мира человека) в противовес «внешней», или «карьерной»; 4/ собственноручно написанные личные истории – «интеллектуальные автобиографии историков», или «автобиоисториографические произведения»[2].

Общая характеристика для всех этих *типов персональной истории*, несмотря на возможное различие теоретической направленности, заключается в том, что личная жизнь и судьба индивидов, «формирование и развитие их внутреннего мира, «следы» их деятельности в разномасштабных промежутках пространства и времени выступают одновременно как *стратегическая цель исследования и как адекватное средство познания включающего их и творимого ими исторического социума*» [курсив мой. – Т.П.]. В итоге *собственно персональная история – индивидуальная история* – «используется для прояснения социального контекста, а не наоборот, как это практикуется в традиционных исторических биографиях» (или «классических биографиях»). Последние Л.П. Репина выводит из ареала персональной истории как современного направления биографических исследований, включающего значительный диапазон течений, объединенных базовой задачей – реконструкцией истории одной жизни, невзирая на их самоназвания[3].

---

[1] Типологию биописьма можно рассматривать как аналог типологии биографического анализа. Автор не ставит своей задачей анализ всей картины типологического разнообразия, нашедшей отражение в полидисциплинарной и многожанровой биографической и биографоведческой литературе.

[2] См.: *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009. С.290-291.

[3] *Репина Л.П.* От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П.Репиной. М., 2005. С.56; *Она же.* «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009. С.285, 291.

К вариациям персональной истории относят и типологию исторических биографий, предложенную профессором экономической истории Венецианского Университета, специалистом по микроистории нового времени, Джованни Леви, который рассматривает выделенные им «типы» биографий как «подлинно крупные направления» в современной биографической практике:

1. *Просопография и модальная биография.* Под этим углом зрения индивидуальные биографии представляют интерес лишь постольку, поскольку они иллюстрируют модели поведения или внешние проявления, присущие наиболее многочисленным социальным группам, т.е. речь здесь идет не столько о создании достоверной биографии, сколько об использовании биографических данных в просопографических целях. В модальном типе биографии отдельных людей служат лишь иллюстрацией типических форм поведения или социального статуса.

2. *Биография и контекст*. При этом подходе биография сохраняет свою специфику отображения личностных свойств «героя», но в качестве ведущего фактора в этом отображении выступает контекст – эпоха, атмосфера, объясняющая специфику человеческих судеб.

3. *Биография и пограничные случаи.* Изучение частных случаев, крайних, «нетипичных» ситуаций в жизни «героя», «пограничного» индивидуального опыта, «ненормативного» поведения, что в итоге высвечивает «типичный» контекст личностного своеобразия.

4. *Биография и герменевтика.* Этот подход подчеркивает роль диалога, коммуникации между индивидами и культурами; акцентуацию в данном случае приобретает авторский дискурс[1].

В рамках «контекстуальных биографий» (по Дж. Леви) получает распространение метод *сетевого анализа* межличностных взаимодействий, который опирается на т.н. «сетевую концепцию» социальной структуры: общество рассматривается как ансамбль «подвижных сетей человеческого взаимодействия», а поведение индивида объясняется «морфологией, плотностью, интенсивностью, содержанием и направленностью межличностных контактов»[2]. «Сетевая концепция» социальной структуры детерминировала новое направление биографизма, согласно которому биография предстает как «вертикальная темпоральная последовательность горизонтальных срезов, на каждом из которых пространственно фиксируется конфигурация социальных связей индивида на соответствующем отрезке его жизненного пути»[3].

Сторонник второй «платформы» в дискуссиях ученых-экономистов о биографическом подходе (см. ранее) – американский исследователь истории

---

[1] См.: *Леви Дж.* Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С.191-206.

[2] *Репина Л.П.* От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 60-61.

[3] Там же.

экономической мысли Дональд Уокер, рассматривал биографический анализ как естественную составляющую истории экономической мысли. Он предложил свою типологию биографического жанра в историко-экономических исследованиях (1983), вполне применимую, по мнению Л.П. Репиной, к интеллектуальной истории в целом, так как «вся совокупность фактов личностного, профессионального, ситуационного и библиографического характера образует то, что можно назвать *научной биографией*»[1] [курсив мой. – Т.П.]:

1) *биография личности* (сведения о времени и месте рождения, образовании, семейных корнях и влияниях, чертах характера и личной жизни ученого);

2) *профессиональная биография* (позиции ученого в академических и иных кругах, его профессиональная деятельность и отношения внутри научного сообщества);

3) *библиографическая биография* (анализ трудов автора, история их создания, источниковая база, техника и методология исследования, понятийный аппарат и междисциплинарные связи);

4) *ситуационная биография*, или *биография среды* (события и условия социально-экономической и политической жизни общества и эпохи, в которых жил и работал ученый). Этот вид биографии, считает А.М. Нейман, соответствует высказыванию авторитетного ученого-экономиста Й. Шумпетера: «Экономист сам – продукт своего и *всего предшествующего* времени»[2].

Для современной российской историографии характерна ориентация на две версии персональной истории, ориентирующиеся на разные исследовательские стратегии и отражающие «разночтение» проблемы соотношения «персональной истории» и «истории вообще»:

1) «*экзистенциальный биографизм*» – «экзистенциальная персональная история», предметом которой выступает реконструкция психологического мира «героя», его динамики, уникального экзистенциального опыта индивида; эта версия персональной истории, подчеркивая «автономию и самоценность исторической личности», в центр внимания ставит изучение ее психологических характеристик, сознательно ограничиваясь «несоциальными видами биографизма»[3];

2) «*новая биографическая история*» – «социальная персональная история», т.к. предметом этого направления является изучение социальной и

---

[1] *Репина Л.П.* Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2009**.** Вип. 4. С.452.

[2] См.: *Нейман А.М.* Биография в истории экономической мысли: опыт интеллектуальной биографии Дж.М. Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005.С.332-333; *Шумпетер Й.* История экономического анализа. Т.1. СПб., 2001. С.16.

[3] См.: *Володихин Д.М.* Экзистенциальный биографизм в истории // Персональная история. М., 1999. С. 3-10; *Он же.* Две версии микроисторической платформы в отечественной историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2002. Вып.8. С.450-455.

культурной ситуации, по отношению к которой описываемая жизнь приобретает значение истории. Процедура реконструкции личной жизни выступает в качестве цели исследования и одновременно – в качестве одной из предпосылок познания исторического социума: «личностная история» превращается в «историю через личность», при этом речь не идет об экстраполяции биографических характеристик личности на микрогруппу или социум, но – о раскрытии всего разнообразия возможностей их взаимодействия [1].

Общее для обеих версий: «базовый объект», жанровая близость, «отсутствие установки» на исчерпывающее объяснение, признание уникальности человеческой личности и неповторимости индивидуального опыта, понимание невозможности до конца раскрыть «тайну индивида». *Различия* относятся к целевым установками исследования и предполагаемому уровню обобщения его результатов: *первый* подход намеренно подчеркивает автономию личности, «ментальная оснастка» и социальный фон получают незначительный статус «антуража», а события предстают лишь в качестве «фактологического каркаса»; *второй* подход «исходит из *равной значимости* [курсив мой. – Т.П.] и взаимосвязанности социокультурного и личностно-психологического аспектов в анализе прошлого»[2].

Все многообразие типов биографического жанра, которые выступают, скорее как направления биографических исследований и одновременно типы био-анализа/биографизма, предусматривает учет ряда принципиальных позиций:

во-первых, в «чистом виде» каждый из этих типов встречается редко, исследовательские реалии представлены множеством разнообразных комбинаций, которые расширяют пространство типологической вариативности [3];

во-вторых, вряд ли следует «жестко связывать» тип биографизма с конкретной методологией, т.к. один и тот же тип биографии в современной науке может быть представлен различными методологическими платформами;

в-третьих, в биографической практике, опосредованной исходными теоретическими основаниями, особое значение приобретает конкретная ***модель биографического анализа.***

1. В ряде монографических и диссертационных работ последних лет получила популярность модель, сконструированная на основе типологии Д.Уокера. Совокупность четырех типов биографии в качестве единой схемы стала

[1] См.: *Репина Л.П.* Личность и общество, или история в биографиях (Вместо Предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С.12-14, 16.

[2] Там же. С.13.

[3] Это касается всех типологических конструкций, включая «оппозиционные типологии» ученого, личности и мышления: см. далее предложенную автором биоисториографическую модель.

рассматриваться как *модель интеллектуальной биографии*[1]. К этой модели, по мнению И.И. Колесник, следует добавить еще одну составляющую – *историографическую биографию*, которая предполагает анализ истории рецепции работ ученого современниками (коллегами, оппонентами) и будущими поколениями исследователей, которые и продуцируют определенные стереотипы, мифы, репутации[2].

2. В.В. Ващенко, плодотворно работающий в русле нового для украинской науки биографизма[3], на основе анализа современных биографических исследований ученых «евроатлантической традиции» (A. Hannay, Cambridge, 2001; S. Gaukroger, Oxford, 1997 и др.) предложил свою *модель интеллектуальной биографии историка*, исходя из поэтапного решения конкретных задач:

первая задача – *выяснение генезиса и сущности интеллектуальных достижений субъекта* («научная методология» ученого интерпретируется как сущность «интеллектуального достижения», а «генезис» этих «достижений» трактуется как «смена» парадигм на протяжении карьеры ученого);

вторая задача – *установление рациональности субъекта в терминах его мотиваций* (поскольку рациональность субъекта в науке проявляется не в последнюю очередь в «научной методологии», то эта задача может быть решена в процессе выявления мотивационных рядов в ее методологическом пространстве);

третья задача – конечная цель – *исследование мотивации, или «внутренней логики»*, которой следовал ученый на протяжении длительного периода жизни и которая определяла выбор историком конкретных методов и «генезис» его «методологических подходов».

Смена «научных методологий», привязанная к определенным событиям внутренней (психической) и внешней (социокультурной) жизни ученого, может рассматриваться как «вехи» его интеллектуальной биографии [4].

3. Можно согласиться с выводом В.Н. Андреева о том, что в литературе нет точной дефиниции интеллектуальной биографии как типа биографического

---

[1] См.: *Корзун В.П.* Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб., 2011. 192 с.; Михайленко Г.М. Олександр Лотоцький (1870-1939 рр.): інтелектуальна біографія історика: Автореф. дис. … канд. іст. наук. Київ, 2009. 20 с.; *Ліхачова О.Є.* Наукова, публіцистична та державна діяльність О.І. Георгієвського: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Одеса, 2011. 16 с.; *Капарулін Ю.В.* О.О. Рябінін-Скляревський (1878-1942 рр.): інтелектуальна біографія історика: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2011. 20 с. и др.

[2] См.: *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія / Інститут історії України НАН України. Київ, 2013. С.466.

[3] См.: *Ващенко В.* Від самопрезентації до методології: психобіоісторіографічний вимір простору історіописання М. Грушевського: Монографія. Дніпропетровськ, 2007. 323 с. и др.

[4] *Ващенко В.* Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2009. Вип.4. С.481.

исследования. Анализируя работы ряда «западных» и российских биографов, автор суммировал их высказывания о принципиальных чертах интеллектуальной биографии (ИБ), которые отличают ее от т.н. «научной биографии» – «традиционной», «классической» – названий, «покрывающих» предшествующий опыт биографических исследований:

- ИБ интегрирует весь спектр жизни героя и его работ, освещает развитие его мысли под влиянием внешних стимулов – социальных, политических, культурных, научных и позволяет реконструировать весь интеллектуальный путь субъекта в контексте глобального интеллектуального пространства (M.R. Antognazza, Cambridge, 2009).
- ИБ – это стремление биографа помочь «относительно подготовленному читателю» понять генезис и сущность интеллектуального достижения субъекта (A. Hannay, Cambridge, 2001).
- ИБ исследует этапы становления мировоззрения субъекта и выясняет исторические причины их трансформации; наряду с официальной событийной историей и «анкетной биографией» субъекта ИБ освещает «собственную историю его жизни и идей»; при этом акцент делается на исторические условия мировоззренческих метаморфоз героя, а его тексты анализируются с учетом историко-культурного контекста.

Схему Д. Уокера В.Н. Андреев рассматривает в качестве оптимального образца для написания интеллектуальной биографии, а ее исходный концепт справедливо связывает с интерпретацией категории «интеллектуал»[1]. Принимая достаточно широкое определение, данное И.И. Колесник[2], В.Н. Андреев заключает, что интеллектуальная биография должна выразить квинтэссенцию жизненной активности интеллектуала во всех ее проявлениях: как гражданина, ученого, просто человека, который может самостоятельно мыслить, принимать осознанные решения и отстаивать свои позиции[3]. Среди вариаций интеллектуальной биографии – модель, включившая в себя шесть биографических блоков: историографическая биография, семейная, духовная, психологическая, служебная и творческая[4].

4. Проблема смыслового насыщения концепта интеллектуальная биография, а по сути – создание оптимальной модели исследования, сохраняет свою

---

[1] См.: *Андреєв В.* «Інтелектуальна біографія» історика: експлікація поняття // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2010-2011. Вип.5. С.337-338.

[2] *Колесник І.* Інтелектуальне співтовариство як засіб легітимації культурної історії України. XIX століття // Український історичний журнал. 2008. №1. С.174; *Она же.* Українська історіографія: концептуальна історія / Інститут історії України НАН України. Київ, 2013. С.204-205.

[3] *Андреєв В.* «Інтелектуальна біографія» історика: експлікація поняття // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2010-2011. Вип.5. С.339.

[4] См.: *Суздаль М.М.* Микола Цертелєв: дослід інтелектуальної біографії: Автореф. дис…. канд. іст. наук. Київ, 2015. С.8-9. [Научный руководитель – И.И.Колесник].

актуальность в современной литературе[1]. По мнению И.И. Колесник, интеллектуальная биография выполняет разнообразные функции в историко-научном дискурсе.

Во-первых, раскрывает механизм возникновения идей, формул, разработки теорий, концепций, методов.

Во-вторых, воспроизводит логику карьеры интеллектуала, анализирует мотивацию научной деятельности.

Ремарка-экскурс. Механизм взаимодействия отдельной личности с интеллектуальным сообществом, интеллектуала с его окружением, целесообразно, считает И.И. Колесник, рассматривать сквозь призму его научной карьеры, учитывая ее уровни. Первый уровень – начальный: первая публикация, которая служит как бы пропуском для вхождения в научное сообщество; второй – пребывание начинающего ученого в промежуточной группе, что связано с процесами адаптации и самопрезентации его в корпоративной среде; третий – охватывает около пяти лет исследовательской работы и публикаций, в результате чего происходит процесс вхождения ученого в состав высокопродуктивной группы – элиты данного научного сообщества; самый высокий уровень, к которому стремится профессионал, – лидерство, ведущие позиции внутри организационного ядра (ядерной группы) данного интеллектуального сообщества. Пик научной карьеры имеет свои уровни интеллектуального успеха, при этом обычными в карьере интеллектуала являються периоды кризисов и спада научной продуктивности, снижения статуса, изменения корпоративной идентичности и проч.[2] Следует учитывать еще один немаловажный момент при исследовании профессиональной истории ученого: потенциал любого ученого имеет две составляющие – профессиональную опытность (традиции) и интеллектуальную мобильность (новационность),

[1] См.: *Волкогонова О.Д.* Н.А. Бердяев: интеллектуальная биография. М., 2001; *Воробьева О.В*. А.Дж. Тойнби: на пути постижения истории. Очерк интеллектуальной биографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2003. Вып. 17. С. 115–169; *Алипов П.А*. Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого: материалы всероссийской научной конференции: РГГУ, 15–16 июня 2011 г. М., 2011. С.7-20; *Леонтьева О.Б.* Интеллектуальная биография // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посв. 100-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана. Казань, 2013. С. 235–237; *Базанов М. А*. Интеллектуальная биография*:* контуры нового жанра в российской и украинской историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2016. Вып. 55. С.221-234 и др.

[2] См. подробнее: *Попова Т.Н.* Бициллиеведение: информационно-аналитические комментарии (Круглый стол «Бициллиеведение в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи». X международна научна конференция «Българите в Северното Причерноморие», 15-16 септември 2007 г.) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Інститут історії України НАН України. Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Київ, 2008. Вип. 3. С.410. Эта схема, скорее – идеальный вариант: в персональной истории конкретного ученого темпоральное измерение уровней карьеры может быть различно, что определяет индивидуальность личностной научной судьбы.

которые альтернативны – нарастание опыта подрывает мобильность, а повышение мобильности мешает накоплению опыта[1].

В-третьих, фиксирует, как распространялись идеи историка в научной среде, как осуществлялась рецепция его идей современниками и последователями.

Биография интеллектуала предоставляет богатый материал для понимания процесса создания им собственной научной школы, раскрывает связь с интеллектуальными традициями, его научную генеалогию (наличие или отсутствие определенной школы), его влияние на дальнейший ход науки, наконец, выступает как инструмент творческой лаборатории историка[2]. Проблема места ученого в научном сообществе, его статуса в науке (репутация официальная и реальная), рецепции его трудов современниками и последователями детерминирует появление новых био-моделей.

В данном ключе представляет интерес предложенная В.Н. Андреевым модель интеллектуальной биографии в контексте изучения «персональной иерархии научного сообщества», с целью установления места конкретного ученого в структуре научного сообщества в границах соотвествующего исторического периода. Эта модель предполагает следующие процедуры анализа: 1) определение специфических особенностей участия отдельного исследователя в научном дискурсе; 2) выявление реального соотношения избранной историком проблематики и магистрального направления современной историографии; 3) определение уровня восприятия научным сообществом творческих достижений ученого; 4) создание личностного портрета исследователя и реконструкция его психофизиологических характеристик. Данная модель получила свою удачную реализацию при изучении интеллектуальной биографии известного одесского ученого-историка Саула Яковлевича Борового[3].

* * *

Ремарка-заметка. *Проблема шаблонов* – проблема вечная, в основе которой стремление к парадигмальности, универсальности приемов, канонизации формотворчества, стереотипизации, тиражированию общепризнанных образцов; ее истоки – в психологии подражания, дисциплинарности мышления, в идеологии «нормальной науки» и проч. В советский период сложились свои канонические формы биоисториографических работ: 1) биографические очерки историков обычно предваряли разделы, посвященные рассмотрению творчества (наследия); «жизненный путь» ученого – по этапам/периодам – был разъединен с процессом

[1] См.: *Оноприенко В.И.* Науковедение: поиск системных идей. Киев, 2008. С.199.

[2] См.: *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія / Інститут історії України НАН України. Київ, 2013. С.466-467.

[3] См.: *Андрєєв В.М., Чермошенцева Н.М.* Саул Боровий: єврейський вектор історії України. Херсон; Нікополь, 2010. 191 с.

научных исследований; 2) жизнь-судьба-творчество располагались параллельно, отчасти дублируя основные биографические факты; 3) очерки проблемно-тематического характера, посвященные мировоззрению, исторической концепции, социально-политической деятельности и т.п. сопровождались минимальным набором биографических данных; 4) литературный стиль отличался сухим «академическим» языком; 5) существовала достаточно четкая регламентация создания определенных, нормативно утвержденных, типов/видов биографических работ, посвященных ученым[1]. Тем не менее наряду с множеством трафаретных работ создавались биографические/биоисториографические шедевры…

В новую эпоху шаблоны, естественно, не исчезли – появились их новые модификации. Например, известная схема Дональда Уокера, введенная с легкой руки А.М. Неймана и получившая одобрение Л.П. Репиной, была растиражирована в основном по диссертациям, превратившись в нормативную схему не только интеллектуальной биографии, но и *новой биографики – новой биографической истории* в целом[2]. Заметим – точная мысль Л.П. Репиной включает одно маленькое, но существенное уточнение: типология биографического жанра, разработанная Дональдом Уокером для историко-экономических исследований, вполне применима «к интеллектуальной истории вообще и – *mutatis mutandis* – к "новой биографической истории" в целом»[3]. *Mutatis mutandis* – «с соответствующими изменениями», т.е. – возможны варианты в зависимости от исследовательской стратегии. Этот нюанс предполагает творческий подход, индивидуализацию восприятия, но не канонизацию оригинала[4].

* * *

5. М.А. Базанов, анализируя биографические исследования в российской и украинской науке последних лет, присоединяется к выводу П.А. Алипова

[1] См.: *Соколовская З.К.* Серия АН СССР «Научно-биографическая литература». История (1959-1989). Пути повышения научно-познавательного потенциала: Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности: «Книговедение»; «История науки и техники» / Институт истории естествознания и техники АН СССР. М., 1991. Перечисленные характеристики не должны иметь своим следствием непременное «изъятие» подобного типа работ из биографической практики, поскольку следование нормативу совсем не означает создание квази-научной макулатуры, но предполагает лишь «точку отсчета» для индивидуального восприятия и воплощения. Различного рода методическая литература с регламентированными сводами рекомендаций как образец для создания специализированных справочных изданий, безусловно, необходима: нормативность – закон организации научной деятельности; одновременно этот вид публикаций – основа для непрофессионалов, неофитов и исследователей с дисциплинарным типом мышления; однако унификация научных текстов часто приводит к нивелированию канонических и творческих элементов в исследовательском процессе.

[2] См.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Втор. издание, испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М., 2016. С.324-325.

[3] *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.304.

[4] Данную схему можно плодотворно использовать и в ее изначальном виде, что, впрочем, в полном объеме позиций редко практикуется в диссертационных работах.

об отсутствии у «ученых единства в понимании основных методологических установок интеллектуальной биографии»[1] (этот вывод корреспондирует и с выводом В.Н. Андреева).

Пытаясь суммировать «ряд объединяющих черт», М.А. Базанов предлагает свой вариант осмысления нового жанра.

Во-первых, М.А. Базанов видит заслугу Д.М. Володихина в том, что тот первым определил центральную черту интеллектуальной биографии – исследование сознания и психики «героя», хотя понятие, предложенное Д.М. Володихиным – «экзистенциальная биография» – не получило распространение в литературе.

Во-вторых, главной проблемой, «без решения которой вообще не имеет смысла говорить о жанре интеллектуальной биографии», справедливо подчеркивает М.А. Базанов, является вопрос об объекте и предмете; по его мнению, *объектом* интеллектуальной биографии выступает динамически развивающаяся система когнитивных взаимодействий индивида с окружающей его социально-интеллектуальной средой, поскольку «мыслительные конструкции» – главная сфера внимания биографов – являются результатом этого взаимодействия; *предмет* нового жанра – «любые трансформации, аспекты существования и явления интеллектуальной биографии индивида»[2].

В-третьих, исследования по интеллектуальной биографии должны включать следующие моменты:

- анализ социокультурного контекста (при этом важным является выяснение, каким образом «внешний мир плавно перетекает во внутренний»);

- анализ соотношения «рефлексируемого и нерефлексируемого в сознании изучаемого индивида» (проблема, поставленная О.Б. Леонтьевой[3]); «бессознательных ментальных привычек», которые оказывают «воздействие на мысль индивида…» (А. Лавджой);

- реконструкцию микроуровня повседневности изучаемого персонажа[4] и т.п.

6. *Историко-культурологическая модель* как *научная биография* характеризуется рядом свойств: а) наличием авторской рефлексии в отношении лич-

---

[1] См.: *Алипов П.А.* Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого: материалы всероссийской научной конференции: РГГУ, 15–16 июня 2011 г. М., 2011. С.7-20; *Базанов М. А*. Интеллектуальная биография*:* контуры нового жанра в российской и украинской историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2016. Вып. 55. С. 225.

[2] *Базанов М. А*. Интеллектуальная биография*:* контуры нового жанра в российской и украинской историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2016. Вып. 55. С. 230-231.

[3] *Леонтьева О.Б.* Интеллектуальная биография // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посв. 100-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана. Казань, 2013. С. 235–237

[4] *Базанов М. А*. Интеллектуальная биография*:* контуры нового жанра в российской и украинской историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2016. Вып. 55. С. С.224-234.

ности ученого; б) созданием психологического портрета главного персонажа биографии; в) наблюдением автора за особенностями эмоциональной сферы личности ученого; г) включением в общее повествование биографии элемента беллетризованности; д) образностью стиля текста, что придает этой модели, по мнению ее автора – А.Б. Петриной, новые черты «в общем "алгоритме" создания текста научно-биографического произведения»[1].

7. К новациям в современной украинской историографии следует отнести биографическую модель типа «*биографического мира*» И.И. Колесник[2]. Это, с одной стороны, развитие метода *сетевого анализа* межличностных взаимодействий, использованного автором в исследовании о Н.В. Гоголе и получившего дальнейшую теоретическую разработку в книге «Українська історіографія: концептуальна історія»[3], с другой – трансляция идей нарративной психологии в биографическую практику.

Данная модель – модель коммуникационная, исходным концептом которой выступает формула «*биографический мир*». Для И.И. Колесник «биографический мир» – это не синоним биографии, не линия жизни (линейная структура), а культурное пространство, в котором личность перемещается между различными сферами (профессиональной и бытовой, частной и публичной), меняя роли, статус, собственные интересы и виды деятельности; это – культурный мир человека и аффилированных с ним личностей, групп и общества в целом. Используя идеи нарративной психологии, автор определяет «биографический мир» как нарративную структуру, включающую цепь «жизненных нарративов», которые в своей совокупности предстают в виде конструкции целостного «жизнеописания».

Модель «биографического мира» инструментально основывается на «картах личности», предложенных в современной психологической литературе. «Карты личности» схематизируют течение жизни «героя» и его окружения во времени и пространстве и корректируют исследовательские процедуры. В соответствии с авторской стратегией «карты личности» могут включать разнообразный диапазон «пунктов», отражающих коммуникативный мир «героя». В модели И.И. Колесник, которая спроецирована на биографический мир Кобзаря, выделены шесть пунктов: места, артефакты, события, стрессы и проблемы, сценарий будущего, персональная идеология. Практическое применение данной модели нашло свое выражение в конструировании И.И. Колесник собственной версии биографического нарратива Т. Шевченко. Благодаря избран-

[1] См.: *Петрина А.Б.* Научная биография в российской культурной и интеллектуальной традиции: поиск новой модели: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Омск, 2009. С. 3, 32-33.

[2] См.: *Колесник І.І.* Біографічний світ Тараса Шевченка // Український історичний журнал. 2014. № 3. С.79-99.

[3] См.: *Колесник І.* Гоголь. Мережі культурно-інтелектуальних комунікацій. Київ, 2009. 596 с.; *Она же.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ, 2013. С.453-477 [Раздел «Мережева модель науки»].

ным автором «нарративным процедурам», достаточно хорошо известные факты «заиграли» в новом ключе, позволяя более объемно и целостно осмыслить личность и жизнь Кобзаря.

* * *

Ремарка-справка. Понятия *биографический нарратив, нарративная история, исторический нарратив* во многом связаны с экстраполяцией т.н. *нарративного подхода* из психологии[1] в область исторических и биографических исследований, с *нарративным поворотом* в методологии социогуманитарного знания (постструктурализм). Эти понятия имеют неоднозначные трактовки в современной литературе: по Ф.Р. Анкерсмиту, например, *исторический нарратив* (*нарративная интерпретация* исторических событий) – особый повествовательный жанр, историографическая репрезентация прошлого в его «метафорическом измерении», опирающаяся на фактографическую канву событийного ряда и нацеленная на конструирование осмысленной картины прошлого[2]; для М.Н. Эпштейна *нарратив* – «последовательно рассказанная биография», способ описания жизни / как лингво-культурной конструкции / в динамике ее событий[3] и проч. Вне зависимости от ракурса восприятия (у Ф.Р. Анкерсмита нарратив – цельная конструкция – *нарративистский холизм*, метафорический гештальт; у М.Н. Эпштейна *нарратив* – «событийная канва истории», динамическая конструкция, опирающаяся на *эпизодическую память*, хранящую информацию о событиях, развернутых во времени, в противовес *семантической памяти,* хранящей обобщенное знание как систему *биограмм*) в границах нарративной истории смысл события возникает в контексте *рассказа о событии* и имманентно связан с *интерпретацией,* а не опосредован онтологией исторического процесса [курсив везде мой. – Т.П.].

* * *

8. Среди биографических моделей – т.н. *вопросники*. К первым авторам «вопросников» относится Ш.-О. Сент-Бёв (1804–1869), родоначальник биографического жанра «литературных портретов». Выделив десять «аспектов портрета», Сент-Бёв, по сути, очертил тематический круг «портрета»: 1) рассмо-

[1] *Брунер Джером.* Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход. 2005. № 1 (2). С. 9-29.

[2] *Анкерсмит Ф.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. Пер. с англ. М., 2003. С.38-48.

[3] *Эпштейн М.* Жизнь как нарратив и тезаурус // Московский психологический журнал. 2007. № 4. С.47-56.

трение великого или выдающегося писателя в семейной обстановке («на его родной почве»); 2) ознакомление с характером его образования и воспитания; 3) определение «первого окружения» в период становления его таланта; 4) изучение первых успехов писателя – «талант в юности»; 5) определение периода «ослабления таланта»; 6) изучение особенностей мировоззрения, религиозных взглядов, его отношения к природе, женщинам, деньгам и проч.; 7) выявление тайных слабостей; 8) изучение специфики литературного стиля; 9) выявление духовных наследников, учеников и почитателей; 10) изучение оценок творчества писателя, данных «врагами», «недоброжелателями» и проч.[1].

В традиции Ш.О. Сент-Бева, развивая его теорию литературного портрета, современный российский литературовед Вл.А. Луков разработал теорию персональных моделей литературы. В ее основе понятие о *литературном портрете* как литературоведческом (литературно-критическом) тексте, выявляющим *персональную модель писателя* в истории литературы, основанную на *тезурусном подходе* (см. далее)[2]. Категория *модель* для Вл.А. Лукова – это «модель для»: она не существует сама по себе, но, будучи персональной, предполагает выявление соотношений объекта-писателя с многообразием окружающего мира. Используя концепт *персональная модель* для изучения истории литературы и основываясь на эксплицированном значении термина *модель*, Вл.А. Луков определяет стратегию исследования: выявление всех видов соотношений писателя как творца текстов с той реальностью, с которой он вступает в контакт: сфера литературы, общественной и личной жизни и проч. Для этого предлагается уточняющий «вопросник», включающий блок направлений: ***1)*** для того, чтобы стать объектом истории персональных моделей, писатель должен создать *значимую модель творчества* [курсив мой. – Т.П.] (иногда — жизни и творчества) для современников и последующих поколений, что резко ограничивает число фигур для их анализа в этом ключе; ***2)*** писатель рассматривается *в соотношениях* [курсив мой. – Т.П.] с предшествующими и современными ему персональными и общими моделями литературы, которые прямо или косвенно (через опосредующие звенья) повлияли или, напротив, не повлияли на него, вызвали подражание, отталкивание или безразличие; ***3)*** жизнь и

[1] См.: *Сент-Бёв Ш.О.* Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г. // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. Серия «Университетская библиотека» / Под ред. Г.К. Косикова. М., 1987. С. 39–48; *Он же.* Литературные портреты. Критические очерки. М., 1970; *Луков Вл.А., Трыков В.П.* Ш.О. Сент-Бёв о десяти заповедях биографического метода // VIII Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры: сб. статей и материалов / отв. ред. Вл.А. Луков. М., 1996. С. 52.

[2] См.: *Луков Вл.А.* Теория персональных моделей в истории литературы: Науч. монография. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 103 с. (Проект «История литературы: персональные модели в литературных портретах»). URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov_Vl_A_Theory_of_Personal_Models/ *Он же.* Мериме: Исследование персональной модели литературного творчества: Науч. монография. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 110 с. (Проект «История литературы: персональные модели в литературных портретах»). URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov_Merime/

творчество писателя должны быть представлены во внутренних соотношениях; ***4)*** объектом анализа выступают соотношения, вытекающие из воздействия персональной модели писателя на современников и последующие поколения.

История литературы как история персональных моделей, разумеется, имеет свою уязвимость: литературная модель не может представить писателя во всей его индивидуальности, уникальности, незаменимости. Сфера единичного – это не парафия истории персональных моделей (как, впрочем, истории литературы в любой ее форме), хотя из всех вариаций истории литературы именно история персональных моделей, убежден Вл.А. Луков, ближе к постижению индивидуального в литературе, нежели ее имперсональные ветви.

Теория персональных моделей включает следующие позиции: ***1)*** в качестве главного объекта анализа выступают персональные тексты, которые позволяют раскрыть индивидуальность писателя; ***2)*** персональная модель предстает в форме *литературного портрета* – это система жанров, соотношение с целыми направлениями, с эпохальными стилями, с крупнейшими фигурами, обобщенные характеристики наиболее значительных произведений и т. д.; ***3)*** *портрет* в данном случае – метафора, в отличие от биографии он статичен, не передает всех нюансов развития во времени; его техника – более или менее «крупные мазки», позволяющие высвечивать проблемы, которые нередко незаметны при слишком детализированном подходе к жизни писателя; ***4)*** если задачей *биографии* является проникновение во внутренний мир писателя, раскрытие его личности как уникально-неповторимой, акцентирование роли субъективных обстоятельств, определивших индивидуальность творчества, то *портрет* раскрывает специфику созданной писателем персональной модели в литературе и позволяет прийти к выводам не об индивидуальном, а об общем; ***5)*** литературный портрет – гибкий и разнообразный жанр, что доказала его история от Ш.О. Сент-Бёва до А. Моруа и др.[1], поэтому общей схемы при создании портретов быть не должно; ***6)*** история персональных моделей литературы может быть создана только «в перекличках, диалоге различных точек зрения на личность и творчество писателей, выявлении многообразных соотношений персоналий между собой и с развитием мирового литературного процесса» (Вл.А. Луков).

9. В науковедческой литературе с 1930-1940-х гг. вопросники получили распространение наряду с анкетами. Применяя вопросники для изучения со-

[1] Вл.А. Луков считает, что ни Ш.О. Сент-Бёв, ни его последователи от Г. Планша до А. Моруа, собственно, таких литературных портретов не создали, постоянно отходя от его «чистого» вида то в сторону очерка (научного, художественного, публицистического), то в сторону биографии (также научной, художественной, публицистической): литературный портрет, не успев сформироваться, довольно быстро растворился в биографической жанровой генерализации, что связано с общими тенденциями развития литературы и филологии в XIX и особенно XX веке.

временной науки с целью оптимизации научно-исследовательской деятельности, ученые допускали возможность по форме вопросников составлять материалы и для изучения биографий ученых прошлых эпох[1].

В этом случае «вопросник» выступает уже как «дорожная карта», в соответствии с которой должен осуществляться источниковедческий поиск – сбор биографической информации. Одновременно структура «вопросника» предстает как схема *биограммы*, на основе которой можно создавать различные вариации биографических текстов.

* * *

Ремарка. *Биография* и *биограмма* – этимологически идентичные термины, однако как самостоятельное понятие *биограмма* применяется ныне в различных областях знания со своим содержательным наполнением. Одним из первых этот термин использовал американский социолог Т. Абель еще в 1940-е гг.; для него *биограмма* – это совокупный блок рассказов о своей жизни, написанных по шаблонной схеме представителями определенной социальной группы[2]. М.Н. Эпштейн определяет *биограмму* как структурную единицу жизненного целого («дружба», «встреча», «одиночество» и т.п.) – тематическое поле биографических событий, *нарратив* в этом случае в его трактовке предстает как временной срез жизни в последовательности ее событий, или *биограммы* во временном порядке[3].

В нашем контексте ***биограмма*** обозначает структуру фактуального каркаса (набора тематических блоков биографических сведений) в зависимости от программы автора, или шире – максимально полную и репрезентативную фактуальную базу биоисториографического исследования, которая в свою очередь является основой для построения различных типов жизнеописаний историков.

* * *

Новый импульс приобрели «вопросники» в связи с размахом просопографических исследований: создание компьютерных банков данных для изучения коллективных биографий потребовало выработки специальных методик[4]. Бесспорная ценность этих материалов для справочных изданий или

[1] *Карцев В.П.* Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М., 1984. С.138-139.

[2] См.: *Abel T.* The nature and use of biograms // Amer. J. of Sociology. 1947. V. 53. N 2. P. 111 – 118; *Мошкова Г.Ю.* Биографический метод и проблема психологии личности ученого // Вопросы психологии / Ред. Е.В. Щедрина. 1994. № 2, март-апрель 1994. С. 131-142.

[3] *Эпштейн М.* Жизнь как нарратив и тезаурус // Московский психологический журнал. 2007. № 4. С.47-56.

[4] См.: *Гиндилис Н. Л.* Пионеры просопографии в науке // Вопросы истории естествоз-

решения вопросов, связанных с параметрическим анализом научных сообществ, становится проблематичной, если речь идет об объемной личностной характеристике ученого. Специфика стандартной «файловой структуры», проблемы источниковедческого плана, сама направленность просопографии не всегда позволяют использовать эти данные для всех видов биоисториографических исследований.

Ремарка-штрих. Сегодня сосуществуют две версии *просопографии*: как междисциплинарной области исследований, ориентированной на создание «коллективных биографий» на основе комьютерных баз и банков данных[1], и как специальной исторической дисциплины, цель которой – реконструкция биографий исторических личностей конкретной эпохи, имевших общие черты (политические, социальные, этнические и проч.), с использованием методов и материалов генеалогии, демографии, дисциплин источниковедческого профиля[2], получившей свое распространение еще в XIX в.

Биоисториографические модели типа «вопросников» нацеливают в первую очередь на поиск биографической информации, создание фактуальной базы кон-

---

нания и техники. 1991. № 1; *Гарскова И.М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. М., 1994; *Она же.* Анализ историографии исторической информатики как научного направления // Харківський історіографічний збірник. 2010. Вип. 10; *Гутнов Д.А.,Перевертень В.А.* Российские историки XVIII – начала XX вв.: проект и информационная система // Круг идей: новое в исторической информатике. Труды 1 конференции Ассоциации «История и компьютер» / Ред. Л.И. Бородкин и В.С. Тяжельникова. М., 1994; *Перевертень В.А.* Разработка информационных систем для просопографических исследований: Автореф. … канд. техн. наук. М., 1996.; *Дашкевич Я.* Об'єктивне і суб'єктивне в просопографії // Український біографічний словник: історія і проблематика створення: Матеріали науково-практичної конференції. Львів, 1997; *Маурер Т.* Новый подход к социальной истории университета: коллективная биография профессоров // Из истории русской интеллигенции. Сб. материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р.Лейкиной-Свирской. СПб., 2003; *Лукиных Т.Н.* Историография клиометрики: Учебное пособие. Томск, 2003; *Юмашева Ю. Ю.* Круг идей: новые издания по исторической информатике. URL: http: //interstroy-omsk.ru/historygraphia/krug-idej-novye-izdaniya-po-istoricheskoj-informatike.php ; *Бородкин Л. И.* Aximata minora: памяти Виталия Васильевича Подгаецкого // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2006. № 33; Информационные технологии для историков: Учебное пособие к практикуму по курсу / Отв. ред. *Л.И.Бородкин*. М., 2006; Українська біографістика=Biographistica Ukrainica: зб. наук. праць / НАН України; Нац. б-ка України ім. В.І.Вернадського. Інститут біографічних досліджень; редкол.: В.І.Попик (відп.ред.) та інш. Київ, 2008. Вип. 4; Количественные методы в исторических исследованиях. Учебное пособие для студентов исторических факультетов / Под редакцией проф. *Н.Б.Селунской*. М., 2014 и др.

[1] См.: *Огурцов А.П.* Биографический метод // Новая философская энциклопедия. В 4-х т./ Ин-т философии РАН, Нац. Общ. Научн. Фонд / Научн.ред. Совет: предс. В.С. Степин. М., 2000. Т.1. С. 266-267; *Юмашева Ю. Ю.* Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 95-127; Stone L. Prosopography // Historical Studies Today / Ed. by F. Gilbert and St. Graubard. N. Y., 1972. P.100-116; *Старовойтенко І.* Просопографія: підходи до трактування змісту наукової дисципліни в історіографії // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Число 13. Ч. 1. Київ, 2006 и др.

[2] См.: *Петрова М.С.* Просопография как специальная историческая дисциплина (на примере авторов Поздней Античности Макробия Феодосия и Марциана Капеллы). СПб., 2004. 203 с.

кретного биоисследования. Известно, что любой источник отвечает лишь на те вопросы, которые ему задают, поэтому «вопросник» (по сути – пункты-позиции биомодели) опосредствован авторской стратегией (включающей не только специфику объекта-«героя» и предмета исследования, но и предполагаемый стиль нарратива, объяснительные модели и проч.), определяющей в конечном счете выбор конкретного типа (типов и их композицию) биографического письма.

10. Модель-«вопросник»[1] предполагает поиск биоинформации для анализа жизни и творчества ученых-историков в системе университетов Российской империи XIX – начала XX вв. и отражает в определенной мере социокультурную темпорально-региональную специфику. Не исчерпывая, безусловно, всех возможных сторон биоисториографического анализа, предлагаемая модель очерчивает объем содержательных позиций, которые выступают составляющими «жизнеописания». В то же время структура и архитектоника[2] конкретного биографического текста может варьироваться в соответствии с авторской программой.

Вариант биоисториографической модели

1. Базовые биографические данные:

1.1. ФИО (с указанием изменений).
1.2. Псевдонимы, криптонимы.
1.3. Даты жизни (по юлианскому и григорианскому календарям).
1.4. Место рождения, место смерти и захоронения.
1.5. Время начала и окончания творческой деятельности (по году публикации первой и последней работы / по году написания неопубликованных первой и последней работы).
1.6. Иконография.

2. Национальные и социальные характеристики:

2.1. Национальность (по паспорту; по самоидентификации).

---

[1] Данная модель – откорректированный вариант структуры словарного раздела Биографического словаря ученых Новороссийского университета: разработана автором для подготовки Биографического словаря профессоров Одесского (Новороссийского) университета. См.: *Попова Т.Н.* О методике биоисториографических исследований // Записки історичного факультету. Одеса, 1997. Вип. 5. С. 165-172; *Она же.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета, Одесса, 2007. С.498-503; *Она же.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций: теория, методология, практика // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Інститут історії України НАН України. Київ, 2014/2015. Вип. 8. С.26-31 и др.

[2] В данном контексте: *структура* – это определенный порядок взаимосвязи содержательных компонентов текста; *архитектоника* - композиционная логика текста, его стилевая специфика; структура и архитектоника конкретного текста всегда обусловлены исследовательской стратегией и выражают авторскую индивидуальность, даже если текст создается по определенным шаблонам и жанровым схемам. См. об этом также: *Ясь Олексій.* Історик і стиль. Визначні постаті українського історіописання у світлі культурних епох (початок XIX-80-ті роки XX ст.): Монографія: У 2 ч. Ч.1 / за ред. В.А. Смолія. Київ, 2014. С.52-54.

2.2. Вероисповедание (официальная принадлежность к конфессии).
2.3. Языки творчества.
2.4. Социальное происхождение (по отцу / родителям).
2.5. Достигнутое социальное положение.
2.6. Титул.
2.7. Высший чин (по Табели о рангах).
2.8. Финансово-экономическое положение; владение собственностью.

3. Происхождение и семейное положение:

3.1. Родители: отец, мать (даты жизни, национальность, происхождение, вероисповедание, социальный статус, экономическое положение).
3.2. Знаменитые родственники (предки; братья, сестры и др.; потомки).
3.3. Жена (ы) (даты жизни, девичья фамилия, национальность, происхождение, вероисповедание, социальный и профессиональный статус, экономическое положение).
3.4. Браки /разводы/: количество, даты.
3.5. Дети.

4. Образование:

4.1. Домашнее или иное начальное (кто обучал – био-данные).
4.2. Среднее: учебные заведения, место, годы обучения (учителя – био-данные).
4.3. Высшее: учебное заведение, годы обучения, факультет, специальность; форма аттестации, диплом.
4.4. Второе образование.
4.5. Слушал курсы профессоров, работал в семинарах (био-данные).

5. Научная подготовка и научный рост:

5.1. Студенческое конкурсное сочинение: тема, год, награды (профессор – автор темы).
5.2. Студенческое выпускное сочинение (вид, тема, год, научный руководитель).
5.3. Подготовка к профессорскому званию (даты, при каком университете, кафедра, специальность, научный руководитель, даты сдачи магистерских экзаменов /перечень, оценки, экзаменаторы /).
5.4. Магистерская диссертация:
5.4.1. Тема, специальность.
5.4.2. Дата и место защиты; дата выдачи диплома магистра наук.
5.4.3. Научный руководитель, оппоненты (официальные и неофициальные).
5.4.4. Сведения о публикации.
5.5. Докторская диссертация:
5.5.1. Тема, специальность.
5.5.2. Дата и место защиты; дата выдачи диплома доктора наук.
5.5.3. Оппоненты.
5.5.4. Сведения о публикации.

5.6. Должности, звания (университет, факультет, кафедра – даты):
5.6.1. Адъюнкт.
5.6.2. Доцент.
5.6.3. Приват-доцент.
5.6.4. Экстраординарный профессор.
5.6.5. Ординарный профессор.
5.6.6. Заслуженный профессор.
5.6.7. Должностные оклады и проч.
5.7. Зарубежные командировки (страна, учебные, научные центры, цель, финансирование; даты).
5.8. Стажировки за границей (страна, учебные, научные центры, цель, финансирование; даты).

6.Научная, научно-педагогическая и научно-организационная деятельность:

6.1. Характер научной деятельности:
6.1.1. Исследования, публицистика, эссеистика, перевод научной литературы, публикация источников, издание научной литературы и др.
6.1.2. Научные экспедиции.
6.1.3. Архивная деятельность.
6.2. Характер научно-организационной и научно-просветительской деятельности:
6.2.1. Участие в научных обществах (название, место, вид членства, должности, форма деятельности; даты).
6.2.2. Организация (участие) научных и научно-просветительских центров; должности в научных учреждениях.
6.2.3. Публичные чтения, меценатство в научной сфере и др.
6.2.4. Руководство научными студенческими кружками (научно-образовательный центр, научное направление, характер руководства и проч.)
6.3. Научно-педагогическая деятельность:
6.3.1. Научные центры, учебные заведения (высшие – университеты и др.; средние и др., зарубежные центры, государственные и частные; даты работы).
6.3.2. Учебная нагрузка:
6.3.2.1. Наименования курсов лекций, спецкурсов, спецсеминаров; практические занятия (по курсу, темы); консультации и проч. (время проведения: год, семестр, часы в неделю) в вузах.
6.3.2.2. Уроки по предметам в средних учебных заведениях.
6.3.2.3. Преподавание и репетиторство (наиболее известные семьи, ученики).

7.Категориальный профиль (научный):

7.1. Приверженность к философским системам (тип, временной диапазон, эволюция).
7.2. Теоретико-методологические позиции:

7.2.1. Онтологические категории (теория исторического процесса):
7.2.1.1.Модель исторического процесса (прогресс /тип/; регресс, цикличность, флуктуация и проч.).
7.2.1.2. Факторы исторического развития.
7.2.1.3. Триада: народ-личность-государство.
7.2.1.4. Триада: общее-особенное-единичное.
7.2.1.5. Закон и закономерность в истории.
7.2.1.6. Необходимость и случайность в истории.
7.2.1.7. Объективное и субъективное в истории.
7.2.1.8. Категории времени; периодизация исторического процесса.
7.2.1.9. Прочее.
7.2.2. Гносеологические категории (теория исторического знания):
7.2.2.1. Триада: объект-предмет-субъект в историческом познании.
7.2.2.2. Исторический факт и исторический источник. Историческая истина; границы познаваемости истории.
7.2.2.3. Объективность и субъективность в историческом исследовании.
7.2.2.4. Статус исторического знания.
7.2.2.5. Научное историческое познание в контексте форм познавательной деятельности (научное и художественное, рациональное и интуитивное и т.п.).
7.2.2.6. Прочее.
7.2.3. Методологические категории:
7.2.3.1. Методика источниковедческого анализа.
7.2.3.2. Методы исторического исследования.
7.2.3.3. [Меж]дисциплинарные методы.
7.2.3.4. Методики и техника исследовательской работы.
7.2.3.5. Прочее.
7.2.4. Логико-аксиологические категории:
7.2.4.1. Историческое знание и культурные ценности.
7.2.4.2. Понимание и объяснение (тип, интерпретационная модель).
7.2.4.3. Логическая структура дискурса.
7.3. Индивидуальный авторский стиль:
7.3.1. Стиль мышления (культурно-историческая характеристика): просветительский, романтический, позитивистский, неоромантический и т.п. (комбинации).
7.3.2. Стиль мышления в контексте типов рациональности: классический/ неклассический [для данной эпохи. – Т.П.].
7.3.3. Историографический стиль (нарратив: сценарии, структура и архитектоника текста).
7.4. Научная картина мира.

8. Научное кредо: концептуальные воззрения (на основе модели анализа историографических источников – главных /рубежных/ трудов «героя»).

9. Сфера научной деятельности:

9.1. Научная область, дисциплина, специальность.
9.2. Проблематика.
9.3. Стержневое направление исследований.

10. Тип ученого:

10.1. Теоретик / практик-эмпирик.
10.2. Ученый-исследователь / ученый-педагог.
10.3. Ученый-философ / ученый-«поэт» / ученый-сциентист.
10.4. Генератор идей / глоссатор / транслятор / комментатор.
10.5. Критик / конструктивист / догматик.
10.6. Аналитик / фактограф / синтетик.
10.7. Кабинетный ученый / ученый-просветитель / ученый-политик.
10.8. Комбинации и прочее.

11. Историографическая классификация – принадлежность к направлению, течению, школе:

11.1. Самоидентификация ученого; отношение к научной корпоративности.
11.2. Учителя «героя»:
11.2.1. Учителя, признаваемые самим ученым (био-данные, источники).
11.2.2. Ученые, признающие «героя» своим учеником.
11.2.3. Учителя по историографической традиции.
11.2.4. Интеллектуальные/научные влияния.
11.3. Ученики «героя»:
11.3.1. Признаваемые самим ученым (био-данные, источники).
11.3.2. Признающие «героя» своим учителем.
11.3.3. Ученики по историографической традиции.
11.4. Принадлежность к историографическим классам по историографической традиции.

12. Категориальный профиль (мировоззренческий):

12.1. Система мироустройства (в т.ч. – «проблема Бога»).
12.2. Триада: историческая наука-политика-идеология.
12.3. Партийно-политические ориентиры.
12.4. Приоритеты: индивидуальное и коллективное начала.
12.5. Приоритеты: национально-этнические («первичная этничность», «ситуационная этничность»[1]) / интернациональные / общекультурные/ космополитические и т.п.
12.6. Гендерные позиции.

[1] По концепции П.Р. Магочия. См.: *Магочий Павло*. Українське національне відродження. Нова аналітична структура // Український історичний журнал. 1991. № 3. С. 97-101.

13. Признание заслуг научно-педагогической деятельности:

13.1. Членство в Академиях наук отечественных и зарубежных (вид АН, место, звание; даты).

13.2. Членство в иностранных научных обществах и т.п. (тип, год избрания и др.).

13.3. Ордена, награды, знаки отличия (вид, форма; даты).

13.4. Иные формы научных отличий.

14. Научные связи:

14.1. Официальные контакты с научными центрами (тип центра, цель, форма; даты).

14.2. Личные контакты с учеными (био-данные, мотивация, формы, результаты; даты).

15. Служебная деятельность (вне университетов):

15.1. Вид деятельности.

15.2. Наименование учреждения, годы работы.

15.3. Должности: название, оклады; даты.

16. Общественная деятельность:

16.1. Виды деятельности: политическая (в том числе – революционная, оппозиционная и проч.), благотворительная и т.п. (формы; даты).

16.2. Наиболее значимые результаты общественной деятельности.

17. Санкции:

17.1. Общественные порицания, обвинения (причина, форма; даты).

17.2. Аресты, ссылки, тюремные заключения (вид, содержание обвинения, география; даты и проч.).

17.3. Научная деквалификация (причина, форма; даты).

17.4. Иные формы.

18. Характеристика личности (человека и профессионала):

18.1. Тип личности: сангвиник/холерик/флегматик/меланхолик; экстравертивный / интровертивный; рационалист / интуитивист; оптимист / пессимист / стоик; акцентуация по К.Леонгарду и др. (комбинации).

18.2. Тип мышления: дисциплинарный / дисциплинарно-креативный / креативный.

18.3. Тип мышления: вербально-логический/ассоциативно-образный (комбинации).

18.4. Стиль мышления (психологическая характеристика): синтетический / идеалистический / прагматический / аналитический / реалистический (комбинации и проч.).

18.5. Психо-физическая конституция: внешность, болезни, слабости (пороки); отношение к окружающим; женщинам; детям; долголетие (в том числе – интеллектуальное).

18.6. Любимые артефакты (вещи, произведения искусства и проч.).
18.7. Хобби.
18.8. Судьбоносные поступки.
18.9. Самовосприятие (самооценка собственной личности, профессиональной деятельности, заслуг и др.: эволюция).
18.10. Воспоминания о «герое».
18.11. Научная репутация при жизни.
18.12. Некрологи.
18.13. Историографическая репутация (эволюция).

19. География проживания (страна, город и проч. – даты; адреса).

19.1. Места памяти «героя».
19.2. Места «силы» (наибольшей творческой активности).
19.3. Места «слабости» (наименьшей творческой активности).

20. Окружение (коммуникации):

20.1. Макроокружение (био-данные).
20.2. Микрокосм (био-данные).
20.3. Судьбоносные встречи (био-данные).

21. Наукометрический анализ публикаций:

21.1. Проблемная, видовая и жанровая характеристика научных и иных опубликованных трудов (количество, эволюция по годам / периодам, месту проживания, месту работы; издательства; языки публикаций и проч.).
21.2. Анализ личного архива: характеристика рукописных трудов.
21.3. Биобиблиографии (авторские; созданные при жизни «героя»; юбилейные и проч.).

Вместо выводов: акценты

...Мысль целиком жива для нас
только вместе с человеком,
который ее мыслил.

Карл Ясперс

Акцент первый

Структура данной модели не противоречит наметившейся тенденции в современной литературе – поиску цельности в репрезентации истории жизни не через событийную повествовательность «от рождения до смерти», но благодаря конструированию определенного блока тематических полей. У И.И. Колесник – это *биографический мир* = нарративная структура из ряда «жизненных нарративов», основанных на т.н. «картах личности», включающих разнообразный диапазон «пунктов» (тем), отражающих коммуникативный мир «героя» (места, артефакты, события, стрессы и проч.). Для М.Н. Эпштейна оптимальный биографический опус создается с помощью категории *тезаурус* как совокупности *биограмм* (концептуальных «жизнеописательных и жизнемыслительных единиц» – надсобытийных категорий = образов, «фигур действия или переживания», «общих рубрик» для сопоставления авто/биографий), организованных системно для описания целостной картины жизни и жизневоззрения. В *тезаурусе* (как и в *нарративе*) жизнь предстает как лингвокультурная конструкция, однако в отличие от нарратива, который, по мнению М.Н. Эпштейна, описывает *историю жизни* (в последовательности ее событий), тезаурус представляет *картину жизни* как континуум событий, при этом содержание жизни развернуто в виде всеобъемлющего «каталога» людей, мест, книг, чувств, мыслей и т.п. Эти модели близки по исходному *нарративному подходу*, отказу от *биографической линейности*, ориентации на *биографическое пространство*, акценту на цельность конструкции как совокупности определенных тематических полей («общих рубрик» = «пунктов» = «жизнеописательных единиц» = «биограмм»), наконец, они органично связаны с *историей памяти* – новым проблемным полем в историографии.

Предложенная *биоисториографическая модель* не привязана жестко к конкретному методологическому подходу (в данном случае – нарративному) и позволяет комбинировать фактографический материал в соответствии с авторской программой биоанализа.

Акцент второй

Каждый тип биоанализа (= тип биописьма = тип биографического жанра = тип биографизма[1]) может быть представлен рядом моделей. Как

[1] В данном случае позволю себе употребить эти понятия как синонимы.

инструментальный концепт *биомодель* выполняет две основные функции: 1/ это – *информационная модель* («вопросник» = тематическая структура), в соответствии с которой происходит поиск и систематизация биографического материала – формируется фактуальная база конкретного биографического исследования = биограмма; 2/ это – *концептуальная модель*, в определенном плане – структурированный образец, схема, по которой создается текст биографического опуса; последний в целостности своего содержания (концептуальной идеи) и архитектоники письма предстает как интерпретационный вариант конкретного типа биоанализа. Каждый из типов биографического/биоисториографического анализа (интеллектуальная биография, «внутренняя» биография, профессиональная биография и проч., типы «биографического мира» и «тезаурусного пространства») может быть описан с помощью разнообразных моделей в зависимости от содержательной структуры «вопросов», «пунктов», «рубрик», тематических блоков, биограмм /по М.Н. Эпштейну/.

Акцент третий

Для профессионального историографа (историка исторической науки) историческая концепция является главным (но, конечно, не единственным) объектом историографического анализа. Интерпретативная сущность исторической/историографической концепции сегодня (и «вчера» тоже!) вряд ли вызывает сомнение. Если даже не переходить полностью (вслед за Ф.Р. Анкерсмитом и др.) на позиции *нарративного идеализма*, нельзя не признать, что ни одно повествование не является адекватной «картиной» прошлого, его реальной реконструкцией, но представляет собой определенную авторскую конструкцию «исторического ландшафта»[1]. Невозможность создания единственно верной интерпретации обусловливает появление множественности интерпретационных моделей прошлого (исторических/историографических/биографических/биоисториографических и т.п.). Естественно, в этом случае только «форум историков»[2] может создать предпосылки для получения «объективного знания» – вычленения *истинных* (конвенционально принятых на данном этапе развития науки и исследования проблемы) *научных фактов* (идей, концепций, инструментария, фактографии и проч.). Однако нарративная интерпретация биографической фактографии все-таки должна преследовать основополагающую познавательную цель – «проникнуть в тайны прошлого»[3].

---

[1] См. *Анкерсмит Ф.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. Пер. с англ. М., 2003. С.128.

[2] Там же. С.338.

[3] *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С.267. Персональный маршрут самого Ф.Р. Анкерсмита свидетельствует о том, что настоящий ученый должен находиться в перманентном поиске путей *приближения* к исторической реальности.

P.S.

П.М. Бицилли – блистательный мыслитель – был решительно против «единственно возможного мерила» в исторических конструкциях и настаивал на разных подходах, на самоценности каждого из них, но «центром кристаллизации распыленных феноменов исторического бытия», с помощью которого можно соотнести все «многообразие данности», для него был *Человек, Личность, Творец*. Среди всех форм анализа исторического бытия он выбирал «анализ человека» – творчески раскрывающегося в области своей деятельности, «своей науки»[1]. Антропологически ориентированная направленность его взгляда – это модус «человеческого измерения», единственного основания многообразной полифундаментальности в координатах нашего человеческого бытия. Эта установка заставляет на каждом новом ренессансном витке биографизма углублять личностную и дисциплинарную рефлексию.

[1] См. *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага, 1925. С. 31, 148, 244, 268, 274-275 и др.

Nota bene

...многое из того, что волнует нас сегодня,
совсем неплохо осознавалось в прошлом,
но только в совершенно ином мыслительном материале.

Э.Ю. Соловьев

Только ясно осознав, как получилось,
что мы сейчас думаем именно так, как думаем,
мы сможем освободиться от стереотипов
и начать мыслить по-другому…

И. Валлерстайн

Из истории

С XIX в. развитие идей в единой общеевропейской традиции рассматривалось преимущественно в контексте «теории филиации», поэтому и в университетской научной традиции Российской империи новая область исторического знания – *история истории*, дисциплинаризация которой уже началась в этот период, предметно определялась как *история исторической мысли* с двумя основными дисциплинарными наименованиями – «историография» и «история историографии»[1].

В XX веке в западной традиции сформировалась автономная дисциплина – *история идей*, позже – *интеллектуальная история*, в дисциплинарное поле которой входила и *история исторических идей*. Вплоть до 1970-х гг. изучение исторических идей (как и всего интеллектуального процесса) в западной традиции проходило с элиминацией социального контекста; социальные аспекты науки изучались в границах социальной истории, собственно историографии как исторической науки, а проблемы теоретического и методологического характера были уделом философии, теории, эпистемологии, методологии истории и т.п. Во многом эта ситуация была обусловлена теми «образами науки», которые сложились в западной философии и истории науки на протяжении 1930–1960-х гг.

Интернализм и *экстернализм*, создав оппонирующие «образы» науки – когнитивный и социальный, фактически разделили интеллектуальную и социальную сферы науки, определив соответственно и два *типа анализа* науки – когнитивный и социальный. Но уже в 1960-е гг. в науковедческих иссле-

[1] См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в контексте дисциплинарных традиций // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2011. С.474-490.

дованиях четко обозначилась тенденция к переосмыслению прежних «образов науки». В этом процессе, вероятно, следует учитывать и такой фактор, как становление новой интегральной области знаний, получившей в СССР самоназвание *науковедение,* а на Западе – *science of science*.

С рубежа 1960-1970-х гг. о себе заявило новое направление – когнитивная социология (M.Mulkau, R.Whitley и др.), представители которого, исходя из *социокогнитивного* образа науки, выдвинули новый подход к изучению науки – *социокогнитивный* (термин А.П. Огурцова)[1]. Эволюция на протяжении 1960-х гг. взглядов Т. Куна с переосмыслением акцентуализации ведущих категорий его теории научных революций – *парадигмы* и *научного сообщества* – стала выражением «социального поворота» в исследовании интеллектуальных движений.

«Возрождение» интеллектуальной истории с ее обращением к социокультурному контексту интеллектуальной деятельности «проходило» в русле новых тенденций в общем научном поле. С конца XX века в ареале интеллектуальной истории направление, сфокусированное на исследовании истории исторического познания, получает распространение под самоназванием *история историографии.* В его предметное поле вошел новый жанр историописания – *автобиоисториографический* (по определению Л.П. Репиной), который представлен автобиографическими эссе крупнейших историков, среди них – Пьер Нора, Жак Ле Гофф, Жорж Дюби, Мишель Пьер, Макс Белофф, Лоренс Стоун и др. Сами авторы называют свои опусы – «эго-историей» (П. Нора), «ego-laborator» или «ego-faber» (Ж. Дюби), «интеллектуальной автобиографией» (М. Белофф). Вне зависимости от названия практически все авторы вписывают свой профессиональный опыт, свою жизнь в науке в социокультурный контекст.

В автобиографии в едином предметном поле происходит совмещение традиций личностной истории с традициями социально-интеллектуальной истории, и этому новому направлению Л.П. Репина предложила наименование – *история историографии в человеческом измерении*[2].

В структуре исторической науки в СССР на протяжении 1960-1980-х гг. завершилось дисциплинарное оформление *истории истории* под официальным «именем» – *историография* – как специальной исторической дисциплины, предметом которой (как он определялся практически во всей дидактической и официально-научной литературе) выступали закономерности развития исторических знаний и исторической науки. При этом формула *история историографии* в отличие от западной традиции обозначала форму историографической рефлексии, т.е. *историю истории исторической науки.*

---

[1] См.: *Огурцов А.П.* История естествознания, идеалы научности и ценности культуры // Наука и культура / Отв. редактор В.Ж. Келле. М., 1984. С.170.

[2] См.: *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009. С. 264-267.

Дискуссии 1960-х гг. (по инициативе прежде всего М.В. Нечкиной) способствовали преодолению одновекторности в понимании взаимосвязи «базис-надстройка», приоритета социально-экономических факторов в развитии науки, что было характерно для советской историографии науки предшествующего времени. Кстати, факт влияния «советской модели» развития науки, созданной на рубеже 1920-1930-х гг., на появление «экстерналистского невидимого колледжа» не оспаривался нашими западными коллегами, в первую очередь – участниками этого научного движения[1].

Новый образ исторической науки как единство «внутренних» (когнитивных) и «внешних» (социальных и проч.) сторон ее жизнедеятельности обусловил и широкое проблемное поле историографических исследований, и тот тип *био-историографического анализа,* который «связал» личность с эпохой, научное творчество с социальным контекстом. Осознание механизма взаимосвязи интеллектуальных и социальных параметров в биографических в целом и в *биоисториографических исследованиях* на протяжении последнего тридцатилетия советской науки претерпело свою эволюцию.

Эпоха «оттепели» определила новый взгляд на ценность человеческой личности и моральной ответственности индивида в социуме, способствуя тем самым созданию целостного образа объекта биографических исследований. В методологии наметилась тенденция к преодолению редуцированной оценки личности как «продукта эпохи», «комплекса социально-экономических факторов», что было особенно характерно для «школы» М.Н. Покровского. Под «марксистским подходом» к анализу личности в 1960-е годы стали понимать показ того, как «происходит диалектическое взаимодействие – познание эпохи через личность и личности через эпоху»[2].

С.Л. Рубинштейн (представитель Новороссийского университета с 1919 г.), стоявший у истоков марксистской школы психологов, считал, что «свойства личности включают общее, особенное и единичное и значительность личности определяется тем, чем больше в ее индивидуальном преломлении представлено всеобщее»[3]. В формуле «индивидуальное преломление всеобщего» категория «индивидуальное» предстает, по его мнению, как система «внутренних условий личности» (ее мотивы, установки, характер, потребности, вкусы, интересы, темперамент, способности и т.п.), а категория «всеобщее» – как система «внешних условий» на определенном этапе развития личности. Обе категории историчны, и изменение качественных параметров «индивидуального» выражается через *историю психики*, смену ее исторических форм, каждая из которых имеет свое особое внутреннее строение: меняется не толь-

[1] См.: *Прайс Д.* Наука о науке // Наука о науке. М., 1966. С.247; *Бурош Э.* Ученый и политическая деятельность // Там же. С.38.

[2] Биография как историческое исследование // История СССР. 1970. № 4. С.232, 239.

[3] Там же. С.235.

ко объем сознаваемой информации, соотношение тех или иных психических свойств и процессов, но и сам тип их связи. Сознание человека эпохи средних веков и нового времени отличается между собой не только в количественных характеристиках, но и качественно. *Социально-историческая типология* людей – это факт, и вне этого факта не может быть во всей жизненной полноте охарактеризована роль личности в истории. Исторические судьбы самого биографического жанра, подчеркивал С.Л. Рубинштейн, отражают историю личности на разных этапах ее развития[1].

Институционализация в этот период нового направления – *исторической психологии* – открывало и новые возможности для развития исторической биографии[2].

Если «образцом» биографического анализа предшествующего времени была методика Е.В. Тарле, отбиравшего факты для ответа на вопрос, как «личное перекликается с общественно значимым», исходя из тезиса – «важнейшее из личного» (остальные «подробности биографии» не представляли для него ценности)[3], то новые задачи, поставленные биографами-«шестидесятниками», включали исследование «субъективно-психических сторон биографии», а «непременным элементом работы над исторической биографией» постулировался «длительный процесс "вживания в образ"»[4]. Главной проблемой биографического исследования определялось раскрытие «импульсов научной деятельности», анализ динамики и психологии творческого процесса, выявление образа мышления ученого и целенаправленности его деятельности[5].

Важный тезис, который постулировался в литературе этого времени, заключался в том, что биографическое знание об ученом не ограничивается нормами/сферой научности, – оно более многогранно. Среди новых подходов, предложенных в эти годы, – модель «трех координат», в соответствии с которой анализ индивидуальной деятельности ученого осуществлялся в системе: предметно-логической, социально-исторической и личностно-психологической. «Принцип трехаспектности науки» требует рассматривать вклад ученого в науку не только с позиций его концептуальных и проч. достижений, но и

---

[1] Там же. С.235-236. См. также: *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения. М., 1989.

[2] См.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1966. 213 с.; Проблемы научного творчества в современной психологии / Под ред. М.Г.Ярошевского. М., 1971. 336с.; *Белявский И.Г. Шкуратов В.А.* Проблемы исторической психологии. Ростов-на-Дону, 1982. 224 с.; *Белявский И.Г.* Историческая психология. Одесса, 1991. 250 с. и др.

[3] См.: *Баженов В.В.* Биографический метод в научном творчестве академика Е.В. Тарле // История и историки. 1972. М., 1973. С.295.

[4] История СССР. 1970. № 4.С.242.

[5] См.: *Мейлах Б.С.* Биография как методологическая проблема // Человек науки. Сборник по материалам Симпозиума по проблемам биографии творческой личности / Под ред. М.Г. Ярошевского. М., 1974. С. 15.

оценивать его роль в научном социуме его эпохи, определять влияние ученого на науку как целостной личности[1]. С.Г. Ярошевский, известный советский психолог, историк науки, ученик С.Л. Рубинштейна, писал: «В биографической реконструкции, в особенности касающейся психологического мира героя, зачастую закрытого не только для других, но и для него самого, биограф вынужден вращаться в сфере домысла, который, однако, не следует отождествлять с художественным вымыслом»[2]

Новые тенденции в биографическом жанре были связаны и с участием советских историков в XIII Международном конгрессе исторических наук (Москва, 1970), с обсуждением выступления известного немецкого ученого Вальтера Хубача (ФРГ) об исторической биографии. Согласно его мнению, биография – это жизнеописание, в центре внимания которого развитие неповторимой человеческой личности, раскрытие ее внутреннего мира в тесной взаимосвязи с эпохой и делом, которому эта личность себя посвятила; биографический текст должен содержать элемент художественности, интимного проникновения личности автора в личность героя на основе соединения рационального познания и интуитивного; между автором и «героем» наряду с «субъект-объектными» отношениями должны устанавливаться «субъект-субъектные» отношения»[3].

Поистине новаторской в области биоисториографических исследований в эти годы стала монография М.В. Нечкиной о В.О. Ключевском[4]. Исходная идея автора о том, что «историческое развитие творческих процессов» взаимосвязано со временем, с одной стороны, а с другой – «с вплетающимся в них биографическим потоком событий», определила структуру работы, в которой жизнь историка и создание им научных трудов «в тесной связи» с эпохой проходили «этап за этапом»[5]. «Избрание жизненного пути, выбор тем для исследования, развитие лекционной работы, созревание общей концепции истории России, подготовка и издание "Курса русской истории" – все связано с ходом событий, с развитием науки той эпохи, с индивидуальными особенностями движущейся жизни человека», – концептуализировала М.В. Нечкина свой подход к изучению биографического материала[6]. Через «главные биографические факты» в жизни ученого, которыми, по мнению В.О. Ключевского, были кни-

[1] *Ярошевский М. Г.* Биография ученого как науковедческая проблема // Человек науки. Сборник по материалам Симпозиума по проблемам биографии творческой личности / Под ред. М.Г.Ярошевского. М., 1974. С. 24.

[2] Там же. С. 29-30.

[3] См.: *Хубач В.* Биография и автобиография: проблема источника и изложения // Вопросы истории. 1970. № 3; *Он же.* Биография и автобиография: проблема источника и изложения. М., 1970. 123 с.

[4] *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. 638 с.

[5] Там же. С.53.

[6] Там же.

ги, «этап за этапом» – из главы в главу – М.В. Нечкина смогла развернуть персональную историю ученого.

Еще в 1965 г. М.В. Нечкина выделяла в качестве важнейших историографических источников – «массивы переработанного материала», которые образуются в процессе работы историка и составляют его «лабораторию», а позже – «личный архив»[1]. Анализ этой *лаборатории* [курсив мой. – Т.П.], тесно связанный с анализом личностной биографии историка, позволил М.В. Нечкиной показать *процесс* [курсив мой. – Т.П.] творчества В.О. Ключевского – противоречивый, отнюдь не линейный, динамический и драматический одновременно.

К концу 1980-х гг., в эпоху «перестройки», «жесткость» демаркационных границ между разными типами исторической биографии сменилась более гибкими подходами к биографическому творчеству, историографический экскурс и осознание проблемных зон в развитии исторической биографии способствовали определению перспективного видения эволюции жанра – все это нашло свое выражение в докладе советской делегации на XVII Международном Конгрессе исторических наук в Мадриде (1990)[2]. Стратегия биографических и биоисториографических исследований предполагала взаимосвязь трех линий: гуманизацию биографии, акцент на общечеловеческие нравственные категории в отношении личности героя; междисциплинарное поле биографического жанра; ориентацию на плюрализм в подходах к оценочным суждениям и проч.[3].

Одновременно именно эпоха «перестройки» с ее синдромом «самобичевания и покаяния», в первую очередь в среде «интеллектуалов», способствовала созданию мифологемы об отсутствии «истории в лицах» (и «историографии в лицах») в советской науке – сами историки поддержали этот тезис. В итоге вместо научного анализа истории биографического жанра молодые национальные историографии на «постсоветском пространстве» начали не с реконструкции и анализа собственных биографических (и прочих) традиций, не с осмысления тех плодотворных тенденций биографических исследований, которые уже заявили о себе в сообществе советских историков, но – с отрицания

[1] История и историки. Историография истории СССР: Сборник статей. М., 1965. С.10.

[2] См.: Историческая биография. Сборник обзоров к XVII Международному конгрессу исторических наук (Мадрид, август 1990) / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, Т.А. Павлова. М., 1990 и др.

[3] См.: *Павлова Т.А.* Историческая биографистика в СССР // Новая и новейшая история. 1990. № 2. С.48. *Она же.* Методологические проблемы. Биографистика в СССР // Историческая биография. Сборник обзоров к XVII Международному конгрессу исторических наук (Мадрид, август 1990) / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, Т.А. Павлова. М., 1990; *Беленький И.Л.* Биография как историко-культурная проблема (К историографии темы в отечественной литературе) // Там же; *Старцев В.И.* Историк и биография // Научная биография – вид исторического исследования. Л., 1985; *Першина З.В.* Изучение историографических персоналий в свете нового исторического мышления // Советская историческая наука и новое политическое мышление. Одесса, 1991 и др.

собственного богатого опыта в области отечественного биоисториописания и заимствования «западных» идей (подчас «под кальку»), развитие которых проходило не без влияния «восточноевропейского» интеллектуального поля.

Mini-комментарий. «Культурный/культурологический поворот» в гуманитаристике в союзе с «антропологическим» с последней трети XX в. и особенно в новом тысячелетии расширил сферу взаимоотношений и взаимовлияний дуэта «личность – эпоха». Определенная интеллектуальная растерянность, которую переживала наука на постсоветском пространстве в связи с утратой парадигмальных ориентиров, «возврат» в прошлое, окрашенное гипертрофированным восприятием национального наследия «позавчерашнего дня», привело, с одной стороны, к утрате собственных плодотворных достижений, на которые можно было опереться для нового интеллектуального «рывка», с другой – к аффектации идей западной науки, которая действительно совершила определенный прорыв в освоении новых подходов к пониманию проблемы личности в социокультурной ситуации. Экзистенциальный подход («вчерашний день» в западной историографии) и социокультурный контекст («вчерашний день» *в принципе* для отечественной науки) стали «открытием» для многих исследователей в области биографизма/биоисториографии в Украине и России и др.

Из современности (штрих)

Поиски нового биографизма в украинской историографии ориентированы прежде всего на опыт *запада*. В.В. Ващенко, анализируя биографическую литературу «евроатлантической традиции» последней трети XX в., акцентировал теоретические инновации, которые представил в виде ряда бинарных оппозиций:

- на смену позитивисткой версии научной биографии как бесстрастному коллекционированию фактов жизни ученого пришла (пост) модернистская парадигма «кинематографической биографии», в которой автор выступает в роли режиссера;
- вместо «биографии-агиографии» актуальность приобрела «биография-контекстуализация», которая делает акцент на наличие всевозможных контекстов – интеллектуальных, политических, идеологических, – определящих внешние контуры жизни ученого, за пределы которых он не может выбраться;
- наступление эры «жизнь как текст» накладывает отпечаток на создание (конструирование) биографических текстов, посвященных ученым, по законам преимущественно трагедии.

Современный биографический жанр в целом, по мысли В.В. Ващенко, развивается под влиянием двух евроатлантических традиций: модернизированной сциентистской «научной биографии» (точнее – *биографии ученых*

естественнонаучного поля) и ориентированной на гуманитарные науки «интеллектуальной биографии». Для украинской историографической практики в области биографических исследований характерно также наличие двух парадигм: одна из них концентрируется в концепте «научная биография» и восходит к позитивистскому опыту XIX в. (в таком виде историческая биографистика утвердилась в Украине как отдельная дисциплина), другая – апеллирует к научной метафоре «интеллектуальная биография», используя разнообразные постмодернистские техники[1].

Безусловно, любая историографическая схема имеет свой эвристический потенциал (какой бы фокусно-ограниченной она ни была в своей самодостаточности), и схема, предложенная В.В. Ващенко, относительно верно определяет ведущие тенденции в развитии биографических исследований на уровне мирового/регионального историографического процесса. Следует тем не менее учитывать, что смена парадигмальных основ историописания – процесс болезненный, «неоднозначно-прогрессивный», для него характерны не только кардинально новые приобретения, но и существенные потери: «разрывы» традиций, «внедрение» искаженных (чаще всего – «уничижительных») образов прошлого, редуцирование идей предшественников, «наложение и перенос смыслов» и т.п.; в такой ситуации «объем разрушенных иллюзий всегда намного превышает объем тех достоверностей и реальных возможностей, которые наука в данный момент доставляет»[2].

Из классики

1. Имя Э.Ю. Соловьева – известного российского философа, мыслью которого завершена предыдущая позиция, хорошо известно «биографистам»: на его публикации неоднократно ссылается Л.П. Репина, его цитируют молодые исследователи в Украине, без его «программной» статьи, посвященной проблемам биографического анализа, не обходится, пожалуй, ни одна работа историков, социологов, философов, литературоведов и проч. Мало того, работы Э.Ю. Соловьева становятся «методологическим ориентиром» для современных украинских философов, обращающихся к философской рефлексии над биографическим опытом[3].

Однако не стоит забывать о том, что статья «Биографический анализ как вид историко-философского исследования» была написана автором на рубеже

[1] См.: *Ващенко В.* Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2009. Вип.4. С.478, 486.

[2] *Соловьев Э.Ю.* Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С.170.

[3] См.: *Голубович И.В.* Биография: силует на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса, 2008. 372 с.

1970-1980-х гг. – в период т.н. «застоя»[1], с позиций «марксистской методологии», и ее «второе издание» в 1991 г. (в период «гласности») в известном сборнике – очерках по истории философии и культуры, в котором автор предстал не только как аналитик и теоретик биографического жанра, но и как блистательный мастер создания «научной биографии», – текстуально не претерпела никаких изменений. Э.Ю. Соловьев, осуществивший, как пишет И.В. Голубович, «интерпретацию экзистенциалистской традиции в рамках методологии биографического анализа» и разработавший «собственную версию ситуационно-исторического подхода (модель «личность – ситуация»)»[2] , еще в 1968 г. в своей статье «Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса» заметил, что «...целый ряд проблем, которые сегодня без всякого колебания могли бы быть причислены к разряду экзистенциальных, были сформулированы Марксом с удивительной четкостью и бескомпромиссностью именно потому, что он не был экзистенциалистом»[3]. Тема «личность и ситуация», выведенная в качестве приоритетной современными теоретиками биографического жанра, была глубоко и всесторонне разработана К. Марксом в статье «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852) – работы, ставшей главным объектом философской рефлексии Э.Ю. Соловьева, проанализировавшего модель «марксистского ситуационно-политического анализа».

Не претендуя на полноценный анализ персональной биографической модели Э.Ю. Соловьева, хотелось бы выделить несколько его мыслей, которые вряд ли можно назвать не актуальными в контексте сегодняшних проблем биографического жанра.

Э.Ю. Соловьев применяет формулу *биографический анализ*, рассматривая ее содержание «как вид историко-философского исследования», или самостоятельную и незаменимую форму научного исследования (в данном случае – в границах истории философии), «с помощью которой постигается эта история»[4].

Избирая индуктивный подход к рассмотрению методологических проблем биографического жанра, Э.Ю. Соловьев основывается на анализе конкретных работ биографов – авторов книг серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей»): «Кант» Арс. Гулыги (М., 1977), «Галилей» А.Штекли (М., 1972), «Бакунин» Н. Пирумовой (М., 1970) и «Паскаль» Б.Тарасова (М., 1979), которых объединяет одна тема – «человек в объективной драме истории». Именно эта

[1] Вопросы философии. 1981. № 7, 9.

[2] *Голубович И.В.* Биография: силует на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса, 2008. С.11-12.

[3] *Соловьев Э.Ю.* Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С.186-187.

[4] *Соловьев Э.Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С.19.

«тематическая направленность и позволяет, – по мнению Э.Ю. Соловьева, – успешно решить проблему конкретно-исторической индивидуализации выдающихся деятелей прошлого»[1]. Несмотря на единство тематического поля, каждое из четырех жизнеописаний представляет собой, как считает Э.Ю. Соловьев, – *конкретный тип биографического анализа*, исходя из *исследовательской задачи* автора[2] [курсив мой. – Т.П.].

А. Гулыга ставил своей задачей рассмотреть весь жизненный путь И. Канта в качестве *лаборатории мысли*: скудная на внешние проявления жизнь философа состоит из «самых волнующих личностных событий» – мыслей. Решение этой задачи – выявление «умственной индивидуальности» И. Канта – автор решает с помощью поиска *проблемного единства* всего творчества философа, несмотря на тематическое многообразие его наследия. В данном случае проблемное единство – это самоосознание («уяснение» по Э.Ю. Соловьеву) главного проблемного стержня собственной мыслительной (философской, научной) деятельности. Этой проблемой в качестве «жизненного нерва» учения И. Канта стала проблема человека. Заслугой А. Гулыги, считает Э.Ю. Соловьев, является биографический анализ, построенный на выяснении основных этапов поиска и обретения философом *своей проблемы*, что и составляет «ключевой момент» его жизни[3]. После этого *события* жизнь И. Канта как личности приобретает смысл (призвание) и долженствующее обязательство: ригоризм и аскетизм его повседневного существования становится понятен и принимаем.

Задача второго типа биографического анализа – *подвижничество мыслителя* – Галилея, выражающееся в его стремлении сделать общественным достоянием новую картину мира. А. Штекли выступает не только критиком известной легенды об ученом, но дает ее новую интерпретацию в контексте социокультурной специфики итальянского города XVII века с его республиканским стилем жизни. Галилей как личность и ученый символизирует «приметы науки, у колыбели которой стоял возрожденческий республиканизм»: науку одиночек и затворников, схоластиков и риториков он стремится превратить в науку, одним из важнейших инструментов «добывания истины» которой станет «гласно-доказательное обсуждение». По отношению к этому образу науки нового времени – выработанному пониманию *своей* науки – Галилей никогда не совершал отступничества: его уступки и компромиссы, придворные интриги, литературные хитрости и, наконец, «отречение» и «покаяние» – только формы борьбы, которые он вынужден был применять ради общественного утверждения новой мировоззренческой теории.

---

[1] Там же. С.45.

[2] Там же. С.52.

[3] Там же. С.23.

«Третий тип биографии», по Э.Ю. Соловьеву, – биография мыслителя в качестве *социально-значимого воплощения его идеи*. Анархо-авантюристические, бунтарски-экстатические трактовки революции, характерные для ряда стран Европы 1860-х гг., как и для нашего времени, периодически возрождающиеся и позиционирующие себя с *новыми* версиями революционаризма, на самом деле имеют давние интеллектуальные истоки и образы. Герой Н. Пирумовой как личность кристаллизуется вокруг главного своего жизненного целеустремления – идеала, который с течением времени все более определяет конкретный, предпочитаемый данной личностью, тип поведения. Исходя из этой идеи, биографию Бакунина автор развертывает как «…классический "жизненный цикл" левого радикализма: от романтической одержимостью революцией как "праздником истории" к стоической верности "духу святого бунта"; далее – к бунтарскому имморализму; к растерянности перед закономерными порождениями этого имморализма, иезуитами и макиавеллистами революции; наконец, к полному разочарованию в революционном действии и ординарному историческому пессимизму»[1]. Холодный академизм авторского стиля, стремление «в каждом пункте анализа провести "презумпцию невиновности" по отношению к своему герою» тем не менее, подчеркивает Э.Ю. Соловьев, в итоге *развенчивает бакунизм*. Подобный тип биографического анализа, откровенно не ставящий задачу «нравственно-политического воспитания», на самом деле «работает» более оптимально, нежели систематическая критика левацких доктрин. «Проигрывание» общественной судьбы левого радикализма на примере одной биографии имеет социально-нравственное звучание.

Исследовательская задача четвертого типа биографического анализа – ответ на «вопрос об осуществлении мыслителем *личностного синтеза* различных форм духовной деятельности (философии, науки, нравственности, религии), отвечающего степени объективной развитости общества и культуры»[2]. В решение этой проблемы, подчеркивает Э.Ю. Соловьев, важно избежать модернизации и схематического упрощения. Б. Тарасову, по его мнению, удалось показать уникальность Паскаля, сумевшего в своем творчестве объединить новое естествознание и реформаторские нравственно-религиозные искания: в едином жизненном опыте сошлись традиции Галилея, Кеплера, Торричелли, с одной стороны, и Лоренцо Валлы, раннего Лютера и др., с другой. Обе традиции воплощаются в едином личностном выражении: Паскаль «наследует ученым, не будучи сциентистом… и религиозным реформаторам, не будучи протестантом»[3]. Идея коррелятивности Реформации и научной революции XVI-XVII вв. как объективной смысловой зависимости, характерной для раннебуржуазной культуры, прони-

[1] Там же. С.35.

[2] Там же. С.45.

[3] Там же. С.44-45.

зывает социокультурный контекст мышления и творчества Паскаля. Его «мыслящий тростник» в трактовке Б. Тарасова – не оппозиция тщетности телесной величию разума, но осознание человеком собственного несовершенства («хрупкости», «тростниковости»), в чем выражается вера в способность человека мыслить, рождающая *трагический оптимизм* ранней Реформации.

Э.Ю. Соловьев не ограничивает *типологию биографий* этими примерами, но считает, что приведенные им типы «очерчивают характерные проблемы, с которыми вообще сталкивается биографический анализ (и, соответственно, *методологическое своеобразие* этого анализа)»:

1) «Необходимость в *научной биографии* [курсив мой. – Т.П.] (в воспроизведении жизненной судьбы мыслителя) возникает там, где историко-философское исследование оказывается перед задачей *обратной проблематизации* той или иной концепции (системы), где от итоговой формы, в которую отлилось философское рассуждение, приходится возвращаться к самому этому рассуждению: к драматической, ищущей, ошибающейся и корректирующей себя индивидуальной мысли»[1].

2) «Биография доводит до наглядности активный характер человеческого познания <…> она убедительно свидетельствует против ограниченных (операциональных и инструменталистских) истолкований этой активности»; поскольку становление мировоззренческой идеи нельзя сводить к ее «изобретению» или «изготовлению», постольку биограф обязан показать, что идея – «… не просто "выделана", но еще и выстрадана своим субъективным носителем, в той или иной форме претерпевающим крушение иллюзий, разочарование, раскаяние и другие страдательно-творческие акты <…> первооткрыватель идеи сразу оказывается ее популяризатором, полемическим защитником и первоиспытателем: проблема "знание и общество" принадлежит, иными словами, к существу познания, к его интимнейшему опыту» [2].

3) «Непосредственным объектом биографии является жизнь отдельного человека от момента рождения до момента смерти. Однако предметом, на который направлено основное исследовательское усилие биографа, каждый раз оказывается *социальная и культурная ситуация*. Только по отношению к последней описываемая жизнь приобретает значение истории, особой смысло-временной целостности, к которой применимы понятия уникальности, событийности, развития, самоосуществления»[3] .

2. П.М. Бицилли, профессор Новороссийского университета, одним из первых среди профессиональных историков поставил проблему антропологически ориентированного культурологического подхода к истории науки. Ана-

[1] Там же. С.45-46.

[2] Там же. С.46.

[3] Там же. С.46.

лизируя современную ему практику изучения науки, он отмечал, что науку принято воспринимать как достаточно «замкнутый», развивающийся «сам из себя» мир. Кумулятивистская модель развития науки, ориентирующая на «эволюционный подход» к истории науки, способствовала, по мнению П.М. Бицилли, рассмотрению каждой научной системы в качестве «звена» в общей «цепи» развития культурного человечества, или закономерно обусловленной «ступени» в прогрессе «науки вообще». Исследователи науки изучают «философемы», пишет П.М. Бицилли, рассуждают о методе, их интересует, что каждый последующий ученый «взял» от своих предшественников, в какой мере он находился под их «влиянием», насколько его система послужила «выходом из противоречий, скрытых в предшествующей» системе и проч.; отдельные идеи рассматриваются только с точки зрения их принадлежности к той или иной научной системе. Такого рода подход полностью соответствует целям, которые современная история науки себе ставит, соглашается П.М. Бицилли, но этот подход абсолютно «непригоден» для историка культуры, ибо при подобном изучении научных систем, теорий, концепций «скрываются лики их творцов»[1].

П.М. Бицилли очень точно определил сущность той научной традиции, которая утверждалась в современный ему период историографии науки и которая в значительной мере повлияла на формирование «истории идей»: исследование внутренней логики науки, или ее «объективно-мыслительных образований», – идей, теорий, принципов, методов, концепций, проблем и др. В ее основе – введение всеобщего гомогенного опыта, который проявляется в «трансперсональном мировидении», а знание с его «сегментами» выступает как «деперсонифицированное образование» – «надвременные монограммы мыслителей» (Э.Ю. Соловьев). При таком подходе акцент делался на осмысление логико-теоретических норм взаимосвязи этих «объективно-мыслительных, когнитивных структур», «сегментов» знания при элиминации общего культурного фона и личностных особенностей «творца».

Историк культуры, считал П.М. Бицилли, не вправе разделять «сознательную сферу духа» и «бессознательную», отделять «мировоззрение» от «мироощущения»: для него и философ, и естествоиспытатель, и историк – это прежде всего *личности* [курсив мой. – Т.П.], которые творчески раскрывают себя в области «своей науки». Ученых нельзя рассматривать как «очередных исполнителей» тех заданий, которые выдвигаются «общим ходом научной мысли». Научная деятельность творческой личности является для историка культуры «его биографией». Конкретное же «учение», т.е. научная система, им созданная (то, что в первую очередь интересует историков науки), это не просто систематизированный комплекс идей как «нечто неизбежное и вполне естественное». Это – то «невыразимое», чем является «психея» его создателя, это – «он сам»[2].

[1] См.: *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага, 1925. С. 243-244.

[2] Там же. С.244.

Этим мыслям, сформулированным уже зрелым П.М. Бицилли в кризисный период его жизни (начало 1920-х гг.), на переломном этапе саморефлексии, предшествовала его «биоисториографическая практика»: еще в своем диссертационном сочинении об итальянском хронисте Салимбене, представителе далеко не «первого плана» итальянской историографии, П.М. Бицилли сумел воспроизвести «внутреннюю форму» жизни и текста своего «негероического героя», приблизившись к той высоте творчества, которая Ф. Шлейермахером и В. Дильтеем была обозначена как «триумф воспроизводящей конструкции». Эффект идей Бицилли, высказанных в эпоху модерна, удивительно созвучен современному *биографическому повороту* и воспринимается сегодня отнюдь не «догоняющим», но «обгоняющим» свое и наше время [1].

П.М. Бицилли и Э.Ю. Соловьева, стоявших на разных теоретических платформах, через эпохальный разрыв объединяет общее – понимание ценности творческой индивидуальности и неповторимости личности ученого как главного объекта историко-научного анализа.

О статусе

В контексте восприятия био-письма как синтеза подходов и жанрового многообразия (от документальной биографии до биографического романа, от научной, исторической, интеллектуальной до популярной, дидактической, беллетризованной и проч.) все отчетливее звучат идеи о самостоятельном статусе этой области знания в системе гуманитаристики.

А.Л. Валевский рассматривает биографию как «определенный тип гуманитарного знания и самостоятельной культурной традиции»: «текстуальную представленность на языке данной культуры феномена личностной индивидуальности». Британские социологи оценивают *биографический поворот* как выход биографических исследований из маргинальной зоны, фактически формулируя проблему институционализации биографических исследований, обретения биографическим жанром дисциплинарных границ. В последних по времени публикациях преимущественно социологической направленности биографический поворот определяется «дисциплинарной экспансией и внутренней целостностью методологического мировоззрения её представителей»[2].

[1] См.: *Бицилли П.М.* Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века). Одесса, 1916. 369 с.; *Голубович И.В.* П.М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / Ред.-сост. Ю.П. Зарецкий, В.П. Лихачев, А.Ю. Зарецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2013. С.75-76.

[2] *Валевский А.Л.* Основания биографики. Киев, 1993. С.4; *Он же.* Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица. Биографический альманах. СПб., 1995. Вып. 6. С. 32-49; *Кон И.С.* Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования // Человек в системе наук. М., 1989. С.471-483; *Голофаст В.Б.* Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 73–88; *Чишко В.С.* Загальні проблеми біо-

Одновременно звучат и диаметрально противоположные суждения: биография не обладает самостоятельностью, но «манифестирует тот или иной тип гуманитарного знания («научная биография») и культурной традиции (биография как социокультурный феномен)»[1].

Вероятно, следует разграничивать биографию как тип гуманитарного знания и социокультурный феномен и формы биографической рефлексии, которые все более устремляются по пути дисциплинаризации.

Возникшие в советскую эпоху два «дисциплинарных наименования» – *биографика* и *биографистика*, – в современной украинской и российской историографии имеют неоднозначную трактовку.

Для одного из ведущих российских специалистов в области биографизма И.А. Беленького *биографика* – система философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений о *биографии*, об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции, которые начали конституироваться в Европе в XVIII – XIX вв, в России – во второй половине XIX – начале XX в. Как *дисциплинарное* понятие *биографика* появилась в работах И.Т. Филиппова в значении отдела исторического знания, исследующего типологические формы проявления личностной индивидуальности в истории[2]. Для И.Ф. Петровской *биографика* – специальная историческая дисциплина, изучающая человека в истории во всех проявлениях его бытия, и собственно биографическое знание [3].

В современных российских словарно-энциклопедических изданиях *биографику* определяют как вспомогательную историческую дисциплину, разрабатывающую теоретические, методические, историографические, источниковедческие проблемы биографий, среди ее главных задач – изучение типов биографического письма и биографического сознания. *Биографистику*, которая

графістики // Українська біографістика. Київ, 1999. Вип.2. С. 7–14; *Merrill B., West L.* Using biographical methods in social research. London: Sage, 2009. P.3; *Рогозин Д.М.* Биографический метод: обзор литературы // Социологические исследования. 2015. № 10. С.123, 127.

[1] См.: *Голубович И.В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса, 2008. С.242.

[2] См.: *Беленький И.Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 37-54; *Он же.* Биографика // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. В 5 томах. М., 1994. Том I. А - Д. С. 233-234.; *Он же.* Биографика в системе наук о человеке: становление, этапы развития и междисциплинарный контекст отечественного биографоведения: указ. лит. М., 1999. 219 с.; *Филиппов И.Т.* К вопросу о науке биографии // Известия Северо-Кавказского государственного университета. Ростов-на-Дону, 1926. T.VIII. С.89-92 и др. И.Л. Беленький, кстати, применяет и термин *биографоведение*.

[3] См.: *Петровская И.Ф.* Биографика: введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб., 2010. С.12.

употреблялась в советской историографии 1970–1980-х гг. в рамках рефлексии над *биографикой* (как совокупностью научных и научно-популярных трудов и художественных призведений), трактуют в качестве блока кратких биографических сведений о представителях различных социальных и профессиональных групп[1].

Помимо традиционных наименований следует констатировать появление нового – *новая биографика*, которое покрывает одну их сфер современного исторического знания. Появление этого предметного поля на рубеже XX-XXI вв. – при переходе от неклассической к постнеклассической модели науки – связывают с антропологическим поворотом в исторической науке и наделяют его самоназванием – *новая биографическая история*. Эклектизм, проблема соотношения микро- и макроанализа как ведущая методологическая проблема, известная схема Д. Уокера (в качестве типологии биографического жанра) – основные черты *новой биографики* [2]. Принципиальное ее отличие как *новой биографической истории* от традиционной исторической биографии в том, что личная жизнь и судьба индивидов используются для прояснения социального контекста, а не наоборот, как это практиковалось ранее[3].

В Украине значительная роль в становлении проекта «философской биографики» принадлежит А.Л. Валевскому, который воспринимает *биографику* как *науку о биографии*, «дисциплину гуманитарного цикла», разрабатывающую «теорию и методологию биографического письма»[4].

В украинских изданиях *биографистика* – научная дисциплина, изучающая теорию, методологию, методику, историографию, практику и терминологический аппарат историко-биографических исследований, источниковедческие проблемы биографий и разнообразные виды биографической продукции. Термин *биографика* в качестве заместителя термина *биографистика* употребляется в широком смысле для обозначения литературно-биографического жанра, искусства описания жизни[5]. Институционализация *биографистики* как специальной исторической дисциплины проходит в Украине

[1] См.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь (второе издание, исправленное и дополненное) / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М., 2016. С. 33-35.

[2] См.: *Некрасова Н.В.* Новая биографика // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Втор. издание, испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М., 2016. С.324-325.

[3] Там же. С.325.

[4] См.: *Валевский А.Л.* Биографика как дисциплина гумантарного знания // Лица. Биографический альманах. СПб., 1995. Вып. 6. С.32-33.

[5] См.: *Ясь О.В.* Біографістика // Енциклопедія історії України: В 5 т. / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. Київ, 2003. Т. І. С.295-296; *Ляшко С.М.* Українські біографічні довідкові видання XIX–XX століття: історичні та теоретико-методичні засади. Запоріжжя, 2010. С.268; *Попик В.* Українська біографістика на зламі століть: зміна дослідницьких парадигм // Наукові праці Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського. Київ, 2011. Вип. 31; *Стус Д.В.* Біографістика // Енциклопеція Сучасної України. Київ, 2004. Т. 3 и др.

приблизительно с рубежа 1980–1990-х гг. Значительная роль в этом процессе принадлежала В.С. Чишко[1].

В реальной практике как в украинской, так и в российской историографии понятие *биографика* в большей степени используется философами и филологами; среди историков популярен термин *биографистика* [2].

Философы в Украине констатируют формирование *биографики* и *биографистики* как исследовательских направлений, определяя их в диапазоне: от искусства биографии до специальной исторической дисциплины, разрабатывающей проблемы биографий, тесно связанной с литературоведением, словарно-энциклопедической традицией, генеалогией, библиографией и, наконец, до теоретического осмысления феномена биографии в культуре и т.д. Украинский философ В.И.Менжулин определяет биографистику как символ развития демократии, важнейшим приоритетом которой является жизнь отдельного человека в его неповторимом и уникальном бытии [3].

Термин *биографистика* достаточно часто используется философами/культурологами, при этом констатируется факт отставания в оформлении философской биографистики по сравнению с биографистикой социологической и исторической[4]. Историко-философскую *биографистику* воспринимают в качестве «культурно значимой, методологически сложной и эвристически насыщенной» области историко-философского познания [5].

Факт дисциплинарного размежевания *биографистики* свидетельствует в первую очередь о сложности дисциплинарного синтеза этой области социогуманитаристики, о различии в дисциплинарном фокусе и подходах к трансляции общетеоретических постулатов в конкретную сферу/практику дисциплинарного знания[6].

---

[1] См.: *Чишко В.С.* Біографістика як галузь історичної науки: історіографія та методологія: Автореф. дис…. докт. іст. наук. Київ, 1997. 48 с. *Он же.* Біографічна традиція і наукова біографія в історії та сучасності України. 1996. 240 с.; *Он же.* Загальні проблеми біографістики // Українська біографістика. Київ, 1999. Вип. 2. С. 7–14 и др. О нем см.: *Попик В.* Віталій Сергійович Чишко (1951–2003) – засновник і перший директор Інституту біографічних досліджень Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського (До 55-річчя від дня народження) // Бібліотечний вісник. 2006. № 5. С. 38-39.

[2] См.: Біографістика в контексті сучасних історичних та історіографічних досліджень: Харківський історіографічний збірник, Харків, 2003. Вип.6. 192 с.

[3] См.: Менжулін В.І. Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні: монографія. Київ, 2010; *Голубович И.В.* Основы теоретической биографистики: учебное пособие для студентов специальностей «Философия» и «Культурология» / Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова. Одесса, 2015. С.11.

[4] См.: *Голубович И.В.* Там же. С.15.

[5] *Менжулин В.* Биография философа: изучать нельзя не изучать // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / Ред.-сост. Ю.П.Зарецкий, В.П.Лихачев, А.Ю.Зарецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2013. С.56.

[6] *Историческая биографистика* – одна из рефлексивных дисциплин исторического профиля, объект которой – историческая биография как социокультурный феномен и тип исторического знания, предмет – история, теория и методология историко-биографических исследований/познания.

В литературоведении термин «биографический жанр» как вид жанровой генерализации используется представителями историко-теоретического подхода применительно к широкому спектру родственных жанров, объединенных *принципом биографизма*[1].

Биоисториография – креатура в первую очередь историков исторической науки – как биографическая модель в оценке И.И. Колесник «имеет сциентистскую природу, жесткие предметно-дисциплинарные рамки (историческая наука, общая история науки), аккумулирует позитивистские ценности (поиск источников и факты биографии как цель исследования), ориентирована на освещение сугубо научной деятельности или ее отдельных аспектов вне общего духовно-интеллектуального контекста эпохи и состояния науки, на шаблонность мышления и отсутствие рефлексии в отношении самого биографического метода»[2]. Эта характеристика, несмотря на суровость «приговора», в *принципе* верна как квинтэссенция советской *официозной* науки[3], отражающая достаточно широкую биоисториографическую практику, которая отнюдь не исчерпала себя и в наше время.

Понятие *биоисториография*, заявленное в советской литературе приблизительно с 1980-х гг., означало вид/направление историографических исследований, объект которых – личность историка (профессионала и аматора) и его творческое наследие. Имея давнюю традицию[4] и, по сути, являясь одной из основ (наряду с проблемно-тематической историографией) формирования самой историографии – истории исторической науки, биоисториография прошла большой путь, претерпела различные модификации и флуктуации, колеблясь в поисках оптимальных исследовательских решений вместе с колебаниями своей родовой – исторической и видовой – историографической науками. Пер-

[1] См., например: *Трыков В.П.* Историко-теоретический подход к анализу произведений биографического жанра (на примере «Жизни Бетховена» Ромена Роллана // Научные труды МПГУ им. В.И. Ленина. Гуманитарные науки. М., 1993. С. 175–182; *Он же.* Биографизм во французской литературе начала XX века (Р. Роллан и М. Пруст) // Классика и современный литературный процесс. Тезисы докладов Всероссийской конференции. 23–26 мая 1995 г. Орск, 1995. С. 36–37; *Он же.* Предыстория биографического жанра в средневековой литературе Франции // VIII Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры. М., 1996. С. 17.

[2] *Колесник І.* Передмова. «Нова біографічна історія» як метод // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Інститут історії України НАН України. Київ, 2014/2015, Вип. 8. С.8.

[3] Не стоит забывать, что в советской науке сосуществовали различные варианты/интерпретации марксизма – догматический/редуцированный/академический/творческий/фольк-марксизм и т.п.

[4] Например А.Г. Брикнер, оценивая к середине XIX в. состояние *истории истории*, констатировал, что традиция «истории историографии как истории исторической литературы» (которую он рассматривал как часть *истории истории*) насчитывает уже полувековой период своего развития. Представители этого направления делали своим предметом «разбор отдельных историков» – Фукидида, Л. фон Ранке, Ф.К. Шлоссера и др. и давали оценку литературных достоинств исторических сочинений. См.: *Брикнер А.Г.* О главных задачах исторической науки: Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Новороссийского университета ординарным профессором всеобщей истории А. Брикнером 30-го августа 1868 года // Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. Одесса, 1868. С.3-17.

спектива биоисториографии, укрепление ее статуса как относительно автономного проблемного поля[1] – в вовлечении в свою орбиту новых инструментальных подходов, эпистемологических и категориальных образцов, в расширении содержательного диапазона, в ориентации на исследовательские приемы иных социогуманитарных сфер, в приобщении к новациям современного биографизма, не забывая одновременно традиционного наследия[2].

О «двуединстве»

В XIX в. утвердилась модель биографии, согласно которой постулировался тезис «двуединства биографии» – как явления искусства и исторического исследования. Научный аспект биографии требовал изложения точных фактов из жизни персонажа, а также анализа его духовно-нравственного развития; художественный – ориентировал на выявление сущности характера «героя» и его образного воплощения[3].

---

[1] Показателем утверждения этого направления в украинской историографии является постоянный раздел «Біоісторіографія» в структуре ведущего историографического издания «Історіографічні дослідження в Україні» / Институт истории Украины Национальной академии наук Украины.

[2] О биоисториографическом наследии советской эпохи см.: Биография как историческое исследование. Встречи в редакции // История СССР. 1970. № 4; Биография и историческая наука: XШ Международный конгресс исторических наук (Москва, 16-23 авг. 1970 г.). М., 1970; Жанровые особенности биографии: круглый стол // История СССР. 1970. № 4; *Родный Н.И.* Научные биографии как жанр историографии науки // Вестник истории естествознания и техники. М., I971. № 3-4; *Семанов С.* О жанре исторической биографии (по материалам международного конгресса историков) // Вопросы литературы. 1971. №2; «Жизнь и деятельность…»: нерешенные проблемы биографического жанра // Вопросы литературы. М., 1973. №10; Человек науки. Сборник по материалам Симпозиума по проблемам биографии творческой личности / Под ред. М.Г.Ярошевского. М., 1974; *Жуков Д.А.* Биография биографии: Размышление о жанре. М., 1980; *Кертман Л.Е.* Некоторые проблемы биографического жанра в советской историографии // Вопросы развития историографических исследований в свете решений XXVI съезда КПСС: Материалы Всесоюзной научной конференции. Днепропетровск, 1985; Научная биография – вид исторического исследования: (по материалам истории рабочего класса СССР, революционного и освободительного движения): межвузовский сборник научных трудов. Ленинград, 1985; *Померанцева Г.Е.* Биография в потоке времени. М., 1987; *Беленький И. Л.* Проблемы биографического жанра в советской исторической науке: Научно-аналитический обзор. М., 1988; *Павлова Т.А.* Историческая биографистика в СССР // Новая и новейшая история. 1990. № 2; *Соколовская З.К.* Серия АН СССР «Научно-биографическая литература». История (1959-1989). Пути повышения научно-познавательного потенциала: Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности: «Книговедение»; «История науки и техники» / Институт истории естествознания и техники АН СССР. М., 1991; Биография как вид исторического исследования. Тверь, 1993; *Санцевич А.В.* Місце біографії історика в історіографічному дослідженні // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. Вип. 1. Дніпропетровськ, 1997; Историки и история: жизнь, судьба, творчество. В 2-х т. М., 1997-1998 и др.

[3] См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. IV. Полут.7. С.33-36; *Беленький И.Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С.39.

В советской науке произошло разделение биографии на «научную» и «литературно-художественную». На протяжении 1960–1970-х гг. определилась основная типология биографических работ. Принцип отношения автора к материалу биографии и личности «героя» обусловил выделение четырех видов биографии: *научные; научно-популярные; научно-художественные и романизированные*.

По «предмету изучения» – «герою» – биографии разделялись на биографии политических деятелей; участников революционного движения; мыслителей энциклопедического масштаба; деятелей литературы и искусства; ученых – т.н. «биография человека науки». Жанровая характеристика этих видов определялась достаточно чётко.

Научная биография «советского типа» – это монографическое исследование – «биография-монография», в которой жизнь и деятельность героя анализируется в неразрывной связи с той эпохой, в которой он жил и действовал, «время» же выступает как «социально-политическая реальность», окружавшая героя, и ставится в «*равноправное положение*» [курсив мой. – Т.П.] с исторической личностью. Личность в такой биографии должна представать как «узловой пункт», в котором выражается «широкая характеристика эпохи», как «совокупность общественных отношений», как «яркий выразитель своей эпохи», ее «полноценный продукт». Основные черты научной биографии: «объективный академический подход» к освещению фактов в «рамках научного мировоззрения», отсутствие «субъективных рассуждений»; использование научной интуиции «без домысла»; «субъектно-объектное» отношение между автором и героем; наличие библиографии и научно-справочного аппарата, экскурсов в историографию вопроса; акцент на профессиональную деятельность героя; определение его места и роли в историческом процессе; допущение прямой речи только на основе документальных памятников[1]. *Научно-популярная биография* отвечала тем же характеристикам, но требовала более упрощенного изложения материала.

В центре третьего типа – *научно-художественных биографий* – «неповторимая человеческая личность»; цель биографа – показать «эволюцию души героя»[2], при этом в отличие от «биографии-монографии» история выступала

[1] См.: Биография как историческое исследование // История СССР. 1970. № 4. С.233-235.

[2] Сегодня среди новых направлений называют «историю души» героя, изучение приватной, интимной, эмоционально-чувственной внутренней жизни. См.: *Павлова Т.А.* Опыт духовной биографии: Джон Вулман // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып.5. М., 2001. С.279-296; *Репина Л.П.* Личность и общество, или история в биографиях (Вместо Предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня / Под редакцией Л.П.Репиной. М., 2005. С.8 и др. Согласившись, бесспорно, с появлением новых нюансов в этой области биографизма, не стоит забывать о прошлых блистательных опытах «истолкования души», которые, в частности, предпринял в свое время И.М. Гревс, обратившись к личностям А.С.Лаппо-Данилевского, В.Э. Крусмана и др. См.: *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн.6; *Он же.* Памяти В.Э. Крусмана (Некролог) // Анналы. 1922. № 2 и др.

«лишь фоном». В этом типе биографии должны сочетаться научные методы и художественная интуиция, допускался «элемент «домысла» (как авторская гипотеза); отношения между автором и героем – «субъектно-субъектные». Субъективная оценка автора (что приветствовалось) должна была все-таки основываться на «строго научном фундаменте документов».

Эти принципы корреспондировали с теорией биографии А. Моруа (Эмиль Герцог, 1885–1967), произведения которого в эти годы получили широкое распространение в СССР. А. Моруа стал практически создателем жанра биографического романа и дал вторую жизнь (после Ш.-О. Сент-Бева) жанру литературного портрета как небольшого очерка – исследовательского и художественного – о писателе (иногда об отдельном произведении, но включенном в контекст писательской биографии)[1]. Большинство книг из серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей») выходили именно как научно-художественные биографии и в большей мере относились к историко-литературному творчеству.

Романизированная биография, основанная преимущественно на «вымысле», исключалась из коридора научных биографий.

Однако проблема соотношения научного и художественного в исторической биографии, степени беллетризации научных текстов оставалась темой дискуссии. Н.Я. Эйдельман, историк, теоретик и великолепный мастер биографического жанра, считал некорректной постановку вопроса о противопоставлении «научного повествования» и «художественного творчества», как «крайностями», между которыми – многообразие подходов; его оппоненты доказывали, что художественные и научные методы принципиально различны по «способам познания действительности»[2].

Система типов познавательной деятельности и их специфики в контексте жестко-дифференцированного подхода к их разновидностям сохраняла свои «официозные» позиции в советском науковедении и эпистемологии истории. Плодотворные идеи, высказанные в свое время, например, П.М. Бицилли и другими мыслителями, о сочетании двух способов постижения мира – рационально-дискурсивном и исторической интуиции в историческом познании, о неразделимости мировоззрения и мироощущения, о роли эстетико-индивидуализирующего подхода в историографическом творчестве и т.п.,

[1] См.: *Моруа А.* Современная биография // Прометей: историко-биографический альманах. Серия «ЖЗЛ». М., 1968. Т. 5. С.394-413; *Он же.* О биографии как художественном произведении // Писатели Франции о литературе: Сборник статей. М., 1978; *Гладков А.* На полях книги Андре Моруа // Прометей: Историко-биографический альманах серии «ЖЗЛ». М., 1968. № 5; *Левянт М.Я.* Теория биографического романа Андре Моруа // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. М., 1971. Т.458; *Попова А.В.* Концепция биографического жанра в творчестве А.Моруа // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. Вып. № 11 (61) и др.

[2] История СССР. 1970. № 4. С.232, 240.

претерпели гносеологическое неприятие, покрывшись «пеленой забвения»[1].

Однако в период «"Ренессанса" биографического метода», связанного с «антипозитивистским переломом» и расширением интерпретативных стратегий[2] в мировом научном пространстве, затронувшего и советское научное сообщество, единство противоположностей – «строгой документальности» и «художественности», исследования и романа, науки и искусства – все более увлекало биографистов в 1970–1980-е гг.[3]. Полемические споры по проблемам биографического жанра в советской науке этого времени во многом отразили общие линии в развитии мирового интеллектуального процесса, что нашло свое выражение и в трансформации мыслительных структур, и в рождении новых образов науки, и в изменении подходов к соотношению разных видов познавательной деятельности, и др.

К началу 1990-х гг. А.Л. Валевский ответ на вопрос «Биография – наука или искусство?» категорически транслировал в утверждение «Биография – это наука и искусство»[4]. Для него проблема «повествовательной изобразительности» органично входит в структуру «биографической реконструкции»[5]. К началу двухтысячных проблема совместимости «научного и художественного» в научных исследованиях не без влияния постмодернистских идей получила достаточно отчетливую постановку: «…наметившиеся тенденции к интеграции гуманитарного знания в его рационально-научной и образно-художественной ипостасях, заставляют задуматься как над принципиальной возможностью, так и над механизмом их синтеза»[6]. Воспринимая биографию-«жизнеописание» в качестве особой самодостаточной культурно-исторической формы постижения и трансляции личностного индивидуального опыта, ей придают и особый статус органического единства «историко-познавательных и литературных начал»[7].

---

[1] См. подробнее: *Часть вторая*. Приближение к Бицилли.Часть третья. Разделы: «Образ историографии в творчестве П.М. Бицилли» и «Эстетическая составляющая историописания: наука vs искусство».

[2] См.: Периодизация биографического метода, предложенная Л.Г. Скоковой (см.: *Скокова Л.Г.* Біографічний метод в соціології: історія і специфіка застосування. Автореф. дис... канд. соціолог. наук. Київ: Інститут соціології НАН України, 1999. 20 с.), касалась социологического поля исследований, однако эти же годы стали своеобразным «Ренессансом» и для других отделов гуманитарного знания – филологии, истории и проч.

[3] См.: *Родный Н.И.* Научные биографии как жанр историографии науки // Вопросы истории естествознания и техники. 1971. Вып 3-4; *Мейлах Б.С.* На рубеже науки и искусства. Л.: Наука, 1974; *Селезнев Ю.Н.* Служить своему времени и своему народу // Вопросы литературы. 1980. № 9; *Жуков Д.А.* Биография биографии: Размышление о жанре. М., 1980; *Баженов В.В.* Историческая биография в советской историографии (1917 сер. 1930-х гг.) Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1986.

[4] См.: *Валевский А.Л.* Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица. Биографический альманах. СПб., 1995. Вып. 6. С.48.

[5] Там же. С.51.

[6] *Румянцева М.Ф.* «Чужое Я» в художественной литературе и в исторической науке // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С.20.

[7] См.: *Беленький И.Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 37.

Экскурс. О научной биографии

Классическая, *традиционная*, *научная* биография – это неоднозначные понятия, считать их аналоговыми категориями можно лишь условно, в контексте противопоставления поисков «нового биографизма» (приблизительно с последней трети XX в.) биографической практике предшествующей эпохи «модерна» (и еще ранее). В лексиконе современных исследователей *научная биография* подчас превращается в метафору для обозначения «ретроградных» форм биоисториописания. Между тем *научной биографией* называют и схему, предложенную Д. Уокером[1], и «воспроизведение жизненной судьбы мыслителя» с позиций «социально-культурного анализа»[2], который признается ныне атрибутом «новой биографической истории» (Л.П. Репина).

В.В. Ващенко справедливо обратил внимание на неопределенность понятия *научная биография* в биографической практике[3]. В современном литературоведении также констатируют тот факт, что *тип* биографии определяется авторами часто не по способу описания жизни личности, а по содержанию его деятельности, поэтому *научная биография* ассоциируется с *биографией ученого*[4].

С.М. Ляшко, анализируя категорию *научная биография*, заметила, что национальные традиции исторического нарратива, неразрывно связанные с многообразными аспектами жизни общества, разбежности с *западным* мироощущением и практиками играют существенную роль, поскольку отображают определенные взгляды исследователей и логику исторического мышления, сложившиеся, в частности в украинской традиции[5].

В.С. Чишко, первый директор Института биографических исследований Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского, определял понятие *научная биография* как методическую составляющую историко-биографического жанра. Предложенный им алгоритм создания научной биографии включает три блока исследовательских процедур – 1/ эвристические и источниковедческие исследования; 2/ реконструкция жизни, деятельности и психичес-

[1] *Нейман А.М.* Биография в истории экономической мысли: опыт интеллектуальной биографии Дж.М.Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П.Репиной. М., 2005. С.333.

[2] *Соловьев Э.Ю.* Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С.45.

[3] См.: *Ващенко В.* Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2009. Вип.4. С.479.

[4] См.: *Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский. Научная биография (1828-1858). М., СПб., 2015. 624 с. URL: https: // www.litres.ru/adolf-andreevich-demchenko/n-g-chernyshevskiy-nauchnaya-biografiya-1828-1858/chitat-onlayn/

[5] См.: *Ляшко С.М.* «Наукова біографія» у контексті теорії та методики біографічних досліджень: наскільки варто керуватися змістом поняття «наукова біографія» та тотожними із ним у практиці біографістики // Українська біографістика. 2013. Вип. 10. С.35.

кого состояния «героя» биографии; 3/ репрезентация личности в совокупности внешних и внутренних связей, – а также типологизацию по профессиональной ориентации «героя»: биография ученого, писателя, художника и т.п.[1].

Для А.А. Демченко *научная биография* – это обобщающее научное исследование, основанное на критическом анализе источников, нацеленное на выявление своеобразия личности «в ее единстве с эпохой, общественной средой и творческим самовыражением»[2]. Для И.Я. Лосиевского *научная биография* – исследование, которое создается приемами и методами научного анализа и обобщения, ее отличие от научно-художественной в том, что в последней образ исторического лица – это образ героя, к сотворению которого привлекаются художественные методы. По характеру отражения и интерпретации документального материала, а также в соответствии с творческой задачей биографа *научные биографии* разделяются, по его мнению, на виды: концептуальная, фактографическая, смешанный вид; по характеру отражения документального материала и по формальным признакам, исходя из предназначенности биографического текста, в свою очередь – монография, энциклопедический очерк, словарная статья, летопись (хроника)[3].

С.М. Ляшко предложила рассматривать термин *биография* в иерархии понятий биографистики как концепт базового уровня, аккумулирующий разное содержание и контексты, которые определяются целью, задачами и исследовательским опытом. В аналитических структурах *научная биография, индивидуальная биография, биоисториография, историческая биография, контекстуальная биография, экзистенциальная биография, модальная биография, карьерная биография* коннотации «научная», «индивидуальная», «коллективная» и т.п. дополняют и уточняют предметно-понятийное содержание концепта и одновременно выступают способом организации биографического материала, инструментом познания[4].

Категория *научная биография* неразрывно связана с понятим *научный стиль*, которому (как одному из типов «речевых стилей») свойственны: точность, логичность, аргументированность, специализированный понятийный

---

[1] *Чишко В.С.* Біографістика як галузь історичної науки: історіографія та методологія: Автореф. дис…. докт. іст. наук. Київ, 1997. С.15; *Он же.* Біографічна традиція та наукова біографія в історії та сучасності України. Київ, 1996. С.76-79 и др.

[2] См.: *Демченко А.А.* Н.Г.Чернышевский. Научная биография (1828-1858). М., СПб., 2015. 624 с. URL: https://www.litres.ru/adolf-andreevich-demchenko/n-g-chernyshevskiy-nauchnaya-biografiya-1828-1858/chitat-onlayn/**;** *Он же.* Научная биография как тип исследования: проблемы источниковедения. URL: http://liber.rsuh.ru/Conf/Comparative/demchenko.htm

[3] См.: *Лосиевский И.Я.* Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. Харьков, 1998. С.79.

[4] См. подробнее: *Ляшко С. М.* «Наукова біографія» у контексті теорії та методики біографічних досліджень: наскільки варто керуватися змістом поняття «наукова біографія» та тотожними із ним у практиці біографістики // Українська біографістика. 2013. Вип. 10. С.41-42.

и справочный аппарат и др. Научный стиль по структуре и функциональному предназначению текстов неоднороден и включает т.н. «подстили»: академический (собственно научный), научно-популярный, справочно-энциклопедический, научно-оценочный, информационно-реферативный, научно-учебный, научно-деловой и проч., каждый из которых имеет свои характеристики и видовую/жанровую специфику. Академический – собственно научный – стиль представлен монографией, статей, тезисами и т.п.[1].

Resume

• *Научная биография* как вид научного исследования и жанровая разновидность научного (академического) стиля, безусловно, требует предметного исследования и «корректного использования»[2].

• К критериям *научной биографии* как виду биографического исследования в первую очередь следует отнести: рационально-дискурсивный тип мышления; наличие рефлексивного компонента, репрезентативность фактуальной/источниковой базы.

• Одновременно *научная биография* не исключает: интуитивистские подходы к постижению предмета, широкий спектр стилевых вариаций текста, форм и видов био-письма.

* * *

Биография *научная* и ее беллетризованная «сводная сестра» восходят к одной матрице – изящной словесности (вспомним рассуждения П.М.Бицилли). История развела эти формы словесности, а затем вновь приблизила их друг к другу, смягчив при этом принцип демаркации, но сохранив принципиальную самость каждого из биографических жанров.

Различие историка и художника (поэта и т.п.) в том, вторит П. Рикер Аристотелю («Поэтика»), что первый говорит о том, что было, а второй — о том, что могло бы быть. Лишь историография [здесь: историческая наука. – Т.П.], основываясь на эмпирии, нацелена на события, действительно имевшие место и сохранившиеся для историка в документах – следах прошлого, на события прошлого, которые «управляют исторической интенциональностью, придавая ей реалистический оттенок, что не сопоставимо ни с какой литературой, сколь

[1] См. подробнее: *Дудик П.С.* Стилістика української мови / П.С. Дудик. Київ, 2005. С.76-80; *Баженова Е.А., Котюрова М.П.* // Речевое общение: (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения): Специализированный вестник. 2006. Вып. 8–9. С. 140–144. Об анализе стилистики биографических текстов см. подробнее: *Вовк О.І.* Постать Василя Каразіна в історіографії / Науков. ред. С.М. Куделко. Харків, 2016. С.50-54.

[2] См. подробнее: *Ляшко С. М.* «Наукова біографія» у контексті теорії та методики біографічних досліджень: наскільки варто керуватися змістом поняття «наукова біографія» та тотожними із ним у практиці біографістики // Українська біографістика. 2013. Вип. 10. С.42.

бы реалистической она себя ни считала»[1]. Однако в работе «историописателя» собственно *историографическая операция* состоит из трех фаз: *документальной, объяснения/понимания* и *литературной*[2]. Таким образом, П. Рикер акцентирует в качестве самоценной составляющей всего процесса создания исторического труда – литературную.

Вероятно, следует учитывать две плоскости «литературных начал»: литературную фабулу (как стержень литературного произведения), основанную на художественных символах – «вымыслах», и литературно оформленный текст – литературную повествовательность исторического/биоисториографического письма, которая зависит от культурных канонов, образцов научного историописания, наконец, от «моды» на литературные стили научных текстов в конкретной темпорально-региональной ситуации и проч.[3].

Биоисториографические тексты сценарно и с позиций сочетания «историко-познавательных и литературных начал» детерминированы избранной биографом стратегией, при этом стоит принимать во внимание роль фактуальной базы и степень авторского «вживания» в своего «героя». Первая публикация, посвященная избранному «герою», за редким исключением становится биоисториографической работой, завершенной по форме и смысловому наполнению. Обычно монографическому исследованию (либо иной форме научных биографических обобщений) предшествует достаточно длительный этап «первично/вторичных и т.д.» публикаций, в которых автор вводит источниковый материал, создавая фактуальный каркас[4], постепенно приобретающий форму биограммы; одновременно идет процесс осмысления/переосмысления вводимого материала[5]. С каждой новой публикацией, посвященной «герою», формирующаяся биограмма пополняется новой эмпирикой[6], детерминируя уровень биографорефлексии. Последующие публикации, опирающиеся уже на введенный биографический материал (созданную

[1] *Рикер П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / Пер. с франц. Т.В. Славко / Под ред. С.Я. Левит. М.; СПб., 1998. С.52, 100.

[2] См.: *Рикер П.* Историописание и репрезентация прошлого // Анналы на рубеже веков – антология / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 2002. С. 29; *Он же.* Память, история, забвение. М., 2004. С. 401.

[3] Самый поверхностный сравнительный анализ научных текстов советской эпохи и пост-советского времени позволяет говорить о значительной стилевой специфике литературного построения.

[4] Первые публикации с новым, неизвестным ранее, либо получившим новую интерпретацию материалом, могут иметь лапидарную форму с акцентом на максимально приближенные к тексту источника фактологические данные.

[5] Вспомним: М.В. Нечкина более пятидесяти лет (с 1921 г.) посвятила «освоению Ключевского».

[6] Процесс этот не имеет границ, т.к. собрать весь материал реальной истории личности невозможно в силу разных обстоятельств, не говоря уже о множестве вариантов сценаризации и интерпретации включенного в исследовательское поле материала, что оправдывает появление знаменитой метафоры – *биографическая иллюзия* (П. Бурдье).

в общих чертах биограмму), могут в меньшей степени зависеть от научного аппарата (ссылок на источники), но будут приобретать все более глубокое содержательное наполнение, которое в зависимости от «пристрастий» автора и адресного назначения текста (ориентации на предполагаемую автором аудиторию) получит ту или иную литературную форму с определенной степенью соотношения научного и художественного начал (элементов беллетризации), со своей эстетической программой.

Наполненность биограммы и степень биографорефлексии расширяют: а) выбор в типологическом многообразии биописьма, б) возможности конструирования сценарных вариантов, в) диапазон научного, этического и эстетического начал биоисториографического дискурса.

О междисциплинарности

Биографизм как аналог научного биоисториописания, бесспорно, находится в плоскости дисциплинарных пересечений, и обновление биоисториографии следует связывать с интердисциплинарной перспективой. Б.Лепти (школа «Анналов»), рассматривая междисциплинарность как трамплин для обновления исследовательского поля, выделил три аспекта плодотворности междисциплинарных исследований: 1) введение новых объектов, контуры которых определяются и корректируются в процессе исследования; 2) преодоление традиций, давлеющих над учеными и препятствующих появлению новых знаний; 3) совершенствование методик, приемов, моделей и систем объяснения[1].

Несмотря на спорность идеи о долженствовании траектории движения современной гуманитаристики от дисциплинарности к междисциплинарности и затем к полидисциплинарности[2], размах меж/интердисциплинарных исследований действительно настоятельно требует создания в границах интеллектуальной истории «актуального раздела – *истории интердисциплинарности*»[3].

Однако гипертрофированная увлеченность (подчас на декларативном уровне) идеи «меж/интер/кросс/мульти/поли/транс/плюро-дисциплинарности» в современном научном сообществе (при наличии их различных интер-

[1] См.: *Лепти Б.* Некоторые общие вопросы междисциплинарного похода // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 71-77.

[2] См.: *Румянцева М.Ф.* Целостность современного гуманитарного знания: необходимость и возможность // Единство гуманитарного знания: новый синтез / Отв. ред. М.Ф.Румянцева. М., 2007. С.42.

[3] *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.26-27.

претаций[1]) создает много проблем, превращаясь в «эпистемологическое бремя»[2], поскольку «встреча двух дисциплин» предстает как встреча «двух разных культур»: каждая из них стремится «расшифровать» другую, исходя из «собственного кода» – собственной дисциплинарной культуры[3]. Применение новых междисциплинарных подходов, предостерегает Л.П. Репина, не должно способствовать расщеплению гуманитарного знания на множество новых субдисциплин и объединению вокруг априорно принятой методологии; цель междисциплинарности – в создании «междисциплинарной ситуации»[4].

Разнообразие в понимании смыслов различных видов «междисциплинарности» создает сложности и в осознании специфики этой ситуации, поэтому утверждение конвенциональной платформы для унификации понятий должно стать исходным принципом, предваряющим начало исследований. Признание и определение типологических особенностей различных «междисциплинарных ситуаций» нацеливает и на выбор соответствующих методик для избранной ситуации. Например в «междисциплинарной ситуации» по типу собственно «междисциплинарности», когда теории и методы других наук используются для решения внутридисциплинарных проблем[5], автор, представитель дисциплины-профессии определяет «репертуар» заимствований и методику трансляции ино-дисциплинарного инструментария в исследовательское поле своей дисциплины, исходя из своей программы исследования.

В биоисториографии автор, находясь в границах истории исторической науки и опираясь на родовую профессию историка, привлекает инструментарий разных социогуманитарных наук – социологический, философский, культурологический, психологический, науковедческий, литературоведческий и проч. (идеи, теории, методы, понятия, модели и т.п.) – в той мере, в какой это необходимо для решения его программы. При этом сам текст, язык автора, стиль мышления будут отвечать нормативам его профессиональной платформы – это будет текст историографа. Даже если автор-историограф объектом своего исследования сделает ученого, представителя иной, даже не-гуманитарной,

[1] См., например, определение этих подходов: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.26-30; *Голубович И.В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса, 2008. С.230-233; *Мокий В.С., Лукьянова Т.А.* От дисциплинарности к трансдисциплинарности в понятиях и определениях // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2016. № 7(25). URL: http:// 7universum.com/ru/social/archive/item/3435 и др.

[2] *Голубович И.В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса, 2008. С.231.

[3] См.: *Бурдье П.* Интерес социолога. Доклад на конференции в Гренобле в 1981 г. // Бурдье П. Начала:[Сборник] / Пер. с франц. М., 1994. С.156-167.

[4] *Репина Л. П.* Междисциплинарность и история // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2004. Вып. 11. С. 5–17.

[5] *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 29.

сферы, это все равно будет текст историографа. Примером может служить новаторская работа В.П. Корзун (профессионального историографа) об А.С. Лаппо-Данилевском, историке, и И.А. Лаппо-Данилевском, его сыне – математике [1]. Автор-науковед (даже историк науки), автор-философ/социолог/культуролог написал бы об этих же «героях» *иначе*, даже если бы «семейная история» в «интеллектуальных биографиях» оставалась исходным ключом.

Социологи, использующие биографические методы и биографический подход, подчеркивают, что им приходится выходить за пределы «чистой» социологии, становиться социальными историками, культурантропологами, лингвистами, семиотиками, литературными критиками и т.д., расширяя границы социологического знания [2]. В энциклопедических статьях о биографическом методе в социологии подчеркивается, что его развитие способствовало установлению плодотворного междисциплинарного сотрудничества в исследовании социальных проблем [3]. И все-таки представляется, что степень *интердисциплинарных мутаций* несколько преувеличена: текст социолога, посвященного истории жизни, останется в целом социологически-ориентированным.

Биографический текст (если только он не создается по «трансдисциплинарному типу», при котором проблема исследования не может быть сформулирована и решена в границах любой из сотрудничающих дисциплин) [4], всегда будет окрашен в цвета своей дисциплинарной матрицы.

Среди проблем биоисториографии, требующих обращение к «общему рынку» социогуманитаристики, – сюжетное построение биотекста, дуэт «автор-герой», соотношение нарративного и тезаурусного, новые типы персонального измерения жизнеописания.

Сюжет первый: О сценаризации

В реальной жизни никогда ничего не случается
в нужном месте и в нужное время.
Это дело историков – добиться нужного эффекта.

Марк Твен

---

[1] См.: *Корзун В.П.* Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб., 2011.192 с.

[2] См.: *Голубович И.В.* Основы теоретической биографистики: учебное пособие для студентов специальностей «Философия» и «Культурология» / Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова. Одесса, 2015. С.39.

[3] См.: *Огурцов А.П.* Биографический метод // Новая философская энциклопедия. В 4-х т./ Ин-т философии РАН. М., 2000. Т.1. С. 266-267; *Он же.* Биографический метод // Современная западная социология: Словарь / Сост.: Ю.Н. Давыдов, М.С. Ковалева, А.Ф. Филиппов. М.,1990. С. 36.

[4] См.: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 29.

Исследовательская задача автора-биографа, ориентируя на конкретный тип биографического анализа (по Э.Ю. Соловьеву), определяет и *сценарные варианты* для создания биографического нарратива (жизнеописаний), которые могут включать разнообразные подходы и, соответственно, создавать свою типологию биописьма.

Согласно П. Рикеру, именно использование приемов *сюжетопостроения* отличает настоящего теоретика от исследователя, занимающегося скрупулезным, но не предполагающим теоретического напряжения описанием эмпирических данных[1]. В контексте исторического/биоисториографического исследования речь идет о профессиональном сочетании теоретических и эмпирических аспектов, при котором текст не превращается в фактографию, но, насыщенный фактологически, обретает конкретную форму, подчиненную авторскому замыслу, основанному на соответствующей теоретической платформе.

В свое время Г.В. Флоровский писал: «В некотором смысле всякое мировоззрение есть автобиографическое повествование, рассказ и отчет об увиденном и услышанном, описание пережитого опыта»[2]. Биоисториографическое исследование, воплощенное в биописьме, неизбежно воплощает опыт автора-биографа, его мировоззренческое кредо: «Биография есть творческий акт самого биографа»[3].

Проблема *опыта* – одна из сложнейших в современной философской литературе[4]. Для П. Рикера опыт нарративно организован.

> ***Ремарка-штрих.*** *Нарратив*, в понимании П. Рикера, имеет двуликую сущность: 1) это – «упорядочивание», соединение фактов или событий в систему, в единую смысловую конфигурацию, сюжет; 2) репрезентация – подражание реальным событиям. Оба лика – и подражание событиям, и создание единой конфигурации – объединяются на уровне дискурса («языка в действии», или «языка в употреблении»).

Нарратив конституирует фундаментальную характеристику опыта – его временность; живой опыт, в свою очередь, определяет временность повествования: «Время становится человеческим временем в той мере, в какой оно нарративно артикулировано, а нарратив обретает свое полное значение, когда он

---

[1] См.: *Рикер П.* Время и рассказ. Т.1. Интрига и исторический рассказ / Пер. с франц. Т.В.Славко, под ред. С.Я.Левит. М.; СПб., 1998. С.177-180. Возможно ли «описание эмпирических данных» без *предполагаемого* сценария?..

[2] См.: *Флоровский Г.В.* Метафизические предпосылки утопизма // Флоровский Г.В. Христианство и цивилизация. Избранные труды по богословию и философии / Сост. И.И.Евлампиев. СПб., 2005. С. 197–198.

[3] *Кумок Я.* Биография и биограф // Вопросы литературы. 1973. №10. С.28.

[4] См.: *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М., 2007. См. об этом: *Попова Т.Н.* Дисциплинарное сообщество историографов на исходе Постмодерна (фрагменты размышлений) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2009. Вип. 4. С.210-235.

очерчивает особенности временного опыта»[1]. Находясь в неразрывной связи с живым опытом, нарратив становится незастывшим (каким его, отмечает П. Рикер, представляют структуралисты), а подвижным, временным образованием. Все «формы повествовательности», по-разному осмысливающие и выражающие временной человеческий опыт, имеют глубокое родство, т.к. каждая из них выражает апории (парадоксы) временного человеческого опыта[2]. Поскольку научное теоретизирование содержит в себе элементы повествования, соответственно, научное знание (это утверждение относится прежде всего к исторической науке, специфику которой П. Рикер исследует), сохраняя нарративные черты, не утрачивает связь с опытом.

Заимствуя у Аристотеля два понятия – mimesis («подражание действию, или репрезентация действия») и mythos – интрига («упорядочение фактов»), П. Рикер видит их взаимосвязь в том, что «само подражание действию есть интрига» – «mimesis действия»: подражание, или репрезентация, выступают как миметическая деятельность, организующая факты и включающая их в *интригу*[3].

> ***Ремарка-штрих.*** Адресуя это понятие персонажу биографического/ биоисториографического нарратива, можно суммировать его значение: *интрига* – это операция по включению в повествовательную композицию разнообразных /разнородных/ событий-фактов жизни «героя», их «упорядочение» - в «единство жизни», в уникальную «временную тотальность», отличающую «героя» от любого другого «персонажа»[4].

«Теория нарративной композиции», предложенная П.Рикером, предполагает *построение интриги* – операции, которая в своем собственном текстуальном поле выполняет функцию интеграции: она извлекает «осмысленную историю» из ряда разнородных событий, или преобразует их в историю, в которой действие приобретает контуры, границу и протяженность[5].

Человеческий опыт, трансформируясь в повествование, в обязательном порядке, согласно П. Рикеру, проходит три стадии: *префигуративную* (мимесис-I), характеризующую сферу действия: факты, события, действия здесь разрозненны, логически не связаны друг с другом, но уже маркированы повествованием – автор заранее предполагает, каким образом они будут связаны в нарративе, это стадия предобразования; *конфигуративную* (мимесис-II), конституирующую построение интриги, здесь элементы опыта проходят стадию конфигурации – «осюжечивания», это стадия формообразования, в широком смысле аристотелевского mythos; *рефигуративную* (мимесис-III), на которой

---

[1] *Рикер П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / Пер. с франц. Т.В. Славко / Под ред. С.Я. Левит. М.; СПб., 1998. С.65.

[2] *Рикер П.* Там же. С.5.

[3] *Рикер П.* Там же. С.9, 45-46.

[4] См.: *Рикер П.* Там же. С.51, 80-81.

[5] *Рикер П.* Там же. С.51, 80-81.

происходит воспроизведение нарратива читателем – столкновение мира текста с жизненным миром; рефигурация (преобразование) завершает путь мимесиса в акте восприятии текста[1].

Вслед за Аристотелем П. Рикер рассматривает интригу в качестве посредницы между событиями и рассказанной историей и приравнивает ее к конфигурации[2].

Конфигурация – важнейшее понятие для П. Рикера при описании устройства нарратива: это «логическое единство», которое можно представить как «одна "мысль"», сюжет (сценарий), собирающий факты-события, подчиняя их замыслу автора, это «упорядочивание фактов в систему» – интрига (в соответствии с аристотелевским понятием «mythos»), «интегрирующий динамизм», извлекающий единую и завершенную историю из множества эпизодов, или преобразующий это множество логически не связанные фактов-событий в историю, получившую завершенные контуры: в ней факты-события будут выстроены в логическую цепь, осмысленную автором[3]. Акт *конфигурации* создает «синтез гетерогенного»[4], в рамках которого любая случайность становится «повествовательным событием»[5].

Конфигурация – основа всех видов повествования, но только исторический нарратив может претендовать на наличие эмпирического референта своих построений: факты, описанные в повествовании, могли иметь место в действительности. Однако реальность изначально не представлена познающему субъекту в виде непрерывного потока – он имеет дело лишь с определенными аспектами действительности, и форма представления опыта – нарративная организация: научное знание согласуется с опытом посредством нарратива. При этом нарратив представляет собой скорее «подражание» опыту – репрезентацию живого опыта, поскольку сама интрига – mythos – нарративная конфигурация – это посредница между событиями и повествовательной историей[6]. Но подражать действию, или репрезентировать действие, означает прежде всего

---

[1] См.: *Рикер П.* Там же. С.9, 209; См также: *Вдовина И.С.* От переводчика // Рикер П.. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М., 1996. С. 247-251.

[2] См.: *Рикер П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / Пер. с франц. Т.В. Славко / Под ред. С.Я. Левит. М.; СПб., 1998. С.81.

[3] См.: *Рикер П.* Там же. С.44, 80; *Рикер П.* Время и рассказ. Т.2. Конфигурация в вымышленном рассказе. М.; СПб., 2000. С.16, 162.

[4] П. Рикер, кстати, считал, что Ф. Бродель изобрел *новый тип интриги* как «синтеза разнородного», объединив структуры, циклы и события в контексте противоречивых хронологий и «разнородного» времени.

[5] См.: *Рикер П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / Пер. с франц. Т.В. Славко / Под ред. С.Я. Левит. М.; СПб., 1998. С.165, 249; *Тета Жан-Марк*. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикера // Социологическое обозрение. Т. 11. № 2. 2012. С.108.

[6] См.: *Рикер П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / Пер. с франц. Т.В. Славко / Под ред. С.Я. Левит. М.; СПб., 1998. С.81.

предпонимать, что есть в нем от человеческого действия[1]. Репрезентируя живой опыт, отсылая к нему, нарратив одновременно привносит в него существенные изменения, так что факт «зазора» между нарративным «сочинением» и «реальным» изображением опыта становится очевидным.

Для обозначения «зазора» между фактологической канвой, полученной из источников, и историографическим повествованием, связанным с интригой, с нарративной конфигурацией, П.Рикер вводит понятие *фикционализация истории*. Это понятие обозначает тот факт, что история/автор исторического повествования не ограничивается воспроизведением содержания документов и архивов, а интегрирует их в интригу, которая произведена воображением, поскольку не является документально данной. Конечно, в историографическую интригу включаются различные и весьма сложные теоретические концепты и объяснительные модели, но они ничего не меняют в том, что историографическая интрига остается в принципе сходной с художественным повествованием, которое также может включать в себя объяснительные элементы, менее сложного порядка[2].

События, оказавшись предметом повествования, приобретают определенную связь: 1) эпизодическую – «линейную» последовательность свершающихся друг за другом событий, эта связь – случайная, нелогичная; 2) универсальную, имеющую логический характер, метафорически определяемую П. Рикером как «одно вследствие другого» (аристотелевская традиция). Именно универсальная связь, каузальная по характеру, присуща нарративной конфигурации, поскольку «сочинять сюжет» («сочинять интригу», по Рикеру) означает «выводить интеллигибельное из случайного, универсальное из единичного, необходимое или вероятное из эпизодического»[3].

Содержание нарратива всегда социально конструировано: автор, ориентируясь на определенную аудиторию, присваивает событиям смысловое звучание и в соответствии с этим производит их отбор, включая в текст «достойные для повествования», т.е. отвечающие авторской программе. В связи с этим нарратив обладает способностью *переописывать* социальные события, исходя из логики повествования, подчиняя их сценарной канве, трансформируя их изначальную, конституированную наблюдением последовательность. В конечном счете, «писать – значит переписывать заново»[4]. Одновременно *нарративная конфигурация*, построенная в соответствии с определенными правилами, может «рефигурироваться», получать новые интерпретации во время «потребления» текста

---

[1] *Рикер П.* Там же. С.79.

[2] См.: *Тета Жан-Марк.* Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикера // Социологическое обозрение. Т. 11. № 2. 2012. С.109-110.

[3] См.: *Рикер П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / Пер. с франц. Т.В. Славко / Под ред. С.Я. Левит. М.; СПб., 1998. С.53.

[4] *Рикер П.* Там же. С.180.

читателем, поскольку *акт наррации* всегда ориентирован на *другого*[1].

Идеи П. Рикера о mythos – интриге – нарративной конфигурации, которые вполне транслируемы в проблематику биографорефлексии, созвучны мысли А.Л. Валевского: в основании различных типов жизнеописаний лежит *эпистема упорядоченности*. Черты полимерности и многоуровневости отдельной биографической типологии предполагают ее реализацию в различных вариантах, при этом всем биографическим типам, имеющим собственную эпистему упорядоченности, присущ «синкретизм фигур объяснения» – симметричное соответствие характеристик «героя» (измерение индивидуальности персонажа) с событийно-фактологическим фоном и со спецификой самого жизнеописания, которое предстает как прием «именования жизни», «способ деяний», «передача воспоминаний»[2].

В.И. Оноприенко, один из ведущих украинских специалистов в области биографии «Человека науки», поднимая проблему *апории* («безвыходное положение»; ситуация «несоответствия», противоречие между двумя фактами, парадокс и т.п.) в биографическом исследовании, замечает, что «биография, с одной стороны, представляет собой *схему упорядочения* [курсив мой. Т.П.] собственного опыта как компонента системы ориентации действующего индивида (автобиография), с другой стороны – это гипотетическое воспроизведение этой схемы самопонимания и самопредъявления индивида уже другим действующим лицом в ситуации и акте биографирования»[3].

У М.М. Бахтина привлекают два понятия, определяющие типы сценаризации: 1) *биографическая ценность*, предполагающая рассматривать «прошлое как положительный образец» (в этом случае биография строится как наставление, приобретая дидактическую окраску), или относиться к прошлому как к «отрицательному примеру» (в этом случае биография приобретает разоблачительный характер, не утрачивая дидактических нюансов); 2) *биографическая форма* как тип биографического времени, определяющая подходы к построению сюжета: реальное время жизни, включенное в более длительный процесс исторического времени, и т.д.; образ человека, проходящего жизненный путь; сюжет, соотнесенный с ходом жизни (рождение, детство, труды, смерть и т.д.; по этому критерию М.М. Бахтин выделял такие исторически сложившиеся типы, как «форма удачи-неудачи», «труды и дела», «биография-исповедь», «житийная форма», «семейно-родовой роман/хроника» и др.[4]

---

[1] См.: *Рикер П.* Модель текста: осмысленное действие как текст // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С.27.

[2] См.: *Валевский А.Л.* Основания биографики. Киев, 1993. С.91.

[3] *Оноприенко Валентин*. Апории биографического письма и научная биография // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Вип. 8. Київ, 2014/2015. С.58.

[4] См.: *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С.234-407. К этому спи-

И.В. Голубович добавляет еще несколько критериев, которые она «вычленяет» из бахтинских текстов: а) степень «публичности» или «интимности»; б) соотношение внутреннего и внешнего хронотопа: времени/пространства самой изображаемой жизни и ситуации рассказа о ней; в) ориентация на «звучащий» или «немой» регистр, на «речь» или «письмо».

Эти сценарные стратегии возможно транслировать в биоисториографию, элиминируя в определенной степени художественно-беллетризированный аспект и корректируя подходы к построению сюжета. Аксиологически (ибо дидактика всегда основана на аксиологических нормативах) ориентированная биография (на основе концепта *биографическая ценность*) не исключает ее *научности.* Бесконечно-длительные споры о соотношении объективности и этической нагруженности исторических текстов теряют свою остроту в современном научном дискурсе, расставшемся (в принципе) с позитивистскими канонами. Мысль о том, что ценностные ориентиры биографа неизбежно проявляются явно или в латентной форме по отношению к «герою» в различных видах (от выбора самого «героя» до акцентуализации его поступков, идей и концепций и проч.), не является ныне нонсенсом. Выбор *биографической формы* – временно*г*о конструкта связан не только с целеобразующим каркасом, но и детерминирован фактуальной базой.

Для Ю.М. Лотмана «осюжетивание жизни» возможно с помощью «единиц-событий», понятий, которые наделяются определенным смыслом, временной, причинно-следственной и другой упорядоченностью. Эти «группы событий», или *сюжетные ядра* (болезнь-исцеление, победа-катастрофа, смерть-выживание и т.п.), способствуют выстраиванию сюжета. Иная модель типологического представления биографий – по критерию «отмеченное начало» / «отмеченный конец», который включает не только темпоральный, но в первую очередь – смыслообразующий сюжет[1].

Первая модель в биоисториографии вариативно предполагает иной ряд оппозиций: борьба за научный статус: победа/поражение; борьба за признание своей концепции в научном сообществе: признание/не-признание/остракизм/забвение; научная репутация: официальная/реальная и проч. Согласно второй модели биографию ученого можно также выстраивать, исходя из фокусного

ску можно добавить и понятие «культурное гнездо». См., например: *Корзун В.П.* Культурные гнезда в ситуационной историографии // Российская провинция XVIII-XX вв.: Материалы Всерос. конф. Пенза, 1995. Кн. 1. С. 66-67; *Дробжева Г.М.* О методологическом потенциале концепта «культурное гнездо» // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2012. № 12. Ч.1.С.48-51; *Севостьянова А.А.* Историческая мысль и «областные культурные гнезда» в России в XVIII веке // Русская провинция и мировая культура: Тезисы докладов науч. конф. Ярославль, 1993. С. 52-53 и др. Концепт *биографическая форма* нашел свое преломление в биоисториографических работах. См., например: *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859-1904). Рязань, 2001. 439 с. и др.

[1] См.: *Лотман Ю.М.* О моделирующем значении понятий «конца» и «начала» в художественных текстах// Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 427-430.

рассмотрения начала и конца научной деятельности: по первой и последней публикации, по первой и последней работам, получившим признание в научном сообществе, по первой и последней неопубликованным работам, имеющим научное значение; по *ситуации*-вхождения в науку и *ситуации*-результатов – конца научной жизни и т.п.

Анализируя классические античные образцы биографических текстов, С.С. Аверинцев предлагает свою классификацию: гипомнематический тип – информационно-справочный, тяготеющий к научному описанию, и риторический – эмоционально-оценочный, имеющий свои вариации: похвальное слово («энкомий») и поношение («псогос»). Рождение *морально-психологического этюда*, связанного с творчеством Плутарха, расширяет возможности биографического письма[1]. Первый тип в биоисториографии корреспондирует с понятием *биограмма* [в значении, предложенном автором. – Т.П.], второй близок к концепту М.М. Бахтина *биографическая ценность*, который предполагает наличие в большей или меньшей степени литературного компонента.

Один из психологически ориентированных подходов биографических построений[2] предполагает выстраивать персональную историю, исходя из типологии жизненного пути ученого: ситуативного и собственно личностного[3]. Первый тип выдвигает проблему подчинения жизни внешним обстоятельствам, вынуждающим ученого в каждом конкретном случае поступать соответствующим образом. В этом плане возможно использование исходных тем-аргументов (объяснительных посылов): «везение/невезение», «обстоятельства – выше», «нет выбора» и т.п. Второй тип определяется формулой «наперекор судьбе»: «герой» противостоит внешним негативным факторам, стремится к поставленной цели вопреки обстоятельствам, пытается подчинить обстоятельства себе, сознательно меняя свое окружение и себя самого ради своих идеалов. Б.Г. Ананьевым, учеником и последователем С.Л. Рубинштейна, была сформулирована идея жизненного пути как специфически чело-

[1] *Аверинцев С.С.* Плутарх и античная биография // Аверинцев С.С. Образ античности. СПб., 2004. С. 225-465. См. о философской трактовке типологических схем, предложенных этими учеными: *Голубович И.В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса, 2008. С.250-262.

[2] В украинской историографии о проблемах психологизации как стратегии биографических исследований см.: *Калакура Я.* Образ українського радянського історика в контексті інтроспекції // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Вип. 8. Київ, 2014/2015.С.41-54; *Буряк Л.* Психологізація як стратегія біографічного дослідження в української історіографії першої третини XX ст. // Там же. С.95-114; *Ващенко В.* Неврастенія: непрочитані історії (Деконструкція одного надпису – сеанс прочитання автомонографії М. Грушевського). Дніпропетровськ, 2002. 406 с.; *Он же.* Псіхобіографія // Історіографічний словник /С.І. Посохов, С.М. Куделко, Ю.Л. Зайцева [та ін.]; за ред. С.І. Посохова. Харків, 2004. С.222-223; *Он же.* Від самопрезентації до методології: псіхобіографічний вимір простору історіописання М. Грушевського. Дніпропетровськ, 2007. 324 с. и др.

[3] См.: *Мошкова Г.Ю.* Биографический метод и проблема психологии личности ученого // Вопросы психологии / Ред. Е.В. Щедрина. 1994. № 2, март-апрель 1994. С.139-140.

веческого способа индивидуального развития: личность не только продукт своей биографии, но и ее субъект, т.е. активный творец. С.Л. Рубинштейн среди значимых событий жизни особо выделял события-поступки, т.е. *выборы* [курсив мой. – Т.П.], исходящие от самой личности. Общая для ученых идея: личность и индивидуальность можно познать только через анализ событий[1] ее биографии, при этом личность ученого формируется в процессе жизненной и научной деятельности[2].

Выявление механизмов формирования творческой индивидуальности предполагает не только ситуационный анализ, но прежде всего анализ поступков героя в данной конкретной ситуации – его выбор. Личностное самоопределение в науке, как считают психологи, – явление вторичное, поскольку ее формирование происходит в процессе научной деятельности, складывается внутри нее. Однако личностное самоопределение в науке имеет основанием систему уже сложившихся личностных структур – убеждений, мотивационно-ценностных ориентиров и проч.: задавая исходный уровень личностного самоопредления, эти структуры детерминируют «выстраивание личности собственно человека науки», и одновременно новые структуры кардинально меняют личность, поскольку процесс этот – двусторонний. Таким образом, понятие «личность ученого» предстает как реальность, определяемая субъективной значимостью научной деятельности в жизни конкретного индивида[3].

В этом ключе биоисториографическое описание можно выстраивать по рубежным для «героя» событиям, которые символизируют его выбор в конкретной ситуации, причем в обоих вариантах. История жизни в первом случае превращается в череду «ударов судьбы», во втором – в череду «преодолений», в том и другом случае происходит формирование личности – ригидной/лабильной/ творчески независимой и т.п.

Соглашаясь с тезисом о длительности процесса личностного самоопределения в науке, стоит обратить внимание на то, что сфера научной деятельности – неоднозначно разнообразна, и для отдельного ученого, в частности историка, особую значимость может представлять определенная сторона этой деятельности: поисковая, археографическая, исследовательская, фактографическая, теоретическая, организаторская, дидактическая и проч., в которой наиболее плодотворно будет проявляться личность ученого, что и составляет в конечном счете индивидуально неповторимую сущ-

---

[1] «Событие всегда было и остается основой, исходным пунктом» историописания, т.к. это – «*категория* исторического анализа». См.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Социология знания о прошлом. М., 2005. С.314.

[2] См.: *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977; *Рубинштейн С.Л.* Пути и достижения советской психологии (о сознании и деятельности человека) // Вестник Академии наук СССР. 1945. № 4. С.67-84; *Он же.* Размышления о науке // Рубинштейн С.Л. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989. С.332-335 и др.

[3] См.: *Мошкова Г.Ю.* Биографический метод и проблема психологии личности ученого // Вопросы психологии / Ред. Е.В. Щедрина. 1994. № 2, март-апрель 1994. С.138.

ность того или иного представителя науки. При этом важен анализ ситуации, в которой произошел выбор конкретной сферы деятельности в науке как магистральной.

Бесспорно, можно согласиться с позициями, сформулированными И.В. Голубович, которая, опираясь на идею А.Л. Валевского об *эпистемах упорядоченности* как исходную, а также на исследования в области системного подхода и теории классификации, предложила для возможной типологизации биографической проблематики три блока оснований: *дескриптивные,* упорядочивающие эмпирический материал; с*труктурные* – сущностные, раскрывающие суть тех или иных биографических видов и форм; *системные* – представление биографического объекта в виде системы и выделение соответственно системных дескрипторов[1]. При этом акцент сделан на следующих позициях: а) биографический дискурс основан на изоморфности (со-равности, со-размерности) единичной человеческой жизни и универсума культуры, индивидуальной судьбы и судьбы человечества; б) биография как литературно-исторический жанр, а также биографически ориентированная рефлексия ученого-гуманитария, явно или неявно базируются на признании гомологии между жизнью и текстом, реальностью жизни и реальностью рассказа о ней; в) типологические обощения не должны быть предписаны, поскольку они оформляются после дескриптивного анализа; в то же время «предписания» имеют относительный характер, т.к. «сознание биографа спонтанно уже типологизирует»: теоретические основания организуют биографический дискурс, определяя понятийно-категориальный аппарат био-анализа, однако эти основания являются платформой для *возможных* [курсив мой. – Т.П.] типологизаций в силу методологической вариативности, в рамках которой формируются различные спецификации биографического подхода, поэтому сформировать единый понятийный язык биографического описании вряд ли возможно [2].

При всем типологическом разнообразии биографического дискурса именно *поступок* и *ситуация* предстают для биографа как первичная неразложимая данность феномена индивидуальности и являются «базисными понятийными остовами» любой биографической реконструкции[3]. Уточним: в понятие «поступок» в биоисториографических исследованиях с необходимостью следует включать рождение идеи/концепции ученого-историка в конкретной ситуации, которые создают его биографию как личности в науке.

---

[1] См.: *Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем. М., 1978. 272 с.; *Он же.* Системные аспекты философского знания. Одесса, 2000. 159 с.; *Мейен С.В., Шрейдер Ю.А.* Методологические аспекты теории классификации // Вопросы философии. 1976. №12. С.67-79; *Голубович И.В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса, 2008. С.250-251.

[2] См.: *Голубович И.В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса, 2008. С. 251, 265.

[3] См.: *Валевский А.Л.* Основания биографики. Киев, 1993. С.50.

В *биоисториографии* вне зависимости от типа биописьма – биографического мира, персональной истории (от рождения до кончины), интеллектуальной биографии (с акцентом на интеллектуальную деятельность «героя») и проч. – сценарные варианты будут подчинены выбору и систематизации *сюжетных ядер* (по Ю.М. Лотману), зависеть от «построения интриги» и осуществления *нарративной конфигурации* (по П. Рикеру), от принципа *биографического оформления героя* (по М.М. Бахтину[1]) и от многих других подходов[2].

Сюжет второй: Об авторе и «герое»

…главной среди обсуждаемых методологических проблем биографии… остается проблема взаимодействия…двух субъектов…

Л.П. Репина

Сценаризация биографического нарратива неразрывно связана с другой проблемной областью – сферой взаимодействия субъекта-героя и субъекта-биографа. Диалектическое противоречие между составляющими автор-«герой» «определяет особенности жанра биографии»: «герой» биографии всегда вписан в свое время, автор-биограф неразрывно связан со своей эпохой, выражая через своего «героя», самого себя, а через себя – сущность своего времени[3]. И.Л. Беленький образно пишет: «Судьба человека выбирает его биографа. Но и биограф выбирает свою судьбу, встречая своего героя…»[4]. При этом неизбежно возникает ситуация со-размерности фигур «героя» и его биографа, их взаимоотношений и взаимосвязи. Со-размерность проецируется и в дуэт – личность человека/личность ученого.

Тезис, принятый в психологической литературе, – «чтобы стать незаурядным ученым, надо прежде всего стать незаурядной личностью»[5] – имеет место в том случае, когда речь идет о выдающихся ученых. Но какие личностные черты составляют «незаурядную личность»? – все, что выходит из разряда «средних»? – акцентуирование, пограничные случаи? История науки и культуры дает

[1] См. подробнее: *Бахтин М.М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма// Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. М., 1979. С.188-237.

[2] Не последнюю роль в выборе и сценарных подходов, и самого типа биописьма будет играть источниковая/фактуальная база биоисториографического исследования.

[3] См.: *Павлова Т.А.* Психологическое и социальное в исторической биографии // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М., 1995. С.86; *Репина Л.П.* Личность и общество, или история в биографиях (Вместо Предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С.6.

[4] *Беленький И.Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С.51.

[5] См.: *Мошкова Г.Ю.* Биографический метод и проблема психологии личности ученого // Вопросы психологии / Ред. Е.В. Щедрина. 1994. № 2, март-апрель 1994. С.140.

множество примеров диспропорции личности человеческой и сугубо научной (и др.). Несомненно, соотношение личностных черт – человеческих и личностно-научных, – их взаимопереплетение, субординационно-иерархические взаимосвязи составляют особую проблему в персональных историях ученых[1].

Дискуссионным остается вопрос: можно ли привлекать элементы патопсихологических реконструкций или категорически отказаться от них, основываясь на ценностно-этическом каноне – «Биографу открыто в человеке и его мире лишь то и только то, что открыл (или предполагал открыть) сам человек»[2]? Не подвергая сомнению этот тезис, стоит обратить внимание на формирование такого направления в современной историографии как «история тела»[3], заставляющего по-новому подойти к проблемам био-исследований: тело как коммуникативная система со своей кодировкой смыслов играет исключительную роль в осознании истории жизни, в специфике когнитивных практик «героя», в формировании индивидуальности ученого и проч.

Типология отношений *автор-герой*, предложенная М.М. Бахтиным, основана на критерии их взаимозависимости: первый тип предполагает зависимость автора от его героя – авторитет героя в этом случае подавляет автора, который идет *вслед* за героем, воспринимая его познавательно-этическую позицию; второй тип отличается зависимостью героя от автора, который стремится проявить себя через героя; третий – слияние автора с героем: «…такой герой в отличие от бесконечного героя романтизма [второй тип. – Т.П.] и неискупленного героя Достоевского [первый тип. – Т.П.] самодоволен и уверенно завершен»[4]. Построенная в литературоведческом ключе, данная типология может иметь проекцию и в биоисториографический жанр.

---

[1] См. об этом: Историческая биография: современные подходы и методы исследования: сборник обзоров и рефератов / ред. колегия: Ю.В. Дунаева, З.Ю. Метлицкая, М.Б. Раренко. М., 2011 и др.

[2] См.: *Беленький И.Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции// История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С.47, 54; *Сегалин Г.В.* Патогенез и биогенез великих людей // Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатология). Свердловск, 1925. Т.I. С.24-30. В современной украинской историографии см. об этом: *Андрєєв В.* Патографія як жанр біографічного дослідження: журнал «Клинический архив гениальности и одаренности (1925-1930)» // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В.Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Вип. 8. Київ, 2014/2015. С.85-94 и др.

[3] См.: *Ле Гофф Ж., Трюон Н*. История тела в средние века. Пер. с француз. Е. Лебедевой. М., 2008. В украинской историографии о проблеме «Тела» см. статьи *В. Ващенко, В. Масненко, А. Киридон* в: Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Вип. 8. Київ, 2014/2015. С.115-166. См. также: *Соколов А.Б.* История тела: предпосылки становления нового направления в историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2009. № 26. С.190-211; *Он же.* Концепт «тело» в современных исторических исследованиях // Ярославский педагогический вестник. 2009. № С.202-207 и др.

[4] См. подробнее: *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. М., 1979. С.7-181.

Фактор «зависимости» автора от «героя» проявляется в довольно широком спектре нюансов. Для С.В. Кульчицкого, одного из фундаторов современной украинской историографии, «зависимость» автора от своего «героя» может иметь эмоциональную основу, а также факт гражданства автора и «героя» – *свой/чужой* и т.п. Преодоление этой «зависимости» ученый видит в применении компаративного метода исследования: оценка «героев» должна осуществляться с учетом ситуативного сходства[1].

Одна из форм «зависимости» – *самоописание*, в основе которого – со-причастность, со-переживание, со-понимание, что далеко не всегда является следствием «растворения» автора в своем «герое», но – показателем близости духовно-личностной, концептуально-теоретической, сюжетно-биографической и т.п., если не в целом, то в отдельных ситуационных моментах. Элементы самоописания – «явные и неявные» – проявляют себя не только в выборе «героя» (хотя и не всегда), но прежде всего в самом тексте [2].

В биоисториографии голос историка-биографа «звучит» в оценках «историка-героя», которые включают значительный элемент самооценки автора, в выборе информационных реляций, в дидактических пассажах, в акцентуализации мыслей, идей, концептуальных построений «героя», его поступков, жизненных предпочтений, карьерных восхождений, научных достижений, в специфике взаимоотношений в микро-мега-макро-мирах, наконец, в стержневой направленности авторского отношения к «герою»: оправдание/осуждение, приятие/не-приятие, понимание/осуждение, сочувствие/безразличие, восхищение/снисхождение, объяснение/описание и т.п.

Специфика текста – структурное построение, стилевые особенности (наличие выделений: курсива, кавычек, заглавных букв, подчеркиваний и проч.; эпиграфов, различного рода вставок и т.п.), академичность или беллетризация, тезаурус или нарратив, терминологические/пассажные пристрастия - все это, подчас с заимствованием у «героя», является выражением осознанно/бессознательного проявления личностных качеств ученого-биографа. Выявление этих фрагментов в тексте, осмысление их генеалогии – уровень биографорефлексии.

При этом совсем не обязательно «герой» предстает для автора абсолютно непререкаемым авторитетом: «зазор» между биографом и «героем», определенная отстраненность, сохранение дистанции, критического начала должны оставаться нормативами исследовательской платформы. Проблема «зазора» проецируется и в проблему целостности личности как человека и ученого на уровне двух плоскостей: автора и его «героя». М.М. Бахтин, например, констатирует

[1] См.: *Кульчицький Станіслав*. Компаративні аспекти політичної біографістики // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Вип. 8. Київ, 2014/2015. С.225-226.

[2] *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. М., 1979. С.52-53.

наличие даже не «зазора», а «разрыва» внутри личности: «Нет между ними [человек в искусстве/человек в жизни. – Т.П.] <….> взаимопроникновения внутреннего в единстве личности…»[1]. Выявление наличия этого разрыва в «герое» – одна из задач биоисториографии; в авторе – авто/биографорефлексии.

Проблема «зазора» между автором и «героем» транслируется в более широкую – как «зазор» между двумя реальностями: событием и рассказом о нем. «Концептуализация» этого явления представляет собой одну из важнейших проблем биографического дискурса. «Зазор» реальность/повествование может представать в различных формах: иллюзий, объективных и субъективных ошибок, рефигураций авторского опыта и события в рассказе и т.д. Сам «зазор» неизбежен, т.к. только автор-биограф создает форму дискурса, посредством которой осмысливаются жизненные события, суть которых без этой формы никогда бы не стала наглядной[2].

Реальность, транслируемая через жизнь «героя», предстает в «пассивной форме», ибо реальная сфера активности *Другого* недосягаема, и только автор-биограф осуществляя «вживание в героя изнутри», сотворяет свою *форму* «героя» и его жизни, балансируя на границе переживаемой им жизни.

Бахтианской идее о процессе «размыкания границ» (когда происходит «вживание в героя-изнутри») и их «замыкании» внове (когда осуществляется эстетическое завершение извне) близка (хотя, разумеется, и не тождественна) идея П. Рикера: близость с *Другим* включает отход от себя, а затем новое сосредоточение в себе. Этот процесс аналогичен «движениям» – изгнанию и возвращению (напоминает сагитталь / от латинского sagitta – стрела/, см. далее), конфигурации и рефигурации дискурса. При этом конфигурация (если проецировать в биографизм) означает создание внутри био-текста интриги действия персонажа-«героя», а рефигурация – процесс преобразования живого опыта под воздействием био-рассказа[3].

Проблема Автора, блистательно поставленная в постмодернистской литературе, но, к сожалению, приведшая к нигилистическому выводу о существовании автора как такового («смерть Автора»), тем не менее не исчерпала интереса к роли этого персонажа, в биографизме в частности. Термин *персонаж* применительно к автору-биографу использован не случайно. П. Рикер, рассматривая вопрос о рефигурации собственной жизни, признавался, что

---

[1] *Бахтин М.М.* Искусство и ответственность // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г.Бочаров. М., 1979.С.5-6.

[2] См.: *Мещеркина Е.Ю.* Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий // Социологические исследования. 2002. № 7. С.61-67; *Голубович И.В.* Основы теоретической биографистики: учебное пособие для студентов специальностей «Философия» и «Культурология» / Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова. Одесса, 2015. С.22. См. об этом ранее: концепция П.Рикера.

[3] См.: *Ги Самама.* Поль Рикер: опережающее себя предшествование на пути от идентичности к обещанию. URL: http://iphras.ru/uplfile/histph/yearbook/2010/11.pdf

не является автором своей жизни, но выступает лишь в качестве со-автора ее смысла[1]. Последнее понятие соединяется с понятием – авторский стиль: быть «соавтором смысла», это значит найти в бесконечном множестве произведений культуры те «повествовательные ресурсы» [определенные приемы литературного и научно-исследовательского репертуара. – Т.П.], которые бы оптимально способствовали самоидентификации в автобиографическом нарративе. Именно способ использования этих ресурсов создает *индивидуальный стиль самопрезентации* [курсив мой. – Т.П.].

Ремарка-анонс. Фундаментальное исследование категории *стиль/стиль мышления* принадлежит А.В. Ясю[2]. Избранный им триединый подход – *социокультурный-культурологический-постмодернистский* – в контексте соотношения макро- и микроуровней в структуре стилевых практик позволил ученому сформировать достаточно гибкий инструментальный комплекс для анализа творчества мастеров украинского историописания в широком временном диапазоне (XIX – 80-е гг. XX в.). Обращение к макроконтекстам культурных эпох дало возможность очертить определенные стилевые вариации, выделить типы ученых, обозначить специфику персональных стилей на протяжении более чем полутораста лет, сформулировать релевантные критерии ценности в отношении текстов исторических сочинений. Одновременно исследование А.В. Яся с полным правом можно назвать *биоисториографическим* – ситуации/сюжеты персональной истории детерминировали рождение определенных стилей научных текстов, в которых происходила самоидентификация авторов и самопрезентация их личностной и профессиональной сущности.

Определенность себя – это тот особый стиль литературного решения кризиса идентичности, когда индивид должен собрать воедино разнородные элементы своей жизни. Именно в этом смысле П. Рикер говорит о соавторстве: автор биографического нарратива не является автором избранных им повествовательных ресурсов.

Однако *выбор* автором конкретных повествовательных ресурсов и осуществленная им *конфигурация* составляют уже его собственное лицо – лицо Автора (и одновременно систему его приверженностей).

Соединив понятия – био-повествование (био-нарратив), интрига и идентичность, – можно резюмировать: в био-нарративе идентичность персонажа, включен-

[1] См.: *Тета Жан-Марк.* Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикера // Социологическое обозрение. Т. 11. № 2. 2012. С.114. Причисление П. Рикера к сторонникам нарративной истории вряд ли корректно, сам он, отдавая должное и «нарративистам» и «номологистам», тем не менее не идентифицировал себя ни с одним из этих направлений.

[2] См.: *Ясь Олексій.* Историк і стиль. Визначні постаті українського історіописання у світлі культурних епох (початок XIX – 80-ті роки XX ст..): Монографія: У 2 ч. /за ред. В.А. Смолія. Київ, 2014.

ного в интригу, трансформируется в «динамическую идентичность» – «синтез гетерогенного», интегрирующий неожиданности и перипетии истории жизни «героя», значение которых не сразу становится ясным. Само повествование создает идентичность «героя» (персонажа), выстраивая идентичность повествующей истории. Одновременно идентичность истории придает идентичность «персонажу»[1] .

Диалектика взаимосвязи биографа и его «героя» с акцентом на построение и функциональную заданность биографического дискурса может быть осмыслена и с позиций *пространственно-коммуникативного подхода* [терминология моя. – Т.П.], согласно которому Автор пребывает в системе трех координат, определяющих коммуникативное пространство его творчества и несущих на себе общекультурные смысловые нагрузки, которые детерминируют его позицию в отношении создаваемого им текста[2]. Горизонтальная ось – ось одновременности: автор находится «внутри времени повествования» и может на него «воздействовать через текст». Вертикальная ось предполагает нормы, основанные на иерархии, подчинении авторитету: Автор включается в систему профессиональных коммуникаций. Сагиттальная ось определяет движение «вперед-назад» и ставит перед Автором задачу: а) соответствовать времени, о котором он пишет, б) двигаться вместе с текстом вперед или в) назад, «в ностальгируемые времена». В последнем случае Автору противостоит Читатель, и жизнь самого произведения осуществляется через воссоздание его в читателях – «новых авторах». Эти координаты создают различные «авторские амплуа» – игровые роли в «коммуникативном процессе текстопорождения», определяя творческие позиции автора в коммуникативных взаимоотношениях: игра с самим текстом, игра с диалогизирующими текстами, игра с читателем. Таким образом, биография предстает как «перфоменс, представление, в котором задействованы и «герой», и «биограф», и читатель»[3].

Проекция в биоисториографию этого подхода (учитывая его двухфокусное направление – и в отношении автора-героя, и в отношении автора-биографа) расширяет возможности творческого потенциала биописьма и создает новое поле для биографорефлексии.

Можно экстраполировать в биоисториографию и концепцию Автора М. Фуко (также в двухфокусном варианте): в данном случае интерес представляет автор исторических сочинений (исторической биографии), понимание которых возможно только в биографическом контексте. Для М. Фуко имя автора

---

[1] См.: *Тета Жан-Марк.* Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикера // Социологическое обозрение. Т. 11. № 2. 2012. С.108.

[2] См.: *Никитина Е.* Авторство как коммуникативная роль // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / Ред.-сост. Ю.П.Зарецкий, В.П.Лихачев, А.Ю.Зарецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2013. С. 11-23.

[3] *Маслийчук В.Л.* Межі й безмежжя української біографістики (кілька міркувань) // Біографістика в контексті сучасних історичних та історіографічних досліджень: Харківський історіографічний збірник. Харків, 2003. Вип.6. С.34.

произведения и имя собственное – индивида, создавшего произведение, – не одно и то же. Первое – функционально насыщено: оно выступает неким критерием, позволяющим классифицировать конкретные тексты-произведения, атрибутировать их «по автору», устанавливать «способ бытия дискурса»[1].

М. Фуко выделяет два типа авторов: 1) авторы теории, традиции, дисциплины, «основоположники наук» (Гомер, Аристотель, Отцы Церкви, Галилей, Ньютон, Кювье, Соссюр и др.), находящиеся в т.н. «транс-дискурсивной позиции», создавшие такой «порядок дискурса», внутри которого могут разместиться (и размещаются) другие авторы со своими произведениями; 2) авторы-«основатели дискурсивности» (учредители, фундаторы), открывшие своим дискурсом «пространство для чего-то отличного от себя и, тем не менее, принадлежащего тому, что они основали» (К. Маркс, З. Фрейд). Принципиальное различие этих типов авторов в том, что произведения первых «располагаются по отношению к науке и в пространстве, которое она очерчивает», во втором случае – наука и дискурсивность располагаются по отношению к работам «основателей дискурсивности» как к неким первичным координатам. Подобная ситуация детерминирует требование т.н. «возвращения к истоку»; типология этой процедуры, по Фуко, включает: 1) «переоткрытие»; 2) «реактуализацию»; 3) собственно «возвращение к истоку»[2].

В историографических/биоисториографических работах под «переоткрытием» можно понимать *переписывание* (в конктексте современного видения) истории науки/биографии с включением в нее ранее исключенных сюжетов, «забытых» научных фактов/историков или переосмысление считавшихся «устаревшими» идей и концепций, что в любом случае приводит к усложнению структуры историографических традиций, к расширению поля историографических дискурсов. Феномен *реактуализации* детерминирует кардинальное изменение историографических схем, принципиально новую интерпретацию проблем, формирование нового взгляда на складывание направлений и школ в науке, новых «онтологий», появление инновационных течений, субдисциплин и проч. Феномен *возвращения к истоку* по Фуко более сложная процедура: чтобы «вернуться», надо «забыть», при этом «замок забвения» представляет собой сущностное, не случайное, но целенаправленное действие. Возвращение к оригинальному тексту автора – фундатора дискурсивности – должно сопровождаться анализом причин и характера «забвения», того, что в тексте маркировано т.н. «пустотами» – «пробелами», о которых «забвение» либо умолчало, либо, напротив, наполнило ложной полнотой [в форме «искаженной» интерпретации – «вульгаризации-редукции», «виртуальной» истории, фольк-хистори, бриколажных вариаций и т.п. – Т.П.]. «Возвращение к истоку» происходит в контексте современной ситуации и предстает как работа по преобразованию дис-

[1] *Фуко Мишель*. Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М., 1996. С.19-22.

[2] Там же. С. 30-32, 35.

курсивности, что приводит подчас к перемещению акцентов в теории и т.п.[1].

Эти мысли нацеливают на дифференцированный подход к освоению историографических/интеллектуальных традиций, исходя из их типологической специфики. В биоисториографии проблема «возвращения к истоку» означает пересмотр – по трем означенным моделям – традиционно сложившихся *биоисториографических образов*.

Творчество историков, писал в свое время А.Я. Гуревич, преследует цель воссоздания «образа существовавшей действительности»[2]. *Биографическая форма,* по М.М. Бахтину, – это принцип оформления «героя» и текста, но эта форма в свою очередь предстает как «граница, обработанная эстетически»[3]: именно *оформление* истории жизни – ее эстетическая завершенность – способствует обогащению, преображению и переводу истории «героя» в новый план бытия, который предстает уже как *биографический образ*, воплощенный в биографическом/биоисториографическом дискурсе.

Одной из процедур *биографической реконструкции/конструирования* называют проведение/осознание границы между реальной личностью и тем образом себя, который она создает (жизненно-биографическая саморепрезентация), дешифровку смысла («разоблачение») «культурных маскировок» и «культурных инсценировок», к которым прибегает «герой»[4]. Вспомним В.О. Ключевского: закрытый, застегнутый на все пуговицы мундира, дистанцирующийся от учеников (по воспоминаниям), он предстает совсем иной личностью в своих дневниках и афоризмах.

Исключительно интересная постановка вопроса как одна из задач автора-биографа с неизбежностью транслируется в проблему *восприятия*: как воспринимает своего «героя» автор-биограф, в какой *маскировке* его видит, как дешифрует смыслы поступков и поз «героя», до какой степени «разоблачения» доводит реконструкцию/деконструкцию, как осуществляет деструкцию (по М. Хайдеггеру), ломая стереотипы предшествующих восприятий «героя» в историографии, и проч. В итоге – какой заключительный образ «героя» сотворяется? насколько созданный образ «героя» соответствует «реальной личности»? или «герой» – персонаж биописьма – «не больше и не меньше, чем то, что о нем повествуется»?..[5].

Одновременно, создавая *биографический образ*, образ своего «героя» – *Другого,* автор-биограф создает свой собственный *автобиографический образ*,

---

[1] Там же. С.33-38. См. об этом подробнее: *Попова Т.Н.* Читаем «постмодо»: с позиций неискушенности (ремарки историографические и прочие) // Харківський історіографічний збірник. Вип. 8. Харків, 2006. С.57-72.

[2] *Гуревич А.Я.* «Территория историка» // Одиссей. Ремесло историка на исходе XX века. 1996. М., 1996. С.87.

[3] *Бахтин М.М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. М., 1979. С.195; *Он же.* Автор и герой в эстетической деятельности // Там же. С. 81.

[4] См.: *Голубович И.В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса, 2008. С.211.

[5] См.: *Тета Жан-Марк.* Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикера // Социологическое обозрение. Т. 11. № 2. 2012. С.108.

превращаясь в «персонаж» собственного творения – биографического/ биоисториографического текста: в процессе биографической реконструкции происходит *самоописание* самого автора-биографа, его *самопрезентация*, обращенная к читателю и, возможно, к самому себе.

Экскурс. Об образах и моделях

Все науки естественным образом нуждаются
в обосновании в отношении их фонда понятий…

Э. Гуссерль

Понятия *образ*[1] и *модель*[2] прочно вошли в научную лексику, но их

[1] См.: Различного рода *историографические образы* стали предметом исследования в работах В.П.Корзун (образы исторической науки в творчестве историков в «эпоху порубежья» – XIX/XX вв.), С.И. Посохова (образы университетов в творчестве историков и публицистов), О.И.Вовк (биографический образ в полижанровой литературе). См.: *Корзун В.П.* Образ исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): Монография. Омск; Екатеринбург, 2000. 226 с.; *Посохов С.І.* Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX ст. в публіцистиці та історіографії. Харків, 2006. 368 с.; *Вовк О.І.* Постать Василя Каразіна в історіографії / Науков. ред. С.М. Куделко. Харків, 2016. 328 с. См. также: Образы историографии: Сб. статей / Под ред. А.П. Логунова. М., 2001; *Фрейденберг О.М.* Образ и понятие // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978; *Андросова-Байда Д.О.* «Образ історика»: генеалогія поняття // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2010/2011. Вип. 5; *Шматко М.В.* Образ науки в массовом сознании современного российского общества: Дисс….канд. философ. наук. Омск, 2007; *Филатов В.П.* Образы науки в русской культуре // Вопросы философии. 1990. № 5; *Гостев А.А.* Психология вторичного образа. М., 2007; *Ясь О.* Історія як сюжет / Представлення образу Богдана Хмельницького в однойменній монографії М. Костомарова // Український історичний журнал. 2007. № 2; *Світленко С.* Суспільний рух в Україні кінця XVIII початку XX століття: образи історичної дидактики // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2006. Вип.2. Ч.1; *Бамбизова К.В.* Образ историка и его ремесла глазами историка-медиевиста И.М. Гревса (конец XIX – начало XX века) // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск, 2007. Вып. 3; *Попова Т.Н.* Образ историографии в творчестве П.М. Бицилли (К 135-летию со дня рождения ученого) // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сб. научных трудов / отв. ред. П.А. Трибунский; Институт российской истории Российской академии наук. М., 2016. С. 234-247; *Она же.* Образ *истории истории* в современном историографическом пространстве // Человек в истории и культуре. Мемориальный сборник научных работ в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук Владимира Никифоровича Станко / Отв. ред. А.А. Пригарин. Одесса, 2017. С.375-402 и др.

[2] См.: *Быков Г.В.* Историографические модели // Вопросы истории естествознания и техники 1980. № 3. С.45-52; *Биск И.Я.* История исторической мысли в Новое время (Западная Европа: XVIII в. – 90-е годы XIX в.). Иваново, 1983. С.10-15; *Надирашвили А.Н.* «Советская» модель науки в условиях перехода к демократии и рынку // Наука и наукознавство. 1994. № 1-2; *Зашкільняк Л.* Методогічні аспекти світового історіографічного процесу і сучасна українська історична наука // Українська історіографія на зламі XX і XXI століть: здобутки і проблеми. Колективна монографія за редакцією Леоніда Зашкільняка. Львів, 2004. С. 27 («модель "наукової історії"»); *Стельмах С.* Історична наука в Україні епохи класичного історизму. XIX – початок XX століття. Київ, 2005. С.5-6 («теоретико-интерпретационная модель», «модель научного исследования», «познавательная модель истории»); Историческая наука в Московском университете. 1755-2004 / Под ред. С.П. Карпова. М.,

восприятие и трактовки неоднозначны. В литературе сложились разные подходы к функциональному предназначению этих понятий, их соотношению и смыслонасыщению.

I. Представители первого подхода категорически разделяют сущность этих понятий и разводят их по разным сферам применения. В исторической науке знание о прошлом всегда «концептуально конструируется» и существует только в мысли, языке или дискурсе, «фигуративно» представленное[1], т.е. – фигурально, метафорически, образно. *Образ* – «синтез наглядности и абстракции», результат реконструкции объекта в сознании человека – «продуктивной деятельности воображения, которая создает различные модели и конструкции»; его главная черта – «репрезентация идеального, соединенного с моральными и социально-культурными ценностями и оценочными суждениями»[2]. Образ – неопределенен, схематичен и многозначен, поэтому не может быть «до конца конкретным» и каждый раз прочитывается и переосмысливается заново[3].

Образ и модель для С.И. Посохова – «разнонаправленные понятия». Модель – «аналог» объекта, или «квазиобъект», «обобщающая абстрактная конструкция, которая используется для познания». В историческом исследовании объект – исторические источники, своеобразные «информационные аналоги» прошлого – «знаковые модели», несущие в себе информацию о прошлом[4]. Модель может иметь языковую или формализованную форму и, соответственно, разделяться на описательные, количественные, математические и проч. По особенностям отображения свойств (сторон) прототипа, в моделях выделяют – изоморфные (адекватные прототипу) и функциональные, нацеленные не на отождествление с прототипом, но на понимание его функционирования.

2004. С.198 («модель археологии»; «модели историко-познавательного процесса»); *Румянцева М.Ф.* Теория истории. М., 2002. С.241 («историографическая модель»); *Она же.* Феноменологическая концепция источниковедения в познавательном пространстве постпостмодерна // Весник Российского университета Дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 2. С.12 («объяснительная модель»). В. Ньютон-Смит применяет в аналогичном контексте понятие «модели, объясняющие перемены в науке», разделяя их на «рациональные модели перемен» и «нерациональные». См.: *Ньютон-Смит В.* Рациональность науки. Глава 1. Образ рациональности. 1. Образ науки // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М., 1996. С.246-265; *Корзун В.П.* Образ исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): Монография. Омск; Екатеринбург, 2000. С. 17, 198, 199 («междисциплинарная модель изучения историографии», «модель ситуативного исследования», «модель историографического анализа»); *Мамонтова М.А. С.*Ф. Платонов, поиск модели исторического исследования: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. 224 с.; *Добролюбська Ю.А.* Філософія історії: типи та моделі: монографія / Наук. ред. А.І. Кавалеров. Одеса, 2010. 232 с. и др.

[1] *Уайт Х.* Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. Екатеринбург, 2002. С. 11.

[2] См.: *Посохов С.І.* Образ // Історіографічний словник / С.І. Посохов, С.М. Куделко, Ю.Л. Зайцева [та ін.]; за ред. С.І. Посохова. Харків., 2004. С. 179-180.

[3] Там же. С. 180; см. также: *Іващенко В.* Образ науки // Там же. С.182-184.

[4] См.: *Посохов С.І.* Образ // Там же. С. 181; *Он же.* Історіографічна модель // Там же. С.86.

В исторической науке наличие первых – проблематично, вторые – более приемлемы[1]. Историографическая модель – реконструкция объекта прошлого и «способ для реконструкции процесса познания прошлого»[2].

Е.А. Чернов и С.П. Болдырь, впервые в украинской историографии обратившиеся к категории «историографический образ», разделяют *модель* и *образ* по ролевому статусу в процессе познания: *модель* сфокусирована на воспроизведение объекта с элиминацией субъекта познания [дословно: «со стремлением полного отстранения субъекта». – Т.П.], при этом «построение модели есть *путь* изучения, а не *результат*» [курсив мой. – Т.П.]; *образ* исходит «из принципиальной нерасторжимости» объекта и субъекта, «из идеи сотворения объекта как единичного и не тождественного ничему»: работа образа начинается там, где еще нет места моделированию. *Образ* – «есть *путь-результат,* который вполне самодостаточен»[3] [курсив мой. – Т.П.].

Не принимая теорию отражения, авторы рассматривают о*браз* – не как отражение объекта (явления, личности, периода и т.п.), а как часть «субъект-объектных связей» в процессе познания: образ выполняет «функции объекта», в результате чего возникает *новый образ*. «Все изменяющиеся "образы" являются составляющими потенциального "Образа", реконструкция которого становится сверхзадачей историографического исследования»[4].

В познавательном процессе искомый «Образ» («потенциальный») также выступает как *образ образа*»: «…зафиксированный на определенном отрезке познавательного процесса, он способствует большой степени диалогизации, а точнее – полилогизации процесса познания»[5]. В связи с этим структура, в частности *историографического образа*, включает в себя несколько образов: «прижизненный» – «прототип», черты которого зафиксированы в источниках; «некрологический» – сохраняет черты «прототипа», однако на этом этапе закладываются основы его «историографической судьбы» (сохранение возможных источников, мемуаризация, публичное распространение оценок и характеристик, стереотипизация и т.д.); научно-критический – предмет научного изучения; редукционный[6].

Midi-комментарий. Авторская интерпретация понятий *образ-модель* – одна из первых плодотворних попыток подойти к решению столь сложной проблемы. В этом подходе эвристически значимыми являются: 1) идея об-

[1] См.: *Посохов С. І.* Історіографічна модель // Там же. С.86-87.

[2] Там же. С.86.

[3] См.: *Болдырь С.П.. Чернов Е.А.* Историографический образ: опыт расширения методологического арсенала науки истории исторического познания // Харківський історіографічний збірник. Вип. 2. Українська історична наука на порозі XXI століття. Харків, 1997. С.100.

[4] См.: Там же. С.97-98.

[5] Там же. С.98.

[6] См.: Там же. С.98-99; см. также: *Литвинова Т.Ф.* Суспільна думка України другої половини XVI – першої половини XIX ст.: Григорій та Василь Полетики: Автореф. дис.… канд. ист. наук. Дніпропетровськ, 1993 и др.

раза как результата субъект-объектных отношений; 2) идея образа как самодостаточного явления, – «пути-результата» познавательной деятельности; 3) идея многосложной, и добавим – многотипной, структуры образа как категории познания и ее роли в полилогизации процесса познания; 4) идея наиболее плодотворного использования этой категории при изучении историографической традиции, в историко-историографических исследованиях, во всех видовых вариациях работ рефлексивной направленности (историографические обзоры, экскурсы, преамбулы, статьи и т.п.)[1]; 5) идея «системоорганизационной функции» структуры образов с акцентом на возможную вариативность структуры «конкретно-историографического образа».

Одновременно: 1) вызывает сомнение категоричность вывода авторов: *модель* воспроизводит объект при полном *отстранении субъекта,* при этом «построение модели есть *путь* изучения, а не *результат*»; кто же в таком случае «изучает» и собственно создает модель? а если модель создана в результате изучения ее субъектом, то это ли не результат *пути* изучения? 2) «прижизненный» образ («прототип») и «некрологический» – близки по своему статусу в качестве многообразных источниковедческих фиксаций, и первый, создаваемый современником в период реального существования объекта (личности, явления), – собственно уже *источниковедческий образ*, также не исключает оценочных характеристик, закладывающих возможные элементы стереотипизации; 3) *редукция* происходит на всех этапах образосотворения, а не только на последнем; 4) термин *реконструкция*[2] при использовании понятия *образ объекта* – не вполне точен, хотя привычен и широко распространен; образ на всех этапах познавательного/исследовательского процесса скорее *конструируется*, предполагая, безусловно, конечную (в значительной степени – идеальную) цель – *реконструкцию*[3].

II. Представители второго подхода предпочитают ориентироваться на методологию *моделирования*, элиминируя категорию *образ*. В исследованиях В.В. Подгаецкого (работавшего в фарватере историографической традиции школы И.Д. Ковальченко) сформулирована оригинальная «методологическая парадигма исторической науки», включившая в качестве подсистем – системную, модельную и знаковую методологии. Моделирование для В.В. Подгаецкого – «воспроизведение характеристик, признаков и свойств одного объекта на другом», последний – «вновь созданный объект» – и называется *моделью.* Поскольку «любой образ мышления, который базируется на использовании условных обозна-

[1] *Болдырь С.П.. Чернов Е.А.* Историографический образ: опыт расширения методологического арсенала науки истории исторического познания // Харківський історіографічний збірник. Вип. 2. Українська історична наука на порозі XXI століття. Харків, 1997. С.99.

[2] Там же. С.99.

[3] В этом случае *конструирование* выступает как метод исследования, *реконструкция* – как цель познания. Впрочем, при отрицании теории отражения введение понятия *реконструкция* может показаться некорректным.

чений или на теории, является моделированием», считает ученый, постольку в широком смысле слова под моделированием можно понимать «всеобщий аспект любого познавательного процесса». Историк, по его мнению, «обречен на моделирование», т.к. его объект – биосоциальные системы – «отделен и отдален от него "стеной" времени»; все письменные источники, которые реально и выступают как объект исторического исследования (объект П) – суть знаковые модели; процесс их исследования – моделирование; результат деятельности историка – концепция – суть знаковая модель, или аналог прошлого[1].

Для каждого объекта, убежден В.В. Подгаецкий, возможно построение ряда моделей, каждая из них может считаться «удовлетворительной», если она достоверно воспроизводит хотя бы одну из подсистем исследуемого объекта. Отсюда вывод: все модели одного и того же объекта «имеют равные права на существование»; т.к. в исторической науке не действуют изоморфные модели, каждая из моделей не совершенна и потому «не может претендовать на роль истины в последней инстанции»[2]. Среди объектов исследования историка – модели, созданные его предшественниками, это – «историографическая традиция» – в форме совокупности представлений, точек зрения на различные исторические явления, процессы и проч., которые сформировались у специалистов-историков в результате их исследовательской работы[3] .

III. Представители третьего подхода допускают возможность применения этих понятий в одном контексте. Например Б.С. Кузнецов, рассматривая структуру *образа науки*, включает в нее целостное представление о научном знании – своего рода *модель науки*[4] [курсив мой. – Т.П.]. В философской литературе *образы науки* – формы знания о науке: представления, понятия, *модели*, концепции и пр. – *конструируются* [курсив мой. – Т.П.] в результате осуществления познавательных процедур и предстают как смысловые онтологии, состоящие из утверждений об объективно существующих/существовавших свойствах (признаках) науки; вариативность отбора этих свойств науки детерминирует множественность «онтологических допущений», т.е. *образов* науки. «*Образ есть модель науки* [курсив мой. – Т.П.], постоянно дополняющаяся включением в нее компонентов», которые рассматривались ранее как контекст, либо представали как «предпосылочное знание» (неявные, неартикулируемые установки и проч.)[5]. В филологической литературе, посвященной проблемам биографического жанра, констатируется, что «реальное историческое лицо выступает всегда опосредованно, *как образ, как модель*, созданная в результате взаимодействия с инди-

[1] См.: *Підгаєцький В.В.* Основи теорії та методології джерелознавства з історії України XX століття. Дніпропетровськ, 2001. С.379, 65.

[2] Там же. С.382.

[3] См.: Там же. С.59.

[4] См.: *Кузнецов Б.С.* Образ науки и эвристическая функция философии // Методология науки. Новосибирск, 1985. С.138.

[5] Эпистемология: основная проблематика и эволюция подходов в философии науки. Кемерово. 2007. С.185-186, 194.

видуальностью творца, его жизненным опытом, талантом, мировосприятием, в двуедином акте познания и оценки»[1] [курсив мой. – Т.П.].

В.П. Корзун, фокусируя направленность собственной работы на «междисциплинарную модель изучения историографии» и воссоздавая *образы науки* в восприятии П.Н. Милюкова, А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова, применяет понятия – «модель исторического исследования», «модель ситуативного исследования», «модель историографического анализа» и т.п. [2], включая, таким образом, категорию *модель* в категорию *образ*.

Н.А. Кныш, взяв в качестве исходной идею об *образе исторической науки* как совокупности представлений [наиболее распространенная в литературе трактовка *образа*. – Т.П.], определила структуру образа науки как совокупность четырех видов представлений: 1) «целостное представление о научном знании, своего рода *модель науки*» [курсив мой. – Т.П.]; 2) представление о науке как социальном институте; 3) представления о генезисе науки; 4) представление об идеале науки и т.п.[3]. Эта схема определяет, в сущности, этапы анализа, исследовательского освоения 4-х блоков предметных линий.

И.И. Колесник наряду с понятиями *образ исторической науки*, *образ историка* и т.п. использует понятие *модель*: *историографическая модель, рефлексивная модель историографии, модель биографии интеллектуала, теоретическая модель карьеры историка*, *модели школы* и т.п.[4]. Сравнивая контексты, можно убедиться, что конструирование, например, *образа историка*, предполагает *анализ* [курсив мой. – Т.П.] внутреннего и внешнего мира ученого, его способностей, уровня образования, профессиональной подготовки, характеристику культурного окружения и т.п.[5]; в другом случае *образ* конструируется по «факторам» («составляющим образа историка»): работа историка с источниками, осуществление им исторического синтеза, его литературный стиль, его идеология, его язык и др. – это, по сути, тоже схема *анализа*; в третьем случае *историографическая модель* (нацеленная на историографический *анализ*) в качестве составляющих включает: *анализ* [курсив мой. – Т.П.] социокультурных условий, характера проблематики, уровня источниковой базы, методологических принципов, исторической

---

[1] *Ковальчук Л.В., Савкова Л.С.* Художественная биография в контексте жанровых модификаций биографической прозы // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Філологічні науки. Вип. 30. Кам'янець-Подільський, 2012. С.256.

[2] См.: *Корзун В.П.* Образ исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): Монография. Омск; Екатеринбург, 2000. С. 17, 35, 198, 199 и др.

[3] См.: *Кныш Н.А.* Образ советсткой исторической науки в первое послевоенное десятилетие. Автореф. дис….канд. ист. наук. Барнаул, 2009. С.8; *Курзун В., Денисов Ю.* Концепт «образ исторической науки»: интеллектуальная традиция и современная когнитивная ситуация // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 5. Київ, 2010-2011. С.316-317.

[4] См.: *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія / Інститут історії України НАН України. Київ, 2013. С.87, 91, 65, 121, 157, 298 и др.

[5] Там же. С.91.

концепции[1]. Таким образом, конструирование и *образа* и *модели* предполагает *анализ* определенного набора элементов, которые составляют *структуру образа* или *схему модели*. В конечном счете, и *модель* и *образ* для И.И. Колесник – «идеальный тип», аналитическая конструкция, инструмент познания[2]. Подобных примером предостаточно, что свидетельствует в первую очередь о восприятии определенной тождественности этих понятий, либо о признании относительной демаркации их функциональной предназначенности.

IV. Представители четвертого подхода вносят уточняющие коррективы в традиционное понимание термина *модель*. Анализируя этимологию слова *модель* и многообразие трактовок этого понятия в латинском и русском языках[3], Вл.А. Луков приходит к выводу, что, во-первых, современные значения этого слова оторваны от первоначального, а во-вторых, наличие двух полюсов в современных значениях - /1/ модель как реальный предмет, выступающий в качестве образца и т.д., /2/ модель как схема предмета, мысленный образ реального предмета и т. д. - противоположны друг другу настолько, что процедура их сведения крайне затруднительна. Возвращаясь к латинским концептам modulus, modus, modo, стоящим у истоков русского слова «модель», ученый обращает внимание на специфику их восприятия у римлян, которые представляли себе модель как сгусток *соотношений* всех видов: соотношения сферы времени (такт, ритм, фаза и т. д.), соотношения сферы пространства (объем, величина, граница, масштаб и т. д.), соотношения сферы общества (положение, правило, предписание), человека (умеренность), языка (залог, наклонение), деятельности (образ, род, способ), наконец, соотношения в самом абстрактном виде (сумма, число, количество) и соотношения соотношений (мера). Таким образом, *модель* не существует сама по себе, она всегда является «*моделью для*»: будучи персональной, но не индивидуальной, она предполагает наличие каких-то иных предметов, явлений и процессов, *выявление соотношений с которыми и есть процедура моделирования* [курсив мой. – Т.П.]. Аналогично модель как схема предстает как «модель чего-то» из области реального мира, т.е. она имеет образно-чувственную составляющую. Этот подход позволяет предельно сблизить полюса значений слова «модель». Используя концепт *персональная модель* для изучения истории литературы и основываясь на эксплицированном значении термина *модель*, Вл.А. Луков определяет стратегию собственного исследования: выявление всех видов соотношений писателя как творца текстов с той реальностью, с которой он вступает в контакт: сфера литературы,

[1] Там же. С.65-67, 91-94. И.И. Колесник приводит в качестве примера схему реконструкции образа советского историка, предложенную А.П. Оглоблиным.

[2] Там же. С.65, 87.

[3] См.: *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь / 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976. С. 673; Словарь иностранных слов. М., 1989. С. 325; Краткий словарь современных понятий и терминов / Сост. и общ. ред. В.А. Макаренко; 3-е изд, дораб. и доп. М., 2000. С. 328–329.

общественной и личной жизни и проч.[1] Данный подход к интерпретации понятия *модель* нацеливает в первую очередь на его применение в сфере изучения коммуникативных практик и значительно расширяет диапазон его внедрения в современный методологический инструментарий.

Maxi-комментарий. В гуманитаристику термин «модель» пришел из естествознания. В исторических и историко-научных исследованиях этот термин получил распространение в связи с использованием математических методов, с развитием клиомерии/клиометрики (западная традиция) и исторической информатики (российская традиция). Тем не менее многие гуманитарии, и в частности историки, предпочитают в аналогичных контекстах использовать другой термин – «образ», истоки научного применения которого связаны с бурным развитием в 1970-е годы ряда новых направлений в этнологии.

Образ и *модель* – выражение разных традиций одного и того же понятия:

• ***образ*** (облик, вид, подобие; славянская этимология) в сфере гуманитаристики всегда означал некое представление о каком-либо явлении; близкое к нему – *образец* – предмет, служащий примером для чего-либо;

• ***модель*** – (от латинского modulus / от итальянского modelio) – *образец,* воспроизведение предмета в ином объеме, образец того предмета, который нужно создать и проч. В области естественнонаучного знания и в иных сферах деятельности применяется как в формах материализованных конструкций, так и в виде знаково-символических построений.

Поскольку историческая наука уже давно активно использует категории математики (алгоритм, бинарный и др.), физики (динамика, статика, точки бифуркации и др.), химии (синтез, амбивалентность и др.), биологии (морфологическая структура, изоморфизм и др.), то применение термина «модель» вполне может сосуществовать с получившим широкое распространения благодаря этнометодологии понятием «образ», если мы выделим в содержании обоих слов их общую составляющую – *подобие, образец* (тем более следует учитывать широкую практику «смешения» слов различного «этнического» происхождения в единой лексической системе).

Опираясь на тезис полифундаментальной гносеологии о многокачественном, многомерном и многоуровневом характере и объекта познания, и его субъекта, о противоречивости субъектно-объектных/субъектно-субъ-

[1] См.: *Луков Вл. А.* Теория персональных моделей в истории литературы: Науч. монография / Вл.А. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 103 с. (Проект «История литературы: персональные модели в литературных портретах»). URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov_Vl_A_Theory_of_Personal_Models/ *Он же.* Мериме: Исследование персональной модели литературного творчества: Науч. монография. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 110 с. (Проект «История литературы: персональные модели в литературных портретах»). URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov_Merime/

ектных отношений в процессе познавательной деятельности, понятие образ можно рассматривать именно в контексте этих отношений, т.е. как форму, связующую объект и субъект познания. Образ выступает в качестве одного из т.н. посредников между объектом познания и познающим субъектом (наряду с инструментарием и различными средствами познания), представляя собой чувственно воспринимаемую информацию, какую-либо знаковую систему, либо язык содержательного знания. Рационально-абстрактный тип образа объекта рождается в результате научной познавательной деятельности и представляет собой идеальную (мыслительную) конструкцию объекта, созданную субъектом познания, который преследует цель выявления сущностного содержания данного объекта, исследования закономерностей его развития, и выражается в логически аргументированной системе взаимосвязей понятий и категорий. Конкретный образ объекта, неизбежно субъективный по восприятию, будет нести тем не менее объективно-содержательное начало, выражая одну из ипостасей объекта и представляя собой один из вариантов его постижения. Таким образом, в своей адекватной неадекватности образ выступает как *подобие* объекта, сконцентрированное в рамках очерченного (в соответствии с конкретно-историческим гносеологическим уровнем и категориальным профилем познающего субъекта) предмета познания. Как базовый концепт *образ* имеет свои коннотации: в поле форм познавательной деятельности – научный, художественный, обыденный; в поле историко-научного знания – дисциплинарный, проблемный, проблемно-дисциплинарный и проч.; в поле научного историописания – исторический, историографический, историко-биографический и т.п.; в поле историографии как истории исторической науки – биоисториографический, дисциплинарный, проблемный, региональный, институциональный и проч.

Термин «модель» имеет значительный диапазон применяемых значений. А.И. Уемов выделяет 37 различных понятий модели[1]. Моделирование как один из методов (приемов) познания применяется в тех случаях, когда исследуемый объект недоступен для прямого исследования. В основе моделирования – теория *подобия*, а возможность изучения объекта по модели базируется на принципе аналогии. Из двух видов структурно-логической аналогии – изоморфизма (отношения между объектом моделирования и его моделью основаны на принципе *одинаковости, равенства* двух систем, что позволяет переносить знания, полученные при изучении одной системы на другую) и гомоморфизма. В последнем случае, который приемлем в исторических исследованиях, отношения между объектом познания и его моделью основаны на принципе *сходства, подобия,* поэтому перенос знания в данной ситуации возможен только «*с образа на прообраз, с модели – на объект моде-*

[1] См.: *Уемов А.И.* Логические основы метода моделирования. М., 1971. С.23-48.

лирования» [курсив мой. – Т.П.][1].

Построение копии-подобия оригинала-объекта, т.е. – *модели* либо в «естественно-языковом» либо в «формализованном» (в той или иной знаковой системе) виде так или иначе представляет собой абстрагированное выражение содержательной сущности объекта познания и зависим от категориального профиля субъекта познания как любой познавательный прием[2].

Mini-комментарий. Если быть предельно точным, то, разумеется, следует различать понятия: «историографическая модель» и «модель науки» (историографии), или «модель биоисториографического анализа» и «биоисториографическая модель», или «модель анализа историографического источника» и «источниковедческая модель», или «модель анализа историографической ситуации» и «ситуационная модель» и т.п., однако, сохраняя «в уме» эту дифференциацию понятий, позволим себе употреблять эти формулы как синонимы и применять понятие «историографическая модель» к таким типам «моделей» как концепция, концептуальная схема (гипотетическое обоснование проблемы) и т.п.

Resume

1. Понятия *образ* и *модель* в конечном счете не противоречат одно другому: практика использования этих терминов как синонимов достаточно широкая в исследованиях разного уровня и различной дисциплинарной принадлежности, однако, безусловно, следует учитывать нормативы научной корректности в применении этих понятий, исходя из ситуационной заданности конкретной исследовательской программы.

2. Возможен вариант соединения этих понятий в едином контексте с разнообразной нюансировкой их восприятия, если допустить, что *образ* и *модель* одновременно представляют объект в разных функциональных плоскостях его постижения. На основе восприятия *образа объекта* – как исходной *концептуальной идеи* – формируется стратегия исследовательского поиска, в результате ее осуществления создается *концептуальная модель*, которая не только представляет «теоретическую онтологию», но и позволяет на основе принципа

---

[1] *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 2003. С.376-377.

[2] См.: *Штофф В.А*. Роль моделей в познании. Л., 1963; *Глинский Б.А.* Моделирование как метод научного исследования. М., 1965; *Завьялова М.П.* О моделировании в историческом исследовании: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1970; *Товма Т.Д.* Роль моделирования в познании социально-исторических явлений // Методологические вопросы науки. Саратов, 1977. Вып. 5; *Ковальченко И.Д., Сивачева Н.В.* Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке // История СССР. 1976. № 5; *Ковальченко И.Д.* О моделировании исторических явлений и процессов // Вопросы истории. 1978. № 8; *Он же.* Методы исторического исследования. М., 1987, 2003; *Кононюк А.Е.* Обобщенная теория моделирования. Начала. Ч.1. Київ: «Освіта України», 2012. 602 с. и др.

гомоморфизма (аналогия по сходству-подобию) использовать эту модель уже как методологическое средство, способствующее новому этапу в изучении модели-объекта, что приводит, возможно, к формированию и нового образа объекта. В этом случае *образ* – концептуально акцентуализирован, *модель* – методологически; *образ – представление*, *модель - воспроизведение*. Создание и образов и моделей имеет в своей основе – *анализ*, производимый исследователем в соответствии с конкретными параметрами.

3. Используя рационально значимые идеи Е.А. Чернова и С.П. Болдыря, можно предложить следующую схему процесса образосозидания[1]: 1/ *протографический* (от протографа – первоисточника) – определенный репертуар источниковедческих фиксаций реально существовавшего объекта познания (явления, события, личности и т.п.); 2/ *мемориальный* (мемуаризация и некрологизация); 3/ *концептуализированный* (научный); 4) *рефигурационный* (пользуясь терминологией П. Рикера) – создаваемый собственно Читателем.

При этом на первом этапе автор источника-протографа и соответственно протографического образа, зафиксированного (созданного) в этом источнике, будет играть две роли: – (Вос) Приемника «первоначальной» информации и Нарратизатора (создающего первую письменную фиксацию объекта); на втором этапе создатель образов может быть также (Вос)Приемником (т.е. непосредственно знавшим объект/об объекте), Читателем[2] (если автор мемориального образа сначала читает «протограф»), а затем Нарратизатором (создавая второй образ в мемуарах, некрологах и т.п.); на третьем этапе автор-ученый (историк) все равно выступает сначала как Читатель, потребляя всю информацию из созданных до него источников, затем, критически перерабатывая эту информацию (осуществляя все источниковедческие процедуры), создает на этой основе свой «читательский» образ, который позже превратится в образ концептуальный, сотворяемый уже ученым-Нарратизатором; на четвертом этапе на основе этого концептуального образа создается рефигурационный образ последним ролевым исполнителем – Читателем. Учитывая, что акторов в этом процессе – множество, и количество их возрастает по мере исторической/временной протяженности (удаленности объекта познания от творцов его образов), осознаем всю сложность *многослойного конструирования* и тем более архисложность *реконструкции* как цели (пусть иде-

[1] В свое время Р.Ю. Виппер писал: «Всякое познание, в том числе историческое, никогда не имеет перед собой «чистой действительности». Оно прежде всего встречается с рядом наслоенных друг на друга схем, в которых предшествующие поколения передали нам воспринятый ими материал». См.: *Виппер Р.Ю.* Очерки теории исторического познания. М., 1911. С.75.

[2] И.И. Колесник справедливо заметила: «У сучасному розумінні сенс *читання* [курсив мой. – Т.П.] полягає не в реконструкції авторського задуму, а в конструюванні нового смислу. Звідси зрозуміла множинність смислів, плюральність у сприйнятті тексту, принципова неможливість зведення тексту до одного смислу/задуму». См. *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія / Інститут історії України НАН України. Київ, 2013. С.9.

альной) нашего Объекта, т.е. воссоздания его прижизненного Лика[1].

Ремарка-штрих. Л. Стоун, критикуя сторонников идеи отказа от познания объективной реальности per se (как она есть) в первую очередь – постмодернистов-«нарративистов», акцентировал возникновение угрозы «эпистемологической опасности»: если ничего не существует кроме текста, то история полностью дискредитируется, кроме того, смешение объективного факта и субъективной фикции обесценивает архивную работу историка и уравнивает возможности профессионала и литератора в формировании образа истории в обществе[2].

Сюжет третий: О тезаурусном подходе

Пространство интеллектуальной жизни
пронизано множеством связей и опосредований…

Л.П. Репина

В современной гуманитаристике среди новых методологических направлений получил признание *тезаурусный подход*. Однако репрезентация этого подхода в разных дисциплинарных сферах неоднозначна.

1. М.Н. Эпштейн[3], сторонник лингвоцентрического подхода в психологии, избирает из многочисленных смыслов термина тезаурус - употребляемый в лингвистике: идеографический словарь, в котором представлены смысловые отношения между всеми лексическими единицами данного языка. В этом ключе *тезаурус,* как и *нарратив*, предполагает жизнь как лингво-культурную конструкцию, способ описания жизни в рамках определенного языка. *Биограмма,* по Эпштейну, – концептуальная единица тезауруса, жизнеописательная и жизнемыслительная структурная единица жизненного целого[4], фигура действия или переживания. Если нарратив – это биограммы во временном порядке, как последовательно рассказанная биография, то тезаурус – совокупность биограмм, организованных системно: нарратив описывает *историю жизни*, тезаурус создает ее *картину*. Нарративный и тезаурусный

[1] Историк – всегда оптимист, иначе работать в этой профессии было бы невозможно.

[2] См.: *Юдельсон А.В.* Реферат: The Postmodern History Reader / Ed. by K. Jenkins. The Postmodern History Reader / Ed. by K. Jenkins. L.: Routledge, 1997. Хрестоматия постмодернистской истории / Под ред. К. Дженкинса. // Образы историографии: Сб. статей / Под ред. А.П.Логунова. М., 2001. С. 305-311.

[3] См.: *Эпштейн М.* Жизнь как нарратив и тезаурус // Московский психологический журнал. 2007. № 4. С.47-56.

[4] *Биограмма* – дословно: письменный знак жизни. У С.М. Ляшко – запись жизни. См.: «Додаток 1. Словник термінів біографістики і довідкової біографістики» // *Ляшко С.М.* Українські біографічні довідкові видання XIX-XX століття: історичні та теоретико-методичні засади. Запоріжжя, 2010. С.268.

подходы М.Н. Эпштейн рассматривает как взаимодополняющие – нарратив и тезаурус образуют две оси языкового представления жизни: внутри нарратива складывается своя тезаурусная картина мира, внутри тезауруса есть место для жизненных историй. Тем не менее это разные способы представления жизни, несводимые друг к другу, – в нарративе исчезает полнота тезауруса, в тезаурусе – динамика нарратива.

Для биоисториографии интересна типология личности, данная М.Н. Эпштейном, с которой соотносится и выбор подхода к созданию биотекста: динамически развернутая во времени жизнь *личности нарративного склада* требует применения нарративного подхода; более созерцательная жизнь *личности тезаурусного склада* – тезаурусного. Второй тип личности М.Н. Эпштейн ставит выше по уровню интеллекта: тезаурусность, представляя собой *слой личного самосознания*, развивается по мере *рефлексивного роста* человека, жизнь которого превращается в постоянно растущую сумму *биограмм* – ключевых слов, понятий, образов прошедшего, настоящего и будущего. *Тезаурусная личность* воспринимает все последующие события как концептуальное обобщение предыдущих событий: самоописание восходит на более высокий рефлексивный уровень.

Различие нарратива и тезауруса проявляется и в *дискурсивной организации профессиональных полей*: художественная словесность (fiction) в целом тяготеет к нарративу, тогда как философия или non-fiction мыслят тезаурусно[1]. В *исторической науке тезаурусный подход* составил конкуренцию нарративному благодаря школе «Анналов», в центре исследований которой историю событий сменила история структур: языковая картина мира, привычки, традиции, мифологемы, социальные, возрастные, гендерные ментальности, структуры жизненного опыта и проч. «Жизнь в тезаурусе» – означает для М.Н. Эпштейна прогресс человечества в целом. Однако новое направление, по его мнению, требует решения комплекса вопросов, среди которых выработка методологических и педагогических процедур, способствующих росту *тезаурусного сознания* не только в отдельных личностях, но и в обществе в целом для освоения исторического опыта, несводимого к «историям».

2. В литературоведении и культурологии[2] среди значений основополагающего концепта *тезаурус* избрано применяемое в информатике и положенное в основу характеристики тезауруса в культурологии, – полный систематизи-

[1] Литературные образцы тезаурусного самопознания – это рассказ о себе, построенный не в хронологическом, а в тематическом, идеографическом порядке; образцы автотезауруса: «Опыты» М. Монтеня; «Ecce Homo» Ф. Ницше /1888/; «Фрагменты речи влюбленного» Ролана Барта и др.

[2] См.: *Луков Вл.А.* Теория персональных моделей в истории литературы: Науч. монография. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 103 с.; *Луков Вал. А., Луков Вл. А.* Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания : науч. монография. М.: Изд-во Нац. Ин-та бизнеса, 2008. 784 с.; *Луков Вал.А., Луков Вл.А.* Тезаурусы II : Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира: науч. монография. М.: Изд-во Нац. Ин-та бизнеса, 2013. 640 с. и др.

рованный набор данных о какой-либо области знания, позволяющий человеку (и вычислительной машине) в ней ориентироваться. В связи с возможностью широкого применения тезаурусного подхода в культурологии, поставлен вопрос об институционализации *тезаурологии* – субдисциплины культурологии, цель которой – изучение закономерностей и истории развития, взаимодействия, сосуществования, противоборства и смены культурных тезаурусов, а также процесса овладения субъектом культурными достижениями. Поскольку культура не может быть осознана и вовлечена в человеческую деятельность в полном объеме, постольку можно говорить лишь о поле ассоциаций, семантическом поле, понятийном ядре и т. д. В связи с этим концепт *тезаурус* означает структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект, в конечном счете – это характеристика субъекта, который предстает и в индивидуальном измерении (как личность), и в виде группы любого масштаба (от микрогруппы до нации, класса, всего человечества).

Среди характерных черт тезауруса: неполнота, фрагментарность тезауруса при наличии одновременно внутренней логики составляющих его элементов, обусловленной единством личности, что обеспечивает уникальность и неповторимость любого тезауруса; иерархичность, восприятие мировой культуры сквозь призму ценностного подхода; выделенные приоритеты составляют определенную подсистему – *ядро* тезауруса; творческое пересоздание, переосмысление, вводящее герменевтический аспект в характеристику тезауруса; ориентирующий характер тезауруса; наличие родных истоков, родственных явлений в других тезаурусах, что ставит вопрос о генезисе тезаурусов; разнообразие и изменчивость тезаурусов, множественность уровней освоения культуры, при наличии ядра – отсутствие четких границ; действенность тезауруса, который влияет на поведение и другие проявления субъекта; воспитывающий характер.

Тезаурус, как характеристика субъекта, строится не от общего к частному, а от своего к чужому: свое выступает заместителем общего. Реальное общее встраивается в свое, занимая в структуре тезауруса место частного. Для того чтобы занять определенное место в тезаурусе, все новое должно быть в той или иной мере освоено, т.е. – стать своим. Освоение нового происходит на основе предпочтений и ожиданий. *Предпочтения* предполагают выбор из нескольких вариантов (пространственная характеристика), *ожидания* связаны с прошлым опытом (временна́я характеристика): при прохождении новой информации сквозь «призму» предпочтений и ожиданий действуют законы аналогии (сближения по сходству) и ассоциации (сближения по смежности).

Заимствованное у З. Фрейда понятие *топика* определяет структуру различных зон тезауруса. Эта структура может быть представлена как семиступенчатая «пирамида тезауруса», где с каждой ступенью, начиная снизу и двигаясь вверх, связывается определенный круг наиболее фундаментальных проблем,

которые решает человек в течение жизни: от проблем выживания на первой ступени до проблем веры, интуиции, идеала, сверхсознания на седьмой ступени. Тезаурус «работает» через концепты (эмоционально окрашенные понятия) и константы (наиболее устойчивые концепты), и одновременно через целые комплексы – некие сгустки: мифы и мифологемы, нередко не поддающиеся характеристике через категории сознания. Представляя собой человеческий аппарат для усвоения новой информации, тезаурус одновременно – защитный механизм от т.н. «чужой»/«чуждой» информации.

При анализе личностного тезауруса акцентируется тот материал, который вошел в национальный (*отечественный*) культурный тезаурус. Расширение тезауруса возможно, но без разрыва с национальной культурной традицией.

Ремарка-заметка 1. Последние соображения особенно весомы в биоисториографии (и не только) при изучения истории научной эмиграции, биографической реконструкции ее представителей, при характеристике субъектов (разного масштаба), оказавшихся в чуждой для них национально-культурной среде; при анализе эволюции (иных форм развития?) тезаурусного ядра и его периферии. Тезаурусный подход в литературоведении предполагает поиск сложившихся у субъекта устойчивых культурных ориентиров, которые организуют структуру тезауруса. Этот тезис позволяет, например, проанализировать литературоведческие исследования П.М. Бицилли в период эмиграции, тезаурус которого включал устойчивые ориентиры русской культуры.

Применительно к писателю [и по аналогии к историку. – Т.П.] вводится понятие – *писательский тезаурус*[1] *– персональная картина мира*, которая складывается не только из собственных представлений, но и из цитат (в духе постмодернистского интертекста), который структурируется не по общей/универсальной модели, а исключительно по индивидуальному раскладу предпочтений[2]. Анализ собственного *писательского тезауруса* представляет собой процедуру самоидентификации, аналогично – процедура писательской самоидентификации способствует познанию собственного тезауруса. В границах *автобиоисториографии* эти операции обладают особым эвристическим потенциалом.

Resume

1. В рассмотренных выше концепциях *тезаурусного подхода*, несмотря на дисциплинарную специфику, много общего. *Тезаурус* и для М.Н. Эпштейна, и для Вл.А. Лукова – *персональная картина мира*, хотя и со своей спецификой: у первого – это сумма биограмм (концептуальных единиц восприятия и осмысления мира с тенденцией к росту); у второго – сложная структура (топика – «пирамида тезауру-

[1] На основе тезаурусного подхода Вл.А. Луков в русле традиций Ш.О. Сент-Бева разработал теорию *персональных моделей литературы* (см. ранее).

[2] См.: *Есин С.Н.* Писатель в теории литературы: проблема самоидентификации: Дис… докт. филолог. наук. М., 2006. С. 84–86.

са» – с ядром и периферией, наполненными концептами и константами /категориями сознания/ и иными формами восприятия мира). В любом случае речь идет о *личностном понятийном оформлении* миропознания и мироощущения.

2. Несмотря на увлеченность новым исследовательским подходом, оба ученых акцентируют внимание на то, что процесс познания/исследования не должен ограничиваться одним направлением. М.Н. Эпштейн, проводя сравнения с физикой микрочастиц, выработавшей метод корпускулярно-волнового дуализма описания микромира, считает, что человеческая жизнь, сведенная к нарративной цепочке событий, выглядит односторонне, поэтому перспективу развития лингвоцентрической психологии, которая, по его мнению, остановилась на стадии открытия нарративов, видит в разработке *тезаурусных полей*, подчеркивая взаимодополняемость двух подходов – это «две оси языкового представления жизни». Для Вл.А. Лукова идея синтеза как целостной системы исследования культуры остается принципиально важной, включая тезис о равнозначимости различных литературоведческих методов и подходов к изучению литературного процесса[1]. В совокупности три модели, существующие сегодня в теории литературы – история литературного процесса, история художественных форм, история персональных моделей на основе тезаурусного подхода – позволят создать объемное, нелинейное представление о литературе как целом.

Ремарка-заметка 2. Эта идея транслируема и в *историографию* – историю исторической науки, которую можно рассматривать в совокупности трех моделей: истории историографического процесса, истории исторической литературы, истории персональных моделей, которая вполне применима – mutatis mutandis (используя оборот Л.П. Репиной) – к «историографии в лицах» (как варианту биоисториографического конструирования).

Ремарка-заметка 3. Тезаурусный подход вполне продуктивен для анализа творчества П.М. Бицилли – личности, бесспорно, тезаурусного склада, мыслящего категориями и выстраивающего, например, картину средневекового восприятия мира с позиций синхронического анализа: с одной стороны – суммы биограмм, с другой – сложноструктурированной «пирамиды» понятий, воплощающих средневековое мировоззрение и проявляющихся в элементах/категориях средневековой культуры[2].

О категориях

Проблема категориального аппарата биографических/биоисториографических исследований остается одной из дискуссионных. Среди категорий,

[1] Под *подходом* понимается совокупность различных научных методов при доминировании одного из них, используемых для решения научных задач: принцип дополнительности применим и к вопросу о подходах в литературоведческом исследовании.

[2] См.: *Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. 244 с. и др.

используемых в биографических исследованиях, особо спорными представляются *объект* и *предмет*, *биографический метод/биографический подход*, *биографический факт* и *биографический источник.*

Объект / предмет

В современной биографической литературе встречаются различные варианты содержательного наполнения связки *объект-предмет*. Основным *исследовательским объектом* персональной истории определяют *персональные тексты*, а *предметом исследования* – «историю одной жизни» во всей ее уникальности и полноте[1]. Одновременно в созвучии с Э.Ю. Соловьевым Л.П. Репина «*непосредственным объектом* [курсив мой. – Т.П.] любой биографии» считает «жизнь отдельного человека от момента рождения до смерти»; в свою очередь конкретный *тип биографического анализа*, обусловленный *исследовательскими задачами*, имеет свой *предмет*: либо реконструкция «уникального экзистенциального опыта индивида», либо – «социальная и культурная ситуация», в контексте которой жизнь «героя» приобретает значение истории. В границах этих «полюсов», подчеркивает Л.П. Репина, «мультиперспективный подход» в биографических исследованиях нацеливает на иные варианты биографии[2] .

Наличие различных подходов к пониманию *объекта* многообразных исторических исследований – либо *фрагмент исторической реальности* (например, *жизнь персоны*), либо *источник*, с которым непосредственно имеет дело ученый (в данном случае – *персональные тексты*), – требует определенности в выборе научной (шире – философской) традиции.

Возможен вариант разделения понятий *объект познания* и *объект исследования*. При таком подходе *объектом познания* исторической биографии выступает сама *персона*, а непосредственным *объектом исследования – персональные тексты* (письма, дневники, мемуары, автобиографии и т.п. – документы личного происхождения, или эго-документы, а также «продукты творческой деятельности» – научные исследования, публицистика, литературные и прочие произведения) и другие материалы, диапазон которых зависит от ситуационно-пространственного измерения, избранного автором. В этом случае *объект исследования* и *источниковая база* практически совпадают.

Если один и тот *объект познания* и *объект исследования* могут быть атрибутами разных видовых исследований, то специфика последних зависит от *предмета.*

[1] См.: *Репина Л.П.* Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 4. Київ, 2009. С.441-443.

[2] Там же. С.449, 453.

Предмет познания определяется не просто как часть, аспект, свойства и т.п. объекта, что составляет исследовательский интерес ученого, но это – проблемно ориентированная исследовательская установка, в которой *ракурс постижения объекта познания – предметная направленность* – детерминирует конкретные задачи и методологию исследования. Специфика предметной направленности, опосредующая исследовательскую стратегию, теоретические и методологические ориентиры в конечном счете определяет конкретный *тип биографического анализа.*

Био-метод / био-подход

Считается, что формулу «биографический метод» ввел французский литературный критик Ш.-О. Сент-Бёв (1804–1869): статья «Пьер Корнель» (1828) открыла серию портретов писателей и утвердила за Сент-Бёвом право называться родоначальником такого биографического жанра, как «литературные портреты». Лапидарное изложение основных принципов биографического метода было предпринято Сент-Бёвом в статье «Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г.» (1862). Он выделил десять «аспектов портрета», являющихся одновременно этапами изучения биографии писателя, акцентируя при этом три влияния – общее состояние литературы, полученное писателем воспитание и особенности таланта, – которые должны стать объектами анализа биографа[1]. Возникший в позитивистски ориентированном литературоведении биографический метод в начале XX века был подвергнут критике за то, что акцентуализировал «внешнюю биографию», игнорируя при этом исторический фон. Переход от «старого биографизма», ассоциируемого с *биографическим методом*, к «новому биографизму», фокус которого направлен на «внутреннюю биографию», определяет ведущую тенденцию современных биографических исследований[2], в которых концепт *биографический метод* опять приобрел свой статус в системе исследовательского инструментария.

Несмотря на наличие значительных разночтений, биографический метод

[1] См.: *Сент-Бёв Ш.О.* Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г. // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М., 1987. С. 39–48; *Он же.* Литературные портреты. Критические опыты. Пер. с франц. под ред. А.Андрес и И.Лихачева. М., 1976. 582 с.; *Луков Вл.А., Трыков В.П.* Ш. О. Сент-Бёв о десяти заповедях биографического метода // VIII Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры. М., 1996. С. 52. На мой взгляд, эти мысли Ш.-О.Сент-Бёва незаслуженно забыты историками, ибо *интеллектуальная биография/персональная история* как типы биографического анализа вполне могли бы учесть этот «вопросник» в своих методических платформах в качестве позиций биограммы.

[2] См.: *Богданов В.* Биографический метод в литературоведении // Словарь литературных терминов. М., 1979. С.32-33; *Савицкий С.* Спор с учителем: начало литературного /исследовательского проекта Л. Гинзбург // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 129-154; *Голубович И.В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса, 2008. С. 238 и др.

рассматривается как междисциплинарный, объединяющий психологов, социологов, медиков, историков, социальных работников, геронтологов, исследователей гендера, социальной истории, общественного мнения, политического дискурса и т.д.[1]. В психологии, социологии, культурологии *биографический метод* рассматривается как метод «истории жизни», «жизнеописаний» и используется для познания социальных, культурных и психологических явлений на основе описания и анализа жизненных историй обычных людей. Наряду с этим под *биографическим методом* понимают метод изучения личных документов (автобиографий, писем, дневников, мемуаров) представителей определенной группы лиц для реконструкции их внутреннего мира; описания типичной структуры жизненного пути и создания коллективных биографий определенных социальных групп[2].

Сюжет первый: «Pro». В исторической литературе *историко-биографический метод* определяют как метод исторического исследования, направленный на описание, реконструкцию и анализ обстоятельств жизни, результатов деятельности, психологического портрета исторической личности или соци-

[1] См.: *Эйдельман Н.Я.* Об историзме в научных биографиях (на материале русской истории) // История СССР. 1970. № 4; *Баженов В.В.* Биографический метод в научном творчестве академика Е.В. Тарле // История и историки. 1972. М., 1973; *Фукс-Хайнрицц В.* Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Под ред. Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семеновой. М., 1994; *Мошкова Г.Ю.* Биографический метод и проблема психологии личности ученого // Вопросы психологии / Ред. Е.В. Щедрина. 1994. № 2, март-апрель 1994; *Голофаст В.Б.* Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1; Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Под ред. В. Воронкова и Е. Здравомысловой. СПб, 1997; *Голубович И.В.* Биографический метод в современном гуманитарном знании и его философско-методологические основания // Наукове пізнання: Методологія та технологія. Вип.1. 2003. № 11; *Рейтблат А.* Биографируемый и его биограф (К постановке проблемы) // Право на имя: биографии XX века: Биографический метод в социальных и исторических науках, 18–19 апр. 2003: Чтения памяти Вениамина Иофе. СПб., 2004; *Степаненко І.* Біографія як духовний досвід: евристичні можливості біографічного методу в філософсько-антропологічному пізнанні // Філософські пошуки. Вип. XVII-XVIII. Львів-Одеса, 2004. С. 723–729; *Мраморнов А.И.* К вопросу о биографическом методе в изучении истории русской церкви // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2008. № 5; *Савельева М.Ю.* Биографическое знание как проблема // Curriculum Vitae. Зб. наукових праць. Вип.1. Біографічний метод у гуманітарному знанні. Одеса, 2009; *Иконникова С.Н.* Биография как социокультурное измерение истории // Культурологический журнал. 2011. № 4 (6); *Нечаева Е.С.* Биографический метод как способ изучения повседневности // Общество: социология, психология, педагогика. 2012. № 2; *Иванова Т.Н., Мягков Г.П.* Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX-XXI вв. М., 2012; *Рождественская Е.Ю.* Биографический метод в социологии. М., 2012; *Артамошкина Л.Е.* Концептуальные основания биографического метода в философии культуры и культурологии // Studia Culturae. 2013. № 16; *Плотичкина Н.В.* Биографический метод в политической социологии повседневности // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. № 373; *Лях В.И., Манжелевская Н.И.* Биографический метод в культурологическом исследовании // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 3 (62) и др.

[2] См.: *Мазур Л.Н.* Историко-биографический метод // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Втор. издание, испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М., 2016. С.143-145; *Она же.* Методы исторического исследования: учебное пособие. 2- е изд. Екатеринбур, 2010. 608 с.

альной группы. В исторической ретроспективе с этим методом связано становление истории как науки, поскольку в первой ее модификации – политической истории – героем выступала личность (правитель, герой, военачальник и пр.), а исторический процесс рассматривался как результат деятельности великих людей. Научно-методологические принципы историко-биографического метода были сформулированы В. Дильтеем, введшим понятие «наук о духе», к которым относил историю, отмечая, что эти науки отличает особый метод познания – изучение психических аспектов деятельности человека. Историко-биографический метод нацелен на раскрытие изучаемой личности во всей полноте ее жизненной истории. В основе метода лежит дедуктивный подход, поскольку реконструкция жизнеописания опирается прежде всего на те «следы», которые исторический деятель оставил в истории. Метод предполагает привлечение особого корпуса источников – документов личного происхождения (свидетельств современников, дневников, мемуаров, воспоминаний); его особенностью является широкое применение литературно-художественных приемов изложения материала (сюжетность, образность), а также эмоциональность, наличие авторской позиции в оценке личности. В XX веке историко-биографический метод развивался под влиянием достижений социологии и психологии, в которых «метод жизнеописаний» утвердился в качестве одного из основных методов исследования[1].

В философской литературе *биографический метод* рассматривают как один из методов исследования субъективной стороны общественной жизни индивида, основанный на личных документах, в которых кроме описания определенной социальной ситуации содержится также личный взгляд автора; его разновидности – автобиография и просопография[2].

В историко-биографических исследованиях по психологии биографический метод определяют как: 1) особый *концептуальный подход* к изучению личности, содержание которого можно представить в формуле: «личность – это жизненный путь человека»; 2) проекцию *концептуального подхода* в особый *методический принцип психологического анализа*, предполагающий анализ личности через историю ее развития и становления, через ее жизненный путь, через определение причинно-следственной связи значимых для личности событий и выборов и, в конечном счете, – в реконструкции жизненного пути ученого[3]; 3) *инструмент* изучения творческой личности, суть которого в выявлении

---

[1] См.: Там же.

[2] Эпистемология: основная проблематика и эволюция подходов в философии науки / Коллектив авторов. Кемерово. 2007. С.272.

[3] См.: *Рыбников Н.А*. Биографии и их изучение. М., 1920; *Он же.* Психология и биографии // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 2. С. 215-226; *Он же.* Автобиография как психологические документы // Психология, 1930. Т. 3. Вып. 4. С. 440-458. *Ананьев Б.Г*. О проблемах современного человекознания. М., 1977; *Рубинштейн С.Л.* Пути и достижения советской психологии (о сознании и деятельности человека) // Вестник Академии наук СССР. 1945. № 4. С.67-84; *Он же.* Размышления о науке // Рубинштейн С.Л. Очерки. Воспоминания. Ма-

биографических факторов, способствующих личностному самоопределению, формированию и реализации личностной позиции в науке; 4) *вспомогательный инструмент* для изучения деятельности и личности ученого: *одна из техник исследования*, нацеленная на сбор феноменологических данных, получение информации о личностно-психологических особенностях ученого, использование биографических материалов (автобиографий, дневников, свидетельств очевидцев, биографических опросников и др., в том числе – из справочно-биографической литературы) для изучения умственной жизни, составления различных типологий (в этом значении биографический метод смыкается с *методом просопографии*, который некоторые исследователи рассматривают как составную часть первого), для самых разнообразных исследовательских и практических целей[1].

В социологических исследованиях *биографический метод* – метод сбора социально значимой информации, биографического материала, метод «историй жизни» и «жизнеописаний»; метод, который представляет переживания одного лица в той форме, в которой это лицо интерпретирует эти переживания, при этом к материалам «жизненной истории» относятся любые документы, проливающие свет на субъективное поведение индивидов. Особенность биографического метода: сфокусированность на уникальных аспектах истории жизни человека (иногда – группы, организации), на субъективном, личностном подходе к описанию человеческой жизни, карьеры и т.п.; направленность на воссоздание исторической, развернутой во времени, перспективы событий. Используя биографический метод, социолог становится в некотором роде социальным историком. Поскольку биографический метод имеет очень много общего с методом «включенного наблюдения», постольку он, по сути, является разновидностью этнографического подхода к «анализу индивидуального случая». Биографический метод по определению историчен, т.к., используя документы прошлого, он стремится к созданию убедительного исторического объяснения полученных сведений. Поскольку социологи называют историографией всякую попытку реконструкции прошлого на основе документальных данных, «история жизни» считается также формой историографии. Биографический метод в социологических исследованиях имеет свою динамику концептуального развития, свои интерпретационные модели (в последние десятилетия дискуссии о смыслонасыщении концепта биографический метод подчас уступают практике биографического исследования в социологической сфере), хотя общий фокус на анализ эго-документов остается превалирующим[2]. «Эпи-

териалы. М., 1989. С.332-335; LifeLine и другие новые методы изучения жизненного пути / Сост. А.А. Кроник. М., 1993 и др.

[1] См.: *Гиндилис Н.Л.* Пионеры просопографии в науке // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 1. С. 27 - 38. *Мошкова Г.Ю.* Биографический метод и проблема психологии личности ученого // Вопросы психологии / Ред. Е.В. Щедрина. 1994. № 2, март-апрель 1994. С.134-135, 140.

[2] См.: Биографический метод: история, методология, практика / Под ред. Е.Ю. Ме-

стемологической основой» биографического метода является внимание «к деталям жизни», но социобиографические данные в целом обычно направлены на поиск в индивидуальных высказываниях элементов, которые являются социальными, т.е. типичными для той или иной социальной формы.[1]

В управленческой практике *биографический метод* определяют как метод исследования личности, групп людей, базирующийся на анализе их профессионального пути и личных биографий. Источник информации – разнообразные документы, резюме, опросники, интервью, тесты, спонтанные и спровоцированные автобиографии, свидетельства очевидцев (опрос сослуживцев), продукты деятельности[2].

Сюжет второй: «Contra». Один из ведущих российских теоретиков биографического жанра И.Л. Беленький считает, что *биографический метод* не может быть в биографике при изучении жизни героя в смысле ее собственного метода, т.к. в этом случае «он – не метод, а сама предметность»[3]. В то же время в различных дисциплинах под биографическим методом можно понимать «метод изучения индивидуального, как вспомогательный для изучения коллективного, социального»[4].

М.Г. Соколянский, рассматривая специфику исторических трансформаций биографического подхода в рамках разных методологических направлений[5], подчеркивает необходимость обоснования употребления термина *биографический метод* в каждом конкретном случае, т.к. метод определяется не объектом – биографией, а подходом к биографическому материалу, который детерминирует конкретная методология.

По мнению И.В. Голубович, биографического метода как такового не существует, можно говорить о «биографических методах» на основе разных, подчас противоположных, «теоретико-методологических допущений». Наиболее приемлемо применять понятия *биографический подход*, которое фиксирует «направленность исследовательского интереса к биографической проблематике во всем многообра-

---

щеркиной и В.В. Семеновой. М., 1994; *Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. Екатеринбург, 1998. С.40-51 [Гл. Ш. Биографический метод]; *Скокова Л.Г.* Біографічний метод в соціології: історія і специфіка застосування. Автореф. дис. ...канд. соціолог. наук. Київ, 1999. 20 с.

[1] См.: *Рустин Майк.* Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Журнал «Интер». № 1, 2002. С.7-24. URL: http://www.isras.ru/inter_2002.html

[2] См.: *Ушаков Д.Р., Журкевич О.М.* Биографический метод в построении карьеры // Управление развитием персонала. 2012. № 3. С. 240–244; Биографический метод // Управление персоналом: Словарь-справочник. URL: http://psyfactor.org/personal/personal2-02.htm

[3] *Беленький И.Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С.47.

[4] Там же.

[5] *Соколянский М.* Емкость дефиниции и трансформация метода // Філософські пошуки. Львів-Одеса, 2004. Вип. XVII-XVIII. С. 526-535.

зии ее проявлений»; среди аргументов которые приводит автор: «широта и категориальная размытость» этого понятия, т.е. отсутствие «понятийно-категориальной жесткости», ориентирующей на конкретную методологическую позицию; все это позволяет исследовать «многообразие форм биографического опыта, биографического дискурса, равно как и форм рефлексии над биографическим…»[1]. Биографический подход методологически несамостоятелен и требует мета-обоснования: «попытка индивидуализирующего биографического описания стать научно самодостаточным, автономным, оказывается "когнитивным самозванством"»[2].

Resume

1. В современной литературе два концепта *биографический метод* и *биографический подход* часто применяют как синонимы. В этом плане понятие *биографический метод* – можно рассматривать в качестве метафоры.
2. Методологическая нагруженность концепта *биографический метод* не имеет четких очертаний. Работы широкого спектра родственных жанров, объединенных принципом биографизма, включая биоисториографические исследования, всегда ориентируются на определенное методологическое направление, конкретную теоретическую платформу.
3. Формулу *биоисториографический метод* также не стоит рассматривать как самостоятельный методологический инструментарий: биоисториографические исследования как составляющие историко-биографических и историографических – мультитеоретичны и полиметодологичны.
4. В исследованиях «не-биографического профиля» использование в разнообразных планах отдельных элементов биографизма может расцениваться как применение *биографического метода*, который в то же время целесообразнее замещать в этом смысле более корректным аналогом – формулой *биографический подход*[3]. В исследованиях персонологически ориентированных – «история в лицах», политическая история в биографиях великих людей и т.п. – уместней применять формулу *персонологический подход*[4].
5. Вместе с тем с позиций научной толерантности следует учитывать определенные дисциплинарные традиции и специфику смыслонасы-

[1] *Голубович И.В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании): Монография. Одесса, 2008. С.17.

[2] Там же. С.18.

[3] См., например: *Репина Л.П.* Биографический подход в интеллектуальной истории // Философский век. Альманах. 2006. Вып. 32. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Ч. 2. С. 101-108; *Менжулін В.І.* Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні: монографія. Київ, 2010. 455 с. и др.

[4] Аналогично можно рассматривает понятия историографический метод/историографический подход. Понятие *историографический метод* как аналог анализа литературы по проблеме может применяться практически во всех научных исследованиях вплоть до естественнонаучных, но в исторических науках этот вид историографической практики имеет свое наименование – *проблемная историография*. В то же время конкретной методологической нагруженности *историографический метод* не имеет и выступает в качестве метафоры, поэтому использование формулы *историографический подход* представляется более точным.

щения концепта *биографический метод*, а также его функциональную предназначенность в качестве методического инструментария в различных сферах дисциплинарно-исследовательского пространства.

Био-факт / био-источник

Для биографии «человека науки» особо значим афоризм В.О. Ключевского: «В жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли». Однако тема *биографический факт/биографический источник* по-прежнему остается в дискуссионной плоскости современных дебатов о биоисследованиях.

А.Л. Валевский говорит о трудностях выделения «биографического факта» из «исторического факта» и «факта жизни». Речь в конечном итоге идет о методологически и тематически обоснованной реконструкции «биографического факта»[1].

Ремарка-заметка. Для А.Л. Валевского биографическая реконструкция – процесс получения достоверного знания об истории личности – предстает одним из наиболее сложных вопросов: исследование разнонаправлено – от анализа *поступков и ситуаций* до анализа *писем и трудов*. Отсылая к тезису А.Л. Валевского, А.Б. Петрина, например, утверждает, что «сегодня принята за образец сущности биографии следующая дефиниция: «Биография есть воссоздание человека, каким он был в действительности»[2]. Учитывая, что «воссоздание» человека, «героя» биографии, осуществляется в результате многоэтапного процесса «выделения» биографического факта из исторических источников – из исторических фактов-источников, стоит с осторожностью отнестись к приведенной выше вполне ранкеанской формуле (с поправкой на искреннюю веру в получение «чистых» фактов в результате критического анализа). Между тем еще в 1960-е гг. А.Я. Гуревич определял исторический факт как сложнейшую реконструкцию – образ события[3]. Среди современных исследователей также преобладает мысль о том, что в любом биографическом тексте реальное историческое лицо выступает опосредованно – как *образ*, *модель*, «в двуедином акте познания и оценки»[4]. «След становит-

[1] См.: *Валевский А.Л.* Основания биографики. К., 1993. С. 37-38.

[2] *Петрина А.Б.* Научная биография в российской культурной и интеллектуальной традиции: поиск новой модели: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2009. С.4; Валевский А.Л. Основания биографики. Киев, 1993. С. 85.

[3] См.: *Гуревич А.Я.* Что такое исторический факт? // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 71-88.

[4] См., например: *Ковальчук Л.В., Савкова Л.С.* Художественная биография в контексте жанровых модификаций биографической прозы // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Філологічні науки. Випуск 30. Кам'я-

ся следом» – историческим свидетельством – в результате и благодаря интерпретации, «которая читает его как знак некоторого исчезнувшего и подлежащего реконструкции мира»[1]. Принимая идею нарративного образа в историописании, не будем забывать слова М. Фуко: «За текстовыми структурами находятся специфические исторические и культурные условия, образ жизни и психологическая конституция биографического персонажа»[2]. Заявленный выше «ранкеанский тезис» можно принять лишь с оговоркой – автор-биограф действительно должен стремиться к максимальной приближенности созданного им образа «героя» к его реальной сущностной личности, но этот результат получает свою апробацию только на «форуме историков» (Ф.Р. Анкерсмит).

Творческий акт всегда субъективно окрашен («Биография есть творческий акт самого биографа»[3]), индивидуально неповторим, и потому его результат – личностное восприятие объекта/субъекта-героя его биографом, между которыми – дистанция во времени, а связующим звеном выступает историческое свидетельство (источник). Дихотомия *факт-источник* в решении проблемы биографической реконструкции/конструирования играет ключевую роль.

В качестве исходной воспримем идею о триединстве исторического факта (уровнях – по М.А. Баргу): факт-событие (a priori) – факт-источник – факт-знание (научный факт, полученный в результате источниковедческих операций – «концептуализированный факт»)[4]. Л.П. Репина констатирует: «Биография может по праву называться исторической, только будучи помещена в исторический контекст, взятый во всех его пересекающихся аспектах…»[5]. Любая биография – это в конечном счете биография *историческая*: «герой» – актор истории вне зависимости от его масштаба, а его жизнедеятельность происходит в совокупности исторических ситуаций, следовательно, в качестве биографических фактов предстают факты исторические. Среди них – и сам «герой», и его поступки и деяния, и конкретно-историческая ситуация, в которой он действовал, и его эго-документы, и его труды (творческое/научное наследие), созданные в определенном временном/историческом режиме, и все многообразие свидетельств о «герое», возникших также в темпоральной специфике.

В биоисториографии «герой» – это ученый-историк, субъект истории

нець-Подільський, 2012. С.256.

[1] *Тета Жан-Марк*. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикера // Социологическое обозрение. Т. 11. № 2. 2012. С.110.

[2] *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 137.

[3] *Кумок Я.* Биография и биограф // Вопросы литературы. 1973. №10. С.28.

[4] Идея *триединства факта* не меняется, меняется лишь трактовка каждой из составляющих и их взаимосвязи.

[5] *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.311.

исторической науки – историографии. Заимствуя у М.В. Нечкиной ее понимание историографического факта как факта исторического, имеющего отношение к истории исторической науки, используем эту мысль для понимания факта биографического. Соответственно, *биографический факт* – это любой исторический факт, в том или ином плане имеющий отношение к биографии личности. Для биографии ученого-историка любой историографический (исторический) факт, соотносимый с его личностью и творческой жизнедеятельностью, превращается в *факт биоисториографический*.

Фокусная (предметная направленность) фактов, включающих в свой арсенал и источники, позволяет по аналогии рассматривать *историографический источник* как «…всякий источник познания историографических явлений (фактов)»[1]. В этом ключе *биоисториографический источник* – источник историографический (который в свою очередь является разновидностью исторического), несущий информацию о биографии историка, или – шире, следуя за мыслью С.О. Шмидта: *биоисториографический источник* – «всякий источник познания» биографии историка[2].

Ремарка-штрих. С.И. Маловичко предлагает разделять все историографические источники на две группы по типу представленного в них исторического знания: 1) группа видов историографических источников *научной истории*; 2) историографические источники *социально ориентированного историописания*[3]. Это разделение имеет в своей основе дифференциацию авторов исторических трудов – профессионалов и аматоров, а также два типа работ – научные и не-научные. Признавая, что *биоисториография* должна включать в свой объект оба вида субъектов исторического знания – всех репрезентантов познавательной деятельности в области истории[4], фокус нашего интереса направлен в первую очередь на *научное* (профессиональное)[5] историописание, что объясняется в том числе и проблемой специфики аматорского историописания, заслуживающего специального рассмотрения.

Для биоисториографии (как, впрочем, для любого *научно*-биографического и шире – *научно*-исторического исследования) принципиальным явля-

[1] *Шмидт С.О.* Архивный документ как историографический источник // *Шмидт С.О.* Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С.185.

[2] Не отвергая целесообразности многочисленных попыток конкретизировать смыслонасыщение категорий *факт-источник*, считаю, что предложенные выше традиционные дефиниции высвечивают принципиальную самость этих явлений.

[3] *Маловичко С.И.* Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С.41.

[4] В этом плане важна мысль С.О. Шмидта: историографическое поле может включать не только академическую, но и массовую литературу по истории. См.: *Шмидт С.О.* Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки. 2005. Вып. 8 (126). С.300.

[5] В данном контексте – однопорядковые величины.

ется вопрос о структуре источниковой и фактуальной базах. Представляется целесообразным разделять эти понятия. *Источниковая база* – комплекс выявленных (собранных) биографом разнообразных по видо-типовой характеристике источников. *Фактуальная база* – банк *научных фактов* (третья ипостась в триаде), полученных в результате источниковедческих операций, достоверность которых зависит от квалификации исследователя, его интерпретации фактов-источников. Фактуальная база является основой для создания *биограммы,* которая, в свою очередь, выступает и как весь фактологический массив конкретного биографического/биоисториографического исследования, и как структурированная композиция этого массива научных фактов в зависимости от авторской исследовательской стратегии, полноты и репрезентативности самой фактуальной базы.

М.В. Нечкина, работая над биографией В.О. Ключевского, разделила все источники – *историографические* – на документальные публикации (среди них она выделяла в качестве ценных свидетельств – материалы научных обществ), архивные документальные материалы и воспоминания, в том числе некрологи-воспоминания[1]. Источниковая база биографического исследования, по мнению Л.П. Репиной, включает в первую очередь персональные тексты и источники личного происхождения, одновременно в качестве источников могут привлекаться самые разные материалы, предоставляющие в том числе и т.н. «косвенные свидетельства», фиксирующие «взгляд со стороны», – любая объективная информация[2]. Ю.Н. Герасимова, рассматривая источники биографии «человека науки»[3] – *историографические*, – выделяет в первую очередь письменные (летописи, публицистика, воспоминания, дневники, автобиографии, письма и т.д., среди которых главные – «труды историков»), а также законодательные акты, статистику, переписку; кроме этого возможно обращение к источникам фольклорным, этнографическим, вещественным, к фотоснимкам и кинофильмам. И.Н. Войцеховская, создавая биографию В.С. Иконникова, в первую очередь опиралась на труды ученого (монографические исследования, энциклопедические и справочно-библиографические издания; статьи и разведки; доклады на конференциях), архивные материалы (документы, характеризующие научную и общественную деятельность ученого; заметки, черновики, конспекты лекций, рецензии и подготовительные библиографические материалы; переписка; материалы научных обществ и др.), материалы рукописных отделов библиотек (преимущественно – отзывы

[1] См.: *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С.9-10.

[2] См.: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.293.

[3] См.: *Герасимова Ю.Н.* Источники биографии человека науки // Биография как вид исторического исследования. Тверь, 1993. С. 39-45.

и эпистолярия), материалы фондов музеев, семейного архива Иконниковых, справочно-библиографические издания и др.[1]. Авторы монографии, посвященной историку Саулу Яковлевичу Боровому, в комплексе биоисториографических источников выделили три группы: 1) исторические и историко-литературные труды С.Я. Борового – основной источник; 2) документальные источники, позволяющие реконструировать биографию ученого – его научную, преподавательскую, общественную и организаторскую деятельность; 3) источники личного происхождения – эпистолярное насление ученого, мемуары, воспоминания и источники т.н. «из первых рук», дающие возможность увидеть «шкалу ценностей» историка, его оценку разнообразных событий, явлений, ознакомить с деталями его жизненного и творческого пути[2]. А.Б. Петрина для создания биографии современных ученых считает необходимым использовать метод интервью и анкетирование[3], что создает дополнительные виды источников: воспоминания/оценки интервьюируемых и анкеты. В.П. Корзун делит историографические источники на: «опорную группу» (труды историков – вне зависимости от жанра) и вспомогательную – все прочие исторические источники, воссоздающие «атмосферу творчества, особенности жизни и натуры…историков» (мемуарная литература, переписка). Важно замечание В.П. Корзун: «Внедрение понятия "опорная группа источников" задает системообразующее ядро, позволяющее проводить определенную иерархию текстов»[4]. В этом плане целевая направленность О.И. Вовк – выявление историографических образов В.Н. Каразина – обусловила особую иерархию источников: «опорной группой» стали разнообразные по жанрам биографические публикации, которые дополнены трудами и эпистолярией самого «героя», а также свидетельствами современников[5] .

В созвучии с наблюдением В.П. Корзун актуализируем мысль С.О. Шмидта: «Иерархия историографических источников может не совпадать с соответствующей иерархией исторических источников»[6]. Это отправное положение позволяет обратить внимание на близкие по существу подхода идеи, высказанные современными учеными по проблеме *иерархизации* источников.

А.Л. Валевский констатировал наличие различного статуса *биографиче-*

---

[1] См.: *Войцехівська І.Н.* Володимир Иконников: джерелознавчі студії. Київ, 1999. С.10-17.

[2] См.: *Андрєєв В.М., Чермошенцева Н.М.* Саул Боровий: єврейський вектор історії України. Херсон; Нікополь, 2010. С.29.

[3] См.: *Петрина А.Б.* Научная биография в российской культурной и интеллектуальной традиции: поиск новой модели: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Омск, 2009.С.32.

[4] См.: *Корзун В.П.* Образ исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): Монография. Омск; Екатеринбург, 2000. С.22-23.

[5] См.: *Вовк О.І.* Постать Василя Каразіна в історіографії / Науковий редактор С.М.Куделко. Харків, 2016. С.12.

[6] *Шмидт С.О.* О некоторых общих проблемах истории исторической науки // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С.112-113.

ских фактов в зависимости от *предметности*: для официальной, карьерной биографии в первую очередь важны «внешние» – значимые события; психобиография акцентирует внимание на «внутреннем» – побуждения/переживания; «биография-миф» предполагает комплекс «мифологем» как фактов биографии и проч.[1]. Ориентация на определенные биографические факты, безусловно, детерминирует и конкретно-направленный источниковедческий поиск, и последующую структуру источниковой базы.

По типологии биографического исследования, предложенной С.Н. Иконниковой, выделяются *биографические модели* и соответствующие им *виды* биографических работ: *хронологическая модель* (от рождения до смерти) может быть представлена, например, энциклопедической статьей; *функциональная модель* (акцент в ней сделан на профессиональную деятельность в контексте этапов жизненного пути) – монографией, научной статьей; *психологическая модель* (в центре – мотивация поступков, самореализация личности) – автобиографией, дневниками; *социологическая модель* акцентирует типическое, отражающее динамику общественного сознания, ценностные ориентации, культуру поколений и т.п.; *культурологическая модель* рассматривает личность в социокультурном контексте[2]. При такой типологизации источниковая база – ее поиск и структурация – будут зависеть от типа модели и вида исследования – его планируемого результата.

Параметры типологии историографических источников, предложенной А. Запряновой[3], определяются *метаинформационно* – в зависимости от *целей* исследования: вводимое понятие «идентификация потребностей» отражает определенный этап научно-познавательного процесса – подготовку эмпирической базы. Ориентиры на раскрытие *микромира* героя (институционализированная коллегия, творческая лаборатория, научные результаты в их взаимосвязи), а также *макроклимат*, воздействующий на «бытие историка», коррелируют основные типы источников историографического анализа. С.И. Маловичко «за основу процедуры выделения видовой структуры историографических источников» предлагает принять «принцип *целеполагания его автора* (Другого)»[4].

Иерархия биоисториографических источников композиционно неисчерпаема, в связи с этим структура источниковой базы биоисториографического исследования может быть представлена вариативным разнообразием.

---

[1] См.: *Валевский А.Л.* Основания биографики. Киев, 1993. С. 37-38.

[2] См.: *Иконникова С.Н.* Историческая персонология: социокультурный контекст // История культурологических теорий. СПб., 2005. С.92-94.

[3] См.: *Запрянова А.*[Болгария] Типология источников историографического исследования // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2010. Вип.10. С.41-52.

[4] *Маловичко С.И.* Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2015. № 2. С.41.

Вариант первый

I блок – *персональные тексты*, в массив которых входят: 1) *научные труды* ученого-историка[1]; их видовая форма разнообразна: от монографий, статей, тезисов, заметок, рецензий, дидактической литературы, опубликованных интервью, био/библиографических работ и т.п. до материалов личного архива – подготовительных материалов, вариантов статей, фрагментов монографий, конспектов лекций и т.п., цитат, выписок, заметок/замечаний в том числе в книгах – на полях[2] и проч.); 2) *труды/произведения в иных жанрах* – стихи, проза, публицистика, посвящения, эссеистика и проч.;

II блок – *источники личного происхождения* (*эго-документы*): дневники, письма, автобиографии, исповеди, воспоминания, письма и т.п.;

III блок – *семейный архив*, в том числе – «*домашняя письменность*» [термин П.М.Бицилли. – Т.П.] – блокноты, записи на память, стихотворные посвящения, поздравления, семейные книжки, девизы, шутки на случай и т.п.

IV блок – *конспекты лекций ученого*, сделанные студентами, литографированные лекции и т.п.;

V блок – *документальные*: законодательные памятники, актовый материал, материалы делопроизводства – в широком диапазоне, имеющие прямое или косвенное отношение к «герою» и т.п.;

VI блок – *мемуаристика и эпистолярия* (авторы – современники «героя»);

VII блок – прижизненные *юбилейные материалы* о «герое», *некрологи*;

VIII блок – *интервью, анкеты* (для современников);

IX блок – *статистические материалы*;

X блок – *периодическая печать*;

XI блок - *судебно-следственные материалы* (для биографии историков, подвергшихся каким-либо санкциям);

XII блок – *био/библиографии*, *наукометрические сведения* (источники т.н. «второго порядка»);

XIII блок – материалы *иных источниковедческих типов*: вещественные, этнографические, устные, фольклорные (включая студенческий фольклор и т.п.),

[1] Данная модель сфокусирована на *историке-ученом* как объекте изучения, что не исключает создание моделей источниковой базы биоисториографического исследования, ориентированного на *историка-аматора*; в этом случае структура источников будет иметь свою специфику. Отличие ученого от аматора-непрофессионала в том, что «…специалистов-историков должна интересовать сама наука или учебная дисциплина – т.е. их инструментарий, методика, понятия и проч.». См.: *Кульчицький С.* Українська історія як знаряддя легітимізації пострадянського політичного устрою наприкінці 80-х років // Історія та історіографія в Європі. Вип.3. Київ, 2004. С.101.

[2] С.О. Шмидт придавал особое значение «пометкам» и «записям» на книгах, считая их «ценнейшими свидетельствами», раскрывающими личность ученого и его творческий процесс. См.: *Шмидт С.О.* Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблема истории общественной мысли и историографии: к 75-летию академика М.В. Нечкиной: сборник статей. М., 1976. С.268.

изобразительные, аудиовизуальные (иконография, записи лекций и проч.) и проч.

Все эти источники могут выступать в опубликованной (печатной) форме, в виде неопубликованных, в том числе – архивных материалов (рукописных, машинописных), а также на электронных носителях (для современного этапа биоисториографии)[1].

Вариант второй

I блок – *опубликованные персональные тексты* (во всех видах публикаций – монографии, статьи, учебники, рецензии, мемуары, публицистика, эссе, стихи и т.п., а также во всех жанрах – научном, научно-популярном, научно-художественном, романизированном/художественном, с элементами беллетризации и т.п.);

II блок – *материалы творческой лаборатории* ученого (архив ученого);

III блок – *опубликованные документальные материалы* (все разновидности);

IV блок – *неопубликованные архивные материалы* (во всех видовых вариациях);

V блок – *артефакты,* имеющие прямое или косвенное отношение к «герою»: созданные им произведения искусства (рисунки, живопись, скульптура, различного рода поделки и проч.); любимые вещи «героя» (сувениры, талисманы и т.п.); подарки, сделанные «героем» другим людям или полученные от других людей, и проч.;

VI блок – *личная библиотека ученого* (каталог, данные о ней);

VII блок – *места памяти/пребывания* «героя» (географически-пространственные источники).

Вариант третий

Биоисториографическая источниковая база может иметь три уровня[2]:

1) «*конкретный текст*» историка («опорная группа» источников по В.П. Корзун) – персональные тексты, которые являются главными объектами анализа биографа[3];

---

[1] ***Ремарка*:** 1) *интервью, анкеты, фольклор, устные источники* - нарративно оформленные; 2) материалы архивных, библиотечных и музейных фондов содержат и печатную продукцию; 3) разумеется, эта схема не включает всех возможных видов, типов и групп источников. Ряд материалов из этих блоков неизбежно будут дублировать друг друга, блоки могут иметь другую «порядковость» – задача и право автора-биографа/биоисториографа распределять эти материалы по своему *целеполаганию*, т.е. создавать *особую* иерархию источников.

[2] Это – модификация предложенной И.И. Колесник схемы источниковой базы историографического исследования. См.: *Колесник І.І.* Українська історіографія (XVIII-початок XX століття). Київ, 2000. С. 37-38.

[3] У В.П. Корзун, например, «опорную группу» составили в первую очередь рефлексивно-ориентированные труды историков. См.: *Корзун В.П.* Образ исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): Монография. Омск; Екатеринбург, 2000. С.22.

2) «*большой текст*» – все творческое наследие историка, в контексте которого рассматриваются труды первого уровня, кроме того – эго-документы;

3) «*историко-культурный контекст*» – совокупность материалов, характеризующих эпоху, условия научной деятельности историка, его микро- и макромир[1].

Resume

1-я позиция. Авторская стратегия, нацеленная на конкретный тип биоисториографического исследования («внешняя/официальная» биография, персональная история, интеллектуальная биография и проч.), ориентирует на соответствующий набор биоисториографических фактов и их выявление из соответствующих источников, на определенный вариант источниковой базы, собственную иерархию биоисториографических источников.

2-я позиция. Таксоны классической классификации источников – *типы, виды, группы* – и соответствующие этим таксонам критерии классификации подвергаются в современной литературе определенному скепсису. Однако, согласно С.И. Маловичко, группа видов источников *научной истории* «по принципу целеполагания» «…позволяет проводить *видовую классификацию* источников историографии, выделяя такие их виды, в которых презентуется историческое знание: монографии, статьи, диссертации, тезисы, исторические очерки, рецензии, учебные пособия и т.д.»[2]. Согласно А. Запряновой, историографические источники можно «группировать по двум основным *типам*»: источники, предоставляющие «фрагменты ушедшей действительности», и «неисторические источники, заключающие в себе определенного рода историческую информацию»; к первому *типу* относятся источники письменные, вещественные, устные, «личного и официального происхождения», которые в свою очередь подразделяются на «три *подгруппы*»: научные работы, опубликованные материалы в средствах массовой информации и архивные материалы; второй *тип* источников – «информационные объекты» в «рамках других научных дисциплин»: теории коммуникаций, теории и истории пропаганды, науки социального управления, наукометрии и др.[3]. У С.Н. Иконниковой био-модель прямо спроецирована на конкретный *вид* биографических работ, в ряде слу-

[1] Предложенные варианты источниковой базы биоисториографического исследования, разумеется, могут корректироваться, блоки материалов из трех вариантов создавать основу для иных типов моделирования и т.д.

[2] *Маловичко С.И.* Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2015. № 2. С.41.

[3] *Запрянова А.*[Болгария] Типология источников историографического исследования // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2010. Вип.10. С.47.

чаев – историографических источников[1]. Ориентация на новые критерии (*целеполагание, метаинформационность, модель* и т.п. – вполне допустимые и обоснованные) в конечном счете приводит к тем же *типам*, *видам* и *группам.* Композиции (иерархия) источников могут быть более общими и более дробными, совмещать в одной схеме критерии «по смешанному типу». В итоге мы опять возвращаемся к содержанию первой позиции.

3-я позиция. Одновременно созданная в результате источниковедческих операций (поиска, выявления, идентификации, прочтения/интерпретации, анализа, синтеза и систематизации – синхронической, диахронической, периодизационной, классификационной, типологизационной и др. – источников)[2] фактуальная база – *биограмма* – заставляет корректировать первоначальные планы автора-биографа вплоть до изменения типа био-исследования и выбора конкретной модели построения биоисториографической работы. Творческий компонент играет здесь не последнюю роль.

[1] Не могу не признать справедливость замечаний двух историков: О.И. Вовк отметила, что на сегодняшний день нет универсальных моделей систематизации биографических публикаций – *видов* биографических работ: каждый исследователь избирает или самостоятельно разрабатывает модель, позволяющую наиболее оптимально решить поставленные им задачи (см.: *Вовк О.І.* Постать Василя Каразіна в історіографії / Науков. ред. С.М. Куделко. Харків, 2016. С.37); М.Ф. Румянцева констатировала, что «…видовая классификация историографических источников не только не разработана, но, во-первых, часто просто игнорируется исследователями и, во-вторых, отчасти запутана информацией об издании, содержащейся в различных библиографических ресурсах (библиографических пособиях, каталогах, библиографической полоске в самом издании и т.п.), ориентированных на положения действующих стандартов СИБИД (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу), формулирующих типологию издательской продукции» (см.: *Румянцева М.Ф.* Источниковедение историографии: дисциплинарные основания и этический выбор // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Професійна етика історика у міждисциплінарному просторі: Міжвузівський збірник наукових праць: Об'єднаний випуск 2013−2014 рр. / Ред. кол.: О.І. Журба (відп. ред.) та ін. Дніпропетровськ, 2014. С.139).

[2] Разумеется, *все* процедуры источниковедческого анализа не исключают *теоретической нагруженности фактов.*

Заключительные штрихи

Каждый век, приобретая новые идеи,
приобретает и новые глаза.

Г. Гейне

Новый «дискурс биографического сознания», поиск инновационных путей к созданию биографических текстов, иное видение биоисториописания – неизбежны в стадиально новой культурно-исторической эпохе, которая «вечные вопросы» постижения личности формулирует в «новом мыслительном материале», с применением иного категориального аппарата.

Поиски «нового биографизма» лежат на пересечении узловых проблем, высветившихся с рубежа XX – XXI вв. в области социогуманитарных исследований в целом. Это – проблема соотношения и совместимости микро- и макроанализа, которая концентрируется в задаче концептуализации взаимодействия личности и общества, соотношения конкретного и абстрактного, частного и целого; проблема взаимодополнительности изучения индивидуальной биографии как особого измерения исторического процесса, системно-структурных и социокультурных исследований в единой когнитивной стратегии целостного восприятия прошлого; проблема экстраполяции индивидуальных судеб, решений и поступков в область коллективного опыта, в общую характеристику социально-исторического контекста; проблема проникновения в механизм мотиваций и поступков личности и др. В различного рода модификациях биографического жанра проблема взаимосвязи индивидуальных, институциональных и социокультурных стратегий должна решаться с использованием общего концептуального и методологического инструментария (т.н. «общего рынка» по Ф. Броделю), вне зависимости от масштаба и ракурса анализа [1].

А.Д.П. Тейлор заметил, что «…биографы пользуются фикциями, интеллектуальными схемами, чтобы продуцировать иллюзию реальности», полагаясь при этом на «выдумку», что они могут «воспроизвести человеческий характер с помощью литературного мастерства и воображения [2]. Пьер Бурдье в дискуссиях 1980-х годов о проблемах биографического жанра сформулировав понятие «биографическая иллюзия», отразившее осознание сложности (практически, невозможности) описать жизнь индивида, тем не менее полагал, что реконструкция контекста, *социальной плоскости*, на которой действу-

[1] См.: *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009. С.298-304.

[2] *Тейор Алан Джон Персіфаль*. Історик як біограф / Переклад з англ.Я.М. Приходько, редакція та коментарі В.Л. Маслійчук // Біографістика в контексті сучасних історичних та історіографічних досліджень: Харківський історіографічний збірник. Харків, 2003. Вип.6. С.84.

ет личность – «герой» биографического исследования, состоящей в каждый отрезок времени из множества *полей*, – обязательное условие перспективности научного анализа[1].

За видимой простотой биографии зияет бездна индивидуальных судеб, неисчерпаемость личностных мотиваций «героя», которые для нас представлены лишь в ограниченных (и деятельностью, и еще более – источником) поступках. Навсегда сохранит свою справедливость крылатая фраза: «Человек не равен своей биографии».

Что собой представляет *биография* – действительный социальный феномен, социальный артефакт, или систему культурных символов, подлежащих реконструкции и декодировке[2], – это поле для дискуссий между представителями разных ветвей социогуманитаристики, которое вряд ли зарастет травой забвения в ближайшем будущем.

Современная биографическая практика показывает не только стремление авторов к осмыслению этих проблем, но и высвечивает определенное своеобразие в ситуации «столкновения» и «переплетения» традиций. Если «Запад» с конца XX века идет на радикальное сближение интеллектуальных и социокультурных параметров, ранее разъединявшихся, а в ряде случаев вплотную приближается к марксистскому тезису о «личности – продукте эпохи» (в первую очередь в историко-экономических исследованиях) и т.п., то «Восток», с одной стороны, набив «оскомину» на категорическом императиве социально-экономического компонента в любом виде анализа, проявляет интерес к «позавчерашнему дню» «западного биографизма» в его экзистенциальном выражении, ориентируясь на элиминацию социального как восполнение «пропущенной» традиции в отечественном инструментарии, с другой – активно декларирует нормативы «новой биографической истории» («социальной персональной истории»), которая, в принципе, абсолютно «новой» для нас не является.

Эта историографическая ситуация детерминирует в первую очередь обращение к исследованию истории биографических традиций, к «вычленению» действительно новых подходов к старым проблемам вне зависимости, из какой региональной сферы они бы не появлялись, к созданию моделей биографического анализа, в которых бы оптимально могли соединиться элементы «нового биографизма», корректно заимствованные из двух оппонирующих (к сожалению, до сих пор!) систем биоисториописания.

При этом вряд ли стоит устремляться по пути поиска «единых подходов», создавать новые шаблоны, применять только одну терминологию. «Мульти-

---

[1] *Бурдье П.* Биографическая иллюзия. Пер. с франц. Е.Ю.Мещеркиной // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С.75-81.

[2] См.: *Фукс-Хайнритц В.* Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Под ред. Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семеновой. М., 1994. С. 11-41.

перспективный подход» (по Л.П. Репиной) к изучению «истории одной жизни», открывает широкие возможности для биографического эксперимента.

Среди аналитических структур биографизма – *биоисториография*, которая предстает сегодня в форме институционального таксона – проблемного поля/направления историографических исследований, относительно автономного раздела *дисциплины историографии* (истории исторической науки); ее контуры не имеют жесткой демаркации и тесно соприкасаются с историей науки и исторической биографией, биографистикой в целом и иными гуманитарными областями. Единицей биоисториографического исследования выступает *конкретный тип* (модель) *биоисториографического анализа* [1]; различия между отдельными типами/моделями – в специфике исследовательских задач, методологических ориентиров и в целом – предметной направленности, которая и определяет их своеобразие и жанровое разнообразие.

Биоисториография сегодня – открытое пространство для всех плодотворных идей из всех дисциплинарных миров, черпающее инструментарий из традиционного арсенала и инновационного багажа.

История историков – это и *интеллектуальная биография*, поскольку ее объект – представитель интеллектуальной сферы деятельности, и *персональная история*, нацеленная на историю жизни личности – великой (в границах пантеона «канонических фигур») и «второго плана» («типичных» и «конкретных»),[2] – во всем ее многообразии и многосюжетности, и *биографический мир* – историк в многоцветье сетей-связей мира людей и мира вещей, и *тезаурусная конструкция в персональных моделях*, и *история историографии в человеческом измерении* – новое предметное поле (совмещающее традиции социально-интеллектуальной и личностной истории), объект которого – *профессиональный автобиографизм*, а форма – автобиоисториография как новый жанр историописания[3], и многое другое.

Биоисториография сегодня – «старое» название одной из обновляющихся ветвей современного биографизма, и с этим наименованием вряд ли стоит расставаться**.**

[1] См.: *Соловьев Э.Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С.19.

[2] См.: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.290, 312.

[3] См.: Там же. С.307-311.

Часть вторая

Из истории Одесского (Новороссийского) университета

I. Биоисториографические этюды

Існує тільки три професії, представники яких
удостоєні носити мантію: священик, суддя і вчений.
Мантія символізує те, що її носії наділені зрілістю розуму,
незалежністю суджень і відповідальністю
перед власною совістю та Богом.

Генрі Розовскі[1]

Университеты Российской империи, созданные «по образцу» западноевропейских и фактически вошедшие в единую университетскую систему Европы, в силу специфики общероссийской истории отличались самобытными чертами своего уклада. Этот уклад «породил» особый тип университетских ученых – европейски образованных, но не просто интеллектуалов, а представителей научной интеллигенции, людей, для которых жизнь своей страны, судьбы народа всегда были важнейшей составляющей профессорской культуры.

Начало XX века – время «Вызова», ответ на который творческие личности давали по-разному: одни яростно защищали «устои», другие «уходили», создавая свой, замкнутый мир, тщательно пытаясь уберечь его от внешних стихий, третьи, войдя в пестро-мозаичное сообщество либералов, становились в позицию почти «легальных» борцов с «устоями», не порывая в своем большинстве с привычным образом вполне благополучной жизни; четвертые – дерзко бросались в водоворот событий, «множа» свое лицо и сея непредсказуемость поступков. В такие периоды «цивилизационного разлома» люди одного круга, близкие по интересам, вчера еще сотрудничавшие бок о бок, оказывались вдруг разбросанными жизнью в разные стороны. Выделенные блоки – условны и многие из наших «героев» плавно переходили из одного лагеря в другой, подчас четко не осознавая этого…

[1] Цит. по: *Марія Зубрицька.* Філософський дискурс ідеї Університету: в складних лабіринтах пошуку істини // Ідея Університету: Антологія / Упоряд.: М. Зубрицька, Н. Бабалик, З. Рибчинська; відп.ред. М. Зубрицька. Львів, 2002. С.7. [«Существует только три профессии, представители которых удостоены носить мантию: священник, судья и ученый. Мантия символизирует то, то ее носители наделены зрелостью разума, независимостью суждений и ответственностью перед собственной совестью и Богом». – *Пер. автора*: Т.П.]. См. также: *Розовски Г.* Университет. Руководство для владельца / пер. с англ.; под ред. М.А. Аграновской; нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М., 2015. 328 с.

Ретроспективный анализ всегда отдает высокомерием всезнайства. Мы рассаживаем по нишам еще *вчера* живых и ищущих, тех, кто своими руками создавал собственную трагедию. Но безудержное стремление понять в первую очередь себя и свое время заставляет нас вновь и вновь всматриваться в туманный облик ушедших теней, выстраивать из груды обрывочных фактов нечто архитектурно цельное, конструировать образы, вгрызаясь в тексты, оставленные нам и недоступные своей очевидной доступностью…

Эти этюды – о профессорах Новороссийского университета (1865-1920 гг.), служивших в течение многих лет на одном факультете – историко-филологическом, объединенных преданностью к науке и любовью к своему ремеслу историка, людях одаренных, неповторимых своей яркой индивидуальностью, близких по своему облику ученого-исследователя, – и разведенных своей собственной судьбой…

АЛЕКСАНДР ГУСТАВОВИЧ БРИКНЕР: У ИСТОКОВ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Требовалось… изобрести обыкновенные объяснения явлений необыкновенных.

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Александр Густавович Брикнер

История Новороссийского университета (1865-1920), деятельность которого совпала со временем завершения процесса институционализации исторической науки (вторая половина XIX – рубеж XIX-XX вв.) и активным формированием рефлексивных дисциплин исторического профиля (что явилось одним из главных параметров конституирования истории как науки), включает в себя и *дисциплинарную историю*, в содержание которой входят проблемы становления новых дисциплин в университетском ареале, создание образов этих дисциплин ее представителями.

Для профессорской корпорации историко-филологического факультета Новороссийского университета было характерно достаточно «кратковременное» пребывание здесь ученых первой величины, преобладание в педагогическом составе выпускников иных университетских центров. Этот факт, чаще всего рассматривавшийся в литературе как «негативный», свидетельствующий о провинциальности и «второразрядности» университета, в контексте теории «сетевых коммуникаций» приобретает иное звучание.

В.И. Григорович, А.Г. Брикнер, Ф.И. Успенский, Р.Ю. Виппер, Э.Р. фон Штерн, Е.Н. Щепкин, А.Н. Деревицкий, И.А. Линниченко, С.Л. Рубинштейн и многие другие блистательные ученые привносили элементы научной культуры столичных и европейских университетских центров: «…взаимообогащающее пересечение в пространстве университета представителей различных научных школ и традиций»[1] способствовало воспитанию в его недрах А.И. Маркевича, М.Г. Попруженко, А.В. Флоровского, Г.В. Флоровского, П.М. Бицилли, Н.Л. Рубинштейна, О.Л. Вайнштейна, К.П. Добролюбского, составивших гордость отечественной и мировой науки.

Практически все представители историко-филологического факультета

[1] *Корзун В.П.* [Рецензия] // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 25/2. М., 2008. С.396.

Новороссийского университета в той или иной мере внесли свой вклад в институционализацию новых ветвей исторического знания. Среди них – ***Александр Густавович Брикнер***, стоявший у истоков дисциплинарного оформления двух важнейших рефлексивных дисциплин в российской исторической науке: *историографии* и *источниковедения.*

В многочисленных некрологах[1] научному наследию А.Г. Брикнера отдавали должное все авторы, однако акцент практически во всех публикациях был сделан на его вклад в персоналистику (рукой мастера были созданы яркие портреты Петра I, Петра III, Екатерины II, Павла I, Г.А. Потемкина, Н.П. Панина, Густава IV, И.Т. Посошкова, Юрия Крижанича и др.), а также в изучение конкретно-проблемных линий русской и европейской истории. Среди главных заслуг ученого обычно выделяли то, что А. Г. Брикнер не только в значительной степени разработал вопрос о европеизации России, но и западноевропейскому обществу предоставлял «достоверные данные о прошлых судьбах русского народа»[2].

Д.В. Цветаев определял А.Г. Брикнера как ученого, стоящего «вне партий»: будучи «представителем» в русской исторической науке «немецкой» школы и в известной мере «немецких» воззрений, А.Г. Брикнер ценил и «поборников начал русско-византийских», если в их работах находил «приложение правильного научного метода, документальную проверку и исправление прежних фактов…»[3].

Однако и современники А.Г. Брикнера, и представители историографии нашего времени, подчеркивая значение ученого не только как «популяризатора» и «пропагандиста» российской науки в Европе, но и как серьезного исследователя, открывшего много новых тем и значительно пополнившего источниковедческий корпус[4], обычно обходят вниманием его вклад в разработку теоретических проблем исторической науки, в расширение поля исторических дисциплин.

В некрологах об этом говорилось весьма лапидарно[5]. Е.Ф. Шмурло, ха-

[1] Вестник Европы. 1896. Кн. 12. С. 901-902; Новое Время. 1896. № 7435; Русское Обозрение. 1896. Кн. 12. С. 842-861; Исторический Вестник. 1896. Кн. 12. С. 1102-1104; Русские Ведомости. 1896. № 310; Новости. 1896. № 306; Биржевые Ведомости. 1896. № 309; Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Кн. 2. отд. 4. С. 117-157 и др.

[2] См.: Русское слово. 1896. № 303. С.545-546.

[3] *Цветаев Дм.* Александр Густатович Брикнер. 24 июля 1834 – 4 октября 1896 г. // Русское обозрение. 1896. Кн. 12. С.861.

[4] См., например: *Колесникова С. Ю.* Популяризация образа Петра Великого в контексте русско-немецкого диалога: (1870-е гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Вып. 3. С. 14-20; *Она же.* Периодическая печать и коммуникативное поле исторической науки второй половины XIX в.: А.Г. Брикнер // Платоновские Чтения. XVIII Всероссийская конференция молодых историков (Самара, 7-8 декабря 2012 г.). Материалы и доклады. Самара, 2012. С.123-125 и др.

[5] В публикации в связи с 30-летием научной деятельности А.Г. Брикнера «Историческое обозрение» ограничилось фразой: «Наконец, пр. Брикнер написал еще несколько статей по теории истории». См.: Историческая хроника // Историческое обозрение. 1892. Т.4. С.296.

рактеризуя «широкую область» научных интересов А.Г. Брикнера, выделил такие позиции: «историография и методология истории, критика и издание документов»; в обзоре трудов ученого, поставил в качестве первого раздела «Теорию и пропедевтику истории», ограничившись, однако, лишь перечислением нескольких публикаций А.Г. Брикнера (преимущественно рецензий) и не уделив должного внимания содержанию его теоретических построений[1].

Абрис биографии

А.Г. Брикнер (1834-1896) – из семьи обрусевших уроженцев Финляндии немецкого происхождения – окончил Петропавловское училище в Санкт-Петербурге, затем слушал в Гейдельбергском, Йенском и Берлинском университетах (1857-1860) лекции Л. Гейссера, И.Г. Дройзена, Куно Фишера, Леопольда фон Ранке, Августа Бека и других крупнейших ученых. В 1860 г. защитил в Гейдельберге диссертацию на степень доктора философии; в 1864 г. в Санкт-Петербургском университете получил степень магистра истории[2] за диссертацию «Медные деньги в России (1556-1563) и денежные знаки в Швеции (1716-1719)» и здесь же в качестве приват-доцента стал читать курс лекций «Введение к новой истории» (1865/1866).

После защиты докторской диссертации в Дерптском университете в 1867 г. был утвержден экстраординарным (с 29 апреля 1867), затем – ординарным (с 30 декабря 1867) профессором по кафедре всеобщей истории Новороссийского университета, в котором проработал до 1872 г.[3], затем до 1891 гг.

---

[1] *Шмурло Е.Ф.* А.Г. Брикнер // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1897. № 2. Отд. 4. С.120, 124-125.

[2] Экзамены, которые А.Г. Брикнер сдавал в Санкт-Петербургском университете в 1862 году как магистрант по всеобщей истории, включали следующую номенклатуру дисциплин: всеобщая история (три вопроса), русская история (три вопроса), статистика (два вопроса), политическая экономия (два вопроса), международное право (четыре вопроса), древняя география (один вопрос), новая география (два вопроса); кроме устных экзаменов он отвечал письменно на вопрос о роли Кромвеля в английской революции. См.: Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф.45. Оп.11. Д.9.

[3] Во многих биографических статьях указывается дата 1871 год, однако в Новороссийском университете в 1871/1872 академическом году А.Г.Брикнер полностью прочитал годичный курс по истории Французской революции, кроме этого он вел курсы по «Истории хозяйства», «Энциклопедии истории» и проводил практические занятия. В конце октября Новороссийский университет был закрыт почти на месяц в связи с т.н. «Богишичевской историей» (инцидент между проф. Богишичем и студентами-юристами), и в это «безвременье» А.Г. Брикнер принимал студентов дома, «за вечерним чаем». После экзаменов, летом 1872 г., студенты факультета и его выпускники (в основном работающие в Одессе преподаватели разных учебных заведений) в количестве 40 человек устроили своему любимому профессору «прощальный пир». Среди участников были Г.Е. Афанасьев и С.Н. Южаков (См.: *Колянковский А.* Профессор А.Г. Брикнер // Голос минувшего. 1913. № 9. С. 158-167; *Маркевич А.И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: Историческая записка и академические списки. Одесса, 1890. С.427). С нового учебного года А.Г. Брикнер продолжил свою деятельность уже в Дерптском университете.

преподавал в Дерптском и Казанском университетах. Последние годы его жизни в Российской империи были осложнены политическими гонениями на представителей т.н. «балтийского течения» в интеллектуальной элите[1]; уволенный в 1891 г. из Казанского университета (в котором он числился номинально), он переехал в Йену, где и умер в 1896 г.[2].

А.Г. Брикнер, имея недворянское происхождение, в 1876 г. получил чин действительного статского советника, соответствующий военному чину генерал-майора и предоставивший его носителю право потомственного дворянства.

Будучи в Йенском университете, А.Г. Брикнер работал преимущественно в историческом семинарии И.Г. Дройзена [3], написав несколько рефератов по всеобщей истории. Название своего первого теоретического курса в Новороссийском университете «Энциклопедия и методология истории» А.Г. Брикнер

---

[1] Во многом это было связано с преобразованием Дерптского университета из регионального (со своими специфическими традициями, в том числе чтением лекций на немецком языке) в общероссийский. Е.Ф. Шмурло, сменивший А.Г. Брикнера в Дерптском (Юрьевском) университете, отмечал, что отдельные русские издания обвиняли немцев в желании «разрушить университет, восстановить в нем господство немечества», однако истинная цель этой «лживой кампании» – «обрусить не только Юрьевский университет, но и весь Остзейский край», при этом использовались методы «клеветы и «подтасовки фактов»». См.: *Горелова С.И.* Александр Густавович Брикнер – историк и педагог // Вопросы истории. 2002. № 11. С.164.

[2] См. о нем: *Маркевич А.И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: Историческая записка и академические списки. Одесса, 1890. С. 197-200; *Иконников В.С.* Александр Густавович Брикнер (ум. 3 ноября 1896 г.). Историческая поминка // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. 1898. Кн.12., отд.1. С.43-53; *Шмурло Е.Ф.* А.Г. Брикнер // ЖМНП. 1897. № 2. Отд. 4. С.117-157; *Цветаев Дм.* Александр Густатович Брикнер. 24 июля 1834 – 4 октября 1896 г. // Русское обозрение. 1896, кн. 12. С. 842-861; *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В. Тункиной. М., 2008. С. 116-118; *Колянковский А.Л.* Профессор А.Г. Брикнер // Голос минувшего. 1913. № 9. С.158-167; *Плесская-Зебольд Э.Г.* Одесские немцы. 1803-1920. Одесса, 1999. С.285-287; *Самойлов Ф.О.* Брикнер Олександр Густавович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Том 2. А-І. Одеса, 2000. С.147-149; *Горелова С.И.* Александр Густавович Брикнер – историк и педагог // Вопросы истории. 2002. № 11. С.161-167; *Березин С.Е.* Антиковедение и его представители в Новороссийском университете: Ф.К. Брун, А.Г. Брикнер (начальный период деятельности каферы всеобщей истории) // Человек в истории и культуре. Сборник научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук, Владимира Никифоровича Станко / Отв. ред. А.А. Пригарин. Одесса, 2007. С.526-535; *Савченко В.А.* Брікнер Олександр Густавович. 1834-1896 // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том І (початок Х1Х – середина ХХ ст.). Одеса, 2009; С.72-74; *Попова Т.Н.* Из истории научных традиций в Новороссийском университете: образ историографии в концепции А.Г. Брикнера // Воронцовский сборник. Вып. 4. Сб. научных статей. Одесса, 2011. С.82-88; *Она же.* У истоков дисциплинарных традиций: А.Г. Брикнер // Стародавнє Причерномор'я. Випуск Х1. Одеса, 2016. С.242-249; *Она же.* Из истории Новороссийского университета: памяти А.Г. Брикнера // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2016. Вып.18. С.70-87; ГАОО. Ф.157. Оп.1. Д.120. 5 лл.; Обозрение преподавания наук в Императорском Новороссийском университете за 1868/69 учебный год. Одесса, 1869. С.1-3; Протоколы Совета Императорского Новороссийского университета. 1869, 23 декабря. [Одесса. 1869]. С.170-171 и др.

[3] Е.Ф. Шмурло называет А.Г. Брикнера учеником Л. Гейссера и И.Г. Дройзена. См.: *Шмурло Е.Ф.* А.Г. Брикнер // ЖМНП. 1897. № 2. Отд. 4. С.123.

позаимствовал у И.Г. Дройзена [1]. Впоследствии А.Г. Брикнер поддерживал отношения с И.Г.Дройзеном, которого считал наиболее интересным в блистательной плеяде берлинской профессуры. В.С. Иконников, в частности, во время своего пребывания в Берлине в 1872 г. смог пообщаться с этим крупнейшим ученым и послушать бесплатно его лекции[2] исключительно по рекомендации А.Г. Брикнера.

А.И. Маркевич и А.Л. Колянковский, бывшие студенты А.Г. Брикнера, вспоминали о нем как о человеке добром и отзывчивом, который «относился к студентам отечески», помогал не только советом, но и «в материальной форме»: студенты, посещавшие профессора дома, всегда встречали «радушный прием» и «готовность быть существенно полезным». Например, Оскар Кюн, бывший учитель Николаевской гимназии, переведенный затем в Курск, писал у А.Г. Брикнера кандидатскую диссертацию «Об аграрных законах в последнем столетии римской республики». Слушатель сдал все экзамены на степень кандидата и представил диссертацию, которая заслужила «одобрение факультета», но 20 декабря 1869 года на защиту диссертации не смог явиться из-за болезни. По ходатайству А.Г.Брикнера факультетское «собрание» утвердило О.Кюна кандидатом без защиты диссертации[3]. Помог А.Г. Брикнер с трудоустройством и А.Л. Колянковскому, бывшему учителю, в то время первокурснику[4].

Лекции А.Г. Брикнер читал «образно», «живо и горячо», увлекаясь процессом чтения; его занятия всегда были полны слушателями – и историками, и юристами: профессор знакомил студентов с новыми работами и новыми взглядами, не навязывая своей позиции и предоставляя молодежи самостоятельность в выводах. «Громадную пользу», считали бывшие студенты, приносили практические занятия, которым сам А.Г. Брикнер придавал огромное значение. Он не просто заимствовал опыт исторических семинариев И.Г. Дройзена, но предложил свое понимание их места в системе российского университетского образования. В германских университетах исторические семинарии имели самостоятельный статус и не были связаны с лекционными курсами. В своей педагогической практике А.Г. Брикнер соединил лекции и семинары в единый

[1] И.Г. Дройзен читал курс «Энциклопедия и методология истории» в Берлинском университете на протяжении 1857-1883 гг., позаимствовав, в свою очередь, это название у Филиппа Августа Бека (1785-1867), выдающегося немецкого историка и филолога, профессора Берлинского университета, чьи лекции по «Энциклопедии и методологии филологических наук» он слушал в студенческие годы. См.: *Савельева И.М.* Обретение метода // Дройзен И.Г. Историка / пер. с нем. Г.И. Федоровой; под ред. Д.В. Скляднева. СПб., 2004. С. 11.

[2] По университетским правилам после 4-5 лекций слушатель обязан был оплачивать свое посещение.

[3] Протоколы Совета Императорского Новороссийского университета. 1869. 23 декабря. [Одесса. 1869]. С.170-171.

[4] См.: *Колянковский А.Л.* Профессор А.Г.Брикнер // Голос минувшего. 1913. № 9. С.162-163.

учебный комплекс[1]: лекциям он придавал характер введения в самостоятельное изучение предмета, на практических шла работа с памятниками[2], заслушивались и обсуждались рефераты – «происходил живой обмен мнений и взглядов» (А.Л. Колянковский).

Достаточно хорошо характеризует А.Г. Брикнера его самооценка: «Я не жрец науки… я не профессор, а студент, потому что "studium" значит – "любимое занятие"»[3].

А.Г. Брикнер и историография

А.Г. Брикнер – среди основоположников дисциплинарных традиций историографии. В Новороссийском университете он был практически первым, кто начал читать теоретические курсы на историко-филологическом факультете: «Энциклопедия и методология истории» (с 1867/68 академического года) и «Историческая критика» (с 1868/69 академического года; этот специальный курс предназначался для группы, в составе которой кроме студентов-историков были и студенты юридического факультета).

Историография как *история истории* входит в рефлексивный блок исторического знания и составляет его историко-научную компоненту. Дисциплинаризация этой научной области имеет свою специфику в традициях западной и восточной (условно) науки. В российских университетах XIX – начала XX вв. шел интенсивный процесс дисциплинарного оформления основных рефлексивных ветвей исторического знания – методологии истории, источниковедения и *истории истории*[4]. Дискретность этого процесса в силу политических метаморфоз XX века тем не менее не повлияла на сохранение определенных научных традиций. *История истории* как одна из форм исторической рефлексии в последнее тридцатилетие советской эпохи трансформировалась в специальную рефлексивную дисциплину под собственным дисциплинарным именем – *историография.*

---

[1] Эта традиция утвердилась в российских и затем советских университетах на долгие годы; в современной системе университетского образования в Украине и России практикуют обе формы: лекции плюс практические и семинары как самостоятельный вид занятий.

[2] См.: *Брикнер А.Г.* О так называемых исторических семинариях при университетах Германии // ЖМНП. 1870. № 12. С.147-180; *Он же.* О практических упражнениях при преподавании новой русской истории в университетах // Там же. 1876. № 6. С. 17-42; *Шмурло Е.Ф.* А.Г. Брикнер // ЖМНП. 1897. № 2. Отд. 4. С.119, 123.

[3] Цит. по: *Колянковский А.Л.* Профессор А.Г.Брикнер // Голос минувшего. 1913. № 9. С.166.

[4] См.: *Алленов С.Г., Матвеева М.С., Чесноков В.И.* К вопросу о преподавании историографии в университетах дореволюционной России // Проблемы истории отечественной исторической науки. Воронеж, 1981; *Киреева Р.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины X1X в. до 1917 г. М., 1983; *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007; *Кісельова Ю.А.* Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті. Харків, 2014 и др.

Западная научная традиция приобрела иную конфигурацию дисциплинарного ландшафта. Проблемное поле *истории истории* распределилось среди ряда дисциплин и дисциплинарных областей: интеллектуальной и социальной истории, философии, теории, эпистемологии истории, собственно истории и проч. К концу XX в. в сфере интеллектуальной истории достаточно отчетливо обозначилось в качестве приоритетного направление, изучающее историю исторического знания под самоназванием – *история историографии* [1].

В украинском и российском научном поле в последние десять-пятнадцать лет сложилась своеобразная ситуация: институциональный кризис дисциплины историографии в «восточноевропейском варианте», который проявляется в современной практике разночтения дисциплинарного наименования, в многовариантных актуализациях ее предметных составляющих, в восприятии многообразия ее различных дисциплинарных «ликов» – науковедческого (сциентистского), культурологического, лингвистического и проч.[2], сопровождается настоящим историографическим «ренессансом» исследовательского пространства *истории истории*.

В основе этого ситуационного парадокса – переплетение ряда новаций в научном мире: трансформация современной системы научных дисциплин, особенно рефлексивного профиля; столкновение и взаимопроникновение дисциплинарных традиций «восточных» и «западных» научных пространств; вступление истории в «историографический этап» своего существования, предусматривающий историографический анализ в качестве императива профессиональной деятельности историка, переключение «дисциплинарного типа» мышления на «рефлексивный» – «критический»; поиски нового образа *истории истории* не только как интегративного сегмента исторического знания, но и как стержня истории исторической культуры и исторического сознания в целом.

Все эти явления актуализируют проблему многомерного анализа историографического процесса и его истории. Среди составляющих этого глобального явления – дисциплинарная ипостась *истории истории*.

Дисциплинарная структура науки – это темпорально-региональная конструкция: она «вписана» в общий социокультурный контекст и обусловлена спецификой институционального процесса научного знания в конкретном социуме. В связи с этим региональный аспект изучения дисциплинаризации отдельной области знания (с учетом уровней региональности) приобретает

[1] См. подробнее: *Попова Т.Н.* Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX - XXI вв. / Отв.ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М., 2012. С.198-215.

[2] См.: *Репина Л.П.* Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2013. С.10, 14-15; *Пікалов В.Г., Посохов С.І.* Багатолика історіографія (Образи історіографії як наукової та навчальної дисципліни // Харківський історіографічний збірник. Вип.8. Харків, 2006. С.156-159; *Посохов С.И.* Многоликая историография: образы историографии как научной и учебной дисциплины// Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной конференции. М., 2008. С.243-245 и др.

собственную значимость для последующей компаративистской исследовательской стратегии с выходом на создание общей картины дисциплинарных традиций и эволюции дисциплинарного мира в целом.

Обращение к конкретной *истории историографии – истории истории исторической науки* должно опираться как на базовую теоретическую модель научной дисциплины[1], так и на анализ конкретной фактографии дисциплинарного процесса с учетом его «региональных ликов».

Важнейшая составляющая исследовательского поиска – изучение восприятия современниками, профессиональными историками XIX в., стоящими у истоков институционализации историографии, этой новой области знания.

А.Г. Брикнер, в сущности, оставил нам свою программу создания *истории истории*, появление которой отражало специфику дисциплинарного поля исторического знания в российской науке.

Крупных работ теоретического характера по этой проблематике у А.Г. Брикнера нет, однако его «Речь», произнесенная в Торжественном собрании в Новороссийском университете 30 августа 1968 г.[2], свидетельствует об общей направленности его рефлексии в теоретических координатах И.Г. Дройзена и одновременно отражает самобытность его категориального профиля[3].

А.Г. Брикнер сконструировал достаточно четкий образ нового направления исторических исследований, предметом которого, по его мнению, выступает *история исторической науки*[4]. Представления ученого об *истории истории* – ее образ – включают: 1) «имя» новой области исторического знания; 2) проблемное поле; 3) значение новой отрасли для самой исторической науки и ее место в системе наук.

Об имени: На протяжении XIX столетия в сообществе историков шел интенсивный поиск наименования новой области исторического знания. Более

[1] См.: *Stichweh R.* Wissenschaft, Universität, Professionen : soziologische Analysen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994. S.17. Цит. по: *Москалев И.Е.* Сети научных коммуникаций: междисциплинарный подход // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М., 2005. С.197-198; *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.31; Социология науки / Составитель *Э.М. Мирский*. М., 2000. URL: http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/0.htm; *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С.96-191; *Она же.* Метаморфозы историографии, или история с историей истории. // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX-XXI вв. / Отв.ред. О.В.Воробьева, З.А.Чеканцева. М., 2012. С.200-201 и др.

[2] Подобные выступления были обязательны для новых членов профессорской университетской корпорации и обычно имели концептуальный характер, выражая научное кредо автора.

[3] См.: *Брикнер А.Г.* О главных задачах исторической науки: Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Новороссийского университета ординарным профессором всеобщей истории А.Брикнером 30-го августа 1868 года // Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. Одесса, 1868. С.3-17.

[4] Акцент на историю *науки* отразил сциентизацию мировоззрения в X1X веке.

двух десятков названий было предложено для *истории истории:* «литература русской истории», «литература науки русской истории», «обозрение литературных мнений», «историческое ведение», «историческое дееписание», «история русского самопознания», «течения исторической мысли», «разработка русской истории», «история русской истории», «история работы русской мысли над русской историей», «история русской исторической литературы», «критическая российская история», «история критики», «историческая критика», «наука литературы русской истории», «история науки», «история истории», «история исторической науки», «история историографии», «украинская / русская / западноевропейская историография» и др.

В лексиконе А.Г. Брикнера несколько понятий: сама родовая наука выступает под «именами» – «история» и собственно «историческая наука»; понятие «искусство историографии» он не связывает с наукой – это синоним «историописания», создания сочинений на историческую тематику. «История во второй степени» имеет два имени: «история истории» и «история исторической науки». Понятие «история историографии» А.Г. Брикнер употребляет в значении «истории общей литературы истории» или «истории исторической литературы», считая, что «история историографии есть только часть истории истории»[1].

Традиция истории историографии как истории исторической литературы, которая, по мнению А.Г. Брикнера, имела уже полувековой период своего развития, ограничивалась оценкой литературных достоинств исторических сочинений, и ее последователи занимались даже не историей общей литературы истории, а делали своим предметом «разбор отдельных историков» – Фукидида, Леопольда фон Ранке, Фридриха Кристофа Шлоссера и др. Общие очерки, констатировал А.Г. Брикнер, встречались редко, и среди них он выделял диссертацию М.Н. Петрова (Харьковский университет) «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» (1861).

О проблемном поле: В проблемное поле *истории исторической науки* А.Г. Брикнер включал несколько содержательных блоков.

Во-первых, он не отрицал важности уже определившихся проблемных линий: (1) изучение исторических памятников, выявление достоверности их фактической базы, «составление каталогов исторических материалов» и проч. – все, что позже составит предмет собственно *источниковедения*; 2) история историографии – работы, в которых акцент делался на определение «литературного достоинства исторических сочинений» конкретных авторов; 3) изучение истории «национальных историографий».

Новые проблемные блоки *истории исторической науки*, по мнению А.Г. Брикнера, должны были включать:

[1] *Брикнер А.Г.* О главных задачах исторической науки // Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. Одесса, 1868. С.12.

1) историю «метода в исторических занятиях»; эту проблему А.Г. Брикнер ставил на первое место, обозначая предмет *истории истории* и расшифровывая круг исследовательских задач, входящих в *историю метода*: определение «понятия» о «критике» и «развитие критики» в исторических исследованиях, появление и разработка новых групп исторических материалов, «сообразно с которыми и должен… изменяться метод», т.е. – «развитие критики при занятиях историей»;

2) историю «различных видов и форм исторических сочинений»: рассказа, «исследования и рассуждения», «общих и монографических сочинений», т.е. – эволюцию, *историю жанров исторических работ*;

3) «постепенное развитие понятия о всеобщей истории», истории человечества, о «развитии национальной и космополитической истории», «истории периодизации истории», выяснение причин, обусловливавших развитие конкретного понятия; эта линия содержательно должна была составить *историю понятий*;

4) изучение вопросов «об отношении эпох к эпохам», «о том, каковы были исторические воззрения… в новой истории в отношении к средним векам и к древней истории и т.п.»; А.Г. Брикнер подчеркивал, что «исторические воззрения… в отношении к крестовым походам или в отношении к французской революции были различны в различное время», открывая тем самым важнейшее направление – *историю исторических образов, историю восприятия современниками предшествующих эпох* в общем русле *проблемной историографии*;

5) в самостоятельный проблемный блок должна входить *история предмета исторической науки* – «какие области развития человечества, в какое время были преимущественно объектами исторического разбора»; изучение эволюции предмета исторической науки, по мнению А.Г. Брикнера, должно опираться на анализ конкретного исторического периода, причин и условий, которые детерминировали интерес к определенной проблематике и перемещение исследовательского фокуса; А.Г. Брикнер считал, что необходимо показывать, почему в XVIII в. «…с особенным пристрастием изучали историю древности… почему в последние столетия история государства до того преобладает, что понятие об истории вообще чуть ли не совпадает с понятием о политической истории… каковы были условия развития истории искусств, истории национальной литературы…»[1] и др.

О значении: Проблема определения значимости новой ветви исторического знания – *истории истории* – связана в концепции А.Г. Брикнера с выяснением научного статуса самой исторической науки. Условием превращения истории в науку он считал переход от «количественного труда» (сбора материалов для исследований «частного порядка») к «качественному труду», суть которого – в осознании значения своей науки, ее теории, метода, задач, места

[1] *Брикнер А.Г.* О главных задачах исторической науки // Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. Одесса, 1868. С.12-13.

«в кругу наук»[1], т.е. в создании рефлексивного блока исторического знания.

Решение данных проблем историки обычно уступали философам. Задолго до того, как Р.Дж.Коллингвуд решительно заявил, что «…задачи, поставленные перед "философией истории" Вольтером и Гегелем, способна решить только сама историческая наука»[2], А.Г. Брикнер пришел к выводу о том, что деятельность историка не должна ограничиваться «изложением» и «толкованием» «общей связи между фактами», «…историк должен быть философом истории, между тем как философ никак не может быть философом истории, не будучи историком, т.е. специалистом в области исторической науки»[3] .

Определение истории как области знаний, изучающей историю прогрессивного развития человечества, является, по мнению А.Г. Брикнера, первым шагом на пути превращения этой области в системное – научное знание. Но для того, чтобы историческая наука состоялась, необходимо: 1) «определить известные начала для группировки исторического материала»; 2) создать «правила для разработки материала каждой группы»; 3) «внимательно всмотреться в историю приемов исторической науки по настоящее время»; 4) «заняться разбором об отношении истории к другим наукам, о методе последних»; 5) выяснить связь «различных областей человеческого развития между собой». Только в результате решения этих проблем «будет возможно создать метод исторической науки», а само решение этих вопросов возможно лишь, по мнению ученого, на основе разработки *истории истории*[4] .

Рассуждая о состоянии историко-научной ветви исторического знания, А.Г. Брикнер приходит к выводу о том, что «история многих других наук гораздо более разработана, чем история исторической науки», ибо историки еще не пришли к осознанию важности знания истории собственной науки как условия ее дальнейшего развития.

История отдельных наук, по мнению А.Г. Брикнера, представляет собой различные области собственно истории, предмет которой имеет широчайшее пространство. История наук, в которую должна входить и история исторической науки, «составляет важную часть истории умственного развития…историю идей в вековом развитии человечества вообще…»[5]. При этом история наук должна включать не только «историю теории» – историю научных идей, но и «историю практики» – историю фактов, «содействовавших происхождению и

---

[1] Там же. С.3.

[2] *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С.5.

[3] *Брикнер А.Г.* О главных задачах исторической науки // Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. Одесса, 1868. С.5.

[4] Там же. С.9-10.

[5] Там же. С.15.

развитию наук»[1].

Это положение представляется особенно важным – А.Г. Брикнер одним из первых в XIX в. поставил вопрос о необходимости соединить историю идей с историей научной деятельности по производству идей. Проблема взаимосвязи когнитивных и социальных аспектов развития науки, как известно, будет в принципе решена только в последней трети XX в.: т.н. «социокогнитивный подход» к истории науки[2].

Превращение истории в науку, по А.Г. Брикнеру, связано с осознанием широкого предмета исторического познания, с постановкой «более обширных» задач, с превращением истории в науку «о прогрессе», поскольку «категория развития (Das Werden) для него выше категории *бытия* (Das Sein)»; именно эта мысль должна стать, согласно его взглядам, девизом исторической науки, обусловив ее существование «как науки» и ее «дальнейшее развитие» [3].

Соединив понятия *развитие*, *совершенствование* с понятием *прогресса*, А.Г. Брикнер рассматривает историческую науку как всеобъемлющую научную область, сфокусированную в своем познавательном интересе на многообразии сторон и форм развития. Среди этих форм важнейшая роль принадлежит *истории идей*, в структуре которой – *история исторических идей = история истории = история исторической науки*, по терминологии А.Г. Брикнера. Функциональное предназначение этой области исторического знания не только в собственной значимости изучения определенной сферы (интеллектуальной – умственного развития) исторического процесса, но в реализации самопознания (самоанализа) родовой исторической науки, способствующего ее самоидентификации.

Терминология, используемая А.Г. Брикнером, характерная для его времени (1860-е годы) – эпохи незавершенности процесса институционализации и дисциплинаризации исторической науки, начального этапа в поисках научного лексикона, формирования категориального аппарата, – поражает глубиной содержания и точностью избранных понятий, утвердившихся в инструментарии исследователей значительно позже и имеющих широкое применение в наше время.

Концепция *истории исторической науки*, предложенная А.Г. Брикнером, включает образ новой науки – *истории истории*, которая предстает в качестве цельного блока историко-научного знания, с широчайшим проблемным полем (многие проблемные линии, намеченные ученым, далеко еще не реализованы в

[1] Там же. С.16.

[2] В современной западной историографии только в 2000-е гг. получают все большее распространение идеи об изучении интеллектуального процесса во взаимосвязи с социокультурным. См.: *Репина Л.П.* Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2013. С.8-10.

[3] *Брикнер А.Г.* О главных задачах исторической науки // Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. Одесса, 1868. С.17.

историографической практике сегодняшнего дня либо делают первые исследовательские шаги), неразрывно связанного с *теорией истории*, *общей историей науки*, *интеллектуальной историей* (историей идей) и *источниковедением*.

Анализируя мысли, высказанные А.Г. Брикнером в 60-е годы XIX века в отношении стратегии историографических исследований, невольно вспоминаешь замечание Л.П. Репиной по поводу программы изучения истории идей А. Лавджоя[1]: «невостребованность» и «незамеченность», вероятно, в некотором роде – эпифеномены отнюдь не линеарного процесса «накопления знаний».

А.Г. Брикнер и источниковедение

Среди важнейших параметров дисциплинаризации научного знания – появление его *имени*, которое выступает институциональным маркером – одним из показателей социализации нового когнитивного образования[2].

В Дерптском университете (1872-1891) А.Г. Брикнер продолжил чтение теоретических дисциплин: «Теория истории», «Обозрение исторической литературы России», «История истории России» и др.[3] Осмысление проблем исторической критики, анализ литературы по разработке русской истории заставили ученого сконцентрировать внимание на источниковедческих аспектах исследовательской практики, что неизбежно привело его к пониманию необходимости терминологически обозначить новый раздел в познавательной деятельности историков.

Вопрос о поисках «имени» нового направления в области работы с источниками, пожалуй, первой поставила Р.А. Киреева. Анализируя научную терминологию XIX в. и практику применения различных понятий, она констатировала неразработанность вопроса о дисциплинарном наименовании источниковедения: «…в научной литературе этот нюанс до сих пор не учитывался»[4].

С тех пор проблема дисциплинаризации источниковедения и появления дисциплинарного самоназвания получила некоторое освещение в современной историографии. Так, И.М. Гарскова и В.И. Дурновцев считают, что «рождение» нового понятия – наименования формирующейся дисциплины – «связано, скорее всего, с именем профессора Дерптского университета А.Г. Брикне-

---

[1] См.: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XX1 вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.330.

[2] Речь в данном случае не идет о процессе и этапах дисциплинаризации источниковедения, а также о смысловом насыщении термина-имени: по мере «когнитивного расширения» формируется и эволюционирует дисциплинарная матрица.

[3] См.: Обозрение преподавания наук в Императорском Дерптском университете за 1881-1888 гг. и др.

[4] *Киреева Р.А*. К.Н.Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины Х1Х в. М., 1990. С.86.

ра»[1]: отдавая должное работе К.Н. Бестужева-Рюмина по анализу источников русской истории[2], подчеркивая его роль как автора первого труда по этой теме, А.Г. Брикнер употребил формулу *источниковедение русской истории*[3].

В отношении «родоначальника» нового термина еще много спорного. Рассматривая вопрос о «первенстве», ученые называют ряд имен: среди них – А. Шлецер (1768), А.А. Куник (1841), М.Н. Петров (1861), К.Н. Бестужев-Рюмин (1872). Однако у А. Шлецера в работе «Probe russischen Annalen» (Bremen; Göättingen, 1768)[4] речь идет об *источниках* русской истории: «…за летописями остается честь быть единственным главным источником русской истории»[5], при этом слово *источник* автор определял термином *quelle.*

М.Ф. Румянцева (вслед за О.В. Семерицкой) считает, что «В 1841 г. А.А. Куник впервые в российской исторической науке употребил термин «источниковедение», заимствовав его из немецкой историографии»[6] (Quellenkunde).

М.Н. Петров и К.Н. Бестужев-Рюмин переводили термин «Quellenqunde», получивший распространение в немецкой научной литературе, как «критическое изучение источников национальной истории»[7]. Возможно, подобный перевод, а также выделение К.Н. Бестужевым-Рюминым темы «Историческая критика» во Введении к первому тому «Русской истории» способствовало распространению понятия «историческая критика /источников/», во всяком

---

[1] *Гарскова И.М., Дурновцев В.И.* (Москва) Отечественное историческое источниковедение: заметки «о старом и новом» // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII Международной научной конференции, Москва, 9-11 апреля 2015 г. / редкол.: Ю.Э.Шустова (отв. ред.) и др. М., 2015. С.15.

[2] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб., 1872-1875. Т.1-П и др.

[3] *Брикнер А.Г.* Об учебных пособиях при изучении истории России // ЖМНП. 1876. № 7. С. 7. См. также: *Беленький И.Л.* Источниковедение историческое // Источниковедение. Проблемные лекции. М., 2005. С. 100-112.

[4] Переводят эту работу по-разному: «Опыт русского летописания», «Опыт анализа русских летописей», «Опыт изучения русской летописи».

[5] *Schlözer A.L.* Probe russischen Annalen» (Bremen; Göättingen, 1768. S.179. Цит. по: *Проншетейн А.П.* Источниковедение в России. Эпоха феодализма. Ростов-на-Дону, 1989. С.128, 377.

[6] См.: *Румянцева М.Ф.* Источниковедение и историография в структуре исторической науки: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2014. Вип. 13. С.103; *Семерицкая О.В.* Журнальный «текст-источник» в историографии и наукотворчестве // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX международной научной конференции. Москва, 31 янв. - 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. Часть 2. М., 2008. С. 581–584.

[7] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Т.1. СПб., 1872. С. 12. *Гарскова И.М., Дурновцев В.И.* (Москва) Отечественное историческое источниковедение: заметки «о старом и новом» // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII Международной научной конференции, Москва, 9-11 апреля 2015 г. / редкол.: Ю.Э.Шустова (отв. ред.) и др. Москва, 2015. С.15.

случае, этой формулой российские историки пользовались достаточно долго[1]. У К.Н. Бестужева-Рюмина читаем: «Путь, которым определяется достоверность источника, называется *исторической критикой*»[2].

Для В.О. Ключевского, который много заимствовал у К.Н. Бестужева-Рюмина, *историческая критика* – «… предварительная очистка исторического источника от портящих его примесей с целью сделать его годным к научному употреблению <…> это, собственно, не особая вспомогательная наука истории, а скорее общая методика обработки исторических источников. Область исторической критики определяется кругом вспомогательных наук»[3].

Поиск наименования новой области знания (тем более на ранних стадиях ее институционализации) всегда противоречив, многообразен и занимает подчас длительный период времени. Так было с поиском имени для дисциплины «историография»[4], аналогично обстояло и с утверждением самоназвания «источниковедение». В XIX веке в термин *археология*, например, как «учения о древностях», включался в обязательном порядке анализ источников. Для русистов было практически правилом использовать формулу *источники русской истории* (Н.И. Костомаров, И.В. Лашнюков, В.С. Иконников, Ф.Я. Фортинский и др.). В.О. Ключевский свой университетский курс по источниковедению также назвал «Источники русской истории».

Вполне вероятно, что именно А.Г. Брикнеру принадлежит заслуга введения нового понятия на *русском* языке и применительно к *сфере* изучения источников *русской* истории[5].

А.Г. Брикнер не только сам много сделал для практического источниковедения (опубликовал и ввел в научный оборот новые, неизвестные ранее источники)[6], но и представил программу подготовки фундаментального многотомного пособия по источниковедению русской истории. Концепция пособия включала не только обзор отдельных видов источников и их классификацию, но *общее источниковедение русской истории*, которое должно было стать, по мнению автора, содержанием «последнего и чуть ли не самого важного тома

[1] *Георгиева Н.Г.* Историческое источниковедение: теоретические проблемы. Учебник. М., 2015. URL: https://books.google.ru/books?isbn=5392189407

[2] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Т.1. Введение. СПб., 1872. С.10.

[3] *Ключевский В.О.* Источниковедение. Источники русской истории. Лекция 1 // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.УП. Специальные курсы (продолжение) / Под ред. В.Л. Янина; послесл. и коммент. составили Р.А. Киреева, В.А. Александров и В.Г. Зимина. М., 1989. С.7, 406.

[4] См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С.150-191.

[5] В исторической науке есть только два знака препинания: *вопрос* и *многоточие*. Если кто-то отважится ставить *точку*, то в перспективе нет никакой гарантии, что новые открытия не опровергнут прежнее, казалось бы окончательное, утверждение.

[6] См., например: «Материалы для жизнеописания графа Н.П. Панина» (Ч. I – VII, СПб., 1888 - 1892), «Об издании дневника Храповицкого» (Дерпт, 1876) и др.

источниковедения», включив свод всех источников «по эпохам русской истории» и «по отдельным предметам»[1].

Дисциплина источниковедение – специфика российской исторической науки; ее возникновение было тесно связано с исследовательской практикой, с появлением и развитием корпуса вспомогательных исторических дисциплин, с развитием исторической критики источников и в целом – рефлексивного ландшафта исторической науки (историей исторической науки, теорией и методологией истории) – важнейшего показателя институционализации и дисциплинаризации самой истории как науки.

К.Н. Бестужев-Рюмин, характеризуя состояние современной ему исторической науки (1850-е годы), пришел к выводу о том, что критическая разработка памятников «пока еще имеет вид предварительных заметок», которые «не собраны в одно целое»[2]. По сравнению с Западной Европой, где уже была проведена значительная работа над историческим материалом – многочисленные издание источников с комментариями, разработка критического метода и проч., в России такая работа, по мнению ученого, только начиналась: существующие издания памятников не вполне «удовлетворяют самым первым требованиям исторической критики»[3]. При этом опыт западноевропейской науки не всегда мог быть заимствован историками, обратившимися к отечественной истории.

О.М. Медушевская отметила, что В.О. Ключевский одним из первых указал на специфику «информационного пространства двух культурных ареалов» – российского и западноевропейского[4]. Этот факт позволил ученому сделать вывод и о специфике формирования самой исторической науки в России и на Западе[5]. Собственно, речь у В.О. Ключевского шла об *исторической критике*, которая для него выступала не просто «вспомогательной наукой», но содержанием *научного изучения истории*: «Наша историография, – по мнению ученого, – еще надолго должна оставаться преимущественно исторической критикой»[6].

---

[1] *Брикнер А.Г.* Об учебных пособиях при изучении истории России. // ЖМНП. 1876. № 7. С.12.

[2] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Современное состояние русской истории, как науки // Московское обозрение. 1859. Кн.1. С.57.

[3] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Рец. на кн.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.1-9. М., 1852-1859; Т.10. СПб., 1860 // Отечественные записки. 1860. Т.32. № 9. С.13-15.

[4] *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С.169-170.

[5] См.: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С.187; *Она же.* Историография в контексте дисциплинарных традиций // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2011. С.485-486.

[6] *Ключевский В.О.* Источниковедение. Источники русской истории. Лекция 1 // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.УП. Специальные курсы (продолжение) / Под ред. В.Л. Янина; послесл. и коммент. составили Р.А. Киреева, В.А. Александров и В.Г. Зимина. М., 1989. С.7.

Историческая критика, включающая *критику текстов*, передающих исторические факты, и *критику фактов* [курсив: В.О. Ключевский. – Т.П.], воспроизводимых текстами, должна формироваться, считал В.О. Ключевский, в зависимости от специфики материала, с которым работает историк, изучающий национальную историю – *местную историю* [курсив мой. – Т.П.] Франции, России и проч**.** Специфика источников по «местной», по сути – национальной истории, требующая и специфику методов, приемов их обработки, обусловливает местные особенности исторической критики, в связи с чем, заключал В.О. Ключевский, «…может быть особая, *местная историческая критика* [курсив мой. – Т.П.], например, французская, русская…» [1].

Западная наука начиналась, по его мнению, с работы «над источниками истории античного мира» – «почти исключительно» литературными памятниками, произведениями «личного творчества»; соответственно вырабатывались и доведенные «до педантизма твердые приемы» исторической критики. Источники русской истории [так же, как и украинской. – Т.П.] – преимущественно летописи и акты, которые в значительной мере «писания без писателей», «*безличные* произведения письменности» [курсив: В.О. Ключевский. – Т.П.]: их изучение обусловило и появление несколько иных «критических приемов»[2]. Таким образом, В.О. Ключевский настаивал на том, что местные особенности исторической критики напрямую связаны «со свойством исторических источников», которые «не везде однородны»[3].

Практическая работа с источниками по изучению русской истории с их спецификой потребовала от ученых-русистов создать *местную историческую критику*, которая заняла самостоятельную нишу в структуре российской исторической науки и постепенно трансформировалась в особую дисциплину – *историческое источниковедение*.

В российских университетах в начале XX в. источниковедческие курсы под разными названиями читались практически во всех университетских центрах. В Новороссийском университете чтение теоретико-методологических курсов имело достаточно широкую практику[4]. Источниковедческим по характеру был курс А.Г. Брикнера «Историческая критика». Его традицию чтения лекций и проведения практических занятий продолжили другие преподаватели русской и всеобщей истории. Источниковедческого плана лекции «Обзор важнейших источников

---

[1] Там же. С.8.

[2] Там же. С.7-9.

[3] Там же. С.8.

[4] См. подробнее: *Киреева Р.А.* К.Н.Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины Х1Х в. М., 1990. С.103-108; *Грєбцова І.С.* Викладання російської історії в Новоросійському університеті // Записки історичного факультету. Вип. 16. Одеса, 2005. С.342-351; *Попова Т.Н.* К вопросу о дисциплинарной истории историографии (на материалах Новороссийского университета) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2010. Вып.12. С.174-187 и др.

и пособий для знакомства с русской историей», «Чтение и разъяснение источников по древней русской истории» и т.п. (Г.И. Перетяткович), «Обзор повествовательных сочинений Юго-Западной России XVI-XVIII вв.», «Чтение с комментарием повествовательных сочинений Юго-Западной России XVI-XVIII вв.» (А.И. Маркевич), «Царствование Ивана Грозного. Обзор источников и литературы эпохи» (А.Е. Белюгов), а также обязательное проведение практических занятий как дополнение к основному курсу – общему или специальному – было характерно для педагогической деятельности И.А. Линниченко, Е.П. Трифильева, П.А. Иванова и других представителей кафедры русской истории. «Всеобщники» – Ф.И. Успенский, Е.Н. Щепкин, П.М. Бицилли и др. – также имели обязательные курсы источниковедческого плана. В.Э. Крусман, например, читал «Систематическое источниковедение по новой истории», а на практических занятиях приобщал студентов к анализу различных видов исторических источников: мемуарной литературы XVI-XIX веков, газетных изданий Франции и Германии XVII-XVIII веков, историко-политических трактатов эпохи Возрождения и Просвещения[1] и др.

На специфику дисциплинарных традиций в области источниковедческой практики в России и на Западе указывают и современные авторы: дисциплинарного оформления источниковедения в западной науке не произошло – вопросы работы с источниками «растворились» в общих проблемах методологии истории и были включены в образовательную (пропедевтическую) и конкретно-историческую практику; что касается терминологии, то «западным эквивалентом» дисциплине «Источниковедение» в традициях «русской/советской/российской историографии» выступают понятия «Sources history» (англ.), «Historique des sources» (фр.), «Quellen Geschichte» (нем.)[2].

Вместо выводов: штрихи

1. Дисциплинаризация новых областей исторического знания происходила в формировании единства двух ликов дисциплины – дидактического (учебного) и исследовательского (собственно научного), с выдвижением на первый план того или иного лика в зависимости от уровня и специфики институциональных процессов. «Университетская наука» XIX в., для которой было

[1] См. подробнее: *Попова Т.Н.* В.Э. Крусман в Одессе (К 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2014. Вып. 16. С.133-147. Заметим, что термин *источниковедение* в начале XX в. уже «покрывает» не просто этап исследовательской работы с источниками, как это воспринималось большинством историков в XIX в., а учебную дисциплину и «особый отдел исторической науки» (Н.И.Кареев).

[2] *Гарскова И.М., Дурновцев В.И.* (Москва) Отечественное историческое источниковедение: заметки «о старом и новом» // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII Международной научной конференции, Москва, 9-11 апреля 2015 г. / редкол.: Ю.Э. Шустова (отв. ред.) и др. М., 2015.С.20; *Соколов А.К.* Введение // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004.С. 59.

характерно то, что «научный лик» выступал в качестве эпифеномена учебно-преподавательской деятельности ученых – университетской профессуры, во многом детерминировала складывание дисциплинарной организации науки.

2. В российской науке рефлексивное поле *отечественной истории* как дисциплины получило более четкую конфигурацию. Среди причин – потребности в создании *собственных* исследовательских приемов, в систематизации *собственного* источниковедческого массива и проч. А.Г. Брикнер, прекрасный знаток не только западноевропейской истории, но ставший блистательным русистом, прекрасно владевшим русским языком, в отличие от многих специалистов по русской истории более глубоко знал различия в научных традициях Европы и России, в специфике источниковедческого корпуса двух научных пространств. Отсюда данное им название – *источниковедение русской истории.* Одновременно *историография* как *история истории* стала необходимым «приемом» в осмыслении эволюции исследовательских методов и накопленного предшествующими поколениями ученых (в первую очередь – русистов) опыта. Не стоит забывать и о библиографическом работе, с которой, собственно, начиналось и источниковедение («Quellenqunde» в немецких университетах) и во многом – историография.

3. Специфика российской университетской системы, с ее более регламентированным подходом к дисциплинарной системе обучения, с единой практикой университетской жизни в Российской империи, общими нормативами, способствовала тому, что «всеобщники», которые в большей мере тяготели к университетскому опыту Запада, стали ориентироваться на опыт русистов. В начале XX в. сложился единый университетский канон подготовки историков: курсы по источниковедению, историографии, методологии истории, вспомогательным историческим дисциплинам и проч. вошли в повседневную практику «отечественников», «всеобщников» и представителей других разделов науки. Исследовательская ипостась рефлексивных дисциплин одновременно получила новый импульс.

4. Р.А. Киреева справедливо подчеркнула: «… сильная сторона научного метода Бестужева-Рюмина состояла в соединении источниковедческого и историографического анализов, и это было его бесспорным завоеванием».[1] А.Г. Брикнер, констатируя в 1860-е гг. незавершенность процесса «превращения» истории в *науку* и выделяя первостепенные задачи для того, чтобы историческая наука все-таки состоялась, также соединил источниковедческие и историографические проблемы: решение вопросов классификации «исторического материала», создание «правил» для работы с различного вида источниками и изучение *истории* «приемов исторической науки по настоящее время»[2].

---

[1] *Киреева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С.80.

[2] *Брикнер А.Г.* О главных задачах исторической науки // Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. Одесса, 1868. С.9-10.

Восприятие историками XIX в. синтеза источниковедческо-историографических компонентов в историческом исследовании[1] отражало общую тенденцию начальных этапов формирования рефлексивного поля исторического знания – относительную нерасчленнность его составляющих. «Процесс вычленения» рефлексивных ветвей «из недр» исторического знания, «разделение функций» историографии, источниковедения и исторической библиографии – «определенная ступень» в их развитии[2], приведшая в итоге к формированию самостоятельных научных дисциплин «в полной мере – только в специфическом советском контексте»[3].

5. Сегодня в развитии рефлексивного пространства исторической науки характерны противоречивые явления: на когнитивном уровне происходит сближение теоретико-методологических и источниковедческо-историографических составляющих исторического знания, на инфраструктурном – сохраняет свои позиции дисциплинарная организация науки. Столкновение традиций в современном дисциплинарном мире, его модификации, неоднозначность, противоречивость и отсутствие достаточно ясной картины самого дисциплинарного процесса заставляют обращаться к его истокам и творчеству тех ученых, кто закладывал основы дисциплинарности двух важнейших ветвей исторического знания – историографии и источниковедения.

[1] Не исключая библиографию (подчас зарождающееся историографическое направление в исторической науке называли «библиографическим направлением») и методологию.

[2] *Киреева Р.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины X1X в. до 1917 г. М., 1983. С.207

[3] Источниковедение: учеб. пособие / И.Н.Данилевский, Д.А.Добровольский, Р.Б.Казаков и др.; отв.ред. М. Ф.Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с. URL: http://www.hse.ru/pubs/share/direct/demo_document/148655046

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ МАРКЕВИЧ: ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО

Человек не равен своей биографии…

Алексей Иванович Маркевич

Новороссийский университет, считавшийся провинциальным на фоне столичных – Петербургского и Московского – со дня своего основания и до времени упразднения (1865-1920), тем не менее пополнил историографический пантеон учеными разного «калибра». Одни стали «классиками» еще при жизни и оставались таковыми в последующей литературной традиции (В.И. Григорович, Ф.И. Успенский, Н.П. Кондаков, Э.Р. Штерн и проч.); другие, малоизвестные в пору своего бытия, вдруг ворвались в мировое научное пространство в последние лет тридцать, заявив о своей принадлежности к великому наследию прошлого (П.М. Бицилли); третьи, весьма почитаемые современниками, позднее канули в полосу забвения, либо претерпели метаморфозы своего образа в интерпретациях разных эпох (И.А. Линниченко, Е.Н. Щепкин); четвертые, не столь известные при жизни, были незаслуженно забыты практически до сего дня (В.Э. Крусман), пятые, рядовые на поприще исторической науки, прошли серой тенью через все времена (Е.П. Трифильев)[1]. Конечно, это разделение весьма условно, и трудно определиться с «нишами» для всех, кто служил в Новороссийском университете.

Фокус нашего интереса направлен на «повороты» и «вызовы» судьбы, повлиявшие в той или иной мере на формирование личности, проекция которой на творчество конкретного ученого обусловила и характер индивидуального почерка, и доминантную тематику исследований, и репутацию в науке – прижизненную и «в скрижалях» истории.

«Герой» этой биоисториографической анатомии – профессор Новороссийского университета ***Алексей Иванович Маркевич*** (1847-1903), представлявший 15 лет кафедру русской истории историко-филологического факультета и прошедший путь от приват-доцента (1880) до ординарного профессора (1893).

[1] См.: Історія Одеського університету (1865-2000) / Гол. ред. В.А.Сминтина. Одеса, 2000; Одеський національний університет імені І. І. Мечникова (1865–2015): історія та сучасність / гол. ред. І. М. Коваль. Одеса, 2015; Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Тт. 1-4. Одеса, 2000; Одеські історики. Том.1. Енциклопедичне видання. Одеса, 2009 и др.

24 декабря 1895 А.И. Маркевич (далее – А.И.) был уволен «от службы согласно прошению»[1]. Этот официозно-фразеологический камуфляж скрывал истинную причину отставки: возбуждение криминально-политического дела. А.И. обвинили в «неблагонадежности» и нарушение таможенных норм: ученый провез из Австро-Венгрии в Российскую империю нелегальную литературу, а позже, в процессе прокурорского дознания, в его обширной домашней библиотеке были обнаружены книги и журналы, запрещенные цензурой. А.И. грозил арест, но вмешательство высокопоставленных родственников и друзей привело к тому, что «дело замяли». Мало того, А.И. была назначена пенсия в размере оклада ординарного профессора и предоставлено право ношения соответствующего мундира. Однако в главном, что составляло призвание этого человека, А.И. было отказано: ученый навсегда лишался возможности преподавать в университете[2].

Трагический «эпизод» в судьбе А.И., приведший к его отставке из Новороссийского университета, существенно не повлиял на его научную репутацию и положение в научном сообществе. А.И. оставался действительным членом многих научных обществ: Одесского общества истории и древностей, Историко-филологического общества при Новороссийском университете, Исторического общества при Санкт-Петербургском университета, Общества Нестора-летописца при университете Св. Владимира, Научного общества имени Т.Г. Шевченко, Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии и др.; действительным членом архивных ученых комиссий – Таврической, Нижегородской, Костромской, Воронежской; участником X съезда русских естествоиспытателей и врачей (Киев, 1898); постоянно публиковался в журналах «Киевская старина», изданиях научных обществ, в «Журнале министерства народного просвещения» и проч. Особое место в деятельности А.И. занимали Археологические съезды: он был участником П-1У (Санкт-Петербург, 1871; Киев, 1874; Казань, 1877) и VI-XII (Одесса, 1884; Ярославль, 1887; Москва, 1890; Вильно, 1893; Рига, 1896; Киев, 1899; Харьков, 1902) съездов, представляя на них Новороссийский университет, Одесское общество истории и древностей, Таврическую архивную комиссию. В постуниверситетский период А.И. избирают действительным членом Императорского Русского археологического общества (1896), Екатеринославской губернской архивной комиссии (1903), отмечая «великие заслуги в деле изучения Южной России»[3]; более 200 его работ появляются в центральных и региональных изданиях.

Невероятную активность в последние годы жизни приобретает просветительская деятельность ученого. По отзывам современников, мало кто из из-

[1] Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 45. Оп. 8. Д. 16. Л. 4-6, 68 -71,131-133; Ф.150. Оп.1. Д.17. Л.77-71 об.

[2] ГАОО. Ф.150. Оп.1. Д.17. Л. 42-43, 77; Д.133. Л. 1-1 об.

[3] ГАОО. Ф.150. Оп.1.Д.125. Л. 11-12, 16.

вестных ораторов в Одессе мог сравниться с А.И. в лекторском мастерстве[1]. В глазах своих почитателей А.И. был не просто профессор-лектор, но «целый подвижной университет»[2]: «… огромная память, большая эрудиция, находчивость в подыскании предмета, живость и подчас остроумное изложение – таковы были свойства его таланта, привлекавшие слушателей»[3].

Одновременно А.И. состоял на государственной службе: по Императорскому Человеколюбивому обществу в звании почетного попечителя Одесского женского благотворительного общества и по министерству юстиции в звании почетного мирового судьи г.Одессы; получил чин действительного статского советника (равный по званию генерал-майору); активно работал в Одесском биржевом комитете, был секретарем ревизионной комиссии по богоугодным заведениям Херсонского губернского земства, председателем Комиссии по переработке устава Одесского городского педагогического музея, занимался организацией архивных учреждений в Одессе и проч.

Современники, друзья и коллеги А.И., единодушно отмечали его плодотворную работу в различных обществах и организациях. Ярким показателем того авторитета, который заслужил ученый своей научной и общественной деятельностью, стала церемония его похорон 7 июня 1903 г. Телеграммы и письма с выражением соболезнования поступили от российских и украинских научных обществ, университетов, ведущих представителей исторической науки: П.С. Уваровой, В.С. Иконникова, М.С. Грушевского, С.И. Иловайского и проч.; венки возложили А.Л. Бертье-Делагард, Э.Р. фон-Штерн, Л.Н. Рубинштейн (известный одесский адвокат, из семьи которого вышли четыре доктора наук, в том числе – С.Л. Рубинштейн и Н.Л. Рубинштейн) и др. А.И. хоронила вся Одесса без разделения на национальности и социальный статус: представители городских властей, общественных организаций, учебных заведений, ученые, коллеги, студенты, рабочие одесских железнодорожных мастерских траурной колонной прошли по улицам города. Многочисленные некрологи свидетельствовали о высокой оценке, которую давали А.И. как ученому, педагогу, общественному деятелю и человеку: «замечательный знаток русской истории», «усердный работник на почве народного просвещения», «великолепный лектор»[4] .

Даже с учетом «некрологической панегирики» следует признать, что А.И.

---

[1] *Дорошевич В.М.* Собрание сочинений. Т.4. Литераторы и общественные деятели. М., 1905. С.97.

[2] *Линниченко И.А.* А.И.Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов. Одесса, 1904. С.20-21.

[3] *Афанасьев Г.* На могилу А.И.Маркевича // Одесский листок.1903.10 июня.

[4] Некрологические заметки // Отчет Императорского Новороссийского университета за 1903 год. Одесса, 1904. С.13; *Иловайский С.* Маркевич А.И.: Некролог // Записки Крымского горного клуба. 1903. № 7. С.3-7; *Рудаков В.Е.* Ал. Ив. Маркевич: некролог // Исторический вестник. 1903. Т. 93, сентябрь. С. 964-970; Похороны А.И. Маркевича // Одесские новости. 1903. 8 июня; Алексей Иванович Маркевич // Южное обозрение.1903. 6 июля и др.

оставил достаточно объемное научное наследие. С 1874 по 1903 год – практически за 30 лет – им было опубликовано около 400 работ[1], из них 6 монографий (включая курсы лекций) и свыше 20 крупных исследований. Условно весь период публикаторской деятельности можно разделить на «предуниверситетский» (1874-1879), «университетский» (1880-1895) и «постуниверситетский» (1896-1903). Наиболее плодотворным стал университетский период: за эти годы вышло 160 работ, из них – 4 монографии («О летописях», 1883; «История местничества в Московском государстве в XV-XVII вв.», 1888.; «Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: Историческая записка и академические списки», 1890; «Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII в.», 1895) и 16 крупных исследований («О русских летописях», выпуск 2, 1885; «Марковичи», 1890; «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова», 1891; «Описание актов, принадлежащих гр. М.М. Толстому», 1891; «Торговля и промышленность», 1894; «Город Качибей или Гаджибей – предшественник Одессы», 1894) и др.

Однако в отличие от корифеев историографии XIX ст. А.И. не создал многотомных сочинений концептуально-значимого характера. В его творчестве доминировали т.н. «малые формы»: популярные лекции, речи, рецензии, воспоминания, разведки, заметки, публикации и проч. По дисциплинарно-проблемному принципу в исследованиях А.И. можно выделить несколько срезов: всеобщая история, история России, история славян, история Украины, история Одессы и Новороссийского края и др. – первый; историография и источниковедение, биографистика и библиография, археография, этнография, генеалогия, дипломатика, историческая география и др. – второй; история образования и научных учреждений, история украинской и русской литературы, история казачества, экономическая история и проч. – третий и отнюдь не последний срез его деятельности на поприще исторической науки. Это многообразие жанров и тематики – достоинство, свидетельствующее о широте творческого диапазона ученого, и в то же время – об его уязвимости.

Практически все близкие А.И. люди отмечали его невероятную одаренность: огромную работоспособность, исключительную память, широчайшую эрудицию, быстроту реакции, способность одновременно заниматься разными видами деятельности, ораторское искусство, оригинальность и искрометность суждений. Г.Е. Афанасьев, коллега А.И. по университету, известный специалист по истории Франции XVIII в., вспоминал: «На моих глазах он написал

[1] Библиографический указатель, посвященный А.И.Маркевичу, включает 408 позиций. Однако следует учитывать два обстоятельства: по мнению авторов, данный указатель нельзя считать исчерпывающе полным, возможна вероятность обнаружения новых публикаций А.И., в первую очередь - его публичных выступлений и статей в прессе; цифра 408 означает лишь количество публикаций, но не наименований работ, которые часто выходили в разных изданиях повторно. См.: Маркевич Алексей Иванович (1847-1903): Биобиблиографический указатель / Сост.: *В.В.Самодурова, И.В.Максименко*; Науч. ред., автор вступ. ст. *Т.Н. Попова.* Одесса, 1997. 150 с.

доклад в 20 страниц, в котором нужно было обдумывать каждое слово, продолжая разговаривать со мной и слушать музыку жены»[1].

Жизненная наполненность А.И., доброта, безотказность в просьбах кому бы то ни было («Слабость проклятая – неумение отказывать», – говорил он сам о себе с обычным добродушным юмором), привычка скрупулезно относиться к своим многочисленным общественным обязанностям, бесспорно, отвлекали его от научной работы, которая требовала самоотверженности и самоотдачи. А.И. напоминал сторуких языческих божков, пытаясь вместить в краткий отрезок человеческой жизни безмерность своих интересов. Возможно, именно поэтому его деятельность во всех сферах – научной и общественной – отличалась, как очень точно заметил друг и коллега А.И., профессор Новороссийского университета И.А. Линниченко, в большей степени экстенсивным характером, ей недоставало глубины и основательности [2].

Сам А.И., со свойственной ему скромностью и критичностью в оценке собственных знаний и трудов, признавался в том, что в его сочинениях «мало школы». Его работам действительно недоставало системности и «академической шлифовки», завершенности форм и мыслей. И если в лекциях – в разговорной речи – «шероховатость» изложения компенсировалась ораторским даром, то в печатных трудах этот недостаток приводил к тому, что практически все рецензенты и критики называли – «многословностью» и «неудобочитаемостью». Наиболее значительные труды А.И. – его монографии по истории и историографии местничества, которые стали основой магистерской и докторской диссертаций, имели значительный объем даже по канонам историописания XIX в. Рецензенты ведущих исследований А.И. упрекали его в том, что текст более напоминает черновой вариант, нежели завершенное научное сочинение[3].

Несмотря на весьма жесткую оценку монографий А.И., его репутация в научном мире была достаточно высокой. Об этом свидетельствует хотя бы факт переписки С.Ф. Платонова и П.Н. Милюкова. С.Ф. Платонов, человек закрытый, сдержанно и даже с определенным скепсисом относившийся к импульсивности и сверх-общительности А.И.[4], тем не менее в письме к П.Н. Милюкову (от 24 января 1891 г.; А.И. в это время еще не был ординарным профессором, хотя защитил докторскую диссертацию) пишет: «Сообщу Вам по секрету: А.И. Маркевич <…> не усомнился бы сделать попытку признать Вашу рабо-

---

[1] ГАОО. Ф. 157. Оп. 1 . Д. 108. Л. 6 - 6 об.

[2] *Линниченко И.А.* А.И.Маркевич. Биографические воспоминания // Речи и поминки: Сборник статей по истории русской литературы и биографические воспоминания. Одесса, 1914. С.222.

[3] Критическое обозрение. 1879. № 21. С.24-29; Историческая библиотека. 1880. № 1. С.6-8; Киевская старина. 1883. Т.6. № 8. С.745,748; Русская мысль. 1888, июль. С.337-339.

[4] Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / Под ред. проф. *В.П. Корзун*. Омск, 2003. С.238.

ту докторской, если бы она была подана в Одессу»[1]. Ответ П.Н. Милюкова: «Очень мне было лестно прочитать в Вашем письме, что <…> Маркевич готов сделать меня доктором…»[2]. Речь шла об известных претензиях П.Н. Милюкова придать его магистерской диссертации статус докторской. И хотя легкая ирония присутствует у обоих историков, фигура А.И. признается вполне авторитетной для научной оценки.

Коллеги по ученому цеху дарили А.И. свои работы, и его рецензии на эти работы (около 50) публиковались в престижных научных изданиях. Среди авторов книг, на которые давал рецензии А.И. Маркевич, – его учителя, известные ученые России и Украины: Ф.И. Леонтович, Ф.И. Успенский, М.Г. Попруженко, В.Г. Васильевский, В.Г. Дружинин, И.А. Шляпкин, А.М. Лазаревский, Арс.И. Маркевич, В.П. Горленко, Н.Н. Оглоблин, Н.Д. Чечулин и многие другие.

Бесспорно, и М.С. Грушевский, упрекавший А.И. за множество «дрібниць» (мелочей), и И.А. Линниченко, считавший, что А.И. в исторической науке взял на себя роль «только рассказчика и библиографа», по-своему были правы. Публичные выступления стали формой проявления богатой творческой натуры А.И. – формой его любви к людям, к общению. «Популяризатор в душе», А.И. стремился к народной аудитории, «…просвещение широких масс манило его», – отмечал Г.Е. Афанасьев[3]. Обладая прекрасной памятью, невероятной эрудицией, ораторским даром, А.И. Маркевич мог практически без подготовки прочесть лекцию на любую тему из области истории и литературы. Его успеху у слушателей способствовали и внешние данные: массивная фигура (уже с молодых лет), крутой, высокий лоб, роскошная шевелюра, громкий отчетливый голос, эмоциональная, свободная речь. Живость, остроумие и доброжелательность в общении привлекало к нему обожавших его слушателей и завораживало любую аудиторию[4]. «Редкий библиофил, обладавший громадной памятью, – писал об А.И. его однофамилец и друг Арсений Иванович Маркевич, глава Таврической ученой архивной комиссии (с 1908 г.), – он представлял неисчерпаемый источник сведений, указаний, которыми… охотно делился со всеми»[5].

Судьба и личность

А.И. – человек общительный, с живым темпераментом, высоким жизненным тонусом и одновременно отличающийся добросердечием и мягкостью

[1] Там же. С.244.

[2] Там же. С.90.

[3] ГАОО. Ф. 157. Оп. 1 . Д. 108. Л. 6 об.

[4] *Линниченко И.А.* А.И.Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов. Одесса, 1904. С. 3-4, 8-10.

[5] *Маркевич Арс. И.* Памяти А.И.Маркевича // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1903. № 35. С.27.

(натура, безусловно, более склонная к экстраверсии, напоминающая гипертимно-эмотивный тип по К. Леонгарду), получил, вероятно, многие из этих черт «по-наследству»[1].

А.И. – малороссиянин по паспорту, из старинного рода Марковичей-Маркевичей, прилуцкой его ветви. Среди представителей этого знаменитого шляхетского фамильного клана много ярких, незаурядных личностей, известных своей деятельностью на государственном, общественном, научном и культурном поприще. А.И. гордился своими предками и создал собственную версию истории рода[2].

Истоки формирования личности А.И., конечно, в детстве. Его отец – Иван Петрович (1819-1854), корнет в отставке, служивший в знаменитом Ахтырском гусарском полку и обладавший, вероятно, достаточно пылкой натурой, в значительной в мере расстроил родовое имущество. Однако детство А.И. – обычного барчука из семьи мелкопоместного украинского дворянства – прошло в родовом имении в селе Смоши Прилуцкого района Полтавской губернии. Жизнь была размеренной, всей семьей ездили в гости, в имения к соседям и родственникам; рядом, в селе Туровка, проживал Н.А. Маркевич, известный историк, с которым отец А. И. был в дружеских отношениях[3]. Работая в конце своей жизни над биографией Н.И. Костомарова и описывая обстановку, в которой прошли детские годы будущего ученого (воспитание на природе в соответствии с заповедями Ж.-Ж. Руссо), А.И, возможно, вспоминал и свое детство.

Первоначальное образование А.И. получил домашнее: грамматика и русская литература, математика, история, французский язык. Первыми книгами (А.И. отличался ранним развитием и начал осваивать грамоту с трех лет) стали французские романы, в частности сочинения Поль-де-Кока (1794-1871), которые были известны во всей Европе и многократно переводились на русский язык. Наряду с ними маленький Маркевич читал произведения Н.И. Костомарова. В семье любили русскую поэзию: отрывки из поэм и стихов Д.В. Давыдова, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, К.Ф. Рылеева (поэма «Наливайко») и

[1] О биографии А.И. Маркевича см. работы автора: *Попова Т.Н.* М. Грушевський про О.Маркевича // Матеріали Всеукраінської науково-освітньої конференції «Історіографічна спадщина науки Історії України (погляд з кінця XX ст.)». Київ - Глухів, 1997**.** С.22-24; *Она же.* Алексей Иванович Маркевич: заметки к биоисториографическому этюду // Алексей Иванович Маркевич (1847-1903): Биобиблиографический указатель / Сост.: В.В. Самодурова, И.В. Максименко; Науч. ред и автор вступ. ст. Т.Н. Попова. Одесса, 1997. С.15-86; *Она же.* Алексей Маркевич // Історіографічні дослідження в Україні / Відп. ред. Ю.А. Пінчук; Ін-т історії України НАН України. Київ, 2003. Вип. 12: Визначні постаті української історіографії XIX - XX ст. С.113-151; *Она же.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С. 192-326 [Раздел 5. Алексей Иванович Маркевич: портрет в интерьере]; *Она же.* А.И. Маркевич о Новороссийском крае // Воронцовский сборник. Вып. 3. Сб. научных статей. Одесса, 2010. С.121-126 и др.

[2] *Маркевич А.И.* Марковичи. Киев, 1890. 55 с.

[3] ГАОО. Ф.150. Оп.1. Д. 5. Л. 14-23.

др. сохранились в детских тетрадях младшего поколения Маркевичей. Судя по этим фактам, особой системы в подборе литературы для чтения не было, хотя нельзя не признать, что с малых лет А.И. был знаком с лучшими поэтическими образцами русской литературы первой половины XIX в. Поэзия Дениса Давыдова, вероятно, имела и культовое значение, напоминая о принадлежности главы семейства к легендарному Ахтырскому полку. История «по-Костомарову» не могла не впечатлить маленького Маркевича.

Детский, отроческий и юношеский периоды в жизни А.И. можно условно определить по географическому принципу – месту пребывания нашего героя: «смошинский», «киевский» и «московский». Первый удар судьбы А.И. испытал в раннем детстве: в семь лет он остался круглым сиротой. Детская идиллия в «смошинские годы» сменилась «годами странствий». Ранние гимназические годы (середина-вторая половина 1850-х гг.) прошли в Киеве[1], однако, не завершив гимназический курс, А.И. подался в Москву. Детство и отрочество закончились слишком рано, еще не сформировавшимся юношей – беззащитным и материально не обеспеченным – А.И. вынужден был сам пробивать себе путь, вкусив все тяготы «хождения по мукам». «Московская юность» была насыщена поисками работы: приказчик перчаточного магазина, репетитор, актер. Богемная жизнь втянула в себя молодого человека, и только большие способности и исключительная «жизненная сила» способствовали тому, что Sturm und Drang Period в жизни А.И. не привел к печальному исходу. Возможно, тяга к образованию сыграла свою положительную роль: А.И. стал слушателем разных курсов, учился в школе межевых топографов Константиновского межевого института (1861) и, наконец, оказался вольнослушателем физико-математического факультета Московского университета.

«Образовательный период» будущего профессора Новороссийского университета пришелся на 1860-е годы – время бурное, неоднозначное. Вращаясь в радикальной московской студенческой среде, А. И. пытался следовать ее канонам. Подчас эти «каноны» приходили в противоречие с его личностными качествами и пристрастиями, и сквозь флер юношеского самообмана высвечивались сложные конфигурации его исканий. Столичное студенчество признавало «настоящими науками» только естественные, но А.И. тянет к гуманитарным наукам: он начинает посещать лекции профессоров-историков, в том числе – С.М. Соловьева. Презрение к метафизике и почитание принципов Огюста Конта способствовало тому, что раннее увлечение позитивизмом наложило свой отпечаток на последующее научное творчество А.И., но отнюдь не умалило его интереса к иным философским системам. Чтение художественной литературы считалось у студентов «бездельем», однако доскональное знание романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» было долгом каждого «мыслящего

[1] *Маркевич А. И.* Несколько слов о Н. Д. Богатинове // Русский архив. 1899. Кн.4. Вып. 12. С. 567-569.

реалиста». А.И. безумно любил читать и поглощал все, что попадалось в руки, но его юношеское мировоззрение формировал «Современник». Н.А. Некрасов навсегда остался любимым писателем, а критерием оценки всех литературных произведений для него стала категория «общественной пользы».

Очередной перелом в судьбе А.И. произошел в преддверии его двадцатилетия: он оставляет Москву и возвращается в места своего детства. К этому времени (1866 – 1867 гг.) определилось его материальное положение: А.И. получил наследство и благодаря обширным родственным связям в родных местах сразу же вошел в круг «золотой молодежи» провинциального высшего общества. Став завсегдатаем балов, «прожигая жизнь» на увеселениях, «мотаясь» на тройках по имениям местных помещиков, он все же не забывал о своем стремлении получить образование [1].

Выбор был сделан в пользу Юридического лицея князя Безбородко в Нежине[2], ставшего «прибежищем» молодых дворян Полтавщины. Именно здесь А.И. встретил своих первых наставников и учителей. Среди них – Н.Г. Александрович, бывший магистр Московской духовной академии, преподавал в Лицее латынь и заведовал лицейской библиотекой. Человек безупречной репутации, он стал бесплатно давать частные уроки А.И. и помог ему подготовиться для поступления в Лицей. Позже Н.Г. Александрович приобщал уже лицеиста-Маркевича к чтению новейшей литературы, обсуждал с ним проблемы современной жизни, дарил редкие книги, которые в то время нельзя было приобрести в довольно «глухом» Нежине[3].

Путь в историческую науку открыл А.И. Иван Васильевич Лашнюков (1823-1869), предложивший любознательному юноше для специальных занятий эпоху Российского централизованного государства и обративший его внимание на новую формирующуюся дисциплину – историографию; вскоре между учителем и учеником установились дружеские отношения. М.В. Нечкина проницательно заметила, что именно студенческие годы являются важным этапом в становлении ученого: определяется любимая отрасль избранной специальности, рождается первая тема[4]. В полной мере эта мысль справедлива и в отношении А.И.: на всю жизнь история России XV-XVII веков станет объектом серьезных исследований А.И., История – осознанно избранной специальностью, а Историография – любимой областью творчества.

Влияние И.В. Лашнюкова на А.И. оказалось сильным и долгосрочным,

---

[1] Одесские новости. 1895. 25 декабря. № 3501; *Линниченко И.А.* А.И.Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов. Одесса, 1904. С. 11-12.

[2] Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. Изд. 2. СПб., 1881; Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875-1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900.

[3] Одесские новости. 1896. 29 февраля. № 3561 .

[4] *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 84

но не продолжительным по времени личных контактов: уехав преподавать в Университет св. Владимира, И.В. Лашнюков вскоре скончался. А.И. оставил Лицей и поехал в Одессу.

Выбор Одессы и Новороссийского университета ознаменовал новый этап в жизни А.И., который принес ему и новый «вызов» судьбы: согласно правилам приема в Императорский Новороссийский университет, он не мог стать ни студентом, ни вольнослушателем, т.к. не имел диплома об окончании классической гимназии и не завершил полный курс лицея.

Также как в Нежине, жизнь подарила А.И. в Одессе много судьбоносных встреч. Среди них: встреча и последующая затем дружба на всю жизнь с В.С. Иконниковым, сыгравшим значительную роль в научном восхождении А.И.; удачный брак с Л.С. Москалевой, ставшей верной соратницей мужу; патронат профессора А.М. Богдановского (бывшего директора Ришельевского лицея, с 1865 года – проректора университета) и др. Благодаря А.М. Богдановскому А.И. получил возможность заниматься в университете «частным образом», «вне всяких формальностей»[1] . За полтора года А.И. «прошел» четырехлетний университетский курс, выдержав одновременно дополнительный экзамен в Ришельевской гимназии, и в декабре 1869 года получил диплом кандидата «по разряду исторических наук» в качестве вольнослушателя[2].

Итак, в 22 года А.И. стал обладателем университетского диплома, но весь его «образовательный период» оказался весьма дискретным: классическая гимназия (Киев) – школа межевых топографов Межевого института (Москва) – университет (Москва) – лицей (Нежин) – университет (Одесса). Все эти многочисленные «образовательные ступени» не дали А.И. завершенного, системного знания. Несмотря на его безусловную одаренность и невероятную эрудицию, определенная профессиональная поверхностность, отсутствие «ученой дисциплины ума» [3], синдром infarinato (по Стендалю) были характерны для А.М. как исследователя на протяжении всей научной деятельности.

Этому способствовали и обстоятельства «вхождения» А.И. в университетскую корпорацию: «научная судьба» А.И. не вписывалась в традицион-

[1] Краткий отчет Императорского Новороссийского университета в 1868/69 академическом году. Одесса, 1869. С.7; *Маркевич А.И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: Историческая записка и академические списки. Одесса, 1890. С.182-183, 659-660; *Маркевич А.И.* А.М.Богдановский [Некролог] // Записки Одесского общества истории и древностей. 1902. Т.24. С. 8-10; *Линниченко И.А.* А.И.Маркевич. Биографические воспоминания. // Речи и поминки: Сборник статей по истории русской литературы и биографические воспоминания. Одесса, 1914. С. 225.

[2] Протоколы заседания Совета Императорского Новороссийского университета. 1869. 23 декабря. [Одесса, 1869]. С.170-171; *Маркевич А.И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: Историческая записка и академические списки. Одесса, 1890. С.182-183, LXXУШ.

[3] *Линниченко И.А.* А.И.Маркевич. Биографические воспоминания // Речи и поминки: Сборник статей по истории русской литературы и биографические воспоминания. Одесса, 1914. С.225-226.

ный канон. Обычно этап формирования («профессорский стипендиат», подготовка диссертации, защита), сменялся этапом «продуктивным», на котором университетский преподаватель еще молод, но уже не homo novus в синклите ученых[1]. А.И. «профессорским стипендиатом» не был, готовил диссертацию фактически самостоятельно. «Заочник» (по современной терминологии) в Новороссийском университете, причем по «ускоренной программе», он остался «заочником» и на этапе «формирования университетского ученого». Приват-доцентом университета А.И. стал (1880) по собственному прошению (а не по приглашению факультета) после защиты магистерской диссертации (в 1879 в Киевском университете при поддержке В.С.Иконникова) и, будучи человеком уже достаточно зрелым, в университетской жизни оставался homo novus. События 1884 г., позволившие министру народного просвещения графу И.Д. Делянову назвать А.И. «человеком смуты» (1884)[2] , в еще большей мере способствовали потери твердых позиций в университетском сообществе.

Возможно, активная общественная деятельность А.И. после событий 1884 г. / секретарь Одесского биржевого комитета (1886), секретарь Одесского комитета торговли и мануфактур (1886); действительный член Одесского Славянского общества св. Кирилла и Мефодия (1887); действительный член Одесского общества истории и древностей (1887) и др./, стремление как можно быстрее защитить докторскую диссертацию (1888) объяснялась желанием утвердить свой авторитет, компенсировать неудовлетворенность своим положением на факультете. А.И. жаловался И.А. Линниченко (вероятно, в конце 1884 или в начале 1885 г.), «что при теперешнем отношении к нему факультета ему трудно надеяться на кафедру…»[3].

Однако события 1884 года и их последствия не сделали А.И. более осмотрительным: «сюжет с анекдотом» привел к «сюжету с контрабандой» (1895).

«Всеядность жизни» (И.А. Линниченко), открытость для всего нового, нашли свое выражение в описи литературы, изъятой в 1895 году на границе Австро-Венгрии и России, и в описи книг, найденных позже при обыске личной библиотеки А.И. в Одессе (к 1903 году она состояла из 15-16 тысяч то-

[1] *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Воспоминания // *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Литературно-критические работы в 2 тт. Т.2. М., 1989. С.306-348; Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н.Милюков) / Под ред. проф. *В.П.Корзун*. Омск, 2003. С.21-22.

[2] В январе 1884 года, на подъеме своей академической карьеры, А.И. был обвинен в том, что при чтении лекций об эпохе Александра 1, непочтительно отзывался об особе императора: рассказывал о нем анекдоты, правомерно расценивая их в качестве исторических источников. Служебное расследование длилось до сентября 1884 года: А. И. получил серьезное предупреждение, еще на пять лет был оставлен приват-доцентом и не произведен в соответствующий чин в очередной срок, а его учебная деятельность была взята под особый контроль со стороны администрации университета; фигура А.И. стала также объектом «негласного надзора» полиции…

[3] *Линниченко И.А.* А.И.Маркевич. Биографические воспоминания // Речи и поминки: Сборник статей по истории русской литературы и биографические воспоминания. Одесса, 1914. С. 217-218.

мов, включавших 5000 наименований, в том числе 300 – на украинском языке). Диапазон интересов историка был невероятно широк: среди «запрещенной» литературы были сочинения А.И. Герцена, М.П. Драгоманова, П.А. Кулиша, Ф. Лассаля, И.С. Нечуй-Левицкого, А.С. Пушкина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, С.М. Степняка-Кравчинского, А.К. Толстого, П.Я. Чаадаева, Н.Г. Чернышевского, Т.Г. Шевченко, Веры Засулич, Софьи Ковалевской; альманах «Русалка Днестровская», брошюра «Правда о кончине Александра II», газеты: «Народное дело», «Свободная Россия», «Колокол», «Социалист», «Календарь Народной Воли» (1883) и многие другие. Все оппозиционные направления – от крайне революционных до умеренно-либеральных, социально и национально ориентированные – были в сфере внимания ученого.

Пытаясь понять сущность этого человека, не стоит забывать о том факте, что его мировоззрение и личностный стержень во многом сформировались в эпоху революционной ситуации в России середины XIX в.: А.И. – «воспитанник 60-х годов». «Народность» – главный идеал А.И. Обращение к идее народности было знаковой чертой общественной жизни и историографии 60 – 70-х годов XIX века. Реформирование общероссийской действительности как бы вынесло народ на ее авансцену и буквально «заставило» либерально и демократически настроенных ученых-историков обратиться к образу народа, к поиску именно в истории народа объяснения всех противоречий исторического процесса. П.Н. Милюков, оценивая позже ситуацию, сложившуюся в исторической науке 1860-х годов, тонко заметил: «В поклонении «народности» сходятся Костомаров и Буслаев, Щапов и Бестужев-Рюмин, Забелин, Афанасьев… Бросить мертвый механизм бездушных юридических форм, обратиться к живому материалу, наполняющему формы, – таков общий лозунг в эти годы»[1]. В этот своеобразный «историографический феномен», не вполне и поныне осмысленный[2], органично вписался А.И., находившийся в период «пика» данной социокультурной и историографической ситуации в Москве, по сути – в центре событий, в жадно впитывающим все новое студенческом мире.

Калейдоскоп событий, вплетенных в личную историю А.И., наложил свой отпечаток на его идеалы, проекцию которых можно найти и в тематических пристрастиях, и в теоретических выкладках, и в образе жизни: «публичной», с бесчисленными обязанностями, с бессчетным количеством прочитанных для «широкой аудитории» лекций – все это составляло смысл жизни А.И., убежденного просветителя, видевшего именно в такой деятельности свою гражданскую миссию ученого по отношению к обществу и к своему народу.

Можно сказать, что А.И. старался придерживаться либеральной по-

[1] *Милюков П.Н.* В.О.Ключевский // *В.О.Ключевский.* Характеристики и воспоминания. М., 1912. С.198.

[2] *Сахаров А.Н.* Иван Егорович Забелин // Портреты историков. Время и судьбы. Том 1. Отечественная история. М. - Иерусалим, 2000. С. 71.

зиции: его общественный статус, желание сделать академическую карьеру и заниматься любимым делом – изучать и преподавать историю – детерминировали его роль либерала-просветителя. Эта позиция была обусловлена и его личностными качествами: миролюбивый и благодушный человек, он с одинаковым уважением и сердечностью относился к людям, полярным по своим научным и политическим взглядам, не любил конфликтов и стремился везде и всюду вносить «мир и лад». М.С. Грушевский и И.А. Линниченко – фигуры оппозиционно настроенные по отношению друг к другу – в одинаковой мере были близки А.И., для которого была свойственна широта взглядов. Являясь одним из провозвестников новых тенденций в общественной и научной жизни, он намного опережал свое время – монометодологичное по стилю научного мышления и крайне конфронтационное по социально-политическим и национальным платформам.

По своим убеждениям А.И. органично входил в тот круг радикальной университетской профессуры последней трети XIX – начала XX веков, для которой было характерно стремление к реализации широких культурно-просветительских программ, но чья конкретная деятельность в своем предназначении – быть интеллектуальным рупором эпохи – неизбежно приводила ее в стан «опальной профессуры». А.И. трудно назвать революционером. Он был вполне добропорядочным «подданным». Но его «благонадежность» часто давала «сбои», балансируя на грани дозволенного, и тогда «смута» вырывалась наружу, доставляя неприятности, подрывая карьеру, но создавая Судьбу.

Научное наследие и научная репутация

Оценки научного наследия А.И. его современниками и друзьями достаточны скромны. М.С. Грушевский разделил научные интересы А.И. на т.н. «официальную специальность», которая спроецировалась на тему «Московщина XVII в.», и «личные, субъективные, неофициальные интересы» – прошлое Одессы и ее окрестностей, история украинских дворянских родов, история российской и украинской литературы[1]. Отмечая ценность многих работ А.И., М.С. Грушевский тем не менее поставил под сомнение долгосрочность «следа» ученого в науке[2].

Однако следует учитывать тот факт, что критерии любой оценки весьма «подвижны» и относительны, они зависят от выбора «концепта» – «смыслового мотива». М.С. Грушевский «оценивал» творчество А.И. в первую очередь по степени принадлежности последнего к украинской идее. Фигура А.И. интересовала М.С. Грушевского в качестве типичного репрезентанта генерации

[1] *Грушевський М.* Памяти Олексія Маркевича // Записки Наукового Товариства імени Шевченка. 1903. T.LV. Кн.V. С.5.

[2] Там же. С.6-7

украинцев по происхождению и украинофилов по убеждениям. Анализируя личность и творчество А.И., М.С. Грушевский исходил из определения последнего как типичного представителя «родовитої задніпрянської шляхти», которому были свойственны все характерные черты этого слоя украинской интеллектуальной элиты[1]. Отсюда и вывод – о «поверхностном», «неглубоком» украинофильстве: А.И. так и не «заговорил» на украинском языке, хотя был украинцем «родом» (и по паспорту – «малороссиянином»); проблематика наиболее крупных его трудов – далека от истории Украины. М.С. Грушевский почти обвиняет А.И. – «українофіла поглядами» – за то, что «він вибрав для своіх спеціяльних праць таку безмірну далеку, абсолютно для України чужу тему, як родові рахунки московського боярства, хоч міг би, розуміється, вибрати теми дуже живі й для Українця близкі»[2].

Несмотря на эту «филиппику», А.И. прекрасно понимал значение украинистики. В своих публикациях на страницах «Киевской старины» и в других изданиях он обращал внимание на то, «…как серьезна, как тщательна работа малороссов за пределами России», без результатов которой, без того «обширного научного материала, какой разработан в Галиции», немыслимо изучение российскими учеными «южно-русской истории»[3]. Но его очень беспокоили внутренние разногласия между учеными, представителями разных регионов украинских земель – Галиции, Буковины и Украины (имея в виду под последним названием территорию, по выражению М.С. Грушевского, «російської України»). Эти разногласия, по мнению А.И., оказывали негативное воздействие на развитие науки, мешали всестороннему исследованию истории и этнографии украинского народа[4]. В этой позиции – трезвое понимание ситуации ученым и человеком, искренне болеющим за свой народ.

У И.А. Линниченко, близкого друга А.И. и его коллеги по университету, подход к оценке творчества последнего иной. Убежденный монархист и, несмотря на свои украинские корни, приверженец российской великодержавности, И.А. Линниченко считал, что «отрицательная литературы 60-х годов» (читай: революционно-демократическая идеология. – Т.П.) негативно повлияла на А.И. – «заразила его скептицизмом» довольно поверхностного толка[5].

А.И. принадлежал к тому типу ученых, у которых критическое (рефлексивное) начало было развито значительно сильнее, нежели конструктивное. Не было теории, в которой он, признавая ее оригинальность («остроумность»), не находил бы в то же время предмет для критики и несогласия. Поэтому ему

[1] Там же. С.2.

[2] Там же. С.5 (орфография приведена по источнику).

[3] *А.М.* [Рецензия на: ЗНТШ (Записки Научного общества имени Т.Г.Шевченко), тт. XXV-XXX] // Киевская старина. 1899. Том 7. № 12. С. 138-148.

[4] Там же.

[5] *Линниченко И.А.* А.И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов. Одесса, 1904.С.13.

трудно было идентифицировать себя с каким-либо конкретным научным направлением. При рассмотрении любого вопроса А.И. всегда предлагал ряд решений, находя в каждом свои преимущества и недостатки, и в конечном счете предоставлял самому читателю (слушателю, студенту) право самостоятельного выбора. Однако именно в этом И.А. Линниченко видит недостаток (уязвимость) А.И.: «Привычка к критицизму quand meme убила в нем…способность к творчеству научного построения, – выносит И.А. Линниченко суровый приговор своему другу, – и поэтому он не мог примкнуть ни к какой школе, ни к какой научной теории» [1].

…И все-таки как едины в подборе эпитета М.С. Грушевский и И.А. Линниченко, эти по сути идейные противники, – «поверхностный украинофил», «поверхностный скептик»…

В попытках определения категориального профиля А.И. следует учитывать тот факт, что научно-педагогическая деятельность университетской профессуры (как в России в целом, так и в украинских землях, входивших в состав двух империй) в XIX – начале XX вв. во многом зависела от структуры их мышления, ценностных ориентиров, формирующихся в сложной социокультурной атмосфере. Ментальность интеллектуальной элиты в украинских землях, входивших в Российскую империю – многонациональное государство, жестко иерархизированное чиновничье-бюрократической системой, пронизывающей и университетское образование, и науку в целом (особенно ее гуманитарные разделы), не могла не складываться из противоречивых пластов, порождая разнообразие типов.

Среди университетской профессуры были личности, идентифицирующие себя с одним, единственным, типом культуры. Для их мышления была характерна структура т.н. «взаимоисключающего сознания» (вне зависимости от его конкретной нацио-культурной окраски). Одновременно значительную группу представляли личности, для которых была свойственна «лояльность» по отношению к разным национальным культурам: их мышление формировалось в структурах т.н. «многочисленных национальных и культурных приверженностей»[2]. Если первый тип отражал сознание личности в категориях т.н. «первичной этничности»: сознание личности в этом случае выступает как установленное и неизменное явление, которое определяется кровными связями, общим происхождением, языком и культурой, то второй – в категориях

[1] *Линниченко И.А.* А.И. Маркевич. Биографические воспоминания // Речи и поминки: Сборник статей по истории русской литературы и биографические воспоминания. Одесса, 1914. С.226.

[2] *Магочий Павло* (Торонто, Канада). Українське національне відродження. Нова аналітична структура // Український історичний журнал. 1991. № 3. Предложенные П.Магочием и И.И.Колесник (см. ниже) теоретические построения имеют значительный эвристический и методологический потенциал для постижения культурной и интеллектуальной истории Украины.

«ситуационной или факультативной этничности»: сознание личности в данном случае преднамеренно подчеркивается либо приглушается в зависимости от ситуации. При этом второй вариант распространен не менее широко, чем первый. В большинстве общественных ситуаций люди не лояльны по отношению только к одному объекту, а находятся в сети лояльностей – к роду, племени, профессиональной группе, церкви, клубу и проч.

В многонациональных государствах совершенно естественно наличие личностей, которым свойственна более, нежели одна «национальная» лояльность или сознание. В частности в украинских землях, входивших в Российскую империю в XIX веке, нормальным явлением было считать себя одновременно и малороссом, и русским. Рассматривать подобное явление в категориях «ассимиляции» (т.е. растворения, присоединения к господствующей национальности), «русификации» – было бы слишком упрощенным подходом. В то же время, в ходе развития украинского национального возрождения, многие из его представителей пришли к выводу о том, что движение сохранится только в том случае, если на место естественной иерархии многочисленных лояльностей или национального сознания придет структура взаимоисключающего сознания: нельзя быть русским из Малороссии или поляком из Украины. По такому пути пошел В.Б. Антонович.

Весь ход украинского национального возрождения можно трактовать как историю конфликта между структурой многочисленных культурных и национальных лояльностей, с одной стороны, и структурой взаимоисключающего сознания – с другой. Этот конфликт по-разному влиял на личности, которые оказывались в нем: иногда травматично, а иногда и творчески, отражая в то же время и специфику формирования той или иной личности, и ее индивидуальный выбор, и эволюцию строя мышления в зависимости от ситуационной заданности. Для Н.И. Костомарова и П.А. Кулиша, например, была характерна «подвижность», инверсия двух типов структур национального сознания в разные периоды их жизни и деятельности.

Специфика социокультурной ситуации безусловно накладывала свой отпечаток на историографическую ситуацию. А.И., несмотря на свое «украинофильство», на протяжении всей своей жизни мыслил в категориях «многочисленных лояльностей». Истоки этого – в семье, в «московской юности», в одесской интернациональной ауре, в едином научном поле российской науки и т.п. Мировоззренческий профиль А.И. нашел свое выражение в диапазоне его исследовательской проблематики и в теоретико-методологических подходах к ее решению.

В то же время для его друзей – А.С. Грушевского и И.А. Линниченко, находящихся «по разные стороны баррикад», был характерен один и тот же тип мышления – в «структурах взаимоисключающего сознания» (во всяком случае, на рубеже веков), основанный на принципах «взаимоисключающих культур-

ных приверженностей». По отношению к оценке научного наследия А.И. это проявлялось прежде всего в акцентуализации национальной идеи у М.С. Грушевского и политико-идеологических приоритетов у И.А. Линниченко. Для последнего в значительной степени была свойственна нетерпимость и как свойство характера (в отличие от толерантности самой сущности А.И.), которая проецировалась на разных уровнях – личностном, политическом, научном.

Добродушие А.И., глубокая интеллигентность его натуры отнюдь не исключали твердости его убеждений, и это принципиальное свойство личности А.И. также отмечали его друзья. А.И., по словам того же И.А. Линниченко, любил ходить на поклон к авторитетам и одновременно выступал против всяких авторитетов. Об этом свидетельствует, в частности, концепция местничества, предложенная А.И. и не принятая многими его коллегами в большей мере из-за так называемых вне-научных факторов, – она противоречила официально признанным концепциям местничества С.М. Соловьева и В.О. Ключевского.

История местничества и шире – история России XV-XVII веков – прошла главной темой, подаренной И.В. Лашнюковым, через все творчество А.И. Неслучайно, составляя в конце жизни «Список моих работ», А.И. начинает его с рубрики «Исследования», под которой в первую очередь перечисляет публикации, посвященные истории Российского централизованного государства (литеры "А", "Б", "В")[1]. Работы А.И. по истории местничества стали вторым специальным исследованием (после Д.А. Валуева, «Симбирский сборник», М., 1845) в российской историографии XIX века и первым – в украинской.

В отличие от С.М. Соловьева, который заострял негативные следствия местнических норм, т.к. рассматривал местничество только как фактор, препятствующий утверждению Российского государства, и В.О. Ключевского, который определял местничество в системе привилегий аристократии, консервативных с точки зрения историко-политического прогресса, А.И. видел в местничестве регулирующую систему отношений. В этой системе, по его мнению, по мере формирования Российского государства служебный принцип постепенно брал вверх над родовым; привилегии аристократии распространялись на слои служебного дворянства; центральная власть использовала эту систему сначала как рычаг в борьбе с пережитками удельной децентрализации, а затем уничтожила, как только необходимость в этой системе отпала. И наконец, А.И. был убежден в том, что на изменение этой системы повлияло само изменение социально-политической структуры российской действительности[2].

А.И. занял особую позицию в оценке местничества: 1) он категорически против каких-либо аналогий между московским местничеством и подобными формами в западноевропейских государствах (эти мысли – во многом развитие

[1] ГАОО. Ф.150. Оп.1. Д. 2. Л. 65-74.

[2] *Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV-XVII вв. Одесса, 1888. С.488.

идей Д.А. Валуева, одного из столпов славянофильства), акцентируя внимание на оригинальности этого института в истории России; 2) он против выделения – гипертрофии – оппозиционной сути местнических протестов. Для него местничество не является достаточно весомой привилегией аристократии, а предстает скорее в виде определенного аналога табели о рангах в конкретную эпоху, не только не имея серьезной антиправительственной направленности, но, напротив, выступая своеобразным средством воздействия на социально-политические взаимоотношения со стороны самого правительства[1].

Новизна исследовательского подхода А.И. в том, что он впервые рассмотрел явление местничества в его эволюции, на широком конкретно-историческом фоне, обусловившим эту эволюцию, проанализировав практически все относящиеся к проблеме материалы, что позволило ему сделать вывод о преувеличении в историографии значения местничества как прерогативы аристократического сепаратизма.

В отзывах современников концепция местничества, предложенная А.И., не получила детального анализа. Критические замечания в основном сводились к критике формы: объемность материала и отсутствие системности в его изложении; неточности в формулировках и применяемых понятиях, что приводило к определенным логическим противоречиям; вопросы, поставленные самим автором и оставшиеся в исследовании без ответа; необоснованные экскурсы в иные научные сферы и др.[2]. Замечания по существу, сделанные почти всеми рецензентами, характеризовались явной приверженностью последних к мнениям авторитетов – С.М. Соловьева и В.О. Ключевского.

Значительное влияние В.О. Ключевского на школу советских специалистов (несмотря на общую критику его как представителя либерально-буржуазной историографии и эклектика как методолога) в этой области привело к тому, что основополагающие постулаты в оценке местничества, утвердившиеся в официозе российской историографии XIX – начала XX веков, практически вошли в официоз советской науки.

Пожалуй, только С.О. Шмидту принадлежит фактическая «реабилитация» А.И., которого именно он вернул в «большую историографию». Концепция местничества, сформулированная С.О. Шмидтом на новом уровне развития науки, во многом учитывает основные положения концепции А.И.[3]

---

[1] Там же. С.486, 492, 587 и др.

[2] *Иконников В.* [Рецензия] Маркевич А.И. История местничества в Московском государстве в XV-XVII вв. Одесса. 1888. X. 611 с. // Университетские Известия. Киев, 1889. № 7. С.1-11; Библиограф. 1888. № 12. С.400-402; Русская мысль. 1888, июль. С.337-339.

[3] *Шмидт С.О.* Местничество // Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т.9. С.382-383; *Он же.* Становление российского самодержавства (исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного). М., 1973. С. 264-266, 300-301, 346 и др.; *Он же.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С.330-380.

С.О. Шмидт отдает должное А.И. в том, что последний «кропотливо» изучил «всю доступную ему документацию», исследовал местничество «детально», «по царствованиям», в его работах «много ценных конкретных наблюдений»; он – «крупнейший знаток истории местничества»[1]. Одновременно С.О.Шмидт обращает внимание на (по его выражению) «любопытное явление», характерное для историографии местничества в целом: историки, которые специально изучали местническую документацию – Д.А. Валуев, А.И. Маркевич – весьма осторожны в своих суждениях; для историков же, детально не знакомившихся с местническими материалами во всем их многообразии, свойственны достаточно «решительные» выводы[2].

Среди тех, кто занял самостоятельную платформу, – А.И. Его выводы – формулировочно деликатны, осторожны; такое впечатление, что А. И. в недоумении разводит руками: «Я бы хотел сказать иное, но источники не позволяют…». Позиция А.И. – принципиальна, и она выражает функциональное предназначение профессионального историка – разоблачать исторические мифы (хотя, разумеется, подобная проблема им сформулирована не была). А.И. подошел вплотную, но не сумел четко обозначить те положения, которые, следуя в его «ключе» рассуждений, высказал С.О. Шмидт. Традиционный взгляд на местничество, пишет он, «…на поверку оказывается крайне односторонним…»[3].

Историографическое наследие А.И. и его личность ученого-историка плодотворно оценивать и сквозь призму «культурного кода нации». Украинская культура, рассматриваемая как матрица национальной историографии, детерминировала константные черты и специфику всех компонентов организации научного творчества. Анализируя творческое наследие в соответствии с ведущими параметрами «культурной генеалогии украинской исторической науки», можно выделить ряд типичных черт, свойственных А.И. как представителю «ученого цеха»[4].

«*Родинність*», выступая как признак социального бытования и психического склада украинцев, в то же время предстает и в форме организации научной деятельности в условиях безгосударственности и институциональной нелегитимности культурной жизни в Украине. На протяжении XVIII-XIX веков культурные и научные традиции во многом поддерживались дворянско-стар-

[1] *Шмидт С.О.*Становление российского самодержавства (исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного). М., 1973. С.264, 266; *Он же.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С.189.

[2] *Шмидт С.О.*Становление российского самодержавства (исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного). М., 1973. С. 264.

[3] *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 334, 373.

[4] *Колеснік І.І.* Українська культура та історіографія: історія ментальностей // Український історичний журнал. 2002. № 1. С.34-36; *Она же.* Українська історіографія: концептуальна історія. К., 2013. С.175-216.

шинскими кланами: семьями Марковичей – Маркевичей, Репниных – Волконских, Белозерских – Кулишей, Максимовичей – Тимковских, Лазаревских, Антоновичей, Драгомановых – Косачей и проч. Это выражалось и в представительстве родовых фамилий в научных, общественных, культурных и бюрократических структурах, и во взаимной поддержке членов семьи, и в осознании значимости своих фамилий в национальной культурной истории, и в акцентуализации генеалогических изысканий. В жизни и творческой деятельности А.И. Маркевича это нашло свое выражение в стойком интересе к генеалогическим исследованиям по истории своего рода; в неоднократной поддержке, которую оказывали ему родственники в сложные периоды его жизни[1].

«*Антеизм»* («селянскість») как генетическая черта «украинского культурного пространства» обусловила интерес к проблемам народа – его быта, сознания, творчества, культурных традиций. «Народность», «народ» – ведущий объект научного интереса А.И., главный критерий его оценки исторических событий и исторических личностей, исходный пункт его источниковедческих приверженностей.

«*Стихійна барокковість*» – нашла свое выражение в красноречии, эмоциональности литературного стиля А.И., преобладании информации над структурой и систематикой; придала «камерный» («этюдный») характер большинству его произведений, обусловила преобладание «малых форм» – статьи, разведки, эссе, рецензии, биобиблиографии – в определенном синкретизме энциклопедизма и дилетантизма, профессионализма и аматорства.

«*Мовно-літературна стихія*» украинского романтизма, с его стержневой этнографической составляющей, сформировала особый интерес к фольклору, обусловила гипертрофию народного творчества в источниковедческой ориентации исследований, способствовала библиографически-источниковедческой акцентуации: культ источников, документальный поиск, коллекционирование, преобладание археографической практики в структуре научной работы и «антикварной традиции» в археографической деятельности А.И.

Как тип исследователя А.И. в большей мере – «историк-библиограф», «историк-археограф». Однако было бы слишком опрометчиво и некорректно в научном отношении не оговаривать значительную условность подобной систематики. «Маркевич-критик» – одновременно достаточно сильная составляющая его творческого облика[2].

---

[1] См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С.263.

[2] О критическом стиле мышления А.И. еще в «ранний» – «предуниверситетский» - период его научной деятельности свидетельствует неопубликованная рецензия А.И. на работу А.Смирнова, посвященную «Слову о полку Игореве» (Воронеж, 1877, 1879), написанная в конце 1877 – начале 1878 гг. и свидетельствующая о глубоком понимании А.И. филологических, палеографических, исторических и источниковедческих проблем, стоявших в поле исследовательского поиска в Х1Х веке. См.: *Яценко Б.І.* О.І.Маркевич про «Слово о

Омельян Прицак, анализируя творчество М.С. Грушевского, справедливо отмечал, что «кожен великий історик є еклектик, тобто вибирає для кожної часткової сфери дослідження методи пізнання, які для тої цілі найкраще надаються. Але він, звичайно, намагається зберегти монізм у загальному синтезі»[1]. Эту методологически продуктивную мысль можно проецировать и на анализ структуры историографических классов, и на определение принадлежности того или иного ученого к конкретному классу (направлению, течению, школе).

Такие фигуры российской историографии, как С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, современники А.И. – Н.И. Костомалов, П.А. Кулиш и М.С. Грушевский в украинской историографии – слишком объемны по своему научному и мировоззренческому диапазону. Каждый из них создал собственную историософски-методологическую систему, которую далеко не всегда можно «уложить» в рамки конкретного историографического класса.

В этом ключе можно рассматривать и творчество А.И., обладавшего колоссальной научной эрудицией, испытавшего на себе влияние различных концептуальных и методологических систем и предпринявшего попытку создать собственную версию исторического синтеза.

Говоря о теоретико-методологических позициях А.И., следовало бы, вероятно, выделить несколько историографических традиций, переплетение которых сложило непростой узор системы его взглядов на историю: 1) влияние романтизма, его «левого крыла» – либерального, с характерным для него синтезом просветительски-романтических идей: историзм как стиль научного мышления, «органическая» модель исторического процесса, акцент на роль народа и самобытность национальных историй наряду с идеей всеобщности человеческой цивилизации и признанием единых закономерностей развития любых социокультурных феноменов и проч.; 2) влияние этнографизма, особенно свойственного украинской вариации романтической историографии, с его пристальным вниманием к народному быту, фольклору, специфике национальной духовности и культуры; 3) влияние позитивизма с его акцентом на источник, научные методы исторического исследования, стремлением к сциентизму историописания, к «коллективистской истории» как главному объекту изучения, к социологическому методу в исторических исследованиях, к принятию теории многофакторности исторического процесса с особым интересом к социально-экономическим проблемам истории и проч.; 4) влияние либерально-демократических идеалов (подчас вплотную приближающихся к революционным традициям) с их своеобразным синтезом антисамодержавной модели

полку Ігоревім» // Українське літературознавство. Львів, 1976. Випуск 27. С.108-113; Маркевич А.И. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом); Ред. кол.: Л.А.Дмитриев, Д.С.Лихачев, С.А.Семячко, О.В.Творогов (отв. ред.). Т. 3. К – О. СПб., 1995. С.293-294.

[1] *Омелян Пріцак.* Історіософія та історіографія Михайла Грушевського. Київ; Кембрідж, 1991. С.5.

политического устройства с идеей эволюционного прогресса, основанного на расширении культурно-просветительского потенциала общества и одновременно острым интересом к проблемам революции и проч.; 5) в последние годы жизни А.И. испытал, по-видимому, влияние также ряда неопозитивистских и неокантианских положений, касающихся в первую очередь оценки «законотворческой миссии» исторической науки, проблемы прогресса в истории; идей «психологизма» и «коллективной народной психологии» в интерпретации исторического процесса и проч.

P.S.

Позволим себе завершить этот этюд шутливой (ли?) эпитафией, которую написал себе Алексей Иванович Маркевич за год до своей кончины.

«Ad se ipsum
Будто бы из Кв. Горация Флакка

Воздвиг я памятник себе довольно скромный;
Ему наверное меня не пережить;
Печатные труды мои хоть и огромны,
Но всем им суждено на книжных полках гнить.
Не вспомнят обо мне в местах, где Смошь струилась,
И где народ во мне лишь барина видал,
Но все ж в душе моей надежда затаилась,
Что из людей, которых в жизни я знавал,
Едва ль кто заклеймит суровым осужденьем
Мой прах на проводах в последний долгий век.
Учившиеся же мои припомнив чтенья
Веселый, скажут, был и добрый человек.
Такой оценкою, о Муза, будь довольна,
И об ином венке отнюдь не помышляй.
Лелей в уме своем мечты о жизни вольной,
Но в жизни торною дорогою ступай.

8 сентября 1902 г. »[1].

Эти строки отразили предельно искреннюю и жесткую самооценку ученого с элементом горькой иронии…

[1] См.: *Линниченко И.А.* А.И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов. Одесса, 1904. С. 21-22. Орфография приведена по источнику.

Однако историографическая практика на рубеже XX – XXI веков высвечивает оригинальную картину: многие из концептуальных положений высоких научных критиков провинциального историка сейчас подвергаются переосмыслению и корректированию, и одновременно целый ряд вскользь брошенных замечаний, приведенных фактов, намеченных пунктирно возможных направлений исследований, зафиксированных в многочисленных «малых формах» (не говоря уже о концепции местничества и монографических изданиях) творчества А.И. Маркевича привлекают внимание современных ученых своей точностью наблюдений, прогнозов и выводов[1].

[1] *Розуменко Ю.Г.* Этнографическое изучение населения юга Украины в XIX – начале XX века: Дис. … канд. ист. наук. Киев; Минск, 1986; *Шип Н.А.* Интеллигенция на Украине (XIX в.). Историко-социологический очерк. Киев, 1991; *Першина З.В.* Творчість О.І.Маркевича та проблеми українського національного відродження // Проблеми історії національного руху на Україні (до 1917 р.): Тези доповідей Другої Всеукраїнської науково-теоретичної конференції. Київ; Миколаїв, 1992. Ч.2; *Першина З.В.* Історія України в працях одеських дослідників // Український історичний журнал. 1994. № 6; *Болдирев О.* Одеська громада. Історичний нарис про українське національне відрождення в Одесі у 70-ті рр. XIX – початк. XX ст. Одеса, 1994; *Першина З.В., Синявська О.О.* Краєзнавчі студії О.І.Маркевича // Історія України. Маловідомі імена, події, факти. Київ, 1999. Випуск 6; *Хмарський В.М.* Олексій Маркевич як археограф (до постановки проблеми) // Записки історичного факультету / Одеський державний університет імені І.І.Мечникова. Одеса, 1999. Випуск 8; *Гончарук Т.Г.* История Хаджибея (Одессы): 1415-1795. Популярный очерк. Одесса, 1997; *Непомнящий А.А.* Крымоведческие исследования в Одессе в середине XIX – начале XX века // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1999. № 7; Історія Хаджибея (Одеси). 1415-1795 рр. в документах / За редакцією кандидата історичних наук Т.Г.Гончарука. Одеса, 2000; *Чопп И.Л.* Крымско-Кавказский горный клуб. Одесса, 2000; *Гирич Ігор.* «Народництво» та «державництво» в української історіографії // Молода нація: Історія. Філософія. Політологія. Альманах. 2000. № 4; *Талина Г.В.* Государственная власть и системы регулирования социально-служебного положения представителей высшего общества России 40-х-80-х гг. XVII в.: Дисс. … докт. ист. наук по спец. 07.00.02 «Отечественная история». М., 2001; *Синявська О.О.* Історик Олексій Іванович Маркевич: життя та діяльність. До сторіччя з дня смерті. Одеса, 2003; *Голубчик Г.Д.* Рід Марковичів-Маркевичів у культурно-громадському житті України: «Нова сімейна історія»: Дис….канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2003; *Нагірняк О.* Українознавчі дослідження у Новоросійському університеті наприкінці XIX – на початку XX ст. // Пам'ять століть. 2004. № 6; *Кушнір В.Г.* Українці Одеси: до етнографічної спадщини О.І.Маркевича // Записки історичного факультету / Одеський нацональний університет имени І.І.Мечникова. Вип. 16. Одеса, 2005; *Гончарук Т.Г.* Нащадки українських козаків та «народження Одеси». Одеса, 2006; *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI-XVII вв. М., 2009 и др.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЩЕПКИН: ЖИЗНЬ КАК МАХІМА

Максимализм есть неотъемлемая черта интеллигентского героизма.

С.Н. Булгаков

Евгений Николаевич Щепкин

Евгений Николаевич Щепкин (1860-1920) – среди «ниспровергателей устоев». Еще недавно он был известен широкой аудитории как общественный деятель, прошедший непростой путь от лидера кадетской организации в Одессе и депутата 1-й Государственной думы до комиссара народного просвещения советской Украины и члена коммунистической партии.

В свое время Е.Н. Щепкин вошел в советскую историографию и в пантеон деятелей революционного движения как «первый профессор-коммунист на Украине и в Одессе». И в соответствии с канонами советского историописания оставался там, раскрашенный светлыми красками, в «белых одеждах героя», со всеми штампами литературного этикета, присущего характеристикам «прогрессивных личностей».

В период «покаяний» и «отречений» в отечественной науке по закону маятника Е.Н. Щепкина переметили в другой пантеон – зловещих фигур эпохи большевистского тоталитаризма.

Сегодня в национальной истории и историографии о Е.Н. Щепкине вспоминают лишь «узкие» специалисты. В более широких кругах историков отношение к нему либо «прохладное» (он всегда был слишком далек от «украинской идеи»), либо отрицательно-предубежденное (ему не простили его «большевистского пришлого»). И реальный человек со своей мятущейся душой и вечными поисками истинного пути по-прежнему остается за пределами беспристрастной науки…

Для Одессы и Одесского (Новороссийского) университета фигура профессора Е.Н. Щепкина имеет особое значение. Именно здесь он достиг научной и педагогической зрелости, здесь им были созданы работы, обратившие на себя внимание научной общественности: в кругах университетской элиты Российской империи о нем заговорили как о крупном, перспективном специалисте по новой истории европейских стран, в том числе – скандинавского региона.

Здесь им были написаны многочисленные курсы лекций по общим и специальным дисциплинам, свидетельствующие о широком творческом диапазоне Е.Н. Щепкина-педагога. Он оказал бесспорное влияние своими концептуальными идеями на молодых коллег и студентов – будущих известных ученых – В.Э. Крусмана, П.М. Бицилли, Н.Л. Рубинштейна, О.Л. Вайнштейна, К.П.Добролюбского и др. Но вместе с тем для некоторых из них оказался «злым гением», способствуя их фактическому изгнанию из университета и страны.

В жизни Е.Н. Щепкина были две доминирующие линии, которые определяли разнообразие форм проявления его многогранной натуры. Это – его деятельность как ученого-историка, университетского преподавателя, и как общественного трибуна, лидера политических страт, реформатора и разрушителя традиций. Два лика одного забытого лица…

Лик первый

Евгений Николаевич – из известной в культурной истории России семьи Щепкиных-Станкевичей, родоначальником которой был знаменитый актер, друг А.С. Пушкина[1],– окончил историко-филологический факультет Московского университета, получив диплом кандидата наук (1883). Ученик профессора В.И. Герье[2], создавшего свою школу в области изучения новой истории[3], Е.Н. Щепкин с 1892 года осваивал профессию преподавателя истории в качестве магистранта, приват-доцента историко-филологического факультета Московского университета, имея уже шестилетний опыт педагогической деятельности[4].

В 1893-1897, 1899, 1901, 1910 годах Е.Н. Щепкин побывал в научных командировках в ряде стран Европы, работал в архивах и библиотеках Австрии, Германии, Италии, Дании, Нидерландов, Польши, Франции, Швеции; прослушал

[1] *Боровой С*. Воспоминания / Вступ. ст. М. Соколянского; Примеч. и биоблиогр. коммент. В. Кельнера. М.; Иерусалим: Евр. ун-т в Москве, 1993. С. 92. О семье Щепкиных подробнее см.: *Максименко И.В.* К персональной истории Е.Н.Щепкина: новые эго-материалы // Історик Євген Миколайович Щепкін (1860-1920): постать в контексті доби. Матеріали міжнар. наук. конференції «IV Історіографічні читання», присвяч. 150-й річниці з дня народження професора Є.М. Щепкіна (21-22 травня 2010 р.), м.Одеса / Одеськ. нац. ун-т ім. І.І.Мечникова, істор.ф-т. Відп. ред. *В.М. Хмарський*; науков. ред. *Т.М.Попова*. Одеса, 2012. С.186-199.

[2] В.И. Герье был женат на племяннице литературного критика Александра Станкевича, который приходился родным братом Александры Владимировны, матери Е.Н. Супруги Герье часто гостили в имении у Щепкиных, переписывались с родителями Е.Н. См.: *Иванова Т.Н., Мягков Г.П.* В центре «реабилитационного внимания»: Е.Н.Щепкин и В.И.Герье // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Вып. 3. 2011. С.26-34.

[3] См.: 30-летие ученой деятельности проф. В.И.Герье // Историческое обозрение. СПб., 1892. Т.4. С. 297; *Бутенко В.* Наука новой истории России (Историографический обзор) // Анналы. 1922. №2. С.130; *Иванова Т.Н.* Научное наследие В.И.Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века). Чебоксары, 2010.

[4] Е.Н. Щепкин служил в Московских средних учебных заведениях, с 1884/ 1885 академического года читал курс истории культуры в Московской консерватории, сменив М.С. Корелина, также ученика В.И. Герье, уехавшего за границу.

лекции на философском факультете Берлинского и Венского университетов, посещал практические занятия в «Институте для разработки истории Австрии» в Вене.

С осени 1897 года начинается новый этап научно-педагогической деятельности Е.Н. Щепкина – в Украине: сначала в Историко-филологическом институте князя Безбородко в Нежине[1], а с октября 1898 года – на историко-филологическом факультете Новороссийского университета[2].

Перевод Е.Н. Щепкина, магистранта, на кафедру всеобщей истории Новороссийского университета сразу на должность экстраординарного профессора не был рядовым событием, но особого удивления в научном сообществе не вызвал. Проблема со штатами в провинциальных университетах была острой. Кафедры годами оставались вакантными (т.е. без ординарного профессора).

После отъезда профессора Ф.И. Успенского (1895) и кратковременного пребывания в Новороссийском университете Р.Ю. Виппера (1894-1897), вернувшегося в Москву, на кафедре всеобщей истории оставался только приват-доцент Ф.В. Режабек. «Заполучить» в провинциальный университет специалиста с высокой научной репутацией, выпускника известных научных школ столичных университетов было весьма престижно. В письме к П.Н. Ардашеву 2 ноября 1898 года Е.Н. Щепкин пишет: «Кафедры… замещаются теперь по соглашению между факультетами и Министерством, которое запасается отзывами академиков по специальности. Я переведен в Одессу по желанию факультета и с благословения В.Г. Васильевского»[3].

В Новороссийском университете на кафедре всеобщей истории Е.Н. Щепкин работал до апреля 1906 года, затем был уволен и вернулся в университет лишь в мае 1917 года. В это время, наряду с общественной и политической деятельностью, Е.Н. Щепкин преподавал на Одесских высших женских курсах, где с 1914 года был деканом историко-филологического факультета; с 1916 года – в Новороссийском частном Международном институте, учрежденном Л.П. Вертинским, и проч.

Период с 1899 по 1904 год был наиболее плодотворным в его жизни как ученого. В эти годы, по воспоминаниям ученика Е.Н. Щепкина, будущего известного историка и историографа Н.Л. Рубинштейна, Евгений Николаевич стал «…одной из наиболее крупных и интересных личностей в общественной, культурной и научной жизни Одессы начала нашего столетия» [4].

В течение шести лет Е.Н. Щепкин был бессменным секретарем Истори-

---

[1] См.: Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875-1900: Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900. С. 71-73.

[2] Биограмму Е.Н.Щепкина см.: *Максименко І.В., Попова Т.М.* Щепкін Євген Миколайович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Том 4. Р-Я. Одеса, 2000. С. 396-400; *Попова Т.М.* Щепкін Євген Миколайович. 1860-1920 // Одеські історики. Том.1. Енциклопедичне видання. Одеса, 2009**.** С.454-457.

[3] Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского Национальной Академии наук Украины (ИР НБУВ). Ф.1. Д. 50335.

[4] *Рубинштейн Н.Л.* О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С.92.

ко-филологического общества при Новороссийском университете, действительным членом ряда других обществ: Исторического общества при Московском университете (с 1891 г.), Историко-филологического общества Института князя Безбородко в Нежине (с 1898 г.), Одесского общества истории и древностей (с 1900 г.), членом правления (с 1905 г.) и председателем (1908-1910 гг.) Одесского общества вспомоществования литераторам и ученым, заведующим «Пушкинской аудиторией» (с 1912 г.), членом Одесского литературно-артистического клуба и проч.

На рубеже XIX-XX веков Е.Н. Щепкин был уже хорошо известен в научных кругах Украины, России и Западной Европы. Его связывали дружеские отношения с такими учеными, как П.Н. Ардашев, В.Г. Васильевский, П.Г. Виноградов, В.С. Иконников, Н.И. Кареев, Н.С. Тихонравов, А.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, И.В. Ягич и др.

В.С. Иконников и В.Б. Антонович – «…украшение Киевского университета; проф. Иконников прямо таки греет своей теплой душою», – пишет Е.Н. Щепкин в июле 1899 года своему брату – В.Н. Щепкину, рекомендуя ему обязательно познакомиться с В.С. Иконниковым на предстоящем XI Археологическом съезде в Киеве[1].

Письма Е.Н. Щепкина к В.С. Иконникову 1900-1902 годов содержат множество сведений о работе в архивах – европейских и российских, о находках новых материалов по истории Смутного времени, о личности Лжедмитрия I; о работе по заказу Кембриджского университета (для IX тома «Cambridge Modern Histori») над обширным очерком по истории похода Наполеона I в 1812 году[2]. Е.Н. Щепкин делится с В.С. Иконниковым своими сомнениями в трактовках архивных документов, высказывает свои соображения и идеи, сетует на нехватку времени для научных исследований. «Мой "Димитрий I", – пишет Е.Н. Щепкин, – лежит в рукописи у Довнар-Запольского для Т. II "Книги для чтения"… Все вместе с созданием Женских педагогических курсов сильно задерживает работу над диссертацией, т.е. вторым томом по эпохе Голштинской унии»[3]. Это – письма другу и единомышленнику, теплые и откровенные, насыщенные деталями о повседневной работе ученого-историка[4].

---

[1] Государственный исторический музей (Москва). Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ). Ф. 276. Оп. 1. Д. 110. Л. 15; см.: *Максименко И.В., Попова Т.Н.* Евгений Николаевич Щепкин: известные и неизвестные грани личности // Евгений Николаевич Щепкин (1860 - 1920): Биобиблиографический указатель / Сост.: *И.В.Максименко, В.В.Самодурова*; Науч. ред. *Т.Н.Попова*. Одесса, 1998. (Материалы из фондов центральных архивов подготовлены *И.В.Максименко*).

[2] ИР НБУВ. Ф. ш. д. 51601, 51603, 51605.

[3] Там же. Ф. ш. д. 51601.

[4] См. подробнее: *Ульяновский В.И.* «Отрепьев вдруг выплывает в памяти, невольно берешься за перо писать Вам»: письма Е.Н. Щепкина к В.С. Иконникову // Історик Євген Миколайович Щепкін (1860-1920): постать в контексті доби. Матеріали міжнар. наук. конференції «IV Історіографічні читання», присвяч. 150-й річниці з дня народження професора Є.М. Щепкіна (21-22 травня 2010 р.), м.Одеса / Одеськ. нац. ун-т ім. І.І. Мечникова, істор.ф-т. Відп. ред. *В.М. Хмарський*; науков. ред. *Т.М. Попова*. Одеса, 2012. С.149-176.

Возглавив кафедру всеобщей истории, Е.Н. Щепкин подготовил значительное количество курсов лекций, разнообразных по проблематике и отраслевой специфике. Это – общие и специальные курсы по античной, средневековой и новой истории Европы; истории всеобщей и западно-европейской литературы XVIII века; истории международных отношений, истории культуры, истории философии, методологии истории, источниковедению, социологии, политэкономии, статистике XIX века, исторической хронологии, западно-европейской палеографии, этнографии и др.[1] Преподавательская работа отвлекала Е.Н. Щепкина от научных изысканий, но в одном из писем к матери он очень точно определил специфику учебной работы университетского преподавателя: «… лекции – не уроки, от них умнеешь, а не тупеешь…»[2].

Магистерская диссертация Е.Н. Щепкина «Русско-Австрийский союз во время Семилетней войны, 1746-1758 гг.» была практически готова и по частям публиковалась с 1897 по 1900 год в Журнале министерства народного просвещения. В 1902 году эта работа выходит отдельным изданием[3]. Диспут Е.Н. Щепкина состоялся 20 января 1903 года в Московском университете. Официальными оппонентами были профессор В.И. Герье и приват-доцент М.М. Богословский, ученик В.О. Ключевского; неофициальными – профессора П.Г. Виноградов и В.Е. Якушкин[4].

Современники, ученики и коллеги Е.Н. Щепкина, вне зависимости от личных симпатий или антипатий, высоко оценивали его дар лектора, педагога и ученого. Профессора Новороссийского университета М.Г. Попруженко, А.П. Доброклонский, Е.П. Трифильев, А.В. Флоровский, П.М. Бицилли, Н.Л. Рубинштейн и др. в разное время и при разных обстоятельствах отмечали одни и те же черты, характерные для творческого почерка Е.Н. Щепкина: вдумчивое и серьезное отношение к вопросам методологии, особый интерес к проблемам исторического метода, методики критического анализа источников, к сложной архивной работе и т.д.; высокий профессионализм преподавательского мастерства, доступность и ясность выражения

[1] См. подробнее: *Музичко О.* «Професор з ножем»: діяльність Є.М.Щепкіна в Новоросійському університеті // Історик Євген Миколайович Щепкін (1860-1920): постать в контексті доби. Матеріали міжнар. наук. конференції «IV Історіографічні читання», присвяч. 150-й річниці з дня народження професора Є.М.Щепкіна (21-22 травня 2010 р.), м.Одеса / Одеськ. нац. ун-т ім. І.І.Мечникова, істор.ф-т. Відп. ред. *В.М. Хмарський*; науков. ред. *Т.М.Попова*. Одеса, 2012. С.71-88.

[2] ГИМ ОПИ (Москва). ф. 276. оп. 1. д. 109. л. 27.

[3] *Щепкин Е.Н.* Русско-Австрийский союз во время Семилетней войны, 1746-1758 гг.: Исследование по данным Венского и Копенгагенского архивов: (Магистерская диссертация). СПб., 1902. 852 с.

[4] См.: Диспут Е.Н.Щепкина // Исторический вестник. 1903. № 3. С. 1205-1206; Московские вести // Русские ведомости. 1903. 21 января.; Университетские известия // Московские ведомости. 1903. 21 января.

научной мысли и проч.; широчайшая эрудиция, самостоятельность научной позиции и т. п.[1]

«Профессор Е.Н.Щепкин, – писал в своих воспоминаниях ученик Е.Н. Щепкина, будущий декан исторического факультета Одесского государственного университета профессор К.П. Добролюбский, – был солидным ученым и увлекательным лектором…», в спорной исторической проблеме он предпочитал поиск новых источников, оригинальная трактовка которых давала возможность ему предлагать свой взгляд на решение проблемы[2].

С.Я.Боровой уже в 1980-е годы вспоминал об одной из лекций Е.Н. Щепкина, прочитанной им для широкой аудитории в 1920 году. Лекция была посвящена идейным корням марксизма – сюжету, который никогда не был предметом специальных работ историка. Поэтому поражало (прежде всего – профессионалов) то, что Евгений Николаевич читал «…без конспектов, цитировал на память тексты, свободно и последовательно излагал сложные теоретические проблемы»[3].

«Персональный маршрут» Щепкина-исследователя характеризовался тем, что он был одним из немногих специалистов, которые в равной мере владели научной базой европейской и российской истории. Его работы – специалиста-«всеобщника» – по сюжетам традиционно российским (история Семилетней войны, Лжедмитрий 1, ряд проблем истории Киевской Руси и проч.) основывались на комплексе источников российского и западно-европейского происхождения, сравнительный анализ которых позволял Евгению Николаевичу предлагать новую трактовку казалось бы хрестоматийных вопросов[4] .

Нестандартность мышления, дерзновенный поиск новых подходов, стремление к «ниспровержению устоев» в науке – устоявшихся историографических схем и традиций – принципиальные черты индивидуального почерка Е.Н. Щепкина как ученого-историка.

Научной школы Е.Н. Щепкин не создал, однако в историю исторической науки и исторического образования он вошел как оригинальный, с широким диапазоном исследовательских интересов, ученый и новатор в области методики преподавания истории как в высшей, так и в средней школе,

---

[1] Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф.45. Оп. 4. Д. 2702. Л. 201-205; *Флоровский А.* Памяти Е.Н.Щепкина // Народное просвещение. 1922. № 6/10. С. 68-69.

[2] См.: *Добролюбский К.П.* В Новороссийском университете // Одесский вестник. 1994. 19 февраля.

[3] *Боровой С.* Воспоминания / Вступ. ст. М. Соколянского; Примеч. и биоблиогр. коммент. В. Кельнера. М.; Иерусалим, 1993. С. 94.

[4] См.: *Ульяновский В.И.* Российские самозванцы: Лжедмитрий 1. Киев, 1993; *Стельмах С.* Історична наука в Україні епохи класичного історизму (XIX – початок XX століття). Київ, 2005.

привнеся свой вклад и в постановку женского исторического образования в Украине[1].

Научное творчество Е.Н. Щепкина и его персональная история – открытая тема. Незаслуженно изъятый из большой историографии, Е.Н. Щепкин требует к себе «реабилитационного» внимания, ибо его наследие – весомый вклад в историческую науку[2] .

Лик второй

В литературе утвердился тезис о том, что до конца 1904 года Е.Н. Щепкин стоял в стороне от общественной жизни. Действительно, письма Е.Н. Щепкина к матери[3] 1899-1903 годов на первый взгляд свидетельствуют о том, что он

[1] См. подробнее: *Попова Т.М., Мельник О.В.* З історії жіночої історичної освіти в Одесі на початку XX ст. // Жіночий рух в Україні: історія і сучасність: Тези Міжнародної науково-методичної конференції. Київ, 1994; *Веселова Т.Н., Мельник О.В.* Из истории высшего женского образования в Одессе (последняя треть XIX – начало XX вв.) // Записки исторического факультета / Одесский государственный университет имени И.И.Мечникова. Одесса, 1995. Вып. 1; *Мельник О.В.* Діяльність Є.М.Щепкіна на Одеських вищих жіночих курсах (1906-1918 рр.) // Інтелігенція і Влада. 2013. Вип. 29; *Максименко І.В.* Е.Н. Щепкин и проблемы высшего исторического образования в начале XX в. // Історія науки і техніки. Дніпропетровськ, 1994; *Она же.* Є.М.Щепкін та проблеми реформи вищої освіти в Україні на початку XX ст. // Структура освіти в регіоні: проблеми оптимізації: Тези Міжнародної науково-практичної конференції. Харків, 1996; *Она же.* Наука и политика в судьбе профессора Новороссийского университета Е.Н.Щепкина // Российские университеты в XIX – начале XX вв.: Сб. научных трудов Воронежского университета. Выпуск 2. Воронеж, 1996; *Левченко В.В.* Проблемы изучения интеллектуальной биографии Е.Н. Щепкина: к 150-летию со дня рождения и 90-летию со дня смерти // Південний Захід. Одесика. 2010. Вип.9; *Музичко О.* «Професор з ножем»: діяльність Є.М. Щепкіна в Новоросійському університеті // Історик Євген Миколайович Щепкін (1860-1920): постать в контексті доби. Одеса, 2012 и др.

2 См.: Евгений Николаевич Щепкин (1860 - 1920): Биобиблиографический указатель / Одесский государственный университет имени И.И.Мечникова. Научная библиотека: Сост.: *И.В.Максименко, В.В.Самодурова*; Науч. ред. *Т.Н.Попова*; Авторы вступ. статьи *И.В.Максименко, Т.Н.Попова*; Библиограф. ред. *М.А.Подрезова*; Технич. ред. *С.В.Максименко*. Одесса, 1998. (Серия «Биобиблиография ученых университета; Выпуск: Историки»). 129 с.; Історик Євген Миколайович Щепкін (1860-1920): постать в контексті доби. Матеріали міжнар. наук. конференції «IV Історіографічні читання», присвяч. 150-й річниці з дня народження професора Є.М.Щепкіна (21-22 травня 2010 р.), м.Одеса / Одеськ. нац. ун-т ім. І.І.Мечникова, істор.ф-т. Відп. ред. *В.М. Хмарський*; науков. ред. *Т.М.Попова*. Одеса, 2012. 212 с.

[3] Александра Владимировна Щепкина, мать Е.Н., жена Николая Михайловича Щепкина, сына известного русского актера, была дочерью богатого Воронежского помещика Станкевича, сестрой писателя и философа Николая Владимировича Станкевича (1813-1840) и литературного критика Александра Владимировича Станкевича (1820-1911). В 1851 г. она приобрела на свое приданое имение Никольское (537 десятин земли, с центром в селе Тимонино, недалеко от Москвы) с шестью дворовыми людьми и 77 крестьянами; имение числилось за семьей Щепкиных вплоть до его национализации в 1918 г. Женщина передовых взглядов, широко образованная, она написала серию детских рассказов для внеклассного чтения, исторический роман «Бояре Стародубские» из времен царя Алексея Михайловича, книгу воспоминаний о Михаиле Семеновиче Щепкине («М.С.Щепкин в семье и на сцене») и о своем муже - Николае Михайловиче, известном адвокате. Будучи матерью большой семьи, Александра Владимировна оказала существенное влияние на воспитание своих детей, ставших видными учеными, общественными и политическими деятелями (См.: *Ерофеева А.Ф.* Город Лосино-Петровский и его окрестности. М., 2001. 158 с.). Е.Н. был очень привязан к матери и вел с ней активную переписку.

вел достаточно замкнутый образ жизни: научные занятия, библиотека, лекции, долгие прогулки (в том числе – на велосипеде) на природе (особенно он любил «…дикий берег между Малым Фонтаном и Аркадией…»[1]); узкий круг общения (близкие отношения у него установились с профессором В.М. Истриными и приват-доцентом П.Н. Ардашевым). Даже чтение публичных лекций для учителей, которые организовывала Городская дума, Е.Н. Щепкин рассматривал скорее не как необходимую для себя миссию университетского профессора, но как вынужденную обязанность – долг перед коллегами, которые способствовали его переводу в Новороссийский университет из Нежина и потому имели право «… потребовать в Одессе и более широкой "просветительской" деятельности»[2]. Публичные лекции для него – «мытарство», это то, «…чем загоняли Кирпичникова и Маркевича. Так как пышные похороны меня не прельщают, – пишет он матери, – то я сказал заправилам общественного дела мое условие: я буду принимать в общественной жизни участие ровно на столько, чтобы доказать мое сочувствие ей, но жертвой я обязан быть только для университета»[3].

В общественную жизнь в Одессе, как констатирует сам Е.Н. Щепкин, его начинают «втягивать» с 1903 года: наряду с публичными лекциями с осени он становится попечителем в мужском городском училище. Однако еще раньше (1901) он уже – присяжный заседатель в Окружном суде[4].

Атмосфера предреволюционной ситуации оказывает решающее воздействие на личность Е.Н. Щепкина, пробуждая, по словам К.П. Добролюбского, его «революционный темперамент». Через одесский кружок «Союза освобождения» (всероссийской организации, основанной П.Б. Струве), через атмосферу «дискуссионного клуба», созданного представителями одесской интеллигенции в доме мецената К.М. Панкеева, осенью 1904 года, в пору «кадетской весны» и «конституционных мечтаний», Е.Н. Щепкин движется к своей первой партийной карьере.

До начала 1906 года он еще «беспартийный», но уже – общественный деятель. Е.Н. Щепкин становится одной из ведущих фигур в «Академическом союзе», созданном университетской профессурой, который повел борьбу за автономию высшей школы. Эта сфера деятельности Е.Н. Щепкина не была для него принципиально новой. С 1890-х годов он активно участвовал в ряде комиссий при министерстве народного просвещения по реформированию высшей школы и с осени 1902 года стал уже достаточно авторитетным лицом в «команде» той части университетской профессуры, которая связывала возрождение университетов с обретением ими полной автономии[5]. В это время

[1] ГИМ ОПИ (Москва). ф. 276. оп. 1. д. 109. Л. 27

[2] Там же. ф. 276. оп. 1. д. 109. Л. 31-33.

[3] Там же. ф. 276. оп. 1. д. 108. л. 101.

[4] Там же. ф. 276. оп. 1. д. 109. Л. 42-43.

[5] Доклад университетской подкомиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1902. С. 9.

Е.Н. Щепкин еще возлагал надежды на возможность государственного (правительственного) реформирования социальных структур. «Надо отдать справедливость русской государственной власти, – пишет он в мае 1901 г., – что в решительные минуты она всегда находит в себе смелость сознаться в ошибках и отложить в сторону самолюбие»[1].

Революционные события 1905 года прокатились волной по Одессе. Новороссийский университет и научное сообщество оказались в их водовороте. Студеческие митинги, кровавые столкновения на баррикадах, еврейские погромы – все эти трагические сюжеты прямо коснулись фигуры университетского профессора. В дни «октябрьских событий» Е.Н. Щепкин приобрел огромную популярность в Одессе своими выступлениями, обличающими организаторов еврейских погромов. Его широчайшая эрудиция, страстный, сильный голос притягивали участников митингов[2]. «Мы поплывем против него [самодержавия. – Т.П.] на вашем "Потемкине"», – призывал он одесситов на одном из митингов в октябре 1905 года[3].

Вспоминая в 1912 году о своей «кадетской эпопее», Е.Н. Щепкин пытался осмыслить собственный поворот от «безпартийного» трибуна к «партийному лидеру»: «В 1905-1906 гг. в связи с общерусским общественным движением в Одессе была сделана попытка обновить господствующие верхние слои общества, образовать на поверхности новый пласт, демократический по составу, без различия племени и вероисповедания», – писал он в газете «Южная мысль»[4].

Возглавив комитет одесского отделения конституционно-демократической партии, Е.Н. Щепкин с головой ушел в политическую деятельность. Его надежды на результативность цивилизованных форм борьбы «за всеобщее счастье и свободу» в этот период были выражены в редакционной статье первого номера журнала «За свободу», ставшего печатным органом комитета: «…предоставление народу в целом и во всех его частях широкого права на самоопределение политическое, социальное, культурное – краеугольный камень партии канституционных демократов»[5] .

Их двух кандидатов от партии кадетов в Одессе – О.Я. Пергамента и Е.Н. Щепкина, последний получает большинство голосов и 17 апреля избирается депутатом в 1-ю Государственную думу. На одном из заседаний комитета Е.Н. Щепкин заявил, что будет в Думе «…настаивать на неотложности вопроса о предоставлении евреям равноправия, дабы исполнить свой долг по отно-

[1] ГИМ ОПИ (Москва). Ф. 276. Оп. 1. Д. 108. Л. 50.

[2] См.: Памяти проф. Евгения Николаевича Щепкина (13.V.1860 - 12.XI.1920). Сборник изданный Одесской секцией научных работников и Одесским домом ученых по случаю пятилетней годовщины со дня смерти Е.Н.Щепкина. Одесса, 1927. С. 39.

[3] ГАОО. Ф. 634. Оп. 1. Д. 447. Л. 52.

[4] *Щепкин Е.Н.* Три бессилия: Самодурство, обывательщина, верхоглядство // Южная мысль. 1912. 28 октября.

[5] За свободу. 1905. 5 декабря.

шению к еврейским избирателям, оказавшим ему доверие»[1]. Это выступление будет понятным, если участь «оценку» кадетской организации в Одессе, данную в донесении сыскного отделения Одесскому полицмейстеру: «К партии принадлежит большинство из интеллигенции и среднего класса; в рабочих же массах партия поддержки не имеет и состоит из лиц, сочувствующих "еврейскому вопросу" и преследующих ту цель, чтобы при выборах в Государственную думу по г. Одессе провести еврея, или их ставленника»[2]. Популярность Е.Н. Щепкина среди еврейской интеллигенции Одессы объяснялась его решительной позицией по так называемому «еврейскому вопросу». С.Я. Боровой пишет в своих воспоминаниях: «Став как бы специалистом по вскрытию механизма организации еврейских погромов, он был командирован Думой в Белосток, где в те дни прошел погром, и он мужественно разоблачил его организаторов из местного военного начальства»[3].

В 1-й Государственной думе Е.Н. Щепкин стал членом бюро фракции кадетов и вошел в ЦК партии. Он искренне восхищался С.М. Муровцевым, считая его «единственным вождем», и активно работал в думских комиссиях. Умные и темпераментные речи Е.Н. Щепкина снискали ему авторитет и популярность. «Характера Евгений Николаевич смелого, сильного и решительного, человек большой эрудиции и ясного, отчетливого мышления», – так записано в иллюстрированном справочнике биографий членов Первой Государственной Думы[4].

Интересна его позиция в данный период по отношению к «революционным партиям». Выступая по вопросу об амнистии революционерам (политическим заключенным, участникам революционных событий 1905 г.), он подчеркивал, что кадеты признают путь постепенного развития, путь эволюционный, но, несмотря на это, с «…революционными партиями мы связаны нравственной солидарностью»[5].

Подписание «Выборгского воззвания» – обращения группы депутатов 1-й Государственной думы (в связи с ее роспуском) к народу с призывом к гражданскому неповиновению – было для Е.Н. Щепкина и проявлением солидарности, и нравственным долгом избранника народа, понимавшего, как и многие, что разгон Думы – это по сути государственный переворот и в такой ситуации «молчать нельзя»[6]. На процессе «выборгцев» Е.Н. Щепкин защищал себя сам, объясняя свою подпись «психологической необходимостью крупного

[1] Выборы в Одессе // Двадцатый век. 1906. 16 апреля.

[2] ГАОО. Ф. 314. Оп. 1.Д. 319. Л. 4-7; Оп. 2. Д. 146. Л. 37-38.

[3] *Боровой С.* Воспоминания / Вступ. ст. М. Соколянского; Примеч. и биоблиогр. коммент. В. Кельнера. М.; Иерусалим, 1993. С. 94.

[4] Первая Государственная дума: Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной думы. М., 1906. С. 38.

[5] Собрание речей депутатов Государственной думы. СПб., 1908. С. 20.

[6] Русское общество и революция. М., 1910. С. 248.

исторического момента» и оценивая само воззвание как изложение «основных начал конституционного права»[1]. Признанный виновным, Е.Н. Щепкин был приговорен к трем месяцам лишения свободы. Наказание он отбывал в Одесской тюрьме на протяжении января-марта 1908 года.

Со службы в Новороссийском университете Е.Н. Щепкин был уволен с 27 апреля 1906 года по приказу от 19 августа 1906 года на основании статьи 139 «Положения о выборах в Государственную думу»: совмещать депутатскую деятельность и профессуру по закону было невозможно. Разумеется, это был лишь «официальный» повод. За двадцатилетнюю службу (с 1886 г.) Е.Н. Щепкину министерством народного просвещения была назначена пенсия в размере 800 рублей[2].

Несмотря на то, что Совет университета неоднократно подавал прошения в министерство народного просвещения о возвращении Е.Н. Щепкина в университет, указывая на «выдающиеся заслуги» профессора как ученого и общественного деятеля, власти сочли восстановление Е.Н. Щепкина на службе «нежелательным» из-за подписания им «Выборгского воззвания»[3] . В письме к профессору Э.Р. фон-Штерну от 19 июля 1906 года Е.Н. Щепкин благодарит его за «сочувственное отношение». Он еще рассчитывает остаться в университете (если не профессором, то приват-доцентом) и даже планирует чтение курсов по Римской истории и истории средних веков[4]. В этих словах – полное отсутствие амбициозности (в чем неоднократно обвиняли Е.Н. Щепкина) и желание лишь сохранить возможность заниматься своей основной профессиональной деятельностью – научной. Но надежды Евгения Николаевича не оправдались…

После роспуска 1-й Государственной думы Е.Н. Щепкин еще оставался председателем одесского комитета партии кадетов и руководил в начале 1907 года выборами во 2-ю Думу. Но в период деятельности 3-й Думы происходит его разрыв с партией. Всю вину за политическое банкротство кадетов, которое, по его мнению, реально состоялось, он возлагал на лидеров фракции кадетов в 3-й Государственной Думе, обвиняя их в «неоткровенной тактике». Их позиция, подчеркивал Е.Н. Щепкин, неприемлема лично для него как представителя прежде всего науки и поэтому связанного долгом всегда говорить только истину. В 1912 году Е.Н. Щепкин объяснял свой уход из партии следующим образом: «…я пошел на разрыв с партией из-за того, что лидеры кадетов отреклись на “выборгском процессе” от 1-й Государственной думы и начали новую малодушную жизнь в 3-й Государственной думе на хлебах из милости у октябристов, центра, или у “конституалиста” П.Столыпина»[5]. ЦК конституционно-демокра-

[1] См.: Дело о Выборгском воззвании: Стенографический отчет о заседании особого присутствия Санкт-Петербургской судебной палаты 12-18 декабря 1907 г. СПб., 1908. С. 130-169.

[2] ГАОО. ф. 45. оп. 19. д. 569. Л. 70; Ф. 42. Оп. 35. Д. 439. Л. 1-4.

[3] Там же. Ф .45. Оп.19. Д. 569; Ф. 42. Оп. 35. Д. 438.

[4] ИР НБУВ. ф.у. д. 2563, 2565.

[5] *Щепкин Е.Н.* Об моем отречении от кадетов // Южная мысль. 1912. 14 июля.

тической партии 21 ноября 1907 года постановил на своем заседании «..признать Е. Щепкина добровольно сложившим с себя звание члена к.-д. партии»[1].

Отойдя на время от активной политической деятельности, Е.Н. Щепкин опять отдается научной и преподавательской работе и активно участвует в организации просветительских учреждений и литературно-артистического общества. Теперь он примыкает к беспартийной демократической группе университетской профессуры (среди них – известный историк М.М. Ковалевский), представители которой, вне зависимости от области своей науки, рассматривали политику как сферу их социально-педагогического призвания. Е.Н. Щепкин тем не менее был убежден в том, что нельзя одними школами и книгами политически воспитать народ и общество и поэтому «…необходимо дать им самим многое пережить, вовлекая их в переживание общенародных процессов»[2].

«Поиски "нового пути"» – так определял он кредо этой группы: через «…единство личности, открытые, искренние выступления – вот путь демократии XX века»[3].

Февраль 1917 года опять всколыхнул эту «вечно неугомонную фигуру»[4], забрезжили новые надежды на трудном пути поисков истины. Е.Н. Щепкин входит в состав общественно-революционного комитета, образованного в Одессе из представителей различных партийных течений. Однако пока он еще желает сохранить свою независимость и, начиная издание собственной газеты – «Власть народа», подчеркивает ее беспартийную платформу.

События 27 февраля 1917 года Е.Н. Щепкин приветствовал всей душой и в первом номере созданной им газеты – органа прогрессивных профессоров, поддерживаемого «Южно-русским культурно-просветительским обществом 27 февраля 1917 г.», – писал: «Для всех, чьи душевные переживания укладываются в пределах от конституционной монархии до демократической республики всегда открыты страницы "Власти народа". Слева от нас неприемлемы только культ революции ради революции, проповедь дальнейших переворотов против Временного правительства, неприемлемы всяческий максимализм и анархизм. Справа все для нас чуждое и само не станет стучаться в двери "Власти народа"»[5]

В последующих номерах газеты Е.Н. Щепкин продолжает развивать эти идеи, объясняя свое понимание перспектив борьбы: «Имущие классы не должны бояться ни Воли, ни Власти Народа. Даже демократическая республика отнюдь не море крови, а Учредительное Собрание – не раздел частных богатств.

[1] ГАОО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 46. Л. 17.

[2] *Щепкин Е.Н.* Накануне: (последний миг калейдоскопа) // Южная мысль. 1912. 12 сентября.

[3] *Щепкин Е.Н.* Акробат неомарксизма // Южная мысль. 1912. 4 сентября.

[4] *Хмельницкий И.* Е.Н.Щепкин // Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции. М., 1989. Ч.Ш. Стб. 261. Репринт: Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. Т.41. Вып.2.

[5] Стрелка минутная: от редактора // Власть народа. 1917. 14 марта. № 1.

Демократия в будущем надеется обойтись без внешних войн и полюбовно разрешить споры между народами… Надо скорее обеспечить неимущим min средства трудового личного и семейного существования, но жить без труда в свое удовольствие путем революционного насилия – об этом не думает рабочий человек ни в области физического, ни в области умственного труда… Пусть пролетариат, оставаясь трудовым, станет и интеллигентным. Пусть зажиточные по наследству или в чем-либо привилегированные слои общества, оставаясь интеллигентными, постепенно превратятся в рядовых, трудовых граждан»[1].

Однако щепкинский «Союз народоправства»[2], который должен быть создан, по его убеждению, в результате сближения пролетариата и высших слоев общества на основе идеалов «интеллигентности» и «труда», остается лишь романтической мечтой. Сам Е.Н. Щепкин в полемической борьбе против «правых» – «реакционеров», в первую очередь своих же коллег по университету, нарушает принципы «полюбовного разрешения споров»: его публикации становятся все более нетерпимыми, его обвинения в «гражданской трусости» переходят нормативы интеллигентности.

От имени «правых» выступает профессор А.П. Доброклонский. Он пишет Е.Н. Щепкину открытое письмо: «Е.Н., Вы носите высокое имя профессора университета. Не унижайте же его. Не позорьте университет, в который снова вступаете… "Реакционное союзничество, думаете Вы, Е.Н., – это академизм, а политика – это прогрессивная, животрепещущая наука". Неужели искренне думаете так? Неужели чистый академизм, т.е. девиз "университет для науки" неразлучен с реакционностью? Не отвлекает ли, наоборот, политика от чистой науки?.. Я не вижу в ней [статье Е.Н. Щепкина. – Т.П.] штрихов историка. Полемиста, борца? – Да. Но и для профессора борца приличен другой тон и другой прием»[3]. В апреле 1917 года группа профессоров Новороссийского университета публично осудила «полемические приемы» газеты «Власть народа» и ее главного редактора – профессора Е.Н. Щепкина[4] .

В условиях калейдоскопа событий, чехарды властей и сериала партийно-политических банкротств происходит быстрое «левение» бывшего академического профессора. Примкнув сначала к лево-эсеровскому направлению, он стал сближаться с большевиками. С.Я. Боровой вспоминает об организации в период французской оккупации Одессы в зале крупнейшего в городе кинотеатра «Художественный» модного в то время шоу – «Суд над Лениным», которое привлекло внимание одесситов. Среди «прокуроров» были анархисты,

[1] *Щепкин Е.Н.* Индивидуализм и социализм: Толковый словарь (Не даль, а близь) // Власть народа. 1917. 16 марта. № 3.

[2] Власть народа. 1917. 14 марта. № 1.

[3] Одесский историко-краеведческий музей (ОИКМ). № 7061. Л. 1-6: *Доброклонский А.* Открытое письмо проф. Е.Н.Щепкину. 1 апреля 1917 г.

[4] Одесские новости. 1917. 15 апреля. № 10392.

основным «защитником» Ленина стал профессор Е.Н. Щепкин [1].

13 мая 1918 года Е.Н. Щепкин пишет декану историко-филологического факультета профессору А.П. Доброклонскому заявление: «В виду того, что фактом получения жалования из университетского казначейства в феврале месяце [т.е. в период установления советской власти. – Т.П.] я косвенно признал власть Советов и Народных Комиссаров, я не считаю для себя возможным впредь до заключения мира между Украинским правительством и Народными комиссарами и ратификацией мира с Германией оставаться в Одессе в дни вступления в нее украинских и немецких войск, а потому с 12 марта <...> я покинул Одессу, предупредив студентов о перерыве занятий»[2] .

В апреле-августе 1919 года, во второй период советской власти в Одессе, Е.Н. Щепкин (уже прошедший с большевиками по дорогам гражданской войны в солдатской шинели) в качестве комиссара народного просвещения начинает реорганизацию высшей школы. «Чистка "авгиевых конюшен"» Новороссийского университета приводит к увольнению группы профессоров, среди которых и ученики самого Е.Н. Щепкина. Он становится все более бескомпромиссным в своей позиции, все более решительным в своей борьбе за свободу на стороне советов.

В период захвата Одессы Добровольческой армией Е.Н. Щепкин оказывается в тюрьме, ему грозит расстрел. Его стойкость и бесстрашие вызывают уважение даже у тюремщиков, а известие о расстреле родного брата – Н.Н. Щепкина (земского деятеля, члена партии кадетов, депутата III и IV Государственных дум, участника антибольшевистских организаций «Союза возрождения России» и «Национального Центра»)[3] – он (во всяком случае, внешне) воспринимает как заслуженную кару человеку, выступившему против советской власти[4].

Н.Н. Щепкин 3 сентября 1919 года, в период следствия, так объяснял свой выбор: членом антибольшевистской организации «Союз возрождения России» стал «…прежде всего как свободолюбец по всей моей природе, ненавидящий угнетения, откуда бы они не происходили. Мой дед, знаменитый актер М.С. Щепкин, был крепостным и преемственно завещал нам идею борьбы со всяким крепостничеством, какими бы красивыми лозунгами оно не прикрывалось»[5]. Вышедший из того же гнезда, «свободолюбец» и рьяный искатель

[1] *Боровой С.* Воспоминания / Вступ. ст. М. Соколянского; Примеч. и биоблиогр. коммент. В. Кельнера. М. ; Иерусалим, 1993. С. 82-83.

[2] ГАОО. ф. 45. оп. 19. д. 59. л. 1.

[3] См.: Красная книга ВЧК. М., 1989. Т.2; *Думова Н.Г.* Кадетская контреволюция и ее разгром (октябрь 1917 - 1920 г.г.). М., 1982; *Николаева Е.В.* Роль потомков Щепкина в распространении просвещения в России (Н.Н.Щепкин) // Живая коллекция. Выпуск 3. Сборник научных трудов. М., 2009. С.190-193. и др.

[4] См.: *Хмельницкий И.А.* Общественно-политическая физиономия Е.Н.Щепкина // Памяти проф. Евгения Николаевича Щепкина (13.V.1860 - 12.XI.1920). Сборник изданный Одесской секцией научных работников и Одесским домом ученых по случаю пятилетней годовщины со дня смерти Е.Н.Щепкина. Одесса, 1927. С. 25.

[5] Красная книга ВЧК. М., 1989. т.2. С. 196.

истины – Е.Н. Щепкин пошел по другому пути…

С февраля 1920 года Е.Н. Щепкин в должности заведующего отделом высших учебных заведений Одесского губернского отдела народного образования[1] играет последний акт собственной трагедии. Вся его деятельность подчинена одному – реформе высшей школы. Можно допустить, что Е.Н. Щепкин искренне верил в то, что девиз «Свободный университет будет существовать в свободном государстве», окрылявший его еще в период работы над проектом нового университетского устава в начале 1905 года, имеет под собой реальную почву для своего воплощения в жизнь.

В августе 1920 года Е.Н. Щепкин пишет: «Глубоко удовлетворен, что дожил до начала глобального переустройства…»[2]. Одесский рабфак (рабочий факультет), детище Е.Н. Щепкина, в которое он верил, как в панацею, – орудие реформирования «ветхой высшей школы». «Целью преподавания в высшей школе, – формулирует свою программу «красный професор» Щепкин, – намечается не просто научное знание, а деятельная жизнь согласно науке»[3]. Именно в этом новом образе высшей школы он хотел воплотить «рациональные педагогические методы преподавания на основе деятельного американского прагматизма»: заменить «созерцательность отвлеченного знания» («академичность») – «воздействием на волю, толкающим к активности», и подчинить теорию – практике[4].

«Многие дивились его быстрой метаморфозе, превращению в дни революции в левого революционера, а потом в коммуниста, но он был, безусловно, искренен в своем революционном энтузиазме <…> совершенно чужд мелкого чувства мести за себя»[5], – вспоминал К.П. Добролюбский. Среди давних недоброжелателей и оппонетов Е.Н. Щепкина – профессор И.А. Линниченко, напротив, считал его человеком «…беспринципным, политическим хамелеоном, окрашивавшимся в тот цвет, который ему, по его личным интересам, был в данное время полезен»[6].

Эпилог: несколько ремарок

Торжественное открытие одесского рабфака 7 ноября 1920 года было последней радостью Е.Н. Щепкина. Его здоровье, подорванное пребыванием в тюрьме, резко ухудшалось. Образ жизни Е.Н. Щепкина, его внешность – все свидетельствовало о том, что он мало был похож на «дорвавшегося до власти»

---

[1] ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 568. Л. 1.

[2] Российсский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2398. Оп. 1. Д. 212. Л. 1-2;

[3] *Щепкин Е.Н.* Отбор умов и подбор среды // Высшая школа. 1919. № 1. С. 5.

[4] *Щепкин Е.Н.* Рабочие факультеты // Советское строительство. 1920. № 6. С. 29-30.

[5] *Добролюбский К.П.* В Новороссийском университете // Одесский вестник. 1994. 5 марта.

[6] *Линниченко И.* Письмо в редакцию // Одесские новости. 1917. 25 марта.

благополучного «красного злодея», а его статьи и выступления ставят под сомнение едкую оценку И. Бунина – «сумасшедший мерзавец»[1] .

Последние месяцы Е.Н. Щепкин жил в гостинице «Лондонская», которая была «…превращена в общежитие для советских и партийных работников»[2]; питался в частной столовой по улице Коминтерна (позже – Петра Великого, ныне – Дворянская). «Вероятно, ему не очень сладко жилось, – вспоминал Д.Д. Хмыров[3], – потому что в столовую он приходил не только за тем, чтобы съесть убогий тогдашний обед, но и за тем, чтобы хоть немного обогреться в теплой, наполненной людьми комнате»[4].

Умер «красный професор» в полном одиночестве[5]. Похороны состоялись 13 ноября 1920 года. Некрологи в официальной печати созвучны по своему содержанию: «…после Тимирязева, это второй европейски известный ученый, признавший коммунизм. Видный историк, прекрасный лектор, Е.Н. Щепкин весь отдался работе на пользу пролетариата…»[6]. «Умер профессор-коммунист…ученый, всю силу своего научного знания отдавший служению рабочему классу и пролетарской революции» [7].

Чем же был для этого «буйного одесского профессора», ставшего, по воспоминаниям И.В. Гессена, «настоящим bete noire фракции I Думы»[8], последний год[9] его жизни?.. Историку сложно говорить в будущем времени – это не его предназначение. Но, подводя итог, нельзя не обратиться к сослагательному

---

[1] См.: *Бунин И.* Окаянные дни. Одесса, 1991. С. 39.

[2] *Боровой С.* Воспоминания / Вступ. ст. М. Соколянского; Примеч. и биоблиогр. коммент. В. Кельнера. М.; Иерусалим, 1993. С. 94.

[3] См. о Д.Д.Хмырове: Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Том 4. Р-Я. Одеса, 2000. С. 314-316.

[4] *Хмыров Д.* Памяти друга // Памяти проф. Евгения Николаевича Щепкина (13.V.1860 - 12.XI.1920). Сборник изданный Одесской секцией научных работников и Одесским домом ученых по случаю пятилетней годовщины со дня смерти Е.Н.Щепкина. Одесса, 1927. С. 35.

[5] См.: *Боровой С.* Воспоминания / Вступ. ст. М. Соколянского; Примеч. и биоблиогр. коммент. В. Кельнера. М.; Иерусалим, 1993. С. 94; *Хмельницкий И.* Е.Н.Щепкин // Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции. М., 1989. Ч.III. Стб. 261. Репринт: Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. Т.41. Вып.2. Стб. 263. Обстоятельства смерти и точная дата кончины Е.Н.Щепкина до сих пор неизвестны.

[6] Народное хозяйство. 1920. № 5. С. 51.

[7] Известия Одесского губернского революционного комитета. 1920. 13 ноября. № 296.

[8] См.: *Гессен И.В.* В двух веках: Жизненный отчет, Берлин, 1937 г. // Архив русской революции, изданный И.Гессеном. М., 1993. Т.22. С. 237.

[9] См. подробнее: *Левченко В.В.* Общественно-политическая деятельность Е.Н.Щепкина в 1917-1920 гг.: от профессора Новороссийского университета до «профессора-коммуниста» // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Брянск, 2009. С. 66–71; *Он же.* Хроніка останнього року життя «червоного професора» // Історик Євген Миколайович Щепкін (1860-1920): постать в контексті доби. Матеріали міжнар. наук. конференції «IV Історіографічні читання», присвяч. 150-й річниці з дня народження професора Є.М. Щепкіна (21-22 травня 2010 р.), м.Одеса / Одеськ. нац. ун-т ім. І.І.Мечникова, істор.ф-т. Відп. ред. *В.М. Хмарський*; науков. ред. *Т.М.Попова*. Одеса, 2012. С.123-132.

наклонению: в чем проявился бы очередной этап в «левении» Е.Н. Щепкина? Вряд ли принцип партийности (и тем более его последующая модификация – «партийная целесообразность») стал бы определяющим исследовательским принципом ученого.

Всю свою жизнь Евгений Николаевич Щепкин искал истину. Принцип объективности – «истинности» – из научного исследования он пытался перенести в политику, в сферу общественной деятельности. Поиски идеала демократии XX века, о котором он писал в 1912 году, заставляли его идти по пути надежд и разочарований. Что приобрел и что потерял он на этом тернистом пути? С какими мыслями он прожил последние минуты своей жизни? Достойно ли нас выносить ему приговор?..

ЕВГЕНИЙ ПАРФЕНТЬЕВИЧ ТРИФИЛЬЕВ: РЯДОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

…слово «норма» – двусмысленно и обоюдоостро…

Артуро Перес-Реверте

Евгений Парфентьевич Трифильев

Имя Е.П. Трифильева (1867-1925) малоизвестно даже в кругу профессионалов[1]: он не заявил о себе в качестве серьезного ученого, не обладал особым лекторским даром, не был значительным общественным деятелем, не фигурировал на политической арене. Серой тенью, подчас с клеймом «посредственности», промелькнул образ Е.П. Трифильева в воспоминаниях его бывших учеников и коллег.

Н.Л. Рубинштейн критически оценивал состав профессоров историко-филологического факультета Новороссийского университета в середине второго десятилетия XX в. – «неровный, скорее слабый» – и в качестве «яркого примера» приводил Е.П. Трифильева, который на лекциях «в буквальном смысле слова» диктовал «медленно, и без всякого выражения элементарный конспект»[2]. К.П. Добролюбский, хотя и написал работу, получившую золотую медаль на тему, предложенную именно Е.П. Трифильевым («Сочинения Г.К. Котошихина о России как исторический источник»), которая позволила ему стать профессорским стипендиатом, охарактеризовал своего формального наставника как «человека мало одаренного и неважного лектора»[3]. Даже П.М. Бицилли со своей мягкой толерантностью сравнил свое университетское окружение в Скопье (уровень которого оставлял желать лучшего) «по одаренности и учености» с личностью Трифильева[4]. С.Я. Боровой также вспоминал: «Трифильев не от-

[1] См.: История исторической науки в СССР в дооктябрьский период. Библиография. М., 1965. С.394.

[2] См.: *Рубинштейн Н.Л.* О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6.С.90.

[3] *К.П. Добролюбский.* Воспоминания (Из личного архива А.О.Добролюбского; рукопись, машинопись). С.54;. *Добролюбский К.П., Добролюбский А.О., Добролюбская Ю.А.* Семейный архив. Очерки. Одесса, 2004. 228 с.

[4] В письме к А.В. Флоровскому от 5 февраля 1923 г. П.М. Бицилли писал: «Я остаюсь один в заведении, в котором вся власть сосредоточена в руках субъектов, могущих по душевным качествам затмить Бориса Васильевича [речь идет о Варнеке, который с 1910 г. был ординарным профессором по кафедре классической филологии. – Т.П.], и по одаренности

личался научной активностью. Лекции читал по тетрадке…»[1]. Более жесткое отношение к Е.П. Трифильеву выказывал И.А. Линниченко, который так и не смог принять назначение «варяга», не обладавшего к тому же солидным научным и педагогическим потенциалом, фактическим главой кафедры русской истории Новороссийского университета. Многолетний конфликт между двумя профессорами болезненно сказался на рабочей атмосфере преподавательского сообщества кафедры и факультета[2].

В советской историографии 1960-х Е.П. Трифильева поместили в разряд историков «с прогрессивными взглядами», акцентируя внимание на социальной направленности основных исследований ученого[3].

В новейшей историографии имя Е.П. Трифильева прочно занимает свое место в плеяде первых исследователей-археологов скифской эпохи[4]. К его главной работе об эпохе Павла 1 вновь обращаются историки[5], его краеведческие

и учености – успешно конкурировать с Мулюкиным [историк права, профессор Новороссийского университета, депортированный в 1922 г. - Т.П.] и Евгением Парфеновичем». См.: Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф.1609.Оп 1. Д.140. Л.8. В узком университетском кругу Е.П.Трифильева называли «Триша». См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспособляюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М.Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София, 2015. С.107.

[1] *Боровой Саул.* Воспоминания / Вступ. ст. М. Соколянского; Примеч. и биоблиогр. коммент. В. Кельнера. М.; Иерусалим, 1993. С.99.

[2] См. подробнее: *Музичко Олександр.* Інтелектуальне співтовариство одеських істориків на зламі XIX-XX ст.: лінії суперництва і співпраці // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2009. Вип.4. С.391-393.

[3] Історія Одеського університету за 100 років / ОДУ ім. І. І. Мечникова ; відп. ред.: О. І. Юрженко. Київ, 1968. С.328-329.

[4] См.: *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья 1У-ХШ века: Учебное пособие. Воронеж, 2003. С.120, 126; *Борисова М.А.* Изучение вопроса об этнокультурной принадлежности средневековых каменных изваяний южнорусских степей в отечественной науке XIX - начала XX века // Новик: Сб. научных работа аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып.3 / Научн. ред. А.И.Филюшкин. Воронеж, 2000. С.29**;** *Косиков В. А.* История исследования археологических памятников Донбасса. Донецк, 2001. 84 с.; *Мельникова А. А.* Погребения поздних кочевников в ладьевидных колодах // Новые материалы и методы археологических исследований: Материалы П Международной конференции молодых ученых. Москва, 19-21 марта 2013. М., 2013. С.176-178; *Пеляшенко К.Ю.* Ліпна кераміка скіфського часу Дніпро-Донецького лісостепу: історія формування, систематизації та доля колекцій // Вісник НТУ «ХІІІ» (Вісник Національного технічного університету "ХІІІ" / "Харківський політехнічний інститут"/). 2013. № 25(998).С.98-113 и др.

[5] См.: *Абрамова И.Л.* Эпоха Павла I в русской исторической науке // Международный исторический журнал. №1, январь-февраль 1999; см. также диссертационные работы: *Сараева Е.Л.* Крестьянские движения в губерниях Верхневолжья в конце XVIII – первой четверти XIX вв. Ярославль, 1984; *Скоробогатов А.В.* Политические взгляды Павла I: Становление, эволюция, реализация. М., 2005; *Артоболевский А.А.* Манифест о трехдневной барщине Павла 1: предпосылки появления и условия реализации. Пенза, 2006; *Долгих А.Н.* Российское самодержавие и крестьянский вопрос: 1796-1825 гг. Самара, 2010 и др.

разведки также не остались без внимания ученых и аматоров[1]. Практически все работы Е.П. Трифильева фигурируют в диссертационных исследованиях последнего пятнадцатилетия[2].

Кто же Вы, Евгений Парфентьевич? Что сделали Вы на поприще исторической науки? Что знаем мы о Вас, чтобы судить?..

Био-хроника

Евгений Парфентьевич Трифильев родился 5 января[3] 1867 г. в г. Мариуполе Екатеринославской губернии. По паспорту числился русским, православного вероисповедания.

Генеалогический экскурс. В своих автобиографиях Е.Н. Трифильев (далее – Е.П.) указывал, что его отец – грек, выходец из Крыма. Действительно, Е.П. принадлежал к хорошо известной в Мариуполе династии Трифильевых,

[1] См.: Арешт графів Булгарі. (Документи Державного архіву Одеської області) /Підготували до друку *Григорій Казьмирчук, Юрій Латиш* (Київ) // Декабристи в Україні: дослідження й матеріали / Упор.: Г. Д. Казьмирчук, Ю. В. Латиш; редкол.: В. А. Смолій (голова), Г. Д. Казьмирчук (відпов. ред.), О. П. Реєнт та ін. Т. 7. Київ, 2012. С.15-58 [анализ работы: *Стратен В., Трифільєв Є.* До матеріялів про декабристів. (На підставі даних Одеського історичного архіву) // Рух декабристів на Україні. Харків,1926. С.77–97]; Очерки русской культуры XVII в. Часть первая. Материальная культура. Государственный строй. М. 1979 [ссылка на: Е.Н.Трифильев «Очерки из истории промышленности Слободской Украины» (Сборник харьковского историко-филологического общества, т. 6, вып. II. Харьков, 1894)]. С. 13-14, 16; *Слюсарский А.Г.* Социально-экономическое развитие Слобожанщины. XVII-XVIII вв. Харьков, 1964. С.21 [ссылка на: Трифилев Е. Очерк из истории промышленности Слободской Украины, вып.1. Селитроварение XУП-XУШ вв. Харьков, 1894]; *Прынь В.М.* Памятники сакральной культуры на Сватовщине // Вторые областные Краеведческие чтения «Луганщина в пространстве и времени». Луганск, 2000; *Левченко В.* Краєзнавство в Одеському Інституті народної освіти (1920-1930 рр.): становлення, напрями, традиції // Краєзнавство. 2011. №2. С.11-24; *Тункина И. В.* Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей, 1771-1871. Киев, 2011; *Майструк О.Н.* Історіографія дослідження науково-просвітницької та управлінської діяльності Василя Каразіна (друга половина XIX ст. – 20-ті рр. XX ст.) // Педагогічний дискурс. 2013. Вип. 15. С. 431-436; *Вовк О.І.* Постать Василя Каразіна в історіографії / Науков. ред. С.М.Куделко. Харків, 2016 и др.

[2] См. авторефераты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов исторических и педагогических наук: *Трибунский П.А.* П.Н.Милюков как историк русской исторической мысли. Рязань, 2001; *Мамонтова М.А.* С.Ф.Платонов, поиск модели исторического исследования. Омск, 2002; *Митрофанов В.В.* Проблемы истории русского Севера и Сибири в трудах С.Ф.Платонова. Омск, 2003; *Грачева Ю.Е.* Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России 1 трети X1X века. М., 2008; *Корниенко Е.В.* Идея воспитания сына отечества в педагогическом наследии Н.И.Новикова. Архангельск, 2009; *Петровская О.В.* Эволюция российской государственности на рубеже XVIII-XIX веков: либеральная и консервативная тенденции. М., 2010; *Мельникова Н.С.* Традиции и новации в российском досуге в предпетровскую эпоху. Челябинск, 2010 и др.

[3] В биографических материалах приводятся две даты рождения: 5 января и 8 февраля 1867 г. Мы основываемся на данных Curriculum vitae, написанной рукой Е.П.Трифильева 30 мая 1907 г. См.: ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1925 (1905-1908). Л.4. Все даты до 1918 г. приведены по «старому стилю».

представители которой были довольно многочисленны[1].

После первой русско-турецкой войны 1768-1774 гг. в июле 1778 года началось переселение крымских христиан из Крымского ханства в Россию, среди которых было много греков[2]. Вдохновителем миграции («Исхода») христиан в Приазовье был митрополит Игнатий (в миру Иаков Гозадинос, или Хазадинов /1715-1786/), бывший митрополит Готфский и Кефайский Константинопольской православной церкви, ставший епископом Русской православной церкви. Еще в 1771 году он подавал прошение о принятии Готфейско-Кефайской епархии в Синод, а через год обращался к Екатерине II с просьбой о переходе греков Крыма в российское подданство[3].

По распоряжению князя Г.А. Потемкина переселенным из Крыма грекам отводилась для поселения в Азовской губернии территория Павловского уезда, которому присваивалось название Мариупольский: город Павловск[4] получал название Мариуполь[5]. Первым жителям города предлагалось переселиться на новые места, а выходцам из Крыма весной 1780 года начать продвижение к местам поселения в Мариупольский уезд, в котором они основали 20 сел [6]. 26 июля 1780 года переселенцы во главе с митрополитом Игнатием впервые прибыли в Мариуполь[7]. Здесь в 1782 году митрополит Игнатий освятил Соборную церковь святого Харлампия[8].

---

[1] См. Греки Приазовья. URL: http://www.azovgreeks.com/database.cfm?page_id=tree&fam_id=4711

[2] Среди более чем тридцати одной тысячи переселенцев греков насчитывалось 18 408 тысяч. См.: *Ходеев Ф.П.* Переселение греков из Крыма в Новороссию в XVIII в. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Xodeev.pdf

[3] Перевод прошения митрополита Игнатия к Екатерине II о принятии греков Крыма в подданство России и позволении ему прибыть в Санкт-Петербург для согласования этого вопроса // Мариуполь и его окрестности: Отчет об учебных экскурсиях Мариупольской Александровской гимназии. Мариуполь, 1892.С.40-44; *Калоеров Стефан*. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652-1783). Донецк, 2008. С.39-42.

[4] Город Павловск в 1778 г. заложил губернатор Азовской губернии В. А. Чертков. К марту 1779 г. в городе числилось 75 человек (50 мужчин и 25 женщин) из них: поляков – 5, русских – 8, украинцев – 5, бывших запорожцев – 57.

[5] По названию местечка близ Бахчисарая, где жил Игнатий.

[6] Старый Мариуполь. URL: http://old-mariupol.com.ua/mariupolskij-xronograf-1778-1783/

[7] Под руководством митрополита Игнатия 17 сентября 1778 года, греки, вышедшие из Крыма в Россию, достигли Новоселицы (Новомосковска). Дружелюбно принятые местным населением, прибывшие расположились в Новоселице и соседних селах на зимовку, а митрополит Игнатий со своим штатом и «с любимцем протоиереем Трифиллием Карацоглу» - в Самарском Пустынно-Николаевском монастыре. 21-го июня 1779 года Митрополит Игнатий с протоиереем Трифиллием Карацоглу по приглашению князя Потемкина ездил из Самарского монастыря в Москву и Петербург, был с почетом принят императрицей, Святейшим Синодом и государственными сановниками; осенью того же года, он возвратился в Самару и в феврале 1780 года вместе со своими соотечественниками отправился в Мариупольский округ. См.: Самарский Пустынно-Николаевский монастырь в Новомосковске. URL: http://archive.is/CEfg#selection-213.0-213.57

[8] *Феодосий (Макаревский).* Греческие церкви Мариупольского уезда XVIII века // Материалы по истории и культуре греков Украины: Сборник / Составление и редакция С.А. Калоеров и Г.Н. Чердакли. Донецк, 1998. Вып. 1. С. 95.

Среди ближайших сподвижников Игнатия был ***Трифилий Юриев*** (Трандафилов[1] Карацоглу[2] /1728-?/), основатель родовой фамилии, который еще до переселения греков в Приазовье был рукоположен в священники митрополитом Гедеоном, предшественником Игнатия. Когда последний занял Готфейскую и Кефайскую кафедру, Трифилий, став протоиереем и правой рукой митрополита, деятельно участвовал в подготовке и проведении переселения христиан из Крыма. Через два года после прибытия в Мариуполь Игнатий назначил Трифилия экономом при Соборном храме св. Харлампия[3].

У протоиерея Трифилия было семеро детей: Деспина Трифильева /Федорова/(1763), Парфентий Трифильев (1764), Иван Трифильев (1765-1786), Григорий Трифильев (1767), Марья Трифильева / Кириллова/ (1771-1814), Елисавета Трифильева (1775), Василий Трифильев (Карацов) (1818).

Парфентий Трифильев, прадед Е.П., так же как и его отец, был священником. В 1779 г. в Приазовье было основано греческое село Константинополь (урумское поселение)[4]. В 1780 г. протоиерей Трифилий построил в селе Константинополь Феодоро-Стратилатовскую церковь из досок на столбах, на ее месте в 1795 г. его сын Парфентий построил уже на каменном фундаменте деревянную церковь.

У Парфентия Юрьевича было три сына: Павел (1785; записан как Тр/е/

---

[1] Трифилия (Трифиллия) иногда называли Трандафил (отсюда – Трандафилов), это имя – производное от церковного – Триандафил, в переводе с греческого – «роза». В истории православия известен святой мученик Триандафил, который являлся уроженцем Загоры Фессалоникской и был обезглавлен турками в Константинополе в 1680 году за отказ принять мусульманство.

[2] Родоначальник – крымчанин *Карацоглу Юрий* (1695) – личность практически не известная. Родовая фамилия-кличка Карац-оглу (сын Караца) позже трансформировалась в фамилию Карацев (Карацов, Арацов), которую носили многие представители династии Трифильевых.

[3] *Текежи Д.* Описание Харлампиевского собора в г. Мариуполе // Екатеринославские епархиальные ведомости. Екатеринослав, 1875. №11. С. 305-306. Трифилий Карацоглу известен, в частности, тем, что до потомков дошел его дневник, написанный по-татарски греческими буквами. См.: *Серафимов С.* Заметки из архива Готфийской епархии в Крыму // Записки Одесского об-ва истории и древностей. Одесса, 1867. Т. 6. С. 591-595; *Заморяхин А.В.* Церковная история крымских готов в отечественной историографии // Вестник Пермского университета. История. Вып.5. 2005; *Яруцкий Л.Д.* Мариупольская старина: рассказы краеведа. М., 1991. URL: http://old-mariupol.com.ua/preosvyashhennyj-nikifor/; *Чернухін Євген.* Архів протоієрея Трифілія Карацоглу (публікація першоджерел з історії греків Надазов′я) / НАН України. Інститут історії України, Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського. Інститут рукопису. Київ, 2012. 164 с.; *Чернухин Е. К., Гальченко Е. М.* Евангелия караманлийского письма XVIII в. из Северного Причерноморья в фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского // Рукописна та книжкова спадщина України. Археографічні дослідження унікальних архівних та бібліотечних фондів. Вип. 19. Київ, 2015. С.244.

[4] Урумы, или греко-татары, – один из народов Крыма, имеющий свой урумский язык, близкий к крымско-татарскому языку. См. подробнее: *Анимица Е. Г.* Малоянисоль: история, события, судьбы (1780–2010). / Е. Г. Анимица, Л. Г. Антонова; [предисл. А. В. Гедѐ]; М-во образования и науки РФ, Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург, 2010. С.26-49.

фильев[1]) [2], Георгий (Юрий) (1819-1891) и Николай (1811). Николай Парфентьевич Трифильев, дед Е.П., в 1839 г. по указу Екатеринославской казенной палаты был переведен из духовного звания в купеческое сословие. У него и его жены Анны Григорьевны, мариупольской мещанки (1814-1889; возможно, дочери Григория Аттаринова) родилось четверо детей: Елена (1844), Парфентий (1846), Варвара (1854) и Александр (1856).

Парфентий Николаевич Трифильев, отец Е.Н. Трифильева, числился мариупольским мещанином, имел дом на Итальянской улице (названная в честь католического костела, расположенного в начале улицы, основными прихожанами которого были итальянцы; одна из первых в г.Мариуполе мощеных улиц в центре города); его имущественный ценз составлял в 1890-е гг. 400 рублей[3]. У Парфентия Николаевича и его жены Марии Яковлевны (украинки, по словам Е.П. Трифильева) было пятеро детей, из которых трое (сын Николай /1872-1874/ и две дочери, обе – Ларисы /1875-1876 – первая и 1879-1882 – вторая/) умерли в детстве.

Спиридон Парфентьевич Трифильев – младший сын (1869), брат Е.П.; его восприемниками при крещении были родная тетка – Варвара Николаевна Трифильева и чиновник Митрофан Яковлевич Казначеев. Окончив в 1896 г. медицинский факультет Харьковского Императорского университета по специализации «хирургия» (доктор медицины), служил земским врачом Петровской больницы г. Петровска Саратовской губернии. Надворный советник С.П. Трифильев был одним из старшин Петровского Общественного Собрания и Товарищем Председателя Петровского местного Комитета Общества Красного Креста[4].

Из родственников, современников Е.Н., наиболее известен Алексей Кириллович Трифильев (1872-?)[5], «старец-протоирей». По окончании Духовной семинарии с 1894 г. был священником в Большой Каракубе[6], преподавал в земском училище, председательствовал в Николаевском миссионерском комитете. В 1920-е гг., будучи протоиереем Никольской церкви в Ростове-на-Дону, выступал против «обновленчества», подвергся преследованиям со стороны местных

---

[1] Фамилия Трифильев в документах имеет разные варианты написания: Трефильев, Трефелев, Трифилев и т.п., это же относится и к отчеству Парфентьевич: часто пишут Парфеньевич, Парфенович и т.п.

[2] Павел Парфентьев Трефильев владел в Константинополе усадьбой и 11 крестьянами. В списке помещиков Александровского уезда в 1811 году числился коллежским регистратором (14 класс) по Табели о рангах.

[3] См.: Адрес-календарь «Весь Мариуполь и его уезд». Мариуполь, 1910. С.XIV.

[4] См.: Памятная Книжка Саратовской губернии на 1907 год. Издание Саратовского Губернского Статистического Комитета. Саратов, 1907. Сын Спиридона Парфентьевича - Сергей Спиридонович (1916-1996).

[5] Алексей Трифильев происходил по линии младшего сына основоположника рода Трифилия – Василия и приходился Е.П. троюродным дядей, хотя по возрасту был моложе его.

[6] Большая Каракуба – село Старобешевского района Донецкой области Украины, с 1946 г. Раздольное.

органов ОГПУ; был трижды осужден, отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения, затем был выслан в Казахстан (г. Кзыл-Орда, 1928 г.). В Соловках состоял в Соловецком Обществе Краеведения (СОК), печатался на страницах лагерного журнала «СЛОН»[1]. Дальнейшая судьба неизвестна. Причислен к лику новомучеников и исповедников Русской православной церкви[2].

Среди современных потомков о. Трифилия Карацоглу – Святослав Александрович Кириллов, доктор химических наук, и.о. директора Межведомственного отделения электрохимической энергетики НАН Украины[3].

* * *

Харьковский период

После окончания Мариупольской гимназии в 1886 г. Е.П. поступил в Харьковский университет на юридический факультет, но со второго семестра перешел на историческое отделение историко-филологического факультета. С 20 августа 1888 г. по 1 июня 1890 г. был стипендиатом Министерства народного просвещения. В 1890 г. окончил университет с дипломом I степени. По итогам испытаний за полный курс университета (экзамены состоялись в мае и сентябре 1890 г.) Е.П. получил оценку «весьма удовлетворительно» (высший балл) по следующим предметам: греческий и латинский язык (устный и письменный экзамен), история классических народов, история искусств, философия, история славянских народов, всеобщая и русская история, история церкви.

С декабря 1890 г. Е.П. начал работать учителем истории и географии в средних учебных заведениях г. Харькова – частных женских гимназиях (греческой гимназии Филипс, гимназии Е.Н. Драшковской), в Епархиальном женском училище (с 7 сентября 1893 г.), а также хранителем Музея древностей и изящных искусств при Харьковском университете (с 1893 г.).

Ремарка. В сословно-иерархическом российском обществе главенствующую роль играла чиновническая бюрократия, и ученые степени и звания

---

[1] СЛОН – Северные/Соловецкие лагеря особого назначения.

[2] Печатные труды А.К.Трифильева: «На Божьем пути: (К вопр. о нац. возрождении)»: [Докл., представл. Мариуп. земск. собр.] / Свящ. Ал. Трифильев. Екатеринослав: тип. С.И. Барановского, 1914. 30 с.; «История христианской Церкви в жизнеописаниях святых ее» (1913). См.: Екатеринославские епархиальные ведомости // Православная энциклопедия / под. редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т.18. С.168-170; *Шкаровский М. В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999; *Феодосий (Процюк),* митрополит. «Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине.1917 - 1943». (Материалы по истории Церкви. Кн. 36), М. 2004; *Никольский В.Н.* Православное духовенство Донетчины, репрессированное в 1920 – 1950-х гг. (в документах и материалах). Монография. Донецк, 2013. (о А.К.Трефильеве – с.142). URL: http://www.pravenc.ru/text/189635.html

[3] Вісник Національної Академії наук (НАН) України. 2015. № 3. С.104.

имели свой табельно-должностной статус. Правительство рассматривало преподавателей высших и средних учебных заведений прежде всего как чиновников на государственной службе с соответствующими каждому чину правами, окладами и т.п. До 1854 г. чины XIV-IX класса по Табели о рангах давали право лицам недворянского происхождения на переход в «личное дворянство», а VIII – в «потомственное». Законы от 11 июня 1845 г. и от 9 декабря 1856 г. повысили планку: в потомственное дворянство переходили теперь с IV класса (действительный статский советник), в личное – с IX (титулярный советник); X –XIVклассы давали право на «почетное гражданство». Представители податных сословий (крестьяне, мещане) по окончании университетского курса выходили из податного сословия. Служебно-сословные привилегии обладателям научных степеней и ученых званий вручались не только с целью превратить их в чиновников государственного аппарата, но и для привлечения в императорские университеты новых научных сил, для «вливания свежей крови» в дворянство империи, для создания образованной элиты из всех сословий общества. Государственный совет в августе 1884 г. подтвердил право докторов наук на чин VIII класса, магистров на чин IX класса, а выпускников с дипломом I степени на чин X класса (коллежский секретарь)[1].

Е.П. с 3 декабря 1890 г. как преподаватель гимназии был утвержден в чине коллежского асессора (VIII класс), с 3 декабря 1894 г. – в чине надворного советника, с 3 декабря 1898 г. ему был присвоен чин коллежского советника.

Диплом I степени открывал путь в науку. Работая в средних учебных заведениях, Е.П. одновременно под руководством профессора Харьковского университета П.Н.Буцинского занимался подготовкой магистерской диссертации. После сдачи магистерских экзаменов (1898) и чтения пробных лекций (1901) на темы: «Император Павел и крепостное право» (по собственному выбору) и «Лжедмитрий I» (по назначению факультета) Е.П. был утвержден (с 18 декабря 1901 г.) приват-доцентом Харьковского университета по кафедре русской истории; с января 1902 г. приступил к чтению лекций в университете, с 1907 г. на Высших женских курсах. Среди лекционных курсов, которые читал в эти годы Е.П., – специальные курсы: «История крепостного права в России в XVIII в.», «История сословий в России в XVIII-XIX вв.», «Общественное движение в России в XIX в.» (историко-филологический факультет университета), а так-

[1] См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т.1. Стб. 17; Т.2. Отд. 1. Стб. 5; *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. С.420; *Кричевский Г.Г.* Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С.141; *Щетинина Г.И.* Университеты в России и Устав 1884 года. М., 1976. С.36, 169; *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи XVIII в. 1917 г. М., 1994. С. 55-56, 60; *Он же.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С.223, 228-229, 347; *Ерошкин Н.П.* Самодержавие накануне краха. М., 1975. С.47; ГАОО. Ф.42. Оп. 36. Д.108. Л.1 об.

же общий курс по русской истории (Высшие женские курсы). В 1906 г. Е.П. защитил магистерскую диссертацию на тему «Очерки из истории крепостного права в России. Царствование императора Павла 1» (опубликована в 1904 г.) и 4 мая этого же года был утвержден магистром русской истории Харьковского университета [1].

В харьковский период своей деятельности Е.П. был депутатом от Харьковского университета на XII (Харьков, 1902 г.) и XIII (Екатеринослав, 1905 г.) археологических съездах. Он выступал с докладами по итогам работы в экспедициях, которые финансировались Московским Археологическим обществом; входил в специальные комитеты по организации съездов, был секретарем XIII-съезда и редактировал материалы съезда [2].

Активной была деятельность Е.П. в научных обществах, благотворительных и просветительских организациях. Он состоял в Историко-филологическом обществе при Харьковском университете, был действительным членом Императорского Московского Археологического общества, входил в правление Харьковского Общества грамотности (читал лекции на курсах для рабочих), в Комитет по управлению Народным Домом, возглавлял Педагогический и являлся членом Попечительского советов Харьковской Мариинской женской гимназии; был главой одной из комиссий т.н. Народных чтений, заведующим Декоративно-рисовальной школой Общества грамотности и членом правления Общества пособия нуждающимся учащимся в низших училищах г.Харькова и др.[3]

За годы службы в учебных учреждениях Харькова Е.П. был награжден орденами Св.Станислава 3-й и 2-й степени (6 мая 1898 г., 6 мая 1909 г.), Св.Анны 3-й степени (6 мая 1904 г.); с 3 декабря 1902 г. удостоен чина статского советника (V класс). На кафедре русской истории Е.П. оставался внештатным преподавателем – приват-доцентом; его «вознаграждение» составляло 800 рублей в год по статье бюджета университета: «из остатков от содержания личного состава университета» (из этих сумм обычно оплачивали труд приват-доцентов)[4].

Ремарка. Результаты раскопок Е.П. в Купянском уезде Харьковской губернии (по верхнему течению реки Красной), а также в Мариупольском уезде Екатеринославской губернии (с. Чермалык, река Калмиус) и др. внесли определенный вклад в изучение погребений кочевников, ареала

[1] ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1690. Л.1-11; Д.1925. Л.5.

[2] ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1925. Л.4-5; Алфавитный указатель к статьям, речам и докладам, входящим в состав Трудов первых двенадцати Археологических съездов и их предварительных комитетов // Труды XII Археологического съезда в Харькове. Т.3. 1905; Русская мысль. 1902. № 10, отд. 2. С.140-152; *Горталов Н.* Отчет о занятиях XII Археологического съезда в г.Харькове 15-28 августа 1902 г. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т.19. 1903. Вып.2. С.145-181.

[3] ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д. 1925. Л.5.

[4] См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С.225-236 [Экскурс: О приват-доцентах].

их расселений периода средневековья. Е.К. Редин[1], обобщая итоги археологических экспедиций, материалы которых были представлены на XIII съезде, отмечал, что «находка» Е.П. Трифильева («каменная баба» в качестве могильной плиты) «представляет выдающийся интерес» для решения вопроса о специфики кочевнических погребений[2]. Сам Е.П. считал, что именно им «…была точно установлена впервые в науке непосредственная связь между каменными бабами и кочевниками южной России»[3].

В области научных исследований помимо археологических поисков и доминирующей проблематики – истории крепостного права в России – Е.П. обращается к личности Н.И. Новикова. Одновременно утверждается его стойкий интерес к краеведению – истории Слобожанщины; предметами его изучения стали: история местной промышленности и деятельность одного из крупных просветителей конца XVIII – начала XIX вв. В.Н. Каразина, основателя Харьковского университета. Результаты его краеведческих исследований вылились в ряд публикаций: «Очерки из истории промышленности Слободской Украины. Очерк 1. Селитроварение. XVII-XIX вв.» (Харьков, 1894) и три статьи о В.Н. Каразине[4].

Вместе с тем положение Е.П. на кафедре было весьма неустойчиво[5]: не

[1] С Е.К. Рединым Трифильев, видимо, был в добрых отношениях. С 1893 г. Е.К. Редин стал приват-доцентом по кафедре теории и истории искусства историко-филологического факультета Харьковского университета и одновременно хранителем Музея изящных искусств и древностей при факультете, в котором располагалась библиотека. В.Е. Данилевич (с 1903 г. приват-доцент Харьковского, с 1907 – профессор Киевского университета) писал: «Музей может гордиться своей библиотекой, в которой собрано много ценных сочинений и изданий по истории искусств и археологии», подчеркивая, что «…особенный рост библиотеки начался с 1893 г., когда заведование музеем перешло к проф. Е.К. Редину». Приват-доцент Е.П. Трифильев, будучи помощником Е.К.Редина, так отзывался о своем коллеге: «В момент появления Егора Кузьмича в Харькове ни один человек его не знал, теперь вряд ли можно встретить хотя одного среди культурных слоев Харькова, кто бы не знал Е.К. или, по крайней мере не слышал о нем... в научной области он является одним из самых видных представителей по своей специальности, а в общественной – одним из самых популярных деятелей в Харькове». Цит. по: *Євтушенко А.В.* Е.К. Редин и библиотека Харьковского университета // 4 Сумцовські читання: Конференція, присвячена 135-річчю з дня народження Є. К. Рєдіна. Харків, 1998. URL: http://museum.kh.ua/academic/sumtsov-conference/1998/article.html?n=490

[2] См.: *Редин Е.К.* XIII-й Археологический съезд в г.Екатеринославе. Обзор его трудов. СПб., 1906. С.10; *Трифильев Е.П.* Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губернии летом 1901 года // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 г. / Под ред. графини Уваровой. Т.1. М., 1905. С.131-140; *Он же.* Курганы с каменными бабами Купянского уезда Харьковской губернии // Там же. С.141-144.

[3] ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д. 1925. Л.4.

[4] См.: Василь Назарович Каразін в оцінках сучасників та нащадків (до 225 - річчя з дня народження). Харків, 1998. С.34-35. ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1690. Л. 1-11.

[5] Вероятно, среди причин следует назвать непростые взаимоотношения между Д.И. Багалеем и П.Н.Буцинским, настаником Е.П.Трифильева (личное соперничество и т.п.). [См.: *Вовк О.І.* Постать Василя Каразіна в історіографії / Науков. ред. С.М.Куделко. Харків, 2016. С.128-131]. Е.П.Трифильев вслед за П.Н.Буцинским расходился с Д.И.Багалеем в оценке В.Н. Каразина, что, возможно, также осложнило взаимоотношений между мэтром и

сложились отношения с профессором Д.И. Багалеем, давшим вслед за Н.П. Павловым-Сильванским, критическую рецензию на магистерскую работу Е.П.[1]. В связи с этим профессор П.Н. Буцинский, наставник Е.П., в сентябре 1906 г. в письме к И.А. Линниченко ходатайствовал о приглашении своего ученика в Одессу, в Новороссийский университет. П.Н. Буцинский[2] характеризовал Е.П. как «в высокой степени» талантливого молодого ученого и порядочного человека, при этом добавлял, что Е.П. – беспартийный[3]. Однако в Одессу Е.П. попал только через пять лет.

Одесский период. В Новороссийском университете

21 марта 1911 г. «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству» (№ 21) приват-доцент Харьковского университета, преподаватель Харьковского Епархиального женского училища, магистр русской истории Е.П. был назначен исполняющим должность (и.д.) экстраординарного профессора по кафедре русской истории Новороссийского университета[4].

Ремарка. С марта 1896 г. кафедру русской истории возглавлял И.А.Линниченко, член-корреспондент Краковской академии наук (1901), историко-филологического отделения Петербургской АН (1913), Российской академии наук (1917), Академии наук СССР (1925); крупный историк, постоянный участник международных конгрессов и конференций (Рим,

молодым ученым.

[1] В ответах рецензентам Е.П. Трифильев отстаивал собственные позиции; его аргументация заслуживает нового прочтения и осмысления.

[2] В некрологе на смерть П.Н. Буцинского (31 октября 1916 г.) Е.П.Трифильев так отозвался о своем учителе: «Петр Никитич был человеком редких душевных качеств, прямой… никогда не скрывавший своих убеждений, как бы они ни шли вразрез иногда с существовавшими обстоятельствами, но всегда их высказывавший с такой прямотой и искренностью, что невольно подкупал даже людей противоположного образа мыслей и заставлял их уважать эти убеждения. Сам не способный ни на малейшую кривизну по отношению к другим, Петр Никитич и по отношению к себе никогда не подозревал ее со стороны других, отсюда его доверчивость к окружавшим, за которую ему нередко приходилось дорого платиться. Сердце у него было золотое: доброе, отзывчивое на людскую беду, всегда готовое откликнуться, помочь чем можно». Цит. по: *Корнилаева И. А.* Историк земли Сибирской // Лукич. 2003. № 1. С. 170. URL: http://old-kursk.ru/book/obojan/ra182.html

[3] ГАОО. Ф.152. Оп.1. Д.264. Л.2.

[4] Возможно, «покровителем» Е.П. Трифильева был Л.А. Кассо – экстраординарный профессор по кафедре гражданского права и судопроизводства Харьковского университета (1895-1899); ординарный профессор по кафедре гражданского права Московского университета (1899-1910); с 1910 г. – управляющий Министерством народного образования, с 1911 по 1914 гг. – министр народного просвещения; богатый бессарабский помещик, блестящий юрист, человек высокообразованный, но крайне консервативных взглядов. См.: *Удинцев В. А.* Лев Аристидович Кассо. Доктор гражданского права. // Журнал Министерства народного просвещения: Новая серия. СПб. 1915. Сентябрь. Ч. 59; *Ростовцев Е.А.* «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905-1914 гг. // Joumal of Modem Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2. P.114-116.

1903, 1912; Афины, 1905; Монако, 1906; Каир, 1909; Буэнос-Айрес, 1911; Женева, 1912 и др.). Получив звание «заслуженного ординарного профессора» по истечению двадцатипятилетней службы (1909), И.А.Линниченко еще на пять лет был оставлен на кафедре, однако в 1911 г. – после тридцати лет работы, согласно университетским уставам, – он стал внештатным профессором кафедры и лекции уже не читал, сосредоточив свое внимание на научной и просветительской деятельности. Третьим преподавателем, приват-доцентом кафедры, с 1911 г. был назначен выпускник факультета А.В.Флоровский, будущий крупный ученый европейского уровня, ученик И.А.Линниченко. Для подготовки новых специалистов «профессорскими стипендиатами» на кафедре с 1911 г. были оставлены Е.А.Загоровский и П.Г.Клепатский. При отсутствии ординарного профессора кафедра считалась вакантной, а при данном кадровом раскладе единственным претендентом на эту должность стал Е.П.

27 июля 1915 г. опять же «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству» (№ 53) Е.П. назначается и.д. ординарного профессора и по сути возглавляет кафедру русской истории Новороссийского университета [1].

В Новороссийском университете Е.П. читал общий курс истории России и проводил практические занятия по этому курсу; спецкурс по истории крепостного права в России; курс истории русского искусства (по кафедре истории и теории искусств).

Сюжет первый. Об историографии

С 1912 г. Е.П. начал читать курс «Русская историография» сначала годичный (в III-IV семестрах), а с 1914-1915 академического года – для студентов-историков I-IV семестров всех четырех групп обучения (славяно-русской, всеобщей истории, истории искусств и истории философии) с обязательным итоговым экзаменом. В качестве пособий студентам рекомендовались историографические труды К.Н. Бестужева-Рюмина и В.С. Иконникова. Одним из первых университетских преподавателей Е.П. начал использовать в работе со студентами труды П.Н. Милюкова[2].

Историографическая проблематика не была новой сферой деятельности на кафедре. Предшественники Е.П. – М.П. Смирнов, Г.И. Перетяткович, А.И. Маркевич, И.А. Линниченко уже читали специальные курсы по историо-

[1] См.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1911 г. Одесса, 1912. С.3, 15, 225-226, 238; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1912 г. Одесса, 1913. С.9, 63; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1915 г. Одесса, 1916. С.7, 14.

[2] *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859-1904). Рязань, 2001. С.238.

графии, в которых рассматривалось творчество конкретных ученых-историков, давался анализ источников и литературы («пособий») по изучению курса русской истории, истории юго-западной России (Украины), истории Новороссии, отдельных периодов и тематических разделов общего курса и проч.

Е.П., еще будучи студентом, был знаком с лекционными курсами своих учителей – Д.И. Багалея и П.Н. Буцинского: «Об источниках и литературе XVIII века – в дополнение к лекционному курсу русской истории от Екатерины II до Александра I включительно» (П.Н. Буцинский, 1887), «Систематический курс русской историографии» (Д.И. Багалей, 1888) и проч.[1]. В 1907 г. Е.П. издал в Обществе взаимопомощи студентов-филологов Харьковского университета конспект историографической преамбулы к своему лекционному курсу по русской истории[2].

На протяжении 1912 – 1916 гг. на практических занятиях по общему курсу русской истории Е.П. обсуждал со студентами рефераты по проблемной историографии («Удельный период в русской историографии», «Вопрос о влиянии татар на Русь в исторической литературе», «Царствование Бориса Годунова в исторической литературе», «Вопрос о происхождении крепостного права в российской историографии», «Вопрос о происхождении Русского государства», «Вопрос о смерти царевича Дмитрия в русской историографии», «Вопрос о крещении княгини Ольги» и др.); по персоналиям («Теория В.О. Ключевского о происхождении Земских Соборов», «Философско-исторические взгляды П.Я. Чаадаева», «В.Н. Татищев» и др.); по историографическим источникам («Сочинения князя А.М. Курбского как исторический источник», «Житие протопопа Аввакума как исторический источник», «Русские былины как исторический источник» и др.). Подготовка рефератов преследовала цель ознакомить студентов с источниками (в том числе историографическими – исследованиями ученых) – базовым материалом.

Тематика т.н. «медальных» работ (научные работы студентов на соискание медали по темам, предлагаемым ведущими профессорами; получение «золотой медали» открывало путь в «профессорские стипендиаты») также имела историографическую направленность: в 1914 г. Е.П. предложил для «медальной работы» тему «Сочинения Г.К. Котошихина о России как исторический источник», в 1915 г. – «Сочинения князя А.М. Курбского как исторический источник»; в 1916 г. – были сформулированы новые темы: «Н.М. Карамзин как историк» (при этом главной задачей исследования являлась оценка «Приме-

[1] См. подробнее: *Попова Т.Н.* К проблеме формирования научного сообщества историков исторической науки: размышления на заданную тему // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць. Число 12. У двох частинах. Частина 2. На пошану академіка НАН України, Героя України, доктора історичних наук, професора Петра Тимофійовича Тронька з нагоди 90-річчя від дня народження. Київ, 2005. С.94-117.

[2] См.: *Трефильев Е.П.* Конспективный курс русской историографии: Введение в русскую историю. Харьков, 1907. 68 с.

чаний» к «Истории Государства Российского») и др. Тему о Г.К. Котошихине избрал для «медальной» работы К.П. Добролюбский, будущий декан исторического факультета Одесского университета. Работа была завершена в феврале 1915 г. и факультет единогласно признал ее автора достойным золотой медали.

Таким образом, с именем Трифильева связана первая постановка общего курса по русской историографии на историко-филологическом факультете Новороссийского университета.

* * *

Тематика рефератов на практических занятиях по общему курсу русской истории свидетельствовала о том, что Е.П. не порывал с определившейся в харьковский период проблематикой. Сохраняется его интерес к истории промышленности, при этом Е.П. избирает все тот же краеведческих аспект, но с ориентацией на новый регион: в 1915 г. на практических занятиях по русской истории были заслушаны рефераты – «История Хаджибеевского и Бессарабского соляных промыслов от XVI до 50-х гг. XIX столетия (На основании архивных материалов)», «Очерки из истории промышленности Новороссийского края. Соляной промысел по данным Архива Новороссийского и Бессарабского Генерал-Губернаторства» и др. Ряд рефератов предусматривал блок проблем по истории крепостного права: «Черты русского помещичьего быта 2-ой половины XVIII в.» (по запискам современников); «Положение крепостных крестьян при Петре Великом»; законодательные памятники по истории крепостного права были объектом анализа на практических занятиях в 1914 г. Археологические интересы Е.П. были сфокусированы в темах: «Черты языческого быта русских славян по курганным раскопкам», «Светильники глиняные и металлические как источник по истории Херсонеса Таврического» и др.[1] Помимо учебной работы со студентами Е.П. Трифильев в 1915-1920 гг. руководил студенческим научным кружком[2].

В Новороссийском университете Е.П. заведовал Археологическим музеем при историко-филологическом факультете, был секретарем факультета, членом и секретарем испытательной (экзаменационной) комиссии; руководил студенческим научным кружком; исполнял обязанности декана факультета; читал лекции на Одесских высших женских курсах (1912-1920 гг.); с 1912 года работал преподавателем-методистом на Одесских одногодичных курсах для

[1] Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1912 год. Одесса, 1913. С.77-78; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1914 г. Одесса, 1915. С.33, 126-127; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1915 г. Одесса, 1916. С.128, 139-140.

[2] См. подробнее: *Музичко О. Є.* Повсякденне життя викладачів і студентів // Одеський національний університет імені І. І. Мечникова (1865–2015): історія та сучасність / гол. ред. І. М. Коваль; Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. Одеса, 2015. С.96-97.

подготовки учителей и учительниц средних учебных заведений и др.

Как и в «харьковский период» Е.П. активно участвовал в работе попечительских и благотворительных организаций: был действительным членом Попечительства о недостаточных студентах (наряду с В.Э. Крусманом, П.М. Бицилли, А.В. Флоровским, И.А. Линниченко – почетным членом Попечительства); его супруга – Вера Павловна (в девичестве Кармалина) была в числе «дам-патронесс» студенческих балов, участвовала в их организации. В годы I мировой войны В.П. Трифильева вошла в Правление (11 человек) «Комитета университетских дам», созданного 1 ноября 1915 г. по инициативе ректора – профессора Д.П. Кишенского для оказания помощи воинам действующей армии и беженцам. Супруги Трифильевы принимали участие в пожертвованиях, в сборе средств, распределяемых среди раненых и их семей[1].

В период работы в Новороссийском университете Е.П. был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени (1 января 1916 г.). и Св. Анны 2-й степени (1 января 1913 г.); серебряной медалью в память царствования императора Александра Ш, светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых (3 сентября 1913 г.). «Вознаграждение за труд» и.о. ординарного профессора Е.П. Трифильева составляло в год: 3000 рублей жалования, 750 рублей т.н. «столовых» и 750 рублей т.н. «квартирных», 900 рублей за должность секретаря факультета и с 1 января 1917 г. за выслугу лет (10 лет на службе в университетах) – 1500 рублей[2].

С приходом к власти Временного правительства университеты получили указание (16 марта 1917 г.) в целях «демократизации» высшей школы немедленно освободить от занимаемых должностей всех штатных и внештатных профессоров, не избранных по конкурсу, но назначенных (после 27 августа 1905 г.) по «высочайшему», т.е. императорскому, приказу. Одновременно факультеты должны были «озаботиться замещением освободившихся вакансий» в соответствии с законом от 3 июля 1916 г.: в «кратчайший срок» представить Совету университета новых кандидатов, «не прибегая к конкурсу». Позже (15 апреля 1917 г.) министр народного просвещения А.А. Мануйлов разъяснял, что факультетам предоставляется право самостоятельно «устанавливать тот или иной способ замещения вакантной должности, т.е.

[1] См.: Отчет Попечительства о недостаточных студентах Императорского Новороссийского университета за 1915 год: Отдельный оттиск из «Отчета о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1915 год». Одесса, 1916. С.5, 26, 21-22; Отчет Попечительства о недостаточных студентах Императорского Новороссийского университета за 1913 год: Отдельный оттиск из «Отчета о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1913 год». Одесса, 1914. С.25; Императорский Новороссийский университет и война 1914-1915 гг. / Составил по поручению Ректора Университета секретарь Совета П.И.Иванов. Одесса, 1915. С.28; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1915 год. Одесса, 1916. С.66-68, 72-73.

[2] ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1690. Л.1-11.

путем конкурса или рекомендации…»[1].

В Новороссийском университете назначенных согласно императорскому указу профессоров (без представления факультетов) оказалось 24 человека (6 – на физико-математическом факультете, 12 – на медицинском, 5 – на юридическом и 1 – на историко-филологическом). Е.П., занимая должность «по назначению», подал 17 марта 1917 г. заявление об увольнении и сдал кафедру и заведование Археологическим музеем А.В.Флоровскому. Временно исполняющим обязанности секретаря факультета вместо Е.П. стал В.Э. Крусман.

27 марта 1917 г. на заседании факультета Е.П. «был подвергнут баллотировке» для замещения кафедры русской истории. При этом были заслушаны отзывы декана историко-филологического факультета – ординарного профессора А.П. Доброклонского, и.д. экстраординарного профессора кафедры русской истории А.В. Флоровского и заслуженного профессора кафедры русской истории И.А. Линниченко. В отличие от первых двух отзыв И.А. Линниченко носил резко отрицательный характер. По результатам голосования (10 – «за», 2 – «против») большинством голосов Е.П. был избран на должность и.д. ординарного профессора кафедры русской истории. 28 марта 1917 г. Совет университета (итоги голосования: 34 – «за», 12 – «против») подтвердил решение факультета об избрании Е.П.[2] «Вернулись» к Е.П. и все его обязанности. Эта неприятная процедура показала тем не менее, что «варяг», назначенный в свое время «сверху» («ставленник Кассо»), приобрел среди коллег авторитет своими личными заслугами. Е.П., избранный теперь уже демократическим путем на свою должность, продолжал работать, читать новые курсы. Одним из первых он объявил на Высших женских курсах и в университете лекции по истории Украины.

Сюжет второй. О гражданских и научных приоритетах

Учебная работа неразрывно была связана с научной деятельностью: в области историографии Е.П. обращается к творчеству С.Ф. Платонова. К тридцатилетию научно-педагогической деятельности ученого Е.П. Трифильев выступил с речью на заседании Историко-филологического общества 5 мая 1912 года. Юбилейная речь (по характеру жанра) во многом предопределила структуру и содержание этого биоисториографического этюда: краткая биографическая справка; характеристика двух главных трудов С.Ф. Платонова – магистерской и докторской диссертаций; оценка вклада исследований ученого в российскую историографию; оценка его педагогической деятельности и в итоге – предложение об избрании С.Ф. Платонова почетным членом Историко-филологического общества при Новороссийском университете.

[1] ГАОО. Ф.45. Оп.11. Д.13. Л.21, 123, 164.

[2] ГАОО. Ф.45. Оп.11. Д.13. Л.29, 35, 78-79, 91-92, 126; Д.1. Л.9-14.

Для С.Ф. Платонова-исследователя, по мнению Е.П., характерно «соединение» «критического таланта» с тщательностью изучения исторических текстов: если «крупные» работы ученого «поражают» «широтой взглядов», «оригинальностью и глубиной обобщений», «методологической ясностью размещения научного аппарата», то его «мелкие» работы свидетельствуют об «удивительной способности» к «кропотливым изысканиям» по частным вопросам[1].

Значение трудов С.Ф. Платонова о «Смутном времени» заключается в том, подчеркивает Е.П., что в них впервые представлено «систематизированное» исследование проблемы. Приводя значительные по объему цитаты из рецензий В.С. Иконникова и В.О. Ключевского, Е.П. (несмотря на неоспоримый авторитет этих историков в науке) позволяет себе заметить: «…способ изложения, принятый проф. Платоновым, является не менее законным, чем методы, предлагаемые критиками: все зависит от той точки зрения, с какой смотрит на этот материал, оставшийся от Смуты, тот или иной автор»[2].

При оценке университетского курса лекций С.Ф. Платонова Е.П. акцентировал внимание не только на способности автора точно и сжато изложить самые сложные и запутанные вопросы, но и на включении в структуру учебника нового для дидактического издания раздела – предваряющего: «компактного курса русской историографии». Этот раздел, по мнению Е.П., сделал лекционный курс С.Ф. Платонова «единственным в своем роде». Критерием «настоящего университетского курса», каким являлся для Е.П. курс С.Ф. Платонова, было соблюдение «главного условия» работы подобного уровня: «преобладание источника над пособием», т.е. приоритет исследовательского аспекта по сравнению с трансляционным.

«Громадное значение» придает Е.П. учебнику по истории С.Ф. Платонова и для гимназий: для этого учебника характерно изложение материала «на уровне современной исторической науки», отсутствие «умолчаний и искажений», новые проблемные отделы, которых не было в прежних учебниках («характеристика удельной системы», «переход удельного быта к государственному» и проч.). Прекрасное освещение таких вопросов, как «развитие крепостного права» и «дворянских привилегий», «борьба классов» и т.п. делает учебник С.Ф. Платонова, заключает Е.П., лучшим «из всех сейчас существующих»: этот учебник не только «будит мысль учащихся», но своим высоким научным уровнем «заинтересовывает» и обязывает самого учителя «тщательно готовиться к урокам»[3].

---

[1] См.: *Трифильев Е.П.* Тридцатилетие научно-педагогической деятельности профессора Сергея Федоровича Платонова (Речь, произнесенная в заседании Историко-филологического Общества при Императорском Новороссийском университете 5-го мая 1912 года). Одесса, 1913. С.6, 16-17.

[2] Там же. С.6. См.: *Иконников В.* Новые исследования по истории смутного времени Московского государства в нач. XVII в. // Университетские известия. Киев, 1889. № 5. С.114-166; Отчет о 31-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1890. С.53-66.

[3] См.: *Трифильев Е.П.* Тридцатилетие научно-педагогической деятельности профес-

Проблемы самодержавия, политика и культура России XVII века – новое направление его исследований. Вероятно, не только тщательная работа над общим курсом по новой истории России сыграла свою роль. Одновременно важным фактором обращения к «новому периоду» истории России стало событие «вне-научного» характера – празднование 300-летия династии Романовых.

Первая работа Е.П. о XVII веке – речь, произнесенная на ежегодном Торжественном собрании в Новороссийском университете 1 мая 1912 года[1]. Это одновременно и первое публичное выступление Е.П. в Новороссийском университете, обязательное для новых членов профессорской корпорации. В контексте промонархической лояльности и в преддверии праздничных торжеств Е.П. начинает свое выступление с обоснования роли представителей романовской династии, которым в XVII веке «пришлось перестраивать государство», пережившего в «Смутную эпоху» «страшный внутренний кризис». Однако последующее содержание речи посвящено обоснованию тезиса об особой роли, которую сыграло XVII столетие в истории России, став «колыбелью для новой России», определив смысл и направление дальнейшей истории отечества. Подход к обоснованию этого тезиса – историографический: автор стремится показать эволюцию взглядов на XVII век в отечественной литературе, подчеркивая, что «понадобилось целое столетие дружных усилий многих исследователей», прежде чем в науке утвердилось новое понимание ХУП века.

Современники Петра Великого – М.В. Ломоносов и А.П. Сумароков - способствовали рождению идеи о противопоставлении двух эпох (XVII и XVIII вв.) и о царе – разрушителе прежних устоев. Несмотря на то что первые историки XVIII столетия М.М. Щербатов и И.Н. Болтин привнесли новые идеи (критическую оценку деятельности Петра Великого и взгляд на допетровскую Россию как на государство с давними традициями, на роль Петра – «преобразователя», но не «создателя» государства), творчество Н.М. Карамзина, П.Я. Чаадаева и Н.Г. Устрялова, популярность их идей и концепций в научной историографии второй четверти XIX в. и в культурном сообществе в целом во многом способствовали возрождению прежнего взгляда на допетровскую эпоху. Дискуссии между западниками и славянофилами создали почву для радикального пересмотра историографической традиции. Особо Е.П. выделяет мысли представителей славянофильского течения в историографии о «самостоятельности русской жизни» со времени Московского государства. С именем С.М. Соловьева, по мнению Е.П., устанавливается, наконец, «научная точка зрения» на эпоху Петра, суть которой – в понимании непосредственной связи

сора Сергея Федоровича Платонова (Речь, произнесенная в заседании Историко-филологического Общества при Императорском Новороссийском университете 5-го мая 1912 года). Одесса, 1913. С.20-22.

[1] См.: *Трифильев Е.П.* Новые культурные течения в Московском государстве в XVII веке // Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1912 год. Одесса, 1913. С.1-XVII.

петровских преобразований с предшествующим периодом [1].

Новые «начала», на основе которых происходило восстановление государства, вышедшего из кризиса Смутного времени «с разрушенными устоями», были выработаны в XVII веке и связаны с распространением западной культуры, которая, по мнению Е.П., «вливалась» в Московское государство «двумя ручьями». Первый – «западный элемент» – имел «прикладной характер» и проникал посредством заимствования практических знаний в области военного искусства и промышленности благодаря специалистам-иностранцам на русской службе. Второй – «юго-западный элемент» – это *«Малорусское культурное влияние»*. Размежевание этих «элементов» - «западного» и «юго-западного» – в действительной жизни, замечает Е.П., было относительным, но оба влияния «оставили глубокие следы в жизни Московского общества»[2].

Политическое объединение Москвы и Малороссии в XVII в. Е.П. рассматривает как акт, подготовивший «в Москве почву для западно-русского культурного влияния», подчеркивая значительную роль, которую сыграла Украина в распространении «западной науки» в Московском государстве.

Новую культуру и образовательную миссию несли в Москву «западно-русские монахи», которые повсеместно стали появляться в боярских домах в качестве учителей. «Киевские ученые» переводили библию с греческого языка на славянский язык, их приглашали для исправления ошибок в церковных книгах и проч.; Симеон Полоцкий – представитель «западной науки и нового порядка вещей» – приобрел большое влияние при дворе Алексея Михайловича, став учителем царских детей.

Одновременно Е.П. акцентирует внимание на общности причин, которые «принудили» русский народ (в XVII в.) и украинский народ (на столетие раньше – в XVI в.) пойти на «сближение с Западом»: и в том и в другом случае речь шла о борьбе за свою самостоятельность. Наряду с этим Е.П. обращает внимание на специфику форм «передачи» западноевропейской образованности: Киев распространял в Москве «польский вариант» западной культуры «старого образца». Образованность «киевских ученых» значительно отличалась от современной им западноевропейской образованности, замечает Е.П., ибо Малороссия усвоила «западную науку» не непосредственно из ее источника, а из Польши, и в том виде, в каком она получила развитие в Польше XVI в. Западная Европа с XVI в. ушла вперед по сравнению с Польшей: «научное движение, созданное на западе реформацией», помогло науке сбросить с себя «оковы схоластики», отделиться от религии и пойти по пути «положительного знания». В Польше подобного «научного движения» почти не было, поэтому и образование в ней продолжало носить «религиозно-нравственный и схоластический характер»; именно таким

[1] Там же. С.1, IV-V, VII.

[2] Там же. С.VII, XII-XIII.

оно было «перенесено» в Москву, а само «перенесение» было облегчено «религиозным характером киевского просвещения» в православном варианте.

Но даже в этом виде «юго-западное образование» сыграло большую роль в истории России, поскольку подготовило почву для «усвоения Московским обществом» светской науки Запада. XVII век стал веком «сильного общественного брожения», новые «влияния» привели к церковному и государственному расколу: процесс «выработки» новых форм развития «сопровождался внутренней борьбой» между силами, осознавшими необходимость в переменах, и силами, «протестующими во имя старых порядков». Победа «новых людей», заключает Е.П. свою речь, в конечном счете была подготовлена XVII веком, который «выработал идеалы и дал средства для достижения этих идеалов» [1].

Возможно, эта «заявочная» речь Е.П. при вступлении его в профессорскую корпорацию Новороссийского университета стала решающим аргументом для выбора его кандидатуры в качестве докладчика на торжественном собрании, посвященном празднованию трехсотлетия Дома Романовых, которое состоялось 21 февраля 1913 г. в актовом зале университета.

Текст юбилейной речи Е.П. «Избрание Михаила Федоровича на царство» отличается значительным пафосом, при этом автор подчеркивает, что он основывается на официальных источниках и общепризнанных исследованиях[2]; в ней также есть элементы историографии (отмечено, что рассматриваемый период отличается «запутанностью причин», большой «трудностью для изучения»). Основные акценты сделаны на идее «нравственного подъема» всего народа (движение «втягивало в себя сначала отдельные личности, затем целые сословия, наконец, весь народ»), который был обусловлен пониманием реальной угрозы потери независимости («на чашу весов» поставлена «судьба Московского царства») и привел к «политическому прозрению». Все слои общества осознали необходимость царской власти («без государя и на малое время быть не могло»), необходимость борьбы «сообща», необходимость «общего совета». Эти идеи, «выросшие» в «общественном сознании под влиянием созданных смутой условий», привели к появлению новых понятий – «совет всей земли», «общий земский совет», «всенародное собрание», «дума миром», которые при отсутствии центральной правительственной власти выражали для населения потребность «самостоятельного образа действий». Все это заставило общество принять «прямое участие в общественных делах», создать земские соборы

[1] Там же. С.ХШ, XV-XVII.

[2] См.: *Трифильев Е.П.* Избрание Михаила Федоровича на царство // Празднование трехсотлетия Дома Романовых Императорским Новороссийским университетом 21 февраля 1913 года / Составил проф. В.Н.Образцов. Одесса, 1914 [Юбилейное приложение к «Отчету о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1913 год». Одесса, 1914]. Публикуя свое выступление, Е.П.Трифильев привел в ссылке используемые им источники и пособия: Дворцовые разряды (Т.1. СПб., 1850); Г.Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича (СПб., 1859) и др.; работы И.Е.Забелина, С.М.Соловьева, Д.И.Иловайского, А.И.Маркевича, С.Ф.Платонова, В.О.Ключевского, Д.В.Цветаева.

нового по сравнению с соборами XVI века (в которых преобладали «должностные лица») типа – с реальным народным представительством.

Приоритет кандидатуры Михаила Романова Е.П. обосновывает такими параметрами: происхождение – из «великих русских родов» (отечественных, а не иностранных), близость к прежней династии; популярность Романовых среди широких народных масс (образ Никиты Романова вошел в былины; в гонениях семьи Романовых при Годунове народ видел связь со своими бедами); юность и чистота Михаила сближали его личность с идеалом «настоящего царя» и проч. Е.П. затронул вопрос и о проблеме ограничения царской власти: анализ свидетельств об этом в ряде источников (псковские летописи, сочинения Г.К. Котошихина и иностранцев) позволил ему сделать вывод о несостоятельности подобных предположений [1] .

Resume

Приближение к анализу научно-педагогической деятельности Е.П. дает возможность наметить абрис его гражданских и научных приоритетов: национально-государственная самостоятельность, в основе которой плодотворный синтез отечественных и западных традиций; «народное представительство» как закономерность и непременное условие политической жизни; значимость просвещения и науки в развитии общества; идея «народности» в системе ценностей; идея историзма в понимании исторического и историографического процессов; исследовательская независимость и проч.

* * *

Одесский период. Новая эпоха

В последующие годы – уже советского времени – Е.П. принял участие в реформе высшей школы в Одессе: был членом президиума Гуманитарно-общественного института (лето 1920 г.) и возглавлял здесь кафедру русской истории; участвовал вместе с другими профессорами бывшего Новороссийского университета в создании Археологического института, стал его проректором; входил в комиссию по выработке программ Высшей школы, был членом профсоюза работников просвещения, делегатом губернских съездов по народному образованию; работал практически во всех вузах и исторических учреждениях Одессы. Возглавляя кафедру русской истории в Одесском институте народного образования /ИНО/ (1920 - 1925 гг.), читал здесь курсы по археологии, российской истории, истории Украины, истории Слобожанщины, экономической истории России, историографии; проводил археологические раскопки со студентами ИНО [2].

Наряду с Ю.Г. Оксманом, А.В. Флоровским, С.Я. Боровым, М.Е. Слабченко, А.А. Рябининым-Скляревским и др. Е.П. стоял у истоков создания

[1] Там же. С.1-14.

[2] ГАОО. Ф. Р-1593 (ИНО). Оп. 1. Д. 338. Л.1-12.

Одесского государственного областного архива[1] .

Экскурс. Об архиве. В начале 1921 г. Одесский исторический архив и Комиссия по концентрации и изучению историко-революционных материалов, учрежденные летом 1920 г. во главе с Ю.Г. Оксманом, располагались на первом этаже двухэтажного особняка по Елизаветинской улице[2] в помещении бывшей квартиры члена-корреспондента Академии наук И.А. Линниченко. Заслуженный профессор Новороссийского университета, человек состоятельный, имевший недвижимость (в том числе – «доходный дом» в Киеве на Крещатике), щедро жертвующий на нужды благотворительности (по 200-500 рублей при среднем взносе 10-15 рублей), А.И. Линниченко занял антибольшевистскую позицию и вынужден был эвакуироваться в Крым. В его квартире (не менее восьми комнат) оставались мебель, библиотека, личный архив (материалы которого составили позже личный фонд И.А. Линниченко в Государственном архиве Одесской области, а также вошли в другие фонды архива – А.И. Маркевича и проч.). Е.П., как и А.В. Флоровский, был консультантом архива. По воспоминаниям С.Я. Борового (который с февраля 1921 г, будучи семнадцатилетним юношей, стал сотрудником архива), Е.П. приходил на работу с большим заплечным мешком, в который складывал пайки, получаемые за свою службу в различных учреждениях города, и «производил впечатление очень доброго, простого человека»[3] .

В августе 1922 г. Е.П. был арестован. Начиналась кампания по высылке интеллигенции из советской России.

Ремарка. «Сокамерниками» Е.П. оказались коллеги по Новороссийскому университету – А.В. Флоровский, Ф.Г. Александров (приват-доцент кафедры сравнительного языкознания, ученик А.И. Томсона), Е.Л. Буницкий (приват-доцент по кафедре чистой математики) и др. Пребывание в заключении оказалось недолгим и сравнительно «мягким»: заключенным разрешалась переписка, передачи с продовольствием, книгами и прочими вещами, прогулки в тюремном дворике, «перекуры» в специальном помещении, расположенном рядом с «камерой» и проч.[4]. Но последствия этого «события», в частности для А.В. Флоровского и Е.П., оказались разными: первый был депортирован, второй остался в Одессе. Во время подготовки к депортации происходили случаи хода-

[1] См.: *Малинова Г.Л., Сапожников И.В.* А.А.Рябинин-Скляревский / Труды Государственного архива Одесской области. Одесса, 2000. С.11.

[2] Позже ул. Щепкина, 10 - в честь профессора Новороссийского университета и первого «красного профессора» высшей школы Одессы Е.Н.Щепкина; ныне – опять Елизаветинская.

[3] См.: *Боровой С.Я.* Воспоминания / Вступ. ст. М. Соколянского; Примеч. и биоблиогр. коммент. В. Кельнера. М.; Иерусалим, 1993.С.95-99.

[4] АРАН. Ф.1609. Оп.1. Д.171. Л.1-12. Скорее всего это была не тюрьма, а помещение предварительного заключения при комендатуре, под которое была приспособлена квартира на 4-м этаже особняка, находящегося в районе пересечения улиц Еврейской и Канатной.

тайств об освобождении арестованных, в защиту которых выступали государственные и общественные организации, их руководители и т.п. Решение по этим вопросам принимала созданная Политбюро 24 августа 1922 г. комиссия во главе с Ф.Э. Дзержинским, на которую было возложено право вносить изменения в списки лиц, подлежащих депортации. За Е.П. Трифильева хлопотал заведующий Одесским губернским архивным управлением Ю.Г. Оксман. В сентябре ходатайство Ю.Г. Оксмана было удовлетворено: Е.П. Трифильев остался в Одессе[1].

Е.П. продолжал работать в архиве, в Институте народного образования, принял деятельное участие в организации краеведческого движения, возглавил социально-экономическую секцию Одесской Комиссии краеведения.

Экскурс. О краеведении. I-я Всероссийская конференция научных обществ по краеведению, состоявшаяся в Москве в декабре 1921 г., собрала 192 делегата от 126 центральных и местных краеведческих организаций. Представителей Украины на этой конференции еще не было. Но уже к январю 1924 г. в Украине и Крыму действовало 26 научных краеведческих обществ и кружков (по РСФСР их насчитывалось в это время 297). Республиканская комиссия краеведения была основана в Харькове в 1922 г. В мае 1924 г. I-я Всеукраинская конференция краеведов определила программу краеведческих исследований в республике, формы организации и руководства краеведческим движением. В 1925 г. был создан Украинский Комитет краеведения в составе 15 человек под председательством профессора М.И. Яворского[2] .

Учреждение Одесской комиссии краеведения состоялось 26 августа 1923 г. на собрании инициативной группы ученых Одессы, профессоров высшей школы и краеведов-любителей. На протяжении сентября прошли организационные мероприятия, и 22 октября 1923 г. постановлением общего собрания Всеукраинская Академия наук утвердила Одесскую комиссию краеведения (ОКК) при ВУАН, а несколько позже (27 января 1924 г.) – устав комиссии и состав бюро – руководящего органа, в который вошли 6 человек, в том числе – Е.П. Главой социально-экономической секции ОКК был избран М.Е. Слабченко, но после сложения им своих полномочий председателем секции стал Е.П.

На 1 апреля 1924 г. секция насчитывала 34 человека, среди них – известные краеведы, а также бывшие профессора Новороссийского университета, теперь преимущественно профессора Института народного образования и других вузов Одессы: Д.Г. Атлас, А.С. Бориневич, О.Л. Вайнштейн, А.Г. Готалов-Готлиб, К.П. Добролюбский, Е.А. Загоровский, М.И. Мандес, А.Ф. Малеев, С.И. Мартыновский, А.И. Покровский, Ф.Е. Петрунь, А.М. Де-Рибас, Н.Л. Рубинштейн, А.А. Рябинин-Скляревский, В.И. Селинов, М.Е. Слабченко, Н.А. Соколов, Е.П. Три-

[1] См. подробнее: *Левченко В.В.* Одесские ученые – пассажиры «философского парохода» // Былые годы. 2013. № 1 (27) . С.114.

[2] ГАОО. Ф.Р-39. Оп.1. Д.1. Л. 210-213, 299-300.

фильев, И.А. Хмельницкий, И.А. Фаас, А.Я. Шпаков и др.

Секция проводила научные исследования совместно с одесским отделением Истпарта. В ее составе была организована подсекция истории революционной борьбы под руководством И.А. Хмельницкого. Предметом научных интересов ее участников – Е.П. Трифильева, К.П. Добролюбского, А.А. Рябинина-Скляревского, А.Ф. Малеева, В.В. Стратена и др. стала история революционного движения в крае. 25 ноября 1923 г. на первом организационном заседании секции было решено создать проблемно ориентированные исследовательские группы: история колонизации края (Е.А. Загоровский, М.И. Мандес); вопросы аграрной политики и крестьянского движения (Е.П. Трифильев); история просвещения (А.Г. Готалов-Готлиб, Л.Г. Гофман и др.); история Одессы (А.М. Де-Рибас, В.И. Селинов и др.); разработка картографического материала (Ф.Е. Петрунь) и проч.[1]

Осуществляя руководство социально-экономической секцией ОКК, Е.П. по поручению Одесского губернского архивного Управления занимался разработкой сосредоточенных в Одессе архивных фондов. Результаты его исследований по аграрной истории, истории революционной борьбы и истории декабристского движения в крае вошли в материалы сборников: «Аграрное движение на Херсонщине. 1905 год» (Харьков, 1925), «1905 год. Революционное движение в Одессе и Одесщине» (Одесса, 1925); «Рух декабристів на Україні» (Харків, 1926).

Итоги жизни

17 августа 1925 г. Евгения Парфентьевича Трифильева не стало. Он прослужил в высшей школе 25 лет без четырех месяцев. 11 октября 1925 г. состоялось заседание Одесской Комиссии краеведения, посвященное памяти ученого. В выступлениях председателя комиссии профессора С.С. Дложевского, коллег Е.П. Трифильева по Новороссийскому университету и Институту народного образования – профессоров Е.А. Загоровского, И.А. Хмельницкого, А.И. Покровского, ученых-краеведов – А.А. Рябинина-Скляревского, Л.Г. Гофмана, студентов и др. отмечалось, что Евгений Парфентьевич был «старейшим представителем науки русской истории в Одессе», привнесшим в Новороссийский университет лучшие традиции харьковской школы историков, для которого была характерна разносторонняя творческая деятельность[2] .

Е.П. Трифильев оставил небольшое количество публикаций, однако диапазон его интересов достаточно широк: проблемы истории Украины, истории

[1] См. подробнее: *Попова Т.Н., Гребцова И.С.* Одесская Комиссия краеведения: к вопросу о преемственности традиций научных обществ // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. 1939-1989: Тезисы докладов юбилейной конференции. 27-28 октября 1989 г., г.Одесса. Одесса, 1989. С.37-39.

[2] См.: Вісник Одеської Комісії Краєзнавства при ВУАН. 1924. Ч.1. С.1-5, 16; 1925. Ч.2-3. С.116-120.

России, историографии, археологии, археографии, музееведения[1], архивоведения; он внес существенный вклад в разработку истории двух регионов, в которых ему довелось жить и работать – Слобожанщины и Одесщины[2]. Его научная работа была тесно связана с учебной [3].

Не менее значима его роль в организации краеведческих исследований. Заслуживает внимания деятельность семьи Трифильевых в области благотворительности[4].

Его отношение к партиям и партийной работе было вполне категорично. В декабре 1923 г. в своей анкете, сохранившейся в делах Одесского института народного образования в фондах Государственного архива Одесской области, Е.П. Трифильев написал: «Ни к какой партии не принадлежал и не принадлежу»[5]. Вся его жизнь – это жизнь простого труженика, академического университетского преподавателя, который честно и добросовестно исполнял свой долг, – служил своему делу: «Живу исключительно на получаемое за труд содержание», – указал Е.П. Трифильев в той же анкете.

Евгений Парфентьевич Трифильев, ученый, в первую очередь – педагог и просветитель, представлял значительную когорту «рядовых исторической науки», без кропотливой профессиональной деятельности которых немыслимо развитие университетского образования.

---

[1] См. Протокол 445 заседания Одесского общества истории и древностей, 28 марта 1916 г. 1919. Т. 33. С. 43-46. (Трифильев В. О Феодосийском музее древностей). [Авторство не атрибутировано. – Т.П.].

[2] По неполным данным Е.П. Трифильевым опубликовано около двух десятков работ. См.: Біобібліографичний словник учених Харківського університету. Т.2. Історики (1905-1920, 1933-2000). Харків, 2001; *Попова Т.Н.* Из истории Новороссийского университета: Е.П.Трифильев. К 140-летию со дня рождения (биоисториографический контур) // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. Вып. 9. Брянск, 2007. С.42-62; Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біографічний словник. Том 4. Р-Я. Одеса, 2000; Одеські історики. Том.1. Енциклопедичне видання. Одеса, 2009. С.400-402 (автор – *О.Є.Музичко*).

[3] *Тріфільєв Є.П.* Спроба активно-трудової проробки історії первісної культури в Одеському ІНО // Шлях освіти. 1923. № 7-8. С. 166-172. См. также: *Музичко О.Є.* Одеський осередок археологічної педагогіки наприкінці XIX-20-х роках XX ст. // Археологія і давня історія України / Національна Академія наук України, Інститут археології. Вип. 9. Київ, 2012. С.177-180.

[4] О благотворительности в Новороссийском университете см. подробее: *Гребцова И.С.* Новороссийский университет в развитии благотворительности в Одессе (вторая половина XIX - начало XX ст.): Благотворительность и меценатство в Новороссийском университете: библиогр. указ. / сост.: *Самодурова В.В., Гребцова И.С.*; библиограф. ред. *М.А.Подрезова*. Одесса, 2009. 504 с.

[5] ГАОО. Ф. Р-1593 (Институт народного образования /ИНО/). Оп.1. Д. 338. Л.2.

ВЛАДИМИР ЭДУАРДОВИЧ КРУСМАН: ИСТОРИК «ВТОРОГО ПЛАНА»

...у Крусмана не было обыденной жизни,
ибо «жизнь» у него нацело совпадала с работой мысли.
П.М. Бицилли

Владимир Эдуардович Крусман

В последние годы в исследовательскую литературу вошла метафора – «человек второго плана». В историографии проблема «историка второго плана/ряда» была поставлена предметно и получила свое первое теоретическое и конкретно-историографическое решение[1]. Выход на этот уровень изучения «человека в истории» был связан с траекторией всего процесса антропологически ориентированных исследований: от «великих» исторических личностей к «среднему человеку». Потребность в дифференциации этого массива «средних людей» спроецировала интерес к градированному ракурсу в анализе его представителей.

В этом плане ***Владимира Эдуардовича Крусмана*** (1879 [2] - 1922) можно рассматривать как «историка второго плана». Выпускник Санкт-Петербургского университета, преподаватель/профессор Новороссийского (1908-1917), затем Пермского (1917-1922) университетов В.Э.Крусман умер в возрасте сорока трех лет, не успев в полной мере реализовать свой научный потенциал. Магистерскую диссертацию он защитил только в 1916 г., оставив небольшое по объему научное наследие.

Последующее «забвение» ученого во многом было связано с рецензиями на его основной труд «На заре английского гуманизма. Английские корре-

[1] См.: Человек второго плана в истории. Вып.1-7 / Отв. ред. Н. А. Мининков. Ростов-на-Дону, 2004-2011; *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* На первый второй рассчитайсь: человек второго плана как исследовательский проект // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2009. Вып. 28; В тени великих: образы и судьбы. (Серия «Человек второго плана в истории») / Отв. ред. Л. П. Репина. СПб., 2010; *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; *Лубский А.* Человек второго плана: методологические проблемы «нового биографизма» («игра в бисер» или нарративная стратегия историко-биографического исследования) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В.Смолій; відповідальний редактор І.Колесник. Вип. 8. Київ, 2014/2015. С.67-84 и др.

[2] В.Э. Крусман родился 16 января 1879 г. (по «старому» стилю) – эта дата указана в двух формулярных списках о службе (от 8.01.1909 г. и от 18.12.1911 г.), находящихся в делах Новороссийского университета. См. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф.45. Оп.4. Д.1376. Л.1 об., 46.

споненты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование» (Одесса, 1915). Н.И. Кареев и Е.В. Тарле, авторы рецензий, имели в российской (и позже, в советской) историографии высокую научную репутацию. Не приняв в целом концепцию В.Э. Крусмана (хотя оба отмечали «строгую историчность» исследования, эрудицию автора, «надлежащую» работу с источниками и т.п.)[1], они сыграли определенную роль в придании «образу» ученого черт провинциальности и незначительности. «Издержки» новой, советской, эпохи – идеологизм науки, нивелирование предшествующей университетской традиции, перевес центризма над регионализмом, акцент на «великих» в био-исследованиях и проч. – способствовали тому, что фигура В.Э. Крусмана практически исчезла из историографического пантеона.

С 1990-х гг. разработка темы «Крусман» в российской и украинской науке осуществлялась чаще всего не предметно, а в контексте иных исследовательских предпочтений: истории университетов (Одесского/Новороссийского/, Пермского), истории культурологических школ Санкт-Петербургского университета (новистов – Г.В. Форстена и медиевистов – И.М. Гревса), бицилиеведения, персональной истории И.М. Гревса, М.А. Гудошникова и других историков, истории историографии (дисциплинарной истории), краеведения (истории немцев в Одессе, Пермской губернской ученой архивной комиссии) и проч.

Вместе с тем «фоновый подход», при котором обращение к В.Э. Крусману лишь «оттеняло» главный сюжет, неизбежно должен смениться концентрацией внимания на его личности и интеллектуальном наследии. Определение его «рядности» – не главная задача. Полноценная персональная история ученого, «истолкование души» (по И.М. Гревсу), станут итогом многомерного биоисториографического анализа.

Данный этюд – авторская версия интерпретации имеющейся в его распоряжении фактуальной базы в форме биоисториографической мозаики с акцентом в первую очередь на источниковые лакуны.

Начало

Детство В.Э. Крусмана прошло в Симбирске, маленьком городке на Волге, в большей степени известном в качестве своеобразного поставщика политических титанов – В.И. Ульянова /Ленина/ (1870-1924) и А.Ф. Керенского (1881-1970). Не только родной город объединил этих людей, но и служба их отцов, представителей системы образования в Российской империи: И.Н. Ульянов был директором народных училищ Симбирской губернии (с 1874), Ф.М. Ке-

[1] *Кареев Н.И.* Был ли гуманизм в Англии в XIV в.? (По поводу одной книги) // Русские записки. 1916. № 3. С.49-65 (Пг., 1916. 16 с.); *Тарле Е.В.* Новое исследование по культурной истории Англии // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 3-4, отд.3. С.139-165.

ренский – директором Симбирской мужской классической гимназии (с 1879), Эдуард Карлович Крусман – преподавателем математики Симбирского кадетского корпуса, созданного в 1882 г. на базе Симбирской военной гимназии (1873) и просуществовавшего до 1920 г.

Безусловно, два действительных статских советника (И.Н. Ульянов и Ф.М. Керенский) и статский советник Э.К. Крусман были знакомы (Ульяновы и Керенские, как известно, дружили семьями). Вероятно, и представители молодого поколения, несмотря на разницу в возрасте, знали друг друга, тем более что все трое учились в одном учебном заведении – Симбирской классической гимназии. Общим у В.И. Ульянова, А.Ф. Керенского и В.Э. Крусмана было и то, что их семьи в том или ином плане имели немецкие корни.

Для В.Э. Крусмана «немецкие корни» проявились в канонах евангелическо-лютеранской веры, в том «человеческом идеализме» («человеческая добросовестность, честность и верность делу и слову»[1], святость семейных уз и проч.), которые были характерны для вертеровской Германии и привнеслись в Поволжье немецкими переселенцами, но отнюдь не стали жизненным кредо для всех их потомков.

Получив первоначальное домашнее образование, В.Э. Крусман в 1897 г. окончил гимназию. Его гимназическая жизнь не отличалась от жизни других юношей его возраста: первые увлечения, «пирушки» с друзьями и проч.; но характерная для него «страсть к писательству»: дневники[2], стихи, романы и т.п. навсегда определят его отношение «к перу и тексту» .

В сентябре 1897 г. В.Э. Крусман становится студентом историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Обучаясь на историческом отделении и специализируясь по всеобщей истории, В.Э. Крусман слушал лекции крупнейших специалистов-историков своего времени. «Более всего в своем развитии и своих знаниях, – напишет он позже в Curriculum vitae, – я обязан работам и в университете, и на дому у профессоров Г.В. Форстена, И.М. Гревса, М.И. Ростовцева, С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского»[3]. В студенческие годы В.Э. Крусман исключительно много читал: в своем дневнике он констатировал, что только за март 1899 г. им было прочитано: 2005 страниц на русском языке; 1981 страница на английском языке; 1551 – на немецком языке и 174 – на французском[4].

---

[1] См.: *Гревс И.М.* Памяти В.Э.Крусмана (Некролог) // Анналы. 1922. № 2. С.256.

[2] 27 сентября 1897 г., подводя итоги своей литературной работы за год, В.Э.Крусман напишет: «Я кончил новую книгу, новые пять томов моего литературного дневника «С полюса на экватор». На этот раз писание шло туго, на эти 560 страниц я потратил больше года». См.: *Киселева Ю.А., Попова Т.Н.* В.Э.Крусман: новые ego-документы // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2015. Вип. 14. С.200.

[3] ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 31.

[4] См.: *Киселева Ю.А., Попова Т.Н.* В.Э.Крусман: новые ego-документы // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2015. Вип. 14. С.203.

В 1902 году В.Э. Крусман получил диплом 1-й степени (защитив итоговую работу под руководством Г.В. Форстена на тему «Германский Рейхсрегимент» и сдав государственные экзамены) и был оставлен при университете «для приготовления к профессорскому званию»[1]. К своему официальному руководителю профессору Г.В. Форстену Владимир Эдуардович относился с «почитанием и любовью»[2]. После смерти Г.В. Форстена наставником молодого ученого стал И.М. Гревс [3].

Сам И.М. Гревс подчеркивал принадлежность В.Э. Крусмана к своей школе[4]: «…я с радостью могу причислить его к своим лучшим и любимым ученикам; мне дорого, что и он открыто признавал такое отношение между нами»[5]. Иван Михайлович сыграл значительную роль в становлении будущего ученого: с первого курса В.Э. Крусман участвовал в т.н. «вольных» /факультативных/ практических занятиях, которые проводил И.М. Гревс; на старших курсах – в его знаменитом «средневековом семинаре»; в период подготовки магистерской диссертации – принимал участие в экскурсиях со студентами в Италию, руководителем которых также был И.М. Гревс. Совместное пребывание в Италии, близость общения позволили И.М. Гревсу убедиться в «превосходной научной осведомленности» молодого ученого, самостоятельности его взглядов, тонком чувстве природы, оригинальном вкусе к произведениям искусства, «в прелестных интимных свойствах его души и множества живущих в ней струн, чутко вибрировавших на впечатление мира» [6].

По мнению И. М. Гревса, В.Э. Крусман к концу университетского обучения «был хорошо подготовленным медиевистом», но главным направлением его исследований стала английская история, проблемы европейского Возрождения и Гуманизма[7]. Не вполне ясно, какие факторы обусловили выбор этой проблематики, во всяком случае, любовь к английскому языку и интерес к английской истории проявились у В.Э. Крусмана еще в студенческие годы: «…в истории моя специальность – английская история – занимает не малое место, если обратить внимание, что я еще не на специальном курсе», записал

---

[1] ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 31.

[2] *Кан А.С.* Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979; Анналы. 1922. № 2. С.255.

[3] *Крусман В.* На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С. XXVIII; *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В.Тункиной. М., 2008. С.201; ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 31.

[4] К двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса, 1884 - 1909: сборник статей его учеников. СПб. : Типография Товарищества «Общественная польза», 1911. 476 с. [*Крусман В. Э.* Уильям Гросайн]

[5] *Гревс И.М.* Памяти В.Э.Крусмана (Некролог) // Анналы. 1922. № 2. С.255.

[6] Там же. С.255-256.

[7] Там же. С.255.

он в своем дневнике 1 апреля 1899г. [1].

Однако магистерская диссертация в срок подготовлена не была и ее защита стала делом отдаленного будущего. Личные проблемы во многом не давали молодому ученому сконцентрироваться на исследовательском поприще. Рано став семейным человеком, В.Э. Крусман вынужден был работать: читать лекции по истории итальянского и немецкого Возрождения на организованных Я.И. Гуревичем (историком, педагогом, известным своей благотворительной деятельностью) курсах для учащихся в средних учебных заведениях, с 1904 года – преподавать всеобщую историю в женской гимназии имени княгини Оболенской, председателем педагогического Совета этой гимназии был Г.В. Форстен. С 1907 года В.Э. Крусман уже читает лекции по новой истории на Бестужевских высших женских курсах и на Высших коммерческих курсах [2].

На протяжении 1907-1908 годов В.Э. Крусман сдал магистерские экзамены в Санкт-Петербургском университете; 19 мая 1908 года прочитал там же пробные лекции и на основании решения историко-филологического факультета получил удостоверение (№ 1093) о присвоении ему звания приват-доцента[3]. Однако в alma mater места для магистранта не оказалось, зато в провинциальном Новороссийском университете (впрочем, как и во многих других «не-столичных» университетах) была проблема с кадрами.

Из Петербурга в Одессу

Кафедра всеобщей истории Новороссийского университета с момента его открытия в Одессе (1865) славилась известными именами. Ф.И. Успенский, выпускник Санкт-Петербургского университета (ученик К.Н. Бестужева-Рюмина и В.И. Ламанского, рекомендованный в Новороссийский университет /1874/ В.Г. Васильевским[4]), для которого история Византии стала исследовательской доминантой, сумел объединить представителей разных кафедр историко-филологического факультета, составивших основу школы византиноведения Новороссийского университета. Проблемы истории средних веков и нового времени были объектом внимания Ф.К. Бруна, бывшего преподавателя Ришельевского лицея, работавшего на кафедре со дня ее основания, А.Г. Брикнера (получившего образование в Гейдельбергском университете, слушавшего лекции в Берлинском и Йенском университетах), А.С. Трачевского, выпускника Московского университета, ученика С.В. Ешевского (начинавшего свою

[1] См.: *Киселева Ю.А., Попова Т.Н.* В.Э. Крусман: новые ego-документы// Харківський історіографічний збірник. Харків, 2015. Вип. 14. С.203-204. В это время В.Э.Крусман был на втором курсе, специализация начиналась с третьего.

[2] ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1376. Л.2, 18, 31.

[3] ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 11, 28, 31, 62.

[4] ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 183. Л. 34, 37, 43-44.

преподавательскую деятельность в Ришельевском лицее), Г.Е. Афанасьева (ученика А.Г. Брикнера), В.К. Надлера (перешедшего в Новороссийский университет из Харьковского), П.Н. Ардашева[1], Р.Ю. Виппера и Е.Н. Щепкина[2], выпускников Московского университета, учеников В.И. Герье[3].

В начале нового XX века кафедра переживала кризис. Ведущий профессор Е.Н. Щепкин был уволен (1906). Еще ранее в Нежинский историко-филологический институт князя Безбородко перешел Ф.В. Режабек, у которого не сложились отношения с Е.Н. Щепкиным. Всего один семестр на кафедре пробыл ординарный профессор И.И. Иванов[4]. Кафедра фактически осталась без преподавателей, лекции по всеобщей истории на протяжении 1907/1908 академического года не читались, занятия по древней истории вынужден был проводить сам декан факультета, ординарный профессор по кафедре классической филологии Э.Р. фон-Штерн [5]. В этих условиях В.Э. Крусман, молодой и перспективный ученый, представитель столичного университета и авторитетной научной школы, стал достаточно привлекательной кандидатурой.

Университетские преподаватели были служащими единой общероссийской университетской системы, их назначения и перемещения осуществлялись министерством народного просвещения, при этом немаловажную роль играли личные контакты известных ученых, покровительствующих молодым.

Благодаря рекомендациям И.М. Гревса и Г.В. Форстена Э.Р. фон Штерн начал ходатайствовать о назначении В.Э. Крусмана в Одессу с высоким для начинающего преподавателя содержанием в 2000 рублей в год. Э.Р. фон Штерн хорошо понимал, что молодые ученые неохотно соглашались переходить из столичных университетов в провинцию, где было значительно меньше возможностей для дополнительных заработков, т.к. система т.н. «вознаграждения» для приват-доцентов оставляла желать лучшего[6]. Однако решение дела о назначении В.Э. Крусмана затягивалось, и факультетское руководство было всерьез обеспокоено тем, что новый академический год 1908/1909 придется начинать опять без квалифицированного специалиста[7].

---

[1] Павел Николаевич Ардашев: биобиблиогр. указатель (1890-2010) / сост. *А.Н.Зарубин.* Чебоксары, 2010.

[2] Евгений Николаевич Щепкин (1860 - 1920): Биобиблиографический указатель / Сост.: *И.В.Максименко, В.В.Самодурова*; Науч. ред. *Т.Н.Попова*. Одесса, 1998; Історик Євген Миколайович Щепкін (1860-1920): постать в контексті доби. Матеріали міжнар. наук. конференції «IV Історіографічні читання», присвяч. 150-й річниці з дня народження професора Є.М.Щепкіна (21-22 травня 2010 р.), м.Одеса / Одеськ. нац. ун-т ім. І.І.Мечникова, істор.ф-т. Відп. ред. *В.М. Хмарський*; науков. ред. *Т.М.Попова*. Одеса, 2012.

[3] См.: *Иванова Т.Н.* Научное наследие В.И.Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. Х1Х – начало XX века). Чебоксары, 2010.

[4] См. подробнее: Одеські історики. Том.1. Енциклопедичне видання. Одеса, 2009.

[5] ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 54.

[6] ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 54.

[7] ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 62.

Наконец распоряжением министерства народного просвещения (№ 27212) с 29 сентября 1908 года магистрант В.Э. Крусман был назначен приват-доцентом по кафедре всеобщей истории Новороссийского университета. 23 октября 1908 года состоялась его вступительная лекция по истории Англии в здании историко-филологического факультета на Преображенской улице[1].

В.Э. Крусман приступил к чтению объявленных им курсов лекций «История реформационного движения в странах католического исповедания» (2 часа в неделю) и «Политическая история Англии в новое время» (2 часа в неделю), а также стал проводить практические занятия по изучению источников западноевропейской истории XV века (2 часа в неделю). Эти курсы входили в т.н. «обязательную» программу для студентов исторического отделения, что влекло за собой и соответствующее денежное вознаграждение для приват-доцентов.

Однако вопрос о заработной плате нового преподавателя еще не был решен. Э.Р. фон Штерн на основании постановления факультета от 18 октября 1908 г. опять ходатайствует перед министерством о назначении В.Э. Крусману «вознаграждения» в сумме 2000 рублей в год: «…за меньшее вознаграждение нельзя привлечь молодых ученых к преподаванию этого предмета в университете», поясняет он, тем более что В.Э. Крусман является по сути единственным преподавателем на кафедре всеобщей истории[2]. Министерство народного просвещения этих аргументов не приняло. Распоряжением от 3 декабря 1908 г. «доход» магистранта В.Э. Крусмана был определен в 1200 рублей в год. Высокие инстанции мотивировали это решение тем, что начинающий преподаватель только приступил к чтению университетских курсов и «…не обнаружил еще в достаточной мере своих научных и преподавательских способностей…»[3].

В.Э. Крусман переехал в Одессу вместе с семьей. Он рано женился (в бытность еще «профессорским стипендиатом») на Розе Карловне Кнеруевой (дочери перекопского мещанина Карла Андреевича Кнеруева, российского подданного лютеранского вероисповедания) и стал отцом троих детей: дочерей Гертруды (р. 25 июля 1903 г.), Беатрисы (р. 27 октября 1905 г.) и сына Гарольда (р. 21 сентября 1907 г.). В Одессе семья пополнилась еще двумя дочерьми: Маргаритой (р.3 февраля 1910 г.) и Джиневрой (р. 1 октября 1912 г.). Поэтому естественно, что В.Э. Крусман параллельно с университетской деятельностью начал работать в других учебных заведениях Одессы: в частных женских гим-

[1] ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 1, 11, 14.

[2] ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 15.

[3] ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 21. См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Одесса, 2007. С.476-477. [Раздел 6. «Судьбы ученых. Владимир Эдуардович Крусман: последний романтик»].

назиях (Лейбезон – с осени 1908 г.; Б.Фельдман – с начала 1909 г.), на Высших женских курсах (с осени 1908 г.) [1].

Основная работа в университете требовала большой самоотдачи. Возобновившиеся с приходом В.Э. Крусмана занятия по всеобщей истории вызвали особый интерес у студентов историко-филологического факультета университета. Наплыв студентов, записавшихся на занятия, был велик: занятия проводились в дополнительные часы, и не все подготовленные студентами рефераты удалось прослушать. В письме к И.М. Гревсу Владимир Эдуардович сообщал: «Лекции получил и сам не думал, что студенческая аудитория будет так действовать на меня и так поднимать энергию. С практическими занятиями тоже все хорошо, но столько участников и такое горячее участие, что, вероятно, придется во втором полугодии брать дополнительные часы. Языки (новые) знают здесь, пожалуй, получше, чем в Питере»[2].

Интерес студентов легко объясним даже при беглом просмотре номенклатуры общих и особенно специальных курсов, разработанных и прочитанных В.Э. Крусманом на протяжении девяти лет его работы в Новороссийском университете. Среди этих курсов: «Систематическое источниковедение по новой истории», «Общий очерк вспомогательных наук истории (Курс методологический)», «История установления европейского владычества на Индийском океане», «Реформационное движение XIII в. в романских странах», «Возникновение и первый период деятельности иезуитского ордена», «Главнейшие направления историко-философской мысли в новое время», «Общая теория истории (Курс методологический)» и др. На практических занятиях у В.Э. Крусмана студенты изучали различные виды исторических источников: мемуарную литературу XVI-XIX веков, газетные издания Франции и Германии XVII-XVIII веков, историко-политические трактаты эпохи Возрождения и Просвещения. В его группе работали будущие крупные историки нового поколения – О.Л. Вайнштейн, Н.Л. Рубинштейн, К.П. Добролюбский и другие. Многие из тем студенческих рефератов имели историографический и теоретический аспекты: «О взглядах на тиранию в Греции и Риме», «О закономерностях исторических явлений» и др.

Еще большим разнообразием отличалась его учебная работа на Одесских высших женских курсах (ОВЖК). Здесь за 1909-1916 годы он прочитал курсы

[1] ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 2, 20, 37; Ф.334. Оп. 3 (Ш). Д.7529. Л.67. О семье В.Э. Крусмана практически нечего не известно. Н.П.Анциферов сообщает, что у В.Э. был племянник, с которым он путешествовал по Италии, следовательно, у своих родителей В.Э. не был единственным ребенком. К сожалению, нет данных о том, какова дальнейшая судьба детей В.Э. В информационном поле есть некоторые сведения о Б.В.Крусмане, советском искусствоведе, Беатриче Владимировне Крусман, Жиневре (Джиневре ?) Вальдемаровне (Владимировне ?) Крусман (г.Москва, род. 1 октября 1912 г.), которая скорее всего является четвертой дочерью В.Э., о Маргарите, праправнучке В.Э., которая, возможно, является внучкой Маргариты, третьей дочери В.Э., и др. Надеюсь, что дальнейший поиск позволит осветить эти страницы персональной истории ученого.

[2] Цит. по: *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. С.134-135.

лекций: «Введение в изучение новой истории», «Главные обобщения новой истории», «Вспомогательные науки истории», «Систематическое источниковедение по новой истории», «Историография нового времени», «Методология истории», «Английская история в эпоху Тюдоров», «История английского владычества в Индии», «Эпоха возрождения в Англии», «Эпоха возрождения в Италии», «Эпоха крушения средневековых культурных и политических идеалов», «История реформации», «История европейских колоний», «История установления Европейского владычества в Индийском океане», «История Северо-Американских Штатов» и проч.[1]. В тематике рефератов для курсисток доминировала биографическая направленность: «Биография Тюрго», «Макиавелли», «Боккаччо как гуманист и художник», «Юность Цезаря Борджиа», «Юность Родриго Борджиа», «Семья Борджиа», «Очерк деятельности Франческо Сфорца», «Взгляды Ж.-Ж. Руссо» и др.

После того как курсы по средневековой истории перешли с 1913 г. новому приват-доценту кафедры П.М. Бицилли В.Э. Крусман сосредоточился на проблемах новой и новейшей истории, теории и методологии исторического познания, историографии истории нового времени. В.Э. Крусман, бесспорно, был талантливым университетским педагогом, получал удовольствие от преподавательской деятельности и стремился передать студентам свои обширные знания. Пожалуй, по количеству спецкурсов и их разнообразию Владимира Эдуардовича трудно сравнить с кем-либо из представителей историко-филологического факультета Новороссийского университета.

Н.Л. Рубинштейн в своих воспоминаниях дал В.Э. Крусману блистательную характеристику, отмечая индивидуальность его лекторского стиля, новаторство преподавательской методики, умение приобщить студентов к самостоятельному научному творчеству. К.П. Добролюбский, будучи «профессорским стипендиатом» Е.Н. Щепкина, в отсутствии последнего часто консультировался у В.Э. Крусмана. Не считая его блестящим лектором, К.П. Добролюбский тем не менее отмечал, что В.Э. Крусман с увлечением преподносил материал по вопросам, которыми специально занимался. Владимир Эдуардович обладал густым низким голосом, говорил воодушевленно на волновавшие его темы, и этим, безусловно, привлекал слушателей. К наиболее интересным преподавателям факультета относил В.Э. Крусмана и Г.В. Флоровский, учившийся в Новороссийском университете в 1911-1916 гг.[2].

---

[1] См. подробнее: *Попова Т.Н., Мельник О.В.* Историография в учебном процессе на Одесских высших женских курсах // Записки історичного факультету. Вип.4. Одеса, 1997. С.143; *Мельник О.В.* Діяльність Володимира Едуардовича Крусмана на Одеських Вищіх Жіночих Курсах (1908-1917 рр.) // Інтелігенція і Влада. Одеса, 2001. Вип. 23.С.247-254.

[2] *Рубинштейн Н.Л.* О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С.91; *Добролюбский К.П.* В Новороссийском университете // Одесский вестник. 1994. 12 февраля, № 22; 19 февраля, № 26; *Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания / вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А. И. Добкина. М.,1992. С.303; Георгий Флоровский: Священнослужитель, богослов, философ. Пер. с англ. М., 1995. С.22.

П.М. Бицилли, ближе всех знавший В.Э. Крусмана, считал, что университетские курсы ученого, оригинальные по содержанию, насыщенные новым материалом, были результатом «собственной лабораторной работы» и тесно соприкасались с главным направлением его научных исследований. В.Э. Крусман как преподаватель производил «неотразимое впечатление» на своих слушателей «вечным духовным горением», «научным энтузиазмом», мастерством, с которым он оперировал огромной массой фактов. Стиль его речи не отличался от его «письма», а с «кафедры» он говорил так же, как и в обыденной жизни, что свидетельствовало о «необычайной цельности» его личности, «редкой искренности и простоте»[1].

Практически ежегодно Владимир Эдуардович выезжал в Европу для работы в архивах и библиотеках Англии, Италии, Германии, Франции. Ученый комитет при министерстве народного просвещения неизменно положительно оценивал итоги этой работы: «неутомимый и дельный работник» – эта характеристика была вполне справедливой [2].

Однако завершение диссертации все откладывалось. Безусловно, сказывалась семейная обстановка, необходимость постоянных дополнительных заработков. И.М. Гревс причину затяжного процесса подготовки диссертации усматривал и в личностных качествах молодого ученого: удивительной глубине, с которой В.Э. Крусман подходил к каждому изучаемому вопросу, стремлении к фундаментальному критическому анализу источников, к строгому методическому обоснованию выводов, скрупулезности и жесткой требовательности к своей работе[3].

Однако были и другие причины, среди которых, по признанию самого В.Э. Крусмана, – отсутствие базовой подготовки в области изучения английской истории и четкого научного руководства. В.Э. Крусман считал себя «дилетантом» и «самоучкой» в области англоведения, т.к. в студенческие годы ему не пришлось слушать курсы Н.И. Кареева [4] и И.М. Гревса (в годы учебы В.Э. Крусмана, в

[1] *Бицилли П.* Памяти В.Э.Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2. С. 344-345. О личности В.Э.Крусмана дают определенное представление обнаруженные не так давно в фондах Научной библиотеки Харьковского университета личные документы В.Э.Крусмана - пять томов его дневников, написанных в период с 1894 по 1911 гг. См. подробнее: *Киселева Ю.А., Попова Т.Н.* В.Э. Крусман: новые ego-документы // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2015. Вип. 14. С.179-190.

[2] ГАОО. Ф. 42. Оп. 37. Д. 21 (1911). Л. 1-2; Ф.45. Оп.1. Д.698. Л. 63-64.

[3] *Гревс И.М.* Памяти В.Э.Крусмана (Некролог) // Анналы. 1922. № 2. С.255 – 256.

[4] В.Э. Крусману удалось прослушать одну лекцию Н.И.Кареева 1 сентября 1897 г.: студентов-первокурсников объединили с аудиторией Н.И.Кареева в связи с отсутствием И.М.Гревса, который должен был читать лекции на младшем курсе. В своем дневнике студент Крусман записал: «Ура! Недурно для начала!...Услышу наконец Кареева, моего возлюбленного учителя. Каков он будет из себя, этот знаменитый ученый, этот ревнитель самообразования, книгами которого я зачитывался, программам которого я следовал» [вероятно, В.Э.Крусман был знаком с работой Н. И. Кареева «Письма к учащейся молодежи о самообразовании», 1894. *Прим. автора*. – Т.П.]; далее он подробно изложил содержание лекции с очень глубокими для юноши комментариями о восприятии «услышанного» и «прочитанного». См. подробнее: *Киселева Ю.А., Попова Т.Н.* В.Э.Крусман: новые ego-документы // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2015. Вип. 14. С.198-200 .

1899 г., эти ученые были уволены из университета). Г.В. Форстен научил своего подопечного методике научной работы, но, будучи специалистом по истории скандинавских стран, фактически не руководил его исследованиями по теме диссертации: «…научная щепетильность, – писал впоследствии В.Э. Крусман, – не позволяла ему выступать руководителем и учителем там, где он сам не чувствовал себя полным хозяином предмета»[1] .

С переездом в Одессу молодой ученый оказался оторванным от alma mater, в 1910 г. потерял «своего незабвенного учителя» Г.В. Форстена. «Научная изолированность», по определению В.Э. Крусмана, в какой-то мере восполнялась периодическими встречами с И.М. Гревсом, товарищами по университетским годам – А.Е. Пресняковым, В.А. Голованем, В.Н. Забугиным, Л.П. Карсавиным, Н.П. Оттокаром; профессором Р. Саббадини, одним из крупнейших специалистов по эпохе Ренессанса, во время поездок Владимира Эдуардовича в Италию и др.

И.М. Гревс после смерти Г.В. Форстена предложил Владимиру Эдуардовичу свое формальное руководство, и хотя В.Э. Крусман отдавал дожное тому вниманию, которое оказывал ему Иван Михайлович, называя его «дорогим учителем и наставником»,– научные и методологические ориентиры ученых в достаточной степени различались[2]. Поэтому В.Э. Крусману, взявшему на себя миссию по сути первопроходца в избранной тематике, пришлось «…самому расправляться с затруднениями, вызванными вопросами о правильной постановке отдельных проблем английской истории…»[3].

В Одессе неожиданно близким к В.Э. Крусману по тематике научных изысканий оказался К.А. Кузнецов, доктор философии Гейдельбергского университета, основоположник исторического музыковедения в России. С 1913 г. К.А. Кузнецов – экстраординарный, с 1917 г. ординарный профессор кафедры энциклопедии права и истории философии права юридического факультета Новороссийского университета. Человек необычайно одаренный во многих областях науки и искусства, К.А. Кузнецов посвятил истории Англии две монографии: «Опыты по истории политических идей в Англии (XV-XVII)» (1913) и «Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах» (1915). А.Н. Савин, назвав книги К.А. Кузнецова «незаурядными», тем не менее причислил автора к числу исследователей «больше возбуждающих, чем убежда-

[1] *Крусман В.* На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С. XXVIII.

[2] Там же. С.XXVIII; *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. С.136.

[3] *Крусман В.* На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С. XXVIII.

ющих»[1]. Возможно, В.Э. Крусмана и К.А. Кузнецова, тесно общавшихся друг с другом в годы их службы в Новороссийском университете, объединило не только проблемное поле научных изысканий, но и привлекательный для обоих их подход к восприятию истории – эмоционально-интуитивный в сочетании с тщательным анализом источников.

Но самые доверительные товарищеские отношения сложились у В.Э. Крусмана с П.М. Бицилли[2], коренным одесситом, выпускником Новороссийского университета. К медиевистическим исследованиям, прославившим его впоследствии, П.М. Бицилли обратился не сразу. В студенческие годы он испытал влияние Е.Н. Щепкина. «Политические теории в эпоху первой реставрации» – тема дипломной работы П.М. Бицилли, которую Е.Н. Щепкин высоко оценил, рекомендовав своего подопечного в «профессорские стипендиаты». Тематика пробных лекций «Фридрих II Гогенштауфен» и «Наказы 1789 г. как исторический источник», прочитанные П.М. Бицилли в декабре 1910 г., также входили в поле интересов Е.Н. Щепкина. Однако в 1906 г. Е.Н. Щепкин был уволен из университета, и П.М. Бицилли оказался под патронатом Э.Р. фон Штерна. Первые публикации П.М. Бицилли (1912) под влиянием ряда работ Э.Р. фон Штерна посвящены истории Рима. Отъезд Э.Р. фон Штерна в Германию (1911), безусловно, повлиял на изменение специализации молодого приват-доцента (с 1911 г.). К тому же преподавательская деятельность П.М. Бицилли способствовала его обращению к медиевистике: с 1913 года к нему перешли все курсы по истории средних веков, которые ранее читал В.Э. Крусман.

В этом же году появляются первые рецензии П.М. Бицилли на книги Л.П. Карсавина. Возможно, к проблематике по истории францисканства П.М. Бицилли привлек именно В.Э. Крусман. Известно, что он, заинтересовавшись этой темой, просил в письме к И.М. Гревсу адрес Л.П. Карсавина, занимавшегося этими вопросами предметно, сообщал Ивану Михайловичу о приобретенных им в Европе книгах по истории францисканства[3] и несомненно знакомил с ними своего коллегу. О.Л. Вайнштейн, с 1915 г. студент факультета, на третьем курсе написал работу «Начало раскола в францисканском ордене»,

[1] С 1909 г. В.Э.Крусман читал на Одесских высших женских курсах спецкурс «Английская история в эпоху Тюдоров». См.: ГАОО. Ф.334. Оп.3 (Ш). Д.7529. Л.70. О К.А.Кузнецове см.: Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Т.3 Одеса, 2000. С.155-156; *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В.Тункиной. М., 2008. С.206, 635; *Савин А.Н.* [Рец.] // Исторические известия. 1916. № 1. С.101-105; *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. С.142-143; *Березкин А.В.* Историк государства и права Англии К.А.Кузнецов // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2005. Вып.5. С.147-156.

[2] Парадоксально, но оба ученых умерли в один день – 25 августа.

[3] См.: *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. С.137, 345.

за которую был удостоен золотой медали. Научным руководителем этой работы официально был Е.Н. Щепкин, однако проблемы францисканства – ведущая линия исследований П.М. Бицилли в этот период. В заявлении руководству факультета с просьбой оставить О.Л. Вайнштейна для подготовки к научной работе по кафедре всеобщей истории П.М. Бицилли подчеркивал, что студент написал медальную работу на предложенную им, П.М. Бицилли, тему по истории францисканского ордена[1].

В.Э. Крусман по-дружески опекал П.М. Бицилли: они были одногодки, но Владимир Эдуардович обладал значительно большим опытом университетской жизни. Специалист по проблемам западно-европейского Возрождения, прекрасный знаток эпистолярного наследия английских и итальянских гуманистов, В.Э. Крусман заинтересовал П.М. Бицилли историей итальянской культуры. Владимир Эдуардович – автор подробной программы, по которой П.М. Бицилли работал в архивах и библиотеках Германии, Франции и Италии в 1913-1914 гг.

Сближение с петербургской культурологической школой И.М. Гревса, его непосредственными учениками – О.А. Добиаш-Рождественской, Л.П. Карсавиным, Н.П. Оттокаром и др. скорее всего также произошло благодаря В.Э. Крусману. Владимир Эдуардович консультировал П.М. Бицилли в период работы последнего над магистерской диссертацией, признавал «близость» их взглядов на «ряд исторических проблем» и принадлежность к одному научному направлению[2].

В 1915 году в Одессе была, наконец, опубликована главная работа В.Э. Крусмана «На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей обстановке», которую он посвятил Г.В. Форстену («Дорогой памяти Георгия Вас. Форстена»). Представленная в качестве магистерской диссертации, она была защищена в Петроградском (Санкт-Петербургском) университете. 15 февраля 1916 года историко-филологический факультет университета удостоил В.Э. Крусмана степени магистра всеобщей истории (диплом магистра № 1265 от 18 апреля 1916 года)[3] .

5 сентября 1916 года В.Э. Крусман был назначен и.д. («исправляющий /исполняющий/ должность») экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории Императорского Новороссийского университета. Его оклад составил 2000 рублей, кроме этого – 500 рублей т.н. «квартирных» (для преподавателей, не имевших собственного жилья) и 500 рублей т.н. «столовых». С 1 января 1917 года за выслугу – пятилетний стаж работы в преподаватель-

[1] ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2714. Л. 31.

[2] ГАОО. Ф.45. Оп. 4. Д. 1119. Л.21. О П.М.Бицилли см.: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С. 327-452. [Раздел 6. «Судьбы ученых. Петр Михайлович Бицилли: «Исход» и возвращение»]; *Она же.* К истории бициллиеведения: общий абрис // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Т.12. Одесса, 2013. С.27-76.

[3] ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 28, 33.

ской должности – В.Э. Крусман получил прибавку к жалованию в размере 500 рублей в год. В.Э. Крусман был членом одесских научных обществ – Историко-филологического (действительный член с 1911 г.), Библиографического (в составе учредителей с 5 марта 1911 г., член Совета); секретарем историко-филологического факультета в университете (с марта 1917 г.) и на ОВЖК (с 1916 г.). Как и некоторые его коллеги по университету В.Э.Крусман был награжден светло-бронзовой медалью в память 300-летия Дома Романовых[1] .

По воспоминаниям знавших его людей Владимир Эдуардович был достаточно демократичен со своими учениками, давал им полную свободу в разработке намеченной программы. Неизменно благожелательный, скромный в самооценке, он проявлял всегда дружеские, по-настоящему товарищеские, чувства по отношению к окружающим. Большой эрудит и библиофил, В.Э. Крусман собрал уникальную библиотеку, насчитывавшую около 10 000 томов. С симпатией относился Владимир Эдуардович к демократическим порядкам Запада, любил искусство, восхищался Парижем и старался каждое лето проводить в Европе. Книги и поездки – это все, что он считал возможным себе позволить. Очень скромный в быту, В.Э. Крусман был совершенно непрактичен. Известная фраза – «не от мира сего» – вполне точно характеризовала его индивидуальность[2]. П.М. Бицилли о своем товарище написал так: «Я не знаю никого другого, кто бы являл такой разительный пример властвования духа над плотью. И это не было у него "аскезой", не стоило ему никаких усилий воли, но совершенно естественно и свободно. Этой стороной своей личности он действовал всегда сильнее и невольно подчинял своему обаянию»[3].

О.Л. Вайнштейн считал В.Э. Крусмана «чисто кабинетным ученым, оторванным от живой действительности эрудитом»[4]. Владимир Эдуардович действительно любил свой кабинет-библиотеку, где работал и принимал учеников, однако беседовал с ними, по признанию К.П. Добролюбского, не только на научные темы – его волновали проблемы более широкого характера.

В.Э. Крусман участвовал в просветительской деятельности, не избегал общественной жизни: в период первой мировой войны читал публичные лекции, которые организовывались различными комитетами: «В пользу жертв войны», «В пользу помощи борцам за Родину», «В пользу Красного Креста» и проч.; после Февраля 1917 года вместе с Е.Н. Щепкиным и другими профес-

[1] ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 1-4, 34; Правительственный вестник. 1916. № 199. 16 сентября.

[2] См.: *Добролюбский К.П.* В Новороссийском университете // Одесский вестник. 1994. 12 февраля, № 22; 19 февраля, № 26; *Рубинштейн Н.Л.* О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С. 91; *Гревс И.М.* Памяти В.Э.Крусмана (Некролог) // Анналы. 1922. № 2. С.255-256.

[3] *Бицилли П.* Памяти В.Э.Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2. С.344-345.

[4] *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.-Л., 1940. С.325.

сорами университета принял участие в работе открывшегося в Одессе Народного университета.

Не занимаясь никогда политикой, В.Э. Крусман, как и большинство демократически настроенной интеллигенции, с воодушевлением принял Февральскую революцию, стал сотрудником издаваемой Е.Н. Щепкиным газеты «Власть народа» и одним из учредителей «Общества 27 февраля 1917 года». В.Э. Крусман выражал искреннее желание как можно скорее обновить общественную жизнь своей родины в соответствии с теми идеалами, во имя которых и был совершен, по его мнению, «великий государственный переворот» – Февральская революция[1].

Однако очень скоро В.Э. Крусман пережил разочарование, осознав, что идеалы революции и реальная политическая практика – несовместимы. Он вышел из «Общества 27 февраля 1917 года» и из редакции газеты «Власть народа». Свой разрыв с главным редактором и издателем газеты, с коллегой по кафедре – профессором Е.Н. Щепкиным, В.Э. Крусман попытался обосновать в письме в редакцию газеты «Власть народа». Основная причина – в глубоком неприятии тех приемов и методов, которые стремительно «левевший» Е.Н. Щепкин, нацеленный на радикальное реформирование Новороссийского университета, считал «…желательными и допустимыми для оздоровления нашей общественности»[2]. В.Э. Крусман счел необходимым копию этого письма поместить в студенческой газете Новороссийского университета – «Сын народа», предав, таким образом, широкой гласности свои расхождения с бывшими единомышленниками.

Обстановка осложнялась и бытовыми проблемами: в декабре 1916 года приказом Военного отделения Одесского городского общественного управления в квартиру В.Э. Крусмана (улица Новосельского, дом 67, квартира 4) были направлены «на постой» офицеры и чиновники военного ведомства. Из шести комнат, в которых проживали девять человек семьи Владимира Эдуардовича (он сам, его мать, жена и шестеро к этому времени детей), две нужно было отдать[3]. В.Э. Крусман решает уехать в Пермь.

---

[1] *Крусман В.Э.* Письмо редактору газеты «Власть народа» проф. Е.Н.Щепкину // Одесские новости. 1917. 11 апреля; *Крусман В.Э.* Письмо в редакцию // Сын народа. 1917. 12 апреля.

[2] *Крусман В.Э.* Письмо в редакцию // Сын народа. 1917. 12 апреля

[3] ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 24-26. В заявлении на имя ректора с просьбой о ходатайстве перед военными инстанциями о сохранении квартиры, написанном В.Э.Крусманом собственноручно (л.26), приведены данные о шести детях; следовательно, в Одессе у В.Э. родилось трое детей; о последнем ребенке сведений на сегодняшний день нет (возможно, это Б.В.Крусман, советский искусствовед). П.М.Бицилли также свидетельствует о наличии шестерых детей. См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспособляюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М.Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София, 2015. С. 86.

Одесский период в жизни В.Э. Крусмана, безусловно, занимает значительное место в его жизни и творчестве: именно здесь он состоялся как университетский преподаватель, глубокий исследователь нового для российской историографии научного направления; стал первым профессиональным англоведом, с именем которого связано формирование традиции изучения истории Англии в Одесском (Новороссийском) университете[1]; оказал бесспорное влияние как человек и ученый на всех, кто соприкоснулся с этим далеко не «второрядным» представителем научного мира и профессорской культуры. Однако «независящие обстоятельства» (П.М. Бицилли) сыграли свою роль.

П.М. Бицилли, пытаясь осмыслить решение В.Э. Крусмана оставить Одессу, писал в некрологе на смерть друга: немецких корней, протестантского вероисповедания, В.Э. Крусман, называвший себя в шутку «петербургским чухонцем», был «вполне русским человеком», или «русским европейцем»; как и большинство либеральной университетской профессуры, он принял Февраль, но, будучи ученым и трезвомыслящим человеком, предвидел «кровь и террор»; возможно, поэтому он попытался из Одессы («где демон революции вскинулся мелким бесом») скрыться «в древнюю, подлинную, исконную Русь» – ближе к местам своего детства.

В 1916 году Пермский университет, основанный сначала как филиал (Пермское отделение) Петроградского (Санкт-Петербургского) университета, с 5 мая 1917 года приказом Временного правительства приобрел самостоятельный статус (открыт 1 /14/ июля 1917 г.).

И.М. Гревс считал, что В.Э. Крусмана «уговорили» его бывшие коллеги по Санкт-Петербургскому университету, ставшие профессорами Пермского (Г.В. Вернадский, Н.П. Оттокар, бывший одно время деканом историко-филологического факультета, проректором и ректором /1919-1921/ университета и др.). Н.Л. Рубинштейн высказал мнение о том, что В.Э.Крусман направился на работу в Пермь, «…не желая подвергнуться украинизации»[2]. Вероятно, решение В.Э. Крусмана было обусловлено рядом факторов: сказывалась обстановка на кафедре, в университете, в городе в целом. Владимир Эдуардович не был «правым», не входил в круг А.П. Доброклонского и М.Г. Попруженко (составивших вскоре сообщество научной эмиграции); «левые» (окружение

[1] См. *Аппатов С.И., Демин О.Б., Першина З.В.* Историческая наука в Одессе за 200 лет // Очерки развития науки в Одессе. Одесса, 1995; *Попова Т.Н., Станко В.Н.* Исторические исследования в Одесском университете: традиции и современность // Вестник Одесского государственного университета. Вып. 1. Одесса, 1995; *Дъомін О.* Вивчення та викладання всесвітньої історії в Одесі в XIX-XX ст. // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Вип. 15. Серія: Історичні науки. Номер 1. Чернігів, 2002 и др.

[2] См.: *Гревс И.М.* Памяти В.Э.Крусмана (Некролог) // Анналы. 1922. № 2. С.256; *Рубинштейн Н.Л.* О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С.93.

Е.Н.Щепкина) его разочаровали, иные политические направления настораживали. Обстановка в Одессе обострялась. Следует учесть и то, что В.Э. Крусман переходил в Пермский университет на более высокую должность.

Приказом Временного правительства от 28 сентября 1917 года (№ 181) В.Э. Крусман с 1 июля того же года был утвержден и.д. ординарного профессора Пермского университета по кафедре всеобщей истории[1].

Переезд в Пермь растянулся почти на все годы гражданской войны. Пять последующих лет в волжско-уральском регионе не стали для В.Э. Крусмана «Уходом» от проблем, возникших в Одессе, – революционное цунами настигло его и в этом, отдаленном от Европе, крае.

Покинув Одессу осенью 1917 г., В.Э. Крусман разминулся с семьей, которая направилась в Симбирск. Выехав из Перми в Москву, он оказался оторванным от Урала развернувшейся гражданской войной. Стремясь к семье, вынужден был осесть в Симбирске без средств, без работы и без книг: по пути, еще в Харькове, «затерялась» его богатейшая библиотека [2]. П.М. Бицилли, возможно, зная обстоятельства дела от самого В.Э. Крусмана, писал, что его «… превосходная библиотека <…> была секвестрована правительством "украинской республики"»[3].

С установлением советской власти в Симбирске В.Э. Крусман начал работать в Симбирском пролетарском государственном университете, созданном в декабре 1918 г. (открытие состоялось 3 февраля 1919 г.) во главе с заслуженным профессором Казанского университета А.С. Архангельским. В.Э. Крусман стал секретарем университетского Совета и, будучи официально ординарным профессором Пермского университета, читал здесь курс истории культуры нового времени и курс социологии [4].

Пермский период

Обосновавшись, наконец, в Перми, В.Э. Крусман активно включился в научно-педагогическую работу. Вместе с Б.Д. Грековым, Г.В. Вернадским, Н.П. Оттокаром – коллегами по петербургскому университету – он принимал

[1] ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 4-5, 29.

[2] В отделе книжных памятников, ценных изданий и рукописей Центральной научной библиотеки ХНУ имени В. Н. Каразина хранится часть архива и книжного собрания В.Э. Крусмана. В результате фронтального осмотра собрания отдела было выявлено на сегодняшний день около тридцати книг с экслибрисом ученого. Судя по библиотечным пометкам на титульных листах они были переданы в библиотеку в 1925 году. Об истории этой находки см.: *Киселева Ю.А., Попова Т.Н.* В.Э. Крусман: новые ego-документы // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2015. Вип. 14. С.195-198.

[3] *Бицилли П.* Памяти В.Э.Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2. С. 345; ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1376. Л .25.

[4] См.: Симбирский пролетарский государственный университет. URL: http://www.ulprof.ulgov.ru/edu/history/394.html

участие в работе Пермской губернской архивной комиссии[1]. В области научных исследований, которые, как и ранее, в одесский период, были тесно связаны с учебной работой, В.Э. Крусман продолжил реализацию своего глобального проекта, заявленного в монографии «На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке»: ученым была написана книга о первом представителе европейской интеллигенции – Петрарке и создан курс лекций по истории французского салона XVII-XVIII вв.[2] Именно сравнительно-историческое исследование новых явлений в истории европейской культуры для более глубокого анализа английских реалий XIV в. послужило для В.Э. Крусмана своеобразным «толчком» (П.М. Бицилли) к созданию этих трудов.

Работа о Петрарке осталась в рукописи[3]. Курс лекций был отлитографирован, но В.Э. Крусман, исключительно требовательный к себе, отказался его публиковать, несмотря на настояния друзей. Этот курс, считает П.М. Бицилли, представлял собой «единственное в своем роде исследование, новое не только по материалам, извлеченным им из богатейшего Воронцовского фонда библиотеки Новороссийского Университета, но и по постановке вопроса»[4].

В Перми В.Э. Крусман опубликовал три статьи «Грань между средневековой и новой историей», «История и современность», «Пределы новой истории», которые вошли в один сборник: «Пути науки»[5]. Эти статьи взаимосвязаны[6]: главная задача – осмысление происходящего цивилизационного разлома, его места в мировой истории, а также роли научного познания прошлого как

[1] См.: *Пирогова Е. П.* Пермская ученая архивная комиссия и ее деятели // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 3. Екатеринбург, 1999. С.230.

[2] В.Э.Крусман признавал огромную роль Франции в формировании «латентного гуманизма в Англии в начале XIV в., значительное влияние французской культуры на Англию того времени – влияние, которое «углубляло» итальянское влияние, а подчас и заменяло его. См. *Крусман В.* На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С.383, 392.

[3] П.М. Бицилли и И.М. Гревс знали о ее существовании, вероятно, от самого В.Э. Крусмана.

[4] Русская мысль. 1923. Кн.1/2. С.344. Дальнейшая судьба этих рукописей неизвестна.

[5] Пути науки. Введение в историческое знание. Сборник статей проф. Крусмана, Дурденевского, Булаховского и Казанского / Издание Главного Дорожного Комитета П. Ж. Д. Пермь: Типо-лит. Управления Пермской железной дороги, 1918. С.13-46. Эти статьи уже стали объектом анализа современных авторов. См.: *Нюркаева А.З.* Исследование проблем древности, средневековья и славяноведения в Пермском университете (К 75-летию университета) // Межвузовский сборник научных статей «Античность Европы» / под редакцией И.Л.Маяк и А.З.Нюркаевой. Пермь, 1992. С.121-139; *Колеватов Д.М.* В.Э.Крусман о социальных функциях и адаптивных возможностях исторической науки // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. Материалы Всероссийской научной конференции. Пермь, 20-22 сентября 2007 г. М., 2007. С.173-176.

[6] Возможно, единый смысловой блок этих статей в какой-то мере определил и их публикацию в сборнике: они напечатаны одна за другой, представляя собой практически один текст; не исключено, что это были тексты публичных выступлений В.Э.Крусмана.

инструмента для постижения современности. Несмотря на склонность к «камерности», В.Э. Крусман «был слишком историк, слишком учен и трезв», не страдал прекраснодушным «интеллигентским фатализмом» с верой в обязательную победу «разума и совести русского народа», но одновременно он чутко уловил звучание «идеалистической ноты в Революции», которая для многих оказалась «неразличима за ревом торжествующего Зверя»[1].

Мировая война («мировая катастрофа»[2]) и Октябрь («великая русская революция») для В.Э. Крусмана – закономерная веха в периодизации истории, и порожденное революцией «движение» народных масс – такое движение, которого еще не было во всемирной истории, – важнейшее следствие этой «грандиозной революции». Революция поражает, с одной стороны, тем, что никогда еще в такой степени не оказывались «решающими массовые интересы», с другой – развитие революции показало, что «огромными массами удачно управляют единичные личности». В связи с этим вопрос о роли личности в истории, который, казалось бы, был отнесен уже «к старому хламу исторической науки», опять, убежден В.Э. Крусман, стал актуальным. Революция в то же время показала, заключает историк, что прежние знания об обществе и государстве, о самой исторической науке терпят крах и с необходимостью требуют ревизии всех прежних представлений [3] .

Обращение к роли исторической науки в обществе, поиски осознания теснейшей связи истории и современности В.Э. Крусмана «вписываются в общеевропейский процесс переосмысления классической парадигмы истории»[4]. Называя себя «присяжным представителем науки», В.Э. Крусман, вопреки сложившемуся канону позитивистской философии науки не считал, что наука должна быть «чистой, беспартийной, внеклассовой, независимой, самодавлеющей»[5]. Он трезво оценивал состояние своей профессии к началу XX в.: историческая наука не вышла из стадии «прикладной науки», зависящей от конъюнктуры социального спроса и от «давления извне». Однако в этой ситуации ученый не видит трагизма: не ущербность исторического познания, но его возможности более значимы для него. Утилитаризм и научность – это не взаимоисключающие характеристики знания, но дополняющие стороны его развития. Во-первых, «давление извне»,

---

[1] См.: *Бицилли П.* Памяти В.Э.Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2. С.345.

[2] См.: *Крусман В.Э.*Предел новой истории // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918.С.42.

[3] См.: *Крусман В.Э.* История и современность // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918. С.20-21.

[4] *Колеватов Д.М.* В.Э. Крусман о социальных функциях и адаптивных возможностях исторической науки // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. Материалы Всероссийской научной конференции. Пермь, 20-22 сентября 2007 г. М., 2007. С.174.

[5] *Крусман В.Э.* История и современность // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918.С.13.

определяющее различные направления в исторической науке (придворная, черносотенная, народническая, марксистская, буржуазная наука и проч.), лишь способствует появлению различных «точек зрения», что позволяет расширять ракурс восприятия прошлого. Во-вторых, изменение исторической ситуации неизбежно влечет за собой рождение нового взгляда на прошедшие события, заставляя «заново перерабатывать историю»: как Французская революция заставила заново «переработать историю», так и современная мировая война и революция могут оказать «подобное влияние»[1]. В-третьих, историческая жизнь, которая сложна сама по себе, все более усложняется в современную эпоху в связи с вовлечением к активному участию в общественной жизни все большего количества масс, а это требует от исторической науки новых подходов и методов[2].

Долг профессионального историка, по Крусману, – быть восприимчивым к запросам современности и одновременно стоять на страже интересов «чистой науки». В.Э. Крусман во многом предвосхитил новое понимание науки – в ее социокогнитивном статусе, которое наберет силу только к 60-70-м гг. XX в.: внутренняя автономность науки и обусловленность ее развития социальной средой, исторической ситуацией, «интересами» ее "покровителей"» – для него не взаимоисключающие категории, но различные ипостаси единого явления – науки[3].

Пермский период в жизни В.Э. Крусмана стал не только продолжением творческой биографии ученого, но и новой ступенью его зрелости как человека, гражданина и профессионального историка. Однако судьба предоставила ему слишком мало времени…

Бесчисленные поездки В.Э. Крусмана в поисках библиотеки, без которой он не мог жить и работать, окончились трагически: 25 августа 1922 года ученый умер в Москве.

Сюжет первый. О концепции и ее воплощении

К.В. Флоровская в письме к брату Георгию (от 12 марта 1923 г.) сообщала о том, что П.М. Бицилли прислал ей письмо с некрологом, посвященным В.Э. Крусману. П.М. Бицилли просил дополнить текст, однако Клавдия Васильевна, хорошо знавшая В.Э. Крусмана и по Петербургу, и по Одессе, сочла, что дополнять ничего не нужно[4]: П.М. Бицилли как всегда писал емко, четко,

[1] Там же. С.21.

[2] См.: *Крусман В.Э.*Предел новой истории // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918.С.38.

[3] *Крусман В.Э.* История и современность // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918.С. 14-22.

[4] См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспособляюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М.Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София, 2015. С.108. Некролог был опубликован в этом же году в журнале «Русская мысль», редактируемым П.Б.Струве и выходившим в это время в Праге (1923. Кн. 1/ 2. С.342-345).

образно – эмоциональная напряженность трехстраничного текста сочеталась с глубоким аналитическим подходом, биографические факты автор блистательно соединял с концептуальными построениями.

П.М. Бицилли, друг и единомышленник, был одним из немногих, с кем В.Э. Крусман, вероятно, делился своими проектами. Оценка научного наследия В.Э. Крусмана, данная П.М. Бицилли в некрологе, написанном им в память друга, позволяет совершенно в ином ракурсе подойти и к анализу основного труда ученого («На заре…»), и к пониманию его общего творческого замысла.

Характерной чертой В.Э. Крусмана как исследователя, по мнению П.М. Бицилли, была «грандиозность его научных замыслов и исканий», которые соответствовали «широте его интересов, мощи его духа, высоте его умонастроения»; все это «в сочетании с неутомимой работоспособностью, феноменальной памятью и поистине изумительной начитанностью» создавало неповторимый облик ученого. П.М. Бицилли разъясняет, что монографию «На заре английского гуманизма», ставшую магистерской диссертацией В.Э. Крусмана, следует рассматривать «в качестве torso», т.е. своеобразного «отрывка», понять и оценить который нельзя, если не знать, с каким «общим замыслом» он был связан. Книга в 600 с лишним страниц «детальнейших исследований» о судьбе двух английских гуманистов XIV в. – Ричарда де Бери и Томаса Эрунделя – представителей высоко просвещенной церковной элиты (к фигурам которых еще никто до В.Э. Крусмана предметно не обращался, в том числе и в английской историографии), представляла собой по замыслу ее автора «увертюру» к истории раннего английского гуманизма[1], своеобразную прелюдию к той работе, которая и была главной целью всей научной деятельности ученого. Ведущее направление исследовательских поисков В.Э. Крусмана – «история европейского общества» – «европейской «интеллигенции» (по терминологии автора) как выразителя «духа европеизма»; «синтез европейской культуры, понятый в ее происхождении».

Для создания этого «синтеза» В.Э. Крусман обратился к исследованию особенностей психического склада европейцев, но поскольку эти особенности обнаруживались, по его мнению, только «при столкновении представителей европейской культуры с другими культурами», то развертывание главного направления предполагалось через изучение двух «параллельных» тем. Это, во-первых, история общественной жизни в Западной Европе, а именно – происхождение общественного мнения «как факта социальной психологии». При этом исследование «общественного мнения» предусматривало анализ различных, эволюционно сменявших друг друга типов его организации, многообразных форм его проявления, способов и характера «его действия на массы». Во-вторых, это – история «европейского империализма» на основе сравнитель-

[1] *Крусман В.* На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С.VII.

но-исторического анализа европейской и других мировых культур [1].

Подобная постановка В.Э. Крусманом проблемы «синтеза западно-европейской культуры», по мнению П.М. Бицилли, доказывала «глубокое историческое чутье» ученого. Согласно взглядам В.Э. Крусмана (которые, безусловно, разделял П.М. Бицилли), «дух европеизма» наиболее ярко был выражен в «двух творениях» «творческого гения Европы»: с точки зрения своего «внешнего проявления» – в стремлении создать «мировое царство» с осознанно поставленными «культурными целями, лишь отчасти вытекающими из целей экономической эксплуатации и политического властвования»; с точки зрения «внутренних задач» – в создании независимого от государства общества – «социального образования», «являющегося творцом и носителем народных идеалов», «противопоставляющего» себя государству и не имеющего себе аналогий в других, «вне-европейских», культурах.

Исходя из этих концептов, в качестве «нормативного» европейского социально-психологического и политического образования В.Э. Крусман избрал Англию, а «английская общественность» стала главным объектом его анализа. История Англии как «классической земли "новой гражданственности" и свободной мысли» интересовала В.Э. Крусмана с точки зрения генезиса определенных политических, социальных, этических и прочих «идеалов» и их «осуществления на практике». В связи с этим он не ставил своей задачей исследовать обстановку – среду, «саму по себе», создавшую и осознавшую эти идеалы.

Первая монография ученого рассматривалась им как «часть введения» в историю английского общества, в которой центральное место автор собирался отвести «английскому салону» XVIII в. Подобный подход «издалека» диктовался «условиями и характером задачи»: во-первых, «зарождение *общества*» (курсив П.М. Бицилли. – Т.П.) в результате «секуляризации культурного слоя» приходился на XIV век; во-вторых, поскольку В.Э. Крусман поставил вопрос о «внутренне-закономерном» развитии английского общества, как *нормативном*, или *типичном* [курсив П.М. Бицилли. – Т.П.], нельзя было обойти «вопроса о *происхождении* [курсив П.М. Бицилли. – Т.П.] гуманизма в Англии». Важнейшим научным достижением В.Э. Крусмана, по мнению П.М. Бицилли, является то, что «ему удалось вполне твердо установить самостоятельность Англии в этом отношении»[2].

Сам В.Э. Крусман считал, что в соответствии с целью книги – «дать возможно полную цепь деятелей английского гуманистического просвещения», – ему все-таки удалось установить «совсем новые звенья этой цепи», использовать давно забытые или почти никогда не привлекавшиеся наукой материалы[3],

[1] *Бицилли П.* Памяти В.Э.Крусман// Русская мысль. 1923. Кн. 1/2.. С.342-343.

[2] Там же. С.343.

[3] Предшественники В.Э. Крусмана в большей степени опирались на источники повествовательные, поэтому он расширил базу исследования за счет актового и документального материала. См.: *Крусман В.* На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С.XXVI-XXVII.

внести поправки и дополнения в биографии практически всех деятелей, причисляемых к «гуманистическому лагерю» за исследуемый период. В процессе своей работы В.Э. Крусман неизбежно вовлекался в политическую историю Англии и, изучая посвященную этому направлению литературу, констатировал в результате полную «неразработанность английской политической истории конца средневековья» на начало XX в.[1]. Свою заслугу как исследователя В.Э. Крусман видел в том, что им в определенной степени был «расчищен путь» для дальнейшей более глубокой разработки «одного из наиболее интересных направлений в жизни английского общества на рубеже нового времени»[2].

Важнейшим достижением В.Э. Крусмана был его вывод о переходе к гуманизму не как «резкому перелому», но как естественному процессу вызревания «новой культуры» из старой – средневековой: новое «движение» – Ренессанс – «не есть разрыв со средневековой культурой, а прямое ее продолжение»[3].

Второй, не менее важный тезис, – признание Возрождения как процесса, что требует изучения и выявления регионально-временной специфики «Возрождений в истории западно-европейских народов». В самом Возрождении как историческом явлении В.Э. Крусман особо выделял интеллектуальный стержень[4].

Третий инновационный тезис: «увертюра истории английского гуманизма», казалось бы, оборвавшаяся на Ричарде де Бери и его кружке, на самом деле, был уверен В.Э. Крусман, получила дальнейшее развитие. Однако «проявления» гуманизма были практически неразличимы («опустились ниже порога различимости»), тем не менее «латентный» период гуманизма в Англии в начале XIV в., делал вывод автор, подготовил почву «не только для восприятия, но и для зарождения идей Возрождения»[5]: в конце XIV в. в творчестве Джефри Чосера, а через век, с конца XV в., идеи гуманизма займут в английской культуре прочное положение.

Сюжет второй. О методологии[6]

Об исторической науке. В.Э.Крусман не поддерживал неокантианскую классификацию наук, согласно которой историческая наука относилась к наукам «о духе». Для него история как наука – одна из самых сложных именно потому, что она изучает деятельность человека – материю и дух «в их совместном

[1] *Крусман В.* На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С.XVIII.

[2] Там же. С.XII.

[3] Там же. С.XVII.

[4] Там же. С.XXII.

[5] Там же. 382-383, 392.

[6] Автор не стремился связать идеи В.Э. Крусмана с конкретными методологическими школами и направлениями, «уложить» его в определенную общепринятую «нишу», – профессиональный Читатель сможет сам разобраться в непростой теоретической и методологической платформе ученого.

действии»[1]. Сложность этой науки заключается и в том, что ее объект – человек в его деятельности – требует от историка помимо своих профессиональных знаний, широчайшего кругозора из области разных дисциплин: литературоведения, искусствоведения, географии, психологии и проч.

Будучи представителем нового направления в европейской науке – историко-культурного, В.Э. Крусман отчетливо понимал задачи этого направления исследований, его отличие от истории литературы, принимая во внимание длительную (к началу XX в.) традицию культурно-исторической школы в литературоведении. Историка культуры, по его мнению, в первую очередь интересует специфика эпохи в ее культурной эволюции, поэтому для него главное: из мозаики фактов – «намеков», «мимолетных замечаний, мелких данных актового материала» воссоздать «облик» («физиономию») конкретного периода в истории «культурного общества», «вскрыть действовавшие в полумраке силы» («каменщиков, строивших фундаменты»), которые участвовали в «создании крупной литературной эволюции», подготовлявшей общество для появления «великих ее светил» – создателей новой литературной традиции – Дж.Чосера и других «архитекторов» новой эпохи в культурной истории Англии [2].

Следуя канонам плюрализма, В.Э. Крусман не сводил науку к какой-либо одной теории: развитие науки, считал он, происходит в движении теорий, которые, преодолев свою гипотетичность, превращаются в «знание», основанное на достоверных фактах, и таким образом становятся «достоянием науки». Взятые по отдельности концепции – буржуазные, марксистские, народнические и проч. – не представляют для науки особой ценности, они лишь отражают свое «положение в определенном обществе», однако «новое знание» в большей или меньшей степени дает «всякая точка зрения»[3]. Поскольку наука – это «определенное отношение» ума к окружающей действительности, постольку появление «разных подступов к действительности» способствует более глубокому ее познанию[4]. Действительность всегда влияет на историческую науку и любое «конструирование истории», заключает ученый, будет в значительной степени зависеть «от условий момента», когда оно осуществлялось [5].

Для В.Э. Крусмана исторический процесс объективен и реален – он «идет своим чередом», но изучение исторического процесса всегда избиратель-

---

[1] *Крусман В.Э.* История и современность // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918.С.15.

[2] *Крусман В*. На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С.XV-XVI.

[3] *Крусман В.Э.* История и современность // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918.С.17-18.

[4] См.: Там же. С.21.

[5] См.: *Крусман В.Э.* Предел новой истории // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918.С.39.

но: оно зависит от общественных интересов (социального запроса), которые в данной ситуации представляются наиболее значимыми для стабильности и развития общества. Общественная жизнь с ее интересами в конкретный период всегда детерминирует определенный фокус изучения истории, обращение к «отдельным сторонам» исторического процесса[1]. Одновременно знание своего прошлого также влияет на «самосознание», особенно же – «знание ближайшего прошлого»[2].

В.Э. Крусман считал, что современникам не дано объективно оценить свое место в истории: подлинный исторический синтез может дать только будущее, т.к. «сравнительная и абсолютная оценка беспрестанно меняются»[3]. Только последующим поколениям подвластно понять сущность минувшей эпохи, поскольку им доступны ее последствия и их значение. Именно в этом заключается движение науки – новые поколения вносят свои «поправки» в официальную концепцию современников[4].

Об источниках. Главное для историка – работа с источниками, которые В.Э. Крусман определял как «отражение человеческой культуры» и разделял (подчеркивая условность классификации) на остатки (вещественные источники) и традицию, включающую традицию образную (картины, скульптуры, рисунки, гравюры, карты, планы, фотоснимки и кинематограф), устную (своеобразное отражение народного самосознания) и письменную[5]. Среди письменных источников он делал акцент на газеты, памфлеты, посольские реляции, мемуары, не исключая особую важность актового материала.

Изучение источников, по Крусману, требует выяснения вопросов не только о том, как источник возник и развивался, но и о том, как подходили к его изучению в разные эпохи. Для В.Э. Крусмана анализ историографической традиции и повременной рецепции исторического материала – непреложные задачи профессионального историка. Каждая из групп источников требует своего подхода: образная традиция, например, предоставляет «возможность вживания в уже минувшую эпоху»[6], устная – ориентирует на «осторожность в анализе», учитывая значительный элемент ее мифологизма.

Понимание ценности источников В.Э. Крусман связывал со знанием

---

[1] *Крусман В.Э.* Грань между средневековой и новой историями // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918.С.37.

[2] *Крусман В.Э.* Предел новой истории // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918.С.39.

[3] *Крусман В.Э.* Грань между средневековой и новой историями // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918.С.37. *Он же.* Предел новой истории // Там же. С.38.

[4] См.: *Крусман В.Э.* Грань между средневековой и новой историями // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918.С.37.

[5] См.: *Крусман В.Э.* Введение в изучение новой истории. Курс лекций по систематическому источниковедению. [Машинопись]. С.2.

[6] См.: Там же. С.11.

истории их возникновения и хранения, поэтому изучение истории «средств оповещения», почты, книгопечатания, прессы, истории международных отношений, дипломатии, биографий авторов мемуаров и проч., истории и состояния хранилищ «отражения человеческой культуры» (архивов, музеев, библиотек и др.) – для него важнейшая составляющая источниковедческого анализа.

В.Э. Крусман придавал первостепенное значение самому факту наличия источников и их информативности. В работе с источниками, особенно – с актовым материалом, В.Э. Крусман опирался на «заветы» своего учителя – Г.В. Форстена, «убежденного и убедительного защитника самого щепетильного отношения к историческому факту»[1]. В процессе поиска и обработки источников для изучения генезиса гуманизма в Англии В.Э. Крусман постоянно чувствовал неудовлетворенность, ибо его исследовательский энтузиазм ограничивался, как он говорил, «строптивыми источниками»: за каждой страницей текста «происходила борьба» между тем, что автор чувствовал «за источниками», и тем, что научная корректность «разрешала из них вычитывать»; часто приходилось лишь констатировать «факт», т.к. «материал не давал возможности идти глубже»[2].

История зависит от факта в его неизменности, ибо «прошлое – не повторно», поэтому история не нуждается «в обобщениях», главное – фактологическая полнота и глубина анализа[3]. Поэтому наличие максимально полной источниковой базы выступало для ученого критерием научности: поиск мельчайших данных, из которых он пытается составить «мозаику» фактов, сбор и объединение всего «доступного материала» – эту задачу В.Э. Крусман ставил в своем исследовании[4].

Акцентуализируя источник и твердые факты, В.Э. Крусман не исключал в то же время возможности гипотетических построений – отступлений от «твердой почвы фактов» и устремлений по пути, пролегающем «на неустойчивом грунте предположений». К таким гипотезам В.Э. Крусман относил и собственную «уверенность… в хотя бы и не безусловной, но всетаки прочной самобытности английского гуманизма»[5] [орфография В.Э. Крусмана. – Т.П.].

Сама ценность источника определялась В.Э. Крусманом не только по тому, насколько тот или иной источник позволял «вникнуть в действительную сущность явления», – не менее важно понять, насколько «сильное влияние»

[1] *Крусман В.* На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С. XXVI-XXVII.

[2] Там же. С.V-VII, IX.

[3] *Крусман В.Э.* История и современность // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918.С.21.

[4] *Крусман В.* На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С.IX, XI.

[5] Там же. С.X.

могли иметь эти источники на современников, «на общественное мнение». Любой исторический факт – источник, событие, явление – всегда должен рассматриваться историком, убежден ученый, «и по сущности своей, и по тому, как оно [это явление. – Т.П.] *представлялось*»[1] [курсив мой. – Т.П.]. На этот важнейший методологический постулат В.Э. Крусман опирался при изучении генезиса гуманизма в Англии.

О представлениях и образах. Рассматривая закономерности гуманистической традиции и особенности ее проявления в Италии и Англии, В.Э. Крусман обращал внимание на то, что в Англии до конца XV в. шел «непрерывный процесс доростания» английских интеллектуалов до идеалов гуманизма «без разрыва с прошлым». И только с конца XV в. англичане «все чаще принимаются разыгрывать гуманистов по общепризнанному впоследствии фасону», т.е. следуя установленному итальянцами *образу гуманиста* [курсив мой. – Т.П.]. В.Э. Крусман считал, что в Италии «*гуманизм как форма разрыва со средневековьем*» [курсив мой. – Т.П.] вначале тоже не существовал, но «казался таким», и прежде всего потому, что именно этот образ «там рекламировали»: по сути, он был выработан итальянской интеллигенцией от Петрарки до Чинквеченто. «В истории итальянского гуманизма мы имеем дело с огромным количеством самопрославления…»[2], – констатирует ученый. И именно эта историографическая традиция в восприятии образа гуманиста и гуманизма закрепилась в литературе: «тип гуманиста» в Англии XIV и XV вв. не редкость, но в тоже время – «поза», в который гуманиста зафиксировала историография, в значительной степени опирающаяся на образ, созданный итальянцами[3]. Английскими гуманистами за два века было сделано многое – «…они следили за прогрессом мысли… содействовали в определенном направлении просвещению… подготовляли соответственно вышколенных работников для борьбы с властью тьмы…», – но все это происходило без рекламы, свойственной их итальянским собратьям [4].

Сделав такой радикальный вывод, В.Э. Крусман, следуя правилам научной корректности, оговаривает: «Автор не чувствует за собой права идти дальше данного вывода, да и последний имеет лишь ценность предположения, ибо данное исследование производилось на основании сравнительно узкого материала»[5].

О категориальном аппарате. Проблема категорий для В.Э. Крусмана – одна из важнейших теоретических проблем исторической науки. Всякая наука, отмечает он, нуждается для своего движения вперед в определенных «техниче-

---

[1] См.: *Крусман В.Э.* Введение в изучение новой истории. Курс лекций по систематическому источниковедению. [Машинопись]. С.7.

[2] *Крусман В.* На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С.XV.

[3] Там же. С.XIV.

[4] Там же. С.XV.

[5] Там же. С.XIII-XIV.

ских приспособлениях»: в технических науках - это материальные приборы, в гуманитарных – «слово», поэтому историческая наука, как и все гуманитарные науки, движется вперед «путем развития своей терминологии»[1]. В то же время В.Э. Крусман постоянно акцентирует «условность» терминологии, подчеркивая, что любой термин неадекватен реальным историческим явлениям. Например, «средневековое миросозерцание» и «миросозерцание эпохи Возрождения» для него - понятия «неотчетливые», поскольку корни последнего – в средневековье и, возможно, не только в позднем. За понятиями «Возрождение» и «гуманизм» также «не кроется» точного содержания. Эти термины, поясняет он, употребляют в узком смысле – как этап в эволюции классической филологии, в широком – как эпоха зарождения индивидуализма, причем обе эти попытки, по мнению В.Э. Крусмана, «оказались одинаково безуспешными», и этот факт как недостаток он относит ко всей специальной литературе. Историк тем не менее должен стремиться к выявлению более точного содержания употребляемых им понятий. Для этого, предлагает В.Э. Крусман, необходимо выявить «доминирующую» в историческом процессе какую-либо «черту», которая и определит «вычеканенный» исследователем «подходящий термин»[2].

Формирование и применение категориального аппарата В.Э. Крусман неразрывно связывал с необходимостью изучения *истории понятий* [курсив мой. – Т.П.]. Так, обращаясь к истории термина «Возрождение», он апеллирует к историографии вопроса: термин «Ренессанс (Возрождение)» был «выкован» в Италии в XVI в. для характеристики явления, наблюдаемого в Италии на протяжении XIV-XVI в., когда явственно наметилось «тяготение наиболее интеллигентной части общества к усвоению и продолжению в литературе, искусстве и самых разнообразных проявлениях быта античной традиции, – вплоть до переоценки едва ли не всех ценностей в соответствии с идеалами древнего мира, как их тогда понимали»[3]. «Чекан» этого термина с течением времени не раз менялся: Джорджо Вазари использовал его для определения возрождения античных традиций в искусстве, в XVIII в. этот термин «в общем смысле эпохи» вошел в употребление в литературной среде. В историческую терминологию слово «Возрождение» ввели в XIX в. Жюль Мишле и Якоб Буркхардт: их «редакция» (по сути – трактовка – «определенная чеканка») на полвека «загипнотизировала» историческую науку[4].

Этим фактом В.Э. Крусман проницательно свидетельствовал о роли т.н. «научной репутации» в создании непререкаемых эталонов в историографии,

[1] *Крусман В.Э.* Грань между средневековой и новой историями // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918.С.26.

[2] *Крусман В.* На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С.XXII.

[3] Там же. С.XXIV.

[4] Там же. С.XXIV; *Крусман В.* Грань между средневековой и новой историями // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918. С.27.

во многом догматизировавших науку и пресекающих научный поиск, шедший вразрез с «официальной» концепцией[1].

К началу XX в., отмечал В.Э. Крусман, в науке утвердилось более широкое понимание сущности «Возрождения»: ренессансные проявления стали изучать в различных частях Европы (появилась региональная окраска понятия); этот термин связали не только с возрождением идеалов античности, но и «средневековых идеалов», с «возрождении схоластики» и проч.[2]

Сам историк, стремясь к смысловой точности своего исследования, под «Возрождением» понимал «…наступление для более или менее значительного количества лиц момента, когда для них оказывается возможным использовать и обратить накопленные античной культурой и так или иначе сохранившиеся умственные сокровища для обогащения своего интеллекта или просвещения своего времени»[3]. При этом он разводил понятия «эпоха Возрождения» и «процесс Возрождения». Первое, по его мнению, – «специальный термин», определяющий время, «когда… ассимилирование себе античного наследства европейским культурным обществом достигло столь значительной степени», что и до сих пор трудно «размежевать те влияния», которым «наша культура больше обязана: античности или средневековью»[4].

О методах. В.Э. Крусман работал в русле ведущих общеевропейских тенденций научного поиска начала XX в.: стремление к синтезу (Школа исторического синтеза Анри Берра), к широкому историко-культурному полотну (школа Г.Ф. Форстена и И.М. Гревса), различные вариации психологизма в исторических исследованиях, проблемы подсознания и проч. находят то или иное преломление в методологии ученого. Наряду с этим каноны академического профессионализма XIX в. – приемы источниковедческого анализа в русле позитивистской платформы, акцент на факт и источник в сочетании с классикой методов (историко-генетического и историко-сравнительного с проекцией в типологический) – сохранялись в качестве базовой основы методологического арсенала В.Э. Крусмана.

Среди новаций В.Э. Крусмана как историка – обращение к исследованию особенностей психического «уклада европейца»: он одним из первых попытался рассмотреть историю развития общественной жизни и происхождения общественного мнения в Западной Европе как факта *социальной психологии* [курсив мой. – Т.П.], при этом общественное мнение исследовалось им с учетом различных, эволюционно сменявших друг друга *типов* [курсив мой. –

[1] Вспомним, что и сам В.Э. Крусман стал «жертвой» подобной ситуации в науке.

[2] В продолжение этой традиции появляется понятие «Українське національне відродження», хотя и с иным смысловым содержанием, и т.п.

[3] *Крусман В.* На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С.XXII.

[4] Там же. С.XXШ.

Т.П.] его организации, форм проявления, способов действия на массы и проч.[1]

Особенности психического уклада европейца В.Э. Крусман изучал на основе применения сравнительно-исторического метода, правомерно считая, что эти особенности обнаруживаются «при столкновении представителей европейской культуры с другими культурами»: «природа человека», как носителя определенного «культурного духа», вскрывается обычно в условиях новой для него непривычной обстановки, которая требует решения непредвиденных задач, быстрой реакции на неожиданные впечатления; эта ситуация порождает саморефлексию и заставляет «проявлять в наивысшей степени свою творческую энергию»[2].

Особым приемом в исторических исследованиях, «без которого никакой исторический синтез невозможен», В.Э. Крусман считал *периодизацию*, необходимую для «лучшего понимания исторического процесса». Критерием периодизации, по его мнению, должны выступать не конкретные исторические события, но определенный «комплекс идей», который «удостоится внимания активного руководящего меньшинства общества» – именно это создает «характерный отпечаток» таких эпох, как Возрождение, Католическая Реакция, Реформация, Просвещение, в том числе – Революции. Именно в таком смысле «средние века отделяются от нового времени эпохой Возрождения или Ренессанса»[3].

«Зарю» английского гуманизма В.Э. Крусман определял с точки зрения генезиса новых политических, социальных, этических и прочих «идеалов» и их осуществления на практике. Роль «интеллектуальных движений», которые постепенно, подчас «латентно», подготавливали почву для новой эпохи, В.Э. Крусман считал первостепенной для определения исторических рубежей.

В процессе «интеллектуальных движений» В.Э. Крусман выделял не только осознанные современниками идеалы, но «бессознательную подготовку» нового этапа сознательной жизни: «…область бессознательного подчинена тем же законам, что и область сознания, тоже отнюдь не бессвязна, тоже отнюдь не беспричинна, а тесными узами сплетена с предыдущими сознательными и бессознательными процессами» [4].

Рассматривая проблему периодизации, он подчеркивал условность деления истории, в том числе и на новую, средневековую и древнюю: «как бы ни сильно повлияло на течение исторических событий то или иное крупное историческое явление, оно не способно сразу оборвать воздействие предшествующих ему событий на последующие»[5] .

---

[1] *Бицилли П.* Памяти В.Э.Крусмана// Русская мысль. 1923. Кн. 1/2. С.342-343.

[2] См.: Там же. С.342.

[3] См.: *Крусман В.Э.* Грань между средневековой и новой историями // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918. С.25.

[4] Там же. С.37.

[5] *Крусман В.Э.* Введение в изучение новой истории. Курс лекций по систематическому источниковедению. [Машинопись]. С.7.

В.Э. Крусман, размышляя о проблеме развития арсенала методов, проницательно отмечал, что методы исторических наук вырабатываются в результате изучения прошлых эпох, «более простых» по сравнению с современностью, поэтому с их помощью трудно справиться с изучением истории, в частности новейшего времени, а это обстоятельство заставляет искать новые средства познания[1].

Эпилог

«Ощутить и учесть в полной мере, какую потерю понесла в его лице русская наука, – писал в 1923 г. П.М. Бицилли[2], – в состоянии лишь его ученики, либо те, кому, подобно мне, выпало на долю провести, в пору его научной и преподавательской деятельности, несколько лет в постоянном товарищеском общении…»[3].

П.М. Бицилли оценивал В.Э. Крусмана как одного «из самых сильных и значительных» представителей «блестящей петербургской школы» историков. В.Э. Крусману были свойственны «грандиозность» научных замыслов и исканий, исключительная работоспособность, феноменальная память, широта интересов в сочетании с «изумительной начитанностью»[4].

Глобальность замыслов В.Э. Крусмана, характерная для его личности еще с юношеских лет, удовольствие, которое он получал от самого процесса научного поиска и создания текстов, гипертрофированный перфекционизм – черты творческой индивидуальности этого ученого. Исследовательская стратегия В.Э. Крусмана была грандиозна, и он собирался посвятить воплощению своей мечты всю свою творческую жизнь, поэтому «не спешил», «вынашивал», но, увы, судьба распорядилась иначе…

Ученому не удалось в полной мере реализовать свой проект – осмыслить историю европейской интеллигенции как выразителя «духа европеизма», – и все-таки он стал новатором и по постановке проблемы, и по концептуальным идеям, и по методам – широкому компаративистскому анализу взаимовлияний Европы и мира в целом, социопсихологическому подходу к изучению общественных страт и личностей и проч. Изыскания В.Э. Крусмана имеют прямую проекцию в научные поиски современной историографии: историко-культурный анализ общества «переходного» периода – от средневековья к новому времени; генезис интеллектуальных сообществ в контексте «интеллектуальных

---

[1] *Крусман В.Э.* Предел новой истории // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918. С.38.

[2] К сожалению, мы не знаем точно, когда П.М.Бицилли узнал о смерти В.Э.Крусмана и, соответственно, когда был написан некролог, во всяком случае, известно, что к 12 марта 1923 г. некролог был полностью завершен.

[3] *Бицилли П.* Памяти В.Э.Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2. С.342.

[4] Там же. С.342.

сетей»; акцент на ego-документы и др. В.Э. Крусман стал первым из историков, познакомивших российское культурное общество со знаменитым трактатом Ричарда де Бери «Филобиблон». В новейшей литературе приняты и получили свое развитие многие идеи этого незаурядного ученого[1].

И.М. Гревс, основоположник оригинальной культурологической школы российских медиевистов, называл В.Э. Крусмана «выдающимся историком» и считал, что «…специалистам было бы правильно еще раз пересмотреть его работы…»[2].

«Присяжный поверенный науки» – Владимир Эдуардович Крусман – требует нового вдумчивого прочтения.

[1] См.: История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. *Л.М.Брагиной*. М., 1999; *Немченко И.В.* Научные изыскания В.Э.Крусмана в Одессе // Древнее Причерноморье. 1У - е Чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского. Одесса, 1998; *Она же.* Проблеми середньовічної культури в дослідженнях науковців Новоросійського університету // Записки історичного факультету. Вип. 16. Одеса, 2005; *Она же.* Преодолевая стереотипы: П.М.Бицилли и В.Э.Крусман в одесский период творчества // Curriculum Vitae. Вып.2.: Творчество П.М.Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса, 2010; *Зленко Г.* Первооткрыватель «Филобиблона». К 120-летию со дня рождения историка В.Э.Крусмана // Вечерняя Одесса. 1999. 9 декабря; *Шевчук Н.А*. В.Э.Крусман и его научно-педагогическая деятельность // Вопросы германской истории. Сб. научных трудов. Днепропетровск, 2001; *Пирогова Е. П*. Пермская ученая архивная комиссия и ее деятели // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 3. Екатеринбург, 1999; *Нюркаева А.З.* Исследование проблем древности, средневековья и славяноведения в Пермском университете (К 75-летию университета) // Межвузовский сборник научных статей «Античность Европы» / под редакцией И.Л.Маяк и А.З.Нюркаевой. Пермь, 1992; *Колеватов Д.М.* В.Э.Крусман о социальных функциях и адаптивных возможностях исторической науки // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. Материалы Всероссийской научной конференции. Пермь, 20-22 сентября 2007 г. М., 2007; *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010; *Попова Т.Н., Максименко И.В.* Биоисториографические этюды. Евгений Николаевич Щепкин. Забытое имя: В.Э.Крусман. Петр Михайлович Бицилли (1879-1953) // Одеський університет. 1995. №№ 6-9, 12 травня; №№ 14-17, 28 червня; *Попова Т.Н.* Из истории историографии: В.Э.Крусман (К 120-летию со дня рождения) // Записки історичного факультету. Вип. 9. Одеса, 1999; *Она же.* В.Э.Крусман: новое прочтение // Древнее Причерноморье. Вып. УШ. Одесса, 2008; *Она же.* Крусман Володимир Едуардович. 1879-1922 // Одеські історики. Том.1. Енциклопедичне видання. Одеса, 2009; *Она же.* П.М.Бицилли: проблема наставников и школы (К 130-летию со дня рождения) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П.Корзун, А.В.Якуба. Вып.5. Омск, 2009; *Она же.* В.Э.Крусман в Одессе (К 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2014. Вып.16; Hausmann G. Universität und städtische Gesellschaft in Odessa, 1865-1917: soziale und nationale Selbstorganisation an der Peripherie des Zarenreiches. Stuttgart, 1998. (См. Шевчук Н.А. [Рецензия] // Український історичний журнал. 2002. №2. С. 139- 43) и др.

[2] *Гревс И.М.* Памяти В.Э.Крусмана (Некролог) // Анналы. 1922. № 2. С.258.

АНТОНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФЛОРОВСКИЙ: ЕВРОПЕЕЦ ПОНЕВОЛЕ

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.

Данте Алигьере

Антоний Васильевич Флоровский

Среди профессоров Одесского (Новороссийского) университета, пополнивших ряды научной эмиграции, ***Антонию Васильевичу Флоровскому*** (1884-1968) выпала относительно удачная судьба. Он реализовал себя как ученый, получив прижизненное научное признание, увидел в печатном варианте практически все свои работы, прожил жизнь без особых лишений, в окружении близких людей; имел возможность вернуться на родину. И все же ностальгия, как свидетельствует его эпистолярия последних лет, оставалась привычным атрибутом этого человека. Но главное для нас, его преемников по alma mater, – наследие прекрасного историка было практически изъято из региональной историографии.

Имя А.В. Флоровского сегодня все более привлекает внимание исследователей, хотя его персональная история еще не написана, а литература, посвященная жизни и творчеству историка, включает преимущественно статейный материал[1] и публикацию ego-документов с комментариями, характеристику

[1] Первые «варианты» биографии А.В.Флоровского представлены в работах: *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; *Аксенова Е.* Флоровский А.В. // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997; *Попова Т.М.* Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Т. 1-4. Одеса, 2000. Т.4.; *Она же.* Заметки об изучении интеллектуальной истории А.В.Флоровского // Причорноморський регіон у контексті європейської політики. Одеса-Ополе-Вроцлав, 2008; *Она же.* Проблемы изучения интеллектуальной биографии А.В.Флоровского: К 125-летию со дня рождения // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. Вып. 11. Брянск, 2009; *Волченюк В.В.* Професор Новоросійського університету А.В.Флоровський: віхи біографії (за матеріалами Державного архіву Одеської області) // Записки історичного факультету. Вип.12. Одеса, 2002; *Галяс В.Т.* Русский историк-славист А.В.Флоровский // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский Альманах (сб.). Книга 15. Одесса, 2003; *Аксенова Е.П.* Жрец "Клио" (к научной биографии А.В. Флоровского) // Вестник славянских культур. Вып. № 1. Том XI. 2009 и др.

архивных фондов и т.п.[1]. Освоение темы «А.В. Флоровский» находится на стадии накопления эмпирики и первых вариантов ее осмысления. Тем не менее предварительный анализ опубликованных работ позволяет говорить о том, что уже определился ряд подходов к изучению личности и творчества историка.

С 1990-х гг. в российской историографии погружение в тему пошло по двум взаимосвязанным направлениям: в контексте изучения истории российской научной эмиграции и по линии славяноведческих исследований, по сути - наследия пражского периода его жизни[2]. В современной украинской науке тема «А.В. Флоровский» сконцентрировалась в границах региональной историографии, а ее освоение прежде всего осуществлялось в контексте изучения истории Одесского (Новороссийского) университета. Фрагментарно материал

[1] *Аксенова Е.П.* Из переписки Г.В.Вернадского и А.В.Флоровского // Славяноведение. 1994. № 4; *Она же.* Письмо И.О.Панаса А.В.Флоровскому 1929 года // Славяноведение. 1994. № 4; *Она же.* К истории русской научной эмиграции в Югославии: (письма А.Л.Погодина А.В.Флоровскому) // Славяноведение. 1995. № 4; *Она же.* Материалы фонда А.В.Флоровского в Архиве Российской Академии наук о русской научной эмиграции в Чехословакии // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских Архивов. Прага, 1995. Ч.1; *Ковалев М. В.* Личный фонд А.В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. М., 2013; *Он же.* «Издание исторического журнала, посвященного прошлому России…, является … необходимым»: Документы Славянской библиотеки в Праге о несостоявшемся проекте российской научной эмиграции (1937 - начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. 2014. № 5; *Галчева Т. Н., Ковалев М. В.* «…Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему». Переписка А. П. Мещерского с А. В. Флоровским (1956 – 1967) // Славянский альманах. 2014. Кн. 1 – 2; *Ковалев М. В., Лаптева Т. Н.* «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад…». Из переписки А.В. Флоровского с советскими историками В. Т. Пашуто, А. А. Зиминым и Е. П. Подъяпольской // Исторический архив. 2014. № 4 и др.

[2] См.: *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 239-240; *Лаптева Л.П.* Русский историк-эмигрант А.В.Флоровский как исследователь чешко-русских связей // Вестник МГУ. Сер.8. История. 1994. № 1; *Аксенова Е.П.* Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В.Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции 1917-1940 гг.: в 2 кн. /РАН; под общ. ред. Челышева Е.П. М., 1994. Кн.1; *Она же.* Институт им. Н.П.Кондакова: попытки реанимации (По материалам Архива А.В.Флоровского) // Славяноведение. 1994. № 4; *Она же.* А.В. Флоровский и Русское историческое общество в Праге // Rossica: научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. Прага, 1997. № 1; *Она же.* А. В. Флоровский о положении и традициях славяноведения в среде русской эмиграции // Славянский альманах 2010. М., 2011; *Аксенова Е.П., Горяинов А.Н.* Русская научная эмиграция 1920-1930-х годов: по переписке М.Г.Попруженко и А.В.Флоровского // Славяноведение. 1999. № 4; *Аксенова Е.П., Досталь М.Ю.* Русская ученая Академия в Праге в годы Второй Мировой войны // Славяноведение. 2001. № 4; *Кишкин А.С.* Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1926-1930) // Славяноведение. 1995. № 4; *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20-30-е годы). М., 1995; *Бирман М.А., Горяинов А.Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920-1930-х годов // Новая и новейшая история. М., 2002. № 1; *Досталь М.Ю.* Историк-эмигрант А. В. Флоровский в Чехословакии: страницы научного творчества // Новый исторический вестник. 2011. Вып. № 28; *Ковалев М. В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920 – 1940-е годы). Саратов, 2012; *Он же.* Антоний Васильевич Флоровский и Русский педагогический институт в Праге // Экология: синтез естественно-научного, технического и гуманитарного знания / Под ред. А. В. Иванова и М. В. Ковалева. Саратов, 2015. Вып. 3 и др.

об А.В. Флоровском появился в работах, посвященных членам семьи Флоровских, профессорам Новороссийского университета, школе И.А. Линниченко и т.п.[1] Исследователи сфокусировали свое внимание в первую очередь на украиноведческой проблематике в творчестве ученого[2]. Безусловно, каждый из подходов – самодостаточен и представляет собой одну из составляющих биоисториографического синтеза.

Весомым вкладом в процесс изучения персональной истории А.В. Флоровского стало издание, подготовленное Т.Н. Галчевой (София) и И.В. Голубович (Одесса).[3] Значительный объем эпистолярии, блестяще прокомментированный, ставший во многом открытием для исследователей клана Флоровских, предоставляет новые факты для осмысления личности и творческого наследия ученого.

Доступные на сегодняшний день материалы заставляют задуматься над рядом проблем в изучении персональной истории А.В. Флоровского (далее – А.В.), акцент на которые попробуем сделать.

О биографической канве

«Биографическая канва», казалось бы, уже достаточно четко прорисована. Однако «человек не равен своей биографии», его жизнь наполнена мелкими событиями – «хаосом быта», который в конечном счете определяет судьбоносные

[1] См.: *Попова Т.Н., Станко В.Н.* Исторические исследования в Одесском университете: традиции и современность // Вестник Одесского государственного университета. Вып. 1. Одесса, 1995; Історія Одеського університету (1865-2000). Одеса, 2000**;** *Зленко Г.* Флоровские. Заметки об одном разоренном «культурном гнезде» // Вечерняя Одесса. 1991. 1 февраля; *Галяс В.Т.* Русский историк-славист А.В.Флоровский // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский Альманах (сб.). Книга 15. Одесса, 2003; *Он же.* Георгий Флоровский – воспитанник Новороссийского университета // Одеський університет. 1993. 9 грудня; *Он же.* Доктор В.В.Флоровский – выпускник Новороссийского университета // Одеський університет. 1996. 6 березня, 5 травня; Василь Терентійович Галяс (біографічні матеріали до 85-річчя з дня народження). Одеса, 2006; *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007; *Она же.* Из истории Новороссийского университета: Е.П.Трифильев. К 140-летию со дня рождения (биоисториографический контур) // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. Вып. 9. Брянск, 2007; *Музичко О.* Педагогічна діяльність професора І.А.Линниченка в Одесі наприкінці Х1Х – на початку ХХ ст.: етапи, особливості та значення // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Одесса, 2007. Вып. 4; *Он же.* Професор Іван Линниченко та його одеські учні // Записки Наукового Товариства імені Шевченка. Том CCLVI. Праці Історично-філософської секції. Львів, 2008 и др.

[2] См.: *Першина З.В.* Історія України в працях одеських дослідників // Український історичний журнал. 1994. № 6; *Аппатов С.И., Демин О.Б., Першина З.В.* Историческая наука в Одессе за 200 лет // Очерки развития науки в Одессе. Одесса, 1995; *Музичко О.* Маловідомий українознавчий рукопис А.В.Флоровського: уведення до історіографічного контексту // Чорноморська минувшина. 2010. Вип. 5; *Калінку В.* Україністична складова у науковому доробку А.Флоровського (1884-1968) // Історична україністика в Одеському університеті: визначні віхи, персонажі, доробок / Матеріали конференції V Історіографічні читання (історичний факультет ОНУ ім. І.І.Мечникова. 31 травня 2012 року). Одеса, 2013 и др.

[3] *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспособляюсь к "независящим обстоятельствам"». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. 320 с.

«силовые линии», детерминирующие и пронизывающие творческий процесс.

Многие сюжеты биографии А.В. требуют уточнения и пересмотра. Это касается «семейной истории» Флоровских, истории детства А.В., гимназического и университетского периодов, истории его депортации и проч. Персональная история А.В. по-прежнему остается «не прозрачной», изобилующей ошибками даже в растиражированных датах, страдающей дискретностью и фрагментарностью подходов.

Обозначим несколько линий. «Гимназический период» А.В. занимает девять лет, а не положенных восемь: известно, что в VIII – выпускном – классе IV Одесской гимназии он пробыл два года. «Университетский период» вместо положенных четырех лет растянулся у студента Флоровского на пять (1903-1908). В марте 1908 г. он получил зачетное свидетельство о сдаче курсовых испытаний, хотя уже с 1907 г. (т.е. не окончив полного курса университета), он начинает преподавать в Одесском коммерческом училище. С 1 января 1909 г. А.В. был оставлен при кафедре русской истории профессорским стипендиатом сроком на два года (что требовало в обязательном порядке наличия диплома 1-й степени). И.А. Линниченко, его университетский наставник, характеризуя своего подопечного, отмечал такие качества, как усердие, способности, трудолюбие, прекрасное владение литературным языком и считал, что в перспективе из А.В. «выработается солидный ученый»[1].

В то же время известно, что 17 ноября 1903 г. А.В., студент 1-го курса историко-филологического факультета, вместе с П.М. Бицилли, своим коллегой по факультету, принимал участие в т.н. «незаконных сходках»[2]. Для П.М. Бицилли это событие имело весьма негативные последствия: он вынужден был «по собственному прошению» покинуть университет и отслужить год в армии. О том, какое наказание понес А.В., – неизвестно.

Отсутствуют достоверные факты об отъезде из Одессы членов семьи Флоровских. Приводятся сведения о том, что «четверо из семьи Флоровских – кафедральный протоиерей Василий Антонович, его супруга Клавдия Георгиевна, их дети Георгий и Клавдия, а заодно с ними Михаил Георгиевич Попруженко» в начале 1920 года, «в январско-февральские морозы, решили уехать из страны» «перед окончательным приходом советской власти в феврале 1920 г.»[3]. Однако точно известно, что 28 января 1920 г. на последнем пароходе, уходившем из Одессы в Константинополь, отбыл П.М. Бицилли с семьей. Никаких сведений об отъезде в это же время близких ему людей (о тесных, дружеских

[1] Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф.45. Оп.4. Д. 2262, Д.1714. Л.15; см. также: *Галяс В.Т.* Русский историк-славист А.В.Флоровский // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский Альманах (сб.). Книга 15. Одесса, 2003. С.13.

[2] ГАОО. Ф.45. Оп.19. Д.685.

[3] *Галяс В.Т.* Русский историк-славист А.В.Флоровский // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский Альманах (сб.). Книга 15. Одесса, 2003. С.15, 18. Возможно, эти данные В.Т.Галяс получил от самого А.В., с которым состоял в переписке.

отношениях между П.М. Бицилли и А.В., К.В. и Г.В. Флоровскими хорошо известно) в ego-документах Бицилли не упоминается.

К.В. Флоровская в своей автобиографии, сохраненной А.П. Мещерским, пишет о том, что «в конце января 1920 г. уехала с семьей в Болгарию»[1]. В то же время в письме к брату Георгию К.В. сообщает, что получила от него письмо «…как раз в 3-ю годовщину нашего выезда из Одессы»: письмо датировано – 11 февраля 1923 г. Не ясно, когда точно уехали Флоровские – в конце января или в начале февраля 1920 г. Каким путем добиралась семья Флоровских до Болгарии также неизвестно.

«Семейная история» Флоровских – «культурного гнезда», по определению Д.С. Лихачева, представляет собой самостоятельный научный интерес. В литературе значительное внимание уделено младшему брату, знаменитому богослову Г.В. Флоровскому[2]. В значительно меньшей степени известна старшая сестра А.В. – Клавдия Васильевна (1883-1965), профессиональный медиевист, получившая образование на Высших женских курсах в Петербурге (Бестужевских) и преподававшая затем на Одесских высших женских курсах, в гимназии О.Шольп (с 1915) и др. Она стала первой женщиной приват-доцентом по кафедре всеобщей истории Новороссийского университета (1919); эмигрировала с семьей в Болгарию. Глава семьи – В.А. Флоровский, ректор Одесской духовной семинарии и кафедральный протоиерей Спасо-Преображенского собора в Одессе (с 4 августа 1905 г.), приехал вместе с женой в Болгарию еще до революции: он был назначен настоятелем русской посольской церкви святителя Николая (на ул. Калоян в Софии). После революции В.А. Флоровский продолжал занимать эту должность и учительствовал в русской гимназии

[1] *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспособляюсь к "независящим обстоятельствам"». П.М.Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София, 2015.С.35.

[2] См.: Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ / Общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М., 1995; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / Под общ. ред. В.В.Шелохаева. М., 1997. С. 653-655; *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997; Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды / Сост. и гл. ред. П.В. Алексеев. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 839; *Соболев А.* Радикальный историзм отца Георгия Флоровского // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник / Под ред. М.А. Колерова. 2003. М., 2004. № 6; Одеські історики: Енциклопедичне видання (початок XIX – середина XX ст.) / Від. ред. В.А. Савченко. Одеса, 2009. Т. І. С. 427-428 (автор - *В.А. Савченко*); *Аксенова Е.П.* Г.В. Флоровский о славянской идее // Славяноведение. 2000. № 5; *Владимир Янцен.* Новое о книге Г. В. Флоровского о Герцене: Г. В. Флоровский. Письма Иржи Поливке (1921–1925) // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Том XII. М., 2012. С.306-327; *Посадский А.В., Посадский С.В.* Историко-культурный путь России в контексте философии Г.В. Флоровского. СПб., 2004; *Черняев А.В.* Г.В. Флоровский как философ и историк русской мысли. М., 2009 и др. С мая 2009 г. при Одесском национальном университете имени И.И.Мечникова работает научно-исследовательский и образовательный Центр имени Георгия Флоровского. О деятельности Центра см.: URL: http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/florovski2.htm; http://glasweb.com/news68250/ и др.

в Софии; в этой же гимназии преподавала латынь его дочь Клавдия [1].

В Софии Г.В.Флоровский стремился привлечь сестру к научной работе. Он планировал обновление «Евразийского Временника» на основе увеличения объема издания и расширения программы. Среди новых авторов, по его замыслу, должны были быть и отнюдь не ярые сторонники евразийского движения – его бывшие учителя, друзья и близкие: А.П.Доброклонский, П.М.Бицилли, сестра – К.В.Флоровская (с темой – «Разделение церквей») и проч. Этот проект реализован не был[2].

К.В. Флоровская входила в число учеников И.М. Гревса[3]. Сам Иван Михайлович характеризовал ее как натуру несколько претенциозную, мечтавшую о научной славе, но обладавшую «скромным даром». В кругу петербургских медиевистов (Л.П. Карсавин и др.) ее окрестили насмешливым прозвищем «Дуду», подчеркивающим ее «манерный и обидчивый нрав». Тем не менее, отмечает И.М. Гревс, она искренне любила науку и Италию, что было, по его мнению, уже немаловажным достоинством. Вернувшись в СССР, К.В. Флоровская занималась переводами для Московской патриархии. Близко знавшие ее люди отзывались о ней с большим уважением, как о человеке светлом, добром и просвещенном: «… она сияла добротой и просвещением <…> образцовая, безупречная личность»[4].

Нет ясности и в обстоятельствах истории депортации самого А.В.: по приказу Губпрофобра за № 74 от 1 сентября 1922 г. он вместе с 11 коллегами «исключался» из состава преподавателей Высшей школы г. Одессы с 1 сентября. Этот же день в литературе определяется как день отъезда[5] . Представителей научной интеллигенции высылали из СССР, в частности из Украины, в соответствии со специальными «списками». К 3 августу 1922 г. был подготовлен т.н. «украинский список», в котором было семьдесят семь фамилий.

---

[1] См.: *Бирман М.А., Горяинов А.Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920-1930-х годов // Новая и новейшая история. М., 2002. № 1. С.176.

[2] См.: Письма Г.В.Флоровского 1922-1924 гг. // История философии. Вып. 9. М., 2002. С.159-162; *Соболев А.* К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов // Россия XXI. 2002. № 5. С.166-196. URL: http://www.russia-21.ru .

[3] К двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса, 1884 - 1909: сборник статей его учеников. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1911. 476 с. [Флоровская К. В. «Св. Франциск в "Древе крестной жизни"»].

[4] См.: *Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания / вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А. И. Добкина. М., 1992. С. 280; *Юдина М.* Лучи Божественной Любви. Литературное наследие. М.; СПб., 1999. С. 524-527. На сегодняшний день наиболее полная информация о К.В.Флоровской представлена в работах: *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. С. 128-132; *Музичко О.* Одеський релігієзнавець К.В. Флоровська // Історія релігій в Україні. Науковий щорічник. Кн. II. 2011. С.77-88; *Левчено В.В.* Из истории Высшей школы Одессы: первая женщина приват-доцент – Клавдия Васильевна Флоровская (1883-1965) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2012. Вып.14. С.161-174; *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспособляюсь к "независящим обстоятельствам"». П.М.Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София, 2015. С.32-40.

[5] *Галяс В.Т.* Русский историк-славист А.В.Флоровский // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский Альманах (сб.). Книга 15. Одесса, 2003. С. 18.

Списки составлялись во многом на основании доносов разветвленной сети агентов ГПУ. Невежество и неприкрытая ненависть к интеллигенции были свойственны этим «подробным характеристикам», которые в срочном порядке требовали власти. Характеристика на А.В. Флоровского гласила: «Фроловский [частая ошибка в написании фамилии даже у таких авторов, как, например, Н.П. Анциферов. – Т.П.]. Профессор ИНО. Кадет и клерикал [вероятно, сыграл роль факт избрания А.В. делегатом на Поместный Собор Всероссийской Церкви в августе 1917 г. – Т.П.], активный противник Соввласти и реформы Высшей школы. Активнейшая фигура, нагло выступающая еще против более либеральных профессоров, возбуждал работников мединститута к забастовке. В свое время поплатился за это арестом. При белых организовывал вечера-балы. Сын попа, брат бежал с белыми. Ездил как делегат Одессы на выборы патриарха. Член правления указанной секции»[1]. Этот текст свидетельствует о полном незнании личности А.В. и его реальной деятельности; к тому же его фигуру совмещают с фигурой его старшего брата – В.В. Флоровского, врача.

В ночь с 17 на 18 августа одновременно по всем городам Украины согласно спискам были произведены аресты. «Сокамерниками» А.В. оказались коллеги по Новороссийскому университету – Е.П. Трифильев (профессор кафедры русской истории), Ф.Г. Александров (приват-доцент кафедры сравнительного языкознания, ученик А.И. Томсона), Е.Л. Буницкий (приват-доцент кафедры чистой математики) и др. Пребывание в заключении оказалось сравнительно «мягким»: разрешалась переписка, передачи с продовольствием, книгами и прочими вещами, прогулки в тюремном дворике, «перекуры» в специальном помещении, расположенном рядом с «камерой» и проч. В письмах к жене А.В. просил не обращаться ни к кому с просьбами, успокаивал[2].

Заключение окончилось приговором о насильственной депортации. С.Я. Боровой вспоминал, что А.В. был «очень удручен» этим решением и уезжать не хотел[3]. И даже в первые годы эмиграции в Праге А.В. рассматривал свое пребывание за границей как вынужденную командировку с научными целями[4].

19 сентября 1922 г. на пароходе из Одессы в Константинополь была отправлена первая группа в составе: А.В. Флоровский, Б.П. Бабкин и Г.А. Се-

[1] См.: «Изъятие» интеллигенции [Подготовил Александр Данилов]. URL: http://www.prospect.zp.ua.

[2] Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф.1609. Оп.1. Д.171. Л.1-12. Все ссылки на АРАН основаны на работе автора с архивными документами (любезно предоставленными автором В.В. Волченюк) до появления материалов архива А.В.Флоровского в Интернете. Флоровская Валентина Афанасьевна (урожд. Белоусова) - дочь видного одесского адвоката А.С. Белоусова. В.А. Флоровская пережила своего мужа и завещала свои средства на учреждение в Институте истории АН СССР специальной стипендии для «подготовки творчески одаренного специалиста по истории русско-чехословацких связей». URL: http://arran.ru/?q=ru/exposition13_1

[3] *Боровой С.* Воспоминания / Вступ. ст. М. Соколянского; Примеч. и биоблиогр. коммент. В. Кельнера. М.; Иерусалим, 1993. С.98.

[4] См.: *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С.241.

качев (с семьями)[1]. Первое письмо П.М.Бицилли к А.В.Флоровскому – от 28 сентября 1922 г.; в нем он сообщал о том, что «только что узнал от Г.В. [Георгия Флоровского. – Т.П.] о вашем «исходе»»[2]. Письмо было направлено в Софию, где пребывали остальные члены семьи Флоровских – родители, К.В. и Г.В., но П.М.Бицилли еще не знал точно, где находится А.В.

Наконец, нам практически неизвестны детали пребывания А.В. в Константинополе, Софии и Белграде (сентябрь-декабрь 1922) до его переезда в Прагу. Архивные материалы, уже введенные в научный оборот на сегодняшний день, не дают достаточно полной картины.

Основные факты биографии А.В., растиражированные в публикациях, в качестве главного «первоисточника» имеют текст – «Биография А.В. Флоровского» (машинопись, копия, 16 листов)[3], который был получен В.Т. Пашуто от В.А. Флоровской, супруги А.В. Составитель неизвестен; рукопись была подготовлена к 60-летию научной деятельности А.В. Флоровского в 1960 г., но опубликована, видимо, не была.

Литературный стиль несколько отличается от других текстов А.В., о самом А.В. Флоровском говорится в третьем лице – «А.В.». Однако представленный подробнейший материал обо всем творческом пути ученого с детальнейшим анализом «выхода» на конкретные исследовательские проблемы, поиска их источниковой оснащенности, взаимосвязей всей структуры исследований, оценками и проч. позволяют сделать предварительный вывод о том, что текст был составлен при непосредственном участии самого А.В., который выразил собственное осмысление своего исследовательского пути.

В то же время одесский период в жизни А.В. освещен достаточно лапидарно, никаких фактов об участии в «незаконних сходках» в университетский период не приводится. Возможно, рукопись составлялась целенаправлено – как «официальный» документ. Однако возникает вопрос, почему представитель т.н. демократически ориентированной российской интеллигенции не счел для себя возможным упоминать о своем «революционном прошлом»? ..

О наставниках и школе

«Схоларная» проблематика – одна из стержневых в осмыслении интеллектуальной биографии ученого. В биографическом очерке, опубликованном В.Т. Пашуто, сказано: «Научные интересы А.В. были первоначально ориен-

[1] См.: *Савина Г.А.* «Пусть барахтаются...»: (К истории «одесской высылки» за рубежом) // Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. СПб., 2002. С. 293-410. Наиболее полно вопрос о депортации одесских ученых исследован В.В.Левченко. См.: *Левченко В.* Одесские ученые – пассажиры «Философского парохода»: к истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Вып.5. Одесса, 2008. С.162-181.

[2] АРАН. Ф. 1609. Оп.1. Д.171. Л.2.

[3] Биография А.В.Флоровского (1960 г.) // *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С.234-244.

тированы в сторону изучения известных явлений социальной истории России нового времени, в частности в сторону изучения русского крепостного права в разных его проявлениях и с разных сторон его развития и ликвидации. Этот интерес сложился у А.В. еще на гимназической скамье и проявлялся в круге его чтения отчасти под влиянием гимназического учителя и друга А.Ф. Музыченко. На университетской скамье А.В. в рамках этого своего интереса и приступил к самостоятельной научной работе, послужившей основой для первого его печатного труда 1910 г.»[1].

В этом тексте (автобиографии?) имя А.Ф. Музыченко, пожалуй, единственное, которое названо с четким определением – «учитель и друг», т.е. близкий человек, повлиявший (хотя и «отчасти») на «круг чтения», а значит – на формирование мировоззрения, социальной позиции, что позже, в университете, преломилось уже в исследовательских интересах будущего ученого. Оговорка «отчасти» свидетельствует о том, что были и другие «влияния», возможно, семейные демократические традиции (о чем свидетельствуют публикации и деятельность отца и старшего брата – В.А. и В.В. Флоровских) и проч.

Александр Федорович Музыченко (1875-1940) – из семьи педагогов, выпускник Нежинского Историко-филологического института, с 1900 г. был назначен учителем русского языка и словесности в одесскую IV гимназию, в которой в 1894-1903 гг. учился А.В.

А.Ф. Музыченко, будучи еще студентом института (1896-1900), обратился к изучению истории и этнографии болгарских поселений в Крыму: его первые публикации были отмечены М.С. Дриновым, пригласившим молодого ученого принять участие в XII Археологическом съезде в Харькове (1902)[2]. Небольшое историко-этнографическое наследие А.Ф. Музыченко в области изучения крымских болгар получило высокую оценку в современной историографии[3] .

Возможно, работа в гимназии способствовала переориентации научных интересов А.Ф.Музыченко на проблемы педагогики. С 1904 г. он приступает к освоению новой области при непосредственном участии профессора Новороссийского университета Н.Н.Ланге, а затем при поддержке профессоров А.Н. Деревицкого (начинавшего свою научно-педагогическую деятельность в Харьковском университете, а в 1903-1905 гг. ставшего ректором Новорос-

---

[1] См.: Биография А.В.Флоровского (1960 г.) // *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С.237.

[2] См.: *Музыченко А.Ф.* Быт болгар-поселенцев Феодосийского уезда // Этнографическое обозрение. М., 1899. № 4; *Он же.* Наблюдения над народным творчеством крымских болгар // Труды двенадцатого Археологического съезда в Харькове, 1902. М., 1905 . Т.2-3; *Дринов М.С.* Этнографические наблюдения А.Ф.Музыченко над болгарскими колонистами Феодосийского уезда // Записки Императорского Харьковского университета. Харьков, 1902.

[3] См.: *Носкова И.А.* Крымские болгары в Х1Х – начале ХХ в.: история и культура. Симферополь, 2002. С.12-13; *Непомнящий А.А.* Подвижники крымоведения. Симферополь, 2006. С.272-280 (Малоизвестный исследователь крымских болгар: Александр Музыченко) и др.

сийского университета) и М.И. Мандеса (выпускника и преподавателя Новороссийского университета в 1901-1907 гг., затем профессора Нежинского Историко-филологического института). Позже будет стажировка в Германии, с 1908 г. – преподавательская работа в Нежине, с 1910 г. – в Киевских учебных заведениях.

А.Ф.Музыченко был во многом последователем теории «воспитывающего обучения» И. Ф. Гербарта (1776 - 1841). В своей работе «Общая педагогика, выведенная из цели воспитания» (1806) И.Ф. Гербарт рассматривал «добродетель» как высшую «цель воспитания» – непрерывного «восхождение человека к человечеству», в результате которого происходит целенаправленное воспитание личности, ориентированное на идеалы нравственного совершенства для индивидуума и социального прогресса для общества (человечества). «Воспитывающее обучение» нацелено на развитие многогранной «духовной самостоятельности» воспитуемого через процесс формирования его «круга мыслей» и одновременно нравственности, детерминирующей его волевые действия. А.Ф. Музыченко, сторонник «прогрессивной», «реформаторской» педагогики, стремился к поиску средств и методов для воспитания новой, гармонической личности[1].

Идея «воспитывающего обучения» была популярна в научном сообществе начала XX века. П.М. Бицилли, друг А.В., в одной из своих статей, опубликованных в «межреволюционный» период (на волне быстро затухающего энтузиазма после Февраля 1917 г.), о новой, «демократической Школе», писал: на первом плане должно быть не обучение, а воспитание, или «воспитание через обучение». Школа должна воспитывать таких людей, которые бы выходили из нее не просто «окончившими курс», но культурными людьми. «Культурный человек» для П.М. Бицилли – это человек, воспитанный в «…духе равенства и общественной солидарности, чувстве самоуважения и уважения к достоинству себе подобных, смелости в проявлении личного почина и готовности не отступить перед личной ответственностью». Для новой России, считал он, Школа должна готовить духовно свободных людей, с сознанием, «…открытым для всякой благородной мысли, не исполнителем предначертаний начальства, социалистического или буржуазного, это безразлично, но творцом жизни»[2].

Вполне допустимо, что молодой А.В. пришел в Новороссийский университет с уже определенными научными и жизненными ориентирами: социальная история, проблемы крепостничества сформировали главный фокус его раздумий и исканий. Почва была подготовлена, и новый, университетский, наставник А.В. – И.А. Линниченко – профессионально способствовал развитию интересов своего подопечного.

---

[1] См.: *Музыченко А. Ф.* Иоганн Фридрих Гербарт и его школа // Очерки по истории педагогических учений. М., 1911; *Каптерев П. Ф.*, *Музыченко А. Ф.* Современные педагогические течения. М., 1913 и др.

[2] *Бицилли П.* Демократия и школа // Одесские новости. 1918. 24 (11) февраля.

«Школа Линниченко» – достаточно устойчивое понятие в современных публикациях. От этой школы ведут свою научную генеалогию представители кафедры истории Украины Одесского национального университета, квалифицируя себя как четвертое и пятое поколение «школы Линниченко»[1].

Определение принадлежности ученого к «научной школе» – одна из сложнейших историографических проблем: несмотря на значительный объем «схоларистики», ни один из подходов, предложенных в литературе, не стал оптимальным. Вместе с тем большинство авторов, обратившихся к проблеме «школы», подчеркивают в качестве обязательного критерия именно наличие «школьного» фактора: учитель-ученик.

«Передний край» современных историографических исследований сориентирован на изучение «персоналий» в контексте «сообществ» с позиций моделей социальных сетей. Предметом исследования выступают не «идеи» и даже не сами ученые (мыслители), а сети личных связей между ними. Р.Коллинз считает, что «непосредственное социальное влияние на конструирование идей оказывает сетевая структура отношений между интеллектуалами»[2]. Конкретная методика предполагает создание на основе биографических данных сетевой схемы «по вертикали» (на уровне поколений) и «по горизонтали» (на уровне современников). Схема позволяет выявить процесс общения между людьми, которые «транслируют прежний культурный капитал и превращают его в новую культуру». В этом случае социополитические трансформации имеют свои культурные последствия не потому, что они непосредственно производят «идеологии», отражающие соответствующие интересы, но потому, что «при изменении материальных условий интеллектуальной жизни сети вынуждены реорганизовываться…»[3].

В контексте «теории сетей» научную школу можно рассматривать как результат институционализации социальных связей, которые «конструируются» «из пространства индивидуального опыта», сетей взаимодействия конкретных индивидов. Согласно М. Полани, введшему понятие «научное сообщество», человек обладает двумя типами знания: явного, артикулированного, которое выражается в формах рационального мышления (понятиях, суждениях, теориях и проч.), и неявного – «слоя человеческого опыта», не поддающегося полной рефлексии. Второй тип не только не допускает полной экспликации и «изложения» в учебнике, но передается только «из рук в руки» – приобретается и осваивается исключительно в процессе непосредственного общения и

[1] См.: Василь Терентійович Галяс (біографічні матеріали до 85-річчя з дня народження). Одеса, 2006. С.61.

[2] *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. (Пер. с англ. Н.С.Розова и Ю.Б.Вертгейм). Новосибирск, 2002. С.32.

[3] Там же. С.33-35.

личных контактов ученых[1]. Среди форм научного (шире – интеллектуального) сообщества – научно-корпоративные объединения: университетские кафедры, научные учреждения, научные общества и т.п., в границах которых происходит складывание определенных сетей взаимодействия конкретных ученых. Однако профессиональные структуры – не единственные значимые сетевые формы: значительную роль играют семейные отношения, общения на уровне неформальних связей (салоны и проч.) и т.п.[2]

Если обратиться к проблеме «школы» применительно к А.В. с позиций теории «сетевых коммуникаций», то исходная модель анализа в обязательном порядке потребует «восстановить» реальный круг взаимоотношений предполагаемых представителей «школы Линниченко», их формы, виды и степень «влияний» (взаимовлияний) – уровень «горизонтали». Уровень «вертикали» – «учитель-ученик» – предполагает учет следующих позиций: 1) кого из ученых признавал глава (основоположник) школы своими учениками (идентификация «принадлежности»)? 2) совпадало ли «признание» со стороны «учителя» с самоидентификацией «ученика» (идентификация «сопричастности»)? 3) как определялся статус «школы» и принадлежность к ней конкретных ученых по историографической традиции? 4) какие критерии принадлежности к «школе» принимались во внимание? 5) о каком типе «школы» можно говорить в конкретной историографической ситуации?

Список вопросов можно продолжить, т.к. «вопросник» в конечном счете ориентирует на выработку конкретной модели анализа.

Для решения некоторых из поставленных вопросов особую ценность представляет в качестве историографического источника некролог «Памяти проф. И.А. Линниченко», написанный А.В. 19 июля 1926 г., когда он, будучи в Париже, узнал о смерти И.А. Линниченко[3], а также его воспоминания в эпистолярном варианте.

Учителем И.А. Линниченко А.В. называет В.Б. Антоновича: «из школы этого крупного ученого», по мнению А.В., «Иван Андреевич вынес два основных своих научных интереса – к изучению исторических судеб юго-западной Руси и к вопросам археологии»; в первой области им был оставлен «заметный след».

В творчестве И.А.Линниченко А.В. выделяет три периода: киевский, московский и одесский. Последний, считает он, «не был ознаменован изданием

[1] См. подробнее: *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985; *Лепти Б.* Общество как единое целое: О трех формах анализа социальной целостности // Одиссей: Человек в истории, 1996. М., 1996.

[2] О «сетевом анализе» и «моделях интеллектуальных сетей» при изучении интеллектуальных сообществ см. подробнее: *Репина Л.П.* Интеллектуальные сообщества как объект и предмет сравнительно-исторического исследования: проблемы методологии // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. М., 2007; *Колесник І.І.* Інтелектуальне співтовариство як засіб легітимації культурної історії України. Х1Х століття // Український історичний журнал. 2008. № 1. С.169-193.

[3] См.: АРАН. Ф.1609. Оп.1. Д.12. Л.1-5 [автограф, черновик].

какого-либо значительного научного труда или исследования», однако именно в Одессе «широко развивались научно-организационные дарования проф. Линниченко». «Непосредственными учениками» И.А.Линниченко по научной работе А.В. называет: Б. Вахевича [в тексте: Б.Вакевича. – Т.П.], С.Л. Авалиани, М.Е. Слабченко, Е.А. Загоровского, себя самого. Все они, подчеркивает А.В., начали «свою научную деятельность под руководством И.А.Л.», который «был постоянным покровителем их первых ученых трудов»[1].

Почти через сорок лет в письме к В.Т. Галясу от 12 сентября 1965 г. к этому списку добавлены фамилии слушательниц Высших женских курсов – Атлас, Паппадато, Бабайцевой, Левашовой, а также отмечена роль Ивана Андреевича в том, что «он создал и на женских курсах известное ученое движение»: на его средства и по его инициативе были изданы два выпуска «Трудов» слушательниц (1910-1911). В этом же письме А.В. называет И,А. Линниченко «весьма серьезным ученым», сумевшим «создать вокруг себя *целую школу учеников* [курсив мой.– Т.П.], которые выступили в печати с целым рядом весьма полноценных работ»[2] .

А.В. высоко ценил организаторскую работу И.А. Линниченко в области науки, при этом образование «Библиографического общества» при университете он определял как «увенчание» «научно-организаторской деятельности проф. Линниченко», подчеркивая значимость этой структуры, вокруг которой объединились «многочисленные друзья и ученики ученого». Характеризуя личность своего учителя, А.В. подчеркивает, что он «не был историком со строгим ограниченным кругом специальных ученых интересов. Злобы общественной и политической жизни вызывали всегда живой отклик со стороны И.А.Л. Напомним многочисленные его выступления по "украинскому" вопросу»[3].

Восприятие «школы» у самого А.В. соответствует «научно-образовательному» типу: акцент сделан на «научный патронат» с ролевыми образами «учитель-ученик». Разумеется, рефлексия современного исследователя должна быть направлена наряду с анализом самовосприятия «героев» на сравнительный анализ творчества И.А. Линниченко и А.В. Флоровского с целью определения сущностных параметров «передачи» научной культуры: проблематика, источниковедческая методика, теоретико-методологические подходы, концептуальные построения – специфика материала и методов «его исследования и истолкования».

О структуре научного наследия

Научное наследие А.В. Флоровского по проблемному принципу – сложно структурировано. Учитывая традиционный подход к изучению жизни и

[1] Там же. Л.2.

[2] Листи А.В.Флоровського до В.Т.Галяса (1960-1968) // Василь Терентійович Галяс (біографічні матеріали до 85-річчя з дня народження). Одеса, 2006. С.40.

[3] АРАН. Ф.1609. Оп.1. Д.12. Л.3.

творчества ученых, оказавшихся в эмиграции, эволюцию его исследовательской проблематики следует определять на основе анализа двух блоков работ: созданных в «одесский» период и в «пражский» период (поскольку нет данных о публикациях в период пребывания А.В. в Софии и Белграде /сентябрь-декабрь 1922 г./).

Одесский период:

1. Первая печатная работа ученого – его студенческое сочинение, представленное на конкурс («золотую медаль») в 1907 г. по тематике, предложенной в 1906 г. И.А. Линниченко, «Крестьянский вопрос в Законодательной Комиссии императрицы Екатерины П» (под девизом: «Ошибками моими поучаюсь»). На основании отзыва И.А. Линниченко работа была удостоена медали и опубликована в 1910 г. в «Записках» факультета[1]. Получение золотой медали открыло для А.В. «путь в науку», а сама работа определила первое исследовательское направление - ***историю крестьянства.***

2. Став с 1909 г. профессорским стипендиатом, А.В. обратился к более широкому изучению материалов Законодательной комиссии 1767 г., что привело его к решению исследовать ***историю самой Комиссии***, ***ее организации и участия в ней различных социальных групп.***

3. В процессе разработки этой темы А.В. вышел на ***историю Украины, историю запорожского казачества.*** Анализ «украинского представительства» в Законодательной комиссии детерминировал обращение к более широкому спектру проблем: административного и территориального устройства Коша Запорожского, привилегий и интересов казаков в Законодательной комиссии 1767 г. [2].

Работы, посвященные различным аспектам истории Комиссии, составили весомый блок исследований и были признаны в историографической литературе «блестящими»[3] . В 1920-е годы книги А.В. были положены в основу семинара известного специалиста по русской истории профессора К. Штелина в Берлинском университете и стимулировали аналогичные изыскания в немецкой историографии. В 1916 г. монография А.В. «Состав Законодательной комиссии 1767-1774 гг.» (Записки Императорского Новороссийского университета историко-филологического факультета. 1915. Вып.X. С.1-209) была удостоена Уваровской премии Российской Академии наук (по отзыву Я.Л. Барскова) и стала основой магистерской диссертации.

После защиты (февраль 1916 г.) А.В. намеривался продолжить исследова-

[1] *Флоровский А.В.* Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 года (вопрос о крепостном праве) // Записки Императорского Новороссийского университета историко-филологического факультети. Вып.III. 1910. С.1-319.

[2] *Флоровский А.В.*Депутаты войска Запорожского в Законодательной комиссии 1767 г. // Записки Одесского Общества истории и древностей (ЗООИД). 1912. Т.XXX. С.329-377.

[3] См.: *Пичета В.И.* Введение в русскую историографию: источники и историография. М.; Пг., 1922.

ние социальной истории XVIII века: в его планы входило изучение, с одной стороны, материалов III ревизии податного населения России в 1763 г., которые служили основным источником для всех планов и проектов правительства Екатерины II и представляли особый интерес для характеристики социальных отношений второй половины XVIII в. и для истории населения России в целом; а с другой – он собирался обратиться к истории иностранной колонизации Новороссийского края.

4. ***История иностранной колонизации Новороссийского края,*** в частности – вопрос ***о роли русского элемента в заселении Северного Причерноморья в XVIII-XIX вв.,*** составили новую линию исследований. Отправным моментом служило знакомство с вышедшей в 1916 г. книгой Г.Г. Писаревского по истории иностранной колонизации в России, на которую А.В. была написана рецензия[1]. Однако реализация этих планов имела ограниченный характер[2], т.к. ситуация революционных лет изменила привычный образ жизни, исключила возможности научных командировок и работу в столичных архивах. Вынужденная «изоляция» тем не менее способствовала переключению научного внимания на изучение местного архивного материала по региональной истории.

5. Новая ориентация не была абсолютной «новой»: ***история Одессы и края*** с самого начала учебной и научной деятельности А.В. занимала особое место в его работе[3]. Однако в данном случае произошло соединение двух направлений его творчества: *истории крестьянства* и *региональной истории* и определилось весьма значительное направление в структуре его исследований – *история крестьянской реформы 1861 г. в Новороссии.*

6. Результатом изучения ***истории крестьянской реформы 1861 г. в Новороссии*** стало появление блока работ по истории крестьянства уже XIX в.[4] Глубокие и всесторонние исследования в этой области (изучение «сплошного» массива разнообразных по типо-видовой характеристике источников, в том числе периодической печати, с целью выявления общественного мнения различных слоев населения края о процессе проведения реформы 1861 г.) были прерваны

---

[1] См.: *Флоровский А.В.*[Рецензия] Писаревский Г.Г. Хозяйство и форма землевладения в колониях Поволжья в XVIII и первой четверти XIX в. Ростов-на-Дону, 1916 // Известия Одесского библиографического общества при Новороссийском университете (ИОБО). Т.5. Вып.3-6. С.16-19.

[2] *Флоровский А.В.* Несколько фактов из истории колонизации Новороссии в начале XIX в. // ЗООИД. 1919. Т.XXXIII. С.25-40.

[3] См.: *Флоровский А.В.* Отечественная война и Новороссийский край // ЗООИД. 1913. Т.XXXI. С.23-51; *Он же.* Из одесской старины // ИОБО. 1912. Т.1. Вып.9. С.346-361; *Он же.* Из материалов по истории прикрепления крестьян в южной России. Одесса, 1911. 25 с.; *Он же.* Пикинерский вербунок в Новороссии. Одесса, 1916. 78 с.

[4] См.: *Флоровский А.В.* Очерки о крестьянской реформе на Украине. Одесса, 1921. 142 с.; *Он же. «*Воля панська та воля мужицька»: Сторінки з історії аграрних рухів у Новоросії 1861-1863. Одеса, 1922. 72 с.; *Он же.* Крестьянская реформа и высшая администрация Новороссийского края. Одесса, 1921. С.143-154; *Он же.* Освобождение крестьян по проектам губернских комитетов Новороссийского края // Ученые записки Высшей школы г.Одессы, отдел гуманитарно-общественных наук. 1921 Т.1. Вып.1. С.33-57 и др.

в августе 1922 г., когда ученого вопреки его желанию депортировали из страны.

7. ***Историографическая проблематика*** всегда была в фокусе его интересов: «Я очень интересуюсь историографией», – писал А.В. в письме к В.Т. Галясу 28 апреля 1964 г.[1]. В одесский период вышло несколько публикаций – биоисториографических и по проблемной историографии[2] .

8. Можно выделить также отдельные публикации, связанные с ***изучением русского летописания***[3] и др.

<u>Пражский период:</u>

Научная работа в период эмиграции характеризовалась продолжением линий, начатых в одесский период (на основе материалов личного архива, вывезенного А.В. в эмиграцию), и разработкой новых тем, выбор которых определялся не только личностными «научными пристрастиями» – спецификой «категориального профиля» ученого, но в значительной мере – возможностями источниковой базы в новой исследовательской ситуации.

Собственно, «идти» вслед за источником – сущностная черта исследовательского почерка А.В.

1. ***История Комиссии 1767 г.*** сохранила свое почти приоритетное звучание в первые годы эмиграции: на основании привезенных материалов, ранее не использованных либо введенных частично в научный оборот, в новом ракурсе решений А.В. опубликовал ряд статей: «Академия наук и Законодательная комиссия 1767-1774 гг.» (1924); «Шведский перевод "Наказа" Императрицы Екатерины II» (1927); «К истории экономических идей в России в XVIII веке» (1928); «Две политические доктрины (Наказ и Дидро)» (1929) и др. По сути, к концу 1920-х гг. эта тема себя исчерпала.

2. Продолжение в значительно расширенном варианте получили разыскания в области ***«начальной» русской истории.*** Истоки этой линии определяет «дидактический фактор» – чтение лекций по истории Древней Руси в Новороссийском университете. Это – рецензии на новые работы: Г. Янушевского («Откуда происходит славянское племя Русь?», 1925); М.В. Шахматова («Учение русских летописцев о государственной власти», 1927); Г.М. Бараца («О составителях Повести временних лет», 1927); статьи – «Известия о древней Руси арабского писателя Мискавейхи X-XI вв. и его продолжателях» (1927); «Из материалов для истории русского летописания (Архангелогородская летопись по списку Л.С. Мацеевича)» (1931); «К изучению истории русско-византийских отношений» (1953) и др.

---

[1] Василь Терентійович Галяс (біографічні матеріали до 85-річчя з дня народження). Одеса, 2006. С.35.

[2] См.: *Флоровский А.В.* Имп. Александр I в изображении вел. кн. Николая Михайловича. Одесса, 1913. 24 с.; *Он же.* Научные труды В.И.Семевского // Голос минувшого. 1916. № 10. С.34-38; *Он же.* Памяти Е.Н. Щепкина // Народное просвещение. 1922. № 6-10. С.68-69.

[3] См.: *Флоровский А.В.* Каким летописным текстом пользовался Герберштейн? // Ученые записки Высшей школы г.Одессы. 1922. Т.2. С.69-80.

3. ***Вопросы историографии и исторической библиографии*** заняли особое место в творчестве А.В. в это время, что было связано с его работой в научных эмигрантских структурах, выдвигавших своей целью систематизацию и анализ всех работ, выходивших в СССР, а также систематизацию и историографический анализ публикаций представителей российской науки (в широком смысле) за рубежом[1]. Это были обзоры библиографического характера; аналитические статьи о деятельности представителей научной эмиграции, различных научно-корпоративных объединений; информации о съездах историков-эмигрантов; синтезированные оценки эмигрантской исторической науки 1920-1930-х гг.; биоисториографические этюды и некрологи; зарисовки по проблемной историографии [«Историческая наука на съезде русских ученых в Праге осенью 1924 г.» (1925); «Историческая конференция в Варшаве 27-29 июня 1927 г.» (1927); «Русские историки-эмигранты в Праге» (1928); «Русская историческая наука в эмиграции (1920-1930)» (1931); «Памяти А.А. Кизеветтера» (1934); «Борис Алексеевич Евреинов. Некролог»(1935); «А.А. Кизеветтер (Биографический очерк) /Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, Б.А. Евреинов/» (1937); «Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений» (1929); «Ян Гус в русской оценке (Страница из истории чешко-русских отношений)» (1930) и др.].

Работу А.В. в этой области трудно переоценить: он не только оставил профессиональный историографический анализ наследия русской эмиграции довоенной эпохи, но изданные им на французском и английском языках обзоры научной исторической продукции – эмигрантской и советской – сыграли значительную роль в ознакомлении западно-европейского научного мира с развитием российской исторической науки в целом.

4. ***Украинская история*** в этот период была представлена рецензиями (Рец.: «Лащенко Р. Лекції по історії українського права», 1924); юбилейной статьей – «К 275-летию Переяславской Рады 2/21 января 1654 г.» (1929) и др.

5. Тесно связанное с предыдущим, сформировалось новое направление – ***История закарпатской Руси*** (Угорской Руси): «Заметки И.С. Орлая о Карпатской Руси (1826). К 100-летию со дня смерти И. Орлая» (1928); «Карпаторусский список проложного жития св. Вячеслава, князя чешского» (1930); «Карпаторосс И.А. Зейкан – наставник императора Петра II-го» (1930) и др.

6. ***История России XVIII-XIX в.*** была представлена рецензиями (Г.Вернадский. «Очерк истории права Русского государства XVIII-XIX вв.», 1924); статьями по истории идей («К истории экономический идей в России в XVIII

[1] См.: *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 235-244, 179-182; *Аксенова Е.П.* Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В.Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции 1917-1940 гг. М., 1994. Кн.1.С.95-100; *Она же.* Институт им.Н.П.Кондакова: попытки реанимации (по материалам Архива А.В.Флоровского) // Славяноведение. 1994. № 4. С.68-75.

веке», 1928), истории столичного общества в Петербурге в тридцатые годы XIX в. («Дневник графини Д.Ф.Фикельмон», 1959; «Пушкин на страницах дневника графини Д.Ф. Фикельмон», 1959) и др.

7. Близкими к предыдущему направлению стали исследования по ***славяноведческой проблематике в контексте истории России:*** «Россия и южные славяне в царствование Имп. Александра 1» (1929); «Общество Соединенных Славян 1823-1825 гг. Эпизод из истории политических движений в России и славянской идеи» (1929);

8. Новая область исследований – ***Русско-чешские связи*** – определилась в поисках такой проблематики, которая бы способствовала, по замыслу А.В., выявлению чешских источников, расширяющих вгляд на историю России и использованию российских источников, «полезных» для изучения истории Чехии, тем болем что в 1920-е гг. А.В. рассматривал свое пребывание в эмиграции как «вынужденную» научную командировку, которая требовала от него поиска новых возможностей для продолжения профессиональной деятельности в области своей специализации – истории России[1].

Первая публикация по этой теме появилась в 1928 г. («Пути русско-чешской взаимности. К 10-летию независимой Чехословакии»). Общие результаты работы – блок публикаций, включающих монографии, очерки, статьи, обзоры источников и проч.: «Очерк русско-чешских отношений» (1931); «Несколько фактов из истории русско-чешских отношений в X1X веке» (1931); «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений /X-XVIII вв./ (Прага, 1935. Т.1.); «Чехи и восточные славяне» (Прага, 1947. Т.П); «Чешские элементы в старорусской литературной традиции» (1939); «К вопросу о чешском элементе в развитии русского театра» (1940); «Чешская библия в истории русской культуры и письменности (Фр.Скорина и продолжатели его дела)» (1946); «Петр Великий и чешская культура» (1947); «Пражский университет и славянский Восток (к шестисотлетию основания Карлова университета)» (1948) и др.

9. Работа над русско-чешскими отношениями привела к постановке новых проблем: изучению вопроса о ***католическом влиянии на Руси*** в конце XVII – начале XVIII вв. («Первый иезуит из московских дворян», 1948 и др.).

10. Исследования по истории иезуитской миссии в России в свою очередь сфокусировали внимание А.В. на ***истории русско-австрийских отношений***, т.к. иезуитская миссия находилась под формальным протекторатом Вены и императорского двора[2].

11. В последние годы жизни А.В. все более концентрируется на ***эпохе Петра Великого и вопросах дипломатической истории*** [3].

---

[1] См.: *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 241.

[2] *Флоровский А.В.* Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955.

[3] См.: Из письма А.В. Флоровского В.Т.Галясу от 25 июня 1961 г. // Василь Терентійович Галяс (біографічні матеріали до 85-річчя з дня народження). Одеса, 2006. С.23, 25, 35.

Некоторые из работ А.В.Ф. были опубликованы в советских научных изданиях в послевоенный период[1] .

Безусловно, данная схема не является «полной» (не исчерпывает всей библиографии) и универсальной, она отражает лишь начальную «версию» видения автором данной проблемы и может иметь иную конфигурацию – с иной иерархией составляющих и проч.: по мере расширения фактографии неизбежна ее трансформация в новые «версии» структурирования. В любом случае анализ и систематизация библиографического материала предполагает ориентацию на ряд «маркеров»: проблематика, жанры, место и год публикации. Содержательный анализ должен включать выявление взаимосвязей проблемных направлений, их контекстуальную детерминацию, влияние личностных и ситуационных факторов.

В современной украинской историографии определилась позиция, согласно которой научное наследие А.В.Флоровского разделяется на две части: работы по истории Южной Украины XVIII-XIX вв. (проблематика «одесского» периода) и исследования по чешско-российским связям (проблематика «пражского» периода»)[2].

Любая систематизация (схематизация) обладает собственной функциональностью, ибо в первую очередь связана с конкретной когнитивной стратегией. Одновременно рефлексивный компонент исследовательского процесса предполагает четкое осознание основ любой систематизации – ее исходной идеи.

В «Биографии А.В. Флоровского» личностная позиция ученого в ответ на критические замечания со стороны ряда украинских исследователей, находивших неправильным включение явлений собственно украинской истории в рамки истории «русско-чешских» отношений, получила следующую аргументацию: «в развитии этих отношений на разных их этапах активную роль играли именно обитатели западной и южной Руси», т.е. белоруссы и украинцы, и «это обстоятельство А.В. со всей определенностью и отчетливостью в своих работах учитывает и объясняет». Вместе с тем само «понятие «русско-чешские» отношения А.В. применяет в самом широком смысле слова, а понятие Русь для него поглощает все слагаемые «восточнославянского народного целого»[3].

[1] См.: *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне в X-XУШ вв. // Вопросы истории. 1947. № 8. С.66-73; *Он же.* Из материалов по истории России эпохи Петра 1 в чешских архивах // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969. С.236-241; *Он же.* Русское летописание и Я.А. Коменский: [Начальная история Моравии и генеалогия рода Жеротина в недошедшем до нас трактате Я.А. Коменского] // Летописи и хроники. М., 1974. С.312-316; *Он же.* Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 17. Л. 1961; *Флоровський А.В.* Російсько-австрійські відносини на початку XVIII ст.. // Український історичний журнал. 1965. № 3. С.42-50. Доклад на тему «Чешские струи в истории русского литературного развития» был прочитан А.В.Флоровским на IV Международном съезде славистов в Москве (1958) и др.

[2] Василь Терентійович Галяс (біографічні матеріали до 85-річчя з дня народження). Одеса, 2006. С.22.

[3] Биография А.В.Флоровского (1960 г.) // *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С.242-243.

Данное объяснение свидетельствует о том, что А.В. в своих исследовательских подходах исходил из идеи государственной целостности и из идеи славянского единства (во всяком случае, восточнославянской ветви) – отсюда его недифференцированный подход к изучению украинского, русского и белорусского народов, поглощение их самоназваний общим именем – «русские».

Проблема «связей» ставилась и решалась А.В. не только на широком фактографическом материале, «извлеченном» из разнообразных по видовой характеристике источников, но сама специфика поиска и использования этих источников отвечала историографической традиции, шедшей в российской университетской науке второй половины XIX – начале XX вв. во многом от школы В.И. Герье, одним из представителей которой в Новороссийском университете был Е.Н. Щепкин. В работах Е.Н. Щепкина при решении специально «русских тем» органично соединялись источники по т.н. «русской истории» и «всеобщей истории». Эту линию продолжил П.М. Бицилли. А.В., работая в этом же ключе, использовал источники российского, немецкого, польского, австрийского и др. происхождения.

Второй чертой исследовательского почерка А.В. в решении проблемы русско-чешских связей был контекстуальный подход: вопросы изучения отношений чехов с русскими рассматривались в широком ландшафтном поле: Силезия, Польша, белорусские и, конечно, украинские земли с их гео-социокультурной спецификой. Третья черта – значительный хронологический диапазон – X-XVIII вв.; четвертая – многоаспектный подход: в поле зрения ученого оказались вопросы экономики и торговли, социальных, политических, дипломатических и культурых отношений.

Современные исследователи творчества ученого обязаны не только проанализировать мировоззренческие, политические и теоретико-методологические основания концептуальных воззрений А.В.Флоровского, но и занять «взвешенную» позицию с целью определения реального соотношения различных проблемных составляющих в едином наследии А.В.; без гипертрофии и акцентуализации какой-либо одной из этого комплекса проблемных линий, но во взаимосвязанности их всех – реально-исторической и научно-интерпретационной.

Одесский исследователь А.Е. Музычко справедливо выделяет три основных черты, которые были свойственны ученикам И.А. Линниченко в контексте «украинской идеи»: 1) историческое украиноведение было лишь одним из компонентов их интересов наряду с русистикой и славистикой; 2) основное внимание они уделяли социально-правовым и социально-экономическим явлениям истории, не привязывая их к определенной области Украины; 3) украинофильская идеология вдохновляла лишь некоторых из них[1].

[1] См.: *Музичко О.Є.* Київська школа істориків В.Антоновича та одеська школа І.Линниченка: порівняльний аналіз // Людина. Світ. Суспільство. 2009: Міжнародна наукова конф. (21-22 квітня 2009 року): Матеріали доп. та виступів. Київ, 2009. Ч.V. С.110.

Для творчества А.В. был характерен значительный регионально-хронологический исследовательский диапазон, а также достаточно широкий спектр проблем, среди которых исторической русистике принадлежит стержневое положение. В категориях этнической самоидентификации А.В. считал себя русским: «Да, я родился на "Украине", – писал он … – собственно "Новороссии", но – отец мой – родом из-под Новгорода Великого, а мать – со среднего Днепра, из рода Попруженко, которые всегда себя считали "русскими"» [1].

А.В. не делил науку по национальному признаку: «Наука – едина <…> Политика – одно, а наука – иное»[2].

В тоже время разбросанных в евроатлантическом пространстве ученых из бывшей Российской империи, он рассматривал как представителей русской науки: «…мы – всегда остаемся русскими и работаем и для русской науки – на какой бы широте света не жили и на каком бы языке не печатались!»[3]. Это, подчеркивал А.В. в 1967 году, осмысливая пройденный путь, «еще далеко не всеми усвоено, а усвоено неизбежно будет»[4]. Поэтому он протестовал против определения себя самого «чешским ученым», Г.В. Вернадского – «американским»: по его мнению, это означало «обеднять самих себя». Достижения научной эмиграции, вне зависимости от «этнического происхождения» ученых, А.В. определял высоко и считал, что «игнорировать… работы эмиграции было бы просто нелепо…»[5].

Он разделял мысль Г.В. Вернадского о единстве трех ветвей восточно-славянского этноса, составляющего по сути единый народ, вошедший в историю под именем «русского народа», и поддерживал тезис о том, что «стремление совершенного культурно-государственного раскола русской народности на три различных народа вызывается не причинами этнически-историческими, а лишь причинами партийно-политического характера»[6]. А.В. считал, что знание истории позволит «учесть органическую подготовку тех явлений, которые привели к расцвету центробежных сил в последние десятилетия истории России» [7].

Теоретическая платформа А.В. включает в качестве исходного - классический позитивистский концепт многофакторности исторического процесса. Он не замыкается на «модной» социально-экономической проблематике (свойственной, как и «коллективистская история» в целом, для историков-позитивистов), но считает, что задачей исследователя должно быть изучение общих

[1] Листи А.В.Флоровського до В.Т.Галяса (1960-1968) // Василь Терентійович Галяс (біографічні матеріали до 85-річчя з дня народження). Одеса, 2006. С.46.

[2] Там же. С.46-47.

[3] Там же. С.47.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Цит. по: *Бондарева Е.А.* Из архива А.В.Флоровского. Конспект статьи «Предмет и содержание «Русской истории или истории России»». URL: http://www.elib.org.ua/rushistory/ua_readme.php?subaction=showfull&id=1192090621&archive=&start_from=&ucat=17&

[7] Там же.

путей духовного развития в переплетении и преломлении с политическими, социальными и материальными воздействиями – «иски идей и идеологий». Марксизм в «раннесоветском варианте» с его акцентом на изучение социально-экономических процессов «ради вскрытия классовых конфликтов» заставил А.В. выдвинуть тезис о необходимости рассмотрения истории в неразрывном гармоническом единстве, избегая односторонности. В решении вопроса о соотношении личностного и коллективистского в истории, он пытался интерпретировать личность как «коллективно-индивидуальное» явление, подчеркивая, что «делатель и двигатель истории России и коллектив, и личность» [1] .

«Русские ученые за границей, – считал А.В., – не только представители русской науки, которым привелось выполнить высокую роль ознакомления западного мира с плодами русского научного труда, но они и орудие нормального и интенсивного питания русской научной деятельности. Пребывание многих десятков русских ученых за границей в различных центрах научной работы в вынужденной для них и, может быть, в тягостной длительной научной командировке должно быть залогом возможно быстрого восстановления нормальной жизни и деятельности в России (когда она освободится от советской власти и вновь оживет)»[2]. Задачу ученых-эмигрантов А.В. видел в том, чтобы продолжать и развивать традиции российской историографии в противовес советской науке, заменившей прежние «схемы русской истории» «марксистско-ленинской классовой и экономической схемой»[3].

P.S.

«Сын попа», «кадет и клерикал», «активный противник Соввласти» (как говорилось в характеристике, данной на А.В. Флоровского при составлении списков на «выдворение» из страны), а в реалии – прекрасный ученый, патриот, вынужденный практически всю жизнь находиться в «тягостной длительной научной командировке»[4], – притягивает к себе взгляды современных исследователей из интернационального научного пространства, заставляя снова и снова всматриваться в творческий облик Историка.

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Вопрос о том, почему А.В. Флоровский, имея возможность, все-таки не решился вернуться на Родину (уже - в Союз), требует специального анализа.

ПРИБЛИЖЕНИЕ К БИЦИЛЛИ

Петр Михайлович Бицилли

Петр Михайлович Бицилли (1879-1953), десятилетия пребывавший в полосе академического забвения, ныне – всемирно известный ученый, один из провозвестников научных направлений, развертывание которых приобретает свое ускорение в наши дни.

Судьба П.М. Бицилли первые сорок лет его жизни была неразрывно связана с южной Украиной и Одесским (Новороссийским) университетом, а последние тридцать – с Болгарией и Софийским университетом. Ученый широчайшего творческого диапазона, представитель научной эмиграции, он по праву занял почетное место в болгарской историографии, привнеся в нее лучшие традиции общероссийской университетской науки. Однако трагический модус биографии П.М. Бицилли обусловил длительный период «умолчания».

С 1990-х гг. Бицилли не просто «вошел», он «ворвался» в международное интеллектуальное пространство. Интерес к его научному наследию сформировал самостоятельный поисковый ландшафт: труды П.М.Бицилли - огромнейший массив произведений по разным проблемам истории и социологии, лингвистики и литературоведения, философии и культурологии, опубликованные и рукописные, представленные в форме т.н. Интернет-ресурса, активно изучаются исследователями из разных стран, репрезентантами многообразных дисциплинарных миров.

Сегодня с полной уверенностью можно сделать вывод: Петр Михайлович Бицилли принадлежит к тем ученым, масштабность наследия которых возрастает по мере приближения к ним.

Определение стратегии бициллиеведческих исследований детерминирует фокус ретроспективного анализа, рефлексию относительно параметров когнитивной и социальной институционализации нового направления, узловых проблем изучения персональной истории Петра Михайловича.

Часть первая

Бициллиеведение: историографический контур

…сила в том, чтобы все зафиксировать…
а потом искать взаимосвязи.
Взаимосвязи есть всегда,
надо только захотеть их найти.

Умберто Эко

Размах бициллиеведческих изысканий в последние годы, значительная темпоральная длительность «приближения к Бицилли» позволяют констатировать факт институционализации *бициллиеведения*, которое предстает как относительно автономное, полидисциплинарное по структуре и многонациональное по составу репрезентантов научное направление в области гуманитаристики.

О категориях

Выделение новой области гуманитаристики – *бициллиеведения* – характеризуется не только постоянно увеличивающейся фактуальной (эмпирической) базой, но и рефлексией относительно самого исследовательского процесса, категориальным синтезом, итогом которого является формирование понятий и категорий, требующих своей предварительной экспликации.

«Институционализация»: Традиционно под «*институционализацией науки*» понимали процесс формирования науки как социального института. Длительное существование двух классических типов анализа науки – когнитивного и социального в рамках их альтернативности – обусловило разделение предметных областей при изучении истории науки: как системы знания (стадиально более ранняя традиция) и как социального института. Это в свою очередь привело (в традициях западной науки) к формированию двух дисциплинарных полей: интеллектуальной истории науки и социальной истории науки. При этом институционализацию обычно связывали исключительно с социальными формами организации научного знания. С 1970-х гг. обозначился четкий переход от изучения отдельных параметров развития научного знания к анализу их совокупности. Основываясь на «параметрическом образе» науки и «социокогнитивном подходе» к ее исследованию, институциональный процесс следует рассматривать в двух взаимосвязанных плоскостях. *Когнитивная институционализация* проявляется в формировании когнитивных параметров нового научного направления (исследовательская проблематика, фактуальная

база, теоретико-методологический аппарат, концептуально-парадигмальные основы и т.п.), отражая процесс установления взаимопонимания между учеными в отношении основных «сегментов» научного знания и способствуя тем самым их объединению на исследовательском уровне. *Социальная институционализация* (складывание научного сообщества, идентифицирующего себя с новой исследовательской областью; формирование системы специализированных учреждений, включая «дидактический компонент»; появление информационно-коммуникативных форм: специализированных изданий, тематических конференций и т.п., интернет-ресурса и проч.) показывает степень интегрированности «интеллектуального движения» в социальных структурах. Когнитивные и социальные аспекты институционализации взаимосвязаны, однако развитие конкретных социальных и когнитивных компонентов институционального процесса чаще всего неравномерно, что определяется не только спецификой имманентного развития нового исследовательского направления, но и зависит во многом от различных социокультурных факторов, механизмов интериоризации и проч. «Фактор институционализации» (понятие, введенное Ричардом Уитли, Манчестерский университет) означает степень когерентности – «сцепления» – когнитивных и социальных компонентов в процессе формирования нового научного направления[1].

«Бициллиеведение»: Масштаб публикаций трудов П.М. Бицилли и разнообразных печатных работ о его творческом пути позволяет говорить о том, что в рамках современного историографического процесса интенсивно идет формирование новой области гуманитарного знания, институционализация нового направления, объектом которого выступает Петр Михайлович Бицилли, его личность, жизнь, судьба, творческое наследие. По традиции подобные направления историко-биографического плана называют, отталкиваясь от имени «героя», – «грушевськознавство», «франкознавство», «костомаровознавство» (в украинской историографии), «пушкиноведение», «макиавеллистика» и проч.[2]

С введением понятий «бициллиевед» и «бициллиеведение» происходит нечто подобное тому, что в свое время происходило с понятиями «историограф» и «историография». Как известно, в XIV в. во Франции появился термин «историограф»; его распространение и трансформация в европейских странах (от обозначения художника, рисующего миниатюры на исторические темы сна-

[1] См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С. 135-191 («Экскурс: Об институционализации историографии»).

[2] См.: *Смолій В.А., Пінчук Ю.А., Ясь О.В.* Микола Костомаров. Віхи життя і творчості: Енциклопедичний довідник. Київ, 2005. С.9; *Дорошенко В.* Радянське франкознавство // Збірник «Української літературної газети». Мюнхен, 1957. С.29-47; *Ковач В.* Силуэты в романтическом ореоле. Одесса, 2000. С.226, 228; *Гребенник Г.П.* Проблема отношений политики и морали (Опыт конструирования макиавеллианско-кантианского метадискурса). Одесса, 2007. С.51 и др.

чала в рукописных, а позже в печатных трудах по истории /a la иллюстрации/, до официальных писателей «национальных историй» и, наконец, до широкого круга авторов разнообразных исторических сочинений) привели к возникновению и утверждению в XVIII в. понятия «историография» как комплекса работ на историческую тематику, создания исторических сочинений («историописание»), а затем – аналога самой исторической науки.

Поскольку возникновение новой «идеи» – новой проблематики исследований (изучение жизни и творчества П.М. Бицилли) – связано с ее «носителем» – субъектом-исследователем, научная деятельность которого имеет результатом появление «блока» публикаций по данной проблематике, постольку саморефлексия исследователей наследия П.М. Бицилли требует самоидентификации, выражающейся в первую очередь в «социализации» своего «особого» места в научном поле в форме «самоназвания», т. е. в появлении собственного «*имени*» – ***«бициллиевед».*** Расширение диапазона результатов исследовательской деятельности «бициллиеведов» рождает и новые «названия-имена» для самой научной продукции – ***«бициллиеведческие труды и публикации».*** Возникновение терминов «бициллиевед», «бициллиеведческие труды», «бициллиеведческие публикации» приводит к рождению понятий «бициллиеведение», «бициллиеведческий процесс», «институционализация бициллиеведения», когда речь идет уже не только об анализе бициллиеведческой литературы, но о формировании сложной социокогнитивной системы, представляющей собой относительно самостоятельное структурное подразделение гуманитарных исследований. Качественно новый этап – осмысление всего процесса «изучения Бицилли» в регионально-хронологических и дисциплинарных координатах с учетом когнитивных и социальных параметров *нового научно-исследовательского явления* – приводит в свою очередь к закреплению его самоназвания: ***«бициллиеведение»***[1].

Именно в «имени» сконцентрирована социальность нового когнитивного образования, и появление «самоназвания» – принципиальный показатель институционализации нового исследовательского направления.

«Бициллиеведческий процесс» – реальный процесс изучения исследовательского объекта – личности, жизни, творчества и научного наследия П.М. Бицилли. Это аналог категории «историографический процесс» (ИП), включа-

[1] Эти понятия впервые вводит *М.А. Бирман* в своих работах: А.П. Мещерский (1915 – 1992). Несколько страниц к биографии первого «бициллиеведа» // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 800, 803; П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М., 2006. С.636. См. также: *Попова Т.Н.* Бициллиеведение: информационно-аналитические комментарии (Круглый стол «Бициллиеведение в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи». X международна научна конференция «Българите в Северното Причерноморие», 15-16 септември 2007 г.) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Інститут Історії НАН України. Київ, 2008. Вип. 3. С.389-423 и др.

ющий когнитивную систему, инфраструктуру (как систему, обепечивающую функционирование когнитивных параметров) и социокультурную систему (систему взаимоотношений научного направления /дисциплины с обществом – социокультурным полем). Бициллиеведческий процесс одновременно предстает составляющей единого историографического процесса (и его регионально-национальных ветвей). Истоки «бициллиеведческого процесса» - во втором десятилетии XX века, когда появились первые когнитивные сегменты нового «знания», а его последующее развертывание сопровождалось институционализацией на когнитивном и социальном уровнях. На протяжении 1990-2000-х годов произошла качественная трансформация процесса: бициллиеведение «заявило» о себе как об относительно автономном, полидисциплинарном по структуре и многонациональном по составу репрезентантов научном направлении. Формирующееся научное сообщество бициллиеведов представлено специалистами в области самостоятельных разделов гуманитаристики из разных стран, которыми, по сути, уже создана в своих основных чертах когнитивная система бициллиеведения с отчетливым рефлексивным компонентом. Одновременно идет процесс складывания инфраструктуры нового направления в формах социальных аспектов институционализации: формируется научное сообщество – круг ученых, идентифицирующих себя с бициллиеведческими исследованиями; расширяется система изданий – публикаций трудов П.М. Бицилли и о П.М. Бицилли; появляются компоненты информационно-коммуникативной системы – библиографии, бициллиеведческие сайты в Интернете, специализированные персонологические конференции т.п. Процесс институционализации бициллиеведения (бициллиеведческий процесс) занимает значительный хронологический диапазон, в границах которого – на том или ином отрезке «освоения Бицилли» – на первый план выступают разные стороны когнитивных и социальных аспектов институционализации.

«Историографические ландшафты» бициллиеведения – относительно автономные национально-региональные составляющие единого бициллиеведческого процесса, которые одновременно входят в национальную историографию соответствующих стран (государственных пространств). В узком смысле – это исследования специалистов-историков (историографов как историков исторической науки), в широком – блок литературы полидисциплинарной по структуре исследовательского диапазона.

«Параметрический образ бициллиеведения»: Бициллиеведческая литература, появившаяся за последнее тридцатилетие, – объемна, многосюжетна и многожанрова. Анализ бициллиеведческой историографии в качестве относительно компактного блока исследований позволяет (с известной долей условности) выделить: 1) *по географическому параметру* – принадлежности бициллиеведов к конкретным национальным историографиям – три ведущих струк-

турных раздела («историографические ландшафты»): болгарское, российское и украинское бициллиеведение с различной степенью когерентности; представители иных историографических пространств (среди них – такие крупные фигуры, как Марк Раев /США/ и М.А. Бирман /Израиль/) в большей мере выступают в рамках «персональных маршрутов»; 2) *по хронологическому параметру*: работы, посвященные творчеству П.М. Бицилли и вышедшие при его жизни; с 1953 по конец 1980-х гг.; с рубежа 1980-1990-х и на протяжении 1990-х гг.; с рубежа 1990-2000-х гг. по наши дни; 3) *по дисциплинарному параметру*: археографическое (выявление и публикация работ ученого, эго-документов и т.п.); библиографическое (создание сводных библиографий); биографическое или биоисториографическое (реконструкция его жизни и творчества, анализ трудов и оценка его вклада в науку: историческую, филологическую и проч.); филологическое – литературоведческие и лингвистические исследования; культурологическое, социологическое, политологическое и проч.; 4) *по видам публикаций* (жанру), специфике информации о П.М. Бицилли: статьи (в том числе, в словарно-энциклопедических изданиях), тезисы докладов и сообщений; заметки; комментарии к публикациям трудов П.М. Бицилли; комментарии к публикациям ego-источников; преамбулы и послесловия в изданиях работ Петра Михайловича; библиографии; дидактическая литература; газетные публикации; Интернет-сайты; очерки; диссертационные исследования, монографические издания и т.п.; 5) *по проблемно ориентированным направлениям*: в контексте изучения истории научной эмиграции; в контексте истории исторической науки и университетского исторического образования; в контексте дисциплинарной истории историографии; истории медиевистики, истории идей (интеллектуальной истории), истории евразийства, истории культуры и литературы и т.д.

Периодизация бициллиеведческого процесса обусловлена в первую очередь спецификой историографической ситуации[1] в глобальном, регионально-национальном и темпоральном измерениях в контексте трансформации геополитического и социокультурного пространства, при этом фактор институционализации выступает как маркер взаимосвязи основных компонентов институционального процесса на всех его стадиях.

Одной из «версий» данного процесса может быть представленная ниже схема.

Одновременно в границах периодов выделены основные рубежные моменты бициллиеведения в Украине[2] в едином поле бициллиеведческого процесса с акцентом на конфигурацию т.н. «***сетевых коммуникаций***».

[1] См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С.69-95. [«Экскурс: Об историографическом процессе»].

[2] В это понятие включены работы ученых, работавших в Одессе, в Новороссийском университете, в Украине в целом (в том числе - на территории украинских земель в составе иных государственных образований) вне зависимости от места их публикации.

Ремарка. Изучение персональной истории П.М. Бицилли с позиций теории «социальных сетей»[1] – это выявление и анализ форм связей ученого на уровне научно-корпоративных объединений (университетских кафедр, научных учреждений, научных обществ и т.п.), в границах которых происходило складывание определенных сетей взаимодействия П.М. Бицилли и конкретных ученых, на уровне информационно-коммуникативных структур (редакций газет и журналов и др.), а также неформальных отношений (дружеских, семейных, личностных контактов), «вертикальных» (на уровне поколений) и «горизонтальных» (на уровне современников), в различные периоды его жизни (одесский, югославский /сербский, македонский/ и болгарский), что поможет сконструировать, исходя из фрагментарных биографических данных, разбросанных в необъятной еще эмпирии бициллиеведения, сетевую схему, которая, в свою очередь, даст картину многомерного процесса общения П.М. Бицилли с представителями микро- и макро- его окружения с целью осмысления процессов трансформации «прежнего культурного капитала» в новую культуру. В целом, место интеллектуала определяется его «сетевой позицией» в интеллектуальном сообществе, интенсивностью его интеллектуальных связей и контактов[2]. На первый план в этом случае выходит проблема взаимопроникновения и взаимопересечения разнообразных интеллектуальных влияний с учетом перманентной реорганизации сетевой структуры коммуникаций.

Новое направление исследования интеллектуальной биографии историков в Украине эпохи модерна, предложенное И.И. Колесник на основе творческого анализа теоретических новаций западной науки, в частности «моделей интеллектуальных сетей», значительно расширяет методологический потенциал биоисториографических исследований, ориентирует на выработку конкретных методик историографического анализа структуры коммуникационных форм представителей интеллектуальных сообществ (ИС), поиск нового фактографи-

[1] *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Перев. с англ. Н.С.Розова и Ю.Б.Вертгейм. Новосибирск, 2002.

[2] Впервые вопрос о возможности изучения интеллектуальной биографии П.М.Бицилли с позиций «сетевого анализа» поставила И.И.Колесник (Киев). По ее мнению, «сетевые технологии, модели интеллектуальных сетей дают новые возможности, активизируют значительный ресурс, который вписывается в привычные схемы интеллектуальной и культурной историографии. На практике метод коммуникационных сетей коррелируется с техниками микроисторического анализа, сетевые технологии служат определенной альтернативой таким неизменным атрибутам традиционного историописания, как процессуальность и линейность». См. подробнее: *Попова Т.Н.* Бициллиеведение: информационно-аналитические комментарии (Круглый стол «Бициллиеведение в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи». X международна научна конференция «Българите в Северното Причерноморие», 15-16 септември 2007 г.) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Інститут історії України НАН України. Головний редактор В.Смолій; відповідальний редактор І.Колесник. Вип. 3. Київ, 2008. С.410. [Доклад И.И.Колесник: «Интеллектуальная биография в историографическом дискурсе: ad modum П.М.Бицилли»]

ческого материала или новый ракурс переосмысления уже введеного в научный обиход; постановку *иных* вопросов к источникам. Авторская типология ИС в Украине (шире – в украинских землях на территории двух империй) позволяет не только понять сложную структуру взаимосвязей отдельных ученых-историков, их принадлежность к конкретному типу (типам) объединений, их роль в формировании и трансформации этих объединений, но и выявить прямое и опосредованное, «линейное» и «нелинейное» влияние различных факторов на творческий процесс отдельного интеллектуала через систему коммуникаций в многопрофильной конфигурации «сетевых» взаимоотношений. Проблема «Бицилли в системе интеллектуального сообщества в Украине» (России, Сербии, Македонии, Болгарии, Европе и проч.) еще ждет своей исследовательской постановки, ее источниковая основа представлена лишь отдельными фрагментарными сюжетами, предметно не сфокусированными. Предложенные «сетевые технологии» открывают новые возможности для осмысления истории конкретной интеллектуальной индивидуальности в культурном пространстве.

В то же время в этом контексте актуализируется проблема механизма «социализации» идей и текстов П.М. Бицилли, выявление факторов, способствующих этой социализации.

«Социализация» творчества П.М. Бицилли включает две взаимосвязанные стороны. Первая – это процесс преобразования его идей и концептуальных построений в достояние интеллектуального сообщества в разнообразных формах: публикации его работ, восприятии его мыслей на уровне общения – эпистолярного, непосредственно личностных контактов, публичных выступлений, дидактической деятельности и проч. Вторая сторона – это процесс создания эмпирической базы бициллиеведческих исследований и формирования историографии бициллиеведения: постепенного складывания блока многопрофильной и полижанровой литературы о жизни и наследии Петра Михайловича.

Социализация творчества органично связана с ***рецепцией творчества***: проблема освоения наследия П.М. Бицилли в конкретных интеллектуальных ландшафтах (болгарском, российском, украинском, европейском и проч.) ориентирует на выявление специфики «приближения к Бицилли» как отдельных исследователей, так и конкретных сообществ (дисциплинарных, национальных и др.), на создание компаративистских схем и определение конфигурации всех составляющих единого бициллиеведческого процесса.

Общий абрис историографии бициллиеведения предложен с акцентом на сетевую модель контактов П.М. Бицилли, способствующих «социализации» его творчества, а также пунктирную траекторию взаимосвязей на уровне исследователей его творчества. Разумеется, на данном этапе можно говорить скорее о гипотетических построениях, опираясь на фрагменты подчас косвенных доказательств, однако данная (весьма предварительная и далеко не полная) схема,

надеюсь, станет стимулом для расширения бициллиеведческой эмпирики и насыщения этой схемы «живым» материалом. Особую роль, на мой взгляд, в получении новых биографических фактов должны играть ego-документы, в первую очередь - многочисленное эпистолярное наследие П.М. Бицилли, его «домашняя письменность» [термин П.М.Б. – Т.П.] – блокноты, записи на память, стихотворные посвящения, поздравления, семейные книжки, девизы, шутки на случай – все, что так или иначе отражает жизнь близкого дружеского круга. Сравнительный анализ текстов бициллиеведческой литературы (в том числе – индекса цитирования, включая Интернет-сайты) поможет определить линии взаимосвязей и взаимовлияний на уровне исследователей, а автобиоисториографические эссе ведущих бициллиеведов дополнят и уточнят эту картину.

Первый период бициллиеведческого процесса. 1913-1953 гг.

Начало научной деятельности обычно определяют датой первой публикации ученого, *начало историографии его творчества* – первым в печати откликом на его работы.

Первые статьи П.М. Бицилли были опубликованы в 1912 году: «К вопросу об источниках Atenaion politeia» и «Тацит и Римский империализм»[1]. Последняя работа вошла в сборник научных трудов, посвященный Э.Р. фон Штерну, почетному члену Одесского общества истории и древностей[2].

1913 год можно считать исходным рубежом «бициллиеведческого процесса» – с этого времени творчество П.М. Бицилли получает свои первые рецензии и отклики в печати: в престижных столичных изданиях выходит рецензия на статью «Тацит и Римский империализм» и аннотация на новую публикацию молодого автора – «Colonus и conductor в свете новейших исследований» (1913)[3].

---

[1] В наиболее полной к середине 1990-х гг. «Библиографии трудов П.М.Бицилли» (авторы: *И.В.Анненкова* и *В.П.Вомперский*) эта работа отнесена к разделу «Издания без года». См.: *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии / Отв. ред. и автор предисл. В.Н.Ярцева; сост. и коммент. И.В.Анненковой и В.П.Вомперского; вступ. ст. В.П.Вомперского. М., 1996. С. 691.

[2] *Бицилли П.* Тацит и римский империализм // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса. Т.30. Propemptaria: Сборник статей в честь почетного члена общества Э.Р.фон Штерна. С. 378-388.

[3] См.: *Дусинский И.* [Рец.:] Бицилли П.М. Тацит и Римский империализм. Одесса, 1912 // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). Отдел классической филологии. Новая серия. 1913. № 5. С.237-239; [Аннотация на статью: Бицилли П. Colonus и conductor в свете новейших исследований» в ЖМНП: Новая серия. СПб. Ч.46. № 8. Отд. классич. филологии. С.358-379] // Научный исторический журнал. М., 1913. № 1. С.2 (паг. 2-я). В разд.: Новости исторической литературы. В самой полной на сегодняшний день библиографии, составленной А.Н.Горяиновым и М.А.Бирманом, рецензия И.И.Дусинского отсутствует. См.: *Горяинов А.Н., Бирман М.А.* Библиография опубликованных работ П.М.Бицилли и литература о нем, 1912-2003. Труды П.М.Бицилли // *Бицилли П.М.* Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б.Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. М., 2006. С.772.

В 1915 г. выходят две рецензии – Н.И. Ефимова[1] и С.Л. Авалиани – на работу «Западное влияние на Руси и начальная летопись» (1914); в 1917 и 1919 гг. – три рецензии (Л.П. Карсавина и два отзыва В.Н. Забугина[2]) на монографию, которая в 1917 г. будет защищена как магистерская диссертация в Петроградском (Санкт-Петербургском) университете – «Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века)» (1916); в 1919, 1920 и в 1922 гг. – еще три рецензии (авторы: Н.П. Кондаков, В.Н. Забугин, И.М. Гревс) на монографию «Элементы средневековой культуры» (1919). Таким образом, с первых же публикаций творчество П.М. Бицилли привлекло внимание серьезных специалистов, а его главные труды, созданные в одесский период деятельности ученого, оказались в сфере академического интереса. Из этих десяти публикаций три принадлежат ученым, непосредственно связанным с Одессой и Новороссийским университетом.

Самая первая рецензия на статью «Тацит и Римский империализм» (1912) написана И.И.Дусинским. Фигура *Ивана Ивановича Дусинского* (8.04.1879 – 9 /?/ 05.1919) пока еще достаточно плотно окутана туманом. Известно, что он родился в Харькове в дворянской семье римско-католического вероисповедания (родители: отец – Иван Витальевич Дусинский, ветеринарный врач, мать – Валерия Яковлевна Иваницкая); окончил Каменец-Подольскую гимназию, в 1899 г. поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета, в котором проучился до весны 1903 г. В этот же период студентами историко-филологического факультета были П.М. Бицилли, С.Л. Авалиани (1900-1904), А.В. Флоровский (1903-1908) и др.

[1] *Ефимов Николай Иванович* (1889-?) - филолог, специалист по русской литературе и летописанию; его первые публикации вышли в Санкт-Петербурге в журнале «Исторический вестник» (ИВ). Это рецензии на книгу Н.И.Веселовского «Татарское влияние на посольский церемониал в Московский период русской истории» /СПб., 1911/ (ИВ, 1912, № 3, с.1076-1078) и работу П.М.Бицилли «Западное влияние на Руси и начальная летопись» /Одесса, 1914/ (ИВ, 1915, № 1, с. 286-287). Другие работы Н.И.Ефимова изданы в Казани («Теократическая идеология в древнерусской письменности», 1912), Юрьеве («Памяти Лермонтова (О байронизме поэта»), 1916), Самаре («Русская литература XIX в. и ее язык», 1923), Смоленске («Социология литературы», 1927; «Формализм в русском литературоведении», 1929). В 1918 г. в Одессе вышла работа Н.И.Ефимова «Своеобразие русской литературы». Был ли Н.И.Ефимов лично знаком с П.М.Бицилли пока неизвестно.

[2] *Забугин Владимир Николаевич* (1880-1923), специалист по проблемам итальянского Возрождения XV в., вышедший наряду с В.Э. Крусманом, Г.К. Вебером, А.Г. Вульфиусом, А.М. Петрункевичем и другими крупными историками из школы Г.В.Форстена, который ориентировал своих учеников на изучение истории духовной культуры романо-германского Запада; наряду с И.М.Гревсом и А.Н.Веселовским Г.В.Форстена причисляют к создателям «блестящей петербургской школы» (П.М.Бицилли) историков культуры. См. Бицилли П. Памяти В.Э.Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2. С.342; Кан А.С. Историк Г.В.Форстен и наука его времени. М., 1979. С.88-90. В.Н.Забугин после окончания Санкт-Петербургского университета (1903) долгое время жил в Италии, преподавал в Римском университете, с июня по октябрь 1917 г. находился в России как представитель итальянского правительства в качестве специального посланника по укреплению межгосударственных связей; после октября 1917 г. вернулся в Италию. Возможно, именно в это время пути П.М.Бицилли (для которого 1917 год – год защиты его диссертации в Петрограде) и В.Н.Забугина пересекались, поскольку первые две рецензии В.Н.Забугина (1919) были именно на работу «Салимбене…».

После окончания университета И.И. Дусинский был оставлен при кафедре классической филологии для приготовления к профессорскому званию. Профессор А.Н. Деревицкий, один из наставников Дусинского-студента, характеризовал его как человека, имеющего все «…данные для того, чтобы стать серьезным научным деятелем»[1]. Будучи стипендиатом, И.И. Дусинский одновременно стал работать помощником библиотекаря в университетской библиотеке[2]. В 1908-1910 гг. он сотрудничал с редакциями ряда одесских газет («Одесский листок», «Русская речь» и др.), в которых публиковался под своим именем или под псевдонимами «Арктур» и «Черномор»[3]; с 1910 по август 1917 г. заведовал иностранным отделом газеты «Одесский листок»; с ноября 1917 по февраль 1918 г. был организатором и редактором независимого непериодического издания «Свободное слово» (вышло 7 номеров). И.И. Дусинский стал инициатором создания «Русского народно-государственного союза» и его фактическим руководителем (первое заседание союза состоялось 25 августа 1917 г.). Политическая платформа союза основывалась на идее «единства России», которую сам И.И. Дусинский считал «великой и незаменимой ценностью для всех сторон… народной жизни»[4]. Предположительно, 9/?/ мая 1919 г. И.И.Дусинский был расстрелян большевиками за «контрреволюционную деятельность»; точные обстоятельства его смерти неизвестны[5].

И.И. Дусинского отличала широкая научная эрудиция: он стоял у истоков новой дисциплины – геополитики, был сторонником панславистской идеи; интересовался проблемами антиковедения и востоковедения: являлся членом Одес-

[1] Цит. по: *Березин С.Е.* Антиковед. Библиотекарь. Публицист: новые материалы к биографии И.И.Дусинского (1879-1919) // Вісник ОНУ / Одеський національний ун-т. Одеса, 2011. Том 16, випуск 1/2 (5/6). Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. С.247; Списки студентов и посторонних слушателей ИНУ в осеннем полугодии 1900/1901 учебного года по историко-филологическому факультету. Одесса, 1900.

[2] См.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1904-1908 годы. Одесса, 1909; *Дусинский И.* В ожидании давно назревшей реформы // Известия Одесского библиографического общества при ИНУ. 1914. Т.3, вып. 2. С.65-88; *Он же.* В ожидании давно назревшей реформы (К вопросу о материальном и служебном положении личного состава наших университетских библиотек в связи с предстоящим введением новых штатов). Одесса, 1914.

[3] *Дусинский И.И.* Годы назревания и год перелома: 1914 г. в мировой политике // Одесский листок. 1914. № 352; 1915. №1; *Арктур.* Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. Одесса: «Русская речь», 1908; *Дусинский И.* Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. Одесса, 1910; *Черномор.* Славянам. Одесса, 1915.

[4] Одесский мартиролог: Данные о репрессированных Одессы и Одесской области за годы советской власти. Т.3 / Составители *Л.В.Ковальчук, Г.А.Разумов*. Историко-мемориальное издание. Одесса, 2005. С.127. [Из протокола допроса И.И.Дусинского 4 мая 1919 г. в особом отделе III армии] .

[5] Там же. С.134; *Березин С.Е.* Антиковед. Библиотекарь. Публицист: новые материалы к биографии И.И.Дусинского (1879-1919) // Вісник ОНУ / Одеський національний ун-т. Одеса, 2011. Том 16, випуск 1/2 (5/6). С.249-250.

ского Общества востоковедов во главе с профессором П.Е. Казанским[1]. Имя И.И. Дусинского уже вошло в региональное библиотековедение[2], однако эту личность в качестве талантливого политолога открыл М.Б. Смолин, современный российский публицист, историк русской консервативной мысли. В 2003 г. в издательстве журнала «Москва» в серии «Пути русского имперского сознания» вышла книга И.И. Дусинского «Геополитика России», составление которой, предисловие и примечания принадлежат М.Б. Смолину. По его мнению, наследие И.И. Дусинского – наиболее удачное продолжение в XX столетии политических тем, поднятых Н.Я. Данилевским («Россия и Европа», 1869)[3].

И.И. Дусинский в своей рецензии обращает внимание на глубокий анализ источников, проделанный П.М. Бицилли и позволивший ему придти к верному выводу об имперских позициях Тацита. Рецензия, написанная И.И. Дусинским на работу Петра Михайловича, была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» (СПб., 1913); в этом же издании в 1913 г. вышла очередная статья П.М. Бицилли, сразу же проаннотированная в «Новом историческом журнале» (СПб., 1913). Не исключено, что И.И. Дусинский, будучи уже известным к началу второго десятилетия публицистом, сыграл определенную роль в появлении имени П.М. Бицилли на страницах столичной научной печати.

П.М. Бицилли и И.И. Дусинского объединяло негативное отношение к «партийности»: в публицистике, говорил И.И. Дусинский, которая «…у нас всегда отличалась партийным характером, а узкая партийность мне претила <…> я сосредоточился на области, где можно было писать более свободно, не становясь человеком партии: на вопросах внешней и славянской политики России…»[4] (ср. «Параллели» П.М. Бицилли). Одногодки (1879), они в один год поступили в Новороссийский университет (1899), но молодой Бицилли – на юридический факультет. Проучившись два семестра, он перевелся на историко-филологический факультет (1900). Факторы, повлиявшие на решение П.М. Бицилли, пока не ясны. Непонятно также, почему ни в одной из своих автобиографий П.М. Бицилли не упоминает о своем обучении на юридическом факультете.

---

[1] *Дусинский И.* О занятиях Сократа поэзией. Одесса, 1905; *Он же.* Союз любителей и друзей античного мира. СПб., 1906 и др.

[2] См.: *Подрезова М.О., Самодурова В.В.* Бібліотекарі Одеського (Новоросійського) університету – світовій науці // Вісник ОНУ / Одеський національний ун-т. Одеса, 2008. Том 13, випуск 8. Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. С. 11-22; *Самодурова В.В.* Геополитический изгой. Жизнь и смерть И.И. Дусинского (1879-1919) // Материалы Международной научно-практической конференции «Человек в тоталитарном обществе: рефлексии XXI века» (23-27 июня 2013 г.). URL: http://liberte.onu.edu.ua/info/kultura

[3] *Дусинский И.И.* Геополитика России / Сост. М.Б.Смолин. М., 2003. 320 с. (Серия: «Пути русского имперского сознания»); *Смолин М.Б.* Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М., 2005. С. 111.

[4] Одесский мартиролог: Данные о репрессированных Одессы и Одесской области за годы советской власти. Т.3 / Составители *Л.В.Ковальчук, Г.А.Разумов*. Историко-мемориальное издание. Одесса, 2005. С.126.

Очередная рецензия одессита на статью П.М. Бицилли «Западное влияние на Руси и начальная летопись» (1914) принадлежит *Симону Лукичу Авалиани* (1881 – 1922), одному из блестящих представителей региональной историографии. В основе этой статьи – реферат «Западные источники русской летописи», прочитанный П.М. Бицилли на заседании Историко-филологического общества (ИФО) при Новороссийском университете, членом которого был П.М. Бицилли[1]. После критических замечаний, сделанных А.П. Доброклонским[2], С.Г. Вилинским[3] и А.В. Флоровским, П.М. Бицилли переработал текст, и статья, согласно постановлению Правления ИФО, вышла отдельной брошюрой в одесской типографии «Экономическая» в 1914 г. В знак благодарности автор подарил экземпляры этой брошюры А.П. Доброклонскому и С.Г. Вилинскому с дарственными надписями. На экземпляре, предназначенном А.П.Доброклонскому, вверху титульного листа стоит личный автограф П.М. Бицилли – «Би»[4].

С.Л. Авалиани – выпускник Кутаисской гимназии (1900), студент историко-филологического факультета Новороссийского университета (1900-1904), ученик профессора И.А. Линниченко. После окончания университета преподавал в одесских гимназиях; состоялся как талантливый публицист (на протяжении 1910-х гг. сотрудничал с газетами «Одесские новости», «Одесский листок», «Новая жизнь», «Русские ведомости» и др.), стал одним из организаторов кооперативного движения на юге Украины (был редактором кооперативного журнала Одессы «Южный кооператор»), являлся представителем грузинского землячества в Одессе. Активный деятель либерально-просветительского направления, С.Л. Авалиани, несмотря на поддержку своего научного наставника, так и не смог войти в преподавательский состав Новороссийского университета в первую очередь из-за своей общественной позиции. Однако в 1916-1918 гг. он стал приват-доцентом Петроградского (Санкт-Петербургского) университета. Последние годы жизни был профессором Тбилисского университета и др. Научное наследие С.Л. Авалиани включает более 200 работ на русском и грузинском языках, преимущественно по истории Московского

[1] Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1913 академический год. Одесса, 1914. С.120-121.

[2] *Александр Павлович Доброклонский* (1856-1937) – доктор церковной истории, работал в Новороссийском университете (1899-1920) по кафедре церковной истории историко-филологического факультета, неоднократно исполнял обязанности декана факультета и ректора Новороссийского университета, был редактором «Записок» Новороссийского университета (1908-1916), главой ИФО (с 1907). В январе 1920 г. эмигрировал сначала в Болгарию, затем в Белград. Будучи студентом, П.М.Бицилли слушал лекции А.П.Доброклонского «История христианской церкви», «Церковный строй в России», «Сектанство в России», «Раскол в русской церкви» и др.

[3] *Сергей Григорьевич Вилинский* (1876-1950), выпускник Новороссийского университета (1900), ординарный профессор кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета, ученый секретарь факультета, проректор университета (1912-1916), председатель ИФО. В эмиграции жил и работал в Болгарии, затем в Чехословакии.

[4] *Бахчиванжи А.П.* Книги с автографами П.М.Бицилли в университетской библиотеке // Вісник ОНУ / Одеський національний ун-т. Одеса, 2010. Т.15, випуск 21. С. 91.

государства XV-XVII вв., Юга Украины, истории Грузии и Кавказа XIX в.[1]

С.Л. Авалиани и П.М. Бицилли учились на историко-филологическом факультете в одно время, позже – состояли в одних и тех же научных обществах при Новороссийском университете (Библиографическом, Историко-филологическом и др.); безусловно, их пути неоднократно пересекались. В своей рецензии на работу П.М. Бицилли С.Л. Авалиани поддержал концепцию автора и подчеркнул, что «…будущим исследователям древнего русского летописания придется считаться с выводами этой работы»[2].

Третья фигура – автор одной из рецензий[3] на книгу П.М. Бицилли «Элементы средневековой культуры» (1919) – *Никодим Павлович Кондаков* (1844-1925), ученый с мировым именем, крупнейший византолог, доктор теории и истории искусств, академик Российской Академии наук, один из учредителей монархической организации «Русское собрание» (1901). В Одессе Н.П. Кондаков жил и работал в Новороссийском университете с перерывами: (1870-1887), (апрель 1917 г.), (сентябрь 1918 – начало 1920 гг.). В последний период пребывания в Одессе читал лекции в университете по истории русской иконописи и сотрудничал в 1919 – 1920 гг. в газете «Южное слово». В начале 1920 г. Н.П. Кондаков эмигрировал в Болгарию, читал лекции в Софийском университете; с апреля 1922 по 1925 год – жил и работал в Праге. Точных данных, когда именно П.М. Бицилли познакомился с Н.П. Кондаковым, нет; можно предположить, что наиболее тесные контакты возникли в 1918-1920 гг., когда оба преподавали в университете.

В советской Украине первая статья, в которой упоминается фамилия Бицилли, была опубликована на страницах «Вестника Одесской комиссии краеведения» (1930)[4]. Ее автор, секретарь секции по изучению греческого населения Одесской комиссии краеведения, созданной при Украинской академии наук в 1923 г.[5],

---

[1] См.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965. С.209; *Маршани Г.Н., Мегрелишвили Г.И.* Симон Авалиани // Авалиани С.Л. Крестьянский вопрос в Закавказье. Т. V. Тбилиси, 1986. С. 4-27; *Музичко О.* Грузини у суспільно-політичному та культурному житті Одеси у другій половині XIX – на початку XX ст. (1860-ті роки – 1920 рік) // Причорноморський регіон у контексті європейської політики. Одеса-Ополє-Вроцлав, 2008. С. 334-350; *Он же.* Грузини в Одесі: історія та сучасність / Генеральне Консульство Грузії в м.Одесі. Одеса, 2010. С.200-215 и др.

[2] *Авалиани С.А.* [Рецензия на ст.: Бицилли П.М.Западное влияние на Руси и начальная летопись. Одесса, 1914. 27 с.] // Известия Одесского библиографического общества при Императорском Новороссийском университете. 1915. Т.IV, вып.2. С.104-105.

[3] Одесский листок. Одесса, 1919. 2 марта, № 56. С.5.

[4] См.: *Теохаріді Т.Ю.* Грецька військова колонізація на півдні України наприкінці XVIII та поч. XIX ст. // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській академії наук. Секція для вивчення грецької нацменшости. Вип.І. Одеса, 1930. Ч. 4-5.

[5] См.: *Попова Т.Н., И.С. Гребцова.* Одесская Комиссия краеведения: к вопросу о преемственности традиций научных обществ // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. 1839-1989.: Тезисы докладов юбилейной конференции. 27-28 октября 1989 г., г.Одесса. Одесса, 1989. С.37-39.

Т.Ю. Теохариди[1] в контексте истории греческой колонизации на юге Украины привел данные о представителях рода Бицилли, сыгравших значительную роль в расселении греческого населения на территории Одесщины.

В это же время В.П. Бузескул, профессор Харьковского университета, в своем знаменитом труде «Всеобщая история и ее представителя в России в XIX и начале XX века. Материалы» (Л.: Изд. АН СССР, 1931.Ч.2.) упомянул о «талантливой диссертации П.М. Бицилли»[2].

Начало следующего десятилетия связано с появлением имени П.М. Бицилли в медиевистической литературе: в 1940 г. Осип Львович Вайнштейн (1894-1980), ученик П.М. Бицилли по Новороссийскому университету, в своем учебнике по историографии средних веков написал о своем учителе как о специалисте по проблемам духовной культуры средневековья с указанием двух работ Петра Михайловича: «..исследование по истории францисканства – "Салимбене", 1916 и более широкий по теме культурно-исторический очерк – "Элементы средневековой культуры", 1918»[3]. Материал при этом был дан автором в примечаниях, в конце страницы, при перечислении ряда одиозных для советской цензуры имен: А.Г. Вульфиуса, Л.П. Карсавина, Е.Н. Трубецкого и др., преимущественно, по определению О.Л. Вайнштейна, «белоэмигрантов», упоминание о которых он тем не менее счел необходимым «в интересах библиографической полноты»[4]. Даже эти витиеватые формулировки в угоду цензуре не могут заслонить того факта, что нейтральное обращение к работам «ныне белоэмигрантов» (с.327) было на рубеже 1930-1940-х гг., бесспорно, актом гражданского мужества. О.Л. Вайнштейн стремился объективно осветить историю медиевистики досоветского периода, сохранить имена ученых «старой школы» (в том числе, имя своего учителя) для новых поколений историков.

---

[1] *Теохарий Георгиевич (Юрьевич) Теохариди* (1889-1938) окончил Одесский институт народного образования (1925), археолог, историк южной Украины, член Одесской комиссии краеведения при Всеукраинской академии наук (ВУАН), секретарь секции по изучению греческого нацменьшинства в Украине (1927), репрессирован.

[2] *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в Х1Х и начале ХХ века / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В.Тункиной. М., 2008. С.222. *Владислав Петрович Бузескул* (1858-1931) – антиковед, медиевист, источниковед, историограф, выпускник Харьковского университета (1880), магистр (1889), доктор всеобщей истории (1895), действительный член Российской Академии наук (1922) и ВУАН (1925), вся жизнь которого была связана с Харьковским университетом. Он определил П.М.Бицилли как бывшего приват-доцента в Новороссийском университете, «а теперь в Югославии» (с.223); вероятно, этот материал был подготовлен, когда П.М.Бицилли начал преподавать в филиале Белградского университета в Скопье (1920-1923).

[3] *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л., 1940. С.327 (дата выхода «Элементов…» - 1918 год - указана неверно).

[4] Там же. С.327. Аналогичный материал был приведен О.Л.Вайнштейном в статье «Развитие историографии средних веков в царской России», опубликованной в журнале «Историк-марксист» (1940, № 9, с.113).

Учебник О.Л. Вайнштейна 1940-го года не только стал первым историографическим обобщающим трудом в СССР, но и во многом продолжил «линию Бицилли».

О.Л. Вайнштейна можно назвать непосредственным учеником П.М. Бицилли. Поступив на историко-филологический факультет в 1915 г., О.Л. Вайштейн работал в семинаре Петра Михайловича: студенты читали и комментировали «Салическую правду» и другие законодательные памятники западноевропейского средневековья; изучали монастырское хозяйство и крестьянство раннего средневековья, рассматривали вопросы о происхождении частной поземельной собственности и образовании крупных земельных владений по материалам «Капитулярия о виллах» и «Полиптиха аббата Ирминона»; анализировали источники по истории крестовых походов и проч. Тексты источников переводили с латыни, разбирали их содержание. Изучение источников сопровождалось анализом трудов Фюстель де Куланжа, Ж.Флакка, П.Г.Виноградова, Д.М. Петрушевского, И.Д. Удальцова, Ф. Мейтленда, К.Т. Инама-Штернегга и др. и написанием рефератов[1].

На третьем курсе О.Л. Вайнштейн за работу «Начало раскола в францисканском ордене» был удостоен золотой медали и права поступать в «профессорские стипендиаты». Научным руководителем этой работы официально был Е.Н. Щепкин, однако проблемы францисканства – ведущая линия исследований П.М. Бицилли в этот период. Заявление руководству факультета с просьбой оставить О.Л.Вайнштейна для подготовки к научной работе по кафедре всеобщей истории было написано П.М. Бицилли. В своем заявлении Петр Михайлович подчеркивал, что студент написал медальную работу на предложенную им, П.М. Бицилли, тему по истории францисканского ордена, а также пользовался его помощью и советами на протяжении учебы в университете. Характеризуя своего ученика, П.М. Бицилли отмечал глубокие знания О.Л. Вайштейна в области медиевистики, свободное владение языками, позволявшее ему без особых затруднений работать с латинскими, французскими и итальянскими средневековыми памятниками. «…Ясность мысли, историческое чутье, умение разбираться в сложных научных вопросах, точность и добросовестность в передаче усвоенного…» – такова оценка исследовательских качеств О.Л. Вайнштейна, данная П.М. Бицилли [2]. Заявление Петра Михайловича было поддержано Е.Н. Щепкиным.

О.Л. Вайнштейн, человек отнюдь не простой судьбы, состоялся как крупный медиевист и историк исторической науки. Диапазон его исследовательских интересов был широк: в 1920-1930-е годы (одесский период его научно-педагогической деятельности) – это проблемы средневековой Италии и Франции

[1] Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1915 академический год. Одесса, 1916. С. 138-139; История СССР. 1962. № 6. С.91.

[2] Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 45. Оп. 4. Д. 2714 (1919 г.). Л. 31.

нового и новейшего времени, в том числе – эпоха Французской революции XVIII в., сферы интересов и Е.Н. Щепкина и молодого Бицилли (вспомним, что 15 декабря 1910 г. Петр Михайлович читал свои пробные лекции «Фридрих II Гогенштауфен» по выбору факультета и «Наказы 1789 г. как исторический источник» по собственному выбору). Линия историографии с акцентом на теоретические проблемы исторической науки стала, как и у П.М. Бицилли, ведущим направлением «позднего Вайнштейна»[1].

Хронологический диапазон первого периода – **1913-1953 гг.** – от выхода первых «откликов» на печатные труды П.М. Бицилли до года кончины ученого и публикации единственного «Некролога» («Исторически преглед», 1953). Это – время рецензий (преимущественно) на работы ученого (одесского периода и годов эмиграции), кратких информационных сведений биографического и библиографического характера в научной повременной и периодической печати (Болгарии, «Запада» и СССР), в изданиях Софийского университета[2] и проч.

Первые месяцы послесталинской эпохи характеризовались постепенным изменением политической ситуации в «странах соцлагеря», что, вероятно, и дало возможность выступить в академической печати с официальным некрологом – от Института истории Болгарской Академии наук. В тексте «Некролога», написанного непосредственным учеником П.М. Бицилли профессором Христо Гандевым, было предпринято осмысление личности ученого и его вклада в болгарскую историческую науку. Несмотря на официальный стиль, «Некролог» содержал первую положительную оценку в болгарской литературе научного наследия П.М. Бицилли[3].

«Некролог» как вид историографического обобщения завершает первоначальный период и открывает следующий.

Второй период. 1953 г. – конец 1980-х гг.

В рамках этого периода, стадиально неоднородного, обращение к личности и творчеству П.М.Бицилли было фрагментарным и характеризовалось значительным изоляционизмом не только в координатах «восток-запад» (символически), но и в границах болгарской и советской науки. Несмотря на это, можно наблюдать постепенное (по десятилетиям) нарастание интереса к П.М. Бицилли и его творчеству.

---

[1] *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964; *Он же.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX-XX вв. / Под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1979; *Он же.* История советской медиевистики: 1917-1966. Л., 1968.

[2] П.М.Бицилли // Алманах на Софийския университет «Св. Климент Охридски». София, 1939 и др.

[3] Проф. Петър Михайлович Бицилли. Некролог от Института за българска история при БАН и от редакционията колегия на сп. «Исторически преглед» // Исторически преглед. Година 9. София, 1953. Кн. пета (5). С. 560 - 561.

В 1950-е годы шел латентный процесс «приближения к Бицилли». В Болгарии в 1954 г. князем А.П. Мещерским, зятем П.М. Бицилли, была составлена библиография трудов ученого под названием «Биобиблиография проф. П.М. Бицилли» в форме машинописной рукописи, включившей 299 наименований. Из 4-х экземпляров этой рукописи два экземпляра были подарены любимым ученикам П.М. Бицилли – профессорам Ивану Дуйчеву и Христо Гандеву; третий экземпляр был предоставлен в Болгарский Библиографический Институт в Софии[1]. Последующие варианты Библиографии[2] и их многочисленные копии распространились в научном пространстве Болгарии, СССР, Западной Европы, затем России и Украины, способствуя обращению исследователей к творчеству П.М. Бицилли.

1960-е годы стали первым десятилетием в советской историографии, на протяжении которых на волне «Оттепели» вышли в свет разнообразные по жанру публикации о жизни и трудах П.М. Бицилли.

В 1961 г. в журнале «Русская литература» впервые были опубликованы фрагменты переписки И.А. Бунина с П.М. Бицилли, подготовленные к печати А.П. Мещерским, которого профессор М.А. Бирман по праву назвал «первым бициллиеведом»[3].

В начале 1960-х гг. к творчеству П.М. Бицилли обратились филологи: в работах В.В. Виноградова, крупного советского литературоведа и лингвиста, было обращено внимание на лингвистические исследования П.М. Бицилли[4]. Одна из работ В.В. Виноградова в 1963 г. была переведена на украинский язык («Проблеми стилістики російської мови в працях Ломоносова». В кн.: Ломоносівський філологічний збірник. Київ, 1963).

В 1965 г. имя П.М. Бицилли вошло в официальное библиографическое

---

[1] Из «Послесловие към Библиографията». С.1. Это «Послесловие» на 2-х страницах машинописного текста, подписанное инициалами «А.М.», прилагалось к «Библиография на Трудовете на професор П.М.Бицилли» (34 с.), ксерокопия которой любезно была предоставлена профессором М.Н.Велевой аспиранту Т.Н.Поповой – Д.А.Шумейко во время его командировки в Болгарию в декабре 2000 г.

[2] См. подробнее: *Галчева Т.* Неизвестные свидетельства об А.П.Мещерском. URL: http: // www.savedarchives.net/

[3] См.: *Мещерский А.* Неизвестные письма И.Бунина // Русская литература. Л., 1961. № 4. С.152-158; *Бирман М.А.* А.П.Мещерский (1915 – 1992). Несколько страниц к биографии первого «бициллиеведа» // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ. К 70 - летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С.800-805.

[4] *Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961; *Он же.* Проблемы стилистики русского языка в трудах М.В.Ломоносова // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1961. Т.5. *Виктор Владимирович Виноградов* (1894-1969), доктор филологических наук, академик АН СССР (1946), член Болгарской Академии наук (1946), почетный доктор Пражского университета. Рецензия П.М.Бицилли на работу В.В.Виноградова «Язык Пушкина (Пушкин и история русского литературного языка)» /М.-Л., 1935/ в «Современных записках» (№ 59, 1935) стала одной из очень немногих объективных оценок работы в то время опального ученого («Дело славистов», 1934).

издание по истории исторической науки[1].

Наиболее значительным бициллиеведческим фактом начала 60-х гг. стала статья С.С. Дмитриева о Н.Л. Рубинштейне (1964)[2]. Реконструируя биографию ученого, С.С.Дмитриев привел важные данные о преподавательской деятельности Петра Михайловича, лекции которого слушал Н.Л.Рубинштейн (в частности, по лекционной книжке № 19 студента-Рубинштейна). В этой же статье впервые в СССР была опубликована «Краткая био-библиография профессора П.М. Бицилли», составленная профессором Христо Христовым, а также письмо профессора Христо Гандева с биографическими сведениями о П.М. Бицилли, адресованное на кафедру истории южных и западных славян Московского государственного университета (от 17 февраля 1964 г.). Это был ответ на запрос, направленный С.С. Дмитриевым в Софийский университет. Не исключено, что в статье С.С. Дмитриева была опубликована библиография ученого, которая представляла собой фрагмент из экземпляра «Биобиблиографии» А.П. Мещерского, подаренного им Христо Гандеву. В библиографии были приведены сведения о 12 работах П.М. Бицилли, написанных в 1916-1947 гг., из них о трех, созданных в одесский период («Салимбене…», «Падение Римской империи…», «Элементы…»)[3].

Двумя годами раньше вышли воспоминания самого Николая Леонидовича Рубинштейна, крупного советского историка-русиста. Н.Л. Рубинштейн – из блестящего интеллектуального гнезда одесских Рубинштейнов. Глава семьи – Леонид (Лазарь) Николаевич Рубинштейн, известный в Одессе на рубеже XIX-XX вв. адвокат, человек высокообразованный, демократически настроенный, воспитал четырех сыновей, ставших известными учеными: Сергей Леонидович – психолог, член-корреспондент АН СССР, Григорий Леонидович – доктор экономических наук, Дмитрий Леонидович – доктор биологических наук, Николай Леонидович – доктор исторических наук.

Вместе с О.Л. Вайнштейном, поступившим в университет на год раньше (1915), Н.Л. Рубинштейн занимался в одном семинаре у П.М. Бицилли. Это была обычная практика многих дореволюционных университетов, когда в силу малочисленности студентов в одном семинаре объединяли разные группы (руситов и всеобщников) и даже разные курсы (в данном случае – первый и второй). Несмотря на то, что Н.Л. Рубинштейн специализировался по русской, а не всеобщей

[1] История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965. С.513.

[2] *Дмитриев С.С.* К истории советской исторической науки: Историк Н.Л.Рубинштейн (1897-1963) // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Горький, 1964. Вып. 72. Серия историко-филологическая. Т. 1. С. 415-478. *Сергей Сергеевич Дмитриев* (1906-1991), советский историк и историограф, специалист по истории культуры XIX - начала XX вв., аспирант Московского университета (1934), профессор МГУ (1968); официально ученик С.В.Бахрушина и М.В.Нечкиной.

[3] *Дмитриев С.С.* К истории советской исторической науки: Историк Н.Л.Рубинштейн (1897-1963) // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Горький, 1964. Вып. 72. Серия историко-филологическая. Т. 1. С.430-432.

истории, как О.Л. Вайнштейн, особое значение для него – будущего профессионального историка – имели лекции и занятия преподавателей-«всеобщников». На первом месте в его воспоминаниях – имя П.М. Бицилли, оказавшего на студента-Рубинштейна «непосредственное влияние». «Вторым историком» по степени влияния Н.Л. Рубинштейн называет Е.Н. Щепкина[1].

Именно в семинаре Петра Михайловича Н.Л. Рубинштейн освоил азы исследовательской работы: анализ текстов средневековых памятников, систематическое изучение монографической литературы по эпохе феодализма и т.п. «Это развернутое изучение раннего феодализма легло потом в основу моих занятий по русскому феодализму периода Киевской Руси», – признается ученый[2].

Н.Л. Рубинштейн отмечает, что «всеобщники», в первую очередь П.М. Бицилли и В.Э. Крусман, отличались и своим стилем чтения лекций, напоминающим, скорее, научную лабораторию, когда «оформление» лекции происходило прямо в аудитории, в результате непосредственного общения со студентами. Этот лекционный стиль стал для Н.Л. Рубинштейна, уже университетского преподавателя, эталонным. Среди курсов, которые слушал Н.Л. Рубинштейн, был спецкурс П.М. Бицилли «История историографии». История исторической науки стала для Николая Леонидовича весомой линией его научных исследований[3].

В этих двух публикациях впервые в советской литературе был представлен достаточно объемный образ П.М. Бицилли – ученого, педагога и человека.

Однако в 1960-е годы оценки творчества П.М. Бицилли были неоднозначны. В юбилейном издании истории Одесского университета (1968) имя П.М. Бицилли появилось в сочетании с именами еще трех профессоров историко-филологического факультета – В.Э. Крусмана, М.Г. Попруженко и В.Н. Мочульского[4]. Критерием объединения этих ученых стала их принадлежность, по мнению авторов книги, к «эпигонам буржуазного позитивизма». Помимо т.н. «методологической», акцент был сделан на вторую инкриминационную «статью» – эмиграцию П.М. Бицилли и М.Г. Попруженко[5].

Эти оценки были вполне закономерны для эпохи поднимающегося «Застоя»: в официальном издании – «Очерках истории исторической науки

---

[1] *Рубинштейн Н.Л.* О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С. 92.

[2] Там же. С.91.

[3] Там же. С.91. См.: *Дмитриев С.С.* К истории советской исторической науки: Историк Н.Л.Рубинштейн (1897-1963) // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Горький, 1964. Вып. 72. Серия историко-филологическая. Т. 1. С.428. [Из лекционной книжки № 19 студента Н.Рубинштейна]; *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. Курс лекций. М., 1941 и др.

[4] *Мочульский Василий Николаевич* (1856-1920), историк культуры, литературовед, выпускник Новороссийского университета (1878), с 1889 г. – преподавал на историко-филологическом факультете, умер в Одессе; его сын – *Константин Васильевич Мочульский* преподавал историю литературы в Софийском университете в должности доцента (1.04.1920-1.04.1922).

[5] Історія Одеського університету за 100 років / Відп. ред. проф. О.І.Юрженко. Київ, 1968. С. 332.

в СССР» (T.IV, 1966) – П.М. Бицилли был квалифицирован как представитель «реакционно-мистического направления» в историографии, а его книга – «Элементы средневековой культуры» – как «выступление воинствующей реакции». Ученого отнесли к тем историкам, которые «…встретили революцию резко враждебно и, не примирившись с ней, оказались вне Советской России…»[1].

Следует все-таки отдать должное одесским историкам, которые тем не менее отметили тот факт, что в последние годы жизни П.М. Бицилли «…обратился к прогрессивным силам современности, призвал к укреплению советско-болгарской дружбы и пропагандировал достижения советской науки»[2]. Несмотря на некоторое преувеличение «заслуг» ученого перед советской властью, впервые в официальном издании республиканского уровня П.М. Бицилли получил вполне лояльную оценку, данную его преемниками по Одесскому (Новороссийскому) университету.

Возможно, сыграло свою роль появление имени ученого в положительном контексте в ряде болгарских и советских публикаций 1950-1960-х гг.; не исключена также и попытка «шестидесятников» – преподавателей исторического факультета Одесского университета имени И.И. Мечникова – переосмыслить наследие своих предшественников в новой историографической ситуации.

В Научной библиотеке университета сохранилась папка с материалами (правда, весьма скудными) о П.М. Бицилли, которые, вероятно, были подготовлены в последние годы деятельности историко-филологического факультета Новороссийского университета для издания Биографического словаря профессоров университета (известно, что эта работа была начата, но в связи с революционными событиями не получила своего завершения). В библиотеке хранятся также многие прижизненные публикации П.М. Бицилли, дарственные экземпляры с его подписью, книги, которые Петр Михайлович презентовал университетской библиотеке[3].

Творчество П.М. Бицилли постепенно становилось достоянием студенческой аудитории Одесского университета: доцент И.В.Завьялова в своем курсе по историографии средних веков упоминала о работах ученого в контексте только что изданной работы А.Я. Гуревича[4]. Студенты, учившиеся в Одесском университете в 1960-1980-е годы, могли пользоваться многими публикациями П.М. Бицилли.

---

[1] Очерки истории исторической науки в СССР. T.IV. M., 1966. С.598, 594.

[2] Історія Одеського університету за 100 років/ Відп. ред. проф. О.І.Юрженко. Київ, 1968. С.332.

[3] *Бахчиванжи А.П.* Книги с автографами П.М.Бицилли в университетской библиотеке // Вісник ОНУ / Одеський національний ун-т. Одеса, 2010. Т.15, випуск 21.

[4] См.: *Демин О.Б.* П.М.Бицилли и одесская медиевистика // CURRICULUM VITAE. Сб. научных трудов. Вып.2: Творчество П.М.Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса, 2010. С.58. Об И.В.Завьяловой см.: Матеріали міжнародного круглого столу, присвяченого сторіччю з дня народження Ірини Володимирівни Зав'ялової (25 листопада 2011 р.) // Libra: Збірка наукових праць кафедри історії стародавнього світу та середніх віків / Під ред. І.В.Нємченко. Вип. II. Одеса, 2012. С.7-79.

Во второй половине 1960-х гг. имя П.М. Бицилли входит в дидактическую литературу. М.А. Бирман, сотрудник Института славяноведения (1950-1991), один из авторов учебника по историографии новой и новейшей истории, в главе 12 «Болгарская историография (1918-1944)» привел данные о П.М. Бицилли, русском историке-эмигранте, приглашенном в Софийский университет для чтения лекций по всеобщей истории и истории России – историческим дисциплинам, которые не имели прочных традиций в болгарской историографии. В своем новом учебнике по истории медиевистики О.Л. Вайнштейн опять упомянул имя своего университетского учителя[1].

Пробуждению внимания к творчеству П.М. Бицилли в странах Запада содействовали в первую очередь ученые-слависты из кругов российской и украинской эмиграции – В.М. Сечкарев, Д.И. Чижевский, Р.О. Якобсон и др., преподававшие в то время в западных университетах. Издание в 1966 г. в Мюнхене немецкого перевода работы П.М. Бицилли «Творчество Чехова», которое осуществил Винсент Зивекинг, ученик славистов В.М. Сечкарева и Дитриха Герхардта (Гамбург), способствовало росту интереса к ученому, однако его восприятие на Западе было ограничено филологической составляющей наследия П.М. Бицилли[2].

В конце 1960-х – начале 1980-х гг. в советской науке работы П.М. Бицилли становятся объектом изучения специалистов: историка-медиевиста А.Я. Гуревича (с его именем обычно связывают начало стойкого интереса к П.М. Бицилли среди медиевистов)[3], искусствоведа В.Н. Петрова[4], философа Э.Ю. Соловьева[5] и др.

В 1979-1980-е годы начал свои историко-медиевистические исследования Б.С. Каганович. Работая над кандидатской диссертацией «Петербургская школа медиевистики в конце XIX – начале XX века» (защищена в Ленинграде в 1986 г.), Б.С. Каганович пользовался консультациями А.П. Мещерского

[1] Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / Под ред. И.С.Галкина (отв. ред.), И.П.Дементьева, А.Д.Колпакова, А.Л.Нарочницкого, О.С.Сороко-Цюпы. М., 1968. С.205; *Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики: 1917-1966. Л., 1968. С.53, 66.

[2] См. подробнее: *Бирман М.А.* Етапы, вехи и парадоксы бициллиеведения (К постановке вопроса) // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С.282-284.

[3] Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972 и др.

[4] В.Н.Петров, одним из первых осваивавший в советской науке наследие ученого, писал: «Для многих работ П.М. Бицилли характерен исследовательский синтетизм, объединяющий в одном произведении литературоведческие, лингвистические, историко-культурные и историософские методы исследования. Это соединение представляет собой специфическую особенность творчества П.М. Бицилли». См.: *Петров В.Н.* Мир искусства // История русского искусства: В 10 т. М., 1968. Т. 10. Кн. 1. С. 474.

[5] *Соловьев Э.Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Вопросы философии. 1981. № 7. С. 115-126; *Он же.* Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С.19.

и М.П. Бицилли (1917-1996), дочери ученого[1].

В болгарской науке первые значительные публикации о П.М. Бицилли появились с рубежа 1970-х - 1980-х гг.: это юбилейные статьи (в первую очередь непосредственного ученика П.М. Бицилли – профессора Христо Гандева)[2], статьи в словарно-энциклопедических изданиях, в новой истории Софийского университета «Св. Климент Охридски», литературоведческие статьи в прессе, воспоминания и т.п.[3].

Значительная роль в профессиональном освоении творческого наследия П.М.Бицилли, в институционализации самого бициллиеведения, принадлежит профессору Софийского университета М.Н. Велевой, профессиональному историографу[4]. М.Н. Велева внесла значительный вклад в становление историографии как академической дисциплины в болгарской исторической науке: 1) с ее именем связана стабильная постановка с 1968 г. лекционного курса по историографии в Софийском университете (этот курс существует и поныне); 2) с 1976 г. по инициативе М.Н. Велевой началась подготовка аспирантов по новой дисциплине (с тех пор защитилось около десяти человек); 3) М.Н. Велева стояла у истоков нового направления в историографии – исследования главных идейных течений в Европе нового времени и их рецепции в болгарской исторической науке[5]; 4) с середины 1970-х гг. М.Н. Велева взяла интервью у своего учителя профессора Х. Гандева[6]; результатом публикации этих материалов явилось становление нового жанра в болгарской историографии – интервью историографа с историком, получившего развитие благодаря ее ученикам и их последователям; 5) с 1990-х гг. по инициативе М.Н. Велевой болгарские историки начали писать и издавать свои воспоминания:

---

[1] См. *Каганович Б.С.* Петербургская школа медиевистики в конце Х1Х – начале ХХ в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1986; *Он же.*. Русские медиевисты первой половины ХХ века. СПб., 2007. С.213.

[2] См.: *Гандев Хр.* Петър Михайлович Бицилли (По случай 100 години от рождението му) // Векове. 1980. № 2; *Он же.* Историкът и историята (Разговор с учения по случай 70-годишнината му) // Векове. 1978. № 2; *Он же.* Смомени, записани от *М.Велева.* Машинопис, 1978 // Сб. в чест на проф. д-р Христо Гандев. Изследвания по случай 75-годишнината от рождението му. София, 1985.

[3] См.: История на Софийския Университет «Климент Охридски» / Под ред. Г. Наумов. София, 1988. С. 88, 90-91, 94, 117, 162; Енциклопедия «България». Т.1. София, 1978. С.295; Бицилли, Петър Михайлович // Български историци. Биографично-библиографски справочник. София, 1981. С.48-49; П.М. Бицилли. // Алманах на Софийския университет «Св. Климент Охридски», Фототипно. Т. 1, А-З. 1988. С. 212-213; *Недков Здр.* Бахтин и неговата българска история // Литературен фронт. 1979, 7 юни; *Косев Д.* Винаги верен на принципа за търсене и защита на историческата истина // Юбилеен сборник в чест на академик Димитръ Косев. София, 1985 (о П.М.Бицилли с.18) и др.

[4] См.: *Дроснева Э.* Тропинки историографии в Болгарии // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2014. Вип. 13. С.60-73.

[5] *Велева М.* Как се пише история. Историографски студии. София, 2013. С. 47–158, 199–235, 285–384.

[6] *Велева М.* Историкът и историята. (Разговор с проф. Хр. Гандев по случай 70 години от рождението му) // Векове. 1978. № 3. С. 78–82.

появилось десять книг и ряд статей по историографической мемуаристике; 6) в начале 1980-х гг. в рамках Болгарского исторического общества была создана Комиссия по Историографии во главе с М.Н. Велевой, которая проводила ежемесячные семинары, национальные и международные конференции по истории и теории исторической науки, а соответствующие материалы публиковались в изданиях Болгарского исторического общества; 7) вслед за В.Н. Златарским, крупнейшим болгарским историком и историографом, М.Н. Велева и ее ученики исследовали процесс исторического познания в Болгарии в тесной связи с достижениями зарубежных историков[1]; 8) с работ М.Н. Велевой начался новый качественный этап в болгарской историографической персоналистике[2]; 9) несомненна роль М.Н. Велевой в формировании болгарского ландшафта бициллиеведения и проч.[3].

В конце 1980-х гг. появилась первая предметная статья о П.М. Бицилли Б.С. Кагановича[4]. Однако, опубликованная в Венгрии, она, к сожалению, не стала достоянием широких научных кругов.

В 1950-е – 1980-е годы наметились основные линии в развертывании бициллиеведческого процесса: 1) расширились жанры публикаций об ученом: предисловия и комментарии к переизданиям его трудов (в первую очередь на Западе); биографические справки в университетских изданиях, учебниках по историографии и т.п.; библиографические сведения в различного рода библиографических изданиях; юбилейные статьи; публикации мемуарного и эпистолярного характера; первые исследовательские статьи, первые диссертационные исследования и проч.; 2) вырос «индекс цитирования» в работах филологов, историков, философов, искусствоведов – определился интердисциплинарный интерес к творчеству П.М. Бицилли; 3) материалы о П.М. Бицилли вошли в университетские курсы на Западе, в Болгарии и СССР; 4) была предпринята попытка изучения творчества П.М. Бицилли в рамках специализированных структур – «Историографической комиссии» (Софийский университет) и др.

Тенденция «настойчивого приближения» к П.М. Бицилли особенно проявила себя на волне «гласности» в годы «перестройки». Тема «П.М. Бицилли» была поставлена в болгарской, российской и украинской историографии, к ней

---

[1] См.: *Велева М.* Как се пише история. Историографски студии. София, 2013. 543 с.; *Дроснева Э.* Санктпетербургские вехи болгаро-российского общения историков XIX–XXI вв. // Клио (СПб). 2013. № 12. С. 132–135; *Она же.* Срезневски, българите и България през 170 години // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Харков – София, 2013. Т. 6. С. 92 – 124; *Попнеделев Т.* Списание «Исторически преглед» (1945–1948). Към марксисткото преустройство на историческата наука в България. София, 2006. 281 с

[2] См.: *Велева М.* Димитър Страшимиров. Историографски очерк. София, 1972. 203 с.; *Она же.* Александър Бурмов. София, 1988. 176 с.; *Она же.* Как се пише история. Историографски студии. София, 2013. 543 с. и др.

[3] См.: *Любенова Лизбет.* Светът на Бицилли // Велева М. Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.8.

[4] *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли как литературовед: (К постановке вопроса) // Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest. 1988. T. 34. P. 205-222.

обратились исследователи из других стран, и итоги этих первых разведок не заставили себя ждать.

Третий период. Конец 1980-х - 1990-е гг.

В этот период под воздействием геополитических трансформаций, повлиявших на историографическую ситуацию, ученые стран Восточной Европы, а также представители научных кругов «диаспорных пространств» резко изменили фокус своего исследовательского интереса: фигура П.М.Бицилли оказалась в эпицентре различных историографических мотиваций. Кризис идентичности и поиски социокультурной, политико-идеологической и историографической самоидентификации во многом детерминировали «Ренессанс» бициллиеведческой тематики в болгарском, российском и украинском научном поле.

1990-е годы не только сформировали главный объект анализа (появился массив разнообразных переизданий трудов П.М. Бицилли, были активно включены в исследовательскую работу сохранившиеся в библиотечных фондах разных стран оригинальные издания), но и определили основные направления бициллиеведческих исследований: археографическое, биографическое, литературоведческое, лингвистическое, культурологическое, проблемно-историческое и т.п.

Среди особо значимых показателей бициллиеведческого процесса на этом этапе можно выделить следующие: *Во-первых*, активное переиздание работ П.М. Бицилли в Болгарии[1] и России[2]. Труды ученого и

[1] *Галчева Т., Манолакев Хр., Петкова Г.* Непубликувани писма на И.А.Бунин до проф. П.М.Бицилли // Век 21. 1991. № 18, 1-7 май; *Галчева Т.* П.М.Бицилли – опыт возвращения // П.М.Бицилли. Избранное: Историко-культурологические работы: В 2-х т. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н.Галчевой, Г.П.Петковой, Хр.П.Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София, 1993; *Пантев А.* Завръщането на професор Бицилли // Увод в изучаването на новата и най-новата история (Опит за периодизация). София, 1993. С. У – УШ; *Он же.* Предговор // Бицилли Петър. Основни насоки в историческото развитие на Европа. От началото на християнската ера до наше време. София, 1993. С. VI – VII; *Дочев Д.* Пьотр Михайлович Бицили // Бицили П. М. Европейската култура и Ренесансът: Избрани студии. София, 1994. С. 9 - 46; *Он же.* Приложение (П.М.Бицили и «Руските формалности») // Бицили П.М. Класическото изкуство. Стилови изследвания. София, 1995. С. 311 – 316; *Казаков Г.* За поредицата «Исторически етюди» // Бицили П. М. Европейската култура и Ренесансът: Избрани студии. София, 1994. С. 3-7; *Коев М., Делев Д.* Corpus epistolarum. Писма на П. Мутафчиев, П.М. Бицилли, В. Златарски до Ив. Дуйчев // Свободна книга. Специален брой за 10-год. На Център «Акад. Ив. Дуйчев». Бр. 1-4, год. VII. София, 1996. С. 10-11 и др.

[2] *Бицилли П.М.* Статьи: История. Культура. Литература (Вступительная статья *В.А.Туниманова*) // Русская литература. 1990. № 2. С. 134-138; *Анненкова И.В.* Вступ. ст. к публ.: Бицилли П.М. Нация и язык // Известия Российской АН. Серия: Лит и яз. М., 1992. Т. 51. С. 68-70; Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: антология / Ред., сост. *Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская.* М., 1993; *Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры / Предисл. *Б.С. Кагановича*, коммент. *А.Г. Федорова, Ю.Ю. Гудыменко.* СПб., 1995. С. VII-XXVII; *Бицилли П.М.* Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисл. и коммент. *Б.С. Кагановича.* СПб., 1996. С. VII—XIII; *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии / Отв. ред. и автор предисл. *В.Н.Ярцева*; сост., подгот. текста и коммент. *В.П.Вомперского* и *И.В.Анненковой*; вступ. ст. *В.П.Вомперского*. М., 1996; *П.М.Бицилли*. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. *М.А.Васильевой*. М., 2000 и др.

эпистолярия выходили в специальных сборниках персонологического и тематического характера, в научной и публицистической периодике, отдельными изданиями и сопровождались предисловиями (послесловиями, комментариями и т.п.), в которых приводились биографические сведения, фрагменты писем, документов личного происхождения и давались историографические оценки.

Во-вторых, приоритетной среди новых направлений исследований на Западе, в Болгарии и России стала история эмиграции (в том числе – научной), в контексте которой рассматривалась роль П.М. Бицилли как представителя российских эмигрантских кругов, в частности в Болгарии[1]. Эта проблематика способствовала появлению и специальных библиографических и справочных изданий[2].

Таким образом, *в-третьих*, в России появились более расширенные библиографии по сравнению с опубликованным С.С.Дмитриевым списком трудов П.М. Бицилли, составленным Хр. Христовым. В аннотированном указателе «Русская эмиграция о русском языке» (1993) Л.М.Грановская привела 17 (преимущественно филологических) работ П.М. Бицилли. В монографии П.Т. Пашуто (1992), пожалуй, первом систематизированном труде об историках-эмигрантах, представлен список из 16 работ П.М. Бицилли по истории за 1923-1940 гг. Наиболее полной к середине 1990-х гг. стала библиография, составленная И.В. Анненковой и В.П.Вомперским[3]. По мнению Б.С. Кагановича, в ее основе была одна из копий «Биобиблиографии» А.П. Мещерского, хотя авторы приводят иные источники ее составления[4].

В-четвертых, вышли в свет работы, проблемно охватывающие весь творческий путь ученого (или часть его), в которых предлагалось авторское осмысление научного наследия П.М. Бицилли, формулировались оценки от-

---

[1] *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; *Горяинов А.Н.* Из забытых «мелочей» журнала «Славянски глас» (1919-1933) // Славяноведение. 1992. № 4; *Он же.* Культурно-просветительские организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30 - х годов XX века) // Славяноведение. 1994. № 4; *Манолакев Хр.* Из историята на руската емиграция в България (Проф. Петър М. Бицили и Чудомир) // Летописи. София. 1994. № 11 – 12; *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939. М., 1994; *Велева М.* Руската университетска емиграция и България // Дарителите Евлогий и Христо Георгиеви. София, 1998 и др.

[2] См.: *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992 [список трудов П.М.Бицилли – с.119]; Русское зарубежье. 1917 – 1991: Каталог изданий из фонда библиотеки-архива / Дом Марины Цветаевой. М., 1992; *Грановская Л.М.* Русская эмиграция о русском языке. Аннотированный библиографический указатель (1918-1992). М., 1993.

[3] Библиография трудов П.М.Бицилли // *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии / Отв. ред. и автор предисл. *В.Н.Ярцева*; сост. и коммент. *И.В.Анненковой* и *В.П.Вомперского*; вступ. ст. *В.П.Вомперского*. М., 1996. С.673-692.

[4] См.: Там же. С.673; *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007. С.213.

дельных линий его исследований[1]. Более фундаментальными стали биографические статьи в справочно-энциклопедических изданиях[2]; увеличилось количество учебной литературы с включением трудов П.М. Бицилли[3]. В российской печати появились публикации болгарских исследователей[4].

В Украине 1990-е годы также были отмечены публикацией статей болгарских исследователей – Г. Казакова (1995) и М. Велевой (1996)[5]. В статье М. Велевой «Из архивното наследство на П.М. Бицилли» (Харьков-София, 1996) впервые был дан историографический обзор бициллиеведческих изданий в Болгарии и частично в России, а также опубликован ряд документов личного происхождения (письма, заявления, прошения, автобиографии).

К этому времени тема «Бицилли» в украинской историографии предметно поставлена не была. Обращение к его личности и трудам происходило в контексте изучения конкретных проблем: изучения дисциплинарной истории историографии[6]; истории науки в Одессе и истории Одесского (Новороссий-

---

[1] *Галчева Т.* Проф. П.М.Бицилли (Не)забравеният. Век 21. 1991. 10-16 април; *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли как историк средневековой и ренессансной культуры // Культура Возрождения и средние века. М., 1993. С. 186-197; *Он же.* П.М.Бицилли как историк культуры // Одиссей. Выпуск 1993. Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 256-271; *Он же.* Русские историки западного средневековья и нового времени (конец XIX – первая половина XX в.): Дис. … докт. ист. наук. СПб., 1995; *Велева М.* П.М.Бицилли и историческата наука // *Бицили П.* Очерци върху теорията на историческата наука. София, 1994. С.5-22; *Она же.* П.М.Бицили в Софийския университет // Минало. 1995. № 1. С.81-92; *Вомперский В.П.* Взгляды П.М. Бицилли на историю русского литературного языка // Филологический сборник: (К 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова). М., 1995. С. 99-106; *Анненкова И.В.* М.М. Бахтин и П.М. Бицилли: Два взгляда на роман Ф.М. Достоевского. Бахтинские чтения. Орел, 1997. Вып. 2. С. 172-174; *Бирман М.А.* П.М.Бицилли (1879-1953) // Славяноведение. 1997. № 4. С. 49-63; *Он же.* Бицилли-пушкинист: (Заметки к библиографии ученого) // После юбилея. Jerusalem, 2000. С. 5-28; *Герасименко А.А.* Проблемы исторического синтеза в понимании теории исторической науки П.М. Бицилли // Гуманитарное знание: Ежегодник. Омск, 1998. Вып. 2. Кн.1. Исторические исследования. С. 13-16.

[2] *Васильева М.* Бицилли Петр Михайлович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997; *Каганович Б.С.* Бицилли Петр Михайлович (1879 – 1953) // Культурология. XX век: Энциклопедия. Т. 1. СПб., 1998. С. 76-77; *Чолов П.* П.М.Бицилли // Български историци. Биографично – библиографски справочник. София, 1999; *Алексеев П.В.* Бицилли // Философы России X1X-XX столетий: Биографии. Идеи. Труды. М., 1999. С.105-106 и др.

[3] *Почепцов Г.Г.* История русской семиотики до и после 1917 года. Учебно-справочное издание. М., 1998 (о П.М.Бицилли – с.147-157); Философия истории / Под ред. проф. *А.С.Панарина.* М., 1999; *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Русская философия истории: Курс лекций. М., 1999 и др.

[4] *Галчева Т.* Один из немногих: Памяти проф. П.М. Бицилли // Рус. рубеж: Спец. выпуск Еженедельника «Литературная Россия». М., 1992. № 2 (14). С. 22.

[5] *Казаков Г.* Петро Біціллі // Київська старовина. 1995. № 1. С. 79-81; *Велева М.* Из архивното наследство на П.М.Бицилли // Български ежегодник. Т.2. Харьков-София, 1996. С.201-221.

[6] *Попова Т.Н.* Историография в системе исторического образования в Новороссийском университете (2-я пол. X1X - нач. XX вв.) // Тезисы Второй областной историко-краеведческой научно-практической конференции, посвященной 200-летию основания Одессы и 25-летию создания Украинского общества охраны памятников истории и культуры. Одесса, 1991. С.168-170; *Она же.* О преподавании историографии всеобщей

ского) университета[1]; истории греческой колонизации и греческой диаспоры в Новороссийском крае; истории международных отношений[2] и т.п. Пожалуй, первой культурологической публикацией в Украине, посвященной творчеству П.М. Бицилли, была статья В.А. Левченко (Одесса)[3].

В 1999 г. на базе исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова были проведены III Историографические Чтения, посвященные 120-летию со дня рождения П.М. Бицилли (председатель Оргкомитета – профессор В.Н. Станко, декан факультета, заместитель

истории в Новороссийском университете в начале XX века // Актуальные проблемы исследования и преподавания новой истории стран Западной Европы и Америки. Одесса, 1992. С.37-42; *Она же.* Из истории историографии: П.М.Бицилли // Історія науки і техніки: проблеми дослідження, викладання, гуманізації освіти. Тези доповідей Всукраїнської науково-методичної конференції. Дніпропетровськ, 1994. С.71-72; *Она же.* Становление историографии как специальной исторической дисциплины: некоторые аспекты проблемы // Российские университеты в Х1Х - начале XX века. Сб. научных статей. Воронеж, 1996. С.44-55.

[1] *Добролюбский К.П.* В Новороссийском университете / Публ. *А.О.Добролюбского* // Одесский вестник. 1994. 12 февраля. № 22; 19 февраля. № 26; *Добролюбский К.П., Добролюбский А.О., Добролюбская Ю.А.* Семейный архив. Очерки. Одесса, 2004; *Попова Т.Н.* Из истории Новороссийского университета: П.М.Бицилли // Одесі – 200. Матеріали Міжнародної науково-теоретичної конференції, присвяченої 200-річчю міста. Частина II. Одеса, 1994; *Аппатов С.И., Демин О.Б., Першина З.В.* Историческая наука в Одессе за 200 лет // Очерки развития науки в Одессе. Одесса, 1995; *Попова Т.Н., Станко В.Н.* Исторические исследования в Одесском университете: традиции и современность // Вестник Одесского государственного университета. Вып. 1. Одесса, 1995; *Попова Т.Н., Максименко И.В.* Биоисториографические этюды. Евгений Николаевич Щепкин. Забытое имя: В.Э.Крусман. Петр Михайлович Бицилли (1879-1953) // Одеський університет. 1995. №№ 6-9, 12 травня; №№ 14-17, 28 червня; *Александров А.В., Паньков А.И.* Об изучении средневековой культуры в Новороссийском (Одесском) университете // Вісник Одеського державного університету (гуманітарні науки). 1997. № 1; Евгений Николаевич Щепкин (1860 - 1920): Биобиблиографический указатель / Сост.: *И.В. Максименко, В.В. Самодурова*; Науч. ред. *Т.Н.Попова.* Одесса, 1998; *Попова Т.Н., Максименко И.В.* Профессор Новороссийского университета П.М.Бицилли в украинской и болгарской историографии // Україна і Болгарія: віхи історичної дружби. Міжнародна конференція, присв. 120-річчю визволення Болгарії від османського іга. 30-31 жовтня 1998 р. Одеса, 1998; *Попова Т.Н., Максименко И.В.* Судьбы ученых: из истории Новорооссийского университета (биоисториографические этюды) // Российские университеты в XVIII - XX веках. Сб. научных статей. Вып. 4. Воронеж, 1999; Історія Одеського університету (1865-2000) / Гол. ред. В.А.Сминтина. Одеса, 2000 и др.

[2] *Сапожников И.В., Белоусова Л.Г.* Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века): Монография. Одесса; Ильичевск, 1999; *Буковский В.Я.* Горькая правда. Исторический очерк села Бицилово и района. Раздельная, 1998; *Попова Т.Н.* К биографии П.М.Бицилли: из истории греческой диаспоры в Одессе //Україна - Греція: історична спадщина і перспективи співробітництва (м. Маріуполь, 27-29 травня 1999 року). Зб. наукових праць міжнародної науково-практичної конференції. 1 том (частина І). Маріуполь, 1999; *Павленко В.В.* Українсько-болгарські взаємини. 1918-1939 р.р. Київ, 1995 и др.

[3] *Левченко В.А.* Культура как духовный контекст эпохи в работах П.М.Бицилли // Труды семинара по герменевтики. Одесса, 1999. Вып.1. С.209-220; *Он же.* Методологическая рефлексия в философии культуры П.М.Бицилли. Отечественная философия: русская, российская, всемирная. Материалы V рос. симпозиума историков рус. философии. Н.Новгород, 1998. С.169-171.

председателя Оргкомитета – Т.Н. Попова)[1]. Эта была первая региональная бициллиеведческая конференция, в которой приняли участие представители вузов, музеев и других научных и культурно-просветительских учреждений г.Одессы, краеведы из области (В.Я. Буковский, Раздельная); на конференции присутствовал Сергей Владимирович Бицилли – внук Михаила Михайловича, младшего брата П.М. Бицилли. Несмотря на то, что материалы конференции были опубликованы не специальным изданием, а вышли в различных сборниках статей, эта конференция сыграла определенную роль в популяризации творчества П.М. Бицилли в Украине. К открытию Чтений в одесских газетах вышли юбилейные статьи[2].

В газетной статье «Возвращение Бицилли» (Т.Н. Попова, 1999) был предпринят экскурс в историографию бициллиеведения, названы имена исследователей творчества П.М. Бицилли в Болгарии, Израиле, России, США, Украине, представлен очерк одесского периода жизни ученого, основанный на архивных данных, впервые вводимых в научный оборот. В 2000 году эти материалы были опубликованы в двух статьях («К биографии П.М. Бицилли: Из истории одесского периода жизни ученого» и «Из истории историографии: П.М. Бицилли. К 120-летию со дня рождения») в изданиях Воронежского университета[3], а новые факты биографии ученого вошли в «Биографический словарь профессоров Одесского (Новороссийского) университета» (2000)[4].

Таким образом, *в-пятых,* с 1990-х гг. можно говорить о начале саморефлексии среди бициллиеведов, о первых подходах к анализу бициллиеведческой историографии (М. Велева, М.А. Бирман, Б.Г. Каганович и др.).

В-шестых, в это десятилетие значительно расширилась география исследователей творчества П.М.Бицилли: Болгария, Европа, Израиль, Россия, США, Украина.

---

[1] См. об этом: *Зленко Г.* Историографические чтения // Вечерняя Одесса. 1999. 25 декабря; *І.В.Максименко, В.М.Хмарський.* Історіографічні читання // Записки історичного факультету / Одеській національний університет імені І.І.Мечникова. Одеса, 1999. Вип. 9; *Бачинська О.* Історіографічні читання // Там же. Одеса, 2000. Вип. 10.

[2] *Чопп И.* Наш земляк – профессор П.М.Бицилли (К 45-летию со дня смерти) // Юг. 1998. 29 сентября; *Зленко Г.* Начало одной биографии. К 120-летию со времени рождения профессора П.М.Бицилли // Вечерняя Одесса. 1999. 2 ноября; *Попова Т.Н.* Возвращение Бицилли // Вестник региона.1999.10, 17 декабря, №№ 48-49.

[3] *Попова Т.Н.* К биографии П.М.Бицилли: Из истории одесского периода жизни ученого // Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Вып. 5. Воронеж, 2000. С.34-45; *Она же.* Из истории историографии: П.М.Бицилли. К 120-летию со дня рождения // Российские университеты в ХУШ – ХХ веках. Сб. научных статей. Вып. 5. Воронеж, 2000. С.200-216. Публикация этих статей была осуществлена благодаря поддержке *Владимира Ивановича Чеснокова* (1939-2000), заведующего кафедрой отечественной истории и историографии, основоположника школы историографов-русистов в Воронежском университете, организатора и главного редактора первого в России специального издания по истории университетов «Российские университеты в XVIII-XX вв.».

[4] *Попова Т.М.* Біціллі Петро Михайлович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Том 2. А-І.Одеса, 2000. С.112-115.

Четвертый период: 2000-е годы

Новое тысячелетие в развитии бициллиеведения было ознаменовано новыми качественными чертами, в первую очередь – выходом обобщающих трудов историографов. В 2004 г. была опубликована книга «Българската съдба на проф. П.М. Бицилли» (Изд-во «Гутенберг», София, 2004. 162 с.) как итог творческих исканий профессора М.Велевой. Книга, получившая высокую оценку в российской историографии[1], структурно включила исследовательские статьи М. Велевой за 1994-2003 гг. Важной новацией явился последний раздел – «Библиография»: впервые наряду с трудами П.М. Бицилли, изданными в Болгарии в 1990-2003 гг., была опубликована бициллиеведческая библиография за 1939-2003 гг. из 33 позиций. В нее вошли работы болгарских авторов, российских /В.А. Туниманова, Б.С. Кагановича, В.П. Вомперского, М. Васильевой/, израильских /М.А. Бирмана/, украинских /Т.Н. Поповой/ (с.159-162).

В 2006 г. появляется фундаментальное издание «П.М. Бицилли. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад» (Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М., 2006. 808 с.). В это издание наряду с публикацией работ П.М. Бицилли (удачной подборкой из трудов ученого одесского периода и ряда статей периода эмиграции, ориентированных на заявленную в названии сборника проблему) вошел объемный биографический очерк (с. 633-718) «П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого», написанный профессором М.А. Бирманом. Автор, основываясь на значительной фактуальной базе (включая материалы личного архива, составленного из документов, писем, воспоминаний и проч. родственников и друзей П.М. Бицилли), представил многогранный образ ученого, показал эволюцию его творчества, дал всестороннюю оценку научному наследию П.М. Бицилли.

Наряду с первой полноценной биографией П.М. Бицилли, охватывающей всю его творческую жизнь, в данное издание вошла наиболее полная на сегодняшний день биобиблиография, составленная А.Н. Горяиновым / Москва / и М.А. Бирманом / Израиль /. Библиография включила разнообразные рубрики, в том числе специальный раздел – «Литература о П.М. Бицилли. Статьи. Материалы к биографии. Предисловия» (хронологический диапазон 1949-2003), а также библиографию библиографии (с.733-778).

В 2007 году вышла монография профессора Б.С. Кагановича «Русские медиевисты первой половины XX века» (Санкт-Петербург, 2007), в которой П.М. Бицилли был посвящен третий раздел (с.163-230). Объединение трех портретов – И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рождественской и П.М. Бицилли – в одной книге означало исходную концептуальную идею автора о близости творчества Петра Михайловича к историко-культурологической школе санкт-

[1] *Горяинов А.Н.* [Рецензия] М.Велева. Болгарская судьба профессора П.М. Бицилли // Вопросы истории. 2006. № 7. С.171-174.

петербургских медиевистов. Объектом анализа Б.С. Кагановича стало не только наследие П.М. Бицилли как историка, но и историко-литературные и литературно-критические статьи ученого. Важным в связи с этим представляется вывод Б.С. Кагановича: «В основе литературоведческих работ П.М. Бицилли лежат те же методологические принципы и подходы, которые он применял как историк и которые проистекали из его исторического и философского мировоззрения» (с.197).

Эти книги стали значительным событием в развитии бициллиеведения, оказав влияние на расширение его контуров и способствуя появлению новых исследовательских граней.

Если 1980-е и 1990-е годы были отмечены только диссертациями Б.С. Кагановича, в которых автор обратился к наследию П.М. Бицилли, то в десятые годы в диссертациях Л.А. Сыченковой, А.А. Морозова, М.Н. Рудмана, Н.И. Ашуровой, М.А. Васильевой и др. фигура и творчество П.М. Бицилли стали объектом предметного анализа[1]. Многочисленные сайты Интернета свидетельствуют о том, что в диссертационных работах обращение к трудам П.М. Бицилли практически становится нормативом. К бициллиеведческой тематике активно приобщается новое поколение исследователей творчества П.М. Бицилли[2].

Значительно расширилась источниковая база бициллиеведения. Наряду с публикацией эпистолярного наследия П.М. Бицилли[3] появилось новое, много-

[1] *Сыченкова Л.А.* Культура Западной Европы: российский опыт историографического осмысления (вторая половина XIX - 30-е гг. XX вв.): Дис. … докт. ист. наук. М., 2001; *Морозов А.А.* Русская медиевистика в эмиграции: Л.П.Карсавин, П.М.Бицилли, Н.П.Оттокар: Дис. … канд. ист. наук. Омск, 2001; *Рудман М.Н.* Концепция исторического синтеза в творчестве Л.П.Карсавина и П.М.Бицилли: Дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2002; *Ашурова Н.И.* Культурно-историческая концепция П.М.Бицилли: Дис. … канд. ист. наук. Томск, 2004; *Васильева М.А.* Проблематика индивидуальности в трудах П.М.Бицилли: Дис. … канд. филолог. наук. М., 2009 и др.

[2] *Шувалов В.И.* Особенности средневекового восприятия мира в работах П.М. Бицилли» // От современности к постмодерну. Сб. статей. Пенза, 2000. С. 77-83; *Бичурина Н.И.* Категория культуры в общеисторической концепции П.М. Бицилли // III сибирская школа молодого ученого. Томск, 2001. Т. 4. С. 188-193; *Повилайтис В.И.* Философия истории и культуры П.М. Бицилли // Культурный слой. Вып. 6. Проблемы рус. философии и культуры. Калининград, 2003. С. 4351; *Рачковский Д.В.* Петр Михайлович Бицилли и его «Очерки теории исторической науки» // Культурный слой. Вып. 4. Философия русского зарубежья (исследования и материалы). Калининград, 2004. С. 31-37; *Батурин А.П.* Проблемы менталитета человека Средневековья в исследованиях Л. П. Карсавина и П. М. Бицилли // Медиевистика XXI в.: проблемы методологии и преподавания. Вып. 1. Кемерово, 2004 и др.

[3] *Бицилли П.М.* Письма к П.Н. Савицкому / Публ. подгот. текста, примеч. и вступ. ст. Б.С. Кагановича // Диаспора: Новые материалы. Вып. 2. СПб., 2001. С. 291-299; *Бицилли П.М.* Письма к А.Л. Бему / Публ., подгот. текста, примеч. М. Бубениковой (Прага) и Г. Петковой (София) // Новый журнал. 2002. Кн. 228. С. 122-128; *Герашко Л.В., Кудрявцев Б.В.* Фонд профессора Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005-2006 г. СПб., 2009; *Галчева, Т., Петкова. Г.* Писма на проф. П. М. Бицили до акад. Ив.Дуйчев // Годишник на Софийския университет "Св.Климент Охридски". Център за славяно-византийски проучвания "Иван Дуйчев". Том 97 (16). София, 2011. С. 337-354.

томное издание, в котором были систематизированы все работы Петра Михайловича, напечатанные в литературном и общественно-политическом журнале русской эмиграции – «Современные записки» (Париж, 1920-1940), а также его переписка с редакцией. В фундаментальной статье профессора М.А. Бирмана представлена история сотрудничества П.М. Бицилли с редакцией журнала «Современные записки» и дан анализ шести блоков публикаций ученого (по проблемной систематизации, предложенной автором статьи)[1].

Болгарское бициллиеведение в 2000-е годы получило новый импульс: в публикациях историков, культурологов, философов и филологов творческое наследие П.М. Бицилли обрело многогранность восприятия[2]. Болгарское электронное издательство «Литернет» в 2003 г. подготовило специальную электронную страницу «Бицилли». К юбилею ученого (2004) издательство выпустило книгу на электронном носителе с литературоведческими работами П.М. Бицилли. В названии электронного сборника – «Салимбене и Пушкин» – авторы стремились обратить внимание на диапазон исследовательских интересов П.М. Бицилли: романское Средневековье (специализация ученого) и русская литературная традиция, символом которой является А.С. Пушкин[3].

Бициллиеведческую литературу украинских исследователей 2000-х гг. по проблемно-дисциплинарному принципу можно условно разделить на шесть блоков. К первому блоку относятся работы, в которых фигура Бицилли рассматривается в определенном контексте: истории институционализации исторической науки в Украине[4], истории Одесского (Новороссийского)

---

[1] *Бирман М.А.* Проф. П.М. Бицилли и «Современные записки» //«Современные записки» (Париж, 1920-1940): Из архива редакции: В 4 т. / Под ред. *Олега Коростелева* и *Манфреда Шрубы*. М., 2012. Т. 2; Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920-1940). Сборник статей и материалов / Под редакцией *Олега Коростелева и Манфреда Шрубы*. М., 2010; «Современные записки» (Париж, 1920-1940). Из архива редакции / Под редакцией *Олега Коростелева и Манфреда Шрубы*. М., 2011. Т.1. 952 с.

[2] *Тончев Ал.* Петр Михайлович Бицилли и понятие «исторический синтез» // Бялата емиграция в България. София, 2001; *Делчев Кр.* Мирогледът на Бицилли // Петър Бицилли. Малки творби. София, 2003; *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004; *Любенова Л.* Моите разговори // Доайенът: Юбилеен сборник, посветен на 100 годишната на проф. Николай Михайлович Дилевски. София, 2004; *Петкова Г.* Болгарская судьба русского ученого Петра Бицилли // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. Автор идеи и сост. *С.А.Рожков* / Русский Академический Союз в Болгарии. София, 2009. С.56-57; *Григорова Д.* Петр Бицилли и евразийство // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С.303-308 и др.

[3] См.: *Петкова Г.* Металитературный проект П.М. Бицилли: между Салимбене и Пушкиным // Rossica (Прага), 2007. С. 115-122; Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. Автор идеи и сост. *С.А.Рожков* / Русский Академический Союз в Болгарии. София, 2009. С.57.

[4] См.: *Потульницький В.А.* Україна і всесвітня історія: Історіософія світової та української історії XVII-XX століть. К., 2002; *Стельмах С.* Історична наука в Україні епохи класичного історизму. XIX – початок XX століття. Київ, 2005.

университета[1]; второй блок – биоисториографические работы[2]; третий – культурологические исследования[3]; четвертый – работы, посвященные проблемам истории и теории бициллиеведения, первым бициллиеведам[4]; пятый – исследования по схоларной проблематике[5]; шестой – публикации по вопросам микросоциума – окружения П.М. Бицилли[6].

---

[1] *Дьомін О.* Вивчення та викладання всесвітньої історії в Одесі в XIX-XX ст. // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Вип. 15. Серія: Історичні науки. Номер 1. Чернігів, 2002; *Попова Т.Н.* Проблемно-дисциплинарная структура исторических исследований в Новороссийском университете // Российские университеты в XVIII-XX веках: Сб. научных статей. Вып.7. Воронеж, 2004; *Нємченко І.В.* Проблеми середньовічної культури в дослідженнях науковців Новоросійського університету // Записки історичного факультету / Одеській національний університет імені І.І.Мечникова. Вип. 16. Одеса, 2005; *Бахчиванжи А.П.* Книги с автографами П.М.Бицилли в университетской библиотеке // Вісник ОНУ / Одеський національний ун-т. Одеса, 2010. Т.15, випуск 21 и др.

[2] *Попова Т.Н.* П.М.Бицилли: из истории жизни и творчества // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Зб. наук. праць. Число 10. У двох частинах. Ч. 2. К., 2003; *Она же.* Образ университетского профессора: П.М.Бицилли // Харківський історіографічний збірник. Вип. 7. Харків, 2004; *Она же.* Приближение к П.М.Бицилли: заметки и ремарки (К 130-летию со дня рождения) // Одесская болгаристика. Научный ежегодник. 2007-2008. № 5-6; *Шумейко Д.А.* Проблемы периодизации новой и новейшей истории в творчестве П.М.Бицилли // Российские университеты в XVIII-XX веках. Сб. научных статей. Воронеж, 2002. Вып. 6; *Он же.* Публикации П.М.Бицилли на страницах «Известий Одесского библиографического общества» // Записки історичного факультету / Одеській національний університет імені І.І.Мечникова. Вип.10. Одеса, 2000; *Он же.* Болгарський період життя та творчості П.М.Біціллі // Там же. Вип.11. Одеса, 2000; *Он же.* Рецензії як жанр наукової творчості П.М.Біціллі // Там же. Вип.12. Одеса, 2002 и др.

[3] *Александров А.* П.М.Біціллі - історик та теоретик середньовічної культури // Історико-літературний журнал. 2004. № 10; *Он же.* П.М.Бицилли – культуролог // Аркадия. 2004. № 1; *Найдорф М.И.* К постижению логики Ренессансного кризиса // Сб. научных трудов кафедры культурологии и искусствоведения Одесского национального политехнического университета. Вып. 5. Одесса, 2002; *Он же.* Наблюдения над одной статьей П.М.Бицилли // "МОРІЯ". Альманах. № 11. Одесса, 2010 и др.

[4] *Попова Т.Н.* Фундаторы бициллиеведения: М.Н. Велева, М.А. Бирман // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2008. Вып. 10; *Она же.* П.М. Бицилли в исследовательском пространстве России, Украины и Болгарии (К 130-летию со дня рождения ученого) // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Брянск, 2009; *Она же.* Бициллиеведение: историографический контур // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009; *Она же.* Бициллиеведение – новый исследовательский ландшафт в историографии Украины (К 130-летию со дня рождения П.М.Бицилли // Історіографічні дослідження в Україні / Голова редколегії В.А.Смолій; відп. ред. О.А.Удод. Київ, 2010. Вип. 20; *Шумейко Д.А.* П.М.Бицилли в болгарской историографии // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2002. Вып.5 и др.

[5] *Демин О.Б.* Поиски историографических корней: П.М.Бицилли и А.М.Клитин // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009; *Попова Т.Н.* П.М.Бицилли: проблема наставников и школы (К 130-летию со дня рождения) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П.Корзун, А.В.Якуба. Вып.5. Омск, 2009.

[6] *Попова Т.М., Немченко І.В.* Крусман Володимир Едуардович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Том 3. К-П. Одеса, 2000; *Шевчук Н.А.* В.Э.Крусман и его научно-педагогическая деятельность // Вопросы германской истории. Сб. научных трудов. Дніпропетровськ, 2001; *Музичко О.* Інтелектуальне співтовариство одеських істориків на зламі X1X-XX ст.: лінії суперництва і співпраці // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 4. Київ, 2009; *Попова Т.Н.* В.Э.Крусман: новое прочтение // Древнее Причерноморье. Вып. VIII / Под ред. *И.В. Немченко* и др. Одесса, 2008; *Немченко И.В.* Преодолевая стереотипы: П.М.Бицилли и В.Э.Крусман в одесский период творчества // CURRICULUM VITAE. Сб. научных трудов. Вып.2: Творчество П.М.Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса, 2010 и др.

По жанровому принципу – это разделы монографий[1], статьи в научных сборниках, словарно-энциклопедических изданиях[2], в периодической печати[3], материалы конференций[4], дидактическая литература[5].

Наибольший контингент бициллиеведов – из Одессы. Это неудивительно, т.к. Одесса – родной город ученого, в котором прошли первые сорок лет его жизни; в библиотеках и архивах города сохранились ранние издания работ П.М. Бицилли и биографические материалы. Немаловажен и тот факт, что П.М. Бицилли принадлежит к числу ученых, которыми вправе гордиться Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова.

В сентябре 2007 г. в рамках международной конференции «Болгары в Северном Причерноморье» состоялся Круглый стол «Бициллиеведение в международном интеллектуальном пространстве: состояние и перспективы», участниками которого стали представители болгарского (М. Велева, Д. Григорова), украинского (Киев, Харьков, Одесса) бициллиеведения, а также профессор М.А. Бирман (Израиль). Эта встреча бициллиеведов стала новым шагом в расширении бициллиеведческой тематики, постановке теоретических проблем исследования интеллектуальной биографии П.М. Бицилли[6].

1-2 октября 2009 г. в Одесском национальном университете имени

[1] *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. С. 327-452. [Раздел 6. «Судьбы ученых. Петр Михайлович Бицилли: "Исход" и возвращение»].

[2] *Зленко Г.Д.* Біціллі Петро Михайлович // Енциклопедія Історії України. Т.І. А-В. К., 2003; *Попова Т.Н.* Біціллі Петро Михайлович. 1879-1953 // Одеські історики. Том.І. Енциклопедичне видання. Одеса, 2009 и др.

[3] Гений места / Подбор материала *Сарры Песчанской* // Мигдаль Times. № 99, 2008/5769. URL: http://www.migdal.ru/times/99/17529/ и др.

[4] *Попова Т.Н., Шумейко Д.А.* Проблемы медиевистики в творчестве П.М.Бицилли одесского периода // Середньовічна Європа: погляд з кінця XX ст.: Матеріали Міжнародної наукової конференції. Зб. наукових статей / Чернівецький державний університет ім. Ю.Федьковича; Інститут українознавства ім. І.Крип'якевича. Чернівці, 2000; *Шумейко Д.А.* Материалы к биографии П.М.Бицилли в фондах Государственного архива Одесской области // Архів. Документ. Історія. Сучасність: Праці Державного архіву Одеської області. Т.IV. Одеса, 2001; *Он же.* Е.Н. Щепкин о П.М.Бицилли // Каразінські читання (історичні науки): Матеріали міжнародної наукової конференції 25 квітня 2008 р. Харків, 2008; *Он же.* Творческое наследие П.М.Бицилли: одеський период // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009; *Левченко В.* Концепция реформы высшей школы П.М.Бицилли (На основе статьи «Демократия и школа») // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009 и др.

[5] *Бойченко І.В.* Філософія історії: Підручник. Київ, 2000; *Найдорф М.И.* Введение в теорию культуры: Основные понятия культурологии. Одесса, 2005 и др.

[6] См.: Український історичний журнал. 2008. №.1; Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний ред. В.Смолій; відп. ред. І.Колесник. Інститут історії України НАН України. Вип. 3. Част. 1. Київ, 2008; Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С.279-344.

И.И. Мечникова состоялись международные научные чтения, посвященные 130-летию со дня рождения П.М. Бицилли. Инициатором чтений стал Научно-исследовательский и образовательный центр имени Г. Флоровского (философский факультет ОНУ). Состав участников приобрел новые географические контуры: Одесса, Киев, Москва, Санкт-Петербург, Казань, Пермь, Ашдод (Израиль), София (Болгария), Кишинев (Молдова) и др.; расширилось дисциплинарное представительство: среди докладчиков – историки, философы, культурологи. Тематика докладов была сконцентрирована в трех проблемных блоках: «Современное состояние бициллиеведения», «Линии преемственности/разлома традиций медиевистики, связанных с именем П.М. Бицилли», «Традиция и сегодняшний день: "Линия П.М. Бицилли" в современных исследованиях». Чтения отразили новый качественный этап в развитии бициллиеведения в целом и его украинского ландшафта[1]. Главный координатор Чтений – О.А. Довгополова, доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов ОНУ, сформулировала «долгосрочную» концепцию подобных мероприятий[2].

Через год (30 сентября – 2 октября 2010 г.) в Одессе состоялся международный научно-образовательный семинар «ESCHATOS: Философия истории в предчувствии конца истории». Его организаторами выступили не только структуры ОНУ имени Мечникова (кафедры: философии, истории древнего мира и средних веков, новой и новейшей истории; Научная библиотека университета), но и Пермский государственный университет, а также Одесское отделение Российского Философского Общества. География участников: Украина (Одесса, Киев), Россия (Санкт-Петербург, Пермь, Ростов-на-Дону), Молдова (Кишинев), Израиль (Иерусалим), Германия. Основные проблемные блоки, представляющие тематику докладов участников: «Историописание как проблема философии истории: линия П.М. Бицилли», «Идея "Предела" и исторического сознания средних веков и раннего нового времени», «Конец Европы: опыт столкновения нарратива и творчества», «Конец… Истории?». Модераторами работы семинара стали представители Одесского и Пермского университетов – О.А. Довгополова и А.А. Каменских[3].

В следующем году (сентябрь-октябрь 2011 г.) в Одессе прошел второй международный научно-образовательный семинар «ESCHATOS: философия истории в контексте идеи предела», посвященный памяти П.М. Бицилли. В его

[1] См.: CURRICULUM VITAE. Сб. научных трудов. Вып.2: Творчество П.М.Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса, 2010. 225 с.

[2] *Довгополова О.А*. Вступительное слово // CURRICULUM VITAE. Сб. научных трудов. Вып.2: Творчество П.М.Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса, 2010. С.3-13.

[3] См.: ESCHATOS: Философия истории в предчувствии конца истории: Международный научно-образовательный семинар. Одесса, 30 сентября – 2 октября 2010. Программа работы. Одесса, 2010; ESCHATOS: Философия истории в предчувствии конца истории / Отв. редактор О.А.Довгополова. Одесса, 2011. 366 с.

работе приняли участие историки, философы, культурологи Украины, России, Израиля, Франции, Узбекистана. В докладах рассматривались проблемы исследования концепций разрыва времени в поздней античности, в период средневековья и в наше время. В рамках семинара был проведен Круглый стол по проблеме «интеллектуальной контрабанды»[1].

В 2012 году (5-6 октября) одесситами и коллегами из Перми был организован третий международный научно-образовательный семинар «ESCHATOS: философия истории в контексте идеи предела», объединивший ученых из Украины, России, Болгарии и Израиля. Участницей семинара стала Т.Галчева /София, Болгария; доклад: «Об одном случае контрабанды книг и поведения – попытка стилистического анализа (или как Госбезопасность узнала о Бердяеве и Бицилли, но /не/нашла Троцкого»)/, одна из первых среди болгарских исследователей, кто активно способствовал «возвращению Бицилли».

В 2013 г. в Одесском национальном университете имени И.И.Мечникова состоялся семинар памяти П.М. Бицилли и Г.В. Флоровского, на котором присутствовала внучка П.М. Бицилли – Н.А. Галь (Швейцария), а также бицилли-еведы из Болгарии (Т. Галчева выступила с докладом «Дорога в Софию» – о непростом пути П.М. Бицилли в Софийский университет), России (Л.А. Сыченкова), Украины. Н.А. Галь побывала в доме, где жил П.М. Бицилли со своими родителями, познакомилась с родственниками по линии младшего брата Петра Михайловича – Михаила Михайловича.

За последнее пятилетие учеными Одессы и Софии были опубликованы новые работы, посвященные П.М. Бицилли и его творчеству[2]; на международных фо-

[1] ESCHATOS-II: философия истории в контексте идеи «предела»: сб. статей / Отв. редактор О.А.Довгополова. Одесса, 2012. 280 с.

[2] *Голубович И.В.* П.М.Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / Ред.-сост. Ю.П.Зарецкий, В.П.Лихачев, А.Ю. Зарецкая; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 62-81; *Галчева Т.* Судьба свидетеля: «Собрать все. Что возможно, воєдино» (неизвестное об А.П.Мещерском) // Свидетельство: традиции, формы, имена. Успенские чтения / Сост. К.Б.Сигов. Київ: Дух і Літера, 2013. С.583-603; *Она же.* Новый текст профессора П.М. Бицилли // Средние века, 2013. №74 (1-2). С. 86-92; *Довгополова О.А.* (2014 г.) Екзістенційний жест історика в світі, що руйнується (міркування про долі П.М.Біціллі та Л.П.Карсавіна). // Libra: збірка наукових праць кафедри історії стародавнього світу та середніх віків. Вип. ІІІ. Одеса, 2014. С. 106-114; *Попова Т.Н.* П.М.Бицилли в контексте схоларной истории // Древнее Причерноморье. Выпуск 1Х / Глав. ред. И.В.Немченко. Одесса, 2011. С.404-410; *Она же.* Несколько фактов из персональной истории П.М.Бицилли: К вопросу о достоверности ego-документов // Древнее Причерноморье. Выпуск Х / Глав. ред. И.В.Немченко. Одесса, 2013. С.514-520; *Она же.* П.М.Бицилли. Фрагмент биографии // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2015. Вып. 17.С.136-145; *Она же.* Образ историографии в творчестве П.М. Бицилли (К 135-летию со дня рождения ученого) // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сб. науч. тр. / отв. ред. П.А.Трибунский; Институт российской истории Российской академии наук. М., 2016. С. 234-247; *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М.Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2014. Вып. 16. С.148-157.

румах – «Российская эмиграция и философия истории. П.М. Бицилли и Г.В. Флоровский о евразийстве» (международный научный семинар теологического союза имени Г.В. Флоровского, Принстонский университет, США, апрель 2014 г.); «Гуманитарная наука в России и перелом 1917 г.: экзистенциальное измерение» (международный научно-образовательный семинар, Пермь, Россия, Высшая школа экономики, август 2015 г.); XV международные богословские Успенские чтения: Правда. Память. Примерение (22-25 сентября 2015 г. Киев) – выступили с докладами представители Одесского национального университета имени И.И. Мечникова[1] и др.

В России[2], Болгарии[3] и Украине[4] вышли новые интересные работы, значительно расширяющие диапазон освоения Бицилли. М.А. Бирман (Израиль) продолжил поиск неизвестных публикаций П.М. Бицилли [5].

P.S.

Формирующееся научное сообщество бициллиеведов включает специалистов в области самостоятельных разделов гуманитаристики из разных стран – Болгарии, Германии, Израиля, России, США, Украины и др., которыми,

---

[1] *И.В.Голубович*: «П.М. Бицилли и Г.В. Флоровский: диалог о формах исторического истолкования»; *Она же*: «Взорвать изнутри философию истории…»: П.М.Бицилли и Г.В.Флоровский в первые годы эмиграции» и др.

[2] См.: *Бахтеева Р.Р.* Мир русского зарубежья в рецензиях Петра Бицилли // : Terra Linguae Et Reliquiae. Сборник. Институт международных отношений, истории и востоковедения. Казань, 2014. С. 41-44; *Васильева М.А.* Средневековая Италия и спор о «среднем человеке»: полемика П.М. Бицилли с Л.П. Карсавиным // Россия – Запад – Восток. Литературные и культурные связи, 2014. №2. С. 50-64; *Она же.* Проблема человека в трудах Петра Бицилли о Гоголе // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2015. №4(22). С.10-15; *Клюев А.И., Свешников А.В.* П.М. Бицилли и петербургская школа медиевистики (вместо предисловия) // Средние века, 2014. №75(4). С. 387-394; *Сыченкова Л.А.* Преодолеть барьер «эмигрантской периферии»: П.М. Бицилли в европейской медиевистике // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 2016. Т. 158. №3. С. 829-839; *Она же.* Джордано Бруно и переосмысление мифа о «золотом веке» Ренессанса: А. Веселовский, Л. Карсавин, П. Бицилли // Вестник Казанского университета культуры и искусств, 2016. №2. С. 31-36; *Она же.* «Я пишу не более не менее как всемирную историю»: просветительская миссия Петра Бицилли // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2016. С. 50-56; *Федотова П.И.* Закат античности в работе П.М. Бицилли «Падение Римской империи» // Экономический вектор, 2016. №1(4). С.109-115 и др.

[3] См.: *Петкова Г.* «Школьный канон» П.М. Бицилли: взгляд рецензентов. Детские чтения, 2014. №1 (005). С. 72-94; *Она же.* «Краткая история русской литературы» П. Бицилли – учебное пособие, lapsus, авторский канон? // Филологический класс, 2014. №1(35). С. 69-77; *Она же.* Авторский канон в «школьной форме»: «Краткая история русской литературы» П. Бицилли. // Короб культурных кодов. Сборник в чест на 65-годишнината на проф. д.ф.н. Дечка Чавдарова. Велико Търново, 2016. С.205-215 и др.

[4] См.: *Додонов Р.А.* Критика П.М. Бицилли философии истории евразийства // Гуманітарний вісник Запорізької державної академії, 2013. №52. С. 218-226; *Александров О.В.* Література Київської Русі: Між міфопоетикою і християнським символізмом: [Статті. Монографія]. Одеса: Астропринт, 2010. (О П. М. Бицилли и его книге «Элементы средневековой культуры») и др.

[5] См.: *Бирман М.* Псевдонимы и криптонимы П.М.Бицилли (к поиску невыявленных публикаций ученого) // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под редакцией М. Шрубы и О. Коростылева. М., 2016. С.125-137.

по сути, уже создана в своих основных чертах когнитивная система бициллиеведения с отчетливым рефлексивным компонентом. По национально-региональному признаку можно выделить болгарское, российское и украинское бициллиеведение как наиболее компактные национально-региональные составляющие единого бициллиеведческого процесса. Представители этих бициллиеведческих ланшафтов одновременно входят в национальные научные сообщества соответствующих государственных пространств. По дисциплинарному признаку бициллиеведческое сообщество включает историков, филологов (литературоведов и лингвистов), философов, культурологов, социологов и проч. Среди них – профессионалы и аматоры.

Процесс «постижения Бицилли» имеет непростую конфигурацию развития, значительную географию исследовательских центров, свой ритм движения в целом и в отдельных бициллиеведческих ландшафтах.

Украинское бициллиеведческое пространство, безусловно, составляет сегодня определенный пласт в общей системе бициллиеведческих исследований: можно говорить о складывании нового направления в историографии Украины, появились серьезные публикации в области филологии, последние годы характеризуются значительной активизацией философов и культурологов.

Болгарское бициллиеведение представлено такими именами, как: Хр. Гандев, М. Велева, Т. Галчева, Д. Григорова, Д. Делев, Д. Дочев, Кр. Делчев, Г. Казаков, М. Коев, Хр. Манолакев, Здр. Недков, А. Пантев, Г. Петкова, Вл. Свинтила, Ал. Тончев, П. Чолов и др. Особое место занимает «первый бициллиевед» – князь А.П. Мещерский, русский эмигрант, зять П.М. Бицилли, сыгравший исключительную роль в сохранении и популяризации наследия ученого.

Российское бициллиеведение представляют: историки – Б.С. Каганович (Санкт-Петербург), А.Н. Горяинов, А.Я. Гуревич, В.Т. Пашуто (Москва), Шувалов В.И. (Пенза) и др.; филологи – В.В. Виноградов, В.П. Вомперский, И.В. Анненкова, М.А. Васильева, В.А. Туниманов и др.; культурологи – С.Р. Федякин (Москва), Л.А. Сыченкова (Казань), А.А. Морозов (Омск), Н.И. Ашурова (Томск), Рудман М.Н. (Уфа) и др.

Украинское бициллиеведческое сообщество включает историков – В.А. Потульницкого, С.П. Стельмаха (Киев), О.Б. Демина, В.В. Левченко, И.В. Немченко, Т.Н. Попову, Д.А. Шумейко (Одесса); филологов – А.В. Александрова, Г.Д. Зленко (Одесса), философов и культурологов – И.В. Голубович, О.А. Довгополову, В.Л. Левченко, М.И. Найдорфа (Одесса) и др.

Значительная роль в исследовании жизни и творчества П.М. Бицилли принадлежит профессору М.А. Бирману (Израиль), который выступает в качестве своеобразного связующего центра между различными регионами бициллиеведения.

* * *

Экскурс. Фундаторы бициллиеведения[1]

Велева Мария Николаевна *(биоинформация)* – доктор исторических наук, профессор, профессиональный историограф, выпускница Ленинградского университета, научно-педагогическая деятельность которой была связана с Софийским университетом. Исследовательница обратилась к фигуре П.М. Бицилли во многом благодаря своему научному наставнику, которого сама Мария Николаевна называет ближайшим учеником профессора П.М.Бицилли, его «наследником в науке». Второй фактор, который обусловил «путь к Бицилли», весьма значимый для университетского преподавателя, – дидактический – разработка лекционного курса «История исторической науки» для студентов Софийского университета (с 1968 г.).

В процессе «приближения» М.Н. Велевой к теме «Бицилли» сыграли роль еще два момента (которые одновременно можно рассматривать и своеобразным результатом этого «приближения»).

Во-первых, в начале 1980-х гг. на Историческом факультете Софийского университета была создана Историографическая комиссия, в которую вошли Мария Велева (руководитель), Петр Тодоров, Лизбет Любенова и Елка Дроснева. Программа работы Комиссии предусматривала изучение научного наследия профессоров-эмигрантов из бывшей Российской империи, в частности монографическое исследование жизни и творчества П.М. Бицилли, П.Б. Струве, М.Г. Попруженко и В.А. Мякотина. По разным причинам большая часть наработанного материала – доклады на конференциях, интервью с наследниками, статьи и даже одна монография – не были опубликованы, однако серьезная работа по исследованию вклада российских ученых-эмигрантов в болгарскую гуманитаристику была начата.

Во-вторых, 24 мая 1989 г. М.Н. Велева выступила перед историками в Софийском университете с докладом «Пьотр Михайлович Бицилли в научния живот на България» (в рамках университетских торжеств). В этом докладе были обобщены первые итоги ее поисков и привлечено внимание научной общественности к фигуре П.М. Бицилли[2]. На протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. М.Н. Велева продолжила разработку темы «П.М. Бицилли» и в этот же период были опубликованы в виде статей основные результаты ее многолетних исследо-

[1] См. подробнее: *Попова Т.Н.* Бициллиеведение: информационно-аналитические комментарии (Круглый стол «Бициллиеведение в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи». X международна научна конференция «Българите в Северното Причерноморие», 15-16 септември 2007 г.) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Інститут історії України НАН України. Головний редактор В.Смолій; відповідальний редактор І.Колесник. Вип. 3. Київ, 2008. С.392-406; *Она же.* Фундаторы бициллиеведения: М.Н.Велева, М.А.Бирман // Проблемы слвяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2008**.** Вып. 10. С.159-172.

[2] *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.8, 78, 93, 149-150, 159; Гандев Хр. Спомени, записани от М.Велева. Машинопис, 1978 // Сб. в чест на проф. Д-р Христо Гандев. Изследования по случай 75-годишнината от рождението му. София, 1985. С.12.

ваний. В 2004 г. в качестве синтетической формы творческих исканий М.Н. Велевой выходит ее книга «Българската съдба на проф. П.М. Бицилли» (Изд-во «Гутенберг», София, 2004. 162 с.), ставшая значительным событием в развитии бициллиеведения[1].

О книге: Книга М.Н. Велевой структурно включает в себя: 1) Предисловие «Светът на Бицилли», написанное Лизбет Любеновой, редактором данного издания; 2) пять статей, опубликованных М. Велевой в различных научных сборниках и журналах на протяжении 1994-2000 гг.; 3) Приложение, в которое входят: статья о В.А. Мякотине, интервью с М.Н. Велевой и Библиография работ П.М. Бицилли, изданных в 1990-2003 гг., а также работ о П.М. Бицилли, вышедших в Болгарии, России, Украине и Иерусалиме на протяжении 1939 – 2003 гг. Столь сложная, на первый взгляд, и многожанровая по составу текстов книга тем не менее подчинена жесткой логике структурирования и характеризуется стройной архитектоникой. Статьи, составляющие основное содержание книги, были написаны М.Н. Велевой в разные годы и посвящены достаточно широкому кругу проблем. Однако последовательность их размещения в книге предполагает проблемное развертывание одной темы – темы, которая выступает в качестве главного стержня исследовательской программы М.Н. Велевой. Это тема – «П.М. Бицилли и Болгария».

Первая статья (и фактически первый раздел) – «Руската университетска емиграция в България» (впервые опубликована в: «Дарителите Евлогий и Христо Георгиеви». София, 1998. С.235-253) посвящена характеристике российской научной эмиграции в Болгарии в хронологических рамках 1920-1948 гг. Основной акцент сделан на вопросы количественно-качественного анализа профессуры Софийского университета. Автором приведены статистические данные о количестве профессоров-эмигрантов, городах, из которых они прибыли, их специальности, звании (должности), факультетах, на которых они работали в Софийском университете, времени начала и окончания службы в университете, дате и месте кончины и проч. Все эти сведения, которыми не исчерпывается статистический анализ научной эмиграции (в тексте статьи рассмотрен ряд иных параметров), представлены в концентрированном виде в форме таблицы (Приложение № 1. С.28-31). Кроме этого, М.Н. Велевой дана библиография учебных изданий, вышедших в период 1920-1953 гг., авторами которых являлись русские преподаватели в Софийском университете (Приложение № 2. С.32-34); приведены сведения о формах их работы в научных учреждениях и проч. Таким образом, в «первом разделе» книги фигура профессора П.М.Бицилли (с. 13, 14, 16, 19, 23-26) представлена в контексте научного сообщества российской эмиграции в Софии, со всей спецификой, свойственной для ее статуса и научно-педагогической деятельности. Во второй статье

[1] См.: *Горяинов А.Н.* [Рецензия] М.Велева. Болгарская судьба профессора П.М. Бицилли // Вопросы истории. 2006. № 7. С.171-174.

– разделе – «Из архивното наследство на П.М. Бицилли» («Български ежегодник». Т.2. Харьков-София, 1996. С.201-221) впервые дан краткий, но глубокий историографический анализ биципиеведческой литературы (хотя автор не употребляет это понятие), охарактеризованы новые издания трудов П.М. Бицилли 1960-1990-х гг. в европейских странах, постановочно обоснована настоятельная необходимость всестороннего изучения творчества П.М.Бицилли.

«"Връщането" към Бицилли, – пишет М.Н. Велева, – към неговото творчество, не е само жест на уважение и почит към големия учен, не е само необходимост от установяване на размера, смисъла и значението му в развитието на българската и руската – макар и емигрантска хуманитаристична наука. Това творчество е толкова актуално и съвременно, че влиза в естествен диалог с нашата действителност – и научна, и обществена – служи за опора, за приближаване и противопоставяне в търсенето на решение на всички човешки проблеми»[1].

Литературу, посвященную жизни и творчеству П.М. Бицилли, автор условно разделяет на группы, преимущественно по жанровой характеристике. В первую группу М.Н. Велева включает рецензии и отзывы на книги Петра Михайловича, опубликованные при его жизни; вторая группа работ – это некрологи, юбилейные статьи и публикации в энциклопедических и справочных изданиях. В этой группе, считает М.Н. Велева, следует выделить статью Хр. Гандева к 100-летнему юбилею П.М. Бицилли («Векове». 1980. № 2), в которой автор впервые как историк дал профессиональную оценку научным достижениям своего учителя, а также статью в энциклопедии «България» (Т.1. 1978. С.295), в которой констатировалась принадлежность П.М. Бицилли к Болгарии и болгарской науке: «русский и болгарский историк» – так был квалифицирован ученый в официальном издании. На границе между второй и третьей группой работ, по мнению М.Н. Велевой, находится исследование зятя П.М. Бицилли, князя А.П. Мещерского, «Библиография трудов профессора П.М. Бицилли. С материалами для его биографии» (София, 1954, рукопись). Третья группа литературы, посвященной П.М. Бицилли, включает публикации, появившиеся в последние годы, в которых в разных аспектах болгарскими и российскими авторами рассматриваются вопросы творческого пути ученого.

Среди первостепенных задач изучения жизни и творчества П.М. Бицилли автор выделяет: установление и издание в полном объеме разбросанного и трудно доступного наследия ученого; розыск архивных и опубликованных источников для написания полной и точной его биографии; поиск и публикация архивных документов (с.41). В этой статье также впервые дана характеристика архивного наследства П.М. Бицилли в Болгарии; приведена информации о «движении» документов семейного и личного архива П.М. Бицилли; описаны материалы фондов Софийского университета и проч.(с.41-43). Приложение

[1] *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.35.

к данной статье включает 9 документов: это письма П.М. Бицилли Н.П. Кондакову, В.Н. Златарскому, декану историко-филологического факультета Софийского университета в 1920-е гг. (№№ 1-4); автобиографии П.М. Бицилли и М.Т. Бицилли (№№ 5, 6, 9); заявления и прошение П.М. Бицилли, написанные им в связи с решением семьи Бицилли вернуться в конце 1940-х гг. в СССР (№№ 7, 8). Таким образом, вторая статья-раздел не только представляет собой первый профессиональный обзор источниковедческой и историографической базы нового исследовательского направления, но и дает возможность ученым использовать важнейшие биографические материалы – ego-документы – для анализа жизненного пути П.М. Бицилли.

Третий раздел-статья «П.М. Бицилли в Софийския университет» фактически посвящена «болгарскому периоду» («Минало». 1995. № 1. С.81-92) жизни и творчества П.М. Бицилли и была написана автором к 70-летнему юбилею деятельности ученого как профессора Софийского университета. Подробно, на архивных материалах, которые впервые были введены М.Н. Велевой в научный оборот, автором рассмотрены вопросы процедуры «вхождения» П.М. Бицилли в профессорскую корпорацию Софийского университета; охарактеризована его роль в становлении новой истории в Софийском университете; приведены данные о его лекционных курсах, работе со студентами, взаимоотношениях с коллегами, об участии в общественной жизни и проч.

Для понимания специфики преподавательской деятельности ученого, его образа в качестве университетского преподавателя особо важны многочисленные воспоминания бывших студентов П.М. Бицилли, ставших известными болгарскими учеными. Эти важнейшие источники также впервые получают квалифицированный комментарий автора. М.Н. Велева обращает внимание на то, что болгарская историческая наука никогда не располагала достаточными кадровыми и финансовыми ресурсами в области исследований общей истории. П.М. Бицилли – русский, получивший образование не в Болгарии и даже не являющийся болгарским подданным, фактически тридцать лет был сопричастен болгарской культуре и духовной жизни Болгарии. Он стал неотделим от болгарской гуманитарной интеллигенции, новые поколения которой продолжают черпать знания, идеи и вдохновение из его научного наследия и «от того света, доброты, толерантности, которые излучает его личность» (с.90).

Следующая в этой четкой последовательности разделов книги – статья, написанная М.Н. Велевой к 81-й годовщине (январь 1988) со дня рождения профессора Христо Гандева и опубликованная в сборнике «Европа и България» (София, 2000. С.16-26) под заголовком «Теоретично-методологически проблеми в ранното творчество на проф. Христо Гандев». В книге данный раздел имеет название «П.М. Бицилли и Христо Гандев» и, соответственно, посвящен личности и творчеству Хр. Гандева – непосредственного учителя

М.Н. Велевой – через призму преемственности научных традиций, восходящих к П.М. Бицилли. Хр.Гандев рисует образ своего учителя как человека достаточно общительного, дружелюбного со студентами, умевшего создать в аудитории «великолепную атмосферу», располагающую к свободному обмену мнениями. Личность П.М. Бицилли оказывала сильное впечатление своей непосредственностью, прямотой и неповторимой деликатностью в отношениях с другими (с.78-79).

М.Н. Велева формулирует основные «теоретические уроки» Бицилли, которые творчески воспринял его ученик: во-первых, уважение к профессии историка, убежденность в научных возможностях и сущности исторического знания; во-вторых, идея universuma человеческой жизни и истории, которая способствовала формированию у Хр.Гандева комплексного подхода к познанию истории (с.95-97). В преемственности научных традиций на примере диалога Бицилли-Гандев есть много интересного и показательного для истории нашей науки, считает М.Н. Велева, и в первую очередь тот факт, что высококультурный философский идеалист сумел создать свой творческий антипод – философского материалиста (с.102).

Раздел-статья «П.М. Бицилли и историческата наука» впервые была опубликована в качестве предисловия к первому переизданию на болгарском языке программной работы П.М. Бицилли[1]. Этот, завершающий раздел, – фундаментальная попытка концептуализации научного мировоззрения П.М. Бицилли на основе анализа текста «Очерков теории исторической науки», который сопровождается анализом «фона» – биографической канвы последних лет жизни П.М. Бицилли в Одессе (его научно-педагогическая деятельность, защита диссертации и проч.) и первых лет эмиграции в Югославии. М.Н. Велева впервые рассматривает связь основной проблематики «Очерков…» с творчеством ученого одесского периода, с его размышлениями о роли теории в историческом познании. Очерчивая основной круг проблем – «вечных», поднятых П.М. Бицилли-медиевистом в своей книге: формирование истории как научного знания; смысл истории; пределы человеческого универсума; отношение между историей и искусством; объективное и субъективное в методологии исторического исследования; соотношение конкретного исследования с возможностями и необходимостью исторического синтеза и т.п. (с.112), М.Н. Велева обращает внимание на то, что данный спектр философско-теоретических проблем истории стал объектом анализа многих историков-профессионалов. В Англии – Р.Дж. Коллингвуда, археолога; во Франции – Л. Февра, культуролога, и М. Блока, медиевиста, – создателей школы «Анналов»; в Италии – Б. Кроче, медиевиста и историка Итальянского Возрождения; в Германии – Э. Трельча, историка богословия; в России – Л. Карсавина, медиевиста. Книги большинства из них еще не были написаны, когда

[1] *Велева М.* П.М.Бицили и историческата наука // Бицилли П. Очерци въерху теорията на историческата наука. София: Изд. БАН, 1994. С.5-22.

П.М. Бицилли обратился к данным теоретическим проблемам, основываясь, в том числе, и на творческих традициях в этой области русской гуманитаристики: П. Милюков, Н. Кареев, И. Гревс и др.

Автор ставит вопрос о принадлежности П.М. Бицилли к конкретному теоретическому направлению, отмечая в то же время, что сам ученый не идентифицировал себя с определенным философским течением. Хотя Хр. Гандев не без оговорок причислял его к неогегельянцам, но, по мнению М.Н.Велевой, П.М. Бицилли опирался на теоретические достижения и Гегеля, и Гердера, Маркса, Кроче, Бергсона, Трельча, Шеллинга, Ранке, Мишле, Ренана, Моммзена и многих других историков и теоретиков истории – просветителей, романтиков, позитивистов, марксистов-материалистов (с.111-112). Однако вряд ли будет корректно называть П.М.Бицилли эклектиком: главное не в том, из каких источников он черпал идеи, а в том, как эти идеи были «ассимилированы», в какую систему были приведены, насколько эта система способствовала научному объяснению исторического материала (с.95). Книга П.М. Бицилли «Очерки теории исторической науки» написана на абсолютно современном научном уровне и основана на исторических и теоретических традициях Востока и Запада, включая самые новейшие исследования по этим вопросам, это – «истинная школа научного мастерства», «торжество исследовательского и человеческого духа», заключает М.Н. Велева (с.111, 127-128).

Следующий раздел – «Приложения» – состоит из трех блоков. Первый – статья «Професор Венедикт А.Мякотин в България» («Бялата емиграция в България». София, 2001. С. 159-172), которая представляет ценность не только в качестве самостоятельного глубокого исследования «болгарской судьбы» одного из блестящих российских ученых и известных политических и общественных деятелей, но и своим содержанием создает «фон» для более объемного восприятия специфики эмигрантского окружения П.М. Бицилли. Второй содержательный блок - интервью, которое было дано М.Н. Велевой в 2003 году корреспонденту журнала «Историческо бъдеше» Виолине Атанасовой (№ 1-2. 2003. С.295-300) в связи с 50-летием со времени кончины П.М. Бицилли (1953) и в преддверии 125-летия со дня его рождения (1879).

Содержание этой публикации позволяет лучше понять мотивацию исследовательского интереса М.Н. Велевой к теме «Бицилли», ее оценки роли и специфики научного сообщества российской эмиграции в целом и особенно представителей Украины – Киева и Одессы, Университета Св. Владимира и Новороссийского университета – «южан»; ее восприятие личности профессора-эмигранта и его вклада в развитие болгарской гуманитаристики.

Третий блок – «Библиография» переизданных в последние годы (1990-2003) трудов П.М. Бицилли и публикаций о его жизни и творчестве (1939-2003), составленная М.Н. Велевой, вносит существенный вклад в осмысление бицил-

лиеведческого процесса, его субъектов – представителей национально-региональных историографий, проблемно-жанровой специфики изданий, динамики научного интереса к творчеству П.М. Бицилли. М.Н. Велева перечисляет работы болгарских исследователей творчества П.М. Бицилли: Хр. Гандева, Т. Галчевой, Хр. Манолакева, Г. Петковой, А. Пантева, Здр. Недкова, Кр. Делчева, Вл. Свинтилы, Д. Дочева, М. Коева, Д. Делева, П. Чолова, Ал. Тончева; российских: В.А. Туниманова, В.П. Нерознака, Б.С. Кагановича, В.П. Вомперского, М. Васильевой; израильских: М.А. Бирмана; украинских: Т.Н. Поповой – историков, филологов, философов. Приведены также сведения о статьях в официальных изданиях Софийского университета, о публикациях А.П.Мещерского и самой М.Н. Велевой (с.159-162). При относительной неполноте (в силу ограниченности информационного поля) данный библиографический свод впервые очерчивает основное ядро формирующегося международного сообщества бициллиеведов.

Творческий вклад профессора М.Н. Велевой в становление нового исследовательского направления – бициллиеведения – значителен. Хотя ее основные статьи, посвященные П.М. Бицилли, стали выходить в 1990-е годы, эти публикации, по сути, явились итогом «подступов к Бицилли» – фундаментальных поисковых изысканий и глубокого осмысления широкого спектра бициллиеведческой проблематики – в хронологическом диапазоне от 70-х до 90-х гг. XX в. Работа М.Н. Велевой «Българската съдба на проф. П.М. Бицилли» – результат глубокого монографического исследования «болгарской судьбы» П.М. Бицилли – стала первой специальной книгой профессионального историка, посвященной ученому. Стремясь раскрыть роль П.М. Бицилли именно как ученого-эмигранта в развитии болгарской гуманитаристики, автор не только поставила, но и в значительной степени решила фундаментальные проблемы бициллиеведения в целом. Фактуальная база, историографический диапазон, биографический контур, оценка личности и научного наследия П.М. Бицилли, его места в европейском историографическом процессе и проч. – все эти сюжеты получили свое глубокое освещение. Одновременно М.Н. Велевой удалось показать на примере одной «эмигрантской судьбы», как шел процесс привнесения научных традиций Новороссийского университета, шире – общероссийской исторической науки, в научное поле стран, которые стали «новой родиной» для тех, кого «изгнала» их настоящая родина.

Бирман Михаил Абрамович *(биоинформация)* – доктор исторических наук, профессор, специалист-болгаровед; с 1950 по 1991 гг. был сотрудником Института славяноведения. В середине 1960-х гг., находясь в Болгарии в научной командировке, встретился с профессором Христо Гандевым, учеником П.М. Бицилли. В приватной беседе Хр. Гандев рассказал М.А. Бирману о П.М. Бицилли, имя которого в эти годы если и упоминали, то скорее в негативном плане. Заметив интерес М.А. Бирмана к фигуре и творчеству

П.М. Бицилли, Хр. Гандев дал «короткую, но емкую и многозначную аттестацию Би» [так Михаил Абрамович называет П.М. Бицилли: *из письма М.А. Бирмана автору от 12 июня 2007 г.* – Т.П.]. «Вскоре, – как пишет М.А. Бирман, – подвернулся случай» – началась работа под редакцией профессора И.С. Галкина над университетским учебником по историографии, и ученый постарался «извлечь имя Би из забвения». В это непростое время – «на волне ресталинизации» – М.А. Бирман «рискнул, балансируя, вполголоса», как он сам оценивал свой шаг, «упомянуть и в тексте, и в примечаниях фамилию "белоэмигранта"». По сути, впервые в хрестоматийной советской историографии «прозвучала в положительном тоне фамилия Бицилли» [*из письма М.А. Бирмана автору*. – Т.П.][1].

М.А. Бирман признается, что в 1960-е гг. его знания о П.М. Бицилли «были приблизительными», т.к. вплотную заняться заинтересовавшими его проблемами российской научной эмиграции в Болгарии, он не мог: работа по планам Института занимала все время, а включить в план тему по научной эмиграции в то время «было немыслимо» [*из письма М.А. Бирмана автору от 12 июня 2007 г.* – Т.П.]. В начале 1990-х гг. М.А. Бирман переехал в Израиль и здесь обрел как исследователь «новое дыхание» – он продолжил сотрудничество с коллегами из Института славяноведения, но главным направлением его «персонального маршрута» стало эмигрантоведение: на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. вышел ряд его серьезных публикаций в российских, израильских, европейских и американских изданиях по истории русской эмиграции[2]. Фигура П.М. Бицилли и его научное наследие

[1] Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968. С.205. В этот же год вышел другой учебник, в котором автор – О.Л.Вайнштейн, непосредственный ученик П.М.Бицилли по Новороссийскому университету, назвал имя своего учителя. См.: История советской медиевистики (1917-1966). Л., 1968. С.53, 66. Собственно, О.Л.Вайнштейн впервые упомянул о П.М.Бицилли в статье «Развитие историографии средних веков в царской России», опубликованной в журнале «Историк-марксист» (1940, № 9, с.113) как о специалисте по проблемам духовной культуры средневековья. В 1960-е гг. в советской историографии вышли две публикации историков, в которых был представлен привлекательный образ П.М.Бицилли: *Рубинштейн Н.Л.*О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6; *Дмитриев С.С.* К истории советской исторической науки. Историк Н.Л.Рубинштейн (1897-1963) // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. 1962. Вып.72. Т.1. Впервые эти работы в контексте изучения творчества П.М.Бицилли были введены в научный оборот Т.Н.Поповой. См.: *Попова Т.Н.* О преподавании историографии всеобщей истории в Новороссийском университете в начале XX века // Актуальные проблемы исследования и преподавания новой истории стран Западной Европы и Америки. Одесса, 1992. С.37-42; *Она же.* Возвращение Бицилли // Вестник региона. 1999. 10, 17 декабря. №№ 48-49; *Попова Т.Н., Максименко И.В.* Судьбы ученых: из истории Новороссийского университета (биоисторические этюды) // Российские университеты в XVIII-XIX веках. Сб. научных статей. Вып.4. Воронеж, 1999. С.173 и др.

[2] См.: *Бирман М.* Звездный час Милюкова-балканиста // Балканские исследования. Вып.15. Россия и славяне: политика и дипломатия. М., 1992. С.181-187; *Он же.* В одной редакции (о тех, кто создавал газету «Последние новости» // Евреи в культуре русского зарубежья. Т.3. Иерусалим, 1994. С.147-169; *Он же.* Русская эмиграция в Болгарии (в на-

заняли особое место в творческих исканиях М.А. Бирмана: он вел интенсивную переписку с дочерью П.М. Бицилли – Марией Петровной, внучкой Петра Михайловича – Елизаветой Петровной Ивановой-Аначковой и др.; получил от них много ценных материалов. Творческий контакт с исследователями творчества П.М. Бицилли из России, Болгарии, Украины и других стран, глубокое знание трудов Петра Михайловича и бициллиеведческих изданий, собранный обширный личный архив уникальных документов позволили М.А. Бирману создать собственную версию образа П.М. Бицилли, его жизненного пути, дать высокопрофессиональную оценку его наследия[1].

В современном бициллиеведении профессор М.А. Бирман занимает особое место. По мнению российского исследователя Б.С. Кагановича, «больше всего для изучения *биографии* [курсив Б.С. Кагановича. – Т.П.] П.М. Бицилли сделал в последние годы московский славист М.А. Бирман, проживающий ныне в Израиле»[2]. На наш взгляд, М.А. Бирману принадлежит приоритет в процессе институционализации бициллиеведения по ряду позиций: 1) ученым были впервые введены основополагающие категории – «бициллиевед», «бициллиеведческие труды», «бициллиеведение»; 2) самая полная на сегодняшний день биобиблиография П.М. Бицилли составлена М.А. Бирманом совместно с А.Н. Горяиновым[3] ; 3) М.А. Бирманом впервые поставлена проблема *рецепции* трудов П.М.Бицилли в различных европейских регионах; 4) исследователю удалось дать реконструкцию всего жизненного пути П.М. Бицилли, основываясь на материалах семейного архива Бицилли, а также архивных документах и проч., введенных в научный оборот другими бициллиеведами (М.Н. Велевой, Т.Н. Поповой и др.); 5) в работах М.А. Бирмана впервые предпринята синтезированная оценка научного наследия П.М. Бицилли; 6) ученый выступил как непосредственный организатор «института бициллиеведения» (понятие М.А. Бирмана): им много сделано для «выявления» бициллиеведов и установления с ними личных контактов; 7) М.А. Бирманом достаточно полно осмыслена историография бициллиеведения с учетом персональных, дисциплинарных и

уке, культуре и просвещении) // Новый журнал. Т.218. Нью-Йорк, 2000. С.167-179; *Он же.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920-1930- х годов // Новая и новейшая история. М., 2002. № 1. С.173-193 (в соавт.: *А.Н.Горяинов*) и др.

[1] См.: *Бирман М.А.* П.М.Бицилли (1879-1953) // Славяноведение. М., 1997. № 4. С.49-63; *Он же.* П.М.Бицилли в югославский период эмиграции (1920-1923) // Славяноведение. 2005. № 4. С.84-95; *Он же.* П.М.Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. М., 2006. С.633-718 и др.

[2] *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. Санкт-Петербург, 2007. С.214.

[3] См.: *Горяинов А.Н., Бирман М.А.* Библиография опубликованных работ П.М.Бицилли и литература о нем. 1912-2003. // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. М., 2006. С.733-778.

регионально-хронологических измерений и намечена стратегия развития бициллиеведческого процесса[1].

* * *

Вместе с тем современному бициллиеведению по-прежнему свойственна неконсолидированность его представителей на межгосударственном, междисциплинарном уровнях, а также в границах национально-региональных исследовательских пространств. Обращение к наследию П.М. Бицилли во многих случаях имеет «точечный», дискретный характер. Бициллиеведческое сообщество включает не только исследователей, предметно фокусирующих свой научный интерес на творчестве ученого, но и тех, кто только открывает для себя имя Бицилли, обратившись к магистральным направлениями в гуманитаристике эпохи пост/постмодерна.

Интернет-сайты сегодня насчитывают сотни повторяющихся материалов, тиражирующих одни и те же ошибки, относящиеся в первую очередь к биографии П.М. Бицилли. Имя ученого достаточно некорректно используется в прениях по проблемам евразийства, национальных отношений, «украинскому вопросу», современной политической ситуации и проч. Во многом это способствует «отторжению Бицилли», в частности в украинском научном поле.

В российских и украинских публикациях, материалах Интернет-ресурса, к сожалению, имеет место открытый плагиат, различного рода компилятивные построения, игнорирование исследований коллег из иных национальных ландшафтов бициллиеведения и т.п.

Неформальные, межличностные контакты, играющие всегда важную роль в коммуникационной системе любого уровня институционализации науки, остаются и сегодня преобладающими в отношениях между специалистами-бициллиеведами.

Перспективы развития социальных аспектов институционализации бициллиеведения ориентируют на создание достаточно гибкой и оперативной информационной системы, специализированных междисциплинарных научных центров (с представительным по дисциплинарной и региональной принадлежности авторским составом) по исследованию творчества ученого, подготовке к публикации его трудов и бициллиеведческих изданий; организацию постоянно действующих научных бициллиеведческих конференций международного уровня и проч.; расширение и качественное обновление Интернет-сайтов; включение бициллиеведческой тематики в разделы общих и специальных кур-

[1] *Бирман М.* Этапы, вехи и парадоксы бициллиеведения (К постановке вопроса) // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С.279-290 и др.

сов в системе университетского образования в Болгарии, России, Украине и др.

В то же время период т.н. «невидимого колледжа», для которого характерно интеллектуальное взаимопризнание участников бициллиеведческого процесса и установление первых форм общения между ними, уступает место новому качественному этапу. С 2000-х гг. выход новых библиографий с разделом бициллиеведческой литературы – М.Н. Велевой (2004) и особенно М.А. Бирмана и А.Н. Горяинова (2006), появление историографической аналитики способствовали расширению информационного поля для всех исследователей творчества П.М. Бицилли. В первое десятилетие нового века установились постоянные творческие контакты между М.А. Бирманом (Израиль), М.Н. Велевой (Болгария)[1], Б.С. Кагановичем (Россия), Т.Н. Поповой (Украина) и др.

* * *

Автобиоисториографические ремарки. «Путь к Бицилли» для каждого исследователя индивидуален. Вместе с тем можно выделить некоторые общие линии. Для М.Н. Велевой главным фактором было влияние ее научного наставника – профессора Христо Гандева, непосредственного ученика П.М. Бицилли. Встреча с Христо Гандевым еще в 1960- е годы сыграла свою роль в формировании интереса к фигуре Бицилли у М.А. Бирмана. Влияние учителей, в частности доцента Одесского университета И.В. Завьяловой, – точка отсчета в «приближении к Бицилли» О.Б. Демина (Одесса). Второй фактор – «дидактический», учебная работа: подготовка курсов лекций по историографии и медиевистике (для М.Н. Велевой, О.Б. Демина, И.В. Немченко и др.). Третий – исследовательская работа, выход на личностно значимую тематику: у М.Н. Велевой и М.А. Бирмана – «эмигрантоведение», хотя и с разными мотивационными векторами (у М.Н. Велевой – роль российской научной эмиграции в развитии болгарской гуманитаристики; у М.А. Бирмана – «эмигрантская судьба» российских ученых, их вклад в мировой историографический процесс); у Б.С. Кагановича – историко-культурологическая школа медиевистов в Санкт-Петербургском университете; у О.Б. Демина и И.В. Немченко (Одесса) – история Новороссийского университета, изучение научно-педагогической деятельности профессоров историко-филологического факультета, имена которых были практически «изъяты» из «большой историографии» в советский период.

Для меня, в частности, фигура П.М. Бицилли «проявилась» в процессе подготовки курса лекций по истории исторической науки (с середины 1980-х г.) /на дидактическом уровне/ и обращения к дисциплинарной истории историографии /на исследовательском уровне/: факт отсутствия этого имени (как и имен

[1] Вместе с профессором М.Н. Велевой значительную роль в моем «приближении к Бицилли» периода эмиграции сыграла *Е.П. Иванова-Аначкова*, внучка П.М. Бицилли, которой я навсегда сохраню свою глубокую благодарность.

многих других ученых Новороссийского университета, внесших значительный вклад в институционализацию истории исторической науки) в исследованиях Р.А. Киреевой, В.И. Чеснокова[1] и др. по вопросам преподавания историографических курсов в российских университетах XIX – начала XX вв. побудил к поисковой работе. Интерес к личности и творчеству Н.Л. Рубинштейна способствовал благодаря его воспоминаниям и статье С.С. Дмитриева открытию новых фактов о П.М. Бицилли, выходу на болгарские издания. Подготовка новой версии истории Одесского университета (1991), обращение к архивным материалам в процессе работы над биографиями профессоров Новороссийского университета привели, с одной стороны, к созданию на рубеже 1980-1990-х гг. т.н. «проблемной группы» студентов (аналог научного кружка) по изучению историографии в персональных историях ее представителей («историографии в лицах»), а с другой – к выходу моих первых публикаций о П.М. Бицилли (1991-1995).

Однако работа над темой «Бицилли» не была ни предметной, ни целенаправленной; дискретность в обращении к ней обусловила тот факт, что бицилиеведческие проблемы стали своеобразным эпифеноменом магистральных исследовательских линий: истории Новороссийского университета и истории историографии (в теоретическом и конкретно-историографическом аспектах).

В 1990-е годы важным стимулом для более пристального внимания к бициллиеведческой тематике стало знакомство: 1/ с монографией В.Т. Пашуто (1992), 2/ с фундаментальным изданием трудов П.М. Бицилли в Болгарии и вступительной статьей Тани Галчевой к этому изданию (1993), в которой были приведены фрагменты эпистолярного наследия П.М. Бицилли первых лет его эмиграции и представлена интересная авторская версия образа ученого, 3/ с обстоятельной статьей Марии Велевой, предваряющей ее публикацию работы П.М. Бицилли «Очерки теории исторической науки» на болгарском языке (1994))[2], 4/ со статьей Б.С. Кагановича в альманахе «Одиссей» (1994) и выходом под его редакцией работ П.М. Бицилли (1995-1996), 5/ с первой наиболее полной на то время биографической статьей о П.М. Бицилли профессора М.А. Бирмана (1997).

Эти работы, а также многочисленные и полижанровые публикации 90-х побудили заняться в первую очередь реконструкцией одесского периода жизни и творчества П.М. Бицилли. Практически все авторы приводили биографические данные, основываясь на фактах автобиографии самого П.М. Бицилли. Однако в

[1] См.: *Алленов С.Г., Матвеева М.С., Чесноков В.И.* К вопросу о преподавании историографии в университетах дореволюционной России // Проблемы истории отечественной исторической науки. Воронеж, 1981; *Киреева Р.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины X1X в. до 1917 г. М., 1983.

[2] Ксерокопии этих работ, а также ряд изданий болгарских бициллиеведов, любезно предоставленных *М.Н. Велевой* и *Е.П.Ивановой-Аначковой*, привез мне из Болгарии в середине 1990-х гг. *А.И. Ганчев,* выпускник исторического факультета, ныне - представитель высшей школы Одессы.

своих вариантах автобиографии (которые, кстати, до выхода работ М.Н. Велевой[1] не были известны в полном объеме) П.М. Бицилли по причинам пока не ясным был недостаточно точен. Такие факты, как: поступление на юридический факультет (1899), перевод на историко-филологический факультет (1900), исключения из университета, получение диплома и проч. – либо отсутствовали, либо определялись неверной датой. Архивные материалы и ряд документальных источников позволили уточнить основные вехи биографии ученого 1879-1920 гг. Этот материал вошел в мои публикации 1998-2000 гг. и был представлен в докладе на III Историографических чтениях, посвященных 120-летию со дня рождения ученого (1999).

2000-й год стал годом установления контактов с Марией Николаевной Велевой и Елизаветой Петровной Ивановой-Аначковой (внучкой П.М. Бицилли), а также с Михаилом Абрамовичем Бирманом: в Болгарию и Израиль (Ашдод) были направлены мои статьи (Воронеж, 2000). С этого времени постоянный обмен публикациями, письмами, мнениями и просто добрыми словами (за что я искренне всем признательна) во многом способствовал тому, что бициллиеведческая проблематика становилась для меня все более значимой. В монографии «Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета» (Одесса, 2007)[2] специальный раздел посвящен П.М. Бицилли: «Судьбы ученых. Петр Михайлович Бицилли: "Исход" и возвращение» (с.327-452), в котором обобщены результаты исследований предшествующих лет.

* * *

P.P.S.

Сегодня можно выделить два активно работающих бициллиеведческих центра. *Во-первых*, это – Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, на базе которого с 2007 г. проходят международные конференции, посвященные творчеству П.М. Бицилли. Энергичная деятельность с 2009 г. бывших выпускниц исторического факультета, ныне – докторов философских наук О.А. Довгополовой и И.В. Голубович, привела к значительному расширению географии участников международного научно-образовательного семинара «ESCHATOS», тематическим стержнем которого выступает «Линия П.М. Бицилли».

[1] *Велева М.* Из архивното наследство на П.М.Бицилли // Български ежегодник. Т.2. Харков-София, 1996. С.201-221; *Она же.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.35-60.

[2] См. рецензии на книгу: *Олексій Ясь.* Історіографія в контексті дисциплінарних традицій та персональних вимірів (Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. К 75-летию Исторического факультета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.) // Український Археографічний щорічник. Нова серія. Випуск 12. Український археографічний збірник. Том 15. Київ, 2007. С.785-791; *Корзун В.П.* [Рец.] Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.// Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: Институт всеобщей истории РАН. 2008. С.388-398; *Велева М.* Попова, Т. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007, 536 с. // Историческо бъдеще. София: Асоциация КЛИО. Година XII-XIII. Брой 1-2. 2008-2009. С.284-286 и др.

Во-вторых, созданный в 2012 г. болгарской исследовательницей Т.Н. Галчевой и внучкой П.М. Бицилли Н.А. Галь при активном участии Галины Петковой (Софийский университет) Интернет-сайт «Saved Archives. Документи. Спомени. Публикации. Фото. Контакти» за короткий срок предоставил заинтересованному читателю важнейшие бициллиеведческие материалы.

Установление с 2012 г. тесных творческих контактов между этими центрами стало важной вехой в институционализации бициллиеведения. Плодотворным результатом совместной работы двух бициллиеведческих центров стала публикация в соавторстве статей Т.Н. Галчевой (София) и И.В. Голубович (Одесса), весьма ценных для освоения персональной истории П.М. Бицилли[1].

Но главным достижением этих глубоких исследовательниц «мира Бицилли» явилось фундаментальное издание: переписка П.М. Бицилли с представителями семьи Флоровских – «Понемногу приспособляюсь к "независящим обстоятельствам"». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции (1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. 320 с.: ил.)[2].

Т.Н. Галчева и И.В. Голубович, снабдив книгу высоко профессиональными комментариями, блистательно показали, по словам О.А. Довгополовой, автора вступительной статьи к этой книге, «…веер судеб людей, не давших миру себя сломать и пропустивших через себя боль и трагедию своей эпохи, оставшись при этом "людьми Университета"» в высоком понимании этого слова – как «идеи корпорации профессоров и студентов, творящей мир»,[3] в котором хотел жить Петр Михайлович Бицилли.

Штрих заключающий

Сегодня историография бициллиеведения – это целая вселенная, объять и постичь которую не может отдельный исследователь. Признаю, сколь мало сделано в попытке хотя бы контурно очертить массив бициллиеведческих изданий. Но если этот опус станет отправной точкой для энтузиастов, стремящихся к «постижению Бицилли», цель автора будет достигнута.

---

[1] См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* Письма П.М. Бицилли к Н.А. Астрову о В.А. Мякотине // Славяноведение. 2014. № 4. С. 48-56; *Голубович И. В. Галчева Т. Н.* Забота о себе в опыте русской эмиграции (по материалам эпистолярного наследия П.М. Бицилли) // Мы все в заботе постоянной… Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 1: Постоянство пребывания с собою. М.: Канон+, 2015. С. 83-98.

[2] См.: *Каганович Б.С.* Рецензия на: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспособляюсь к "независящим обстоятельствам"». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции / Научн. ред. В.В. Янцен. София: Солнце, 2015. 320 с. // Средние века, 2016. №77 (1-2). С. 371-374.

[3] *Довгополова О.А.* «…Мое слишком уж затянувшееся сидение на луне, по ту сторону культуры…» // *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспособляюсь к "независящим обстоятельствам"». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София, 2015. С.23.

Часть вторая

Персональная история П.М. Бицилли: проблемы изучения

Фигура исторического персонажа
станет рельефной и даже объемной,
только будучи рассмотрена
«крупным планом» в различных проекциях
и множественных перспективах…

Л.П. Репина

Персональная история – это «…жизнь отдельного человека от момента рождения до момента смерти»[1], это «история одной жизни» во всей ее уникальности и в достижимой полноте[2]. Несмотря на различные методологические стратегии, характерные для современной историографической практики персональной истории[3], главным смысловым стержнем выступает «неповторимость судьбы» изучаемого персонажа.

Персональная история ученого-историка (интеллектуальная биография) состоит из двух основных взаимосвязанных биографических линий: биографии личности и биографии профессиональной. Реконструкция этих линий в обязательном порядке предполагает обращение к социокультурному контексту, а также библиографический, наукометрический и историографический анализ научного наследия.

Изучение истории жизни и творчества П.М. Бицилли осложнено рядом моментов: *во-первых*, значительным объемом научного наследия ученого (в том числе – рукописного, включая «домашнюю письменность» /термин П.М. Бицилли/), далеко не полностью выявленного (особенно в газетных и журнальных изданиях), и отсутствием на сегодняшний день единой полной научной биобиблиографии; *во-вторых,* внушительным массивом опубликованных и рукописных трудов П.М. Бицилли, написанных на русском, болгарском, сербском, чешском, французском, английском, итальянском и немецком языках, что

---

[1] *Соловьев Э.Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С.46.

[2] *Репина Л.* Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 4. Київ, 2009**.** С.441, 444.

[3] См.: *Репина Л. П.* «Персональная история» - биография как средство исторического познания // Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.287-324; *Попова Т.Н.* Историография в человеческом измерении // Історіографічні дослідження в Україні / Голова редколегії В.А.Смолій; відп. ред. О.А.Удод. Київ, 2012. Вип. 22. «Інститут історії України на зламі епох, у світлі традицій та перетворень. 75 років інституціонального буття»: Доповіді та матеріали міжнародної наукової конференції 20-21 жовтня 2011 року. С.265-292.

требует от исследователей исключительной эрудиции; *в-третьих,* «точечным» характером подходов многих исследователей, обращающихся к творчеству Петра Михайловича в конкретных аспектах, отсутствием в современной литературе комплексного анализа всего наследия ученого; *в-четвертых,* спецификой этих подходов, обусловленных проблемным и дисциплинарным ракурсом восприятия, «зависимостью» от историографических традиций, теоретико-методологических концептов и проч.; *в-пятых,* сложностью с источниковой базой: «разбросанностью» материалов о жизни и творчестве П.М. Бицилли по архиво- и книгохранилищам разных государств, невыявленностью всех ego-документов в личных архивных фондах и т.п.; *в-шестых,* «разобщенностью» исследователей творчества П.М.Бицилли не только на межгосударственном и дисциплинарном уровнях, но и в пределах отдельных «историографических ландшафтов»; *в-седьмых,* ограниченностью информационного поля, отсутствием достаточно стабильных коммуникационных форм и проч.

К ***узловым проблемам*** изучения персональной истории П.М. Бицилли можно отнести четыре блока проблем дискуссионного характера, противоречивость решения которых в литературе обусловлена, с одной стороны, возможностями источниковой базы, с другой – сложностью интепретаций и концептуализации.

Генеалогия и семейная история

- *Этническое происхождение рода*, *время и обстоятельства перехода представителей этого рода на службу Российской империи, персонификация основоположников «российских Бицилли*».

«Открытой темой» остается вопрос о происхождении рода Бицилли. В литературе на основе известных на сегодняшний день архивных источников и автобиографий самого П.М. Бицилли наличествуют две версии об истоках рода: греческая и албано-итальянская. Можно считать достоверным фактом географию проживания первых поколений рода – Албания, область Эпир, провинция Химара (от наименования гор). Известно, что Эпир (у древних греков – материк) называют «колыбелью» греческого народа, ибо расселение эллинов с севера на юг началось именно с этих территорий, которые позже были заселены соседними северными племенами, превратившими это пространство в «котел народов». Во второй половине XVIII в. среди албанцев-химариотов род Бицилли был многочисленным, а его представители имели высокий социальный статус. Два «благородных албанца», предки которых служили Венецианской республике, – Джико и Пано Бицилли перешли на службу Российской империи. Согласно архивным данным, Джико (Джика) Бицилли в 1770-х гг. с отрядом добровольцев перешел на службу России во время пребывания в

Средиземном море эскадры графа А.Г. Орлова. Константин Бицилли поступил на службу России во время второй русско-турецкой войны (1787-1791 гг.), участвовал в войне 1806-1812 гг., окончил службу подполковником, умер в Одессе 24 декабря (5 января) 1813 г. (Г.Л. Арш, М.А. Бирман). По материалам Государственного архива Одесской области представители российских Бицилли (1830-е гг.) основоположником рода считали Константина Гико Бицилия и настаивали на греческих корнях фамилии.

Материалы Государственного архива Одесской области позволяют подтвердить данные из известных вариантов биографии П.М. Бицилли о том, что его предки – выходцы с Балкан. Северный Эпир, город Химара (ныне Албания) – та территория, на которой следует искать род Бицилли. Город Химара, основанный греками, в конце XV в. оказался под контролем Неаполитанского королевства, и многие из его жителей служили неаполитанцам. Одновременно албанское владычество на данной территории, особенно в правление албанского деспота Али-паши Тепеленского (Янинского), привело к значительному сокращению греческого населения в XVIII в.

Родоначальник одесских Бицилли – Константин Бицилли был участником русско-турецких войн второй половины XVIII в., 1806-1812 гг. За героизм в битвах награжден орденом Георгия Победоносца 4-го класса, его имя было внесено в Дворянскую родословную книгу. В середине 1790-х гг. он получил значительные земельные владения в Тираспольском уезде Новороссийского края, возглавлял Греческий дивизион, участвовал в организации размещения греко-албанских переселенцев на территории будущей Одесщины. Его сыновья: Иван – в 1830-е гг. российский консул в Испании (Малага); Савва – майор, погиб в Бородинском сражении; Павел – губернский секретарь, депутат от Одесского уезда в Дворянском собрании Херсонской губернии (1830-е гг.); Михаил – коллежский секретарь, проживал в своем поместье в Одесском уезде.

В прошении Павла Константиновича Бицилли, поданном 19 июня 1831 года в Дворянское депутатское собрание Херсонской губернии от своего имени и от имени своих братьев – Ивана и Михаила, приводились данные о семье и в первую очередь об отце с целью внесения «законных» потомков основоположника рода Константина Бицилли в дворянскую родословную книгу. 30 декабря 1855 года копия протокола заседания Дворянского собрания, подтвердившего происхождение рода, была выдана «дворянину Михаилу Бицилли», «сыну Коллежского Секретаря Фомы, внуку дворянина Михаила и правнуку Подполковника и Кавалера Константина Бицилли». Михаил Бицилли стал отцом Петра Михайловича, а Константин был его прапрадедом.

Константин «Гикин сын Бицилій», или просто «Гика Бицилий» (в источниках даны различные варианты имени), по свидетельству его сына Павла Бицилли, происходил «из дворян Греческой нации и Закона» и имел крестьян

20 душ; в состав Российского Архипелагского флота он вошел «на собственном военном судне с 75 людьми».

Можно ли причислять Константина Бицилли к известному балканскому роду албанского происхождения Гиков? Вопрос открыт, однако известно, что за представителями этого рода в Российской империи признавался княжеский титул; Константин этого титула не имел, но, вероятно, авторитет, происхождение, должности и звания, которыми он обладал уже в России, способствовали особому, уважительному к нему обращению – Гика, распространенному на Балканах, в молдавских землях и т.п. В источниках встречаются и другие имена основоположников рода – Джика и Пано Бицилли; возможно, Джика и Константин Гика – одно лицо, возможно, представители разных поколений.

Ряд архивных данных свидетельствует о том, что, включая отца П.М. Бицилли – Михаила Фомича, все представители рода причисляли себя к грекам, входили в греческую общину Одессы и участвовали в разнообразных греческих обществах. Сам Петр Михайлович никогда не соотносил себя с греческой диаспорой Одессы, а в «автобиографии» категорически написал: «…предки – выходцы из Албании, итальянского происхождения».

Проблема *этнической самоидентификации*, причины, по которым то или иное поколение Бицилли причисляло себя к грекам либо итальянцам, остается в сфере научного поиска.

- *Реконструкция генеалогического древа «российских Бицилли», структура «одесской ветви» рода; наличие иных «ветвей».*

Известно, что наиболее «ветвистой» оказалась линия четвертого сына Константина Бицилли – Михаила Константиновича. О первых двух сыновьях на сегодняшний день ничего не известно. Третий сын – Павел Константинович (1786 - ?) – был на военной службе, затем - губернский секретарь (с 1810 г.), чиновник в Одесском коммерческом суде (с 30.XII.1807 г. по 8.II.1812 г.); депутат Дворянского депутатского собрания Херсонской губернии от Одесского уезда (с 1830 г.); крупный землевладелец (свыше 3000 десятин земли и более 100 крепостных крестьян); женился на дочери помещика Одесского уезда Михаила Гилескула – Анне (1807 - ?); детей (к 1831 г.) не имел.

Младший брат – Михаил Константинович, коллежский секретарь, проживал в Одесском уезде в имении отца, был женат на «греческой уроженке» Христине Ивановой, имел двух детей (сына Фому и дочь Анну) и являлся основоположником той ветви рода Бицилли, к которой принадлежал Петр Михайлович.

Фома Михайлович (1808 ? – 1861), коллежский секретарь, имел 6-х детей: 2-х сыновей – Михаила (р. 22.XII.1843 г.) и Спиридона (р. I.II.1849 г.); и 4-х дочерей – Олимпиаду (р. 5.VII.1839 г.), Христину (р. I.XI.1847 г.), Екатерину (р. 14.X.1851 г.), Александру (р. 21. IV.1854 г.). В 1850-е годы он проживал

с семьей в своем имении. Благоустроенный дом находился возле села Бицилово, которое принадлежало Ф.М.Бицилли с 1851 года, получив свое название по имени владельца; имел 60 душ крестьян мужского пола. Оставил о себе память жестокого помещика. Трагически погиб в 1861 году: бричка, в которой он ехал, перевернулась. После смерти Ф.М. Бицилли имение перешло в собственность Сусана Спиридоновича Бицилли, коллежского секретаря. В последней трети XIX века эти земли перестали быть собственностью семьи Бицилли.

Родители П.М. Бицилли: отец – Михаил Фомич (22.XII.1843-?) – служил в Одесском городском кредитном обществе; мать – Екатерина Адольфовна Штейнгард происходила из состоятельной еврейской семьи, перешедшей в православие; ее брат Петр Адольфович Штейнгард, инженер, титулярный советник, был крестным отцом П.М. Бицилли.

Младший брат П.М. Бицилли – Михаил Михайлович (17.03.1881 – 17.09.1951), окончил в 1904 году физико-математический факультет Новороссийского университета. Он выбрал иной путь, нежели старший брат – остался с семьей на родине. М.М. Бицилли был женат на Т.В. Пащенко (7.07.1880 – 30.10.1960), дочери помещика из Винницкой области. Их сын – Владимир Михайлович (11.05.1909 – 17.08.1959), кандидат географических наук, защитивший 29 июня 1954 года на заседании Совета геолого-географического факультета Одесского государственного университета диссертацию на тему «Методы расчета годового стока малых рек юга Украины», работал позже проректором Одесского гидрометеорологического института. В Одессе проживают ныне представители III-V поколений семейной ветви М.М. Бицилли[1].

- *Трансформация родового имени* – Бицилий (Бицилій)-Бицили-Бицилли – все варианты присутствуют в источниках. Однако Петр Михайлович во всех своих личных документах употреблял только последний вариант написания родовой фамилии.

Решение этих вопросов предполагает поиск и включение в источниковедческий арсенал новых документальных материалов, а также тщательный анализ уже известных данных.

Наставники и школа

«Схоларная история» – одно из ведущих направлений современной историографии. Рассматривая науку с позиций деятельностного подхода, мы неиз-

[1] См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С.340-345. Имя *К.Бицилли* (личность пока не установлена) зафиксировано при перечислении состава т.н. «Одесской Молодой громады» - одесской молодежной организации начала 1890-х гг. См.: *Білокінь С.І.* Антін Синявський і його доба // *Антін Синявський*. Вибрані праці. Київ, 1993. С.14. Ряд данных о семье Бицилли были любезно предоставлены автору *Сергеем Владимировичем Бицилли*, внуком М.М.Бицилли.

бежно приходим к необходимости выявления специфики научного творчества в сложной системе коммуникативного многообразия.

П.М. Бицилли – среди наиболее ярких представителей гуманитаристики XX века. Он принадлежит к тем ученым, которых трудно «уложить» в традиционные историографические схемы. Осмысление научной судьбы ученого в контексте «схоларности» даст возможность приблизиться к пониманию проблемы «школы» как таковой и к личности Петра Михайловича как неповторимой творческой индивидуальности, вобравшей в себя и преломившей через себя многообразие интеллектуальных влияний и культурных традиций.

П.М. Бицилли, воспитанник, а затем профессор кафедры всеобщей истории Одесского (Новороссийского) университета, в январе 1920 г. эмигрировал в Югославию, с 1924 г. был приглашен на должность профессора кафедры всеобщей истории университета Св.Климента Охридски в Софию, где и проработал практически до конца жизни. Научное наследие Петра Михайловича Бицилли, долгие годы остававшееся невостребованным в силу трагических поворотов судьбы ученого, ныне обрело исключительное признание: его имя - блистательного университетского ученого – вернулось, наконец, в «Пантеон академической славы»[1].

Столь неординарная фигура привлекла внимание представителей научного сообщества разных стран. Вполне естественно, что многие исследователи ставят вопрос об интеллектуальных корнях ученого, о принадлежности П.М. Бицилли к определенной схоларной традиции. В бициллиеведческих публикациях уже сложились подходы к пониманию «школьных истоков» П.М. Бицилли: его творчество соотносят с культурологической школой петербургских медиевистов во главе с профессором И.М. Гревсом (Б.С. Каганович, Санкт-Петербург); интерес к итальянской проблематике научных исследований связывают с влиянием на молодого Бицилли профессора богословия Новороссийского университета А.М. Клитина (О.Б. Демин, Одесса); акцентуализируют роль в формировании Бицилли-ученого таких фигур, как Э.Р. Штерн, В.Э. Крусман и особенно Е.Н. Щепкин.

Вместе с тем известные ego-документы самого Петра Михайловича, тексты его опубликованных работ свидетельствуют о том, что он, воздавая должное своим учителям и наставникам, никогда не причислял себя к их ученикам и не соотносил себя с конкретной научной школой. Пожалуй, позиция «отстраненности» от каких-либо «объединений», научный индивидуализм – это принципиальные, вполне осознанные черты творческого облика Петра Михайловича. Великолепный знаток классического наследия мировой философской и исторической мысли, стремящийся уловить все новейшие тенденции интел-

[1] *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* Незавершенное возвращение // *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспособляюсь к "независящим обстоятельствам"». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София, 2015. С.7.

лектуального движения, П.М. Бицилли, однако, не соотносил себя с каким-либо конкретным течением или научной школой.

Тем не менее поиск решения данной проблемы следует вести по следующим линиям: 1) анализ личностного самовосприятия и самоидентификации Петра Михайловича в определении своей «со-причастности» к конкретной школе (Учителю) на основе пересмотра имеющихся и выявления новых данных; 2) анализ уже постулированных историографических традиций при оценках творчества П.М.Бицилли в исследовательской литературе; 3) сравнительный анализ дискурсов П.М.Бицилли и предполагаемых «наставников»; 4) анализ «сетевых коммуникаций» в диахроническом и синхроническом вариантах с целью выявления реальных «влияний» [1].

Эволюция структуры научных исследований

Творческое «движение» П.М. Бицилли чаще всего в современной литературе определяется в координатах: от медиевистики к культурологии, от истории к филологии, от «минимума» в одесский период к «максимуму» в период эмиграции. При решении этой проблемы следует учитывать ряд моментов: *во-первых,* ограничиваясь статистическим методом – подсчетами публикаций с целью выявления проблемно-дисциплинарной направленности работ по формальным признакам, – мы уходим от специфики мышления П.М. Бицилли – интердисциплинарного по своей сущности, которое сформировалось уже в одесский период его творчества и детерминировало структуру его исследований в целом; *во-вторых*, бесспорно, что историзм – как стержневая характеристика его профессионального исследовательского подхода – пронизывает практически все работы ученого, вне зависимости от их дисциплинарного фокуса; *в-третьих,* обращение к филологической проблематике вряд ли можно объяснить исключительно ситуационным фактором – «вынужденной» переориентацией исследовательской деятельности (от истории к филологии) в силу особых условий научной работы П.М. Бицилли в годы эмиграции.

Глубинные причины следует искать опять же в самой личности Бицилли-исследователя, в условиях его профессионального становления: 1) еще в юности учителя отмечали «исключительные способности» молодого Бицилли к «филологическим наукам»; 2) историко-филологический факультет Новороссийского университета славился крупнейшими именами специалистов в области филологии и философии и давал своим выпускникам-историкам фундаментальное гуманитарное образование; 3) в своих методологических поисках П.М.Бицилли пришел к выводу о том, что главной задачей историографии должно быть выявление «духа эпохи», для чего необходимо определение оп-

[1] См. подробнее: Часть третья. «П.М. Бицилли в контексте схоларности».

тимальных объектов анализа, наиболее «прозрачно» отражающих и выражающих «культурное творчество» конкретного исторического периода.

В отличие от Я.Буркхардта, который первостепенное значение придавал искусству, П.М.Бицилли избрал «филологический метод (т.е. подход)», суть которого – в анализе *языка*, «самого гибкого из орудий, служащих духу, и самого общего» (т.к. практически все области, в которых «дух» проявляет себя, так или иначе, по мнению ученого, связаны именно с языком). П.М.Бицилли признавал гениальность Дж.Вико именно за то, что тот первым понял историю как науку о духе и определил значение языка как «исторического источника». С этой точки зрения П.М.Бицилли особо выделял и труды одного из современных ему исследователей – филолога-романиста К.Фосслера, который рассматривал язык как «зеркало», отражающее культуру, и был близок к эстетической концепции Б.Кроче. Произведения литературы П.М.Бицилли рассматривал в качестве «культурных фактов» и одновременно важнейших источников «по истории культуры». Последующий «переход» в область лингвистики и истории литературы (как оценивают многие современные ученые эволюцию творчества ученого) – это, по сути, закономерное развитие Петром Михайловичем в сфере исследовательской практики его теоретических идей, четко сформулированных им в «Очерках теории исторической науки» (1925)[1].

Теоретико-методологическое кредо

Современные исследователи творчества П.М. Бицилли затрудняются квалифицировать не только его дисциплинарную принадлежность, жанровую типологию его работ, но и соотнести его с известными научными школами, направлениями, четко обозначить его методологическую платформу. П.М. Бицилли не укладывается в привычные историографические и историко-философские схемы, поскольку он не получил «четко-ориентированного научного воспитания»: в одесский период – период становления его как профессионального ученого – Петр Михайлович в силу разных обстоятельств оказался слишком «самостоятельным». Его формирование как ученого в большей мере зависело от «историографической традиции»: восприняв разнообразные идеи, он, тем не менее, – это отмечают практически все бициллиеведы – не оказался в интеллектуальной зависимости. Одновременно П.М. Бицилли пришел к собственному видению проблемы «школы» и «корпоративности» в целом, сформулировав для себя критерии исследовательской и личностной независимости.

Теоретико-методологический синтез П.М. Бицилли – сложно структу-

[1] «Как филолог, П.М. Бицилли обогащает историческим видением литературоведческую и лингвистическую проблематику своих трудов. И это соединение истории и филологии в творчестве ученого органично». См.: *Петров В.Н.* Мир искусства // История русского искусства: В 10 т. М., 1968. Т. 10. Кн. 1. С. 474.

рирован. Основополагающим типом исторического мышления для ученого был романтизм – объемное понятие в его восприятии, длящееся в значительном временном диапазоне: от просветительства XVIII в. до XX века. Главная ценность романтизма как стиля историографического мышления, по мнению П.М. Бицилли, – в его устремленности к индивидуальности, к выявлению неповторимого «духа» эпохи, личности и проч., однако без мистического оттенка, столь распространенного среди многих сторонников романтического историописания. «Романтизм», или «индивидуализм», для П.М. Бицилли – ключ к пониманию «историзма вообще»[1]. Его теоретико-методологическую платформу можно очертить относительно подвижными границами: идиографизм, интуитивизм, неогегельянство, «культурно-историческая монадология» – и вряд ли в этом «перечне» следует ставить точку[2].

В эпоху неоклассической науки обвинение в «эклектизме» – категории сугубо модернистского мировосприятия – некорректны. Возможно, выражением новых мировоззренческих и научных тенденций, проявивших себя в полной мере в современной историко-культурной стадиальности, созвучием с поисками «*единства в многообразии*» (тезиса – принципиального для научной и общественной позиции ученого[3]) новой интеллектуальной эпохи Петр Михайлович Бицилли стал органично сопричастным нашему времени.

[1] См.: *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага, 1925. С.112.

[2] См. об этом подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С. 394-447 и др.

[3] П.М. Бицилли: «Единство в многообразии, дифференциация без дезинтеграции – такова формула той цели, к которой следует стремиться…». См.: *Бицилли П.М.* Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага: Издательское Общество «Единство», 1930. С.38.

Часть третья

Фрагменты персональной истории [1]

...историк прежде всего – творчески
в области своей науки
раскрывающая себя личность…
Его деятельность является… его биографией…

П.М. Бицилли

...помимо обычной, «анкетной» истории
мыслителя всегда существует еще
собственная история его идеи.

Э.Ю. Соловьев

О ДОСТОВЕРНОСТИ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ
К истории студенческой поры [2]

Имя П.М. Бицилли хорошо известно в современном интеллектуальном поле. Вместе с тем количественное расширение изданий бициллиеведческой литературы в значительной мере опережает процесс «освоения Бицилли» вглубь. Интернет-сайты сегодня насчитывают сотни повторяющихся материалов, тиражирующих одни и те же ошибки, которые относятся в первую очередь к биографии П.М. Бицилли. Среди них – данные о периоде его обучения в Новороссийском университете, что составляет важную часть одесского этапа его персональной истории.

Главная причина этих ошибок – отсутствие знакомства большинства исследователей с источниками, отражающими этот период, с одной стороны, а с другой – искажение датировки ряда важных событий в жизни П.М. Бицилли самим ученым.

Основным источником, который способствовал появлению этих искажений, были автобиографии П.М.Бицилли – важнейший из видов ego-документов. Данные из официальных curriculum vitae начали использовать болгарские ученые. Затем, с 1990-х годов, после публикации отдельных фрагментов из автобиографий, или определенных их версий, эти факты стали достоянием широ-

[1] В этот раздел вошли материалы статей, опубликованных автором ранее, с определенной коррекцией текстов.

[2] Первоначальная публикация см.: *Попова Т.Н.* Несколько фактов из персональной истории П.М.Бицилли: К вопросу о достоверности ego-документов // Древнее Причерноморье. Выпуск X / Глав. ред. И.В.Немченко. Одесса: ФЛП «А.С.Фридман», 2013. С.514-520.

кого круга читателей, интересующихся творчеством П.М. Бицилли[1].

Испытывая особый пиетет перед ученым, имя которого фактически «открывалось» в 1990-е годы, исследователи его наследия безоговорочно приняли и те факты из ego-документов, которые счел возможным предоставить сам автор.

Профессор Софийского университета М.Н. Велева, ученица одного из непосредственных болгарских учеников П.М. Бицилли профессора Христо Гандева, впервые опубликовала все известные ей автобиографии П.М. Бицилли, написанные им в годы эмиграции[2]. Сравнивая тексты этих документов с архивными (в первую очередь) материалами, можно акцентировать конкретные биографические факты и их отражение в разных источниках.

Факт первый. Абсолютно во всех автобиографиях П.М. Бицилли пишет о том, что получил высшее образование на историко-филологическом факультете Новороссийского университета. Однако ни в одном из вариантов автобиографий ученый не упоминает того, что в июле 1899 г. он поступил сначала на юридический факультет и с 1 сентября был зачислен студентом этого факультета. Проучившись два семестра и сдав зачеты за первый, П.М. Бицилли 14 августа 1900 г. подал прошение ректору Императорского Новороссийского университета (ИНУ) о переводе его, студента второго семестра юридического факультета, на историко-филологический факультет. 17 августа этого же года, принимая во внимание «отличное» поведение студента (из справки, данной инспектором и прилагаемой к прошению), он был зачислен с 1 октября 1900 г. студентом историко-филологического факультета[3]. Причины, по которым П.М. Бицилли принял столь важное для его будущего решение, пока не ясны. Отсутствие этих данных в ego-документах ученого привело к тому, что большинству исследователей этот факт биографии молодого Бицилли неизвестен.

Факт второй. 1905 год как год окончания Петром Михайловичем Новороссийского университета фигурирует в многочисленных публикациях. Тем не менее сам ученый в автобиографиях приводит несколько дат. В письме-заявлении от 14 мая 1920 г. (Сербия, г. Вранье) на имя профессора В. Златарского, декана историко-филологического факультета Софийского университета, стоит дата – *1906 год*[4].

---

[1] См.: *П.М.Бицилли* // Алманах на Софийския университет «Св. Климент Охридски». София, 1939; Проф. Петър Михайлович Бицилли. Некролог от Института за българска история при БАН и от редакционията колегия на сп. «Исторически преглед» // Исторически преглед. Година 9. София, 1953. Кн. пета (5). С. 560-561; Русская литература. 1990. № 2. С.134; *Вомперский В.П.* Петр Михайлович Бицилли. Жизненный и творческий путь // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии / Отв. ред. и автор предисл. В.Н.Ярцева; сост., подгот. текста и коммент. В.П.Вомперского и И.В.Анненковой; вступ. ст. В.П.Вомперского. М., 1996. С.6 и др.

[2] *Велева М.* Из архивното наследство на П.М.Бицилли // Български ежегодник. Т.2. Харков-София, 1996. С.201-221; *Она же.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.35-60.

[3] Государственный архив Одесского области (ГАОО). Ф.45. Оп.5. Д.1254. Л.28-29.

[4] *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.47.

В первом варианте автобиографии, которую П.М. Бицилли, по мнению М.Н. Велевой, написал в 1946-1948 гг., подавая заявление в Советское посольство с просьбой о получении советского гражданства, приведена дата – *1905 год*[1].

Именно данный текст с некоторыми сокращениями был опубликован В.А. Тунимановым в 1990 г.[2]. Факты из этого текста получили широкое распространение в российской и украинской литературе, поэтому дата – 1905 год – стала общепринятой.

Во втором варианте автобиографии (написанной в это же время) приводится дата – *1904 год*[3]. Этот год фигурирует также в черновике заявления в Президиум Верховного совета СССР, написанного, вероятно, после 17 апреля 1947 г., когда П.М. Бицилли дважды получил отказ в получении советского гражданства[4].

Таким образом, в этих, собственноручно написанных П.М. Бицилли, документах приведены три даты: 1904 – 1905 – 1906 гг.

Архивные материалы свидетельствуют о следующем. Для получения университетского диплома П.М. Бицилли необходимо было сдать экзамены за полный университетский курс (VIII семестров, 4 года). В марте – апреле 1906 года Петр Михайлович «подвергся испытанию» в комиссии историко-филологического факультета под председательством действительного статского советника профессора Э.Р. фон Штерна. В «испытание» входило: предоставление научной работы на тему «Политические теории в эпоху первой реставрации», в которой анализировались либеральное и реакционное направления французской политической мысли данной эпохи; сдача двух экзаменов в письменной форме (по русской и всеобщей истории) и девяти устных экзаменов (по греческому и латинскому языкам; по русской истории; по древней, средней и новой истории; по истории церкви, истории славянских народов и по истории новой философии). Е.Н. Щепкин высоко оценил работу П.М. Бицилли и рекомендовал его в «профессорские стипендиаты». На основании этого П.М. Бицилли был удостоен Диплома I-й степени (№ 1010 от 10 мая 1906 г.), который в соответствии с Уставом российских университетов 1884 года предоставлял его владельцу право на чин X класса по Табели о рангах (коллежский секретарь) и возможность остаться при университете «для приготовления к профессорскому званию» [аналог современной аспирантуры. – Т.П.] [5].

Таким образом, П.М. Бицилли, поступивший в университет в год своего двадцатилетия (позднее поступление было связано со слабым здоровьем

---

[1] Там же. С.50.

[2] *Бицилли П.М.* Статьи: История. Культура. Литература (Вступительная статья *В.А.Тунманова*) // Русская литература. 1990. № 2. С. 134-138.

[3] *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.54. Когда точно были написаны эти два варианта автобиографии пока неизвестно.

[4] Там же. С.56.

[5] ГАОО. Ф.42. Оп.36. Д.108. Л.1.

молодого Бицилли, из-за чего он окончил гимназию в 1899 г.), завершил университетское образование только через семь лет после поступления. Что же помешало студенту Бицилли получить диплом, как и полагалось, в 1904 или, в крайнем случае, в 1905 году?

Факт третий. Начало XX века нельзя назвать «спокойным» периодом в биографии города и государства в целом. В Одессе действовали многочисленные легальные и нелегальные организации с различными политическими платформами, в состав которых входили студенты и выпускники Новороссийского университета, представители городской интеллигенции – учителя, журналисты, служащие. Практически все легальные организации выдвигали широкие культурно-просветительские программы, чем и привлекали к себе радикально мыслящих интеллектуалов и в первую очередь студенческую молодежь, остро впитывающую все веяния своего времени. Как и многие его сверстники, П.М. Бицилли не избежал революционного романтизма. Бурные события начала века втянули его в свой водоворот.

11 и 12 февраля 1902 года П.М. Бицилли принимал «деятельное участие в сходках» студенческой молодежи, за что 17 февраля того же года был уволен из университета на основании «Правил для студентов Императорского Новороссийского Университета». Однако в сентябре 1902 года П.М. Бицилли вновь на студенческой скамье – его восстанавливают в университете. 9 октября 1902 года П.М. Бицилли пишет ректору прошение о выдаче ему свидетельства, подтверждающего его статус студента. Данный документ был необходим П.М. Бицилли для представления на призывной участок № 3736 города Одессы: уволенные из университета студенты должны были отбывать воинскую повинность.

17 ноября 1903 года, находясь под «негласным наблюдением» полиции, молодой Бицилли опять был замечен в посещении «незаконной сходки». Вероятно, в этот раз ситуация была более серьезной: 8 декабря 1904 года Инспекция Новороссийского университета выдала студенту VII семестра историко-филологического факультета П.М. Бицилли свидетельство (№ 76) «на жительство в г. Одессе» сроком на один год. Петру Михайловичу, как и другим студентам, участвовавшим в «беспорядках», грозила армия. Еще раньше, 7 июля 1904 года, П.М. Бицилли пишет прошение в Инспекцию университета о выдаче ему копии протокола заседания Дворянского собрания для подтверждения его дворянского происхождения. При этом он просит выдать документ его брату, Михаилу (тоже студенту университета), и прилагает доверенность на имя брата. Доверенность, датированная тем же числом, написана на маленьком листке бумаги, небрежно, что свидетельствовало, вероятно, о поспешности решения в связи с обострением обстановки. Копия протокола (№ 938) была получена М.М. Бицилли в тот же день. Еще один семестр (осень 1904 г.) П.М. Бицилли учится в университете

и только 26 июля 1905 года получает Увольнительное свидетельство (№ 4508). Это свидетельство подтверждает тот факт, что восстановленный в университете в сентябре 1902 года П.М. Бицилли прослушал лекции в течение 1902/03 и 1903/04 академического года, осеннего семестра 1904/05 академического года и за IV-VII семестры сдал все зачеты[1]. До окончания полного курса в университете П.М. Бицилли оставалось проучиться всего один семестр.

В обоих случаях у П. Бицилли нашлись «покровители»: в первый раз он сравнительно быстро был восстановлен в университете, во второй – его «уволили», но – «по собственному прошению». Тем не менее на основании выданного П.М. Бицилли Увольнительного свидетельства он лишался прав, которые предоставлялись студентам и дипломированным выпускникам университета в отношении отбывания воинской повинности. П.М. Бицилли пришлось отслужить год в армии. Но и воинскую повинность он отбывал в Одессе[2].

Потомственное дворянство, положение семьи, родственные связи (крестной матерью П.М. Бицилли была Н.Я. Шведова, жена Ф.Н. Шведова, ректора Новороссийского университета /1895-1903/), особое отношение к способному студенту со стороны университетских преподавателей и проч. сыграли свою роль.

П.М. Бицилли только в двух случаях упоминает о данных событиях – в черновых вариантах автобиографии, прилагаемой к прошению о предоставлении советского гражданства (1946-1947): 1/ «В 1904 году (был временно исключен из университета за участие в студенческих волнениях на политической почве) отбыл воинскую повинность в Одесской инженерной дистанции и вышел в запас в чине унтер-офицера»[3]; 2/ «В годы учения примыкал к левым течениям студенчества…»[4]. Возможно, включив эти факты из своей жизни в автобиографию, П.М. Бицилли рассчитывал на более лояльное отношение к себе со стороны советской власти.

Факт четвертый. Во всех автобиографиях П.М. Бицилли пишет, что после окончания университета (при этом – вне зависимости от того, какую дату окончания он называет) был оставлен в качестве стипендиата для подготовки к магистерскому экзамену по кафедре всеобщей истории[5]. Однако реальная ситуация была несколько иной. Выпускник университета, он вынужден был работать в средних учебных заведениях г. Одессы из-за сложного материального положения семьи [6].

---

[1] ГАОО. Ф.314. Оп.1. Д.210. Л.137 и др.

[2] Автобиография на проф. Петър Михайлович Бицилли (първи вариант) // *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.50.

[3] Там же.

[4] Автобиография на П.М. Бицилли. (Втори вариант) // *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.54.

[5] Там же. С.47, 50, 54, 56.

[6] ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1119. Л.1-3.

Только с 24 августа 1908 г. (через два года после окончания университета) П.М. Бицилли стал профессорским стипендиатом[1]. Еще через два года, 29 декабря 1910 г., он получил свидетельство, в котором говорилось, что Петр Бицилли 3 мая, 27 сентября, 12 ноября и 1 декабря 1910 г. сдал «испытания» на степень магистра всеобщей истории; 15 декабря того же года прочитал две пробные лекции («Фридрих II Гогенштауфен» по назначению факультета и «Наказы 1789 г. как исторический источник» по собственному выбору) и был удостоен звания приват-доцента и права преподавать в университете[2]. 1910 год как год сдачи им магистерских экзаменов П.М. Бицилли везде приводит точно.

Причины «искажений» (которыми не ограничиваются указанные здесь факты) могут быть различны: возможно, что некоторые сюжеты из своей жизни П.М. Бицилли не считал столь значимыми, чтобы сообщать о них в официальных документах; в некоторых случаях он не хотел раскрывать детали не очень приятных для себя событий; вероятно, имели место и погрешности памяти, и определенная небрежность, и проч. Дальнейшее исследование персональной истории П.М. Бицилли, расширение бициллиеведческой эмпирики позволят раскрыть механизм данных искажений в ego-документах ученого.

К истории репатриации [3]

Петр Михайлович Бицилли – ученый с мировым именем, достаточно хорошо известным современной историографии[4]. Представленные ниже документы имеют отношение к важному периоду в жизни П.М. Бицилли, когда он после Второй мировой войны решил вернуться на родину и ходатайствовал перед советскими властями о предоставлении ему и его семье гражданства СССР.

Этот сюжет биографии ученого получил определенное освещение в литературе, однако в ряде изданий утвердился тезис о том, что советское гражданство П.М. Бицилли было предоставлено[5]. Наиболее полно об этой странице

[1] Отчет ИНУ за 1909 академический год. Одесса, 1910. С.28, 43.

[2] ГАОО. Ф. 45. Оп.4. Д.1119. Л.53.

[3] Первоначальная публикация см.: *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М.Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Вып. 16. С.148-157 [Публикация *В.В.Левченко*. Введение и примечания - *Т.Н.Попова*].

[4] См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // П.М.Бицилли. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад» /Сост. Ф.Б.Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. М., 2006. С.633-718; *Попова Т.Н.* К истории бициллиеведения: общий абрис // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т.12. Одеса. Велико Търново, 2013. С.27-76 и др.

[5] См., например: *Вомперский В.П.* Петр Михайлович Бицилли: Жизненный и творческий путь // П.М. Бицилли. Избранные труды по филологии / Отв. ред. и автор предисл. В.Н.Ярцева; сост. и коммент. И.В. Анненковой и В.П. Вомперского; вступ. ст. В.П. Вомперского. М., 1996. С.8 и др.

жизни ученого находим у М.А. Бирмана [1]. Опираясь на публикации М.Н. Велевой [2] и материалы личного архива (письма М.П. Бицилли, дочери П.М. Бицилли, и др.), М.А. Бирман приводит данные о том, что на протяжении 1946 – 1948 гг. П.М. Бицилли и его жена М.Т. Бицилли трижды подавали ходатайство в посольство СССР в Софии (вторая половина 1946 г., 18 апреля 1947 г., 23 января 1948 г.) и получили отказ.

Публикация практически всех до сих пор известных автобиографий П.М. Бицилли и его жены М.Т. Бицилли была осуществлена профессором Софийского университета М.Н. Велевой. Среди этих документов особую роль в данном случае играют автобиографии, написанные ученым в связи с его прошением в Верховный Совет СССР о предоставления советского гражданства[3].

Новые три документа – из фонда Верховного Совета СССР Государственного архива Российской Федерации (г. Москва). Первый документ – это официальное письмо Министерства иностранных дел СССР в Комиссию Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению вопросов приема, выхода и лишения гражданства СССР (от 22 июня 1949 г.). Два других документа – автобиографии П.М. Бицилли и М.Т. Бицилли, написанные соответственно 10 и 19 января 1948 г.

Новые материалы при сопоставлении с уже опубликованными документами позволяют более детально проследить процесс ходатайства П.М. Бицилли о приеме в советское гражданство, а также предоставляют неизвестные ранее биографические факты[4].

---

[1] *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // П.М.Бицилли. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад» (Сост. Ф.Б.Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. М., 2006. С.707-708

[2] *Велева М.* Из архивното наследство на П.М.Бицилли // Български ежегодник. Т.2. Харьков-София, 1996. С.201-221; *Она же.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.35-60

[3] Эти документы были получены М.Н.Велевой из домашнего архива семьи Бицилли и являются ксерокопиями подлинных рукописных автографов, а также ксерокопиями оригинальных машинописных автографов (с рукописными правками), которые принадлежат П.М.Бицилли и его жене М.Т.Бицилли. К этим документам относятся: документ №5 - автобиография П.М.Бицилли (первый вариант) [на русском языке с заголовком и комментариями М.Н.Велевой на болгарском языке]; документ № 6 - автобиография П.М.Бицилли (второй вариант) [на русском языке с заголовком М.Н.Велевой на болгарском языке]; документ №7 - заявление П.М.Бицилли в Верховный Совет СССР с автобиографией [на русском языке с заголовком М.Н.Велевой на болгарском языке]; документ № 8 - прошение П.М.Бицилли к советскому посланнику в Софии [на русском языке с заголовком и комментариями М.Н.Велевой на болгарском языке]; документ № 9 - автобиография М.Т.Бицилли [на русском языке]. Интересующие нас тексты являются черновиками автобиографий их авторов. Все тексты - близкие, но не идентичные по содержанию, не имеют завершенного характера за исключением автобиографии М.Т.Бицилли, которая представлена по содержанию в завершенном виде в одном машинописном варианте. См.: *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.50-60.

[4] При публикации была сохранена оригинальная орфография.

№ 1.

Министерство иностранных дел СССР 22.6.1949 г.

Председателю Комиссии Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению вопросов приема, выхода и лишения гражданства СССР – тов. Горкину А. Ф.

Направляем Вам ходатайство о приеме в гражданство СССР Бицилли Петра Михайловича и его жены Бицилли /ур. Полянкевич/ Марии Тимофеевны, поступившие из посольства СССР в Болгарии.

Бицилли П. М. 1879 г. р., уроженец Одессы. Русский. Профессор всеобщей истории. Проживает в Софии.

В 1920 г. эмигрировал сначала в Сербию, потом в 1924 г. переехал в Болгарию, где и проживает до настоящего времени. Работает в Софийском университете.

В прошлом Бицилли состоял длительное время в эсеровской партии и участвовал в деятельности 2-го интернационала.

Бицилли урожд. Полянкевич Мария Тимофеевна, 1878 г. р., родилась в Одессе. Русская. Преподаватель музыки.

В 1920 г. эмигрировала за границу, сейчас проживает в Болгарии вместе с мужем Бицилли П. М. и работает преподавателем музыки.

Бицилли М. Т. состояла в белоэмигрантской организации «национальный трудовой союз нового поколения».

В связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14.6.1946 г. Бицилли П.М. и Бицилли М.Т. в 1946 г. возбуждали ходатайства о приеме их в гражданство СССР. Комиссией при Посольстве СССР в Болгарии ходатайства были отклонены.

Повторное ходатайство Бицилли П.М. и Бицилли М.Т. Посольство СССР также не поддерживает.

Министерство Иностранных Дел СССР не видит оснований к приему в гражданство СССР Бицилли П.М. и Бицилли М.Т.

Приложение: дело о приеме в гражданство СССР на 10-ти листах.

Заместитель Министра Иностранных Дел СССР Ф. Гусев

ГАРФ (г.Москва). Ф.Р7523. Оп.59. Д.4330. Л.1
(машинопись, оригинал, подпись-автограф).

№ 2.

Автобиография Петра Михайловича Бицилли[1]

Я, Петр Михайлович Бицилли, родился в г. Одессе, 13 октября[2] 1879 г.

Мой отец, по происхождению из среды мелкопоместного дворянства, служил секретарем Одесского Городского Кредитного Общества. Мать, урожденная Штейнгард[3], – из еврейской семьи. Среднее образование получил в Одесской II-ой гимназии, высшее – на историко-филологическом факультете Новороссийского /Одесского/ Университета[4]. По окончании его /в 1904 г./ [5] был оставлен при нем в качестве стипендиата для подготовки к магистерскому экзамену по кафедре всеобщей истории. В 1910 г. сдал магистерский экзамен и был избран приват-доцентом всеобщей истории в Новороссийском университете[6]. Одновременно преподавал историю Западной Европы на Одесских Высших Женских Курсах, а так же – историю в VIII-ых классах нескольких Одесских женских гимназиях. В 1917 г. по защите в Петербургском университете диссертации на тему «Салимбене, очерки Итальянской культуры XIII-го века», получил степень магистра всеобщей истории и был избран штатным доцентом, а спустя несколько месяцев экстраординарным профессором. В 1918 г. был приглашен занять, в качестве ординарного профессора кафедру всеобщей истории в Саратовском Университете, но в силу сложившихся обстоятельств, не имел возможности переехать туда.

---

[1] Документ № 2 представляет собой завершенный по содержанию текст, написанный на основе компиляции опубликованных М.Велевой черновых вариантов: № 6 (второй вариант автобиографии) и № 7 (автобиография, прилагаемая к заявлению в Президиум Верховного Совета СССР). Кроме того в текст вошли отредактированные по сравнению с документом № 5 (первым вариантом автобиографии) данные о болгарских и эмигрантских изданиях, в которых публиковался ученый. Новой по содержанию (по сравнению с черновыми вариантами) является часть текста, которая начинается с фразы: «Выйдя из напряженной атмосферы гражданской войны…» (и до конца документа).

[2] Дата рождения указана по новому стилю. В выписке из метрической книги приходской Покровской церкви города Одессы от 29 июля 1880 года указана дата 1 октября.

[3] Екатерина Адольфовна Штейнгард происходила из состоятельной еврейской семьи, перешедшей в православие; ее брат Петр Адольфович Штейнгард, инженер, титулярный советник, был крестным отцом П.М.Бицилли.

[4] П.М. Бицилли стал студентом юридического факультета Новороссийского университета с 1 сентября 1899 г.; проучившись два семестра, подал прошение о переводе на историко-филологический факультет; зачислен с 1 октября 1900 г.

[5] В собственноручно написанных П.М.Бицилли документах приводятся три даты окончания университета: 1904 – 1905 – 1906 гг. Правильна последняя: именно в 1906 г. П.М.Бицилли, сдав все необходимые испытания, получил Диплом I-й степени (№ 1010 от 10 мая 1906 г.) по историческому отделению историко-филологического факультета.

[6] П.М. Бицилли стал профессорским стипендиатом с 1908 г.; 29 декабря 1910 г. был удостоен звания приват-доцента и права преподавать в университете; с 4 января 1911 года был назначен приват-доцентом по кафедре всеобщей истории Новороссийского университета.

В годы студенчества примыкал к левым его течениям[1]; впоследствии зачислился в партию социалистов-революционеров[2]. Впрочем, будучи поглощен преподавательской и научной работой, активного участия в партийной жизни не принимал.

Как и вся окружавшая меня интеллигентская среда, я с радостью принял февральскую Революцию, но не понял и не оценил значения Октябрьской. Я считал себя социалистом, однако привыкши мыслить по установленным историческим схемам, не мог поверить, что отсталой царской России суждено проложить новые пути для человечества. Хотя в бурные 1917-1920 годы я был далек от активной политики, не участвуя непосредственно в гражданской войне и не разделяя ее идеологических обоснований, но по своей установке, по связям, которые поддерживал, оказался в лагере враждебном Октябрьской Революции и, когда наступил неизбежный конец контр-революции, вместе с людьми меня окружавшими, покинул Родину и поселился в Югославии, где занимал должность приват-доцента всеобщей истории в Скопленском /Македония/ Университете. В 1924 г. по рекомендации покойного Эрвина Давидовича Гримма, занимавшего кафедру новой истории Западной Европы в Софийском Университете и решившего вернуться на Родину, был избран на эту кафедру и сейчас в той же должности.

Выйдя из напряженной атмосферы гражданской войны, я уже в первые годы эмиграции понял, что мои прежние представления об историческом развитии России были ошибочны. Но для возвращения в Россию я не видел практических возможностей. Поэтому, оторванный и от Родины и от эмигрантской общественности / которая, говоря вообще – по крайней мере там, где я находился, вдохновлялась совсем иными и надеждами/, я всецело отдался научным

[1] П.М. Бицилли дважды исключался из Новороссийского университета за участие в студенческих сходках и посещение нелегальных мероприятий: 17 февраля 1902 г. (был восстановлен в университете в сентябре того же года); 26 июля 1905 года получил Увольнительное свидетельство (№ 4508) и был вынужден год отслужить в армии.

[2] Практически во всех автобиографиях П.М.Бицилли пишет о том, что состоял в партии социалистов-революционеров. См.: *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.51, 54, 56 («…накануне второй революции вошел в партию социалистов-революционеров»: «Автобиография», черновик, первый вариант; «…впоследствии зачислился в партию социалистов-революционеров»: «Автобиография», черновик, второй вариант; «Автобиография» - приложение к Заявлению в Верховный Совет СССР, черновик, текст соответствует тексту второго варианта). В Протоколе № 21 заседания Историко-филологической секции Одесского народного университета под председательством Н.Н.Ланге от 1 августа 1917 г. сказано: «Собрание [в составе: Н.Н.Ланге, А.В.Флоровский, П.М.Бицилли, Г.В.Флоровский, М.И.Мандес, В.Э.Крусман / в тексте – Круссман/. - Т.П.] единогласно постановило кооптировать П.М.Бицилли, утерявшего право на мандат от партии социалистов-революционеров». См.: Научное наследие Н.Н.Ланге в университетской библиотеке: монография. Одесса: Астропринт, 2010. С.90-91. По воспоминаниям С.Я.Борового, старший брат А.В.Флоровского, В.В.Флоровский был по политическим убеждениям эсером, возможно, это в какой-то мере оказало влияние на выбор П.М.Бицилли в пользу партии социалистов-революционеров. См.: *Боровой С.* Воспоминания / Вступ. ст. М. Соколянского; Примеч. и биоблиогр. коммент. В. Кельнера. М.; Иерусалим: Евр. ун-т в Москве, 1993. С.98.

занятиям. Мною было написано много статей на общественно-исторические, а еще более литературоведческие и лингвистические темы. Работы по последним двум вопросам были напечатаны в «Годишник на Софийския Университет» и др. Я сотрудничал в Русских периодических изданиях, выходивших в Париже: «Современные Записки», «Русские Записки», «Звено», «Числа».

Вторая мировая война с особой остротой поставила передо мною – как и перед всеми – вопросы современности. До тех пор я продолжал думать, что между мировой реакцией и коммунистическим строем, осуществленном в Советском Союзе, возможен третий путь, который также приведет к социализму, но мягкими, либерально-демократическими путями. Ужасы фашизма ясно показали, что этого пути нет, и что только Советский Союз является мировым оплотом в борьбе с рецидивом варварства, что я и высказал в моем университетском курсе, посвященном истории России XIX-том и начала XX-го века / вплоть до Октябрьской Революции включит./, читанном в 1945/46 уч. году.

Приход Советских войск в Болгарию, живой контакт с Советскими людьми показали мне огромные успехи, достигнутые Советским Союзом не только в области материальной культуры, но и в том, что важнее всего – в создании нового типа человека, гражданина нового, социалистического общества.

Мне 68 лет, но я не утратил работоспособности и думаю, что еще мог бы быть полезен моему народу работая по моей специальности – как историк и литературовед – предоставив мой педагогический опыт и мои знания к услугам новых Советских поколений.

Одновременно с моей автобиографией я подаю ходатайство о восстановлении меня в гражданстве Союза Советских Социалистических Республик.

Подобные заявления были поданы мною, на основании Указа Президиума Верховного Совета С.С.С.Р. от 15.VI.1946 г. в Миссию С.С.С.Р. в Болгарии дважды. В первый раз в 1946 г. /точной даты не помню/, во второй раз – 18. IV.1947 г. Оба раза мне было отказано, по причинам мне не известным. Желая восстановить связь с моей Родиной, обращаюсь еще раз с этим заявлением, в надежде, что Президиум Верховного Совета, ознакомившись с тем, что я уже изложил о себе, убедится, что для удовлетворения моей просьбы не имеется препятствий.

София, 10 января 1948 г. подпись
Ул. Алеко Константинов № 1 /Петр М. Бицилли/

ГАРФ (г. Москва). Ф.Р7523. Оп.59. Д.4330. Л.5-6
(машинопись, оригинал, подпись-автограф).

№ 3.

Автобиография Марии Тимофеевны Бицилли[1].

Я бывшая Русская подданная по своему рождению и по подданству моих родителей. Проживаю в Болгарии по Нансеновскому паспорту. В 1946 году, пользуясь изданным для бывших Русских подданных указом Президиума Верховного Совета С.С.С.Р. я подала в Миссию прошение о предоставлении мне прав Советского гражданства. Но в этом прошении мне дважды было отказано. Мотивы отказа мне не известны.

Желая искренне вступить в число Советских граждан с тем, что бы вернуться на Родину, я настоящим ходатайствую о новом просмотре и новом решении своего дела о Советском подданстве.

Одновременно предоставляю сведения о моей жизни и деятельности:

я родилась в Одессе 31 декабря 1878 г. от родителей Тимофея Осиповича Полянкевича и Марии Александровны Штейнхаузер, ныне оба умершие. Оба принадлежали к числу трудовой интеллигенции и занимались – отец частно-служащий, а мать домашним хозяйством и воспитанием детей. Жили мы скромно исключительно на жалование отца.

Со мной росла и воспитывалась сестра Елизавета, в последствии вышедшая замуж за Жихарева, а в последствии за заслуженного артиста Р.С.Ф.С.Р. – Певцова, от которого имеет двух уже взрослых дочерей.

Моя сестра с молодости увлекалась сценической деятельностью. Вся ее жизнь была посвящена театру. По моим сведениям, моя сестра – Заслуженная артистка Р.С.Ф.С.Р., вместе со своими взрослыми дочерьми, пережив осаду Ленинграда, живет на покое в этом городе.

Я окончила Одесскую женскую гимназию в 1897 г. и поступила в Музыкальную Академию, по классу пения. По окончании своего образования в России я ездила учиться у итальянских мастеров пения и вернувшись в Россию в 1898 г. давала уроки пенья. В этом же году я вышла замуж за Петра Дим. Орехова, служившего чиновником по Министерству Юстиции. Но скорая смерть мужа, оставившего меня с дочерью Анной без всяких средств к существованию, заставила меня обратиться к старому занятию – урокам музыки. На мои заработки существовала моя дочь и я. Через несколько лет после смерти моего мужа я вторично вышла замуж за профессора по истории Одесского Университета Петра Михайловича Бицилли. От второго брака имею дочь – Марию. Я занималась воспитанием детей и педагогической деятельностью.

В январе 1920 года, под влиянием событий, вместе со многими другими

[1] Этот текст фактически адекватен (за исключением незначительных орфографических изменений) документу № 9. См.: *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.58-60.

семьями мы эвакуировались из Одессы в Сербию, где мой муж получил кафедру по истории в Университете в Скопье. Мы прожили в Сербии 4 года и все это время я занималась домашним хозяйством и давала уроки музыки и пения. В 1924 г. вместе с мужем, получившим приглашение занять кафедру по истории в Софийском Университете, и детьми переехали в Болгарию, где мы все эти годы и проживаем.

Все время пребывания в Болгарии я, как и в прежние времена, занималась домашним хозяйством, воспитанием детей и даванием уроков пенья.

Никакой политической деятельностью я не занималась и ни в каких обществах, кроме благотворительных, не состояла и не состою.

Мое отношение к Советской власти было всегда лояльным. Не занимаясь никогда политикой и не разбираясь в различных течениях политической мысли, я была всегда честным Русским патриотом и никогда не забывала моего Отечества. В духе патриотизма и привязанности к Русской культуре я всегда стремилась воспитывать моих детей и моих многочисленных учеников.

Что касается моего семейного положения, то я имею двух дочерей:

старшая – Анна, ныне вышедшая замуж за болгарского гражданина лет 14 назад П. А. Иванова и вторая – Мария, вышедшая замуж 7 лет назад за А. П. Мещерского, ныне Советского гражданина.

Я прошу предоставить мне, вместе с моим мужем, Советский паспорт. Я чувствую в себе достаточно сил, что бы еще поработать в деле Русского музыкального искусства на пользу нашей Родины.

София, 19 января 1948 г. подпись
ул. Алеко Константинов № 1 / Мария Т. Бицилли/

ГАРФ (г.Москва). Ф.Р7523. Оп.59. Д.4330. Л.10-11
(машинопись, оригинал, подпись-автограф).

П.М. БИЦИЛЛИ В КОНТЕКСТЕ СХОЛАРНОСТИ [1]

…элементы, из которых строится нравственный мир,
суть отдельные люди и их волевые акты…
эти элементы…путем многообразного взаимовлияния
получают свое содержание.

И.Г. Дройзен

Персональная история П.М. Бицилли еще не написана[2]. Среди стержневых проблем творческой биографии ученого – проблема интеллектуальных «влияний», способствовавших формированию его габитуса, творческого потенциала, концептуальной платформы и научного кредо в целом. Эта проблема может решаться в контексте проблемы его «наставников» и «школы», шире – в контексте проблемы «сетевых коммуникаций» в диахроническом и синхроническом вариантах, в структурных конфигурациях организации научного труда и передачи определенной научной культуры, в многообразных взаимоотношениях ученого с окружающим его миром людей и миром идей.

[1] Материалы этого раздела вошли в статьи: *Попова Т.Н.* П.М.Бицилли: проблема наставников и школы (К 130-летию со дня рождения) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П.Корзун, А.В.Якуба. Вып.5. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С.52-71; *Она же.* П.М.Бицилли в контексте схоларной истории // Древнее Причерноморье. Выпуск 1X / Глав. ред. И.В.Немченко. Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. С.404-410; *Она же.* Новороссийский университет как научная школа: К постановке проблемы // Университеты Юга России: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции (г.Ростов-на-Дону, 15 фераля 2011 г.). Ростов н/Д.: Foundation, 2011. С.252-257.

[2] Первые варианты фрагментов биографии П.М.Бицилли представлены в работах: *Гандев Хр.* Петър Михайлович Бицили (по случай 100 години от рождението му) // Векове. 1980. № 2; *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991; *Галчева Т.Н.* П.М. Бицилли – опыт возвращения // Бицилли П.М. Избранное: историко-культурологические работы. Том первый. София, 1993; *Дочев Д.* Пьотр Михайлович Бицили // Бицили П.М. Европейската култура и Ренесансът. Избрани студии. София, 1994; *Вомперский В.П.* Петр Михайлович Бицилли: жизненный и творческий путь // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996; *Васильева М.* Бицилли Петр Михайлович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997; *Попова Т.Н.* К биографии П.М.Бицилли: Из истории одесского периода жизни ученого // Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Вып. 5. Воронеж, 2000; *Она же.* Из истории историографии: П.М.Бицилли. К 120-летию со дня рождения // Российские университеты в ХУШ – XX веках. Сб. научных статей. Вып. 5. Воронеж, 2000; *Сыченкова Л.А.* Культура Западной Европы в российском гуманитарном знании (вторая половина XIX – начало 30-х гг. XX вв.). Казань, 2000; *Шумейко Д.А*. Болгарський період життя та творчості П.М.Біцілі // Записки історичного факультету / ОДУ ім. І.І.Мечникова. Вип. 11. Одеса, 2000; *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли София, 2004; *Бирман М.А.* П.М.Бицилли (1879-1953) // Славяноведение. 1997. № 4; *Он же.* П.М.Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б.Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. М., 2006; *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. Санкт-Петербург, 2007; *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С. 327-452 [Раздел 6. «Судьбы ученых. Петр Михайлович Бицилли: "Исход" и возвращение».] и др.

Био-силуэт

Сорокалетие одесского периода в жизни П.М. Бицилли не было благополучным восхождением к вершинам академической карьеры. Он поздно «состоялся» как ученый-исследователь: первые его публикации относятся к 1912 г., когда Петру Михайловичу было уже тридцать три года. Окончив в двадцать лет гимназию (1899), молодой Бицилли не сразу нашел свой путь в жизни: историческое образование он выбрал с 1900 – после года обучения (с 1899) на юридическом факультете Новороссийского университета. Дважды исключался из университета (1902, 1905), окунувшись в бурную жизнь «революционного» студенчества; из-за этого же год «потерял» в армии (1905/1906), лишившись привилегий студенческого статуса. Только в двадцать семь лет (1906) П.М. Бицилли получил диплом специалиста-историка, в науку пришел еще через два года (1908), став «профессорским стипендиатом» по кафедре всеобщей истории, приват-доцентом которой был утвержден только в январе 1911 года. Слабое здоровье в детском и юношеском возрасте, «революционное кружение» в студенческие годы, сложности семейной и личной жизни – все это, безусловно, задержало становление Петра Михайловича как ученого. Его жизнь как преподавателя была заполнена значительным количеством учебных занятий – в университете, в Политехническом институте, на Одесских высших женских курсах, в гимназиях и проч. – это отвлекало от научных исследований. Защита магистерской диссертации П.М. Бицилли состоялась только в 1917 году. В сентябре этого же года он стал штатным доцентом Новороссийского университета, в апреле 1918 года был избран на должность ординарного профессора Саратовского университета, занять которую ему не пришлось. В сентябре 1918 и в мае 1919 года (учитывая два кратковременных периода советской власти в Одессе) по инициативе уже «красного» профессора Е.Н. Щепкина Петр Михайлович был избран на должность профессора реорганизованной Высшей школы г. Одессы; с 6 сентября 1919 года был утвержден исполняющим должность экстраординарного профессора (опять «белого») Новороссийского университета.

1917-1919 годы – период личностной и профессиональной зрелости П.М. Бицилли, и именно эти годы радикально изменили его судьбу: Петр Михайлович вынужден был сделать шаг в неизвестность…

О наставниках

Эволюция исследовательской проблематики П.М. Бицилли в одесский период имеет непростую конфигурацию, что связано с влиянием на него трех основных фигур. Одна из них – Э.Р. фон Штерн (1859-1924) – известный

ученый, специалист по истории Древней Греции и Рима, истории колонизации Северного Причерноморья, основатель школы археологов в Новороссийском университете, декан историко-филологического факультета ИНУ (1905-1909), лекции которого по римской истории, по произведениям Тацита и др. Петр Михайлович слушал в студенческие годы. Первые публикации молодого ученого 1912-1913 гг. свидетельствуют об интересе к римской истории, с которой начинал сам Э.Р. фон Штерн[1]. «Тацит и Римский империализм» (1912) – работа П.М. Бицилли, которую часто «обходят» вниманием в существующих библиографиях[2], вошла в сборник научных трудов, посвященный Э.Р. фон Штерну как почетному члену Одесского общества истории и древностей [3]. Антиковедческие изыскания наряду с разработкой общего курса по истории Рима (1917/1918) в итоге вылились в малоизвестную и недостаточно еще оцененную работу – «Падение Римской империи» (1919. 104 с.). Отъезд Э.Р. Штерна в Германию в 1911 году, вероятно, сыграл свою роль в том, что Петр Михайлович так и не решился сделать историю античности своей специализацией. Несмотря на малочисленные публикации П.М. Бицилли сразу же зарекомендовал себя глубоким специалистом по многим вопросам антиковедения. К.А. Кузнецов, доктор философии Гейдельбергского университета, основоположник исторического музыковедения в России, ординарный профессор (1917) кафедры энциклопедии права и истории философии права юридического факультета Новороссийского университета, человек необычайно одаренный во многих областях науки и искусства, с благодарностью признавал, что он «целиком обязан своему коллеге по Новороссийскому университету приват-доценту П.М. Бицилли» в осмыслении идей Платона[4].

[1] См.: *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В.Тункиной. М., 2008. С.265; Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Том 4. Р-Я. Одеса, 2000, 2005 и др.

[2] См.: Библиография трудов Бицилли // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 676.

[3] Записки Одесского Общества истории и древностей. 1912. Т. 30. С. 378-388. См. об этом: *Ванчугов В.П.* Одесское общество истории и древностей на рубеже XIX-XX вв. и Э.Р. Штерн // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. 1939-1989: Тезисы докладов юбилейной конференции. 27-28 октября 1989 г., г.Одесса. Одесса, 1989.

[4] *Кузнецов К.А.* Платон. Введение в анализ «Государства» и «Законов». Одесса, 1916. Цит. по: *Березкин А.В.* Профессор Восточного института К.А.Кузнецов (1883-1953). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/k-a-kuznetsov-1883-1953-as-a-professor-of-the-institute-of-oriental-studies О К.А.Кузнецове см.: Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Т.3 Одеса, 2000. С.155-156; *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В.Тункиной. М., 2008. С.206, 635; *Савин А.Н.* [Рец.] // Исторические известия. 1916. № 1. С.101-105; *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. С.142-143; *Березкин А.В.* Историк государства и права Англии К.А.Кузнецов // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2005. Вып.5. С.147-156.

В 1913 году появляются первые рецензии П.М. Бицилли по средневековой тематике. В поисках причин перехода к медиевистике можно выделить два фактора. Первый (возможно, не по значимости, но по обстоятельствам) – *дидактический*. В научной судьбе университетского ученого значительную роль всегда играет «дидактический фактор»: «учебная нагрузка», читаемые курсы, углубленное изучение преподаваемого материала и проч. неизбежно заставляют «связывать» учебную и научную деятельность, тем более что в «университетсткой науке», сформировавшейся в системе т.н. классических университетов Европы XIX в., научные исследования выступали в качестве эпифеномена процесса преподавания[1]. С 1913 года к Бицилли перешли все курсы по истории средних веков: медиевистическая ориентированность учебной работы детерминировала обращение молодого ученого к средневековой тематике.

Второй фактор – персональное влияние В.Э. Крусмана. Специалист по проблемам западно-европейского Возрождения, прекрасный знаток эпистолярного наследия английских и итальянских гуманистов, В.Э. Крусман заинтересовал П.М. Бицилли историей итальянской культуры. Он - автор подробной программы, по которой П.М. Бицилли работал в архивах и библиотеках Германии, Франции и Италии. Научные командировки П.М. Бицилли в Западную Европу в 1913-1914 годах способствовали определению его научно-исследовательского профиля. Сближение с Петербургской культурологической школой И.М. Гревса скорее всего также произошло благодаря В.Э. Крусману, который консультировал П.М. Бицилли в период работы последнего над магистерской диссертацией, признавал «близость» их взглядов на «ряд исторических проблем» и принадлежность к одному научному направлению [2].

Петр Михайлович оценивал В.Э. Крусмана как одного «из самых сильных и значительных» представителей «блестящей петербургской школы» историков[3]. Судьба В.Э. Крусмана (1879-1922) – трагична: выпускник Санкт-Петербургского университета, ученик Г.В. Форстена и И.М. Гревса, он с 1908 по 1917 гг. преподавал в Новороссийском университете; с 1 июля 1917 г. был назначен на должность ординарного профессора Пермского университета, где проработал пять лет[4]. Магистерскую диссертацию В.Э. Крусман защитил только в 1916 г. и оставил небольшое по объему научное наследие, не успев в полной мере реализовать свой исследовательский потенциал. Последующее

[1] Дидактический фактор в определении исследовательской стратегии университетских ученых не утратил (в значительной степени) своей роли и в наше время.

[2] Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф.45. Оп. 4. Д. 1119. Л.21.

[3] *Бицилли П.* Памяти В.Э.Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2. С.342.

[4] См.: *Гревс И.М.* Памяти В.Э.Крусмана (Некролог) // Анналы. 1922. № 2; *Кан А.С.* Историк Г.В.Форстен и наука его времени. М., 1979; *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. С.474-486 [Раздел: «Судьбы ученых. Владимир Эдуардович Крусман: последний романтик»]; *Она же.* В.Э.Крусман: новое прочтение // Древнее Причерноморье. Вып. VIII. Одесса, 2008. С.294-299.

«забвение» ученого во многом связано с рецензиями Н.И.Кареева и Е.В.Тарле на основной труд В.Э.Крусмана «На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование» (Одесса, 1915). Отметив «строгую историчность» исследования, эрудицию автора, «надлежащую» работу с источниками и т.п., они не приняли в целом концепцию В.Э. Крусмана[1]. «Издержки» советской эпохи способствовали тому, что научный поиск не был сфокусирован на трудах ученого вплоть до 1990-х гг.

П.М. Бицилли, в противовес высоким авторитетам, считал характерной чертой В.Э. Крусмана-исследователя «грандиозность его научных замыслов и исканий», которые соответствовали «широте его интересов, мощи его духа, высоте его умонастроения»; все это «в сочетании с неутомимой работоспособностью, феноменальной памятью и поистине изумительной начитанностью» создавало неповторимый облик ученого. П.М. Бицилли высоко ценил своего коллегу и друга и как университетского преподавателя: его лекционные курсы, считал Петр Михайлович, – оригинальные по содержанию, «свежие» по материалу, чаще всего были результатами «собственной лабораторной работы» и тесно «соприкасались» с его главным исследовательским направлением. Немецких корней, протестантского вероисповедания, В.Э. Крусман, называвший себя в шутку «петербургским чухонцем», был, по мнению П.М. Бицилли, «вполне русским человеком», или «русским европейцем». Созвучие идей и подходов, единство исходных теоретических концептов свойственны обоим исследователям культурной истории Европы позднего средневековья.

Третья фигура (не по значимости!), оказавшая бесспорное влияние на формирование облика П.М. Бицилли-ученого – Е.Н. Щепкин, выпускник Московского университета, вышедший из школы В.И. Герье[2]. Будучи студентом, Петр Михайлович прослушал курсы лекций Е.Н. Щепкина «История средних и новых веков», «История XVIII в.», «Начало XIX ст.», «Методология истории» и др.; под его руководством написал выпускное сочинение. В 1906 году был рекомендован Е.Н. Щепкиным «для приготовления к профессорскому званию». В 1908 году по инициативе Е.Н. Щепкина и при активной поддержке Э.Р. фон

[1] См.: *Кареев Н.И.* Был ли гуманизм в Англии в Х1У в.? (По поводу одной книги) // Русские записки. 1916. № 3. С.49-65; *Тарле Е.В.* Новое исследование по культурной истории Англии // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 3-4, отд. 3. С.139-165; *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в Х1Х и начале ХХ века. / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В.Тункиной. М., 2008. С.201.

[2] См.: Евгений Николаевич Щепкин (1860 - 1920): Биобиблиографический указатель / Сост.: *И.В.Максименко, В.В.Самодурова;* Научн. ред. *Т.Н.Попова;* Авторы вступ. ст. *И.В.Максименко, Т.Н.Попова.* Одесса, 1998. 129 с.; Історик Євген Миколайович Щепкін (1860-1920): постать в контексті доби. Матеріали міжнар. наук. конференції «IV Історіографічні читання», присвяч. 150-й річниці з дня народження професора Є.М. Щепкіна (21-22 травня 2010 р., м.Одеса). Одеса, 2012. 212 с.

Штерна П.М. Бицилли (еще магистрант) стал преподавателем Одесских высших женских курсов. В 1918 году Е.Н. Щепкин рекомендовал П.М. Бицилли на должность профессора. Пробные лекции, прочитанные П.М. Бицилли в Новороссийском университете в 1910 г. посвящены тематике, входившей в диапазон исследовательских интересов Е.Н. Щепкина: «Фридрих II Гогенштауфен» и «Наказы 1789 г. как исторический источник».

Петр Михайлович испытывал чувство пиетета к своему наставнику. Статья, написанная им к 30-летию научной деятельности Е.Н. Щепкина (1916), – образец глубокого историографического анализа, осуществленного уже профессионально зрелым ученым, стремящимся сквозь призму «образа другого» определить собственное кредо. П.М. Бицилли считал, что для исследовательского почерка Е.Н. Щепкина характерны самостоятельность и нестандартность мышления. Это нашло свое выражение в выборе исследовательской проблематики, в независимости от общепринятых нормативов историографической традиции и, наконец, всегда в новом подходе к решению т.н. «старых» тем. Проблематика научных интересов Е.Н. Щепкина, специалиста по всеобщей истории, несмотря на кажущуюся разнородность, подчеркивал П.М. Бицилли, всегда относилась к той области познания, «…где "русская история" граничит со "всеобщей"»[1]. Изучение историко-юридических нормативов древней Руси, происхождение Лжедмитрия I, Семилетняя война – все эти проблемные линии, охватывая различные регионы, одновременно вписывались в общеевропейский контекст и рассматривались Е.Н. Щепкиным на источниковом материале разнообразного национально-государственного происхождения. Специфика его подхода заключалась в том, что и сама тематика, и ее решение всегда были, отмечал П.М. Бицилли, направлены «против течения». Е.Н. Щепкин, глубокий знаток историографических традиций, выступал за пересмотр устоявшихся мнений, предлагая всегда собственное оригинальное видение проблемы и не следуя «методологической моде»: так, в период увлечения российскими историками экономическим материализмом, он обращается к истории русской дипломатии; в противовес мнению «об абсолютной детерминированности исторического процесса» под влиянием экономического фактора – выдвигает тезис о необходимости учитывать «специальные расчеты личностей», часто несовпадающие с «экономическим расчетом масс».

Новый ракурс, новый подбор источников, новая трактовка фактов и в итоге новое качество решения вопроса – в этом заключалась специфика исследовательского почерка Е.Н. Щепкина. П.М. Бицилли верно раскрыл отличительную черту Е.Н. Щепкина-исследователя: «…он прежде всего историк-методолог»[2]. Глубокое понимание им методологических новаций и об-

[1] *Б[ицилли П.]* Тридцатилетие научной деятельности профессора Е.Н.Щепкина // Одесский листок. 1916. 6 января.

[2] Там же.

щих тенденций в развитии теоретической мысли в исторической науке нашло отражение в курсах по методологии истории, читаемых Е.Н. Щепкиным в Новороссийском университете и на Одесских высших женских курсах[1]. «Мастерство метода», новый, всегда нестандартный взгляд на «старые» проблемы, тщательный анализ всего комплекса источников, широкий сравнительно-исторический обзор материалов, всегда свой собственный путь – «слишком крутой», для того чтобы нашлось много «охотников» следовать за ним, – все это привлекало Петра Михайловича в Е.Н. Щепкине. П.М. Бицилли восхищался исследовательскими приемами, которые использовал Е.Н. Щепкин, и сам пытался следовать за ним в работах, посвященных сравнительному анализу «русских» и «западных» источников – «Западное влияние на Руси и Начальная летопись» (1914), «Новгородское сказание о IV крестовом походе» (1916) и др. П.М. Бицилли считал, что Е.Н. Щепкин предъявлял к собственной работе историка-исследователя высочайшие требования. При таких требованиях невозможно «…писать "легко" и писать много»[2]. Приоритет Метода, широкая источниковедческая основа даже «мелкого» исследовательского вопроса, независимость от устоявшихся историографических традиций – этот подход к науке стал для П.М. Бицилли эталоном.

В 1917 году В.Э. Крусман, характеризуя П.М. Бицилли как ученого, выделил, фактически, те же черты, которые признал для себя значимыми сам Петр Михайлович, анализируя творческую индивидуальность Е.Н. Щепкина. П.М. Бицилли, отмечал В.Э. Крусман, свойственна научная добросовестность, самостоятельность, нестандартность мышления («отклонение от обычных для тех или иных научных произведений трафаретов»), широкий кругозор (проблемы западноевропейской и русской истории), исследовательская глубина, скрупулезный анализ источников. Сам Е.Н. Щепкин также признавал за П.М. Бицилли исследовательскую самостоятельность. В отзыве-рекомендации на должность профессора Евгений Николаевич писал о своем ученике: к установившимся в историографии схемам, он «всегда умеет прибавить свою ретушировку, … несколько новых черточек»[3].

В последних по времени исследованиях вопрос поставлен еще об одной фигуре возможного «наставника» П.М. Бицилли. Анализ неопубликованного научного наследия профессора кафедры богословия Новороссийского университета А.М. Клитина, в сфере интересов которого были вопросы, составившие блок медиевистических поисков П.М. Бицилли (религиозные движения в Ита-

[1] См.: *Щепкин Е.Н.* Методология. Идея психологии народов (Лекции). Одесса, 1904; *Он же.* Вопросы методологии истории (Краткая обработка курса лекций). Одесса, 1905.

[2] Одесский листок. 1916. 6 января.

[3] ГАОО. Ф. 45. Оп .4. Д. 1119. Л. 21-21 а. См. подробнее: *Шумейко Д.* Е.Н. Щепкин о П.М.Бицилли // Каразінські читання (історичні науки): Матеріали міжнародної наукової конференції 25 квітня 2008 р. Харків, 2008. С.320-322.

лии XI-XIII вв; иоахимизм; фигура и творчество Салимбене и др.), позволили О.Б. Демину выдвинуть гипотезу о роли А.М. Клитина в определении исследовательской программы П.М. Бицилли одесского периода[1]. Поиск имманентных истоков проблемного поля П.М. Бицилли (направление правомерное, позволяющее расширить представление о месте Новороссийского университета в системе общероссийского и шире – европейского историографического процесса начала XX века) не исключает признания сложной конфигурации индивидуального маршрута ученого, специфики личностного восприятия идей *Другого*, особенностей его отношения к проблеме «Школы» и проч.

О школе: персональное измерение

П.М. Бицилли не укладывается в привычные историографические и историко-философские схемы. Одна из причин в том, что он не приобрел четко ориентированного «научного воспитания». Выбор им доминирующей исследовательской проблематики постоянно изменялся под влиянием в первую очередь «смены» научных наставников. Увлечение «новистикой» было прервано с «уходом» Е.Н. Щепкина в большую политику. Обращение к римской истории вероятнее всего из-за отъезда Э.Р. фон Штерна в Германию не получило квалификационного завершения – защиты магистерской диссертации по античной тематике. Лишившись перманентного научного руководства со стороны столь авторитетных ученых, Петр Михайлович делает выбор в пользу медиевистики. И здесь, конечно, свою роль сыграл В.Э. Крусман, в большей мере наставник-товарищ, прошедший хорошую школу, который не смог все-таки стать для П.М. Бицилли тем, кем для самого Владимира Эдуардовича были его учителя – Г.В. Форстен и И.М. Гревс. Общая ситуация с учебной нагрузкой на кафедре («дидактический фактор») детерминировала новую научную ориентацию молодого ученого.

Сложная эволюция поисков исследовательской доминанты, «метания» в поисках «темы» – от новистики через антиковедение к медиевистике – не прошли даром. Глубина погружения в материал – черта столь характерная для Бицилли-исследователя (тонко подмеченная В.Э. Крусманом) – способствовала формированию широчайшего научного кругозора. Проблемы античности, средневековья, новой и новейшей истории; европейской, российской, истории Востока и проч. составили специальные предметы его изысканий.

Е.Н. Щепкин, безусловно, оказал значительное влияние на формирование научной культуры П.М. Бицилли. В.Э. Крусман, а через него – школа

[1] См.: *Демин О.Б.* П.М.Бицилли и одесская медиевистика // CURRICULUM VITAE. Сб. научных трудов. Вып.2: Творчество П.М.Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса, 2010. С.58-65; Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 3. Част. 1. Київ, 2008. С.411-415 [гипотеза *О.Б.Демина*].

И.М. Гревса, возможно, сконцентрировали его внимание на культурологическом подходе. Определенная «оппозиционность» по отношению к Л.П. Карсавину, возникшая в процессе рецензирования его работ и усугубленная затем личностным неприятием (по свидетельству А.П. Мещерского), способствовала выработке собственного исследовательского маршрута. Не исключено также, что контакты с А.М. Клитиным в студенческие годы помогли ему позже, в процессе знакомства с новейшими медиевистическими исследованиями, сфокусировать взгляд на конкретных проблемах итальянского средневековья. И все-таки в современном арсенале бициллиеведов нет ego-документов, в которых бы Петр Михайлович четко признавал кого-либо из рассмотренных персон в качестве своих учителей.

Великолепный знаток классического наследия мировой философской и исторической мысли, стремящийся уловить все новейшие тенденции интеллектуального движения, П.М. Бицилли тем не менее не соотносил себя с каким-либо конкретным течением или научной школой. «Независимый и одинокий мыслитель», как заметил Б.С. Каганович, П.М. Бицилли представлял всегда «свою собственную партию»[1].

П.М. Бицилли формировался как ученый в значительной степени по «историографической традиции», поглощая и классику, и все «новинки», приобретя глубочайшие знания в области философии, истории, социологии, истории культуры в целом и постепенно определяя свой собственный путь в науке.

Анализ работ П.М. Бицилли – от рецензий до монографий – позволяет констатировать, что он «свободно» общался с творцами и их идеями вне временных рамок ступенчатой пирамиды, не нарушая и не игнорируя при этом специфику эпох, «духа» и «стиля» конкретных периодов. Особенностью подхода Петра Михайловича к анализу идей своих предшественников и современников является научная корректность и одновременно творческая независимость от пиетета к историографической репутации. Для него исключено «слепое» следование за признанными традициями. П.М. Бицилли не «цитирует», но досконально разбирает концепцию любого автора, выделяя со своей точки зрения важное, значительное, созвучное его убеждениям, и вместе с тем жестко критикуя те положения, в которых видит противоречия, алогичность, недоказательность. «Критики» не избежали даже такие, почитаемые П.М. Бицилли, личности, как Г.В.Ф. Гегель, Э. Трельч, В. Дильтей, М. Вебер, Б. Кроче, А. Бергсон. Для него не существует «магии» авторитета. Эта черта была присуща Петру Михайловичу еще в период его академической «молодости». Приват-доцент провинциального университета начинает свою публикаторскую деятельность с достаточно резких рецензий на книги известных ученых в западной и российской историографии[2].

[1] *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. Санкт-Петербург, 2007. С.213.

[2] См.: *Бицилли П.* Трельс-Лунд. Небо и мировоззрение в круговороте времен // Изве-

Своеобразием индивидуального почерка Бицилли-ученого является его обращение к разным видам познавательной деятельности и формам постижения истории – научным исследованиям, произведениям искусства, литературным шедеврам. Имена поэтов, писателей, художников и музыкантов, философов, мыслителей, историков, филологов и проч., составивших сокровищницу мировой культуры, вошли в страницы произведений П.М. Бицилли.

Одновременно П.М.Бицилли приходит к собственному видению проблемы «школы» и формулирует для себя критерии исследовательской независимости. Для П.М. Бицилли понятие «школа» – слово, которое он часто пишет с заглавной буквы, – объемного содержания. Он рассуждал о «Школе» как масштабной системе образования, которая должна сформироваться в результате революционных преобразований 1917 года. Цель этой «Школы», по убеждению П.М. Бицилли, – обучение и воспитание нового «культурного человека». «Школа», обучающая Методу, – основной сюжет его вступительной лекции в Софийском университете[1]. Категория «школы» в контексте проблемы влияния Вождя-Учителя на своих последователей-учеников – содержание его раздумий в сложной, подчас противоречивой, статье «Параллели», опубликованной в 1932 году в журнале «Современные записки» (Париж). Эта работа во многом вобрала в себя предшествующие мысли П.М. Бицилли о сущности и значении «школы» и одновременно представила новые, отнюдь неоднозначные идеи[2].

П.М. Бицилли интересует вопрос о формах, содержании и последствиях тех отношений, которые складываются между Учителем и Школой. Это, в построениях П.М. Бицилли, – не частная проблема. Поскольку вся «историческая жизнь» по своему содержанию сводится к влиянию человека на человека[3], считает он, изучение форм влияния Учителя на Школу (Вождя на Массу) должно быть единственной задачей теории исторического процесса. Исследование же «характера» и «значения» подобных влияний должно составлять «основную задачу истории культуры». При этом, поскольку история «влияний», история

стия Одесского библиографического общества (ИОБО). Одесса. 1913. Т.П. Вып. I. С.11-14; *Он же.* Герье В.И. Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915 // ИОБО. 1915. Т. IV. Вып. 3. С. 206-208; *Он же.* Л.Карсавин. Монашество в Средние века. СПб., 1912. Л.Карсавин. Очерки религиозной жизни в Италии XП-XШ веков. СПб., 1912 // ИОБО. Одесса. 1913. Т.II. Вып. 4. С. 162-170; *Он же.* Новое историко-литературное направление // ИОБО. 1914. Т. III. Вып. 2. С. 93-102.

[1] См.: *Бицилли П.* Демократия и школа // Одесские новости. 1918. 24 (11) февраля; Профессор П.Бицилли. Проблемы современной истории. Вступительная лекция, читанная 10 марта 1924 г. // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. 1924. Т. XX.

[2] См.: *Бицилли П.М.* Параллели // Бицилли П.М. Избранное: историко-культурологические работы. Том первый. София, 1993. С. 211-216.

[3] Можно ли считать П.М. Бицилли одним из провозвестников идеи «сетевого анализа» и коммуникативного подхода в исторических исследованиях?..

смены «школ» и «направлений» представляет бесконечное многообразие форм, постольку необходимо исследовать, по мнению П.М. Бицилли, их типологию.

Любое объединение, считает Петр Михайлович, – научная школа, партия, секта – имеет нечто общее: все они основаны на самоотречении, самоограничении и дисциплине. Сам факт «причастности» к какому-нибудь «изму» (например, марксизму и т.п.) всегда «обязывает», а для ученого это означает ограничение собственного исследовательского поиска, что препятствует творческой активности. «Школа» в принципе тяготеет к тому, чтобы «сомкнуться» вокруг учителя (руководителя, в которого верят и за которым идут его ученики-последователи), создавшего свою доктрину или идеологию (систему идей, теорию, концепцию). Однако это может привести к тому, что ученики «замкнутся» в учении своего наставника. И чем совершеннее мастерство Учителя, тем более бесплодными могут оказаться его воспитанники. Нередко ближайшие ученики того или иного авторитета, убежден П.М. Бицилли, понимают его значительно хуже, «нежели стоящие поодаль». Более ценным и плодотворным бывает влияние, воспринятое на уровне интуиции, а не исходящее из того, что «прямо высказано учителем». Полноценна только та школа, считает П.М. Бицилли, в которой живет свободная мысль, в которой растет и развивается доктрина, а адепты соответствующих учителей являются «живой связью между ними и миром». Если вся работа «Школы» выполняется «единственно для нужд Школы», если она обращена всецело на доктрину, если ученики в состоянии перенять только «грамматику» метода и заниматься «подражанием», – школа бесплодна, а ее представители превращаются в комментаторов, глоссаторов или популяризаторов доктрины своего учителя (даже если его учение оказало благотворное, обогащающее мысль, влияние на современников и потомков). Творческая работа над доктриной напротив должна «исходить от последней», творческое усвоение идеологии (учения – системы идей) должно заключаться в усвоении «духа» метода, что является самым важным и ценным в любом учении. Стремление к обретению своей, индивидуальной «манеры мастера» на основе интуитивного восприятия «духа» – сущности (т.е. – метода) разнообразных учений мыслителей, влияние которых может быть значительным, – в этом видел П.М. Бицилли задачу ученого.

О школе: методологическое измерение

Выявление принадлежности ученого к «научной школе» – одна из сложнейших теоретических проблем, которая требует не только экспликации понятий, но и выработки конкретных подходов и методик. Категория «научная школа» получила широкое распространение в современных историографиче-

ских исследованиях: схоларная проблематика стала одной из ведущих. Однако, несмотря на значительный объем специальной литературы (активное обсуждение проблемы «школы в науке» началось на рубеже 1960-1970-х гг. в советской историографии и в науковедении), генеалогия осмысления этой категории свидетельствует о множестве подходов и трактовок, ни одна из которых практически не стала оптимальным «маркером» в конкретных историко-научных исследованиях.

Среди подходов – выделение «классической» школы как неформального научного коллектива, формирующегося вокруг видного ученого на базе высшего учебного заведения с целью обучения методам научного творчества. Характерными чертами «классических» школ в университетской практике XIX - начала XX вв. были: педагогическое общение и общность методов исследования. Данная трактовка близка к понятию «научно-образовательная (университетская) школа», цель которой – передача традиций научной работы («воспроизводство» новых поколений научного сообщества), а способ функционирования – в координатах «учитель-ученик». Наряду с этим типом выделяется «научно-исследовательская школа» – объединение ученых вокруг лидера – «основоположника» нового научного направления, последователи которого (не всегда «ученики») вместе с лидером решают определенную научно-исследовательскую программу[1].

К третьему типу относят «школу-направление» («скептическая школа», «государственная школа», «народническая» и т.п.). Н.Л. Рубинштейн, в частности, четко не разграничивал понятия «направление» и «школа». Он считал, что «историографическое изучение требует, как правило, выборочного, представительного отбора», т.е. «историк берется как представитель направления или школы, объединяемой *единством методологических принципов и… общностью проблематики* [курсив мой. – Т.П.], отражающей его понимание органической сущности и внутренней структуры исторической действительности»; одновременно «общность направления не снимает индивидуальности историка, она должна из нее вырастать»[2].

Иные позиции – в признании линейной зависимости историографических классов («школа-направление», или «школа-направление-течение», при которой классы различаются по логическому объему), либо в отрицании прямой зависимости между школой и направлением (констатация возможности их параллельного сосуществования)[3] .

[1] См.: *Ланге К.А.* Организация управления научными исследованиями. Л., 1971; Школы в науке. М., 1977.

[2] *Рубинштейн Н.Л.* О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С.103.

[3] См.: *Гутнова Е.В.* Историография истории средних веков. М., 1974 (2-е изд. М., 1985); *Мягков Г.П.* Русская историческая школа: методологические и идейно-теоретические позиции. Казань, 1988; *Михальченко С.И.* Киевская школа в российской историогра-

Большинство исследователей при изучении научных школ эпохи «университетской науки» XIX - начала XX вв. в качестве критериев «научной школы» выделяют: 1) единство исследовательской проблематики; 2) единство методологических позиций; 3) наличие педагогического фактора, который либо «персонифицируется» («школа Ключевского», «школа Антоновича» и т.п.), либо «топонимизируется» («школа Московского университета», «школа Новороссийского университета» и т.п.); при этом первые могут входить во вторые. С.И. Михальченко предлагает учитывать «иерархию критериев», размещая их по степени значимости. В соответствии с его схемой, определение «школы» предполагает наличие нескольких «критериальных уровней»: 1) педагогический фактор – педагогическое общение; 2) общие методы и принципы работы с источниками, в чем заключается передача «научной культуры»; 3) методологическая (теоретико-философская) общность; 4) близость исследовательской тематики и конкретно-исторического построения[1].

В реальной исследовательской практике последних лет наблюдается стремление заменить все виды «историографических классов» (направление, течение, школа) – единым: «школа». Противоположная тенденция заключается в том, что активное включение в научный инструментарий понятия «научное сообщество», шире – «интеллектуальное сообщество», в определении которого подчеркивается коммуникационный маркер, привело к попыткам замещения им старого понятия «школа», либо к установлению субординации этих понятий: школа рассматривается как форма (вид, тип) интеллектуального сообщества[2].

Одновременно в современной науковедческой литературе подвергнут рефлексии стереотипный тезис о роли научных школ[3]. Школа как таковая представляет собой организм с определенным (чаще всего – краткосрочным) жизненным циклом. Ее реальное бытие детерминировано социокогнитивными факторами: новационностью ее программы (интеллектуальный ресурс), образовательными и коммуникационными ресурсами. Тезис о «длительно существующих школах» следует проецировать не на «реально действующий научный коллектив», а на «длящуюся научную традицию»[4].

В этом контексте уместно говорить об *историографической традиции*,

---

фии (школа западно-русского права). М.; Брянск, 1996 и др.

[1] См. *Михальченко С.* Школа в науці (історичній) // Історіографічний словник. Харків, 2004. С.310-311.

[2] Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. Материалы научной конференции 20-22 сентября 2007 г. М., 2007.

[3] См.: *Мирская Е.З.* Научные школы как форма организации науки (социологический анализ проблемы) // Науковедение. 2002. № 3. С.8-24; *Она же.* Научные школы: история, проблемы и перспективы // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. М., 2005. С.244-265.

[4] См.: *Оноприенко В.И.* Науковедение: поиск системних идей. Киев, 2008. С.199-200.

выявляя преемственность в границах определенной длительности в изучении конкретно-очерченного проблемного поля, а также приверженность к соответствующему типу *научной культуры*[1]. Последнее понятие включает в себя не просто характеристику исследовательской работы ученого – специфику обращения с историческим материалом, источниковедческую методику и проч., но «проявление "школьных образцов" в неявно выраженных правилах и процедурах научной жизнедеятельности»[2] .

«Школа» во многом приобретает свою «реальность» также благодаря историографической традиции: ее «имя» (название и самоназвание), структура, репутация и т.п. «маркируются» ее представителями (чаще всего «пост фактум»); «оппонентами» или «приверженцами»; историографами науки. «Онтологичность» школы как таковой в конечном счете определяется различными мотивационными предпосылками рефлексивного процесса. Безусловно, логика любых построений должна сопровождаться (подтверждаться, опровергаться) конкретным анализом историографической эмпирики, что позволит с большей четкостью соотнести «школу» с формальными или неформальными объединениями, констатировать ее «реальность» или «инструментарность», а скорее всего – получить картину бесконечного многообразия «схоларной истории».

Для понимания рассмотренных вопросов представляется также важным тезис о том, что категории «школьность» и «индивидуализм» следует рассматривать в качестве «базовых классификаторов», соотношение между которыми определяет «траекторию» движения ученого как личности, профессионала и представителя определенной эпохи[3] .

P.S.

Лапидарный экскурс в историографию актуализирует проблему «Бицилли-школа-наставники» и одновременно не позволяет на данном уровне источниковедческой и методологической оснащенности приближаться к какой-либо категоричности суждений.

Позиция ученого, его самоидентификация в определении собственной сопричастности к схоларной традиции – весьма важный показатель. Возда-

---

[1] См.: *Репина Л.П.* Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 22. С.5-15.

[2] *Мягков Г.П.* Научная школа на перекрестке «структуры» и «воли» // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. Материалы научной конференции 20-22 сентября 2007 г. М., 2007. С.97.

[3] Там же. Наиболее полно и глубоко проблемы схоларности в историографическом и методологическом ключе исследованы Г.П.Мягковым. См.: *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. С.7-156.

вая должное своим наставникам[1], П.М. Бицилли нигде не называет их своими учителями, никогда не говорит о «школе» ни в образовательно-исследовательском плане, ни в теоретико-методологическом. Однако обратим внимание на тот факт, что свою диссертацию П.М. Бицилли посвящает alma mater: «Новороссийскому Университету, воспитавшему меня и давшему мне возможность написать настоящую работу приношу здесь мою глубокую благодарность»[2].

Не отрицая значения многообразных форм интеллектуальных влияний, но, напротив, подчеркивая важность их скрупулезного изучения, может быть следует в данном случае поставить вопрос о специфике «научной школы» как таковой, об индивидуально неповторимом облике «школы» в творческой судьбе отдельного ученого?

В современной схоларной историографии наблюдается возрождение интереса к феноменам «региональных школ». А.Е. Шикло, ученица И.Д. Ковальченко, одной из первых обозначила данную проблему: «Есть понятие "школа"-Московского университета, Санкт-Петербургского, Томского и др.» [3].

Изучение т.н. «региональных школ» имеет весьма давнюю традицию: в конце XIX в. эту проблему в аспекте «оппозиционности» (с акцентом на специфику) Московской и Санкт-Петербургской «школ» наиболее четко представил П.Н. Милюков[4]. Этот подход был характерен для Н.И. Кареева, который в области изучения русской истории («национальной истории») выделял «целую школу украинских историков», сложившуюся в Киевском университете (Н. Костомаров, его последователь В. Антонович с многочисленными учениками); «целую школу», воспитанную в Московском университете В.О. Ключевским («Московская школа Ключевского»); в Петербургском университете, по его мнению, «…семинары Платонова и Лаппо-Данилевского явились двумя основными школами, оттуда вышли многие историки» и т.п.[5] В советской историографии эту линию продолжили О.Л. Вайнштейн и С.Н. Валк[6]. Однако вскоре «географический» принцип анализа исторических школ был признан

[1] См.: *Бицилли П.* Памяти В.Э.Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2; *Б.[ицилли П.]* Тридцатилетие научной деятельности профессора Е.Н.Щепкина // Одесский листок. 1916. 6 января;

[2] *Бицилли П.М.* Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века) // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б.Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. М., 2006. С.240.

[3] *Шикло А.Е.* Методическая разработка к курсу «Историография российской истории». М., 1993. С.26.

[4] См.: *Милюков П.Н.* Два русских историка: С.Ф.Платонов и А.А.Кизеветтер // Современные записки. 1993. № 51; *Он же.* Воспоминания. М.,1990 и др.

[5] *Кареев Н.И.* Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876-1926) / Публ. В.П.Золотарева // Отечественная история. 1994. № 4. С.143.

[6] См.: *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков. М.; Л., 1940; *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1948. С.3-79.

«антинаучным», подрывающим единство советской науки, и в официальной историографии возобладал нивелирующий подход к изучению «университетских» («региональных») школ[1].

С 1990-х гг. новое геополитическое и социокультурное поле детерминировало интерес как к проблемам регионалистики в целом, так и к схоларной истории «в региональном измерении»: новый импульс получили не только исследования теоретического характера (по вопросам категориального аппарата схоларной истории), но и конкретно-историографические – о школах столичных и региональных университетских центров[2].

Можно говорить о том, что П.М. Бицилли – представитель «одесской школы историков»[3] по аналогии с уже утвердившимися в литературе подобными определениями на основе «топонимизации» педагогического центра. При этом правильнее будет конкретизировать «педагогический центр» – *Новороссийский университет*, который представлял собой вполне самобытное явление в границах своего существования (1865-1920). Традиции Новороссийского университета как «научно-историографического центра» (В.П. Корзун), безусловно, нашли свою проекцию в научно-педагогической практике Одесского Института народного образования (1920-1930) и других высших учебных заведений Одессы в период ликвидации университетской системы в Украине, в научной жизни Одесского университета[4].

Историки-эмигранты, бывшие преподаватели университета, внесли весомый вклад в развитие исторической науки европейских стран. В частности П.М. Бицилли, воспитанник и профессор Одесского (Новороссийского) университета, стал фундатором в постановке преподавания и исследования всеобщей истории в университете «Св. Климента Охридски» (София); основоположником культурологического подхода к изучению исторического процесса; первым обратил внимание на необходимость разработки теоретико-методологических проблем исторической науки; сыграл значительную роль в воспитании новой генерации болгарских историков: его влияние на стиль мышления

---

[1] *Алпатов М.А.* Исторические взгляды П.Н.Кудрявцева, С.В.Ешевского и М.С.Куторги // Очерки истории исторической науки в СССР. Т.1. М., 1955. С.479-480 (прим.) и др.

[2] См.: *Гутнов Д.А.* Об исторической школе Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 8. История.1993. № 3; *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб.,1995; *Ягудин Б.М.* Н.А.Осокин и становление Казанской школы всеобщей истории. Казань, 1998 и др.

[3] См.: *Пичета В.И.* Введение в русскую историю. М., 1922. С.201.

[4] См.: *Аппатов С.И., Демин О.Б., Першина З.В.* Историческая наука в Одессе за 200 лет // Очерки развития науки в Одессе. Одесса, 1995. С. 450-491; *Попова Т.Н., Станко В.Н.* Исторические исследования в Одесском университете: традиции и современность // Вестник Одесского государственного университета. Вып. 1. Одесса, 1995. С.37-52; Історія Одеського університету (1865-2000). Одеса, 2000; *Левченко В.В.* Історія Одеського інституту народної освіти (1920-1930 рр.): позитивний досвіт невдалого експерименту. Одеса, 2010. 428 с. и др.

и исследовательские подходы целой плеяды болгарских ученых – бесспорно[1].

Специфика Новороссийского университета – достаточно «кратковременное» пребывание здесь ученых первой величины, преобладание в педагогическом составе выпускников иных университетских центров – факт, чаще всего рассматривавшийся в литературе как «негативный», свидетельствующий о провинциальности и «второразрядности» университета, в контексте теории «сетевых коммуникаций» приобретает иное звучание: «…взаимообогащающее пересечение в пространстве университета представителей различных научных школ и традиций»[2] способствовало воспитанию в его недрах незаурядных ученых – А.И. Маркевича, М.Г. Попруженко, А.В. Флоровского, Г.В. Флоровского, П.М. Бицилли, Н.Л. Рубинштейна, О.Л. Вайнштейна, К.П. Добролюбского и многих других, составивших гордость отечественной и мировой науки.

Одесский (Новороссийский) университет для П.М. Бицилли, как и для многих иных выпускников, можно рассматривать как «генетический тип школы»[3]: в координатах «учитель/учителя-ученик» – в процессе сложного переплетения взаимообщений - происходило «привитие» ученику и интереса к конкретной проблематике, и формирование определенного типа научной культуры – стиля мышления и исследовательских методов. Одновременно проблема «интерференции» – пересечения научных школ, «наложение друг на друга» различных типов научной культуры – может стать ключевой для изучения схоларной истории в ее «региональном измерении»[4].

[1] П. Бицилли – основоположник на културологичната мисъл в България. Интервью на *Виолина Атанасова* с проф. Мария Велева // Историческо бъдеще. 2003. № 2. С. 295-300; *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С. 155-156.

[2] *Корзун В.П.* [Рецензия] // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 25/2. М., 2008. С.396.

[3] *Каганович Б.С.* Петербургская школа медиевистики в конце Х1Х – начале ХХ в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1986. С.3.

[4] *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. С.154. См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Одесса, 2007. С.58-60; *Она же.* Новороссийский университет как научная школа: К постановке проблемы // Университеты Юга России: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции (г.Ростов-на-Дону, 15 фераля 2011 г.). Ростов-на-Дону, 2011. С.252-257.

«ИСХОД» [1]

В тумане скрылась милая Одесса…[2]

1917 – январь 1920-го – последнее трехлетие одесского периода в биографии выдающегося ученого ***Петра Михайловича Бицилли***. Это время, когда завершилась вполне благополучная жизнь профессора Одесского (Новороссийского) университета, и Петр Михайлович, остро воспринимавший перемену судьбы, как-то сказал своим близким: «Теперь вся история России кончилась» [3].

Бегство

Конец девятнадцатого и начало нового года ознаменовались повальным бегством из города всех, кто не хотел вновь испытать большевистский режим. Зима в Одессе была суровой, смертность – огромная: свирепствовал тиф. Слух о скором захвате города войсками Котовского побудил многих профессоров Новороссийского университета задуматься об эвакуации университета в целом, со всеми его структурами. Но было уже поздно.

Англичане еще давали визы на свои пароходы. Многим из университетской профессуры бывшей уже страны удалось попасть на военный транспорт «Rio Pardo» (отнятый англичанами у немцев), который одним из последних покидал Одессу. Среди них оказалась и семья Бицилли [4].

Поспешные сборы, минимум вещей[5] и ключ от квартиры – надежда на скорое возвращение! Петр Михайлович садится за рояль: «Лунная соната» Бетховена звучит почти как «Траурный марш» Шопена. «Ну вот и все. Мы уез-

---

[1] Первоначальная публикация см.: *Попова Т.Н.* П.М.Бицилли. Фрагмент биографии // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2015. С.136-145.

[2] Из песни «Золотые огоньки», слова: А.Фатьянов.

[3] См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б.Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С.660.

[4] М.А.Бирман, опираясь на воспоминания Е.П.Ивановой-Аначковой, внучки П.М. Бицилли, пишет: «Неожиданно возникла возможность получить отдельную крохотную каюту на пароходе «Rio Pardo», направлявшемся в Салоники. Отправление состоялось 28 января 1920 г.». Это все факты, которые были до сих пор известны о бегстве П.М.Бицилли из Одессы; в городе оставались его мать - Екатерина Адольфовна Штейнгард, младший брат - Михаил Михайлович с семьей, близкие друзья и коллеги (А.В.Флоровский, О.Л.Вайнштейн и др.). См.: *Бирман М.А.* П.М.Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого. // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б.Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С.662.

[5] В «минимум вещей» вошла, возможно, не вся, но наиболее значимая часть личного архива ученого, включая его публикации и материалы некоторых лекций, среди которых, на мой взгляд, - «История историографии».

жаем» [1] – последние слова.

Ночью погрузились. Порт замерз, но ледоколом был пробит узкий проход, по которому и прошел «Rio Pardo», рефлектор с мола освещал путь. Остановившись возле английского крейсера, обстреливавшего Молдаванку, пароход простоял ночь и на рассвете двинулся в путь – мимо знаменитых одесских Фонтанов: пассажиры «Rio Pardo» в последний раз видели родную землю [2].

Экскурс. Последние одесские годы

За три года гражданской войны Одесса неоднократно переходила из рук в руки всех воюющих сторон – бесконечная чехарда властей и режимов! Новороссийский университет «краснел», активно реформируясь в периоды совласти, «белел», возвращая свою классическую академичность, когда приходили «добровольцы» и «западники», и приобретал иные цвета при установлении новой украинской власти.

Однако эти три года в творческой судьбе П.М. Бицилли – значительны: защита магистерской диссертации (май 1917), избрание на штатную должность доцента (сентябрь 1917), затем – экстраординарного профессора[3], приглашение на должность ординарного профессора в Саратовский университет (апрель 1918). Именно в эти годы, несмотря на удручающую обстановку, П.М. Бицилли издал свои наиболее значительные в концептуальном плане работы: «Общественные движения в изображении средневековых историков» (1917), «Элементы средневековой культуры» (1919), «Падение римской империи» (1919). К этому времени окончательно сложился «индивидуальный почерк» ученого: культурологическая и интердисциплинарная направленность исследований, рецензирование как средство «интеллектуального заряда» для внутреннего диалога и открытия новых концептуально-методологических горизонтов собственного творчества, историографический стержень теоретических обобщений, самобытный стиль изложения мысли и неповторимая «манера» письма.

---

[1] См.: *Бирман М.А.* П.М.Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого. // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б.Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С.662.

[2] См.: *Спекторский Е.В.* Воспоминания (Вступит. статья, примечания и комментарии С.И.Михальченко // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2010. Вып. 12. С.303-390; *Спекторский Е.В.* Начало эмиграции (отрывок из «Воспоминаний») / Публ. С.И.Михальченко и Е.В.Ткаченко // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Вып. 16. С.158-169. Публикация этих материалов позволила осветить абсолютно неизвестный доныне фрагмент из жизни П.М. Бицилли.

[3] П.М. Бицилли был утвержден с 6 сентября 1919 и.д. /исполняющим должность/ экстраординарного профессора; несколько ранее, в очередной период советской власти в Одессе (весна-лето 1919 г.), его, по предложению Е.Н. Щепкина, избрали профессором Высшей школы.

Этот период отмечен и активным патронатом П.М. Бицилли в отношении талантливой молодежи, необходимость привлечения которой в университет осознавалась ученым как насущная задача, несмотря на все метаморфозы политической жизни. По рекомендации Петра Михайловича О.Л. Вайнштейн становится профессорским стипендиатом, К.В. Флоровская – первой женщиной-преподавателем историко-филологического факультета [1].

В публицистических работах «Основы социализма» (1917), «Демократия и школа» (1918) П.М. Бицилли пытался осмыслить происходящее, подняв ряд глобальных вопросов: об эволюции и сущности социалистических идей, о законах революции, о синдроме контрреволюции в «революционном мышлении», о роли интеллигенции, о реформах школы и воспитании «нового человека». Не потеряв еще окончательно надежду на возможность возрождения страны, он предлагал свое видение новой Школы. Именно так, с заглавной буквы, П.М. Бицилли обозначал школу будущего, призвание которой, по его убеждению, – готовить духовно свободного человека, с сознанием, «…открытым для всякой благородной мысли, не исполнителем предначертаний начальства, социалистического или буржуазного, это безразлично, но творцом жизни» [2].

В эти же годы П.М. Бицилли встретил свою суженую: его спутницей жизни стала М.Т. Полянкевич, замужняя женщина. По семейным преданиям их сблизили уроки музыки, которые Мария Тимофеевна, талантливая пианистка, стала давать Петру Михайловичу. Молодые люди полюбили друг друга, но статский советник П.Д. Орехов, муж Марии Тимофеевны, в разводе отказал. Прожив в гражданском браке несколько лет, П.М.Бицилли только в 1918 г., после кончины П.Д. Орехова, смог обвенчаться со своей избранницей и удочерить ее дочь Анну. 1917 год был отмечен семейной радостью: родилась дочь Мария[3].

Социальные катаклизмы 1917-1920 годов круто изменили судьбу Петра Михайловича именно в тот момент, когда он вошел в период свой творческой зрелости. Он так и не стал доктором наук и «полным» – ординарным профессором, не успел приобрести «всероссийскую известность», что существенным образом повлияло на его эмигрантскую судьбу.

П.М. Бицилли с радостью принял Февраль, как и вся окружавшая его «ин-

---

[1] См.: *Левченко В.В.* Вайнштейн Осип Львович. 1894-1980 // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том 1 (початок Х1Х – середина ХХ ст.). Одеса: Друкарський дім, 2009. С. 84-87; *Левченко В.В., Музичко О.Є.* Флоровська Клавдія Василівна. 1883-1965 // Там же. С.422-424; *Попова Т.Н.* К истории бициллиеведения: общий абрис // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Т.12. Одесса: Симекс-принт, 2013. С.37-38.

[2] Одесские новости. 1918. 24 (11) февраля.

[3] См.: *Бирман М.А*. П.М.Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого. // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б.Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С.648-649, 655. И в личной жизни П.М.Бицилли не следовал стандартам и игнорировал общепринятые условности.

теллигентная среда»[1]. Однако последующее развитие событий и рожденный ими «революционный вандализм» привели к радикальному решению. Одессит по рождению, потомственный дворянин по происхождению, фамильные корни которого восходили к первопроходцам Новороссийского края[2], П.М. Бицилли, сформировавшийся как ученый широчайшего творческого диапазона в микросоциуме своей alma mater – Новороссийском университете, вынужден был бежать из родного города…

Морское скитание

Обстановка на пароходе была очень тяжелой. Профессора с семьями разместились в двух трюмах – для мужчин и для женщин. Теснота, качка (судно попало в бурю, которая длилась несколько дней), болезни, скудная еда, грязь омрачали и без того безрадостное путешествие. Желтый флаг свидетельствовал о том, что на судне – больные. Болгария (Варна) пароход не приняла, Турция (Константинополь) тоже. Следующий порт – Салоники. Якорь был брошен, и началось, по образному выражению Е.В. Спекторского[3], «Солунское стояние»[4].

Из профессоров Новороссийского университета на пароходе кроме П.М. Бицилли был А.П. Доброклонский[5] с женой, а также группа профессоров

[1] Государственный архив Российской Федерации (г. Москва). Ф.Р7523. Оп.59. Д.4330. Л.5; *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М.Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Вып. 16. С.148-157.

[2] Предки П.М.Бицилли - выходцы с Балкан, переселились из области Эпир (провинция Химара) в Российскую империю в последней трети XVIII в. Родоначальник одесских Бицилли – Константин «Гикин сын Бицилій», прапрадед Петра Михайловича, был участником русско-турецких войн второй половины XVIII в. и 1806-1812 гг. За героизм в битвах награжден орденом Георгия Победоносца 4-го класса, его имя было внесено в Дворянскую родословную книгу. В середине 1790-х гг. получил значительные земельные владения в районе Хаджибея и в Тираспольском уезде Новороссийского края; возглавлял Греческий дивизион, участвовал в организации размещения греко-албанских переселенцев на южных территориях империи. Его сыновья: Иван - в 1830-е гг. российский консул в Испании (Малага); Савва – майор, погиб в Бородинском сражении; Павел – губернский секретарь, депутат от Одесского уезда в Дворянском собрании Херсонской губернии (1830-е гг.); Михаил – коллежский секретарь, проживал в своем поместье в Одесском уезде, от него пошли семейная ветвь Петра Михайловича.

[3] *Спекторский Евгений Васильевич* (1875-1951) – ученый и общественный деятель, ординарный профессор, ректор Университета св. Владимира, один из основателей Русского научного института в Белграде, член-корреспондент Сербской Королевской академии наук (1934). См. о нем: *Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.* Евгений Васильевич Спекторский // Вопросы истории. 2013. № 1. С.31-53.

[4] *Спекторский Е.В.* Начало эмиграции (отрывок из «Воспоминаний») / Публ. С.И. Михальченко и Е.В.Ткаченко // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Вып. 16. С.162.

[5] *Доброклонский Александр Павлович* (1856-1937) – доктор церковной истории (1916), с 1899 г. – профессор Новороссийского университета (НУ), декан историко-филологического факультета (1910-1919), и.о.ректора (1915-1917), редактор «Записок» НУ (1908-1916), глава Историко-филологического общества при НУ (с 1907), один из лидеров «правой» профессу-

и преподавателей Университета св. Владимира, Киевского политехнического института, Киевской духовной академии: Е.В. Спекторский, П.В. Воронец, П.Н. Рышков, Г.В. Демченко с семьями; П.Э. Заионч ковский, А.И. Косицкий, В.В. Фармаковский, М.Э. Поснов, которым удалось уехать из Киева в Одессу, перед тем как город был взят большевиками. Среди беженцев был и А.И. Щербаков (1858-1944), доктор медицины, профессор Новороссийского университета (1908-1915), попечитель Одесского учебного округа (1911). Кроме профессуры на пароходе были бывшие землевладельцы, представители Одесского городского управления, военные (среди них – генерал А.Я. Шелль /1862-1929/, с конца 1918 г. – военный руководитель немецкой колонистской самообороны Одесского района) и многие другие – всего 850 человек весьма разношерстной публики[1].

В течение одиннадцати дней шли переговоры греков с сербами о дальнейшей судьбе пассажиров «Rio Pardo». Это время было наполнено и тягостными сюжетами (профессора вынуждены были чистить судовые уборные), и приятными минутами – после обеда мужчины отправлялись в женский трюм и там лакомились сыром и вареньем, которые полагались только дамам. Наконец Белград согласился принять беженцев. Семнадцатидневное морское скитание завершилось и началось новое – на суше, в незнакомых краях. Всех бывших пассажиров «Rio Pardo» разделили на группы и далее отправляли по железной дороге, в товарном поезде. Простояв ночь в Скопье, поезд прибыл в маленький уездный городок в южной Сербии – Вранье[2].

Освоение чужбины

Вранье. Местная администрация предоставила беженцам убогое жилье, денег не было, позже белградское правительство стало выдавать ежемесячные «ссуды». Профессорам предложили читать лекции, но состоялась только одна лекции П.М. Бицилли, посвященная истории мест, по которым прошел пароход[3].

Отношение к русским эмигрантам было доброжелательным – сербы дорожили православием, и это сближало хозяев и вновь прибывших. Профессора ходили в городскую читальню, для того чтобы узнать из сербских газет о положении в России, Европе и балканском регионе. Просматривая газеты, П.М. Бицилли был удручен тем, что романы А. Дюма и В. Гюго печатались в

ры; в эмиграции - профессор Белградского университета (1920-1937). П.М.Бицилли, будучи студентом, слушал лекции А.П.Доброклонского: «История христианской церкви», «Церковный строй в России», «Сектанство в России», «Раскол в русской церкви» и др.

[1] *Спекторский Е.В.* Начало эмиграции (отрывок из «Воспоминаний») / Публ. С.И. Михальченко и Е.В.Ткаченко // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Вып. 16. С.160, 162, 165.

[2] Там же. С.163-165.

[3] Там же. С.161.

газетах в виде «фельтонов» (фельетонов). В глухом городишке Петр Михайлович не мог достать ни одной книги, необходимой ему для работы, а положение «абсолютного безделья», как он сам признавался, было для него «равносильно отбыванию каторги»[1]. В послеобеденное время он ежедневно приходил к Е.В. Спекторскому для «интеллигентного» (по выражению последнего) разговора: общение с известным ученым, человеком высокой культуры и широчайшей эрудиции, остроумным и доброжелательным, поддерживало Петра Михайловича, способствовало сохранению интеллектуального тонуса. Не исключено, что в перспективе он надеялся и на участие Е.В. Спекторского в своей эмигрантской судьбе.

Понимая, что чужбина может стать весьма длительным пристанищем, профессора начали изучать сербский язык. Им предложил бесплатно свои услуги некий Бошко Пешич, который быстро «обрусел» среди своих учеников и вскоре начал путать русские и сербские слова. Для Е.В. Спекторского, хорошо знавшего польский, сербский язык оказался несложным, но «в некоторых отношениях недостаточно гибким»[2]. П.М. Бицилли, имея безупречный музыкальный слух и невероятную способность к восприятию иностранных языков, достаточно быстро освоил новый, но высказался о нем более категорично, нежели его старший коллега: «…для целого ряда понятий <…> у сербов нет вовсе никаких обозначений»[3].

Вскоре Е.В. Спекторский и А.П. Доброклонский уехали, получив должности в Белградском университете. В отличие от них П.М. Бицилли не мог рассчитывать на широкую известность своего имени и трудов. Он готов был учительствовать – преподавать русский, французский или латинский языки, служить просто библиотекарем, но только в городе с книжными магазинами и библиотеками, которых не было в этом захудалом по тем временам городишке[4]. Вранье в биографии П.М. Бицилли можно определить как «место слабости»: 1920 год – единственный год, оказавшийся без публикаций в обширной биобиблиографии Петра Михайловича[5].

[1] Из письма П.М.Бицилли к Н.П.Кондакову от 28 марта 1920 г. См.: *Галчева Т.* П.М. Бицилли – опыт возвращения // Бицилли П.М. Избранное: историко-культурологические работы. Том первый. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 20.

[2] *Спекторский Е.В.* Начало эмиграции (отрывок из «Воспоминаний») / Публ. С.И. Михальченко и Е.В.Ткаченко // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Вып. 16.. С. 169.

[3] Из письма П.М.Бицилли к К.В.Флоровской от 3 января 1922 г. См.: *Галчева Т.* П.М. Бицилли – опыт возвращения. // Бицилли П.М. Избранное: историко-культурологические работы. Том первый. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С.23.

[4] См.: *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 45.

[5] «Год без публикаций» не означает «год без работы» - вполне вероятно, что именно в атмосфере «культурного одиночества» началась интенсивная саморефлексия: П.М.Бицилли пересматривает вывезенный из Одессы личный архив, ищет возможные направления исследований и, не исключено, набрасывает тексты будущих работ, в том числе - «Очерков

Однако возможность покинуть Вранье скоро представилась.

Скопье. В феврале 1920 года в Скопье (Македония) был открыт филиал философского факультета Белградского университета. П.М. Бицилли предложили занять должность доцента кафедры всеобщей истории. Весной этого же года семья переехала на новое место в надежде на лучшее. Однако организация нового учебного заведения происходила в сложных условиях: полноценной базы университетского уровня не было, денег на кафедру, книги и научные командировки администрация университета не давала. Убогий провинциализм, отсутствие библиотечных фондов и профессионалов удручало П.М. Бицилли. Окружение на работе по своим «душевным качествам» и «по одаренности», по словам Петра Михайловича, оставляло желать лучшего [1].

Семья П.М. Бицилли бедствовала. Жизнь была более чем скудной, жалование – «не настоящее», а «служительское»; жена и старшая дочь Петра Михайловича вынуждены были по целым дням работать. Не хватало самого необходимого. О настоящей научной работе можно было только мечтать: «…в перспективе такое одиночество, тоска и полная бессмысленность и бесполезность существования»[2], – так воспринимал Петр Михайлович свое эмигрантское бытие.

Но в отличие от Вранье работа в Скопье была, и депрессия подавлялась привычным трудом: в университете П.М. Бицилли читал на сербском языке курсы по истории нового времени, истории римской республики; спецкурсы – «Введение в историю», «История историографии»; проводил семинар по эпохе Французской революции XVIII века и др.[3].

«Дидактический фактор» стимулировал создание первой книги, написанной П.М. Бицилли в эмиграции, – учебника по всеобщей истории[4]. Петр Михайлович, недовольный своей работой, объяснял появление этой книги исключительно материальными потребностями – «из любостяжания», а метод написания определял – «исключительно "от ума своего"»[5], т.е. без должной работы с источниками. Несмотря на гипертрофированную самокритику П.М.Бицилли сумел создать вполне профессиональный компендиум, который вобрал в себя авторский опыт чтения курсов по всеобщей истории в университете в Скопье, а также в предыдущий, новороссийский период.

истории исторической науки».

[1] Из письма П.М.Бицилли к А.В.Флоровскому от 5 февраля 1923 г. См.: Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л.8-9.

[2] Там же. Л.9.

[3] *Бирман М.А.* П.М.Бицилли в югославский период эмиграции (1920-1923 годы) // Славяноведение. 2005. № 4. С. 85.

[4] «Увод у светску историју». Београд: Геце Кон, 1923. 203 с. Работа П.М.Бицилли стала первым учебником по всеобщей истории, изданным на сербском языке.

[5] Из письма П.М.Бицилли к К.В.Флоровской от 3 января 1922 г. См.: *Галчева Т.* П.М. Бицилли – опыт возвращения. // Бицилли П.М. Избранное: историко-культурологические работы. Том первый. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С.23.

Появление второй книги – «Очерков теории исторической науки»[1] – означало подведение итогов одесского периода и выход на более высокий уровень научной рефлексии – *прорыв на переломе* .

Всего за 1921-1923 гг. П.М. Бицилли опубликовал 16 работ (хотя эту цифру вряд ли можно считать окончательной), из них 11 рецензий на книги, изданные в границах 1919-1922 гг. в Германии: Берлин, Мюнхен, Гота; в Париже, Риме, Софии и Петрограде[2]. Среди авторов рецензированных книг – О. Шпенглер и Э. Мейер, с которыми Петр Михайлович полемизировал на страницах своих «Очерков»[3].

«Очерки теории исторической науки» в эти годы стали главной работой, отразившей новый уровень саморефлексии ученого в новом для него социокультурном пространстве. Учебник по всеобщей истории (как и ряд других публикаций 1921-1923 гг.) был, скорее всего, эпифеноменом творческого процесса в работе над главной Книгой.

«Сербско-македонский» период в жизни П.М. Бицилли стал периодом «адаптации» к совершенно новым, суровым условиям эмигрантской действительности – «культурного одиночества». Выдержав нелегкие испытания судьбы, проявив мужество и жизнестойкость, Петр Михайлович сумел не только избежать «разрыва» в творческой деятельности, но, напротив, сохранить личностную историографическую традицию, сформированную в годы профессионального становления в Новороссийском университете, и совершить новый интеллектуальный рывок.

[1] «Очерки» вышли в Праге в 1925 г. при активном содействии А.В.Флоровского.

[2] 1919 г. – 1 книга (возможно, из «одесского архива»); 1920 – 2; 1921 г. – 5; 1922 г. – 3. Таким образом, «изоляция» не была полной, П.М. Бицилли получал самые «свежие» издания разных европейских центров и очень быстро на них реагировал; вероятно, не последнюю роль играл экономический фактор – гонорар за публикацию рецензий в таком журнале как «Русская мысль» (П.Б.Струве; София, Прага, Берлин) помогал выживать.

[3] *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. / Послесловие и прим. Б.С.Кагановича. СПб.: Axioma, 2012. СПб., 2012. С.420, 426.

ОБРАЗ ИСТОРИОГРАФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ П.М. БИЦИЛЛИ [1]

…поворотные моменты в истории производят
на переживающих их людей впечатление,
очень благоприятное для успехов историографии.

В.О. Ключевский

Петр Михайлович Бицилли – ученый-мыслитель, имя которого хорошо известно в современной литературе. Публикаторский бум 1990-х (в большей степени квантитативный и весьма неоднородный) сменился в 2000-е появлением серьезных биографических и проблемно ориентированных изданий. Интерес к фигуре и творчеству ученого по-прежнему не угасает, поскольку П.М.Бицилли принадлежит к плеяде тех мыслителей, масштабность наследия которых возрастает по мере приближения к ним…

Начало 1920-х гг. – переломный период в судьбе П.М. Бицилли, вошедшего в это время в когорту научной российской эмиграции[2]. Кардинальное изменение био-траектории детерминировало личностную и профессиональную самоидентификацию. Сформулированная П.М.Бицилли в эти годы эпистемологическая платформа историографии в качестве ответа на поставленные им же стержневые вопросы исторического познания и историописания - *как подойти к «исторической данности» и не «умертвить живую ткань истории»? как овладеть «пестротой эмпирической данности»? как преодолеть антиномию историзма – противоречие между «реальной» и «письменной» историей, между объективным историческим процессом и его «изображением» в историографии[3], его «историографическим образом»?* и проч. – приобретает особую актуальность на современном этапе гносеологической революции.

П.М. Бицилли, несмотря на полидисциплинарность своих интересов, всегда оставался прежде всего *Историком.*

«Образ» исторической науки, сконструированный П.М.Бицилли сквозь

[1] Первоначальная публикация см.: *Попова Т.Н.* Образ историографии в творчестве П.М. Бицилли (К 135-летию со дня рождения ученого) // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сб. науч. тр. / отв. ред. П.А.Трибунский; Институт российской истории Российской академии наук. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 234-247.

[2] См. подробнее: *Попова Т.Н.* Образ университетского профессора: П.М.Бицилли // Харківський історіографічний збірник. Вип. 7. Харків: НМЦ-«СД», 2004. С.15-30; *Она же.* К анализу научного наследия П.М.Бицилли // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып.6. Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2004. С. 213-224; *Она же.* П.М.Бицилли: К характеристике научного творчества (одесский период и первые годы эмиграции) // Древнее Причерноморье. VI Чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского: Материалы международной конференции. Одесса, 12-14 марта 2004 года. Одесса: Астропринт, 2005. С.134-142.

[3] См.: *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 263.

призму его диалога с мыслителями и учеными прошлого и современной ему историографической действительностью, сложен, неоднозначен и, безусловно, еще неоднократно станет предметом специального анализа. Представленный ниже «абрис» следует рассматривать как лапидарный вариант одной из возможных интерпретаций. Без претензий на полноту освещения, выделим квадру граней образа: *имя, ниша, специфика, методы*.

Ремарка. Одной из закономерностей интеллектуального обновления является «пересмотр» интеллектуального наследства. Этот «пересмотр» обретает целенаправленное действие обычно в условиях «перелома» – кризисных периодов в социуме и интеллектуальной сфере в целом, включая историографию. Однако «пересмотр» (как сфера реализации критической функции историографии – истории истории), *во-первых*, всегда имеет избирательный характер, т.е. осуществляется не «сплошным» методом, а по схеме «выборочных» методик («социальный заказ» / без вульгаризации этой формулы/ играет не последнюю роль в этом процессе); *во-вторых*, чаще всего его исходным концептом является идея «линейности» и «прогрессизма» (даже если этот факт не осознается или опровергается): прошлое – всегда «устаревшее» по сравнению с настоящим и «ниже» по своему интеллектуальному потенциалу. Этот концепт порождает изначальную «заданность» критического анализа: акцентуализация нового, «революционного» шага вперед обычно сопровождается определенной редукцией, подчас искажением прошлого интеллектуального опыта. И именно этот редуцированный образ «прошлого опыта» (и одновременно – образ «опыта прошлого») становится объектом критики, ибо только на таком фоне можно говорить о «радикальной новизне» инноваций очередной стадиальности. Постараемся этого избежать…

Грань первая: «Имя»

Одним из ведущих маркеров завершения институционального процесса исторической науки явилась дисциплинаризация ее рефлексивных составляющих – *истории истории* и *теории истории*. Дидактический лик новых рефлексивных дисциплин получил широкое распространение в учебной практике российских университетов второй половины XIX и особенно - начала XX вв. Среди наименований курсов по *истории истории* превалировал термин *историография*, дублирующий самоназвание родовой дисциплины истории, одновременно практиковалась формула *история историографии*[1].

В одесский период своей деятельности, в Новороссийском университете,

[1] См. подробнее: *Попова Т.Н.* Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX - XXI вв. / Отв.ред. О.В.Воробьева, З.А.Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С.198-215.

П.М.Бицилли подготовил специальный курс «История историографии» (1917). Позже, в эмиграции, он читал этот курс в университете в Скопье. Не исключено, что разработка этого курса была связана с началом подготовки докторской диссертации[1], материалы к которой П.М. Бицилли, вероятно, вывез из Одессы и в дальнейшем использовал для создания «Очерков теории исторической науки» (Прага, 1925).

Анализ нарративных источников и вопросы исторического познания, происхождение исторической науки и «изображение» истории в сочинениях историков разных эпох и направлений, факторы, детерминирующие историческое творчество, и проблема историографических трафаретов – вот главные линии, сплетающие узор научных размышлений П.М. Бицилли в эти годы[2].

В югославский период своей жизни (1920-1923) Петр Михайлович, по его словам, «держался старым Запасом»[3]. Именно так, с прописной буквы, П.М. Бицилли определяет не просто свой личный архив лекционного и научного багажа времен Новороссийского университета, но и собственный интеллектуальный банк профессионального историка. В это время он не мог «писать истории» (т.е. работать непосредственно с источниками, тем более – медиевистическими)[4] и обратился к обобщению своего научно-педагогического опыта, избрав отнюдь не новое для себя направление – проблемы эпистемологии истории, эволюции историзма в форме уже привычной по предыдущим годам – историографический анализ теоретических вопросов истории: «…я написал "об историях" – теоретическую работу…»[5].

Главным историографическим источником первых лет эмиграции, в котором сфокусирован «синтез "момента"»[6] как проявление «духа» индивиду-

[1] Косвенным доказательством подготовки П.М. Бицилли докторской диссертации является следующий факт: Г.В. Флоровский в письме к Н.С. Трубецкому от 1 февраля 1923 г. писал о своем проекте издания «толстого журнала», в котором планировал поместить в виде статьи «часть» из докторской диссертации П.М.Бицилли, «только что конченной». См.: *Соболев А.* К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов // Россия XXI. 2002. № 5. С.166-196. URL: http://www.russia-21.ru . Близость между всеми членами семьи Флоровских и П.М.Бицилли позволяет говорить о том, что все они знали о планах и текущей работе своего друга.

[2] Специфика творчества ученого – интерес к истории идей, анализ интеллектуального наследия, обращение к «нарративным» источникам; в его работах практически отсутствует документальный материал.

[3] Все тексты П.М.Бицилли (и особенно – «Очерки») изобилуют различными графическими элементами: кавычки, курсив, прописные буквы и т.п., которые определяют важные для автора смысловые нюансы.

[4] См.: *Попова Т.Н.* К анализу научного наследия П.М.Бицилли // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып.6. Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2004. С. 213-224; *Бирман М.А.* П.М. Бицилли в югославский период эмиграции (1920-1923 годы) // Славяноведение. № 4. 2005. С. 84-95.

[5] АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 9. (Из письма П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому от 5 февраля 1923 г.).

[6] Терминология П.М.Бицилли.

альной неповторимости П.М. Бицилли, стали «Очерки теории исторической науки». Бесспорно, это стержневое исследование ученого, стремящегося к самоидентификации в условиях меняющихся научных парадигм в новом для него геополитическом и социальном поле.

«Вызов» времени и обстоятельств был принят, и П.М. Бицилли предложил свой ответ. Именно в этой работе, важнейшей для понимания категориального профиля П.М. Бицилли, автор наиболее полно и четко выразил свое «мировоззрение» и «мироощущение», представил собственное видение исторической науки в контексте форм познавательной деятельности. Именно текст «Очерков» позволяет высветить личностные грани Петра Михайловича как ученого и человека. Большинство публикаций 1921-1923 гг. были, скорее всего, эпифеноменом творческого процесса в работе над главной Книгой[1].

П.М. Бицилли хорошо осознавал значение своего труда (во всяком случае, для себя): будучи в сложном материальном положении, он стремился как можно быстрее опубликовать книгу – «*за гонорар или без – безразлично*»[2] [курсив мой. – Т.П.].

«Очерки теории исторической науки» П.М. Бицилли рассматривал в ключе *истории историографии.* Термин «историография» ученый в соответствии с общеевропейской традицией, истоки которой восходят к XVIII в., употреблял как синоним исторической науки. «История историографии» для него – это история исторической науки, процесс исторического познания, который неразрывно связан с теоретическим осмыслением исторической мысли, с совершенствованием методологии исторических исследований[3]. Проблемное поле его рассуждений включало вопросы становления исторической науки, ее статуса, границ ее познавательных возможностей, развития ее рефлексивных составляющих, взаимодействия с иными формами постижения истории, типологии исторического понимания и «воспроизведения» исторической действительности и др.

Доминантной линией в творчестве П.М. Бицилли была история идей, в комплексе которой история исторических идей выступала для него в качестве ведущей: анализ «разнообразных модификаций исторической мысли» – это главная задача «историка историографии»[4]. В соответствии с преобладанием когнитивного образа науки в этот период развития «науковедческих» исследований историческая наука = историография в восприятии П.М. Бицилли представала

---

[1] В связи с этим основным историографическим источником будет данное произведение.

[2] АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 4. **(**Из письма П.М.Бицилли к А.В.Флоровскому от 2 ноября 1922 г.).

[3] *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С.33, 260, 315.

[4] Там же. С.33, 260.

как процесс исторического мышления, запечатленный в научных трудах.

Анализ текста «Очерков» и других работ автора позволяет говорить о значительном влиянии творчества Б. Кроче на историческое мировоззрение П.М. Бицилли. Вполне вероятно, что П.М. Бицилли был знаком уже с первым, немецкоязычным изданием «Теории и истории историографии» (1915), когда приступал к разработке собственного курса по истории истории. Избрав для обозначения этой сферы исторического знания формулу *история историографии*[1], П.М. Бицилли в большей степени акцентировал сциентистские основания истории как идиографической науки.

Грань вторая: «ниша»

Новый «образ» науки и новая классификация наук, предложенные неокантианцами, отвечали бициллиевскому «образу» историографии.

Суть исторического процесса, по Бицилли, – «вечное», «непрестанное», «непрерывное» становление самой человеческой деятельности: человеческие идеи, воззрения, влечения, вкусы, навыки работы, – все, в чем личность проявляет себя, «вариируется до бесконечности», поэтому «всякая история» – это в конечном счете «история культуры», предмет ее анализа – «продукты человеческой деятельности». Историческая наука возможна и необходима потому, что «каждое единичное явление обладает своим собственным содержанием», поэтому задачей историографии является «индивидуализирующее изображение человеческой жизни как жизни культуры». В этом подходе П.М. Бицилли опирался на идеи Э. Трельча, которые считал созвучными мыслям Дж. Вико[2].

«По содержанию» и «формально» историческая наука – «самостоятельная наука в ряду других идиографических дисциплин», т.е. «наук о культуре», «наук о духе». Исторические факты – это в первую очередь «факты духовной жизни»; исторический объект – это то, что в любом явлении выступает как неповторимое, специфичное, индивидуальное; цель историографии – изучение «исторических элементов духовной жизни». История – «результат свободного творчества духа», а историография – «творческое воспроизведение преображенной сознанием действительности»[3].

[1] Для Б.Кроче *история историографии* – это история исторического мышления в неразрывном единстве теоретических и исторических аспектов исторической мысли. Для А.Г.Брикнера, профессора Новороссийского университета, *история историографии* – это «история исторической литературы», часть *истории истории*. См.: *Брикнер А.Г.* О главных задачах исторической науки: Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Новороссийского университета ординарным профессором всеобщей истории А.Брикнером 30-го августа 1868 года // Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. Одесса, 1868. С.12.

[2] *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 7, 9, 233-234, 263.

[3] Там же. С. 9, 37, 183, 234, 245, 263.

Научный статус истории, подчеркивал П.М. Бицилли, определяется наличием ее собственной теории, т.к. «эмпирическая история» как таковая не представляет интерес для исследователя. В то же время он отмечал, что вряд ли можно найти область, в которой было бы столько разногласий по самым существенным вопросам, как в дисциплинах, объединяемых «общим именем теории истории». Причину этого он усматривал в «хаотическом» характере самой науки[1].

К рубежу XIX–XX веков, на этапе завершения процесса когнитивной и социальной институционализации исторической науки, в интеллектуальном сообществе складывался неоднозначный и поливариантный образ ее рефлексивного поля: философия истории, теория истории, методология истории, теория исторического процесса, теория исторического познания, социология, история исторической науки, история историографии и проч.

П.М. Бицилли в теории истории выделял две области: теорию исторического процесса и собственно теорию исторической науки. Первая, по его мнению, была представлена социологией, самостоятельной дисциплиной, задача которой – изучение природы исторического процесса, вопросов структуры мира человеческого бытия, социальной и политической дифференциации, происхождения и развития отдельных сфер человеческой деятельности и т.п. Вторая – должна быть «строго отделена» от первой; цель ее – «выяснение природы своих собственных задач»[2].

В то же время П.М. Бицилли был убежден в том, что наблюдения и выводы теории исторического процесса (социологии) могут иметь эвристическое значение и служить в качестве корректив при исследовании частных исторических проблем. Историк не должен относиться к ним безразлично: прежде чем приступить к обработке своего собственного материала, он обязан иметь представление о теоретических проблемах исторического процесса в целом; в ходе же исследований его взгляды на природу исторического процесса могут развиваться, совершенствоваться, усложняться, и это будет доказательством его профессионализма.

Особо значим для нас сегодня вывод П.М. Бицилли о том, что не может быть «единой и неизменной теории истории», поскольку теория истории должна видоизменяться с изменением познавательной практики. «Самосознание» исторической науки не ограничивается появлением теоретико-познавательной области, но этот процесс идет параллельно с развитием самой науки и является «показателем этого развития»[3]. Никакая стройность, завершенность и логическая безупречность теории «не являются достаточной гарантией ее истинности», поэтому теория науки обязана искать в научных достижениях, в реальной

[1] Там же. С.5, 9, 295.

[2] Там же. С.11, 28-29.

[3] Там же. С.10, 217-218, 301.

историографической практике данные «для самопроверки»[1].

Не соглашаясь с К. Лампрехтом, сторонником законотворчества, П.М. Бицилли настаивал на том, что задачей теории истории является не предписывание науке законов, но анализ историографической практики для выявления наиболее «плодотворных» и «жизнеспособных» тенденций в самой науке, которые и будут определять ее последующее развитие.

Для того чтобы понять историю возникновения, развития и взаимоотношений этих тенденций, П.М. Бицилли избирает историко-историографический метод, хотя этой терминологии в его лексиконе нет. Он пишет: «…лучшим способом приблизиться <…> к пониманию самой природы исторического мышления и жизневосприятия является изучение разнообразных модификаций исторической мысли в процессе ее развития»[2].

Тезис о неразрывности ведущих ветвей рефлексивного поля исторической науки – истории и теории – для П.М. Бицилли аксиоматичен, и в этом он – последователь Б. Кроче.

Чутко улавливая тенденции «историографической эпохи» – переход к «гносеологизму», акцент на исследование проблем познания, становления форм исторической рефлексии (теории, методологии и истории исторической науки), – П.М. Бицилли сам активно включается в процесс осмысления познавательного процесса.

Грань третья: специфика

П.М. Бицилли признавал наличие различных видов познавательной деятельности, каждая из которых – самодостаточна и «законна в своих пределах»[3]. Обращаясь к истоками постижения прошлого, ученый выделял «художественное» познание и элементы «научного» познания истории, которые развивались одновременно в форме «исторического повествования», стремясь к реалистическому отображению (воспроизведению) реальности. Эталоном такого повествования, по мнению П.М. Бицилли, была «История» Геродота в классической древности и «Семейная история» С.Т. Аксакова («Семейная Хроника», 1856) в недалеком прошлом. Однако в дальнейшем пути этих двух видов творчества разошлись: исторический нарратив «деградировал» в «исторический роман», а «историография» приблизилась к «науке» как «к системе понятий»[4].

Для П.М. Бицилли разница между художником и ученым-историком вполне ясна. Объект для художника – «художественная идея», и само художественное творчество состоит в «стилизации объектов». Объект для историка –

[1] Там же. С. 301, 287.

[2] Там же. С.33.

[3] Там же. С.296.

[4] Там же. С. 223, 290-291.

реальность, «дух эпохи». Источники для художника (предметы или события) – «сырой материал», из которого он создает собственные объекты – символы; для историка предметы и события – «факты», «символы», в которых другие воплотили себя, свой дух. Творчество художника – бессознательно, работа историка – «осознанна». Цель художника – создавать символы (он – «творец символов»); цель историка – раскрывать их смысл[1].

Творческую основу научной деятельности П.М. Бицилли видел в стремлении ученого-историка проникнуть в смысл индивидуально-неповторимого, историография для него – «творческое воспроизведение преображенной сознанием действительности»[2]. Однако он, в противовес Б. Кроче, не отождествлял науку и искусство, а деятельность ученого-историка считал возможным сравнивать только с деятельностью художественного критика, по сути – тоже ученого[3]. Задача историка – отделять «вымысел» от «истины», а специфика его «творчества» – в «разложении данных», полученных из источников, на элементы, в анализе этих элементов и наконец – во вторичном воссоздании «убитого анализом объекта». П.М. Бицилли видел сущность науки в том, что «разум "осиливает", "убивая"», однако наука – закономерно возникшая форма познания наряду с иными, поэтому «в своих пределах» следует признать ее «законность»[4].

Историография как наука отвечает общенаучным критериям, но, будучи идиографической наукой, она обладает своей спецификой в сфере познания: «…сверх дискурсивного мышления, – пишет П.М. Бицилли, – мы обладаем другим способом постижения мира "интуицией"»[5]. «Глубинное», «коренное» отличие исторической науки от природоведения заключается в особенностях «исторического познания» как понимания жизни культуры. Исторический метод «основывается на интуиции», поскольку только «интуитивно» человеческий дух способен проникнуть в то, что является «продуктом» духовного творчества людей. Но научная интуиция не может быть отделена от рационально-дискурсивных методов исследования[6].

Противопоставляя два вида исторического понимания – старое, основанное на «исторической метафизике», идее детерминизма, исключающего случайность и свободу творчества, и «новое», основанное на «критическом реализме», П.М. Бицилли, сторонник второго, видит его основы не в философских абстракциях или мировоззренческих платформах, но выводит его из анализа духовного мира реальных личностей, у которых «мировоззрение» неотделимо от «мироощущения». Стремясь освободиться от «гипостазирования» исторических понятий, но признавая необходимость их применения для определения

[1] Там же. С.221-225.

[2] Там же. С.245, 37.

[3] Там же. С.38, 223-224.

[4] Там же. С.277, 296.

[5] Там же. С.296.

[6] Там же. С. 235, 296-297.

всего «бесконечного разнообразия конкретной реальности», П.М. Бицилли выдвигает одновременно «идею личного творчества как единственного реального двигателя исторического процесса»[1]. «Новое историческое мышление», убежден ученый, связано с «переживанием» и «восприятием» исторического: «мы имеем здесь дело скорее с не всегда отчетливо сознаваемыми тенденциями, нежели с теориями, являющимися плодом рефлексии» [2].

П.М. Бицилли признавал, что и рационально-дискурсивная практика, и «историческая интуиция» имеют свои познавательные ограничения. С одной стороны, рационализировать исторический процесс полностью невозможно, т.к. истории сама по себе – иррациональна, с другой – интуиция также дает «дробное, неполное представление об историческом бытии», поскольку само это бытие дисгармонично и хаотично[3]. Именно иррациональность фактической (реальной) истории в какой-то мере оправдывает «научную» историю, несмотря на «несовершенство» ее «символов» и «грубость» языка, оперирующего понятиями, адекватно не соответствующими исторической действительности в ее постоянной «текучести»[4].

«Научная позиция» – это деятельность «познающего субъекта в мире и на мир», следовательно, эта позиция «устанавливается самой жизнью», поэтому, признавая границы исторического научного познания, историк не должен умалять роль *научной историографии.*

Грань четвертая: методы

Развитие научной историографии определяется поиском новых подходов, способов постижения прошлого, эволюцией ее методов, что по сути направлено на решение проблемы исторического синтеза – центральной проблемы теории исторической науки, по мнению П.М. Бицилли.

В системе исторических дисциплин ученый, отталкиваясь от неокантианских основ классификации наук, выделяет два дисциплинарных блока: социально-политическую историю и историю культуры. Для первого блока характерен «генетический подход» к изучению истории – «историческая динамика» (диахронический анализ). Для второго – «эстетико-индивидуализирующий подход», который ориентирован на «историческую статику» (синхронический анализ). Это разделение, считает П.М. Бицилли, «оправдывается фактическим состоянием исторической науки»: «генетизм» и «динамизм» в большей мере преобладают в произведениях из области социальной и политической истории, тогда как второй подход можно найти в «образцовых произведениях», посвя-

[1] Там же. С.30.

[2] Там же. С. 30, 244.

[3] Там же. С.292.

[4] Там же. С. 296, 292.

щенных истории культуры[1].

«Синхронический подход» (по П.М. Бицилли – «историческая статика») имеет достаточно длительную традицию: Т. Моммзен, Я. Буркхардт, Фюстель де Куланж: их имена постоянно встречаются на страницах «Очерков». Но, пожалуй, только с П.М. Бицилли можно говорить о постановке самой проблемы соотношения диахронического и синхронического анализов в исторических исследованиях.

Оба подхода, по мнению Петра Михайловича, присущи современному историческому мышлению, взаимно обусловлены и одновременно – полярны: их можно рассматривать как «пределы», границы, в рамках которых «обречена» двигаться историческая мысль, которая в своем развитии (в зависимости от множества «привходящих», «посторонних условий») «задерживается» то на одном полюсе, то на другом[2].

Ремарка. П.М. Бицилли свойственна определенная «биполярная установка» мировосприятия, которая накладывала отпечаток на его теоретические построения[3]. Он, определяя сегменты исторического знания, «строит» своеобразный биполярный мир понятий: выделяет два «типа» историков – тех, кто выявляет каузальность истории, и «прогрессистов»; два «подхода» к изучению исторического материала – «генетический» и «эстетико-индивидуализирующий»; два «вида» анализа – «историческую динамику» и «историческую статику»; два «образа» истории и, соответственно, две «формы» ее постижения – «царство необходимости» и «царство свободы», «механическую эволюцию» и «творческую эволюцию»; два «метода» исторического познания – рационально-дискурсивное и историческую интуицию; два «типа» исторического понимания и две «стадии» в его развитии – «старое» и «новое», «первую» и «вторую»; две «тенденции» в истории историографии и проч. Даже в тех случаях, когда речь идет о более чем двух понятиях (три формы постижения мира: философское, научное, художественное; три этапа в развитии исторического понимания и т.п.), П.М. Бицилли либо

[1] Там же. С.247.

[2] Там же. С. 169.

[3] Понятие «биполярность» было введено учеником З.Фрейда (с которым он позже разошелся) - В.Штекелем для обозначения особенностей психической деятельности, в основе которой соединение противоположных – полярных - понятий (ненависть/любовь, страх/ влечение и т.п.). Это – некая двойственность противоположных чувств, для обозначения которой в т.н. «ортодоксальной школе» З.Фрейда утвердился иной термин - «амбивалентность», получивший более широкое распространение благодаря авторитету основоположника «школы» (позже это понятие было заимствовано Р.Мертоном при подготовки его второй версии работы об этосе науки «Амбивалентность ученого», 1965). Однако второе понятие, «родом» из химии, лишь акцентирует внимание на свойстве «двойственности», но не заостряет сущность «двойных чувств» – они всегда «полярны» и представляют собой «пару противоположностей». Сам З.Фрейд впоследствии предполагал, что, по-видимому, благодаря биполярности «из равномерной монотонности безжизненного возникла жизнь». См.: *Виттельс Ф.* Фрейд. Его личность, учение и школа / Пер. с немецкого М. Рейснера. Л., 1925. Ленинград, 1991 [Репринтное издание]. С. 187-188.

отбрасывает одно, для него несущественное, либо строит свои рассуждения на компоновки двух понятий, выводя третье за рамки анализа. Для него «два понятия» всегда – полярные, диаметрально противоположные, исключающие друг друга точки зрения, подходы, исследовательские приемы и т.д, но эти «полярности» одновременно неразрывны, они сосуществуют «в одном сознании», находясь в «неустанной» и чаще всего «бессознательной борьбе», и представляют собой «пределы», границы «коридора» реальной исследовательской практики, в рамках которого «обречена» развиваться («биться») историческая мысль, переходя (в зависимости от множества «привходящих», «посторонних условий») от одного полюса к другому. Можно допустить, что «биполярность» П.М. Бицилли имеет своим истоком своеобразное понимание гегелевской идеи развития. Одновременно для бытия рефлексии историко-культурного и историографического процессов, согласно П.М. Бицилли, характерен «механизм маятника».

Признавая значение новейшей истории исторической науки, ее колоссальных достижений, осуществленных под влиянием применения «эволюционной точки зрения на историческое развитие», историко-генетического подхода и «исторической динамики», П.М. Бицилли одновременно считает, что этот путь нисколько не приблизил историков к реальному пониманию исторического процесса и к созданию исторического синтеза.

Для него новым и более перспективным в контексте главной теоретической проблемы историографии – проблемы исторического синтеза – представляется переход к «исторической статике» как способу «синтезирующего описания известных, в известный момент обнаруживающихся "качеств", взятых как граница личного творчества»[1]. В такой синтез должны входить и явления, относящиеся к самому процессу творчеству, поскольку «ограничить» для П.М. Бицилли значит «определить»[2]. Акцент на синхронический (не исключая полностью диахронического) анализ исторического материала соответствует, по Бицилли, *ведущей тенденции* современной ему историографии, и он сам смело использует этот прием в своих конкретных исследованиях («Элементы средневековой культуры» /1919/ и др.).

История, в понимании П.М. Бицилли, – непрерывный поток психической жизни, в котором каждый миг – момент – «есть нечто качественно единственное, специфическое, неповторимое», обладающее своей собственной индивидуальностью. Отдельные моменты истории переходят из одного в другой, и провести четкие грани между ними невозможно. В то же время в силу специфичности и неповторимости каждого момента общий процесс, непрерывный и слитный, разбивается на бесчисленное количество отдельных звеньев. Историк может «пере-

[1] *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С.302.

[2] Там же. С. 302-303.

мещаться» лишь поочередно в отдельные моменты прошлого, но психически, интуитивно постигая отдельный момент, он «переживает всю историю». Поэтому исторический синтез для П.М. Бицилли – это «синтез "момента"»[1].

Следуя этой логике, среди разновидностей систематизации фактуальной базы исторического исследования (диахронический ряд, классификация, типологизация и проч.) П.М. Бицилли выделял *периодизацию*. Проблему периодизации он непосредственно соединял с проблемой синтеза («проблема исторического синтеза или – что то же проблема периодизации») и определял как – основную, «центральную», «единственную» проблему теории исторической науки (оговаривая, правда, – «при данном состоянии» историографии) [2].

Периодизация, по Бицилли, – «окончательная цель» и одновременно – отправная точка, определенная схема, соответствующая уровню научных знаний в данный момент развития историографии, которая необходима ученому для того, чтобы не «погибнуть в необъятной массе материала», т.к. именно периодизация способствует приведению «в порядок хаоса данности». В процессе работы исследователь может «усовершенствовать, видоизменить и даже отбросить» первоначальную схему периодизации[3].

Анализируя работы, посвященные проблеме периодизации, П.М. Бицилли, замечает, что в поисках критериев периодизации, авторы диаметрально расходятся во мнениях: то, что для одних представляется «объективным», для других – выражает «субъективность» периодизационных схем. Сам П.М.Бицилли – сторонник иного подхода. Он считает, что целесообразнее отказаться от искания «"единого объективного" принципа периодизации», т.к. при всем стремлении к объективности историк никогда не сможет устранить «свой собственный личный коэффициент, и поэтому *всякая* [выделено в тексте П.М. Бицилли. – Т.П.] историческая концепция обязательно будет более или менее субъективна»[4].

В реальной истории нет «длительных мгновений», поэтому такие понятия как «период», «эпоха» и проч., на которые исследователь «рассекает» непрерывный поток исторической данности, не могут адекватно соответствовать действительности. Историк реконструирует отдельные моменты прошлого - «синтетически в их многообразии», но любая его реконструкция неизбежно будет искусственным построением. И чем обширнее в пространственно-временных рамках будет синтезируемый «кусок» истории, тем более ограниченным и «скудным» будет сам синтез[5].

---

[1] Там же. С. 168.

[2] Там же. С.29, 31, 154.

[3] Там же. С. 150; *Петър Бицилли.* Увод в изучаването на новата и най-новата история (Опит за периодизация). Второ фототипно издание. София: Изд-во «Наука и изкуство», 1993. С. 47.

[4] *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 160.

[5] Там же. С. 164, 168, 303.

«Новое историческое понимание», сторонником которого выступал П.М. Бицилли, требовало, по его мнению, перестройки *методологии истории*, которая сложилась как дисциплина «чисто практического характера» в качестве «собрания правил» источниковедческого анализа. В современной научной историографии предметом этой дисциплины должна стать «систематизация и обобщение эмпирических данных для выработки общих основ установления зависимости между тем, что принято именовать историческими фактами, т.е. внешними явлениями, и подлинными фактами истории, т.е. явлениями жизни духа»[1].

Среди задач новой методологии истории П.М. Бицилли выделял следующие.

Во-первых, поскольку «историческая наука всегда была в своих величайших образцах наукой, основанной на интуиции», постольку методологической задачей должно быть «проведение черты между опирающейся на точные данные интуицией и беспочвенным фантазированием»: интуиция в работе историка – «особый способ» постижения истории и одновременно метод, который необходимо использовать наряду с другими методами познания[2].

Во-вторых, историку необходимо определить приоритетные явления, в которых наиболее «прозрачно» проявляется «дух эпохи» (главный объект познания), т.е. установить «шкалу категорий» подобных явлений «по степени их важности». Это – задача новая, замечает П.М. Бицилли, и современная историография находится еще «в стадии исканий» для ее решения. Если Я. Буркхардт придавал первостепенное значение искусству, то для Петра Михайловича более плодотворным представлялся «*филологический метод (т.е. подход)*»: поскольку история – это наука о «духе», а «дух» проявляет себя в первую очередь в языке. С этой точки зрения П.М. Бицилли особо выделял труды одного из современных ему исследователей – филолога-романиста К. Фосслера, который рассматривал язык как «зеркало», отражающее культуру, и был близок к эстетической концепции Б. Кроче[3].

В-третьих, П.М.Бицилли одним из первых поставил проблему *антропологически ориентированного культурологического подхода* к изучению науки. Анализируя современную ему науковедческую практику, П.М. Бицилли отмечал, что науку принято воспринимать как достаточно «замкнутый», развивающийся «сам из себя» мир. Эволюционный подход к истории науки способствовал рассмотрению каждой научной системы в качестве «звена» в общей «цепи» развития «культурного человечества», или закономерно обусловленной «ступени» в прогрессе «науки вообще». Для историка культуры этот подход абсолютно «непригоден», ибо при подобном изучении научных систем, теорий,

[1] Там же. С. 234-235.

[2] Там же. С.235.

[3] Там же. С. 236-237. Последующий «переход» в область лингвистики и истории литературы – это, учитывая сформулированные в «Очерках» соображения, закономерное развитие П.М.Бицилли в сфере исследовательской практики его теоретических идей.

концепций «скрываются лики их творцов»[1].

П.М. Бицилли очень точно определил сущность той научной традиции, которая утверждалась в современный ему период историографии науки: исследование внутренней логики науки, или ее «объективно-мыслительных образований» – идей, теорий, принципов, методов, концепций, проблем и др. В ее основе – введение всеобщего гомогенного опыта, который проявляется в «трансперсональном мировидении»[2], а знание с его «сегментами» выступает как «деперсонифицированное образование». При таком подходе акцент делался на осмысление логико-теоретических норм взаимосвязи этих «объективно-мыслительных, когнитивных структур», «сегментов» знания. П.М. Бицилли не удовлетворял и метод, которым пользовался при изучении истории философии В. Виндельбанд: трактовка отдельных областей научной мысли как «сторон» общего «умственного движения».

Историк культуры, по Бицилли, не вправе разделять сознательную и бессознательную сферы «духа», отделять «мировоззрение» от «мироощущения»: для него и философ, и естествоиспытатель, и историк – это прежде всего личности, которые творчески раскрывают себя в области «своей науки». Для историка культуры научная деятельность творческой личности является «его биографией», а созданная им научная система – то «невыразимое», в чем воплощена «психея» ее создателя, это – «он сам»[3].

Комментарии

Своеобразием индивидуального почерка Бицилли-ученого, представителя научной историографии, является его обращение к разным видам познавательной деятельности – научному и «не-научному», к различным формам, в которых воплощалось постижение истории: исследовательским работам, произведениям искусства, литературным шедеврам.

Источниками для «Очерков» (поистине – «OPUS MAGNUM»[4]) стали как классические произведения, начиная от Геродота и Фукидида, так и новейшие (начало XX века) труды европейских исследователей (включая и Россию) по истории, философии, социологии, истории искусства, литературы, науки и проч. Более ста пятидесяти имен – знаменитых писателей, ученых и мыслителей, а также малоизвестных авторов, привлекших внимание П.М. Бицилли, «вошли» в страницы Книги.

Имена Гомера, Вергилия, Данте, Джотто, Петрарки, Микеланджело, Боккаччо, Вазари, Шекспира, Расина, Моцарта, Гете, Делакруа, Шатобриана,

[1] Там же. С. 243.

[2] См.: *Барг М.А.* Эпохи и идеи. М.: «Мысль», 1987. С.14.

[3] *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 244.

[4] См.: *Каганович Б.С.* «OPUS MAGNUM» П.М.Бицилли // Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С.Кагановича. СПб.: Axioma, 2012. С.406.

В. Скотта, Вагнера, Золя, Киплинга, А. Франса, Пушкина, С. Аксакова, Толстого, Блока, А.Белого, Бальмонта, Чехова и др. звучат не менее часто, нежели имена Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона, Августина, Иоахима Флорского, Лютера, Лейбница, Вольфа, Вико, Монтескье, Тюрго, Вольтера, Руссо, Кондорсе, Гердера, Канта, Гегеля, Шеллинга, Фихте, Юма, О.Конта, Ницше, Маркса, Паскаля, Шпенглера, Бергсона и проч., или имена Плутарха, Ливия, Тацита, Бодена, Салутати, Гвиччардини, Ибн-Халдуна, Макиавелли, Тьерри, Гизо, Ранке, Мишле, Тэна, Моммзена, Риккерта, Дильтея, Я.Буркхардта, Лампрехта, Макса Вебера, Кроче, Милюкова, Ростовцева, Павлова-Сильванского, Карсавина и т.п.[1]

Поражает не только галерея ученых, мыслителей и художников, с которыми П.М. Бицилли ведет диалог, но его стиль изложения мысли, «манера письма». Текст больше напоминает поток мышления – стенографию мыслей, переплетение которых подчас предстает пульсирующим нарастанием все новых и новых идей, рождающихся в процессе мучительных раздумий над вопросами: как изучать историю и как писать историю? – вот главная тема книги.

В этой работе и по ее структуре с оригинальными «экскурсами», и по литературному «почерку» нет привычной строгости монографического изложения. Линии одной темы, разветвляясь, создают дополнительные узоры, возникающие от развертывания мысли; жестко, казалось бы, сформулированное положение подвергается вдруг критике и взрывается изнутри новыми пассажами, рождающими сомнение в уже логически завершенном дискурсе. Это – не монолог автора, он лишь «ведет» означенную им тему в многоголосом хорале, подхватывая нужные ему – близкие ему по «духу» – мелодии и, восприняв их (не без коррекции, не прямо, а «пропустив» через свое критическое «я»), получив от них новый творческий импульс, предлагает очередную аранжировку главной темы.

Для П.М. Бицилли характерна методика многократного подхода к одной и той же проблеме, которая не только варьировалась им в разнообразных ракурсах своего восприятия, но и в обозначениях – «терминологической оболочке». Этот подход к «сотворению» текста обусловливает поиск нитей, связывающих одну мысль, разбросанную в многочисленных смысловых блоках, «выкристаллизацию» этой мысли из параллельных потоков ее многообразного воплощения. Текст П.М. Бицилли нельзя просто «прочесть»: в нем нет привычной логики «последовательности». Его последовательность – парадоксальна: ее нужно понять, найти эти связующие нити, неоднократно перечитывая прочитанное и возвращаясь к «пройденному». Кажущаяся «доступность» «Введения» и заключительной части – обманчива, хронологический стержень

[1] Вместе с тем вызывает недоумение отсутствие в этом «параде имен» таких крупнейших специалистов в области европейской медиевистики и новистики, как представители «русской исторической школы» – П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский; российских «первопроходцев» в области исторической эпистемологии – Р.Ю. Виппера, А.С. Лаппо-Данилевского и др.

глав – относителен, «экскурсы» – как «потусторонние» эссе…

Текст «Очерков» специфичен и по ориентации автора на четко очерченную аудиторию: это сообщество единомышленников, профессионалов, со значительным удельным весом рефлексивной компоненты, которым нет необходимости «объяснять» очевидно хрестоматийные истины, которые владеют широким диапазоном специально-научных знаний и обладают глубоким пониманием общекультурного наследия.

С ранних лет своей творческой деятельности П.М. Бицилли игнорировал различного рода трафареты и общепринятые шаблоны, форма построения его работ настораживала даже неординарно мыслящих ученых (например, И.М. Гревса). Поставив самому себе «широкую проблему», Петр Михайлович решал ее не отвлеченными рассуждениями, но обращаясь «вглубь первоисточников», на широком источниковом материале, свободно дискутируя с современниками и давно ушедшими: ведь в бесконечно длительно длящемся потоке исторической жизни нет конкретного времени, этой очередной конструкции человеческого разума.

П.М. Бицилли, «человек тонкой душевной структуры» (по воспоминаниям его зятя – князя А.П. Мещерского)[1], рассчитывал на тот тип «нового исторического понимания», с которым он связывал самую перспективную, по его убеждению, тенденцию современного ему этапа историографического развития, и которое должно было объединить новое поколение историков: к ним были обращены его слова и мысли

> ***Ремарка заключающая.*** *Дежа вю*: изучение истории науки, также как и самой истории, имеет далеко не однозначную конфигурацию. Закономерное «забвение» приводит на новой стадии интеллектуального процесса к «возрождению» прежних идей, которые предстают чаще всего как «инновации», порождаемые проблемой идентичности и ностальгическим восприятием прошлого. Разве не похожа сегодняшняя ситуация «пост-постпостмодерна» /?/ на ситуацию «модерна» столетней давности? Может быть, мы лишь тешим себя своими «открытиями», которые в реалии – вечные идеи, существующие в бесконечной смене многообразия форм своего выражения?..[2].

[1] *Мещерский А.П.* Заметки и материалы к биобиблиографии русских ученых в Болгарии. 1920-1949 // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья, коммент. М. Васильевой. М.: «Русский путь», 2000. С.587.

[2] О созвучии идей П.М.Бицилли с идеями современных мыслителей (Ф.Р. Анкерсмит и др.) см. *Довгополова О.А., Каменских А.А.* Вводное слово // Эсхатос: философия истории в предчувствии конца истории. Одесса: ФЛП "Фридман А.С.", 2011.С.11.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩЯ ИСТОРИОПИСАНИЯ: НАУКА VS ИСКУССТВО[1]

Идеи можно понять
лишь в контексте своего времени.

Иммануил Валлерстайн

Многочисленные «вызовы» (пользуясь растиражированной метафорой А.Дж. Тойнби), или эпистемологические акцентуализации, определяют стержневое направление переднего края науки в поисках ответа на вопрос: как изучать историю и как «писать» историю?

Среди этих «вызовов» – эстетический. Проблема чувственного восприятия как средства постижения исторической действительности (наряду с многообразными аспектами значения эстетики) оказалась в центре внимания гуманитариев. «Эстетический вызов» – это один из шагов в процессе «критической саморефлексии», который обычно соотносят с 70-90-ми годами XX в. и связывают с реформационным наступлением постмодернизма. «Новые интеллектуалы», предложив для анализа в качестве ключевой метафору «Sensation» (наследие Й. Хейзинги[2]), актуализировали «образно-художественное индивидуальное восприятие мира как способ постижения исторической реальности»[3].

Соотношение сциентистских и художественно-творческих компонентов в историописании с целью понимания и приближения к исторической реальности – вопрос в историографии отнюдь не новый, имеющий необозримый специально-литературный ландшафт. Ответ на него во многом связан со спецификой историографической и шире – культурной ситуации. Взгляд на эту проблему трех значительных фигур мирового интеллектуального сообщества позволяет сфокусировать внимание на вопросах профессиональной автономии истории, ее возможностях в воспроизведении реальности как творческо-эстетической составляющей научного историописания.

---

[1] Материалы этого сюжета вошли в статью: *Попова Т.Н.* Дисциплинарное сообщество историографов на исходе Постмодерна (фрагменты размышлений) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 4. Київ: Інститут Історії України НАН України, 2009. С.210-235.

[2] Й.Хейзинга заимствовал это понятие для создания своей концепции «исторического ощущения» у теоретика литературы Л. Ван Дейсселя (1864-1952), представителя сенситивизма, который считал, что задача литературы – дать «ощущение» мира.

[3] См.: *Зверева Г.И.* (РГГУ) Понятие «Исторический опыт» в «новой философии истории» // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. Москва, 1999. С 104-117.

Перекличка эпох и поколений

П.М. Бицилли (1920 – е годы)

Главная проблема, которую выдвигает П.М. Бицилли, – как «путем исторической рефлексии» овладеть «пестротой эмпирической данности», учитывая ее «абсолютную текучесть»? как постичь реальный исторический процесс – «иррациональный и хаотичный», его элементы – в их неразрывности, единстве и неповторимости своеобразного воплощения; каким образом передать это в повествовательной форме научного исторического произведения?

Эту проблему П.М. Бицилли связывает с *антиномией историзма*, которая, по его мнению, может быть представлена как антиномия «реальной» и «письменной» истории[1], суть которой в противоречии между объективным историческим процессом и его «изображением» в историографии – его «историографическим образом». Размышления П.М. Бицилли, по сути, сфокусированы на том, какими средствами обладает современная ему научная историография, учитывая весь предшествующий опыт ее развития, в достижении «разрешения» этого противоречия.

Проблема «постижения истории», поставленная П.М. Бицилли самому себе, решалась им в широком контексте осмысления различных форм познавательной деятельности. Размышляя о возможностях познания истории, П.М. Бицилли выделял такие его формы, как научное познание, художественное, философское. Каждая из этих форм познавательной деятельности для П.М. Бицилли – самодостаточна и «законна в своих пределах». Отрицая значимость для современной историографии философии истории, считая ее «умершей дисциплиной», он не отрицал тем не менее важности философского постижения действительности, философской точки зрения «на жизнь космическую»: «философия жизни» – «ни довершение, ни восполнение науки, а свое собственное постижение жизни» – «абсолютное познание», которое посредством интуиции снимает «с мира наброшенный на него сознанием покров»[2]. Такое постижение возможно, если рассматривать эволюцию как «вечное становление» – «единое, неделимое, безостановочное движение», как «эволюцию творческую». Воспроизвести эту «творческую эволюцию» познающий субъект может только в случае полного самоотождествления с объектом. «Научная точки зрения», в отличие от философской, рассматривает понятие «эволюция» как «сплошной причинно-следственный процесс», который интеллект «разбивает» на ряд «неподвижных моментов», «рационализирует», отвлекаясь от реального времени, и в результате деятельности «рефлектирующего сознания» (деятель-

[1] *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 263.

[2] Там же. С. 296.

ности, обусловленной практическими потребностями и жизненной необходимостью) превращает в «изготовленный нашим сознанием препарат»[1].

Особо важным вопросом для П.М. Бицилли был вопрос о соотношении «художественного» и «научного» познания прошлого, их специфике и общности. Для истории и искусства, считал он, долгое время существовала одна задача – воспроизведение действительной жизни «во всей ее конкретной полноте», с «максимальной степенью выразительности»: искусство должно было «подражать природе», а история – «воскрешать прошлое». «Художественное» и «научное» познание прошлого для П.М. Бицилли – два вида творчества, развитие которых осуществлялось одновременно «по пути "реалистического" воспроизведения конкретной действительности» в форме «повествовательной истории». Однако «повелительные» практические и теоретические потребности способствовали тому, что «histiore narrative» деградировала в «исторический роман» и в конце концов «безраздельно восторжествовала» «научная», «рефлектирующая», «объясняющая» история – историография приблизилась к «науке» как «к системе понятий», с помощью которых разум пытался постичь «умерщвленную» им в процессе анализа действительность[2].

П.М. Бицилли четко определяет разницу между художником и историком по четырем параметрам: объекту, материалу (источникам), методам постижения, задачам: ***1***. Художественный объект – это воплощенная в красках, звуках, словах и проч. «художественная идея», форма выражения «духа» художника; художественное творчество состоит собственно в «стилизации объектов». В историографическом произведении в качестве объекта выступает реальный объект – «дух эпохи». ***2.*** Для художника предметы или события являются «сырым материалом», которым он пользуется для того, чтобы создать собственные объекты – символы. Историк же «связан фактами», для него эти предметы и события – «сами символы», в которых уже другие воплотили самих себя, свои переживания, свой дух. ***3***. Художник постигает закономерные связи мира бессознательно («или он – не художник»), в то время как «единственной задачей» историка является «осознание» причин создания в конкретной среде определенных ценностей – символов, «истолкование» психологической культуры, выявление в ней единичного, неповторяемого, специфического. ***4.*** Деятельность художника – создавать символы, ибо он – «творец символов»; деятельность историка – раскрывать смысл этих символов.

Не отрицая «творческой» основы историографической деятельности, которая заключается в стремлении к проникновению в смысл индивидуально-неповторимого, к историческому пониманию во всей его полноте («история есть

[1] Там же. С.295-296.

[2] Там же. С. 217-218, 222-223, 291.

творческое воспроизведение преображенной сознанием действительности»[1]), П.М. Бицилли тем не менее в отличие от Б. Кроче и Дж. Джентиле не считает возможным отождествлять науку и искусство.

«Историк» должен отдавать себе отчет в границах, отделяющих «вымысел» от «истины»: для него «реально данная действительность» является не только «отправным пунктом», но и «пределом его творчества», специфика которого заключается, *во-первых*, в «разложении данных» (реконструируемых явлений на основании источников - продуктов культурной деятельности) на элементы; *во-вторых*, в изучении этих элементов с их формальной стороны; *в-третьих,* во вторичном воссоздании «убитого анализом объекта» (явлений: личности, «культурной среды», «эпохи» и т.д.).

Сущность всякой науки, констатирует П.М. Бицилли (вторя Б. Спинозе) в том, что «разум осиливает, убивая»[2]. Несмотря на этот пессимистический вывод, П.М. Бицилли уверен: научная «точка зрения» утверждается «самой жизнью, т.е. деятельностью познающего субъекта в мире и на мир», а потому «законна в своих пределах», как и любая иная форма познания.

Историческая наука подчинена основным параметрам научного знания, но, входя в класс идиографических наук, имеет свою специфику. «Теоретическое своеобразие» исторического понимания (мышления) обусловлено «специальным содержанием» самой человеческой истории как истории культуры. «Историческое понимание» как понимания жизни культуры – это особый вид понимания: поскольку «интуитивно человеческий дух в состоянии проникать лишь в то, что является продуктом человеческого же духовного творчества», постольку исторический метод в конечном счете «основывается на интуиции»[3], которая коренным образом отличается от «интуиции повседневной» и не может быть отделена от рационально-дискурсивных методов исследования.

Задолго до Р. Коллингвуда, назвавшего позитивистскую историографию историей «ножниц и клея», П.М. Бицилли скептически отнесся к приему «мозаического склеивания источников»: нельзя работу исследователя «сводить» только к проверке отдельных утверждений, к исправлению «ошибок памяти» или «тенденциозного вранья». Главное в научном творчестве историка – это выделение «из объекта исследования исторического объекта», т.е. – «духа» эпохи (культурной среды и т.п.), ее «стиля», иначе говоря, - *эстетико-индивидуализирующий анализ* символики исторических фактов. «Современная историография, – замечает П.М. Бицилли, – никогда не отказывалась от своей задачи эстетического воссоздания прошедшего…»[4] .

П.М. Бицилли противопоставляет два вида исторического понимания:

[1] Там же. С. 37.

[2] Там же. С.227.

[3] Там же. С. 236, 296.

[4] Там же. С. 201, 223-225, 154.

первое основано на «исторической метафизике» (идее детерминизма, исключающего случайность и свободу творчества) и выдвигает в качестве самой важной теоретической проблемы – проблему объяснения «долженствования», т.е. закономерной необходимости случившегося, используя «исторические понятия»; второе, «новое», основанное на «*критическом реализме*», стремится освободиться от «гипостазирования» исторических понятий, однако, применяя эти понятия (необходимые науке для определения всего «бесконечного разнообразия конкретной реальности»), выдвигает одновременно «идею личного творчества как единственного реального двигателя исторического процесса»[1] .

Сторонник «нового исторического понимания», П.М. Бицилли видит его основы не в философских абстракциях, мировоззренческих платформах, а выводит его из анализа духовного мира реальных личностей, у которых мировоззрение неотделимо от мироощущения: «…было бы правильнее, – пишет он, – говорить не об историческом мышлении, но о переживании или восприятии исторического: мы имеем здесь дело скорее с не всегда отчетливо сознаваемыми тенденциями, нежели с теориями, являющимися плодом рефлексии»[2]. Это «новое понимание» – «ведущую тенденцию» в современной ему историографии – П.М. Бицилли связывает с наследием «романтики и германской философии духа» начала XIX века, а также с именами В. Дильтея, Б. Кроче, К. Фосслера, У. Джеймса, А. Бергсона.

Утверждая тезис о специфике исторического познания, П.М. Бицилли признавал, что оба способа исторического познания – и научное (рационально-дискурсивное), и «историческая интуиция» – ограничены в своих возможностях. В области духа реально лишь то, что «переживается», поэтому интуиция дает до известной степени «дробное, неполное представление об историческом бытии», т.к. само это бытие дисгармонично, нецелостно, хаотично. Иррациональность истории порождает то, что мысль историка все время обречена перебегать от одного полюса к другому (от «личности» к «среде» и т.п.), поэтому рационализировать полностью исторический процесс также невозможно.

Историк должен осознавать границы своей науки и «мириться» с «неполнотой» воссоздания прошлого: он не должен впадать в фактографизм, с одной стороны, а с другой – не должен переходить границы науки в область художественного творчества – становиться «выше», а значит, «вне» истории, хотя именно там возможна вся полнота ее постижения (в этом смысле П.М. Бицилли ставит «роман» выше «монографии»). Иррациональность реальности «оправдывает» «научную историю» с «грубостью» ее языка, оперирующего понятиями, адекватно не соответствующими исторической действительности в ее постоянной «текучести», поэтому гносеологический анализ понятий дол-

[1] Там же. С.29-30.

[2] Там же. С. 30, 244.

жен устанавливать их «научную ценность» и одновременно очерчивать «границы их применения».

«Неадекватность» научного «образа мира» его «подлинному лику», настаивает П.М. Бицилли, не умаляет роли научной историографии.

Для П.М. Бицилли каждый человек, в том числе исследователь, с эстетико-индивидуализирующей точки зрения представляет собой «совершенно исключительное явление». В эту «исключительность» входит и его индивидуальный «стиль», поэтому каждый творческий акт также «единый» и «абсолютно неповторимый». Непосредственно воспринимаемый исследователем мир «исторического» бытия – «хаотичен и бессвязен»; для преодоления этой «хаотичности» ученому непосредственно дано только одно – «это отношения людей и вещей между собою в пространстве и времени»[1].

В поисках «шкалы категорий» культурных явлений, которые бы наиболее «прозрачно» отражали «дух эпохи», П.М. Бицилли, в отличие от Я. Буркхардта, отдававшего приоритет искусству, избирает «филологический метод». Суть «филологического метода», или «подхода», – в анализе *языка*, наиболее «гибкого из орудий, служащих духу», убежден ученый. Истоки этого «подхода» П.М. Бицилли связывал с Дж.Вико, который первым определил значение языка как «исторического источника», а историю – как науку о духе.

Артур М. Шлезингер-младший (1960-е годы)

Крупнейший американский историк в своем программном докладе, прочитанном 23 апреля 1963 г. в Колумбийском университете, представил, в сущности, стратегию развития исторической науки на переломе эпох. Его исходная мотивация – обеспокоенность современным ему кризисным состоянием исторической науки, важнейшим показателем которого стала утрата историей своего престижа и влияния в интеллектуальном сообществе.

Развитие истории в качестве знания рассматривается А.М. Шлезингером как длительный путь, с приобретениями и потерями: от «иронической истории», своеобразной «маргинальной формы литературного выражения» в XVIII веке, в следующем столетии она становится «центральной» формой, в которой «люди пытались воплотить свой опыт»[2].

Именно XIX век создал «*романтическую историю*» с ее восприятием исторического процесса как живого, органического, с ее «видением» прошлого как драмы, которую надо «воссоздать». «Риторическое оформление», изобразительный и театральный эффект от изображаемых событий, «яростная пристрастность» способствовали тому, что «видение господствовало над фак-

[1] Там же. С.71-75.

[2] *Шлезингер-мл. А.М.* Историк как художник // Новая и новейшая история. 2007. № 6 . С.135

тами», но при этом исторические сюжеты не фальсифицировались. «*Видение истории»*, акцентирует А.М. Шлезингер, определяло организацию и интерпретацию исторического материала.

На смену этому поколению «классиков» (Т.Б. Маколей, Т. Карлейль, Ф. Паркмен, У. Прескотт и др.), историков-непрофессионалов, пришло новое поколение – университетской профессуры. Профессионализация исторического знания, распространение культа позитивизма в науке «породило новую впечатляющую модель истории» – «техническую» (technical history – термин Герберта Баттерфилда), или «*фактологическую историю».* Ее центральная задача – переход от повествования к анализу, от стремления показать, *как* происходило, к задаче ответить на вопрос – *почему*.

«Ироническая отстраненность» интеллектуалов XVIII в., затем «яростная пристрастность» романтиков сменилась позицией «нейтрального наблюдателя»: «скрупулезный и спокойный анализ фактов», тезис «история – не отрасль литературы» с последующим отказом от эмоционального изображения, пробуждающего воображение читателя, стали нормативами профессионального историописания. «Трудно переоценить вклад» фактологической истории с ее аналитическим подходом, расширением диапазона исследований, специализацией, с перенесением акцента «с описания на объяснение», на выявление причинно-следственных связей, с созданием академической традиции «использования приемов формальной критики источника», заключает А.М. Шлезингер. Однако за этот рывок вперед была заплачена своя цена. По сути, было утрачено «искусство создания исторических сочинений»: 1) «упадок нарратива» привел к утрате умения проникнуть в «дух времени», что было свойственно романтической истории; 2) «с усилением специализации и ростом профессионализма история стала сухой и безжизненной»; 3) в результате историческая наука практически потеряла свое влияние на интеллектуальную общественность.

Автономизация истории – ее отделение «как от искусства, так и от опыта» – способствовала попытке замещения ее «*профетической историей*», сеющей, по убеждению А.М. Шлезингера, «зло, неразбериху и фанатизм», появлению историков-пророков – Маркса, Шпенглера, Тойнби, Троцкого и др., которые использовали возможности искусства для эсхатологических построений[1]. Этот факт особенно тревожил А.М. Шлезингера: 1960-е гг. характеризовались новым мощным всплеском интереса к марксизму [во многих странах Европы и Америки – к его троцкистской модификации. – Т.П.]. Бесспорный талант историков-пророков использовать «воображение» и «интригу», создавать картину доступного и яркого видения прошлого способствовал привлекательности этого вида истории для разных слоев общества.

Будущее профессиональной истории, по мнению А.М. Шлезингера, это –

[1] Там же. С.140-141.

превращение ее в «*рациональную историю*» (наименование было заимствовано у голландского историка П. Гейла), в которой должны органично соединиться искусство историописания (литературное творчество) с нормативами профессионального исторического исследования. Подчиняясь собственным правилам и преследуя собственные цели, история неразрывно связана с «миром письменной словесности» и представляет собой «младшую ветвь» литературного искусства.

Любое «…историческое сочинение, существующее в письменном виде, – убежден А.М. Шлезингер, – есть приложение эстетического видения к хаосу фактов; при этом от качества видения зависят как весомость, та и живость данного труда»[1]. В связи с этим все исторические тексты – это прежде всего «произведения искусства», в которых прежние поколения воплотили свои «версии прошлого». Подчеркивая специфику работы историка, связанную с источником («свидетельствами»), А.М. Шлезингер обращает внимание на то, что понятие «свидетельства» уже включает в себя «критерий относительности». Поэтому действие, совершаемое историком, – это всегда «выбор» [для А.М. Шлезингера – синоним слова «интерпретация». – Т.П.]; а «интерпретация означает ощущение», играющее существенную роль в определении значимости вещей. В этих действиях историк-ученый ничем не отличается от романиста или поэта: он также «продвигается вперед сквозь хаос», отбирая необходимые ему факты.

Таким образом, выход из кризиса исторической науки, обретение ею престижного социального статуса, А.М. Шлезингер связывает с созданием новой – «*рациональной истории*», которая должна опереться на «сильные стороны романтического видения», с одной стороны, и достижения фактологической истории – с другой: соединить нарратив и анализ для обеспечения «эмоциям и духу времени» законного места «в историческом повествовании». При этом «формальный и аналитический материал» должен соответствовать уровню современного исторического знания, а внимание историка необходимо сфокусировать на проблемах «структуры текста»[2].

Франклин Рудольф Анкерсмит (2000-е годы)

На исходе XX столетия П.Бурдье категорически заявил, что «…"постмодернисткий" бред является последним аргументом, способным подорвать доверие к науке, и особенно, социальной»[3]. Ф.Р. Анкерсмит, профессор Гронингенского университета (Голландия), напротив, убежден в том, что новый вариант истории историописания, предложенный лингвистической философией истории (в частности, «плодотворная работа Хейдена Уайта в области тропологии исто-

[1] Там же. С.134.

[2] Там же. С.141.

[3] *Бурдье П.* Наука о науке и рефлексивность // «Социологическое пространство Пьера Бурдье». URL: http: // bourdieu.name/content/nauka-o-nauke-i-refleksivnost

рического текста»), представляет собой, по образному выражению Фукидида, – «достояние навеки». Однако за этот эпистемологический прорыв была заплачена большая цена – в итоге появилась история, для которой нет ничего вне текста.

Модернистскому мышлению было свойственно стремление к постижению реальности – в этом заключался смысл исторического познания. Постмодернистская практика привела к неутешительному выводу – профессиональная историография (история как наука) есть коллекционирование тропов, сюжетов, повествований без надежды узнать, о чем (или о ком?) они повествуют. Но «реальность как *таковая*», убежден Ф.Р. Анкерсмит, всегда опережает и превосходит мир, данный нам в языке и через язык. Тем не менее следствием «лингвистического поворота» была постановка новых вопросов: способен ли историк совершить побег из «тюрьмы языка» (метафора Ф. Ницше), вступить в реальные, подлинные и «опытные» («experiential») отношения с прошлым – «в отношения, которые не замутнены историографической традицией, дисциплинарными допущениями или лингвистическими структурами…»[1].

До сих пор не «прошлое», а «теория» была тем зеркалом, в котором историки узнавали себя и друг друга. В современной историографической ситуации быстрое «умножение теорий» привело к тому, что каждый ученый стал располагать собственной эпистемологической моделью понимания прошлого, а это означает, по мнению Ф.Р. Анкерсмита, «конец эры "теории"». Перспективу развития науки он видит в отказе от «теоретического универсализма» и в выдвижении на первый план «личного опыта прошлого»[2].

Ф.Р. Анкерсмит, один из классиков постмодернизма, внесший свою лепту в «лингвистический вызов», именно под влиянием «ответа» на этот «вызов» (передний край европейской и американской науки 70-90-х гг. XX в.) делает новый решительный «поворот»: он переключает фокус исследовательского поиска от «языка» к «опыту», считая (вторя Б. Спинозе), что это «переключение внимания» отражает «широкие изменения в современной культуре, которые можно было описать как движение от всеобъемлющих систем значения к значению, ограниченному конкретными ситуациями и событиями»[3].

«Опыт» – новая, ключевая, категория философа; с ее помощью можно «взорвать матрицу, в которую теория поместила значение»[4]. «Теория», по Ф.Р. Анкерсмиту, это – метафора, олицетворяющая в широком смысле дисциплинарные предписания и ограничения, в том числе – в области языка, т.е. кате-

---

[1] См.: *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт / Пер. Олейникова А. А., Борисовой И. В., Ляминой Е. Э. М.: Европа, 2007. С.23.

[2] Там же. С.430.

[3] Там же. С.19; *Спиноза Б.* Этика, доказанная в геометрическом порядке / Пер. с лат. Н.А.Иванцова // Спиноза Б. Избранные сочинения. Минск, 1999. С.399.

[4] *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. / Пер. Олейникова А. А., Борисовой И. В., Ляминой Е. Э. М.: Европа, 2007. С.20.

гориального аппарата – системы значений [«теория» в данной интерпретации напоминает «дисциплинарную матрицу» Т. Куна. – Т.П.], в узком – конкретно «лингводетерминизм». В борьбе между «теорией» и «опытом» решающую роль Ф.Р. Анкерсмит отводит «субъекту»: современный «постструктуралистский мир», в котором «язык говорит человеком», а «субъект» – «Автор» – лишь «атрибут языка», должен уступить место новому миру, в котором произойдет взаимообразное «повторное открытие» – «опыта» и «субъекта»[1].

Ф.Р. Анкерсмит замечает, что в историографической практике (начиная с 1970-х гг.) уже было предпринято обращение к «опыту» и его истории: такие «разновидности историописания», как история ментальности, история повседневности и в значительной мере – культурная история, а также новейшие тенденции современного историописания – история памяти, проблема Холокоста и его репрезентаций и т.п., отразили перенос исследовательских акцентов на вопросы *восприятия* [курсив мой. – Т.П.] людьми прошлого своего мира и проблему отличия их опыта от опыта современников. В последней по времени философской литературе, по его мнению, также произошла переориентация акцентов – с философии языка на философию сознания. Стремление проникнуть сквозь вуаль языковых форм в «мир как *таковой»* приводит Ф.Р. Анкерсмита к выводу о том, что, учитывая взаимосвязь трех базовых понятий – опыта, сознания и языка (по схеме: опыт знакомит с миром; сознание предлагает репрезентации мира, с которым мы знакомимся благодаря опыту; эти репрезентации выражаются с помощью языка), – следует констатировать: «сознание и его репрезентации мира не могут существовать без опыта», и именно опыт побуждает ставить вопросы о природе и истоках исторического сознания[2].

Проблему «опыта» Ф.Р. Анкерсмит рассматривает в широком контексте: его интересуют вопросы соотношения историописания («творец» со своим сознанием /мышлением/ и его «творения» /труды/) и прошлого; он хочет реабилитировать смысл историописания, вернуть значимость его субъекту – историку, увидеть вместо метафоры «Автор» – живую, чувствующую личность исследователя. Поскольку познание включает три главных составляющих – субъекта, его восприятие мира, объекты мира, которые даны субъекту в опыте и посредством опыта, постольку траекторию между субъектом и объектом Ф.Р. Анкерсмит отождествляет с историческим опытом: траектория между историком и прошлым «есть место, где рождается историческое сознание и историописание <…> это территория исторического опыта»[3].

Сравнивая науку и искусство (которому современная наука, замечает философ, уступила «значительную часть своих владений»), Ф.Р. Анкерсмит имен-

[1] Там же. С.20-21.

[2] Там же. С.26, 37-38.

[3] Там же. С.361-362.

но в произведениях искусства видит «выраженное художником аутентичное восприятие (experience) мира», именно искусство он в первую очередь роднит с «опытом». Однако, стремясь «реанимировать» понятие «опыта» для расширения познавательных возможностей научной деятельности, Ф.Р. Анкерсмит обращает внимание на то, что наш разум, обитая «в мире возможных предметов интеллектуального опыта», может не хуже, нежели органы чувств, «работать как вместилище опыта»[1]. Поскольку процесс познания включает в себя «переживание прошлого», которое происходит аналогично тому, как «переживаются» произведения искусства, постольку в процессе познания прошлого следует «реабилитировать» романтический мир «чувств и настроений», определяющих наше отношение к прошлому (ибо, если вспомнить Ж.-Ж. Руссо, «чувствовать – значит думать»).

«Интеллектуальную бюрократию» теории, считает Ф.Р. Анкерсмит, должен сменить «романтизм» такого подхода к прошлому, «который полностью захватывает личность историка, а не только (и даже не в первую очередь) формальную сторону его или ее познавательных способностей»[2]. При этом он против альтернативности, противопоставления «исторического опыта» и «научного историописания»: прийти к романтизму можно только через «рационализм» и «теорию», а само понятие исторического опыта «имеет смысл лишь при наличии профессионального историописания»[3].

Для Ф.Р. Анкерсмита наиболее яркими фигурами, представляющими новое понимание истории выступают Я. Буркхардт и Й. Хейзинга. Оба историка не стремились отказаться от классического дисциплинарного историописания, сложившегося в XIX в., но пытались обратить внимание на то, что при написании истории ученый должен «использовать всю свою личность». История делается не только документами, «но *еще* [курсив Ф.Р. Анкерсмита. – Т.П.] и историками»: отношение исследователя к собственному времени, его внутренние чувства и переживания, решающие факты его биографии и т.п. – все это должно оцениваться как «важнейшее снаряжение историка, пытающегося проникнуть в тайны прошлого». Историк неизбежно ощущает себя частью того, что описывает, но, решая различные исторические проблемы, он неизбежно вкладывает в это решение (повествование, нарратизацию) собственное переживание прошлого, свой исторический опыт, который выражает «слияние объективного и субъективного опыта прошлого». Ф.Р. Анкерсмит убежден в том, что любое повествование представляет собой историю самого историка, историю его жизни, поэтому «личные переживания» необходимы для того, чтобы он был «открыт опыту прошлого»[4].

Поворот от «языка» к «опыту» совсем не означает для Ф.Р. Анкерсмита изъятие «языка» из сферы познавательного интереса. Напротив, посколь-

[1] Там же. С.27.

[2] Там же. С.427, 31-32.

[3] Там же. С.245.

[4] Там же. С.267-268, 369.

ку у опыта нет «собственного голоса» и он зависит от языка – «системы социализированных значений», постольку теоретик истории должен выяснить, «что представляет собой опыт прошлого, скрывающийся под языком, которым пользуется историк?»[1]. Если «повествование представляет язык, а опыт – реальность», то для повествования о прошлом, «необходим *язык*, а опыт по своей сути есть опыт *реальности»* [курсив Ф.Р. Анкерсмита. – Т.П.]. Собственно Ф.Р. Анкерсмит выстраивает новую теорию – теорию «соотношения языка и реальности в рамках историописания»[2].

Непрозрачность отношений между языком и реальностью означает «возвышенную неопределенность» в отношениях между ними: именно в этот момент «прошлое входит в наше сознание» и «*создается* в этой неопределенности», облекаясь позже в понятия (язык), поэтому историописание предстает как «бесконечный эксперимент в области связывания языка и мира». Ф.Р. Анкерсмит сравнивает язык с краской для написания картины: «…как краска, которой пользуется художник, – язык используется для выражения или материализации (эстетического) опыта историка», следовательно, «*история историописания – это, по большому счету, глава из книги по истории эстетики*»[3] [курсив мой. – Т.П.] . «"Красота" истории историописания» для него – решение эстетической проблемы: «как верно соотнести язык с реальностью, как облечь в слова тот способ, с помощью которого мы восприняли реальность…»[4]. Поэтому «неожиданное выдвижение эстетики» (превращение эстетической проблематики в приоритетную сферу современной философии и гуманитаристики в целом) для него не случайно – это все тот же поворот к «опыту» [5], к новым граням эпистемологического многогранника.

Комментарии

Размышления П.М. Бицилли относятся к эпохе завершения дисциплинаризации исторической науки, оформления ее как автономной области знания и социального института – социокогнитивной системы. Процесс «размежевания» научных сфер для П.М. Бицилли – закономерен: каждому виду познавательной деятельности он придает статус самостоятельности и самодостаточности «в своих пределах». Отделение историописания-историографии от историописания-искусства для него – явление естественное, связанное с расширением многообразия форм «реалистического» воспроизведения прошлого, в границах которых устанавливаются собственные «правила» в поиске реали-

[1] Там же. С.26, 36.

[2] Там же. С.248-249.

[3] Там же. С.202-204.

[4] Там же. С.204.

[5] Там же. С.26-27.

стической картины мира.

Признавая приоритет искусства в постижении исторической реальности и неизбежную ограниченность научного познания, он тем не менее принимает «законность» «научной» истории, оправдывает «грубость» ее «языка» иррациональностью самой реальной истории («хаос», «текучесть», «пестрота» данности). Стратегия поиска П.М. Бицилли нацелена на анализ специфики «исторического понимания» (сознания, мышления) и в связи с этим – на расширение исследовательских подходов историка-ученого как специалиста в *своей* – научной – области. Приняв концепт «критического реализма» как «нового исторического понимания» в русле новейших для его времени тенденций гуманитаристики, не забывая одновременно «классиков» – Г.В. Лейбница, Дж. Вико, Г.В.Ф. Гегеля, акцентуализируя «романтизм», – он ищет новые возможности познания той, безусловной для него, исторической реальности, которая предстает перед ним в образе «Хаоса». «Упорядочение» этого хаоса с помощью рационально-дискурсивных методов познания и его «восприятие» на основе интуиции, эстетико-индивидуализирующего анализа – в этом методологическая устремленность ученого.

«Эстетическое воссоздание прошлого» для П.М. Бицилли – важнейшая задача историографии, которую должен решать историк в результате «личного творчества», тем более что с позиций эстетико-индивидуализирующего подхода (непременного для истории как идиографической науки) историк сам представляет собой «исключительное явление» со своим «индивидуальным стилем», поэтому и его «творческий акт» – неповторимый результат «истинной природы исторических individual».

Для ученого бесспорным является факт «несовершенства» выразительных средств научной истории, условности понятий, которыми она оперирует. Выход из этой данности он видит в постоянном гносеологическом анализе понятий, в пересмотре их «научной ценности», в понимании «границ» их использования. Признание значимости языка как культурного явления, наиболее «прозрачно» отражающего историческую реальность, и в то же время осознание относительности этой «прозрачности» во многом детерминировали обращение ученого к филологической и лингвистической проблематике. Внесенный им в эту сферу науки вклад позволяет бициллиеведам констатировать приоритет Петра Михайловича во многих вопросах социолингвистики, разработки стилистического анализа текста и проч.[1].

А.М. Шлезингер выстраивает свою стратегическую линию развития исторической науки в эпоху, когда историография в качестве самостоятельной дисциплины прошла уже более чем полувековой путь, проявив на этом пути бесспор-

[1] См.: *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. Санкт-Петербург, 2007. С.197-213; *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М., 2006. С.715-716 и др.

ные профессиональные достоинства и выявив «потери», среди которых в первую очередь – утрата «видения» истории, способности пробуждать у читателя не только разум, но и чувства; «келейность» субдисциплинарных сообществ, говорящих на собственном языке. Но А.М. Шлезингер не считает необходимостью крушение дисциплинарных границ: история остается для него автономной профессией, которая подчиняется собственным правилам и преследует собственные цели, хотя ее связь с «миром письменной словесности» – бесспорна.

«Оздоровление» профессиональной исторической науки А.М. Шлезингер, также как и П.М. Бицилли, усматривает в расширении приемов историописания, в изучении средств передачи результатов научного анализа в тексте. В то же время, в отличие от своего предшественника, четко разделявшего «монографию» и «роман», А.М. Шлезингер квалифицирует историописание как «младшую ветвь» литературного творчества. Для него создание новой «рациональной истории» связано с включением «эмоций» в историографические тексты, представляющие собой произведения искусства, автор которых обязан органично соединить в себе историка и художника. Придавая особую значимость языку исторического текста, А.М. Шлезингер четко обозначает проблему изучения «структуры текста» как новый фокус научной рефлексии.

В «эпоху» Ф.Р. Анкерсмита Храм Науки исчерпал устремленность к «размежеванию», и в неразрывном единстве центробежных и центростремительных сил все более стала заявлять о своей привлекательности вторая составляющая: дисциплинарно очерченные границы, как и виды познавательной деятельности, становились все более зыбкими и подвижными, уступая место, с одной стороны, единому рефлексивному пространству, с другой – неограниченной территории интеллектуально-рационального дискурса и эмоционально-эстетического восприятия.

Ф.Р. Анкерсмит в отличие от своих предшественников – «объективистов», признающих реальность исторической действительности, занимает двойственную позицию: он против крайностей «лингводетерминизма», приведшего историописание к очередному витку агностицизма, но для него уже не существует реальность как *таковая* (хотя он употребляет это понятие и готов признать наличие реальности a priori). Пользуясь метафорой Р. Барта, он предпочитает говорить об «эффекте реальности», ее «конвенциональности», о «подражании» (обыгрывание тойнбианского «мимезиса») реальному как в искусстве, так и в историографии.

Кризис историописания («тупик») он связывает с «дисциплинарными предписаниями», с «закреплением субъекта», наконец, с засильем «теории». «Закрепление субъекта» происходит в результате «строгой регламентации исторического субъекта, его языка, используемых им теорий, академических

институтов, в которых он работает, и т.д.»[1]. По сути – это «образ» дисциплины.

Выступая против «теории», Ф.Р. Анкерсмит понимает под ней прежде всего «лингводетерминизм» (шире – нарратологию): «на протяжении более тридцати лет теория оставалась наиболее эффективным средством закрепления субъекта». Он даже упрекает наиболее «честолюбивых из современных историков», которые «в надежде сказать что-нибудь новое стали приверженцами теории». Это напоминает бунт против вчерашних единомышленников. Но острие критики философа направлено на те «крайности» постмодернизма, которые изъяли из сферы своих интересов, по мнению Ф.Р. Анкерсмита, более широкую – насущную для историографии - проблему взаимосвязи «исторической реальности» и «текста, написанного историком». Филигранно выполнив задачу, по сути, сформулированную А.М. Шлезингером, постструктуралисты «препарировали» текст и гипертрофировали его самодостаточность. Но этот «прорыв» (в большей мере – «шаг конем»), предложив блистательные методики познания исторического текста, не приблизил ученых к решению главной проблемы – какова реальность, скрытая за «текстом», и как ее можно выразить. «Навязав» «лингводетерминизм» в качестве оптимальной исторической теории, постмодернисты, выступая против «дисциплинаризации» (а по сути – против предшествующих модернистских теорий), сами оказались приверженцами «жесткого» «прикрепления» познающего субъекта.

Заслуга Ф.Р. Анкерсмита в том, что он одним из первых, преодолев «синдром корпоративности» («закрепление» членов научного сообщества), указал на явное противоречие в логике своих единомышленников-оппонентов. Однако, что предпринимает сам Ф.Р. Анкерсмит? – вместо «старой», он предлагает «новую теорию»: «соотношения языка и реальности в рамках историописания». Выступая против закрепления субъекта теориями, Ф.Р. Анкерсмит ориентирует на создание новой дисциплинарной практики исторического познания, в качестве основы которой он рассматривает своего рода симбиоз герменевтики Гадамера и аристотелизма[2].

Философ не упраздняет профессиональную науку – само понятие исторического опыта для него «имеет смысл лишь при наличии профессионального историописания». Его стратегическая линия – в предоставлении полной свободы познающему субъекту, который, будучи «профессионалом», должен ориентироваться на выработку собственного эпистемологического кредо.

Ф.Р. Анкерсмит в еще большей степени проблематизирует эстетическую составляющую историописания: его метафоры – «картинность», «живописание» и т.п. – развивают идею «видения» истории в историческом тексте, актуализированную А.М. Шлезингером. Как и его предшественники, профессиональные историки, философ не просто обращает свой взгляд на эпоху романтизма, но но-

[1] *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. / Пер. Олейникова А. А., Борисовой И. В., Ляминой Е. Э. М.: Европа, 2007. С.429.

[2] См.: *Анкерсмит Ф. Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. URL: http://achronicle.narod.ru/ank2.html

стальгирует по этой эпохе. «Опыт» Ф.Р. Анкерсмита также «неуловим» и трудно поддается определению, как «мироощущение» у П.М. Бицилли, также связан с неким особым состоянием эмоционального напряжения интеллектуально-чувственного характера, присущим процессу индивидуального творчества. Так же, как и П.М. Бицилли, следуя за К.Фосслером, называет язык – «зеркалом», отражающим культуру, Ф.Р. Анкерсмит, заимствуя метафору Р. Рорти (к идеям которого он чувствует особую интеллектуальную симпатию), сравнивает язык историка с зеркалом прошлого, считая, что именно от языка зависит, насколько точно зеркало отразит прошлую реальность[1]. Его исследовательские ориентиры в конечном счете нацелены на поиск средств достижения адекватности «языка», которым историк должен выразить свое глубинное – на основе *возвышенного исторического опыта* – проникновение в прошлое самой «реальности».

Как здесь не вспомнить Ф.И. Тютчева?..

У П.М. Бицилли и Ф.Р. Анкерсмита еще одна[2] идея, пребывающая в одной плоскости интерпретации: идея соотношения «старого» и «нового» понимания у первого, «модерна»-«постмодерна», или «историзма»-«постмодернизма», у второго. П.М. Бицилли достаточно четко осознает, что выражения «старое» и «новое» историческое понимание – весьма относительны. Это – различные подходы к истории и в то же время «неразрывно» связанные два «полюса исторического восприятия», две тенденции, в равной мере присущие «нашему сознанию», которые рождаются одновременно, в эпоху романтизма, и в течение последующего времени сосуществуют, находясь в «неустанной» борьбе.

К аналогичному выводу приходит Ф.Р. Анкерсмит, пожалуй, первым предпринявший попытку осмыслить проблему «модерн»-«постмодерн» в контексте истории историописания через призму оппозиции-дихотомии «историзм»-«постмодернизм». Анализ сходства и различий этих интеллектуальных систем привел его к выводу о том, что «постмодернизм есть радикализация историзма», поскольку в значительной степени (Ф.Р. Анкерсмит опять использует выражение Р. Рорти) «теории постмодернизма зависят и даже кормятся от их модернистских двойников»; следовательно, заключает философ, «модернист-историст и постмодернист могут жить» на одной «интеллектуальной территории» [3].

---

[1] См.: *Бицилли П.М.* К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в Новое время. София, 1936. С.3; *Анкерсмит Ф. Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. URL: http://achronicle.narod.ru/ank2.html

[2] Картина «пересекающихся» воззрений значительно шире, автор уверен в том, что Читатель-Коллега сам увидит бросающиеся в глаза параллели.

[3] См.: *Анкерсмит Ф. Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. URL: http://achronicle.narod.ru/ank2.html

Вместе заключения: О перспективах

Перспективой дальнейшего исследования личности и творческого наследия Петра Михайловича Бицилли, эволюции его парадигмальных оснований должна быть ориентация на анализ отдельных «текстов», конкретных работ ученого, в контексте двух уровней: в структуре «большого текста» – всех его трудов, т.е. в контексте всего научного наследия, а также в социокультурном контексте различных историографических ситуаций.

Дальнейший анализ многогранного творчества П.М. Бицилли – полидисциплинарного по своему диапазону и интердисциплинарного в подходе к постижению исторической реальности – представителями разных областей гуманитаристики позволит со временем выйти на первый рубеж его синтетического восприятия. Детальное исследование специфики трех основных периодов творческой деятельности П.М. Бицилли – одесского, югославского (сербского / македонского) и болгарского – даст возможность выявить эволюцию его научных позиций, своеобразие каждого из этапов и их особую роль (как «*синтезов* "*момента*"»[1]) в сотворении столь индивидуально неповторимой целостности как «мир Петра Михайловича Бицилли».

«Мировоззрение» и «мироощущение» П.М. Бицилли в своих основных чертах сложились уже в одесский период. «Культурологическая направленность» его трудов совершенно отчетливо была заявлена (и объективно-содержательно, и в самооценке автора) в исследованиях 1914-1919 годов. И такой же «знаковой» как работа «Очерки теории исторической науки» для югославского периода (возможно, и шире – для всего периода эмиграции) стала в одесский период работа «Элементы средневековой культуры» (1919). Замысел этой книги, по признанию самого П.М. Бицилли, созрел в результате (и в процессе) его работы над конкретными проблемами средневековой культуры. В этом труде (конкретно-историческом исследовании по своему характеру, хотя в нем и были затронуты вопросы «текущей современности», спровоцированные бурным развитием революционных событий), созданном в процессе первого витка глубокого осмысления себя и окружающего мира в ситуации потрясений, надежд и крушения идеалов, П.М. Бицилли уже достаточно прочно стоял на тех позициях, которые были детально и пространно изложены в «Очерках теории исторической науки» в соответствие со спецификой этой работы – теоретической, основанной на историографическом подходе.

Все, что было наработано ранее в Одессе, – культурологическая и интердисциплинарная направленность его интересов; рецензирование как средство интеллектуального заряда для внутреннего диалога и дискуссии, для открытия новых концептуально-методологических горизонтов собственного творчества; освоение огромнейшего массива разнообразных историографических тради-

[1] См.: *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С.168, 303.

ций; собственный «почерк» (стиль изложения мысли и «манера письма») – получили свое дальнейшее развитие в систематизации теоретических построений и в расширении исследовательской проблематики в период «Исхода»[1].

К началу 1920 – х годов профессиональная зрелость П.М.Бицилли и его научная индивидуальность были отчетливо выражены в осознанной рефлексивной позиции, проецируемой через взаимосвязь теоретических и историографических аспектов его исследовательского подхода. История Метода (в широком значении этого понятия) стала главным объектом познавательной деятельности ученого. И все последующее многогранное творчество П.М. Бицилли, в какой бы области он не работал (филологической, социологической, философской и проч.), было пронизано чувством *историзма* и стремлением понять интеллектуальный процесс через проникновение в механизм производства и изображения *Мысли*.

В свое время Стефан Цвейг, создавая цикл «Строители мира», разделил своих героев на «эпиков», созидавших в своих романах как бы «вторую действительность» наряду с существующей, демонических «мятежников и бунтовщиков» и, наконец, тех, в творчестве которых господствовал дух самовыражения. Именно к последним может быть причислен Петр Михайлович Бицилли, чья жизнь не была насыщена бурными событиями, «источником» которых был бы сам ученый. Напротив, все свидетельствует о его склонности к «камерной» обстановке – любимое занятие и любимые люди рядом. И только в его книгах, статьях, эссе – кипит, бушует, ломает традиции, созидает его внутренняя, глубоко запрятанная пассионарность...

Перспективы развития нового научного направления связаны с осмыслением состояния, места и значения бициллиеведения в международном интеллектуальном пространстве. Эта центральная задача предполагает акцентуализацию следующих проблемно-исследовательских линий: ***1)*** Украинская и российская научная эмиграция в Болгарии: лица и судьбы; ***2)*** Историографические ландшафты бициллиеведения: страны, люди, структуры; ***3***) Персональная история П.М. Бицилли: факты, подходы, легенды; ***4)*** Творческое наследие П.М. Бицилли в интернациональном поле современной гуманитаристики; ***5)*** Проблема рецепции трудов П.М. Бицилли в регионально-хронологических границах и проч.[2]

Одновременно дальнейшее развитие бициллиеведения настоятельно

[1] П.М.Бицилли в письме к А.В.Флоровскому назвал вынужденную эмиграцию – «исходом». См.: Архив Российской Академии наук. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 2.

[2] Эти проблемы уже стали предметом предварительных обсуждений на заседании «Круглого стола» «Бициллиеведение в международном интеллектуальном пространстве: состояние и перспективы» (Одесса, 2007). См.: Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 3. Част. І. Київ, 2007; *Попова Т.Н., Пригарин А.А.* О X-й Международной конференции «Болгары в Северном Причерноморье» // Дриновський збірник. Т.ІІ. Харків-Софія, 2008; *Попова Т.М., Пригарін О.А.* Міжнародна наукова конференція «Болгари у Північному Причерномор'ї» // Український історичний журнал. 2008. №.1. 228-229.

требует складывания организационно-институциональных структур: специализированных междисциплинарных научных центров по исследованию творчества ученого; коммуникативно-информационных форм – проведения научных конференций и проч., подготовку и публикацию бициллиеведческих изданий с представительным (по дисциплинарной и региональной принадлежности) авторским составом; расширения Интернет-ресурсов и т.п.; включения бициллиеведческой тематики в разделы общих и специальных курсов в системе университетского образования и др.

Болгарская исследовательница Т.Н. Галчева справедливо заметила, что «творчество П.М. Бицилли искушает новым прочтением…»[1].

Будет ли «нынешняя реанимация идей» П.М. Бицилли только «очередным маятникообразным движением культурной памяти», для которой характерно «помнить, забывая» (Г. Петкова, София), или мы действительно являемся свидетелями и участниками институционального процесса нового направления, зависит от самих его репрезентантов, от осознания ими стратегии нового этапа в «приближении к Бицилли», необходимости «глубокого и специализированного монографического изучения» его личности и творчества «представителями различных гуманитарных наук»[2] с целью выхода на более высокий уровень «постижения Бицилли».

Лизбет Любенова в своем предисловии к книге М.Н. Велевой «Българската съдба на проф. П.М. Бицилли» (София, 2004) выразила надежду на то, что «Мир Бицилли» («Светът на Бицилли») станет «нашим миром»[3]. Это, безусловно, зависит от каждого, кто захочет приобщиться к бесценному наследию Мастера.

Творчество ***Петра Михайловича Бицилли*** раздвигает национальные границы: оно принадлежит всему интеллектуальному сообществу и мировой культуре.

---

[1] *Галчева Т.Н.* П.М.Бицилли – опыт возвращения // Бицилли П.М. Избранное: историко-культурологические работы. Том первый. София, 1993. С. 15.

[2] См.: *Петкова Г.* Литературоведческий проект П.М.Бицилли: между Салимбене и Пушкиным (Опыт реконструкции). URL: http: // liternet.bg / publish10 / gpetkova / proekt_ru.htm; *Бирман М.А.* П.М.Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // П.М.Бицилли. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад» / Сост. Ф.Б.Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. М., 2006. С.718.

[3] *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.9.

II. Дисциплинарное сообщество русистов: Кафедральная корпорация (абрис)

Нет человека, который был бы как Остров,
сам по себе: каждый человек есть
часть Материка, часть Суши…

Джон Донн

Научная дисциплина и научное сообщество

Тезис о *расдисциплинировании* науки еще «вчера» считался аксиоматичным, переход от дисциплинарной организации науки к проблемной – свершившимся, трансформация *дисциплинарного образа* науки в *проблемный* (интердисциплинарный) – признавалась бесспорным фактом. Однако ральная практика дисциплинарной жизни показала непростую конфигурацию дис/меж-дисциплинарного движения, что вызвало особый интерес к новому проблемному полю – истории дисциплинарности/интердисциплинарности, анализу специфики дисциплинаризации отдельных областей знания, в частности – социогуманитарного[1]. Л.П. Репина уже давно обратила внимание на то, что новые явления в историографии последнего десятилетия показывают: «… пришло время "собирать камни" – дисциплинарная матрица обнаружила способность к восстановлению…»[2].

«Модель дисциплинарности» – одно из «измерений», в границах которого может быть описана история «исторического профессионализма». Дисциплинарная история и история профессии по-прежнему остаются «подвижной» и не вполне «отрефлексированной» предметной областью[3]. Несмотря на то, что последние лет двадцать пять дали разноплановую картину подходов к разработке дисциплинарной истории в украинской историографии[4], акцентуали-

[1] См., например: *Дмитриев А*. Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках // Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2015. С.7-38.

[2] *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.С.550.

[3] См.: *Медушевская О.М.* Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // Источниковедение и историография в системе гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции, Москва, 18-19 апр. 2002 г. / Отв. ред. В.А. Муравьёв. М., 2002. С.20-26.

[4] См.: Специальные исторические дисциплины / Под ред. М.Дмитриенко и В.Замлинского. Киев, 1992; Спеціальні історичні дисципліни. Довідник: Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів / Редкол.: В. А. Смолій (гол. ред.); І. Н. Войцехівська (кер. авт. кол.), В. В. Томазов, М. Ф. Дмитрієнко та ін. Київ, 2008; *Заремба С.З.* Українське пам'яткознавство: Історія, теорія, сучасність: Автореф. дис. … докт. іст. наук. Київ, 1996; *Чишко В.С.* Біографістика як галузь історичної науки: історіографія та методо-

зация вопроса о необходимости изучения дисциплинарного ландшафта исторической науки выдвигает эту проблему в качестве одного из приоритетных направлений современных исследований[1].

Дисциплинарная структура науки сложилась в европейской культурно-научной традиции на протяжении XIX века, отвечая эталону классической модели науки. Важнейшим фактором ее становления явилось формирование нового типа университета и т.н. «университетской науки», для которой было характерно то, что научные исследования выступали эпифеноменом процесса преподавания, который строился по дисциплинарному принципу.

Теория дисциплинарности в своих основных чертах в европейской и американской историографии науки оформилась в 50-80-е гг. XX века, что было связано с развертыванием междисциплинарных исследований и поиском оптимальной таксономической единицы для анализа науки, которой и стала научная дисциплина.

Эволюция подходов к изучению науки была детерминирована эволюцией в восприятии ее «образов»: «когнитивный» – «социальный» – «социокогнитивный». На протяжения 1960-х гг. Т. Кун, избрав в качестве исходной аналитической категории – парадигму, в конечном итоге признал, что для понимания научного знания необходимо прежде всего выявить специфические особенности групп, которые создают науку. В начале 1970-х гг. Манчестерская школа социологов науки обосновала социокогнитивный подход к исследованию науки,

---

логія: Автореф. дис. … докт. іст. наук. Київ, 1997; *Колесник І.І.* Українська історіографія. XVIII - початок XX століття. Київ, 2000; *Матяш І.* Архівна наука і освіта в Україні 1920-1930-х років. Київ, 2000; *Журба О.І.* Становлення української археографії: люди, ідеї, інституції. Дніпропетровськ, 2003; Українська фалеристика. З історії нагородной спадщини. У двох книгах. Книга перша. Київ, 2004; *Стельмах С.* Історична наука в Україні епохи класичного історизму. XIX – початок XX століття. Київ, 2005; *Старовойтенко І.* Просопографія: підходи до трактування змісту наукової дисципліни в історіографії // Спеціальні історичні дисципліни: питання історії та методики. Число 13. Ч. 1. Київ, 2006; *Богдашина О.М.* Джерелознавство історії України: теорія, методика, історія. Харків, 2005; *Калакура Я.* Історичні засади українознавства. Київ, 2007; *Верменич Я.В.* Теоретико-методологічні проблеми історичної регіоналистики в Україні. Київ, 2003; *Она же.* Суб'єктивні межі й об'єктивні можливості історичного краєзнавства: деякі міркування щодо шляхів осмислення місцевої історії // Український історичний журнал. 2008. № 2 и др.

[1] О постановке проблемы изучения институциональных и дисциплинарных процессов в украинской историографии см.: *Попова Т.Н.* Об институционализации историографии // Історична наука на порозі XXI століття: підсумки та перспективи. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції (м.Харків, 15-17 листопада 1995р.). Харків, 1995. С.77-82; *Она же.* Проблема формирования историографии как научной дисциплины: традиционные подходы и новые модели // Записки исторического факультета. Вып. 1. Историография и специальные исторические дисциплины. Одесса, 1995. С.3-45; *Она же.* Об институционализации историографии // Проблеми історії та методології історичної науки: Харківський історіографічний збірник. Вип. 3. Харків, 1998 (Матеріали наукового семінару «Категоріальний апарат і методи сучасної історичної науки»: III Астаховські читання, Харків, 29-30 травня 1997 р.). С.5-14; *Удод О.А.* Дисциплінарна структура української історичної науки: академічні та дидактичні виміри // Микола Павлович Ковальський. Ad gloriam… Ad honores… Ad memorandum…/ За ред. Г.К.Швидько. Дніпропетровськ, 2007. С.129-142.

а в советском науковедении стал утверждаться комплексно-параметрический образ науки. Хрестоматийную к этому времени категорию «институционализация» Р. Уитли (Манчестер) предложил рассматривать как сложный процесс, выделяя в нем когнитивный (интеллектуальное взаимопонимание между исследователями в отношении содержания своей научной деятельности) и социальный (возникновение и сохранение формальных структур, объединяющих членов когнитивной структуры) аспекты, которые в своей совокупности должны определять степень когерентности в рамках конкретной области научной деятельности, а следовательно, способствовать конституированию этой научной области. Категория институционализации была соединена с категорией *научная дисциплина*, которая предстала как организационная единица научного знания, институциональный таксон, социокогнитивная система, вписанная в определенный социокультурный социум.

Каждая научная дисциплина как сложная система обладает специальными механизмами самоорганизации и складывается под воздействием разнообразных факторов интеллектуального и социокультурного характера, в результате чего процесс дисциплинаризации приобретает собственный, неповторимый облик – «персональный маршрут» (П. Бурдье). Дисциплинарная история предполагает анализ процесса дисциплинаризации – формирования «составляющих» научной дисциплины и их трансформацию в единый социокогнитивный комплекс, последующее дисциплинарное развитие с учетом специфики «фактора институционализации» – степени когерентности когнитивных и социальных параметров (Р. Уитли).

Интеллектуальное сообщество, объединяющее представителей интеллектуального труда, включает в свой репертуар видов – *научное сообщество.* Это понятие, введенное Майклом Полани, а после работ Томаса Куна получившее широкое распространение, считается ныне одной из фундаментальных категорий, применяемых при изучении структуры и динамики различных объединений ученых.

Многоуровневый подход к рассмотрению научного сообщества позволяет выделить его типы: 1) национальное – сообщество ученых в пределах национальных государств; 2) дисциплинарное и субдисциплинарное – сообщества ученых, представляющих автономную область знания; 3) проблемно ориентированное – круг специалистов, изучающих определенную научную проблему; этот тип включает интер-дисциплинарные сообщества, если проблема находится на пересечении различных дисциплинарных территорий[1].

При всей вариативности дефиниций *научное сообщество* рассматривают

[1] Появление междисциплинарных исследовательских программ не отменяет существующую дисциплинарную структуру науки, но вводит новые элементы в ее организацию: появляется новый тип научных сообществ. См.: *Онопрієнко В.І.* Наукове співтовариство: Вступ до соціології науки. Київ, 1998. С.87.

как некую совокупность исследователей, для которых характерно: единство в понимании «образа» науки; принятие общих норм и идеалов, этоса науки; определенное сходство специализированной научной подготовки; общие формы организации и коммуникации; стремление к сохранению и передаче научных традиций и проч. Эта категория (не имея четких контуров в трактовках различных авторов) часто соотносится с понятиями «республика ученых», «научная школа», «невидимый колледж», «гранулированная среда», «научный коллектив», «научная молекула», «интеллектуальный коллектив», «профессорская корпорация» и проч. Научное сообщество выступает важнейшим инструментом самоорганизации науки: процесс формирования научного сообщества связан с когнитивной институционализацией дисциплинарной структуры науки[1].

Социально, а затем антропологически ориентированные «повороты» в научном познании обусловили выдвижение на первый план не «предмета науки» – ведущего критерия научной дисциплины в соответствии с нормативами классической науки, – а ее «субъекта». Понятия – «дисциплина», «специальность», «отрасль», «проблемная область» и проч. для многих исследователей с последней трети XX в. стали обозначать в первую очередь конкретные интеллектуальные группировки и научные коллективы. С позиций «сетевого анализа» *научная дисциплина* предстает как разновидность сетевой структуры науки с присущими ей чертами: децентрализацией управления, спецификой коммуникативных связей и отношений, способностью к самоорганизации[2]. Выступая как определенный уровень/тип научного сообщества, *дисциплинарное сообщество* обычно имеет транснациональный характер и позиционирует себя с конкретной научной дисциплиной.

В этом случае категория *дисциплинарное сообщество* выходит на первый план в качестве ведущего маркера научной дисциплины и предстает как определенное сообщество ученых, профессиональная автономность которых характеризуется рядом параметров: складыванием конвенциональных основ среди членов *дисциплинарного научного сообщества* в понимании содержания и специфики дисциплинарного научного знания/познания; идентификацией со своей дисциплиной; выработкой парадигмальных канонов исследовательской деятельности, идеологии и этоса, определяющих нормативность взаимоотношений и коммуникативных связей; дисциплинарно-исследовательской доминантой научного творчества; участием в системе профессионального специализированного образования, в которой закрепляется «учебный лик» данной научной дисциплины, создаются нормативные компендиумы и осуществляется передача профессионально-дисциплинарных традиций в процессе подготовки новых по-

[1] См.: *Онопрієнко В.І.* Наукове співтовариство: Вступ до соціології науки. Київ, 1998. С.86.

[2] См.: *Колесник І.* Українська історіографія: концептуальна історія / Інститут історії України Національної Академії наук України. Київ, 2013. С.464.

колений специалистов; формированием специализированной системы информационно-коммуникативных связей между членами дисциплинарного сообщества (конференции, симпозиумы и проч., система изданий и др.); способностью вырабатывать стратегии по утверждению и поддержанию «гражданского статуса» своей дисциплины и др. В связи с этим и организация т.н. «переднего края» науки, для которой все более характерна междисциплинарная структура, проблемно ориентированный тип исследований, предполагает, как правило, включение в свой исходный принцип *дисциплинарную матрицу*.

Среди новых идей, во-первых, – соотнесение *дисциплинарности/междисциплинарности* с «особой техникой мышления» (онтологического явления), с присущей ей структурированностью (по аналогии с научной дисциплиной), функциональностью и источниками, среди которых – социокультурная реальность, наука как система дисциплин и личность ученого[1]. Подобный «всеобъемлющий» подход правомерно делает акцент на интеллектуальную оппозицию «монодисциплинарность/междисциплинарность» как специфических «техник мышления», но отнюдь не исключает обязательного наличия «дисциплинирующих механизмов», «предписаний», «нормативов» в существовании обеих мыслительных форм. Во-вторых, категории *дисциплинарность/меж-транс-поли/*и т.п./*-дисциплинарность* связывают с научным мировоззрением. В этом случае *дисциплинарность* (дисциплинарный подход) – определяют как способ становления научного мировоззрения в рамках локальной картины мира, методологии и языка, адекватного по своим объяснительным возможностям, формирующего у специалиста моральную ответственность за результаты и последствия своей профессиональной деятельности»; *трансдисциплинарность* (трансдисциплинарный подход) – рассматривают как способ расширения научного мировоззрения, заключающийся в рассмотрении того или иного явления специалистом, не ограничивающим себя рамками какой-либо одной научной дисциплины, моральная ответственность которого за результаты и последствия своей профессиональной деятельности основывается на признании объективного долженствования и обязательности элементов-фрагментов единого мира[2].

С позиций этих подходов *дисциплинарное сообщество* следует воспринимать не как однородный монолит: его представители могут обладать разными типами мышления, и наличие их разнообразия – обязательное условие функционирования и развития дисциплины с ее парадигмальностью и креативностью.

---

[1] См.: *Колесник І.І.* «Міждисциплінарність» як концепт // Харківський історіографічний збірник. Харків., 2008. Вип. 9. С.23-34.

[2] См.: *Мокий В.С., Лукьянова Т.А.* От дисциплинарности к трансдисциплинарности в понятиях и определениях // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2016. № 7(25). URL: http:// 7universum.com/ru/social/archive/item/3435

«История России» как общеисторическая дисциплина в последние годы все чаще именуется «исторической русистикой», или «историческим россиеведением» (аналог – «историческая украинистика», «історичне українознавство» и т.п.).

* * *

Ремарка. *Классификационных схем* исторических дисциплин – широчайший диапазон вариантов[1]. Предлагаемая схема включает два блока дисциплин исторического профиля. *Первый блок* представлен т.н. общеисторическими дисциплинами, основным критерием выделения каждой из них является регионально-хронологический подход: история древнего мира, история средних веков, нового и новейшего времени; история античности, история Украины, России, Европы и др.; история стран Европы и Америки нового времени и т.п. Многие из этих дисциплин получили собственное имя: антиковедение, медиевистика, новистика, украинистика и т.п. *Второй блок* включает специальные исторические дисциплины, которые можно разделить на три группы, учитывая специфику каждой из этих групп: 1) рефлексивные дисциплины, объектом которых выступает сама историческая наука и историческое познание: источниковедение, историография, методология истории, биографистика; 2) дисциплины источниковедческого профиля, объектом которых является определенный вид исторического источника: нумизматика, геральдика, бонистика, сфрагистика, фалеристика и проч.; 3) дисциплины, изучающие конкретную сферу исторической реальности: хронология, краеведение, генеалогия, археология, этнология, археография и проч.

* * *

Традиционно практических во всех странах Европы процесс институционализации «отечественной истории» опережал процесс институционализации т.н. «всемирной («всеобщей») истории» с ее составляющими. Темпы дисциплинаризации двух ведущих ветвей исторической науки – отечественной

[1] По мнению О.Б.Демина, исторические дисциплины в Новороссийском университете подразделялись на: *основные* (русская, всемирная, церковная история, история искусств); *краеведческие* (славистика, византивистика, литуанистика, украинистика, краеведение); *вспомогательные* (источниковедение, историография, историческая география, археология, этнография, археография, эпиграфика, нумизматика), *специальные* (история международных отношений, история права, история философии, экономическая история). См.: *Дьомін О.Б.* Еволюція історичної науки // Одеський національний університет імені І.І. Мечникова (1865–2015): історія та сучасність / гол. ред. І. М. Коваль; Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. Одеса, 2015. С.146.

истории и всеобщей были неравнозначны: идея всеобщей истории в России по сравнению с отечественной – «довольно позднее приобретение»[1]. Истоки этого явления – в изменении геополитической ситуации в Европе к концу XV в., когда и на «западе» и на «востоке» сложились централизованные государства, что вызвало необходимость идеологического обоснования возникновения новых политико-культурных образований. С XVI в. при монархических дворах Европы появляется должность официального историографа. Лица, занимающие ее (известные писатели и ученые), были призваны создать историю своей страны. Официальная отечественная история по сложившейся традиции выражала политико-идеологическую доктрину государства и содержала парадные мифологемы.

В XVIII веке в европейских странах утверждается термин *историография* как аналог самой исторической науки. В начале XIX века на волне расцвета «романтической историографии» с ее пристальным вниманием к проблемам самобытности отдельных народов появляются профессиональные национальные истории. В Российской империи в XVIII – начале XIX вв. сформировалась традиция создания «эпических форм» истории страны (В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин).

Важнейшим критерием дисциплинаризации является формирование рефлексивного поля новой области знания. В российской науке рефлексивный ландшафт *отечественной истории* как дисциплины получил более четкую конфигурацию; среди причин – потребности в систематизации *собственного* источниковедческого массива, в создании *собственных* процедурных средств[2] и проч.

Одним из ведущих параметров дисциплинаризации является формирование дисциплинарного сообщества и организационных основ научной дисциплины, системы научных учреждений, в составе которой в первую очередь – университеты как высшие научно-образовательные центры, а в их структуре такие институциональные формы, как факультеты и кафедры. В университетах Российской империи название кафедры, представлявшей «отечественную историю», изменялось по мере развития исторической науки и потребностей исторического образования, а также в силу политико-идеологических стратегий.

В Московском университете с 1755 г. существовала кафедра «Истории

---

[1] *Репина Л.П.* Пространственные перспективы всеобщей истории // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под. ред. Л.П.Репиной. М., 2011. С.202.

[2] См.: *Ключевский В.О.* Источниковедение. Источники русской истории. Лекция 1 // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.VII. М., 1989. С.7. См. об этом подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в контексте дисциплинарных традиций // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы. С.485-486; *Она же.* Из истории Новороссийского университета: памяти А.Г. Брикнера // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2016. Вып.18. С.70-87 и др.

универсальной и российской, также древностей и геральдики». По Уставу 1804 г. произошло разделение этой кафедры: на кафедру «Всемирной истории, статистики и географии» и кафедру «Истории, статистики и географии Российского государства». Устав 1835 г. отразил не только углубляющуюся специализацию научного поля – на первом отделении философского факультета были созданы кафедры «Всеобщей истории» и «Российской истории», – но и стремление власти акцентуализировать идеологическую составляющую национальной истории. В соответствии с официальной доктриной единства «православия, самодержавия и народности», *российская история* была призвана стать «охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия» (М.П. Погодин).

В 1850 г. в российских университетах вместо упраздненного философского был создан историко-филологический факультет, на котором кафедра отечественной истории по Уставу 1863 г. получила название «Русской истории», а по Уставу 1884 г. – «История русская». Значение этой кафедры в общей структуре университетов можно проследить даже по формальным признакам: в «Отчетах» и «Обозрениях» – основных формах университетской делопроизводственной документации – данные о деятельности кафедр всегда начинались с кафедры русской истории (не считая кафедры богословия); ординарный профессор этой кафедры (в современном варианте – заведующий) автоматически замещал ректора университета в случае его отсутствия.

В императорских университетах Российской империи, несмотря на стремление власти идеологизировать национальную историю, профессиональная отечественная историография на протяжении XIX – начала XX вв. была представлена отнюдь не однородным научным сообществом историков-русистов, исследования которых способствовали созданию многослойного поля научных традиций.

О подходах к изучению дисциплинарных сообществ

Дисциплинарное сообщество, имея транснациональный характер, тем не менее дифференцировано в соответствии с региональной спецификой различного уровня. Процесс дисциплинаризации исторической русистики – формирование ее когнитивных параметров, инфраструктуры и социокультурных коммуникаций[1] – имел общие линии развития в границах университетского ареала Российской империи. Вместе с тем региональные университетские сообщества русистов на территории «російської України» (М.С. Грушевский) – в Киеве, Харькове и Одессе – представляли собой достаточно самобытные

[1] См. подробнее: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С.110-125. [«Экскурс. Об историографических моделях. "Дисциплинарная модель" науки»].

явления.

В современной, преимущественно региональной, литературе уже наметилась тенденция к изучению формирования и деятельности дисциплинарных сообществ историков в Новороссийском университете. Первые подступы к исследованию этой темы представлены конкретно-аспектными подходами: персонологическим (изучение отдельных представителей тех или иных дисциплинарных сообществ); дидактическим (становление «учебного лика» дисциплины – преподавание конкретных курсов в университете); институциональным (деятельность специализированных кафедр); проблемно-дисциплинарным (история изучения конкретной проблемы представителями дисциплины-специальности) и проч.[1]

Анализ дисциплинарного сообщества русистов (ДСР) в Новороссийском университете (как и любого иного) предполагает несколько стадий. На первой необходимо реконструировать персональную историю каждого из членов научного сообщества русистов. Вместе с акцентом на индивидуальное предложенный ниже блок характеристик для выяснения персональной истории ученых-русистов включает те общие позиции, которые будут способствовать проведению сравнительного анализа персональных историй всех членов ДСР.

[1] См.: *Першина З.В.* Історія України в працях одеських дослідників // Український історичний журнал. 1994. № 6; *Радзиховська О.О., Избаш Т.О., Березін С.С.* Традиції антикознавства та медієвістики в Новоросійському – Одеському університеті: кафедра історії стародавнього світу та середніх віків // Записки історичного факультету/ Одеський національний університет імені І.І.Мечникова. Вип. 16. Присвячується 140-й річниці Одеського національного університету імені І.І.Мечникова. Одеса, 2005; *Дьомін О.Б.* Вивчення історії революцій XVI-XVIII століть в Одеському університеті // Там же; *Грєбцова І.С.* Викладання російської історії в Новоросійському університеті // Там же; *Горчакова О.А.*Розвиток психолого-педагогічних наук на історико-філологічному факультеті Новоросійського університету // Там же; *Хмарський В.М.* Кафедра історії України Одеського університету: чому і як було відновлено у середині 50-х рр. XX ст. // Там же. Вип. 19; *Руденко А.В.* Російська історіографія у науковій спадщині А.В. Флоровського: празький період // Всесвітня історія та актуальні проблеми міжнародних відносин. Статті та матеріали II міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої пам'яті професора Г. Л. Бондаревського (1920-2003 рр.). Луганськ, 2011; *Попова Т.Н.* Научное сообщество историографов в Новороссийском университете (теоретический аспект) // Лукомор'я: Археологія, етнологія, історія північно-західного Причорномор'я. Вип. 2. Одеса, 2008; *Она же.* Историографический ретроспект: к вопросу о становлении дисциплинарного статуса истории Украины в Новороссийском университете // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. Вып. 1. Брянск, 2000; *Она же.* К вопросу о дисциплинарной истории историографии (на материалах Новороссийского университета) // Там же. Вып.12. Брянск, 2010; *Она же.* Историческая русистика в Новороссийском университете // Воронцовский сборник. Вып. 5. Сб. научных статей. Одесса, 2012; Історична українистика в Одеському університеті: визначні віхи, персонажі, доробок / Матеріали конференції V Історіографічні читання (історичний факультет ОНУ ім. І.І. Мечникова. 31 травня 2012 року). Одеса, 2013. 246 с.; *Дьомін О.Б.* Еволюція історичної науки // Одеський національний університет імені І.І. Мечникова (1865–2015): історія та сучасність / гол. ред. І. М. Коваль; Одеський нац. ун-т ім. І.І. Мечникова. Одеса, 2015. С.120-146 и др.

Биографические параметры:

- общий абрис личностной биографии представителя ДСР;
- общий абрис профессиональной биографии представителя ДСР; при этом – акцент на вопросы: время его деятельности в Новороссийском университете; выпускником какого университета, представителем какой научной школы в границах специальности являлся; в каких университетах или иных структурах работал помимо Новороссийского университета.

Академические параметры:

- учебная работа; курсы по исторической русистике в общей структуре учебной нагрузки (общие, специальные, семинары);
- репертуар научных исследований; место конкретно-дисциплинарных исследований в общей структуре научной работы;
- какие публикации вышли в период работы в Новороссийском университете, в том числе – по русистике;
- категориальный профиль ученого;
- научный статус в дисциплинарном сообществе (официальный статус и научная репутация).

Коммуникативные параметры:

- участие в работе Археологических съездов и т.п. с дисциплинарной тематикой;
- формы научно-организационной деятельности;
- рецензии на работы коллег-русистов;
- создание научной школы; научное наставничество;
- членство и деятельность в научных обществах;
- формы профессионального и личного общения (внутри ДСР в границах кафедры, факультета, университета, иных университетов и проч.; с представителями других научных сообществ; взаимоотношения со студентами и т.п.).

Социокультурные параметры:

- формы общественно-политической деятельности;
- участие в благотворительных и культурно-просветительских обществах и акциях;
- публикации неакадемического характера;
- общественный статус; репутация в различных социокультурных слоях и проч.;
- эволюция индивидуальной судьбы в контексте социо-ситуативных трансформаций.

Разумеется, предложенная схема анализа персональной истории может иметь другую структуру, включать иные позиции в зависимости от исследовательской стратегии.

Вторая стадия предполагает коллективный – просопографический портрет ДСР. Основные акценты структуры просопографического анализа должны быть сделаны на: возрастные, национальные, конфессиональные, схолар-

ные, дидактические, концептуальные, теоретико-методологические, коммуникативные параметры, а также семейный, академический (профессиональный) и социальный статус.

Сравнительный анализ персональных историй членов ДСР позволит смоделировать ДСР, учитывая его институциональные уровни: кафедральный, факультетский, университетский, региональный. Сравнение с аналогичными ДСР в других университетах даст картину типологических и специфических черт в общероссийском, собственно украинском и региональных масштабах[1].

[1] О представителях кафедры русской истории Новороссийского университета см.: *Дьомін О.Б.* Еволюція історичної науки // Одеський національний університет імені І. І. Мечникова (1865–2015): історія та сучасність / гол. ред. І. М. Коваль; Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. Одеса, 2015; *Шабанова А. М.* Перетяткович Георгій Іванович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Одеса, 2000. Т. 3; *Мирошниченко В. О.* Линниченко Іван Андрійович // Там же. Т. 3; *Попова Т.М., Самдурова В.В.* Смирнов Михайло Павлович // Там же. Том.4; *Хмарський В. М.* Археографічна діяльність Одеського товариства історії і старожитностей. Одеса, 2002; *Синявська О. О.* Історик Олексій Іванович Маркевич: життя та діяльність. Одеса, 2003; *Грєбцова І. С.* Викладання російської історії в Новоросійському університеті // Записки історичного факультету. Одеса, 2005. Вип. 16; *Левченко В.* Із історії Новоросійського (Одеського) університету: Євген Олександрович Загоровський // Науковий вісник. Одеса, 2007. № 16 (53); *Музичко О. Є.* Повсякденне життя викладачів і студентів // Одеський національний університет імені І. І. Мечникова (1865–2015): історія та сучасність / гол. ред. І. М. Коваль; Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. Одеса, 2015; *Он же.* Від українознавства до україністики, від клубів до університетських кафедр: формування фундаменту одеської історичної україністики наприкінці XIX - на початку XX ст. // Історична україністика в Одеському університеті: визначні віхи, персонажі, доробок / Матеріали конференції V Історіографічні читання (історичний факультет ОНУ ім. І.І.Мечникова. 31 травня 2012 року). Одеса, 2013; *Он же.* Південна вісь Соборності: націотворчі процеси в Українському Причорномор'ї (кінець X1X – перша половина XX ст.). Одеса, 2015; *Он же.* Професор М.П. Смирнов - перший дослідник середньовічної історії Східної Європи в Новоросійському університеті // Записки історичного факультету. Вип. 12. Одеса, 2003; *Он же.* Педагогічна діяльність І. Линниченка в Одесі наприкінці XIX – на початку XX ст.: етапи, особливості, значення // Південний Захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. 2007. Вип. 4; *Он же.* Одеський історик Є.О.Загоровський (1886-1938) в українському історіографічному процесі першої третини XX ст.// Черноморська минувшина. Вип. 3. Одеса, 2008; *Он же.* Професор І.А. Линниченко та його одеські учні // Записки наукового товариства імені Т. Шевченка. Праці історико-філософської секції. Львів, 2008. Т. 256. CCLVIII; *Он же.* Джерелознавчі та історіографічні студії професора П.Г.Клепацького у першій третині XX ст. // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Теорія. Методика. Практика. Дніпропетровськ, 2009; *Он же.* «Одеська історична школа І.А. Линниченка»: формування, склад та роль у розвитку регіональної історіографії в Україні наприкінці XIX – на початку XX ст. // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія. 2009. Вип. 23; *Он же.* Историк Георгий Иванович Перетяткович в научно-педагогической жизни Одессы конца XIX – начала XX вв. // Південний-Захід-Одесика. Вип. 10. Одеса, 2010; *Музичко О.Є., Хмарський В.М.* До історії розвитку української медієвістики в Одесі кінця XIX – початку XX ст.: Б.А.Вахевич // Науковий вісник. Одеський державний економічний університет. Всеукраїнська асоціація молодих науковців. Науки: економіка, політологія, історія. 2005. №1 (13); *Музичко О.Є., Хмарський В.М.* До історії київської історичної школи: Павло Андрійович Іванов // Український історичний журнал. 2006. № 5; *Новікова Л.* Роль одеського університетського осередку у розвитку історіографії українського козацтва у XX ст. // Історична україністика в Одеському університеті: визначні віхи, персонажі, доробок / Матеріали конференції V Історіографічні читання (історичний факультет ОНУ ім. І.І.Мечникова. 31 травня 2012 року). Одеса, 2013; *Попова Т.Н.* Алексей Иванович Маркевич: заметки к биоисториографическому этюду

Предварительный синхронический анализ дисциплинарного сообщества в границах кафедры русской истории историко-филологического факультета Новороссийского университета позволяет высветить определенную специфику дисциплинарного сообщества русистов.

1. Состав кафедры русской истории был относительно стабильным и формировался из выпускников Новороссийского университета (А.И. Маркевич, А.В. Флоровский, Б.А. Вахевич, А.Е. Белюгов, Е.А. Загоровский) и представителей иных университетских центров: М.П. Смирнов (Санкт-Петербург), Г.И. Перетяткович (Москва), И.А. Линниченко (Киев), Е.П. Трифильев (Харьков), П.А. Иванов (Киев), А.С. Грушевский (Киев). Некоторые из них проработали в Новороссийском университете большую часть своей жизни – М.П. Смирнов, Г.И. Перетяткович, А.И. Маркевич, И.А. Линниченко, Е.П. Трифильев. Более кратковременный период научно-педагогической деятельности в Новороссийском университете (в силу факторов различного порядка) был у Б.А. Вахевича, А.В. Флоровского, П.А. Иванова, А.Е. Белюгова, А.С. Грушевского, Е.А. Загоровского. А.И. Маркевич и А.С. Грушевский вынуждены были уйти из университета «по собственному желанию», а фактически изгнаны в силу причин политического характера.

2. По своему социальному происхождению и экономическому положению кафедральная корпорация была весьма неоднородна. М.П. Смирнов и А.И. Маркевич – из дворянских родов, действительные статские советники[1]; И.А. Линниченко, А.С. Грушевский и Е.А. Загоровский – из профес-

// Алексей Иванович Маркевич (1847-1903). Биобиблиографический указатель. Сост.: В.В. Самодурова, И.В.Максименко; Науч.ред и автор вступ. ст. Т.Н.Попова. Одесса, 1997; *Она же.* Историография в Новороссийском университете: к истории формирования научного сообщества историков исторической науки // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 3. Брянск, 2001; *Она же.* Алексей Иванович Маркевич: портрет в интерьере // Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета, Одесса, 2007; *Она же.* Проблемы изучения интеллектуальной биографии А. В. Флоровского: к 125-летию со дня рождения // Проблемы славяноведения. Вып. 11. Брянск, 2009; *Она же.* Из истории Новороссийского университета: Е. П. Трифильев: к 140-летию со дня рождения (биоисториографический контур) // Проблемы славяноведения. Вып. 9. Брянск, 2007; *Она же.* А.И.Маркевич о Новороссийском крае // Воронцовский сборник. Вып. 3. Сб. научных статей. Одесса, 2010; *Она же.* Историческая русистика в Новороссийском университете // Воронцовский сборник. Вып. 5. Сб. научных статей. Одесса, 2012; *Она же.* Личность и творчество: фрагменты персональной истории профессора Новороссийского университета А.И. Маркевича // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В. П. Корзун (отв. ред.), С. П. Бычков (отв. ред.), Н. Н. Алеврас и др.]. Вып. 10. Омск, 2015 и др.

[1] А.И. Маркевич получил этот чин на государственной службе, находясь уже вне стен Университета.

сорских семей; Е.П. Трифильев – из купцов, А.В. Флоровский – из семьи священнослужителя; остальные – также из разночинцев. М.П. Смирнов был владельцем девяти деревень в Александрийском, Елизаветградском и Одесском уездах. А.И. Маркевич владел собственностью в Полтавской губернии. И.А.Линниченко имел доходный дом в Киеве. Высокие общественные посты занимали А.И. Маркевич и И.А.Линниченко (Почетный мировой судья г. Одессы и др.).

3. По профессиональному статусу на кафедре были четыре ординарных профессора – М.П. Смирнов, Г.И. Перетяткович, А.И. Маркевич, И.А. Линниченко; два заслуженных ординарных профессора – Г.И. Перетяткович и И.А. Линниченко; один и.о. ординарного профессора – Е.П. Трифильев, один экстраординарный профессор – А.В. Флоровский; остальные – приват-доценты. И.А. Линниченко был чл.-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук (1917) и чл.-корреспондентом Академии наук СССР (1925).

4. По своим научным и мировоззренческим позициям русисты имели различные платформы и приверженности. М.П.Смирнов – ученик Н.Г. Устрялова, последний всю жизнь был сторонником «теории официальной народности». Учеником М.П. Смирнова еще в Ришельевском лицее был Г.И. Перетяткович, который позже учился у С.М. Соловьева; воспитанник Г.И. Перетятковича – А.Е. Белюгов.

И.А. Линниченко, П.А. Иванов и А.С. Грушевский – из школы В.Б. Антоновича. Если последние два – носители «украинской идеи», то первый, несмотря на свои украинские корни, – сторонник самодержавия, доктрины «единой и неделимой России».

Ученики И.А. Линниченко: А.В. Флоровский – либерально-демократических взглядов, но сторонник «единой России», Е.А. Загоровский – на протяжении своей жизни занимал разные мировоззренческие позиции – от идеи «российскоцентризма» до идеи «украиноцентризма».

Е.П. Трифильев, ученик П.Н. Буцинского, был либерально-просветительских взглядов, но сторонником «единой России». А.И. Маркевич, «малороссиянин» по паспорту, «украинофил» по взглядам, тем не менее так и не преодолел идею «общероссийской государственности».

В методологическом инструментарии преобладали позитивистские принципы и подходы исследования: идеи эволюции и многофакторности истории[1], акцент на источник, фактографичность, нейтральность авторской позиции, социальная история и т.п. Для всех представителей кафедральной корпо-

[1] Причем, если Г.И. Перетяткович и А.И. Маркевич на первый план выводили географический фактор, следуя за С.М. Соловьевым, то И.А. Линниченко настаивал на равнозначности факторов, протестуя против гипертрофии выходившего на авансцену исследовательских интересов в конце XIX века – фактора экономического.

рации была характерна в том или ином аспекте идея народности. Однако индивидуальная теоретическая платформа имела в большей степени эклектичный характер практически у всех историков-русистов[1].

5. Россиеведческая тематика в исследованиях представителей кафедры отличалась достаточно широким временным и региональным диапазоном: от средневековья до начала XX века; в границах российского государства – от западных и южных земель до Поволжья. Проблемы взаимоотношений Руси – Литвы – Польши, проблемы Российского централизованного государства, XVII век в истории России, преобразования Петра I, эпоха Екатерины II, политика Павла I и Александра I, проблемы колонизации Причерноморья и Поволжья и проч. Политическая, социальная, экономическая, культурная история, история международных отношений – все эти линии составляли круг научных интересов представителей кафедры. Помимо общеисторического поля, русисты внесли определенный вклад в разработку источниковедческих, историографических, археографических, генеалогических, музееведческих, биографических и библиографических проблем и проч. Постановка специальных курсов в основном была связана с направлением исследовательского поиска, но подчас расширяла его границы. Так, среди спецкурсов М.П. Смирнова были курсы по истории Пруссии и истории Ливонского Ордена; А.И. Маркевич читал курсы по истории быта и первого самозванца; А.С. Грушевский поставил спецкурс «История после Петра Великого (от Екатерины I до Екатерины II): сословные отношения и административный строй» и др.

6. Дидактические и научные интересы практически всех представителей кафедрального сообщества не ограничивались русистикой – значительный пласт учебных курсов и исследований был посвящен проблемам украинистики, славистики, полонистики, литуанистики, этнографии, археологии, исторической географии, краеведения, истории Западной Европы, истории русской и украинской литературы.

Например, А.И. Маркевич кроме курсов по русской истории и историографии (общего и спецкурсов: «Русская историография», «Критико-библиографический очерк источников и пособий при изучении новейшей русской истории», «История царствования Императора Александра I», «Внутренний быт Русского Государства в XVII в.», «Внутренний быт Русского Государства в XVIII в.», «История первого Самозванца» и др.) читал «Краткий очерк сла-

[1] Из фундаментальных исследований по проблемам категориального профиля ученых-историков в Украине XIX – начала XX вв. см.: *Стельмах С.П.* Історична наука в Україні епохи класичного історизму (XIX – початок XX століття): Монографія. Київ, 2005; *Богдашина Е.Н.* Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. X1X - 20-е гг. XX вв.): [монография]. Харьков, 2013.

вянских народов», «Историческую географию и этнографию южной Руси», а также первым в Новороссийском университете и вторым в Украине (после В.Б. Антоновича) прочитал серию специальных курсов по истории Южной и Западной Руси – собственно истории Украины. Значительный пласт его научного творчества также принадлежит сюжетам украинской истории и славяноведческим проблемам, хотя главные исследования (по масштабу работ и по собственному восприятию) ориентированы на историю Российского централизованного государства – проблемы местничества.

Диссертационные исследования и иные виды научных работ М.П. Смирнова, Г.И. Перетятковича, И.А. Линниченко, П.А. Иванова, А.С. Грушевского, Е.А.Загоровского были посвящены истории отдельных регионов Украины.

* * *

Ремарка-штрих. В украинской историографии звучит мнение, что «областнические исследования» связаны в первую очередь со школой В.Б. Антоновича. Действительно, для «школы Антоновича» характерен «областнический» подход: всем своим ученикам он давал темы, сфокусированные на исследование конкретных регионов украинских земель. Тем не менее само понятие «областнические исследования» несколько шире: история отдельных земель, или областные исследования, в общероссийской историографии последней трети XIX века рассматриваются как «областническое направление», истоки которого связывают с именем киевского митрополита Евгения (Е. Болховитинова), а зарождение – с народнической историографией 1860-х годов. К этому направлению относят Н.И. Костомарова, Д.И. Иловайского, А.И. Никитского, Д.А. Корсакова, В.С. Борзаковского и др., в том числе – «школу Антоновича» (С.И. Михальченко).

* * *

Несколько иной акцент «украинской тематики» в работах Г.И. Перетятковича, который исследовал историю «малороссов» в Поволжье в контексте колонизационных процессов в Российской империи. История украинского казачества стала не только главной исследовательской проблематикой П.А. Иванова, но и вошла в специальные курсы, прочитанные им на факультете. Самостоятельный курс истории Украины одним из первых разработал и стал читать Е.П. Трифильев, который актуализировал проблему «малорусского влияния» на культурное развитие России в XVII веке.

Особое место в научном творчестве русистов занимали проблемы краеведения. История края – Одессы – одесщины и шире – Северного Причерноморья оказались в сфере учебных и научных интересов практически всех членов кафедры. Пожалуй, все-таки у истоков краеведческих изысканий стоял

А.И. Маркевич, которого по праву называли «историографом Одессы и Новороссийского края». А.В. Флоровский был вынужден переориентироваться на краеведческую тематику в связи с изменением геополитической ситуации – революцией и гражданской войной.

Для последнего поколения «русистов» региональная проблематика стала доминирующей: Е.А. Загоровский сконцентировал свое внимание на истории Новороссии – колонизации края и организации управления («Военная колонизация при Потемкине». Одесса, 1913; «Организация управления Новороссией при Потемкине в 1774-1791 годах». Одесса, 1913; «Славянская колонизация Новороссии в XVIII веке. Сербские военные поселения». Киев, 1913 и др.); П.А. Иванов после первой работы по истории Волынской земли, выполненной у В.Б. Антоновича, перешел полностью на историю казачества – Запорожского и Черноморского.

Интерес к проблемам украинской истории, славяноведению в целом был естественно обусловлен. А.И. Маркевич – с Полтавщины, П.А. Иванов – из одесской области, Г.И. Перетяткович, хоть и из Бессарабии, но проникся интересом к украинистике, начиная с лекций М.П. Смирнова; славянский мир (южный и западный) составлял значительный социокультурный пласт одесского мира.

7. Среди дисциплинарного сообщества русистов нет фигур «первой величины».

* * *

Ремарка-цитата

А.В. Флоровский, оценивая в середине 1960-х гг. историческую науку в Новороссийском университете, писал: «Исторические науки в Одессе не были представлены слишком сильно, если не считать, конечно, Успенского, и др. В частности и кафедра русской истории была представлена несколько слабо. Однако, никак не могу только согласиться, что в начале XX век[а] в этом отношении был упадок, определявшийся условиями политической реакции в России вообще после 1905 г. Да, после ухода из Университета Маркевича и весьма устаревшего к моему времени, но очень симпатичного Перетятковича, кафедру русской истор[ии] представлял И.А. Линниченко, весьма серьезный ученый, но в это время уже весьма ленивый и непродуктивный <…> Однако, Линниченко сумел создать вокруг себя целую школу учеников, которые выступили в печати с целым рядом весьма полноценных работ – Вахевич, Авальяни, Слабченко, Флоровский, Клепацкий, Загоровский. И одновременно он создал и на женских курсах известное ученое движе-

ние <…> И еще – он же дал начало «Библиографическому обществу» университета <…> Это еще не упадок, а расцвет, активизация одесских сил, хотя бы кругом и шла политич.[еская] реакция и сам Линниченко постепенно все правел»[1].

* * *

В соответствии с принятой в последнее время в исследовательской литературе научной метафорой «человек второго плана» («историк второго ряда») можно составить градацию значимости отдельных представителей ДСР в историографии в целом и в истории университетского образования. Однако сложности с определением формулы «человек второго плана», с выявлением типологических черт «историка второго ряда», рассмотрение его как промежуточного звена между главными действующими лицами истории/историографии и т.н. «статистами»[2], позволяют говорить об относительности данного понятия и значительном диапазоне «второго плана» («третьего, четвертого» и проч.).

Главный критерий этой градации – роль представителя ДСР в том деле, с которым он связан, – с профессиональной деятельностью университетского преподавателя. При этом нельзя забывать о двух уровнях темпоральной оценки – современниками и с позиций историографии сегодняшнего дня. Кроме того, «…опознание исторического персонажа как "человека второго плана" зависит от выбора угла зрения и того социокультурного контекста, в соответствии с которым осмысливается историческая роль данной конкретной личности»[3].

Среди кафедрального ДСР наиболее яркие фигуры – А.И.Маркевич и И.А. Линниченко. Масштаб научного наследия, научно-организационной и общественной деятельности, прижизненная достаточно высокая репутация в научном сообществе и т.п. позволяют рассматривать этих ученых в первых рядах украинской историографии и, безусловно, региональной. Не стоит забывать, что А.И. Маркевич первым в украинской историографии и вторым (после Д.А. Валуева) в российской науке разработал проблему местничества.

---

[1] См.: Листи А.В.Флоровського до В.Т. Галяса (1960-1968) // Василь Терентійович Галяс (біографічні матеріали до 85-річчя з дня народження). Одеса, 2006. С.40. Вероятно, эта оценка – критические замечания на юбилейные материалы, изданные к 100-летнему юбилею Одесского государственного университета имени И.И.Мечникова, полученные А.В.Флоровским от В.Т.Галяса.

[2] См.: *Мининков Н.А.* Человек второго ряда как исследовательская проблема // Человек второго плана в истории. Вып.1. Ростов-на-Дону, 2004. С.7.

[3] *Кореневский А.В.* Три Тойнби // Человек второго плана в истории. Вып.4. Ростов-на-Дону, 2007. С.84. О подходах к изучению «человека второго плана» см. подробнее: *Лубский А.* Человек второго плана: методологические проблемы «нового биографизма» («игра в бисер» или нарративная стратегия историко-биографического исследования) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Вип. 8. Київ, 2014/2015. С.67-84.

А.В. Флоровский для первого – одесского – периода своей творческой деятельности оставался в масштабах региональной историографии по сравнению с его учителем И.А. Линниченко «фигурой второго плана», но итогом его научно-педагогической работы в последующий период – эмиграции – была уже европейская известность. Можно допустить, что «третьему плану» и проч. будут соответствовать фигуры П.А. Иванова, Б.А. Белюгова[1]. Недостаточная изученность персональных историй всех представителей региональной историографии, включая ДСР, не позволяет пока что создать даже условную (впрочем, в любом случае – условную) градационную схему.

Некоторые представители кафедры всеобщей истории (А.Г. Брикнер, Д.И. Успенский, Е.Н. Щепкин, П.М. Бицилли), кафедры славяноведения, не говоря уже о филологических кафедрах, занимались проблемами русской истории. Следование «жесткому» критерию для определения ДСР – по специализированной профессиональной подготовке (образованию) – не вполне подходит для университетской системы XIX в. До 1850 г. в российских университетах не было историко-филологических факультетов, а отделения «исторических наук» и специализации по кафедрам появились, в частности в Новороссийском университете, соответственно в конце 1860-х гг. и в начале XX века[2]. Многие из историков получали образование в зарубежных университетах (А.Г. Брикнер, С.Л. Рубинштейн и др.), впитывая специфику их традиций.

Поэтому на втором институциональном уровне – факультетском, третьем – университетском и четвертом – региональном допустимо включать в ДСР лиц, в научное наследие которых входят исследования по русской истории. При таком подходе дисциплинарное сообщество предстает как сложноструктурированное образование: из т.н. «ядра» – «чистых русистов» (хотя бы по доминирующей проблематике исследований) и «периферии», которая, в свою очередь, включает разные по удаленности от «ядра» сферы. Каждая из этих сфер соотносится с теми историками, чьи исследовательские интересы шире ареала «титульной профессии».

---

[1] См.: *Музичко О.Є.* Белюгов Олександр Євгенович (? - ?) // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том I (початок XIX – середина XX ст.). Одеса, 2009.С.47.

[2] С 1868 года на историко-филологическом факультете Новороссийского университета были открыты три отделения: классической филологии, славяно-русской филологии и исторических наук. В 1900-х годах на историческом отделении стали постоянно работать четыре группы специализаций: славяно-русской, всеобщей истории, истории искусств и истории философии. См.: Краткий отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1868-1869 учебный год. Одесса, 1869. С. 10; Краткий отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1904-1908 годы. Одесса, 1908. С. 173. В Московском университете историко-филологический факультет был разделен на три отделения (древнеклассической филологии, славянской филологии и исторически наук) в 1872 г.

Resume

1. Индивидуальная структура исследовательской и дидактической проблематики ни у одного из представителей кафедры русской истории не отвечала кафедральному статусу – «чистых» русистов в кафедральной корпорации не было[1]. Помимо фактора профессионально-образовательного (специализацию по русской истории получило только новое поколение «русистов» в начале XX века), следует учитывать этносоциокультурный, географический и геополитический факторы. Обстановка внутри кафедры, изменения глобального характера привели к тому, что к концу существования университета (к 1920-му г.) кафедральная проблематика полностью утратила элементы «титульной профессии» – работ в масштабах общерусской истории уже не было (за исключением нескольких публикаций историографического и источниковедческого плана у А.В. Флоровского), бывшие «русисты» сконцентрировались на регионально-краеведческом материале.

2. «Вертикальная» составляющая интеллектуальных сетей на кафедре четко прослеживается по двум линиям: М.П. Смирнов – Г.И. Перетяткович – А.Е. Белюгов; И.А.Линниченко – Б.А.Вахевич, А.В. Флоровский, Е.А.Загоровский. Помимо этих линий, которые явственно укладываются в схему «учитель-ученик» (хотя о «школе» в отношении М.П. Смирнова речь не идет), линия поколений выстраивается от М.П. Смирнова ко второму поколению – Г.И. Перетяткович, А.И. Маркевич (оба были студентами М.П. Смирнова) и И.А. Линниченко (работавшего на кафедре в 1884-1888 гг. /официально/ и в 1896-1911 гг.); новое поколение – Б.А. Вахевич и А.Е. Белюгов (с разными сроками пребывания на кафедре), Е.П. Трифильев, затем – А.В. Флоровский, П.А. Иванов и Е.А. Загоровский. «Горизонтальная» составляющая сетевой структуры характеризуется добрыми отношениями между Г.И. Перетятковичем и И.А. Линничнко; близкие, дружеские отношения отличали дуэт А.И. Маркевича и И.А. Линниченко (хотя с 1895 г. А.И. Маркевич уже выбыл из состава кафедры). По воспоминаниям А.В. Флоровского, можно предположить, что между представителями новых поколений преподавателей кафедры особой близости не было. «Линия соперничества», а вернее – неприятия друг друга, характеризовала отношения, которые сложились между И.А. Линниченко и Е.П. Трифильевым, что накладывало свой отпечаток на всю кафедральную атмосферу.

3. Лидера, который смог бы объединить хотя бы два поколения ученых, на кафедре не было. Можно ли считать И.А. Линниченко лидером кафедры в начале XX века? – вопрос весьма проблематичный. Научная школа педаго-

[1] Конечно, можно с известной долей условности, учитывая самоидентификацию историков, отнести к «чистым русистам» А.И. Маркевича, А.Е. Белюгова и А.В. Флоровского, а также Г.И. Перетятковича, принимая во внимание место, которое заняли его работы по истории Поволжья в российской историографии. И.А. Линниченко более ценился в российском научном сообществе как специалист-славяновед.

гического типа была создана только одна – школа И.А. Линниченко, но и в эту школу входили не только молодые преподаватели кафедры, его ученики, прошедшие этап «профессорских стипендиатов», но более широкий круг – бывшие студенты, работавшие на других факультетах и вне университета. А.И. Маркевич, несмотря на значительное количество благодарных учеников, школу не создал. В этом факте роль сыграли два фактора: во-первых, безусловно, его ранний «уход» из университета, во-вторых, возможно, его личностные качества как человека и ученого. В отличие от И.А. Линниченко[1] (который, несмотря на разногласия мировоззренческого характера, в целом воспринял «школьную» платформу В.Б. Антоновича), А.И.Маркевич действительно не подходил на роль лидера «школы»: его научные интересы отличались неконсолидированной широтой и эклектичностью подходов[2].

4. Кафедральная корпорация русистов Новороссийского университета не представляла собой интеллектуального, идеологического и личностного единства – это был сложный организм со своими противоречиями – явными и потаенными. Тем не менее професорам и преподавателям кафедры удалось заложить научные традиции широкого дисциплинарного спектра, которые получили свое развитие уже в последующие эпохи. Вторым важнейшим результатом деятельности кафедры было воспитание таких крупных ученых, как А.В. Флоровский и уже его ученик – Н.Л. Рубинштейн[3], а также плеяды глубоких исследователей-украинистов – Е.А. Загоровского, П.А. Иванова, П.Г. Клепатского (аспиранта И.А. Линниченко).

5. Сегодня наследие кафедральной корпорации русистов Новороссийского университета стало достоянием коллективов всех четырех кафедр исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова – кафедры новой и новейшей истории (зарубежных стран), кафедры истории Украины, кафедры археологии и этнологии Украины и кафедры истории средних веков. История России, история международных отношений, история славян и др. – прерогатива «всеобщников». История казачества, социальная, культурная и экономическая история Украины и др. – прерогатива украинистов; археологические и этнографические изыскания –

---

[1] По мнению И.А. Линниченко, «поверхностный скептицизм» – наследие 1860-х гг. – стал причиной того, что А.И. Маркевичу не удалось «примкнуть ни к какой школе, ни к какой научной теории».

[2] Впрочем, и при таком «наборе» качеств А.И. Маркевич смог бы создать свою школу, если бы был к этому расположен, но «всеядность жизни», гипертрофированное «критическое начало» не позволяли ему идентифицировать себя с каким-либо конкретным научным направлением, а сформулировать собственную доктрину, вероятно, в силу индивидуальных черт, не получалось, а возможно, он к этому и не стремился.

[3] После депортации А.В. Флоровского Н.Л. Рубинштейн переписывался со своим наставником, посылал ему книги и статьи; его отношение к учителю оставалось неизменно признательным: «…все, что будет возможно, я всегда охотно для Вас сделаю». [Из письма Н.Л. Рубинштейна к А.В. Флоровскому от 28 декабря 1923 г. См.: АРАН. Ф.1609. Оп.2. Д.390. Л.1].

сфера кафедры археологии и этнологии Украины. Проблемы историографии, источниковедения, археографии, архивоведения, генеалогии, музееведения и др., а также история Одесского (Новороссийского) университета, история Одессы, одесщины и Северного Причерноморья составляют научный интерес представителей всех кафедр исторического факультета[1].

[1] О проблемах биоисториографических исследованиях см. в работах автора: *Попова Т.Н.* К вопросу о научных критериях критики историко-биографических исследований в немарксистской историографии / Т.Н.Попова, Л.Ф.Цыганенко // Тезисы докладов и выступ. на Всесоюзной науч.-метод. конфер. «Научные основы критики немарксистских концепций в курсах общественных дисциплин». Одесса, 1988; *Она же.* Некоторые проблемы биоисториографического жанра // Проблеми провінціології. Міжнародний науково-практичний семінар. Чернівці, 1996. С.23-25; *Она же.* О методике биоисториографических исследований // Записки історичного факультету. Вип. 5. Одеса, 1997. С 165-172; *Она же.* Историографический процесс в региональном измерении (теоретический аспект) // VIII Всеукраїнська наукова конференція «Історичнє краєзнавство і культура»: Наукові доповіді та повідомлення. Частина 1. Харків, 1997. С.198-201; *Она же.* К проблемам биоисториографических исследований / Т.Н.Попова, И.В.Максименко // Південний архів. Зб. наукових праць. Історичні науки. Вип. 2. Херсон, 1999. С.41-46; *Она же.* Біоісторіографія в історико-краєзнавчих дослідженнях / Т.М.Попова, В.А.Мирошниченко // Історія України. Маловідомі імена, події, факти. IX Всеукраїнська наукова конференція. Історичне краєзнавство на межі тисячоліть: досвид, проблеми, перспективи. 27-28 вересня 1999 р. (Збірник статей). Вип. 6. Київ, 1999. С.261-264; *Она же.* Биоисториографические исследования по материалам фондов ГАОО (Теоретико-методологический аспект) // Архів. Документ. Історія. Сучасність: Збірка наукових статей та матеріалів / Праці Державного архіву Одеської області. Том IV. / Архів Одеської області Державного комітету архівів України. Одеса, 2001. С.302-305; *Она же.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета, Одесса, 2007. С.498-503 [Экскурс: О биоисториографических исследованиях]; *Она же.* О биоисториографических исследованиях (три заметки с приложением) // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики. Збірка наукових праць. Число 14. На пошану історика, джерелознавця, історіографа, професора Київського національного університету імені Тараса Шевченка Ярослава Калакури з нагоди 70-річного ювілею. Київ, 2007. С.44-62; *Она же.* Персональная история vs интеллектуальная биография vs биоисториография: подходы и понятия // Человек в истории и культуре. Вып. 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко / Отв. ред. А.А.Пригарин. Одесса, 2012. С.540-563; *Она же.* Историография в человеческом измерении // Історіографічні дослідження в Україні / Голова редколегії В.А.Смолій; відп. ред. О.А.Удод. Київ, 2012. Вип.22. С. 265-292; *Она же.* К проблеме изучения дисциплинарной истории: историческая русистика в Новороссийском университете // Анна Михайловна Шабанова (1933-2006). К 80-летию со дня рождения: сб. памяти: биографические материалы и статьи / отв. ред. и сост. Т.Н. Попова. Одесса, 2012. С.105-117; *Она же.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций: теория, методология, практика // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Інститут історії України НАН України / Головний редактор В.Смолій; відповідальний редактор І.Колесник. Вип. 8. Київ, 2014/2015. С.15-40; *Она же.* Биоисториописание в контексте научных традиций: концепты и модели // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2015. Вып. 53. М., 2015. С.30-53 и др.

Ремарки заключающие

...истина очень коротка
(все, что потом, – это только комментарий).

Умберто Эко

1. Геополитические потрясения нашего времени привносят чувство утраты в извечную веру в способность человечества к созиданию прекрасного. «Биографический поворот», или «Ренессанс биографизма», напротив, символизирует сегодня наше осознание собственной значимости как Человека, творящего себя и окружающий мир. Фокус «человеческого измерения» становится в историописании определяющим.

2. Биографизм – научное историописание – представляет собой вселенную, заполненную галактиками и туманностями, звездами и планетами, черными и белыми дырами. Современный биографический мир, как и мир вокруг него, видоизменяется: в столкновениях, переплетениях и взаимопроникновениях различных исследовательских линий – традиционных и революционно-новаторских – радикально обновляются подходы и методы постижения истории Человека, появляются новые имена различных сфер биографизма.

3. Биоисториография – традиционное «имя» одного из полей историографического исследовательского пространства – находится сегодня на пути своего обновления, и это обновление целесообразно связать не с заменой «старого» названия на новые наименования, но – с кардинальным переструктурированием теоретического, методологического и процедурного арсенала этой сферы современного биографизма.

4. «Человек не равен своей биографии»: непосредственно воспринимаемый исследователем мир исторического бытия, как сказал когда-то П.М. Бицилли, – «хаотичен и бессвязен», и жизнь человека наполнена мелкими событиями – «хаосом быта», который в конечном счете определяет судьбоносные «силовые линии», детерминирующие и пронизывающие творческий процесс. Преодоление этой «хаотичности» – в проникновении в многообразие взаимоотношений ученого с окружающим его миром людей и миром идей.

5. Возможно, все ипостаси исторической биографии сохранят синдром портрета «в манере сфумато» [1], но это не повлияет на постоянство нашего интереса к жизни *Другого*, в которой мы хотели бы найти ответы на извечное вопрошание собственного *Я*.

6. «…не существует двух одинаковых книг, – убежден Артуро Перес-Реверте, - ибо не бывает и никогда не было двух одинаковых читателей. И каждая прочитанная книга, подобно каждому человеку, является единственной в своем роде, уникальной историей и отдельным миром».

7. В свое время Нина Берберова высказала идею о сакраментальной триаде творчества, суть которой – в трех вопросах: что автор хотел написать? что ему удалось написать? что он написал помимо свой воли? Я могу ответить на первый вопрос, частично, с большой долей условности, на второй, но на третий вопрос может ответить только вдумчивый Читатель…

[1] Для Ю.М. Лотмана образ *сфумато* – «…изображение земного трехмерного пространства как тончайшего и радостного сфумато…», задача автора/художника/писателя в том, чтобы раскрыть «секрет психологического правдоподобия… взаимную необходимость разных жизней. Найти психологическую структуру личности». См.: *Лотман Ю.М.* Биография – живое лицо // Новый мир. 1985. № 2. С.228-236. В моем контексте акцент сделан на суть понятия *сфумато – «исчезающий как дым»*, метафору, смысл которой - неуловимость, непостижимость, неисчерпаемость биографического проникновения в тайны личности.

Именной указатель

А

Абель Т. 41
Абрамова И.Л. 198
Абульханова-Славская К.А. 56
Авалиани С.Л. 266, 285, 288-289, 425
Августин 389
Аверинцев С.С. 88
Аграновская М.А. 135
Айрапетов О.Р. 258
Аксаков С.Т. 381, 389
Аксенова Е.П. 254-255, 258, 270
Аксер Е. 11
Алеврас Н.Н. 24-25, 421
Александр I 209, 269, 271, 423
Александров А.В. (Александров О.В.) 303, 308, 312, 313
Александров В.А. 151-152
Александров Ф.Г. 218, 260
Александрович Н.Г. 165
Алексеев П.В. 258, 302
Алленов С.Г. 325
Алигьере Д. 254
Алипов П.А. 33, 35-36
Алленов С.Г. 142
Алпатов М.А. 365
Алтухов В.Л. 23
Ананьев Б.Г. 88-89, 118
Андреев В.Н. (Андреєв В.М.) 19, 31-32, 34, 36, 92, 126
Андрес А. 116
Андросова-Байда Д.О. 99
Анимица Е.Г. 201
Анкерсмит Ф.Р. 21, 25, 38, 51, 82, 123, 390, 398-402, 404-406
Анненкова И.В. 284, 300-302, 313, 338, 342
Антонова Л.Г. 201
Антонович В.Б. 172, 183, 265, 273, 362, 364, 422, 424-425, 429
Анциферов Н.П. 229-230, 259-260
Аппатов С.И. 237, 256, 303, 365
Арацов 201
Ардашев П.Н. 182-183, 187, 227
Ариес Ф. 19
Аристотель 77, 83-84, 97, 389
Артамошкина Л.Е. 117
Артоболевский А.А. 198
Архангельский А.С. 238
Арш Г.Л. 330
Астров Н.А. 327
Атанасова В. 319, 366
Атлас Д.Г. 219
Афанасьев Г.Е. 139, 159-160, 162, 227
Ашурова Н.И. 306, 313

Б

Бабайцева З.А. 266
Бабалик Н. 135
Бабкин Б.П. 260
Багалей Д.И. 206-207, 209
Баженов В.В. 56, 74, 117
Баженова Е.А. 77
Базанов М.А. 33, 35-36
Бальмонт К.Д. 389
Бамбизова К.В. 99
Барановский С.И. 203
Барац Г.М. 269

Барг М.А. 123, 388
Барсков Я.Л. 267
Барт Р. 404
Баткин Л.М. 12
Баттерфилд Г. 397
Батурин А.П. 306
Бахрушин С.В. 294
Бахтеева Р.Р. 312
Бахтин М.М. 5, 86, 88, 91-94, 98, 302
Бахчиванжи А.П. 288, 296, 308
Бачинська О. 304
Бевзюк О.В. 456
Безбородко А.А. 165, 182-183
Безрогов В.Г. 327
Бек А. 139
Беленький И.Л. 9, 12, 58, 67, 71, 74, 91-92, 120, 150
Белоусов А.С. 260
Белоусова Л.Г. 303
Белофф М. 54
Белый А. 389
Белюгов А.Е. 154, 421-422, 427-428
Белявский И.Г. 56
Бем А.Л. 306
Берберова Н. 432
Бергсон А. 319, 358, 389, 395
Бердяев Н.А. 33
Березин С.Е. 140, 286, 418
Березкин А.В. 233, 352
Бери Р. де 242, 244, 253
Берр А. 250
Бертье-Делагард А.Л. 159
Бессмертный Ю.Л. 12
Бестужев-Рюмин К.Н. 149-153, 155, 168, 208, 226
Білокінь С.І. 332
Бирман М.А. 255, 259, 279, 281, 284, 293, 297, 302, 304-305, 307-309, 312-314, 320-326, 330, 342-343, 350, 367-369, 373, 377, 403, 409
Биск И.Я. 99
Бицилли В.М. 332
Бицилли И.К. 330
Бицилли К. 330-331
Бицилли М.К. 330-331
Бицилли М.М. 304, 311, 332, 367
Бицилли М.П. 298, 322
Бицилли М.Т. 317, 344, 348-349, 369
Бицилли М.Ф. 331
Бицилли П.К. 330
Бицилли П.М. 3-4, 7, 9, 52, 64-66, 73-74, 77, 99, 113-114, 128, 137, 154, 157, 181, 184, 197-198, 211, 222, 230-231, 233-243, 251-253, 256-259, 261, 263, 273, 276-285, 287-348, 350-360, 364-375, 377-390, 392-396, 402-404, 406-409, 427, 431
Бицилли С.В. 304, 332
Бицилли С.К. 330
Бицилли С.С. 332
Бицилли С.Ф. 331
Бицилли Ф.М. 331-332
Бичурина Н.И. 306
Блок А. 389
Блок М. 318
Богатинов Н.Д. 164
Богданов В. 116
Богдановский А.М. 166
Богдашина Е.Н. (Богдашина О.М.) 411, 423
Богословский М.М. 184
Боден Ж. 389
Бойченко І.В. 309
Боккаччо Дж. 230, 388
Болдирев О. 179
Болдырь С.П. 101-102, 109

Болтин И.Н. 214
Болховитинов Е. 424
Бонапарт Л. 61
Бондарева Е.А. 274
Бондаревський Г.Л. 418
Бондаренко М.А.
(Бондаренко М.О.) 2, 456
Борджиа Р. 230
Борджиа Ц. 230
Борзаковский В.С. 424
Бориневич А.С. 219
Борисова И.В. 399, 405
Борисова М.А. 198
Боровой С.Я. 34, 126, 181, 185, 189, 192-193, 195, 197-198, 217-218, 260, 346
Бородкин Л.И. 42
Бочаров С.Г. 91-94, 98
Брагина Л.М. 253
Брикнер А.Г. 3, 7, 70, 137-142, 144-153, 155, 226-227, 379, 416, 427
Бродель Ф. 11, 84, 132
Брокгауз Ф.А. 71
Брун Ф.К. 140, 226
Брунер Д. 38
Бруно Д. 312
Брушлинский А.В. 56
Бубеникова М. 306
Бузескул В.П. 140, 225, 233, 290, 352, 354
Буковский В.Я. 303-304
Булгаков М. 137
Булгаков С.Н. 180
Бунин И.А. 195, 293, 300
Буницкий Е.Л. 218, 260
Бурдье П. 78, 80, 132-133, 398, 412
Буркхардт Я. 249, 335, 384, 387, 389, 396, 401
Бурмов А. 299
Буроп Э. 55
Буряк Л. 88
Бутенко В. 181
Буцинский П.Н. 204, 207, 209, 422
Быков Г.В. 99
Бычков С.П. 421

В

Вагнер Р. 389
Вазари Д. 249, 388
Вайнштейн О.Л. 137, 181, 219, 229, 233-235, 290-292, 294-295, 297, 321, 364, 366-367, 369
Валевский А.Л. 66, 68, 74, 86, 90, 122, 126-127
Валк С.Н. 364
Валла Л. 63
Валлерстайн И. 9, 53, 391
Валуев Д.А. 173-175, 426
Ван Э. 6, 12, 24
Вандалковская М.Г. 258
Ванчугов В.П. 352
Варнеке Б.В. 197
Васильева М.А. 300, 302, 305-306, 312-313, 320, 350, 390
Васильевский В.Г. 162, 182-183, 226
Вахевич Б.А. 266, 420-421, 425, 428
Ващенко В.В. 19, 31, 59-60, 75, 88, 92
Вдовина И.С. 84
Вебер Г.К. 285
Вебер М. 358, 389
Велева М.Н. (Велева М.) 293, 298-299, 301-302, 304-305, 307-309, 313-320, 322, 324-326, 338-339, 341, 343, 345-346, 348, 366, 372, 409

Вергилий 388
Верменич Я.В. 411
Вернадский В.И. 42, 68-69, 75, 182, 201
Вернадский Г.В. 237-238, 255, 270, 274
Вертгейм Ю.Б. 264, 282
Вертинский Л.П. 182
Веселова Т.Н. 186
Веселовский А.Н. 285, 312
Веселовский Н.И. 285
Вико Дж. 335, 379, 389, 396, 403
Вилинский С.Г. 288
Виндельбанд В. 388
Виноградов В.В. 293, 302, 313
Виноградов П.Г. 183-184, 291, 389
Виппер Р.Ю. 109, 137, 182, 227, 389
Виттельс Ф. 384
Вовк О.И. (Вовк О.І.) 77, 99, 126, 131, 199, 206
Волкогонова О.Д. 33
Володихин Д.М. 18, 29, 36
Волченюк В.В. 254
Вольтер А.М.Ф. 147, 389
Вольф Х. фон 389
Вомперский В.П. 284, 300-302, 305, 313, 320, 338, 342, 350
Воробьева О.В. 6, 12, 20, 24, 33, 143-144, 376
Воронец П.В. 371
Воронков В. 117
Войцеховская И.Н. (Войцехівська І.Н.) 125-126, 410
Вулман Д. 72
Вульфиус А.Г. 285, 290
Вяземский П.А. 163

Г

Гадамер Х.-Г. 405
Галилей Г. 62-63, 97
Галкин И.С. 297, 321
Галчева Т.Н. 198, 236, 241, 255-256, 258-259, 293, 300, 302, 306, 311, 313, 320, 325, 327, 333, 350, 372-373, 409
Галь Н.А. 311, 327
Гальченко Е.М. 201
Галяс В.Т. 254, 256-257, 259, 264, 266, 269, 271-272, 274, 426
Гандев Х. 292-294, 298, 313-314, 316-321, 324, 338, 350
Ганчев А.И. 325
Гарскова И.М. 42, 149-150, 154
Гвиччардини Ф. 389
Гегель Г.В.Ф. 147, 319, 358, 389, 403
Геде А.В. 201
Гейл П. 398
Гейне Г. 132
Гейссер Л. 139-140
Георгиев Е. 301, 315
Георгиев Х. 301, 315
Георгиева Н.Г. 151
Георгієвський О.І. 31
Герасименко А.А. 302
Герасимова Ю.Н. 26, 125
Герашко Л.В. 306
Гербарт И.Ф. 263
Герберштейн С. фон 269
Гердер И.Г. 319, 389
Геродот 381
Герхардт Д. 297
Герцен А.И. 168
Герье В.И. 181, 184, 227, 273, 354, 359
Гессен И.В. 195

Гете И.В. фон 388
Гизо Ф. 389
Гиндилис Н.Л. 41, 119
Гинзбург Л. 116
Гирич І. 179
Гладков А. 73
Глинский Б.А. 108
Гоголь Н.В. 37
Годунов Б. 209, 217
Головань В.А. 232
Голофаст В.Б. 66, 117
Голубович И.В. 9, 60-61, 66-67, 69, 80-81, 87-88, 90, 94, 98, 116-117, 120-121, 198, 236, 241, 256, 258-259, 311-313, 326-327, 333
Голубчик Г.Д. 179
Гомер 97, 388
Гончарук Т.Г. 179
Горелова С.И. 140
Горленко В.П. 162
Горталов Н. 205
Горчакова О.А. 418
Горяинов А.Н. 255, 259, 284, 301, 305, 313, 315, 322, 324
Гостев А.А. 99
Готалов-Готлиб А.Г. 219-220
Гофман Л.Г. 220
Грановская Л.М. 301
Грачева Ю.Е. 199
Гребенник Г.П. 278
Гребцова И.С. (Грєбцова І.С.) 153, 220-221, 289, 418, 420
Гревс И.М. 72, 99, 223-225, 227, 229-230, 232-235, 237, 239, 250, 253, 259, 285, 305, 319, 333, 353, 357-358, 390
Греков Б.Д. 238
Григорова Д. 307, 309, 313
Григорович В.И. 137, 157
Гримм Э.Д. 346
Грицак Я. 19
Грозный И. 154, 174-175
Гросайн У. 225
Грушевский А.С. 421-424
Грушевский М.С. 31, 88, 159, 162-163, 169-173, 177, 417
Гудошников М.А. 223
Гудыменко Ю.Ю. 300
Гулыга А.В. 61-62
Гуревич А.Я. 78, 98, 122, 296-297, 313
Гуревич Я.И. 226
Гус Ян 270
Гуссерль Э. 16, 99
Густав IV 138
Гутнов Д.А. 42, 365
Гутнова Е.В. 361
Гюго В. 371

D

Давыдов Д.В. 163-164
Давыдов Ю.Н. 81
Данилевич В.Е. 206
Данилевский И.Н. 156
Данилевский Н.Я. 287
Данилов А. 260
Данте А. 388
Дашкевич Я. 42
Дворецкий И.Х. 105
Дейссель Л. ван 391
Девятко И.Ф. 120
Делакруа Э. 388
Делев Д. 300, 313, 320
Делчев К. 307, 313, 320

Делянов И.Д. 167
Дементьев И.П. 297
Демин О.Б. (Дьомін О.Б.) 237, 256, 296, 303, 308, 313, 324, 333, 357, 365, 415, 418, 420
Демченко А.А. 75-76
Демченко Г.В. 371
Денисов Ю. 104
Деревицкий А.Н. 137, 262, 286
Де-Рибас А.М. 219-220
Джеймс У. 395
Дженкинс К. 110
Джентиле Дж. 394
Джотто ди Б. 388
Дзержинский Ф.Э. 219
Дильтей В. 66, 118, 358, 389, 395
Дложевский С.С. 220
Дмитриев А.Н. 410
Дмитриев Л.А. 177
Дмитриев С.С. 294-295, 301, 321, 325
Дмитриенко М.Ф. 410
Добиаш-Рождественская О.А. 234, 305
Добкин А.И. 230, 259
Добровольский Д.А. 156
Доброклонский А.П. 184, 192-193, 212, 237, 259, 288, 370-372
Добролюбский А.О. 197, 303
Добролюбский К.П. 137, 181, 185, 187, 194, 197, 210, 219-220, 229-230, 235, 303, 366
Добролюбська Ю.А. 100, 197, 303
Довгополова О.А. 310-311, 313, 326-327, 390
Довнар-Запольский М.В. 183
Додонов Р.А. 312
Долгих А.Н. 198
Донн Д. 410
Дорошевич В.М. 159
Дорошенко В. 278
Дорошенко Д. 19
Досталь М.Ю. 255
Достоевский Ф.М. 92, 302
Дочев Д. 300, 313, 320, 350
Драгоманов М.П. 168
Драшковская Е.Н. 203
Дринов М.С. 262
Дробжева Г.М. 87
Дройзен И.Г. 139-141, 144, 350
Дроснева Е. 298-299, 314
Дружинин В.Г. 162
Дудик П.С. 77
Дуйчев И. 293, 300, 306
Думова Н.Г. 193
Дунаева Ю.В. 92
Дунаевский В.А. 26
Дурновцев В.И. 149-150, 154
Дусинский И.В. 285
Дусинский И.И. 284-287
Дюби Ж. 54
Дюма А. 371

Е

Евлампиев И.И. 82
Евреинов Б.А. 270
Євтушенко А.В. 206
Екатерина I 423
Екатерина II 138, 200, 209, 267-269, 423
Ємчук О.І. 17
Ерофеева А.Ф. 186
Ерошкин Н.П. 204
Есин С.Н. 113

Ефимов Н.И. 285
Ефременков Н.В. 26
Ефрон И.А. 71
Ешевский С.В. 226, 365

Ж

Жуков Д.А. 71, 74
Журба О.І. 131, 411
Журкевич О.М. 120

З

Забелин И.Е. 168, 216
Забугин В.Н. 232, 285
Завьялова И.В. 296, 324
Завьялова М.П. 108
Загоровский Е.А. 208, 219-220, 266, 420-422, 424-425, 428-429
Задерейчук А.А. 17
Заиончковский П.Э. 371
Зайцева Ю.Л. 88, 100
Замлинский В. 410
Заморяхин А.В. 201
Запрянова А. 127, 130
Заремба С.З. 410
Зарецкая А.Ю. 9, 66, 69, 96, 311
Зарецкий Ю.П. 9, 66, 69, 96, 311
Зарубин А.Н. 227
Засулич В. 168
Зашкільняк Л. 99
Зверева Г.И. 391
Здравомыслова Е. 117
Зейкан И.А. 270
Зивекинг В. 297
Зимин А.А. 255
Зимина В.Г. 151-152
Златарский В.Н. (Златарски В.) 299, 300, 317, 338
Зленко Г.Д. 253, 256, 304, 309, 313
Золотарев В.П. 364
Золя Э. 389
Зубрицька М. 135

И

Ибн Мискавéйх 369
Ибн-Халдун 389
Иваницкая В.Я. 285
Иванов А.В. 255
Иванов А.Е. 204
Иванов И.И. 227
Иванов П.А. 154, 349, 421-422, 424-425, 427-429
Иванов П.И. 211
Иванова Т.Н. 117, 181, 227
Иванова-Аначкова Е.П. 322, 324-326, 367
Иванцов Н.А. 399
Иванченко Г.В. 327
Іващенко В. 100
Иггерс Г. 6, 12, 24
Игнатий (Иаков Гозадинос / Хазадинов/) 200
Избаш Т.А. (Избаш Т.О.) 418
Иконников В.С. 125-126, 140-141, 151, 159, 166-167, 174, 183, 208, 213
Иконникова С.Н. 117, 127, 130
Иловайский Д.И. 216, 424
Иловайский С.И. 159

Инама-Штернегг К. Т. фон 291
Иофе В. 117
Ирминон, аббат 291
Истрин В.М. 187

Й

Йованович М. 258

К

Кавалеров А.І. 100
Каганович Б.С. 297-302, 304-306, 313, 320, 322, 324-325, 327, 333, 350, 358, 365-366, 374, 388, 403
Казаков Г. 300, 302, 313
Казаков Р.Б. 156
Казанский П.Е. 287
Казначеев М.Я. 202
Казьмирчук Г.Д. 199
Калакура Я. 88, 411, 430
Калінку В. 256
Калоеров С.А. 200
Каменских А.А. 310, 390
Кан А.С. 225, 285, 353
Кант И. 62, 389
Капарулін Ю.В. 31
Каптерев П.Ф. 263
Каразин В.Н. 77, 99, 126, 131, 199, 206, 298
Карамзин Н.М. 209, 214, 416
Карацоглу Юрий (Карац-оглу) 201
Карацев (Карацов) 201
Кареев Н.И. 154, 183, 223, 231, 319, 354, 364, 389
Карлейль Т. 397
Карпов С.П. 11, 99
Карсавин Л.П. 232-234, 259, 285, 290, 306, 311-312, 318, 358-359, 389
Карцев В.П. 41
Карышковский П.О. 253, 375
Кассо Л.А. 207
Кейнс Дж.М. 15, 18, 20, 29, 75
Келле В.Ж. 54
Кельнер В. 181, 185, 189, 193, 195, 198, 218, 260, 346
Кеплер 63
Керенский А.Ф. 223-224
Керенский Ф.М. 223-224
Кертман Л.Е. 71
Кизеветтер А.А. 270, 364
Киплинг Р. 389
Киреева Р.А. 142, 149, 151-153, 155-156, 325
Киридон А. 92
Кириллов С.А. 203
Кирпичников А.И. 187
Киселева Ю.А. (Кісельова Ю.А.) 142, 224, 226, 231, 238
Кишенский Д.П. 211
Кишкин А.С. 255
Клепатский (Клепацький) П.Г. 208, 420, 425, 429
Клитин А.М. 308, 333, 356-358
Клюев А.И. 312
Ключевский В.О. 57-58, 78, 98, 122, 125, 151-153, 165, 168, 173-174, 177, 184, 209, 213, 216, 362, 364, 375, 416
Кнеруев К.А. 228
Кнеруева Р.К. 228
Кныш Н.А. 104
Ковалев М.В. 255
Ковалева М.С. 81

Ковалевская С. 168
Ковалевский М.М. 191, 389
Коваль І.М. 157, 210, 415, 418, 420
Ковальський М.П. 411
Ковальченко И.Д. 102, 108, 364
Ковальчук Л.В. 104, 122
Ковальчук Л.В. 286-287
Ковач В. 278
Коев М. 300, 313, 320
Козлова М.А. 327
Кок П. де 163
Колеватов Д.М. 222, 239-240, 253
Колеров М.А. 258
Колесник И.И. (Колесник І.І.) 2, 6, 13-16, 24, 31-34, 37, 50, 70, 86, 88, 92-93, 104-105, 109, 129, 171, 175, 222, 265, 282, 309, 314, 411, 413-414, 426, 430
Колесникова С.Ю. 138
Коллинз Р. 264, 282
Коллингвуд Р.Дж. 147, 318, 394
Колпаков А.Д. 297
Колянковский А.Л. 139-142
Коменский Я.А. 272
Кон И.С. 66
Кондаков Н.П. 157, 255, 270, 285, 289, 317, 372
Кондорсе Ж.А. 389
Конт О. 164, 389
Корелин М.С. 181
Кореневский А.В. 426
Корзун В.П. 31, 81, 87, 99-100, 104, 126, 129, 137, 161, 167, 222, 253, 308, 326, 350, 365-366, 421
Корниенко Е.В. 199
Корнилаева И.А. 207
Коростелев О. 307, 312
Корсаков Д.А. 424
Косев Д. 298
Косиков В.А. 198
Косиков Г.К. 39
Косицкий А.И. 371
Костомаров Н.И. 99, 151, 163-164, 168, 172, 177, 278, 364, 424
Котошихин Г.К. 160, 197, 209-210, 216-217
Котюрова М.П. 77
Крижанич Ю. 138
Кричевский Г.Г. 204
Кроник А.А. 119
Кроссли М. 16
Кроче Б. 318-319, 335, 358, 379, 381-382, 387, 389, 394-395
Крусман В.Э. 3, 7, 72, 154, 157, 181, 211-212, 222-253, 285, 295, 303, 308, 333, 346, 353-354, 356-357, 364
Крусман Б.В. 228-229, 236
Крусман Гар.В. 228
Крусман Гер.В. 228
Крусман Б.В. 228
Крусман Дж.В. (Крусман Ж.В.) 228-229
Крусман М.В. 228-229
Крусман Э.К. 224
Куделко С.М. 77, 88, 99-100, 126, 131, 199, 206
Кудрявцев Б.В. 306
Кудрявцев П.Н. 365
Кузнецов Б.С. 103
Кузнецов К.А. 232-233, 352
Кузнецова Н. 11
Кукарцева М. 6, 12, 24
Куланж Ф. де 291, 384
Кулиш П.А. 168, 172, 177
Кульчицкий С.В. (Кульчицький С.В.) 2, 93, 128
Кумок Я. 82, 123

Кун Т. 54, 400, 411
Куник А.А. 150
Курбский А.М. 209
Куторга М.С. 365
Кушнір В.Г. 179
Кювье Ж.Л. 97
Кюн О. 141

Л

Лавджой А. 36, 149
Лазаревский А.М. 162
Ламанский В.И. 226
Лампрехт К. 381, 389
Ланге К.А. 361
Ланге Н.Н. 262, 346
Лаппо-Данилевский А.С. 31, 72, 104, 224, 389
Лаппо-Данилевский И.А. 31, 81
Лаптева Л.П. 255
Лаптева Т.Н. 255
Лассаль Ф. 168
Латиш Ю.В. 199
Лашнюков И.В. 151, 165-166, 173
Лащенко Р. 270
Лебедева Е. 92
Левашова 266
Леви Дж. 15, 18, 28
Левит С.Я. 78, 82-85
Левченко В.А. 303, 313
Левченко В.В. 19, 186, 195, 199, 219, 259, 261, 309, 311, 313, 342, 365, 369-370, 420
Левчук В.В. 8
Левянт М.Я. 73
Ле Гофф Ж. 54, 92
Лейбниц Г.В. 389, 403
Лейкина-Свирская В.Р. 42
Ленин В.И. (В.И. Ульянов) 70, 73, 192, 223-224
Леонгард К. 163
Леонтович Ф.И. 162
Леонтьева О.Б. 33, 36
Лепти Б. 79, 265
Лермонтов М.Ю. 285
Лжедмитрий I 183, 185, 204, 355
Ливий Тит 389
Линниченко И.А. 137, 154, 157, 159, 161-162, 165-167, 169-173, 178, 194, 198, 207-208, 211-212, 218, 256-257, 263-267, 273, 288, 420-422, 424-429
Лисяк-Рудницький І. 19
Литвинова Т.Ф. 101
Лихачев В.П. 9, 66, 69, 96, 311
Лихачев Д.С. 177, 258
Лихачев И. 116
Ліхачова О.Є. 31
Лобачевский Н.И. 124, 127, 130
Логунов А.П. 99, 110
Ломоносов М.В. 214, 293, 416
Лосиевский И.Я. 76
Лотман Ю.М. 87, 91, 432
Лотоцький О. 31
Лубский А.В. 23, 222, 426
Лукиных Т.Н. 42
Луков Вал.А. 111
Луков Вл.А. 39-40, 105-106, 111, 113-114, 116
Лукьянова Т.А. 80, 414
Лучицкий И.В. 389
Любенова Л. 299, 307, 314-315
Лютер 63, 389
Лямина Е.Э. 399, 405
Лях В.И. 117

Ляшко С.М. 13, 68, 75-77, 110

М

Магочий П.Р. 47, 171
Майструк О.Н. 199
Мазур Л.Н. 117
Макаренко В.А. 105
Макиавелли Н. 230, 389
Маколей Т.Б. 397
Максименко И.В. 26, 160, 163, 181-183, 186, 227, 253, 303-304, 321, 354, 421, 430
Максименко С.В. 186
Макушин А.В. 87, 208
Малеев А.Ф. 219-220
Малинова Г.Л. 218
Маловичко С.И. 124, 127, 130
Малышкин С.А. 26
Мамонтова М.А. 100, 199
Мандес М.И. 219-220, 263, 346
Манжелевская Н.И. 117
Манолакев Хр. 300-301, 313, 320
Мануйлов А.А. 211
Маркевич А.И. 3, 7, 137, 139-141, 154, 157-179, 208, 216, 218, 366, 420-423, 425-426, 428-429
Маркевич Арс.И. 162
Маркевич И.П. 163
Маркевич Н.А. 163
Маркс К. 61, 97, 319, 389, 397
Мартыновский С.И. 219
Маршани Г.Н. 289
Маслийчук В.Л. 96, 132
Масненко В. 92
Матвеева М.С. 142, 325
Матяш І. 411
Маурер Т. 42
Мацеевич Л.С. 269
Маяк И.Л. 239, 253
Мегрелишвили Г.И. 289
Медушевская О.М. 152, 410
Мейен С.В. 90
Мейер Э. 374
Мейлах Б.С. 56, 74
Мейтленд Ф. У. 291
Мельник О.В. 186, 230
Мельникова А.А. 198
Мельникова Н.С. 199
Менжулин В.И. (Менжулін В.І.) 9, 69, 121
Меннинг Б. 258
Мертон Р. 384
Метлицкая З.Ю. 92
Мечников И.И. 69, 81, 94, 157, 179, 183-184, 186, 195, 198, 210, 227, 256, 258, 296, 303-304, 308-311, 326, 350, 415, 418, 420, 426, 429
Мещеркина Е.Ю. 94, 117, 133
Мещерский А.П. 255, 258, 279, 293-294, 297, 301, 311, 313, 316, 320, 349, 358, 390
Микеланджело Б. 388
Милюков П.Н. 104, 161-162, 167-168, 199, 208, 319, 364, 389
Мининков Н.А. 222, 426
Мирошниченко В.О. 420, 430
Мирская Е.З. 362
Мирский Э.М. 144
Митрофанов В.В. 199
Михайленко Г.М. 31
Михальченко С.И. 361-362, 368, 370-372, 424
Мишле Ж. 249, 319, 389
Мокий В.С. 80, 414

Моммзен Т. 319, 384, 389
Монтень М. 111
Монтескье Ш.Л. 389
Морозов А.А. 306, 313
Моруа А. (Герцог Э.) 40, 73
Москалев И.Е. 144
Москалева Л.С. 166
Моцарт В.А. 388
Мочульский В.Н. 295
Мочульский К.В. 295
Мошкова Г.Ю. 41, 88-89, 91, 117, 119
Мраморнов А.И. 117
Музыченко А.Ф. 262-263
Музычко А.Е. (Музичко О.Є.) 184, 186, 198, 210, 221, 256, 259, 273, 289, 308, 369, 420, 427
Мукерджи С. 6, 24
Мулюкин А.С. 198
Муравьёв В.А. 410
Муровцев С.М. 189
Мутафчиев П. 300
Мягков Г.П. 117, 181, 361, 363, 366
Мякотин В.А. 314-315, 319, 327

Н

Нагірняк О. 179
Надирашвили А.Н. 99
Надлер В.К. 227
Найдорф М.И. 308-309, 313
Нарочницкий А.Л. 297
Наумов Г. 298
Недков Здр. 298, 313, 320
Нейман А.М. 15, 18, 20, 29, 35, 75
Некрасов Н.А. 165
Некрасова Н.В. 68
Немченко И.В. 253, 296, 308, 311, 313, 324, 337, 350
Непомнящий А.А. 179, 262
Нерознак В.П. 320
Нечаева Е.С. 117
Нечкина М.В. 26, 55, 57-58, 78, 124-125, 128, 165, 294
Нечуй-Левицкий И.С. 168
Никитина Е. 96
Никитский А.И. 424
Николаева Е.В. 193
Никольский В.Н. 203
Ницше Ф. 111, 389, 399
Новиков Н.И. 199, 206
Новікова Л.В. 420
Новикова Л.И. 300, 302
Нора П. 19, 54
Носкова И.А. 262
Ньютон 97
Ньютон-Смит В. 100
Нюркаева А.З. 239, 253

О

Образцов В.Н. 216
Овсянико-Куликовский Д.Н. 167
Огієнко І. 104, 122
Оглоблин А.П. 105
Оглоблин Н.Н. 162
Огурцов А.П. 42, 54, 81
Оксман Ю.Г. 217-219
Олейников А.А. 399, 405
Оноприенко В.И. (Онопрієнко В.І.) 34, 86, 362, 412-413
Орехов П.Д. 348, 369
Орлай И.С. 270

Орлов А.А. 26
Орлов А.Г. 330
Осокин Н.А. 365
Оттокар Н.П. 232, 234, 237-238

П

Павел I 138, 198, 204-205, 423
Павленко В.В. 303
Павлов-Сильванский Н.П. 207, 389
Павлова Т.А. 58, 71-72, 91
Панарин А.С. 302
Панас И.О. 255
Панасюк В.Б. 26
Панин Н.П. 138, 151
Панкеев К.М. 187
Пантев А. 300, 313, 320
Паньков А.И. 303
Паппадато 266
Парандовский Я. 11
Паркмен Ф. 397
Паскаль Б. 63-64, 389
Пашуто В.Т. 254-255, 260-262, 270-272, 301, 313, 325, 350
Пащенко Т.В. 332
Пезин А. 9
Пеляшенко К.Ю. 198
Пергамент О.Я. 188
Перевертень В.А. 42
Перес-Реверте А. 197, 432
Перетяткович Г.И. 154, 208, 420-422, 424-425, 428
Першина З.В. 58, 179, 237, 256, 303, 365, 418
Песчанская С. 309
Петкова Г. 300, 306-307, 312-313, 320, 327, 409
Петр I (Петр Великий) 138, 214, 271-272, 423
Петр II 270
Петр III 138
Петрарка Ф. 248, 388
Петрина А.Б. 37, 122, 126
Петров В. 19
Петров В.Н. 297, 335
Петров М.Н. 145, 150
Петрова М.С. 42
Петровская И.Ф. 67
Петровская О.В. 199
Петрункевич А.М. 285
Петрунь Ф.Е. 219-220
Петрушевский Д.М. 291
Пікалов В.Г. 143
Пінчук Ю.А. 163, 278
Пирогова Е.П. 239, 253
Пирумова Н. 61, 63
Писаревский Г.Г. 268
Пичета В.И. 267, 365
Планш Г. 40
Платон 352, 389
Платонов С.Ф. 100, 104, 161, 167, 199, 212-214, 216, 224, 364
Плесская-Зебольд Э.Г. 140
Плетнева С.А. 198
Плотичкина Н.В. 117
Плутарх 88, 389
Повилайтис В.И. 306
Погодин А.Л. 255
Погодин М.П. 417
Подгаецкий В.В. (Підгаєцький В.В.) 7, 102-103
Подрезова М.А. 186, 221, 287
Подъяпольская Е.П. 255
Покровский А.И. 219-220
Покровский М.Н. 55

Полани М. 264-265
Полетаев А.В. 89
Полетика В. 101
Полетика Г. 101
Поливка И. 258
Полоцкий С. 215
Поляков А.Б. 26
Полянкевич М.Т. 369
Полянкевич Т.О. 348
Померанцева Г.Е. 71
Попик В.І. 17, 42, 68-69
Попнеделев Т. 299
Попов С.В. 8
Попова Т.Н. (Попова Т.М.) 1, 2, 20, 33, 43, 53, 82, 98-99, 140, 142-144, 151-154, 160, 163, 176, 181-184, 186, 195, 205, 209, 220-221, 224, 226-228, 230-231, 234, 237-238, 253-254, 256, 279, 281-282, 289, 293, 302-305, 308-309, 311, 313-314, 320-322, 324, 326, 328, 332, 336-337, 342, 350, 353-354, 365-367, 369-370, 375-377, 391, 408, 411, 416-418, 420-421, 430, 453-456
Попруженко М.Г. 137, 162, 184, 237, 255, 295, 314, 366
Поршнев Б.Ф. 56
Посадский А.В. 258
Посадский С.В. 258
Поснов М.Э. 371
Посохов С.И. (Посохов С.І.) 23, 88, 99-101, 143
Посошков И.Т. 138
Потемкин Г.А. 138, 200, 425
Потульницький В.А. 307, 313
Почепцов Г.Г. 302
Прайс Д. 55
Прескотт У.Х. 397
Пресняков А.Е. 232
Пригарин А.А. 99, 140, 408, 430
Приходько Я.М. 132
Прицак О. 177
Пронштейн А.П. 150
Пруст М. 70
Прынь В.М. 199
Пушкин А.С. 163, 168, 181, 271, 307, 389
Пьер М. 54

Р

Радзиховська О.О. 418
Раев Марк 281, 301
Разумов Г.А. 286-287
Ранке Л. фон 70, 139, 145, 319, 389
Раренко М.Б. 92
Расин Ж. 388
Рачковский Д.В. 306
Редин Е.К. 206
Реєнт О.П. 199
Режабек Ф.В. 182, 227
Рейснер М. 384
Рейтблат А. 117
Ренан Э. 319
Репина Л.П. 7, 9-10, 12, 15, 17-20, 22-25, 27-30, 35, 53-54, 60, 67-68, 71-72, 74-75, 79-81, 91-92, 110, 114-115, 117, 120-121, 123, 125, 132, 134, 143-144, 148-149, 152, 222, 265, 328, 363, 410, 416
Рибчинська З. 135
Рикер П. 16, 77-78, 82-86, 91, 94-96, 98, 109, 123
Риккерт Г. 389
Рикун И.Э. 13
Рогозин Д.М. 67
Родный Н.И. 71, 74

Рождественская Е.Ю. 117
Рождественский С.В. 204
Рожков С.А. 307
Розова Н.С. 264, 282
Розовски Г. 135
Розуменко Ю.Г. 179
Роллан Р. 70
Романов М.Ф. 160
Рорти Р. 406
Ростовцев Е.А. 207
Ростовцев М.И. 224, 389
Рохас К.А.А. 21
Рубинштейн Г.Л. 294
Рубинштейн Д.Л. 294
Рубинштейн Л.Н. 159, 294
Рубинштейн Н.Л. 137, 159, 181-182, 184, 197, 219, 229-230, 235, 237, 294-295, 321, 325, 361, 366, 429
Рубинштейн С.Л. 55-57, 88-89, 118, 137, 159, 294, 427
Рудаков В.Е. 159
Руденко А.В. 418
Рудман М.Н. 306, 313
Румянцева М.Ф. 74, 79, 100, 131, 150, 156
Руссо Ж.-Ж. 163, 230, 389, 401
Рустин М. 120
Рутенбург В.И. 292
Рыбников Н.А. 118
Рылеев К.Ф. 163
Рышков П.Н. 371
Рябінін-Скляревський О.О. 31, 217-220

С

Саббадини Р. 232
Савельева И.М. 11, 89, 141, 410
Савельева М.Ю. 117
Савин А.Н. 232-233, 352
Савина Г.А. 261
Савицкий П.Н. 306
Савицкий С. 116
Савкова Л.С. 104, 122
Савченко В.А. 140, 258
Салтыков-Щедрин М.Е. 168
Салутати К. 389
Самама Ги 94
Самодурова В.В. 160, 163, 183, 186, 221, 227, 287, 303, 354, 420-421
Самойлов Ф.О. 140
Санцевич А.В. 26, 71
Сапожников И.В. 218, 303
Сараева Е.Л. 198
Сахаров А.Н. 168
Свешников А.В. 229, 232-233, 253, 259, 312, 352
Свинтила В. 313, 320
Світленко С. 99
Севостьянова А.А. 87
Сегалин Г.В. 92
Секачев Г.А. 260
Селезнев Ю.Н. 74
Селинов В.И. 219-220
Селунская Н.Б. 42
Семанов С. 71
Семевский В.И. 269
Семенова В.В. 117, 120, 133
Семерицкая О.В. 150
Семячко С.А. 177
Сенокосов Ю.П. 258

Сент-Бёв Ш.-О. 38-40, 73, 113, 116
Серапионова Е.П. 255
Серафимов С. 201
Сечкарев В.М. 297
Сивачева Н.В. 108
Сигов К.Б. 311
Сиземская И.Н. 300, 302
Синявська О.О. 179, 420
Синявськiй А. 332
Сиринелли Ж.-Ф. 19
Скляднев Д.В. 141
Скокова Л.Г. 74, 120
Скорина Ф. 271
Скоробогатов А.В. 198
Скотт В. 389
Слабченко М.Е. 217, 219, 266, 425
Славко Т.В. 78, 82-85
Слюсарский А.Г. 199
Сминтина В.А. 157, 303
Смирнов А. 176
Смирнов М.П. 208, 420-425, 427
Смолій В.А. 33, 43, 68, 86, 88, 92-93, 95, 199, 222, 278, 282, 308-309, 314, 328, 410, 426, 430
Смолин М.Б. 287
Соболев А. 258-259, 377
Соколов А.Б. 92
Соколов А.К. 154
Соколов Н.А. 219
Соколовская З.К. 35, 71
Соколянский М.Г. 120, 181, 185, 189, 193, 195, 198, 218, 260, 346
Сократ 287, 389
Соловьев С.М. 152, 164, 173-174, 177, 214, 216, 422
Соловьев Э.Ю. 17, 19, 53, 60-66, 75, 82, 115, 134, 297, 328, 337
Сороко-Цюпа О.С. 297
Соссюр Ф. де 97
Спекторский Е.В. 368, 370-372
Спиноза Б. 394, 399
Станкевич А.В. 181, 186
Станкевич Н.В. 186
Станко В.Н. 99, 140, 237, 256, 303, 365, 430
Старовойтенко І. 42, 411
Старцев В.И. 58
Стельмах С.П. 99, 185, 307, 313, 411, 423
Степаненко І. 117
Степин В.С. 42
Степняк-Кравчинский С.М. 168
Столыпин П.А. 190
Стоун Л. 54, 110
Стратен В.В. 199, 220
Страшимиров Д. 299
Струве П.Б. 187, 241, 314, 374
Стус Д.В. 68
Суздаль М.М. 32
Сумароков А.П. 214
Сфорца Ф. 230
Сыченкова Л.А. 306, 312-313, 350

Т

Талина Г.В. 179
Тарасов Б. 61, 63-64
Тарле Е.В. 56, 117, 223, 354, 365
Татищев В.Н. 209, 416
Тацит 284-285, 287, 389
Твен М. 81
Творогов О.В. 177
Тейлор А.Д.П. 132
Текежи Д. 201

Тета Ж.-М. 84-85, 95-96, 98, 123
Теохариди Т.Ю. (Теохаріді Т.Ю.) 289-290
Тихвинский С.Л. 58
Тихонравов Н.С. 183
Ткаченко Е.В. 368, 370-372
Товма Т.Д. 108
Тодоров П. 314
Тойнби А.Дж. 33, 391, 397
Толстой А.К. 168
Толстой Л.Н. 389
Толстой М.М. 160
Томазов В.В. 410
Томсон А.И. 218, 260
Тончев Ал. 307, 313, 320
Топоров В.Н. 279
Торричелли Э. 63
Трачевский А.С. 226
Трельч Э. 318-319, 358
Трибунский П.А. 87, 99, 199, 208, 311, 375
Трифилий Юриев (Трандафилов Карацоглу) 201
Трифильев А.К. 202-203
Трифильев А.Н. 202
Трифильев В. 221
Трифильев В.Ю. 201
Трифильев Г.Ю. 201
Трифильев Г.П. 202
Трифильев Е.П. (Трефильев Е.П.) 3, 7, 154, 157, 184, 197-199, 201-221, 209, 256, 260, 421-422, 424, 428
Трифильев И.Ю. 201
Трифильев Н.П. 202
Трифильев П.Н. 202
Трифильев П.П. (Трефильев П.П.) 201
Трифильев П.Ю. 201
Трифильев С.П. 202
Трифильев С.С. 202
Трифильева А.Г. 202
Трифильева Д.Ю. 201
Трифильева В.Н. 202
Трифильева В.П. 211
Трифильева Е.Н. 202
Трифильева Е.Ю. 201
Трифильева М.Ю. 201
Трифильева М.Я. 202
Тронько П.Т. 209
Троцкий Л.Д. 397
Трубецкой Е.Н. 290
Трубецкой Н.С. 377
Трубина Е.Г. 100
Трыков В.П. 39, 70, 116
Трюон Н. 92
Туниманов В.А. 300, 305, 313, 320, 339
Тункина И.В. 140, 199, 225, 233, 290, 352, 354
Тэн И. 389
Тьерри О. 389
Тюрго А.Р.Ж. 230, 389
Тютчев Ф.И. 406
Тяжельникова В.С. 42

У

Уайт Х. 100, 398
Уваров П.С. 159
Удальцов И.Д. 291
Удинцев В.А. 207
Удод О.А. 308, 328, 411, 430
Уемов А.И. 90, 107
Уитли Р. (Whitley R.) 54, 278, 412
Ульянов И.Н. 223-224

Ульяновский В.И. 183, 185
Уокер Д. 15, 18, 29-30, 32, 35, 68, 75
Успенский Д.И. 427
Успенский Ф.Б. 279, 284, 305, 322, 342-343, 350, 364, 367-369, 403, 409
Успенский Ф.И. 137, 154, 157, 162, 182, 226
Устрялов Н.Г. 214
Ушаков Д.Р. 120

Ф

Фаас И.А. 220
Фармаковский В.В. 371
Фатьянов А. 367
Февр Л. 318
Федоров А.Г. 300
Федорова Г.И. 141
Федотова П.И. 312
Федькович Ю. 309
Федякин С.Р. 313
Фельдман Б. 229
Феодосий (Макаревский) - 200
Фикельмон Д.Ф. 271
Филатов В.П. 99
Филиппов А.Ф. 81
Филиппов И.Т. 67
Филюшкин А.И. 198
Фихте И.Г. 389
Фишер К. 139
Флакк Ж. 291
Флоровская (Белоусова) В.А. 260-261
Флоровская К.В. 241, 257-259, 261, 369, 372-373
Флоровская К.Г. 257
Флоровский А.В. 3, 7, 137, 184-185, 197, 208, 211-212, 217-218, 254-263, 265-275, 285, 288, 346, 366-367, 374, 377-378, 408, 418, 421-422, 425-429
Флоровский В.А. 257-258, 262
Флоровский В.В. 256, 260, 262, 346
Флоровский Г.В. 82, 137, 230, 241, 256-259, 261, 310-312, 346, 366, 377
Флорский И. 389
Форстен Г.В. 223-227, 232, 234, 247, 250, 285, 353, 357
Фортинский Ф.Я. 151
Фортунатов А.Ф. 183
Фосслер К. 335, 387, 395, 406
Франклин Б. 121
Франс А. 389
Фрейд З. 97, 112, 384
Фрейденберг О.М. 99
Фридман А.С. 337, 350, 390
Фукидид 70, 145, 399
Фуко М. 96-97, 123
Фукс-Хайнритц В. 117, 133

Х

Хайдеггер М. 98
Харитонов В.В. 100
Хейзинга Й. 391, 401
Хмарський В.М. 179, 181, 183-184, 186, 195, 227, 304, 418, 420
Хмельницький Б. 99
Хмельницкий И.А. 191, 193, 195, 220
Хмыров Д.Д. 195
Христов Х. 294, 301
Ходеев Ф.П. 200
Хубач В. 57

Ц

Цвейг С. 408
Цветаев Д.В. 138, 140, 216
Цертелєв М. 32
Цицерон 389
Цыганенко Л.Ф. 430

Ч

Чаадаев П.Я. 168, 209, 214
Чавдаров Д. 312
Чейсти П. 258
Чеканцева З.А. 20, 143-144, 376
Челышев Е.П. 255
Чердакли Г.Н. 200
Чермошенцева Н.М. 34, 126
Чернов Е.А. 101-102, 109
Чернухин Е.К. (Чернухін Є.) 201
Чернышевский Н.Г. 75-76, 164, 168
Черняев А.В. 258
Чертков В.А. 200
Чесноков В.И. 142, 304, 325
Чехов А.П. 297, 389
Чечулин Н.Д. 162
Чижевский Д.И. 297
Чистякова Е.В. 26
Чишко В.С. 66, 69, 75-76, 410
Чолов П. 302, 313, 320
Чопп И.Л. 179, 304
Чосер Д. 244-245
Чубарьян А.О. 35, 68, 117
Чухліб Т.В. 17

Ш

Шабанова А.М. 420, 430
Шатобриан Ф. Р. де 388
Шахматов А.А. 183
Шахматов М.В. 269
Шведов Ф.Н. 341
Шведова Н.Я. 341
Швидько Г.К. 411
Шевченко Т.Г. 37, 158, 168, 170, 256, 420, 430
Шевчук Н.А. 253, 308
Шекспир У. 388
Шеллинг Ф. 319, 389
Шелль А.Я. 371
Шелохаев В.В. 258
Шикло А.Е. 364
Шип Н.А. 179
Шкаровский М.В. 203
Шкуратов В.А. 56
Шлейермахер Ф. 66
Шлезингер-мл. А. М. 396-398, 403-405
Шлецер А.Л. 150
Шлоссер Ф.К. 70, 145
Шляпкин И.А. 162
Шматко М.В. 99
Шмидт С.О. 124, 126, 128, 174-175
Шмурло Е.Ф. 138-140, 142, 270
Шольп О. 258
Шопен Ф. 367
Шофман А.С. 33, 36
Шпаков А.Я. 220
Шпенглер О. 374, 389, 397
Шрейдер Ю.А. 90
Шруба М. 307, 312
Штейнгард Е.А. 332, 345, 367

Штейнгард П.А. 332, 345
Штейнхаузер М.А. 348
Штекель В. 384
Штекли А. 61-62
Штелин К. 267
Штерн Э.Р. фон 137, 157, 159, 190, 227-228, 233, 284, 333, 339, 351-352, 354, 357
Штофф В.А. 108
Шувалов В.И. 306, 313
Шумейко Д.А. 293, 308-309, 313, 350, 356
Шумпетер Й. 29
Шустова Ю.Э. 150, 154

Щ

Щедрин Е.В. 41, 88-89, 91, 117, 119
Щепкин Е.Н. 3, 7, 137, 154, 157, 180-196, 218, 227, 230, 233-237, 253, 269, 273, 291-292, 295, 303, 309, 333, 339, 351, 354-357, 364, 368, 427
Щепкин М.С. 186, 193
Щепкин Н.М. 186
Щепкин Н.Н. 193
Щепкина А.В. 186
Щербаков А.И. 371
Щербатов М.М. 214, 416
Щетинина Г.И. 204
Штекель В. 384

Э

Эйдельман Н.Я. 73, 117
Эко У. 277, 431
Эпштейн М.Н. 38, 41, 50-51, 110-111, 113-114
Эрундель Т. 242
Эскин Ю.М. 179
Эткинд А.М. 18-19

Ю

Юдельсон А.В. 110
Юдина М. 259
Южаков С.Н. 139
Юм Д. 389
Юмашева Ю.Ю. 42
Юрженко О.І. 198, 295-296
Юсим М.А. 279, 284, 305, 322, 342-343, 350, 364, 367-369, 403, 409

Я

Яворский М.И. 219
Ягич И.В. 183
Ягудин Б.М. 365
Якобсон Р.О. 297
Якуба А.В. 99, 253, 308, 350
Якушкин В.Е. 184
Янин В.Л. 151-152
Янушевский Г. 269
Янцен В.В. 258, 327
Ярошевский М.Г. 56-57, 71
Яруцкий Л.Д. 201
Ярцева В.Н. 284, 300-301, 338, 342
Ясперс К. 50
Ясь А.В. 2, 43, 68, 95, 99, 278, 326
Яценко Б.І. 176

РЕЗЮМЕ

Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика.

Книга посвящена проблемам современного биографизма – научного биоисториописания. Автор поднимает широкий круг вопросов теории, методологии и исследовательской практики биографического жанра. Проанализирован значительный спектр интеллектуальных стратегий из различных сфер социогуманитаристики, переплетение которых позволяет выявить эвристически продуктивные идеи, ориентирующие на радикальное обновление исследовательского инструментария *биоисториографии* – проблемного поля дисциплины историографии (истории исторической науки). Фокус биоисториографии направлен на изучение личности, жизни и творчества историков, представительство которых в книге очерчено кругом профессиональных ученых. Рассмотрен институциональный статус биографики, биографистики, новой биографической истории (новой биографики). Акцентуализирована проблема категориального аппарата современного биографизма, рассмотрены возможности использования различных био-понятий в едином исследовательском пространстве с учетом осознания исходных научных традиций. Многообразие биографических моделей, предложенных за последние годы в биографической литературе, дополнены авторской моделью биоисториографического анализа. Проанализированы проблемы нарратизации, сценаризации биографических текстов, вопросы о дуэте «автор-герой», тезаурусном подходе в био-исследованиях, о категориях – предмет/объект, метод/подход, био-факт/био-источник и проч., предложены варианты структуры источниковой базы биоисториографических исследований. Наряду с теоретико-методологическим блоком проблем, автором представлена галерея портретов ученых-историков, профессоров Новороссийского университета (1865-1920): А.Г. Брикнера, А.И. Маркевича, Е.Н. Щепкина, Е.П. Трифильева, В.Э. Крусмана, А.В. Флоровского, П.М. Бицилли. Избранная форма – биоисториографический этюд, цель которого – создать *образ историка*, используя определенный контекст, различные композиционные варианты био-материала и применяя конкретный биографический ключ. Помимо персонологически ориентированных этюдов, дан абрис дисциплинарного сообщества русистов в Одесском (Новороссийском) университете на уровне кафедральной корпорации.

Идея симбиоза традиционных форм и радикально-революционных подходов из необъятного полидисциплинарного поля, из «восточных» и «западных» научных миров, рождающаяся на перекрестке интеллектуальных стратегий, – главный, по мнению автора, ориентир для обновленческого процесса *биоисториографии*, реактуализации и ресемантизации этого традиционного для отечественной науки понятия.

РЕЗЮМЕ

Попова Т.М. Життєпис вченого-історика на перехресті історіографічних традицій. Теорія. Методологія. Практика.

Висвітлено проблеми сучасного біографізму – наукового біоісторіописання. Порушено широке коло питань з теорії, методології та дослідницьких практик біографічного жанру. Проаналізовано значний діапазон інтелектуальних стратегій із різноманітних сфер соціогуманітаристики, плетиво яких дозволяє виявити евристично продуктивні ідеї, спрямовані на радикальне переформатування дослідницького інструментарію *біоісторіографії* – проблемного поля дисципліни історіографії (історії історичної науки). Фокус біоісторіографії зорієнтовано на студіювання особистості, життя та творчості істориків, репрезентація яких у книжці окреслена колом професійних вчених. Розглянуто інституціональний статус біографіки, біографістики, нової біографічної історії (нової біографіки). Акцентовано увагу на проблемі категоріального апарату сучасного біографізму, розглянуто можливості вживання різноманітних біо-понять в єдиному дослідницькому просторі з урахуванням первісних наукових традицій. Висунуто авторську модель біоісторіографічного аналізу, котра доповнює багатоманітні біографічні моделі, які циркулюють у сучасній біографічній літературі.

Опрацьовано проблеми наратизації, сценаризації, інструменталізації біографічних текстів, як-от дует «автор-герой», тезаурусний підхід в біо-дослідженнях, операційні категорії – предмет/об'єкт, метод/підхід, біо-факт/біо-джерело, варіанти структури джерельної бази біоісторіографічних досліджень тощо. Представлено галерею портретів вчених-істориків, професорів Новоросійського університету (1865–1920), зокрема образи О.Г. Брікнера, О.І. Маркевича, Є.М. Щепкіна, Є.П. Трифільєва, В.Е. Крусмана, А.В. Флоровського, П.М. Біциллі. Обрана форма – біоісторіографічний етюд, метою якого є конструювання *образу історика*, розгорнуте за певним контекстом, різноманітними композиційними варіаціями біо-матеріалу та конкретним біографічним ключем. Окрім персонологічно зорієнтованих етюдів, представлено абрис дисциплінарного співтовариства русистів у Одеському (Новоросійському) університеті на рівні кафедральної корпорації.

Обстоюється теза, що *ідея симбіозу* традиційних форм і радикально-революційних новацій з неосяжного полідисциплінарного поля, конфігурованого провідними парадигмами «східного» і «західного» академічних світів, є базовим дороговказом у процесі оновлення біоісторіографії, реактуалізації та ресемантизації цього традиційного поняття-інструмента вітчизняної науки.

SUMMARY

Tatiana N. POPOVA

Biography of a historian on the crossroads of historiographical traditions. Theory. Methodology. Practice.

This book is dedicated to modern *biographism* as a descriptive and analytical method of biographical research. The author addresses a wide range of questions pertaining to the theory, methodology and process of biographical research. Weaving together different intellectual strategies used in various fields of the humanities and social sciences helps reveal heuristically productive ideas oriented towards a radical renewal of the toolkit of *biographical historiography* as a field of historiography - the academic discipline dealing with the history of historical science.

Biographical historiography is heavily oriented towards the life history, personality, academic career and legacy of a historian. The institutional status of biographical research and new biographical history is discussed. The author emphasizes the problem of the conceptual apparatus of modern biographism, and examines the possibilities of using various terms and definitions in the generic research environment that take into account foundational scholarly traditions. The author's model of biographical historiographical analysis adds to a diverse set of models of biographical research that have been presented in biographical literature in recent years.

The author analyses the problems of the narrativization and scenarization of biographical texts as well as issues pertaining to the "author-character" duet, the thesaurus approach to biographical research, the concepts of subject/object, biographical fact/biographical source, etc. The author proposes alternative ways of structuring the sources for biographical research. Alongside theoretical and methodological aspects, the author provides a series of portraits of scholars – Professors of History at the University of Novorossia (1865-1920) (currently, Odessa I. Mechnikov National University): Alexander Brückner, Alexey Markevych, Eugeniy Schepkin, Eugeniy Trifiliev, Vladimir Krusman, Antony Florovsky and Peter Bitsilli. The author uses the form of a biographical historiographical study in order to create a *historian's image* based on a certain context and various compositional elements of biographical material, and a concrete biographical key. In addition to these person-oriented studies, the author provides a description of the professional society of Russianists at the University of Novorossia at the level of the departmental corporation.

According to the author, the *idea of symbiosis* between traditional forms and radical and revolutionary approaches of multidisciplinary scholarship from the "Eastern" and "Western" scientific worlds that appear at intellectual crossroads, should serve to orient the renewal of biographical historiography. This will allow scholars to once again employ a concept traditionally used in the Ukrainian academic community and to give it new meanings.

Наукове видання

Попова *Тетяна Миколаївна*

ЖИТТЄПИС ВЧЕНОГО-ІСТОРИКА НА ПЕРЕХРЕСТІ ІСТОРІОГРАФІЧНИХ ТРАДИЦІЙ. Теорія. Методологія. Практика

(російською мовою)

Худ. оформлення:
Ідея – *Т.М. Попова*
Дизайн та комп'ютерне верстання – *О. В. Бевзюк*

Здано у виробництво 29.05.2017 р. Підписано до друку 05.07.2017 р.
Формат 70×100/16. Папір офсетний. Гарнітура TimesNewRoman.
Друк офсетний. Ум. друк. арк. 37,05. Наклад 300 прим.
Зам. № 2905/3.

Надруковано у друкарні «Апрель»
ФОП Бондаренко М. О.
65045, м. Одеса, вул. В. Арнаутська, 60
тел.: +38 0482 35 79 76
www.aprel.od.ua

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців ДК № 4684 від 13.02.2014 р.

